

Александр
РЕДИГЕР

ИСТОРИЯ
МОЕЙ
ЖИЗНИ

2

АЛЕКСАНДР
РЕДИГЕР

ИСТОРИЯ
МОЕЙ
ЖИЗНИ

ВОСПОМИНАНИЯ
ВОЕННОГО МИНИСТРА

2

*ВОСПОМИНАНИЯ ПОЛКОВОДЦЕВ
И ВОЕНАЧАЛЬНИКОВ*

~~C. Leguado~~

ФЕДЕРАЛЬНАЯ АРХИВНАЯ СЛУЖБА РОССИИ
РОССИЙСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ВОЕННО-ИСТОРИЧЕСКИЙ
АРХИВ

АЛЕКСАНДР
РЕДИГЕР

**ИСТОРИЯ
МОЕЙ
ЖИЗНИ**

ВОСПОМИНАНИЯ ВОЕННОГО
МИНИСТРА

В ДВУХ ТОМАХ
ТОМ 2

МОСКВА
«КАНОН-ПРЕСС-Ц»
«КУЧКОВО ПОЛЕ»
1999

**ББК 84.(2Рос=Рус)6
Р33**

*Под общей редакцией И. О. Гаркуши и В. А. Золотарева
Подготовка текста, вступительная статья, примечания и
указатель имен — Л. Я. Саев, Н. В. Ильина
Ответственный редактор издательства — Г. Э. Кучков
Оформление — Н. Д. Саркитов*

Редигер А.

Р33 История моей жизни. Воспоминания военного министра. В 2-х томах. / М.: «Канон-пресс-Ц», «Кучково поле», 1999. Том 2; 528 с.

Имя Александра Федоровича Редигера (1853 — 1920), военного министра России 1905 — 1909 гг., участника освободительной Русско-турецкой войны 1877 — 1878 гг., профессора Николаевской академии Генерального штаба мало знакомо широкому читателю. Между тем А. Ф. Редигер — крупный государственный деятель, стоявший во главе военного ведомства в один из самых сложных периодов российской истории.

Воспоминания Редигера — выдающийся образец принципиальной, смелой и одновременно взвешенной оценки как обстоятельств собственной жизни, так и важнейших исторических событий, включая характеристики людей, игравших в этих событиях ведущие роли.

Многие взгляды и чувства автора, его размышления над судьбами Родины поразительно созвучны пониманию проблем военно-политического, экономического и духовного развития России конца XX столетия.

1-й том включает воспоминания А. Ф. Редигера о событиях с 50-х гг. XIX в. до 1907 г. 2-й том — о событиях 1908 — 1818 гг.

М 4703000000—14 Без объявл.
2ШО(03)—99

ББК 84.(2Рос=Рус)6

ISBN 5-87533-115-1

© Российский государственный военно-исторический архив

© Подготовка текста, вступительная статья, примечания Л. Я. Саев, Н. В. Ильина

© Оформление. «КАНОН-пресс-Ц», 1999,

ГЛАВА ВОСЬМАЯ

«Начало 1906 года явилось завершением старого режима». — «Беспорядки в стране продолжались». — Ф. Ф. Палицын. — Возвращение в Петербург А. Н. Куропаткина и Н. П. Линеви- ча. — Дело генерала И. В. Холщевникова. — Закон о пенсиях. — О сокращении сроков службы — А. А. Поливанов. — Открытие Думы. — П. А. Столыпин. — Любимый полк государя. — О Гвардии. — Некомплект офицеров в армии. — Террор против власти. — «Я Столыпина виню в жестокости». — Проблемы финансирования армии

Начало 1906 года явилось завершением старого режима. Весной должна была собраться новая Государственная Дума, и к тому времени необходимо было закончить издание новых законов, регулирующих новый режим: законов основных, финансовых, о новом устройстве Государственного Совета, о верховных судах — Уголовном и Военно-уголовном и проч. При этом, между прочим, возникал вопрос о военной смете, буду ли я настаивать на сохранении предельного бюджета? Я сразу вполне категорически от этого отказался. Я уже говорил о том, что предельный бюджет при недостаточности ассигнований не представлял ничего заманчивого; но кроме того, выделение военного ведомства из ведения Думы должно было вызвать со стороны последней враждебное отношение к Военному министерству; между тем, без Думы я все равно не мог бы получить нужных для армии средств!

Все эти законы разрабатывались и утверждались в спешном порядке, дополнялись и согласовывались, так что в них даже трудно было разобраться до окончательной их кодификации. Как на пример, укажу: указания о том, что назначенные

государем члены Государственного Совета не могут быть увольняемы от должностей без их о том просьбы, было вставлено как-то под самый конец, при окончательной редакции закона о новом Государственном Совете*.

Беспорядки в стране продолжались, и войска требовались всюду, для поддержания порядка. Палицын мне говорил, как командир одной из кавалерийских бригад, генерал Крыжановский, ему доказывал в особой записке, что беспорядки быстро были бы прекращены, если бы войска действовали более энергично или, вернее говоря, более беспощадно, не останавливаясь перед сжиганием деревень. Эту записку Палицын передал Дурново и Витте, которые стали приставать ко мне, чтобы я дал соответствующее распоряжение. Я вовсе не хотел обращать войска в палачей или в экзекуционные команды, так как считал, что это не их призвание и, кроме того, это весьма опасно: войска легко при этом разнуздаются и обратятся просто в грабителей, а население возненавидит армию и не будет давать средств на удовлетворение ее нужд! Но Дурново и Витте настаивали, и я предложил им самим разработать те указания, которые они желали бы преподать войскам. Дурново составил проект инструкции** и внес ее в Совет министров, где она рассматривалась 10 января. По этой инструкции войскам предписывалось не останавливаться ни перед чем, лишь бы добиться поставленной им цели. Для красоты слога говорилось, что отрядами должны командовать опытные, спокойные штаб-офицеры. Инструкцию мне предлагалось преподать войскам «в инструкционном порядке».

Я заявил, что не стану спорить, нужна ли такая инструкция или нет, но прошу пояснить мне, имею ли я право послать полк, чтобы сжечь хоть Колпино, где рабочие бунтуют! Если я, министр, не имею этого права, то как же я могу в инструк-

---

* Коковцов принимал близкое участие в разработке всех новых законов, но про эту статью ничего не знал. На заседании Совета министров 20 мая он говорил, что назначенные члены Государственного Совета находятся во власти правительства, так как они могут быть уволены от службы; я сказал, что закон их от этого ограждает. Коковцов спорил и предложил мне пари на пять рублей. Долго я рылся в разных законах нового издания, пока не нашел нужную статью. Коковцов был ей очень рад и с удовольствием вручил мне свой проигрыш.

** Не помню — может быть она была взята из записки Крыжановского?

инструкционном порядке уполномочивать на поджог городов и деревень всех начальников отрядов? Затем еще: с указаниями на желательные качества начальников отрядов я согласен; для красоты слога можно еще добавить, что он должен быть человеколюбив, беспристрастен и проч. Но откуда взять таких начальников отрядов? Вероятно, большинство полковых командиров, как назначаемых с особым выбором, отвечали бы этим требованиям, но отнюдь не все штаб-офицеры; отрядов же рассылается столько, что они бывают силой всего в роту или полуроту, а в кавалерии — взвод. Очевидно, что такими отрядами будут командовать не отборные штаб-офицеры, а случайные офицеры, вернее всего, поручики и при том — либо трезвые, либо пьяные! Имею ли я право делегировать этим начальникам власть, мне самому не принадлежащую? Да признает ли Совет это вообще желательным при таких условиях? Вите тотчас заявил, что действительно на нем настаивать нельзя, и он был отклонен без прений. Решено только подтвердить, что войска должны добиваться выполнения задач, которые им будет ставить гражданское начальство.

Вся эта история имела весьма некрасивый вид: при прямом отказе с моей стороны можно было говорить, что я недостаточно энергичен и поэтому деятельность войск недостаточно успешна; в случае же моего согласия, вся ответственность за последствия упала бы на меня; а между тем последствия должны были быть ужасными для населения, могли вызвать прямое восстание и совершенно деморализовать войска. Любопытно и то, что хотели, чтобы я это проделал «в инструкционном порядке» от себя, а не решались ни внести законопроект в Государственный Совет, ни испросить высочайшее повеление!

При следующем моем личном докладе, 14 января, я доложил государю весь этот инцидент. Он одобрил мой ответ и только спросил, почему я хотел бы сжечь именно Колпино? Я сказал, что назвал его именно потому, что в последнее время там были беспорядки и, если я любому офицеру могу разрешить сжечь любую деревню, то должен же сам иметь право сжечь и Колпино!

17 января у меня был князь Андроников и передал мне, что государь говорил великому князю Константину Константиновичу, что весьма доволен мною; не знаю, находилось ли это в связи с моим докладом 14 января о дебатах в Совете министров?

Роль Палицына в данном вопросе наводит на размышление: ожидал ли он действительно пользу от беспощадности войск, или же затеял это дело, чтобы подвести меня? Я склонен верить первому, так как около этого времени в Прибалтийский край были двинуты карательные экспедиции Орлова и других, которые действовали именно в таком духе, вероятно, по приказанию великого князя Николая Николаевича, и первое сведение о том, что Палицын интригует против меня, я получил (без указания подробностей) от великого князя Константина Константиновича только 20 июля 1906 года, поэтому готов поверить, что он целый год относился ко мне действительно хорошо.

Внешне наши отношения были отличные. По вторникам мы вместе ездили с докладом к государю и по пути туда и обратно успевали переговорить о всяких делах. Доклад его был после моего, поэтому он в Петергофе, где расстояние до помещения было большое, вовсе не попадал туда, а в Царском лишь иногда на несколько минут, чтобы закусить остатками моего завтрака, поэтому я всегда делал несколько бутербродов, которые отвозил ему на железную дорогу, если ему не удавалось захватить ко мне в помещение. Он, в свою очередь, оказал мне курьезную любезность: 4 мая государь осматривал топографские работы 1904 и 1905 гг., произведенные Корпусом топографов, подчиненным Палицыну; за эти работы, произведенные неподведомыми мне чинами, он испросил и мне «искреннюю признательность» государя, объясняя мне, что все же считает меня главой всего военного ведомства.

Только к началу 1906 года Палицын разработал проект устройства своего Управления и штаты для него. Он много лет мечтал о своей тогдашней должности и в комиссии у великого князя, весной 1905 года, уже вполне определенно указывал будущую организацию Главного управления Генерального штаба, но до конца года никак не мог принять окончательного решения.

Ему хотелось иметь у себя, сейчас, три отдела: генерал-квартирмейстера, военных сообщений и топографический, к которым добавить, впоследствии, еще один: войск сообщения; сверх того, он хотел иметь при себе, в виде центрального органа, канцелярию из представителей всех этих отраслей. Я с ним часто беседовал о будущей организации его Управления и настаивал на том, чтобы он отказался от этой канцелярии, так

как он должен работать с начальниками отделов, объединять их деятельность и не иметь от них секретов; с этим он, наконец, согласился. Затем, я его уговаривал иметь не одного, а двух генерал-квартирмейстеров, для Европейского и Азиатского фронтов, но он не захотел.

Его проекты положения и штата подлежали рассмотрению Военного совета; на заседание 12 января Палицын приехал сам; я ему, как лицу мне не подчиненному, отвел почетное место правее себя. Проект вызвал сильные возражения. Палицын защищал его слабо и ограничился заявлением мне на ухо, что если проект не пройдет, то он не сможет оставаться в должности! Мне удалось провести проект, хотя и с трудом: дебаты длились четыре часа с четвертью.

Ввиду значительности нового расхода, проект вызвал возражения и со стороны Министерства финансов и Контроля, и дело перешло в Особое совещание, в котором, вместо Сольского, уже председательствовал Тернер. Палицын очень остроумно уехал за границу чуть не накануне заседания (21 марта) Особого совещания, где мне приходилось защищать чужой штат, с которым я сам не был согласен, защищать расходы из моей же сметы! Но тут мне помогла сама сложность моего положения: оппоненты отказались от своих возражений, не видя перед собою автора штатов*.

Штаты, действительно, были составлены широко, и вначале многие чины Управления не знали, что им делать? Один офицер Генерального штаба даже подал об этом рапорт, заявив, что он уже столько-то месяцев сидит без дела. Я лично о работе этого Управления не имел ни малейшего представления. Слабая деятельность его вначале объяснялась, конечно, и крайней нерешительностью Палицына; он чуть ли не на третьем году своего руководства Генеральным штабом говорил мне, что его Управление еще разрабатывает программу предстоящей ему работы и методы ее выполнения!

Министерство внутренних дел собрало сведения о настроении населения, и сообразно этому просили распределить войс-

---

* Я еще советовал Палицыну принять для своего Управления строевые оклады содержания (жалование по чинам), чтобы облегчить обмен лиц между Управлением и войсками. Он не согласился, так как тогда не располагал бы остатками от содержания, а впоследствии жаловался, что упомянутые переводы затрудняются различием в окладах содержания.

ка; у великого князя Николая Николаевича по этому вопросу два раза, 28 января и 1 марта, были совещания с Витте и Дурново, чтобы сколько-нибудь согласовать наши интересы; обучением войск в этом году пришлось поступиться ради полицейской их службы. Полицейская стража только что формировалась и еще долго имела весьма пестрый состав; некоторые отряды были составлены из запасных чинов местных кавалерийских полков и сразу стали надежной силой, тогда как другие еще долго оставались почти бесполезными.

Громадную службу тогда сослужили России льготные казачьи части; между тем, вызов этих частей грозил разорением самому казачьему населению, так как у него оставалось мало рабочих рук для выполнения полевых работ; кроме того, льготные казаки обносились и им, по справедливости, надо было помочь в поправке своего обмундирования и снаряжения. Главное управление казачьих войск и его начальник, генерал-лейтенант Щербов-Нефедович, об этом не подумали, и оба этих вопроса я поднял лично. Когда я в конце 1905 года заговорил об этом, то Щербов-Нефедович мне сказал, что войсковые начальства об этом не просят, да и откуда взять столько денег? Я приказал затребовать по телеграфу сведения о стоимости найма рабочих вместо отсутствующих хозяев; сведения получились самые разнообразные, так как и местные условия были весьма различны. Я остановился на сумме пособия в 100 рублей семье каждого призванного казака, причем требовался отпуск около семи миллионов рублей — суммы крупной, а при тогдашнем безденежье, даже огромной. Я доложил государю, что возбуждаю ходатайство об отпуске этой суммы. Он выразил не только полное согласие, но и сожаление, что не может выдать из своего кармана; в таких случаях он готов завидовать американским миллиардерам, которые не знают куда девать свои деньги. Министерство финансов не преминуло выторговать себе скидку и согласилось на пособие в 75 рублей. В конце февраля Государственный Совет разрешил нам на это кредит в 5175 рублей; таким образом, на службе тогда было около семидесяти тысяч казаков второй и третьей очередей. Мера эта произвела на казаков самое лучшее впечатление, устранив опасение за разорение хозяйства и неудовольствие вызовом на службу. В последующие годы такие же пособия разрешались Советом министров без возражений.

В виде награды казачьим войскам и для возможного обеспечения их существования в будущем, в начале 1906 года, по личному указанию государя, им были пожалованы грамоты, коими подтверждались их права на земли, которыми они владели. Помнится, что часть грамот я мог тотчас представить к подписи, часть должна была обсуждаться в Совете министров, а некоторым войскам нельзя было выдать грамот за неопределенностью их владений*.

Всем вообще войскам, при вызове их на содействие гражданским властям, были испрошены добавочные оклады, как офицерам, так и нижним чинам; я считал это полезным, как для обеспечения войск, так и для того, чтобы их меньше трепали в виду потребного при вызове расхода.

Ввиду брожения в стране, при котором более всего волновалась и буянила молодежь, мы, конечно, с известным беспокойством относились к прибытию в войска новобранцев: каково будет их настроение и как они будут поддаваться воспитанию? К удивлению, в конце 1905 и в начале 1906 года сведения стали получаться крайне утешительные, что новобранцы ведут себя лучше и занимаются усерднее, чем когда-либо! Вероятно, это в значительной степени зависело от более усердной работы офицеров, но, тем не менее, явилось совершенной неожиданностью, крайне утешительной, дававшей уверенность в восстановлении качеств армии, как только ей вновь дадут возможность заниматься своим делом.

Улучшение быта нижних чинов давало благие результаты — все насущные потребности солдата были обеспечены, пища была отличная, и я распорядился, чтобы о всех случаях появления в войсках цинги производилось расследование для доклада мне, так как главная причина ее возникновения, плохое питание, уже была устранена. Затруднение представило, однако, заготовление вновь введенных предметов: одеял, постельного белья, носовых платков, так как на рынке готового товара было мало. Кроме того, Министерство финансов для сокраще-

---

* Грамоты, прошедшие через Совет министров, к подписи представил Витте, и он же, получив их обратно подписанными, скрепил их. Государь потом выражал мне сожаление, что их скрепил Витте, а не я; по-видимому, он считал, что в таком виде грамоты являются уже не личной его милостью, а актом правительства. Грамоты не могли быть выданы, кажется, Амурскому, Уссурийскому и Семиреченскому войскам.

ния сметы настояло перед Государственным Советом на уменьшении сметных цен, обещая нам добавить сколько нужно, если заготовление обойдется дороже; из этого вышло новое затруднение: войска готовы были сами заготавливать новые предметы довольствия и, действительно, могли бы помочь Министерству в этом отношении, — но мы могли им давать лишь сметные цены, по которым ничего нельзя было заготовить. Само Интендантство заготавливало с торгов по более высоким ценам, зная, что Министерство финансов должно будет заплатить разницу в ценах, торговых и сметных; войска же недоумевали, почему им в таких же ценах отказали, а все заготовление затягивалось, и нижние чины претендовали, что им не дают обещанного, и все это только для того, чтобы обманно уменьшить на несколько миллионов предстоявшие расходы и неизбежный дефицит по смете на 1906 год! Я не думаю, что подобный обман при составлении государственной росписи когда-либо приносил пользу; он должен, наоборот, подрывать всякое доверие к цифрам росписи, а следовательно, вредить кредиту государства. Добавлю еще, что наши переплаты против сметных цен Министерство финансов возмещало нам крайне медленно, оспаривая каждую цифру и задерживая платежи.

В конце января из Кубанской области вернулся генерал Дукмасов, командированный туда для расследования бывших там беспорядков, о которых я уже упоминал. Оказалось, что больше всего бунтовали части резервной пехотной бригады, стоявшие на Северном Кавказе, а кубанские казаки стали бунтовать сдуру и спьяну, не имея хороших офицеров. Любопытная подробность: против бунтовавших казаков станицы Келермесской был двинут отряд кубанских же казаков, но до столкновения бунтовщиков успели уговорить старики из соседней станицы, кажется, Белореченской.

В январе в газетах появились сведения о приезде Субботича в Туркестан и о речи, с которой он обратился к встретившим его чинам администрации и представителям от местного населения. Речь была крайне либеральная. Субботич сказал, что населению уже дарованы всякие свободы и он их будет охранять; он, однако, вполне понимает стремление к дальнейшему расширению свобод, но оно должно идти законным путем!

Об этой речи меня тогда же с удивлением и неудовольствием спрашивал государь, великий князь Николай Николаевич и

многие другие; мое положение было неприятно, так как я провёл Субботина на должность. Я написал Субботину частное письмо, спросил его, правда ли то, что написано в газетах, и советовал таких вещей не говорить. Субботин мне ответил, что правда, и обещал впредь держать язык за зубами. Мне до сих пор не ясно, зачем он тогда сказал эту речь? Для популярности или он серьёзно думал, что мы стоим накануне дарования новых свобод и что он, как генерал-губернатор, хотя и в центре Азии, должен говорить политические речи? Дело это тогда заглохло, и я до осени не имел никаких вестей о том, что происходит в Туркестане и как Субботин ведёт себя там. Из других округов все же приезжали в Петербург старшие начальники, привозившие вести о происходящем в округе (мне или великому князю Николаю Николаевичу, или Палицыну), я получал также сведения от министров внутренних дел и юстиции (донесения прокуроров судебных палат), но из азиатских округов никаких таких сведений не было.

В начале 1906 года был образован Комитет по образованию войск, о котором я уже говорил. Первым председателем его я избрал члена Военного совета генерала Мылова, командовавшего на войне 8-м корпусом. С войны он вернулся совсем больным и только по моей настоятельной просьбе взялся за новое дело, которому вполне сочувствовал. Я его знал мало, но он на меня производил отличное впечатление человека умного, твердого, вполне порядочного. К сожалению, его здоровье вскоре ухудшилось, он отказался от должности и в ...* году был заменен Скугаревским**.

Образованная в конце 1905 года Высшая аттестационная комиссия стала заседать весьма усердно, в течение первых трех месяцев было девять заседаний***. За это время были рассмотрены все имевшиеся аттестации (старого типа) на генеральских чинов и намечено — кто подлежит выдвигению. Об увольнении за негодностью еще не могло быть речи, так как новые правила аттестования и увольнение в аттестационном порядке,

* Пропуск в тексте.

** Генерал от инфантерии А. П. Скугаревский был назначен на должность 20 января 1907 года. В 1908 году у Мылова был удар и его пришлось перечислить в неприсутствующие члены Военного совета (Сост.).

*** Положение о ней было утверждено лишь 6 апреля 1906 года.

задержанные Советом государственной обороны, мне удалось провести в жизнь только в конце года. Эти заседания комиссии были особенно полезны в том отношении, что между ее членами установилась большая общность взглядов на требования, которые должны предъявляться к кандидатам на высшие должности. Я неизменно настаивал на возможной строгости выбора и чтобы интересам службы придавалось большее значение, чем интересам отдельных лиц; в принципе со мной соглашались, но на деле были послабления, с которыми я боролся в меру сил. По моей инициативе, комиссия приняла принципиальное решение, что начальник, признанный негодным для данной должности, не может вновь получать такую же должность, хотя бы в другом округе. Это было важно потому, что до тех пор лиц, признанных непригодными, обыкновенно не увольняли, а норовили перевести на равную должность в другом месте. Эти же заседания подготавливали почву для более сочувственного отношения к учреждению аттестационных комиссий в войсках.

Я уже упоминал о том, что вносил в комиссию сведения о процессе барона Меллера-Закомельского с дочерью и его объяснения по этому поводу. Еще в двух других трудных делах Комиссия мне помогла разобраться, а именно в делах генералов Поппена и Уссаковского.

Поппена я знал по его службе в Генеральном штабе в Петербургском округе — благовоспитанный балтийский немец, со средствами, всегда элегантный, он производил на меня впечатление добросовестного, но довольно ограниченного работника. До войны он командовал дивизией в Киевском округе. Дивизия его была мобилизована для отправки на Восток, но Поппен заявил, что он по болезни глаз в поход идти не может, и ему дали другую дивизию в Риге*. В конце 1905 года в Риге были большие беспорядки. Поппен оказался начальником гарнизона в Риге под начальством Соллогуба, которому были присвоены права командующего войсками относительно войск, находящихся в Прибалтийских губерниях. О том, что происхо-

---

* Военный министр Сахаров мне рассказал, что государь приехал благословлять в поход бывшую дивизию Поппена, которой тот еще не сдал. Поппену, стоявшему на правом фланге, государь не подал руки. Поппен все же остался на службе, не только во время войны (когда отставок не было), но и после ее окончания.

дило в Риге в конце 1905 года, я имел лишь весьма смутные сведения; известно было о беспорядках, о забастовках, о том, что из засады убили нижних чинов (помнится, драгун), но каковы были силы бунтующих и что делал гарнизон, был ли он в силах, при должном руководстве, восстановить порядок, — нам не было видно.

В начале января в Петербург приехал сам Поппен для доклада о тяжелом положении гарнизона и с просьбой поддержки; таковой, конечно, невозможно было не дать, и ему лишь пришлось указать, что надо действовать энергично, так как иначе никаких сил не хватит. Одно лишь заявление его оказалось существенным, что артиллерийская бригада, приданная его дивизии, не имеет боевых припасов, разве по два-три выстрела на орудие! Потом выяснилось, что его артиллерийскую бригаду, как уже перевооруженную скорострельными орудиями, отправили на войну, а его дивизии придали временно другую бригаду, которая по распоряжению артиллерийского начальства, во избежание лишних хлопот, приехала в Ригу без боевых припасов! Помнится, что первое снабжение таковыми она получила из запасов Усть-Двинской крепости, до чего в Риге не додумались. Пробыв в Петербурге два-три дня, Поппен уехал назад в Ригу.

Вслед за тем, один отставной генерал (фамилии не помню), живший в Петербурге, прислал мне письмо от своего сына, служившего в Риге, в упомянутой артиллерийской бригаде. В этом письме были изложены события, происходившие в Риге, и описана деятельность ее гарнизона. Последний был в беспрепятственных и непомерных нарядах, караулы (даже с артиллерией) были расставлены по городу, стояли сутками на улицах, но неизвестно для чего, так как войскам не приказывали действовать. Помнится, что даже с бунтарями, предательски убившими драгун, а затем укрывшимися в заводском здании, завели какие-то переговоры, во время которых они убежали. Картина была безрадостная — делалось все, чтобы истомить и деморализовать гарнизон! Далее, я получил сведения, что Поппен, боясь революционеров, выехал из Риги в штатском платье и в таком виде прибыл на казенную квартиру своего сына, служившего в л.-гв. Конном полку.

Слабость и нерешительность в руководстве войсками, неумение распорядиться ими при подавлении беспорядков были

явлением общим. Таков уж был состав высших начальников, благодушных и приученных бояться инициативы и ответственности. О перевоспитании их не могло быть и речи — надо было устранять особенно плохих и заменять их более молодыми, от которых можно было ожидать, что они будут лучше. Главным виновником в Риге за неправильное употребление войск был Соллогуб, но его смена зависела не от меня, поэтому я о его действиях лишь мог сообщить графу Витте, а со своей стороны — дать ему указания, заведомо бесплодные. Но поездку Поппена, страха ради, в штатском платье, я считал недопустимой; самый факт оставления им гарнизона, находившегося в трудном положении, ради доклада, который мог провести любой толковый офицер, я тоже считал неуместным и считал, что такой генерал нетерпим на службе. Запрошенный мною командующий войсками Виленского округа генерал Фрезе был того же мнения. Я представил дело в Высшую аттестационную комиссию, которая на заседании 5 января постановила немедленно его уволить, и постановление ее было высочайше утверждено*. Поппену было предложено подать в отставку, что он и исполнил. Но затем он стал просить о подробном расследовании дела, причем Соллогуб и лифляндский губернатор Звегинцов(?) усердно поддерживали его; дело было вновь внесено в Комиссию, которая осталась при прежнем мнении.

При отсутствии тогда способов к увольнению по непригодности, приходилось увольнять в дисциплинарном порядке, что конечно имело позорящий характер; порядок этот был предусмотрен в дисциплинарном уставе, но до меня к высшим чинам, кажется, никогда не применялся.

Когда весной 1906 года был объявлен новый закон о пенсиях по военному ведомству, Поппен просил о пенсии по этому закону, для чего не было никаких оснований. Он подал жалобу в Сенат на свое увольнение, но Сенат ее отверг, так как оно состоялось в законном порядке. Тогда он просил сколько-нибудь усилить его пенсию, так как его имение в Прибалтийском крае было разграблено и он разорен — эта просьба его была исполнена.

Уссаковский, отчисленный в декабре 1905 года от должности начальника Закаспийской области в мое распоряжение, в

---

* Тогда же было решение уволить еще одного начальника дивизии, Нечаева, кажется, за пьянство при нижних чинах.

начале года приехал в Петербург и заявил, что за собой не чувствует вины — он действовал в духе Манифеста 17 октября и считал долгом допускать проявление всяких «свобод». Для выяснения всех обстоятельств дела я 11 февраля поручил генерал-лейтенанту Бородкину расследовать его. Это расследование и объяснения Уссаковского были рассмотрены в Высшей аттестационной комиссии, которая решила не давать ему нового строевого назначения, поэтому он был уволен от службы. По причинам, мне не ясным, за Уссаковского очень хлопотал Палицын.

Начальником дивизии в Ревеле был Генерального штаба генерал-лейтенант Воронов, которого я знал давно* и считал мало пригодным к чему-либо. Великий князь Николай Николаевич был им очень недоволен (кажется, винил его в личной трусости) и просил немедленно его убрать. Я его взял в свое распоряжение на шесть месяцев и внес вопрос о нем в Высшую аттестационную комиссию. Великий князь заявил, что он у себя ему дивизии дать не может; я ответил, что по уже принятому нами решению тот тогда не может получить дивизии и в другом округе, и он был уволен от службы. Воронов почему-то (по делам благотворительности?) был известен одной из императриц и подал ей прошение, которое государь передал мне, говоря, что Воронов просит об усилении ему пенсии. Просматривая тут же прошение, я увидел, что Воронов просится в сенаторы или хотя бы усиления пенсии. Претензия Воронова попасть в Сенат оказалась мне до того курьезной, что я сказал: он просится в Сенат! На что государь мне ответил: «Я вам об этом не говорю, а только о пенсии». Пенсия была увеличена.

Во всех этих случаях Комиссия мне сильно помогла, снимая с меня обязанность единолично решать участь людей, которые притом сами не сознавали своей вины. Упомяну здесь, кстати, об одном рассказе великого князя Николая Николаевича перед заседанием Комиссии 2 января. Отозвав меня и Палицына, он нам сказал, что у генерала от инфантерии Паренсова, состоявшего тогда в моем распоряжении, собираются офицеры и там какой-то полковник Павлов уговаривал офицеров заменить государя великим князем Михаилом Александровичем и арестовать Витте. Он прибавил, что уже сделано распоряжение на-

---

* Он был приятелем Березовского и служил в Петербургском округе.

блюдать за Паренсовым, но его больше всего в этом сведении поразило то, что хотят арестовать Витте, а ведь именно Витте хотел бы возвести на престол Михаила Александровича! Никогда ни до, ни после этого* я не слыхал ничего о чем-либо намерении свергнуть государя и заменить его великим князем Михаилом Александровичем; я только знал от бывшего воспитателя великого князя, генерала Чарторийского, что он был крайне счастлив, когда с него было снято звание наследника, и что он только и мечтал о частной семейной жизни. Подозрения против Паренсова, очевидно, тоже оказались ложными, так как он вскоре был назначен на доверенный пост петергофского коменданта. Невольно является подозрение — не были ли эти сведения получены великим князем спиритическим путем?

Я уже говорил, что в конце 1905 года было решено отозвать Линевица, заменив его Гродековым. Во избежание подрыва авторитета главнокомандующего, цель поездки Гродекова на Восток держалась в полной тайне и даже самому Линевицу было лишь сообщено, что Гродеков едет к нему по особому высочайшему повелению, да и эта телеграмма была отправлена, лишь когда Гродеков уже был около Иркутска. Гродекову были даны с собой рескрипты на имя Линевица, Куропаткина и Батьянова, которыми они увольнялись от должностей. Гродеков выехал с небольшой свитой в особом поезде 21 января.

Куропаткина государь не желал видеть, а потому в рескрипте на его имя, по моему предложению, ему предписывалось вернуться через Владивосток, морем, для наблюдения за порядком отправления запасных этим путем. Имелось в виду, по прибытии его в один из портов Черного моря, предложить ему пожить в своем имении в Сочи; но он телеграммой на имя государя просил разрешения, ввиду пострадавшего здоровья, вернуться сухим путем. Разрешение было дано через Фредерикса, причем, насколько я знаю, Куропаткину было предписано жить в своем имении в Псковской губернии; лишь позднее ему был разрешен приезд в Петербург, и он даже был принят государем. Он остался генерал-адъютантом и не получил иного назначения.

Увольнение от должностей было совершенной неожиданностью для Линевица и Куропаткина**. Гродеков, по приезду в

---

* До 1917 года.

** Батьянов, помнится, уехал уже раньше в отпуск.

Главную квартиру Линеви́ча, раньше всего пригласил его к себе в вагон, где передал ему рескрипт, а уж затем вышел к почетному караулу. Линеви́ч и Куропаткин выехали через два-три дня, что им было нетрудно, так как они жили в поездах.

Куропаткин еще на театре войны начал составлять подробную историю войны, которую по его указаниям писали несколько офицеров Генерального штаба.

История эта составлялась под видом всеподданейшего отчета бывшего главнокомандующего. Я вовсе не имел времени знакомиться с этой историей; на мое счастье, суждение о ней и не входило в обязанность Военного министерства, а было делом Палицына. По отзывам его и других лиц, читавших этот труд, он являлся панегириком самому Куропаткину, но зато забрасывал грязью всю армию: генералов, офицеров и нижних чинов. По докладу Палицына этот труд был положен под сукно, и только несколько десятков или сотня экземпляров были розданы отдельным лицам. Какие-то экземпляры все же попали за границу, где стали выходить переводы этой истории. Чрезвычайно верную оценку этому самовосхвалению Куропаткина дал в какой-то немецкой газете известный военный писатель Гедтке, сравнивший его с другим неудачным полководцем, Бенедекком¹.

В поражении австрийцев в 1866 году был, очевидно, виноват не один Бенедек: виноваты были и его ближайшие подчиненные, и войска, и неправильная подготовка к войне, а часть вины, вероятно, падала и на императора, бывшего при его армии, но Бенедек всю вину принял на себя. Он ушел в частную жизнь, скрылся от всех и, невзирая на сыпавшиеся на него нападки и обвинения, сохранял полное молчание; мало того, после его смерти у него не нашли не одной строки самооправдания, ни одного припрятанного документа! Приведя Бенедека как пример полководца несчастного, но обладавшего величием души и патриотизмом, Гедтке противопоставляет ему Куропаткина, непризнающего себя виновным ни в чем и сваливающего всю вину в неудачах на своих подчиненных, не стесняющегося чернить армию и даже инсинуирующего на вред от получавшихся им свыше указаний. Едва ли можно более убийственно охарактеризовать мелкую личность Куропаткина, чем то сделал Гедтке.

Приятель Куропаткина, Сухотин, вероятно, в 1907 году, высказал самому Куропаткину горькую правду по тому же по-

воду. Приехав в Петербург Куропаткин закупил целую коллекцию книг по военной истории и стратегии, которые он собирался везти с собою в деревню. Сухотин, увидя книги, спросил, не собирается ли он готовиться к роли главнокомандующего в новой войне? Куропаткин ответил утвердительно; он был убежден, что без него не обойдутся. Сухотин ему сказал, что это невозможно, так как никто не захочет служить с ним: ведь в своих промахах он винит подчиненных и выдает их с головой*.

Против возвращавшегося из армии Линевица имелась целая серия обвинений в бездействии власти: раньше всего, его обличало собственное его письмо, о котором я уже говорил. Затем, командующий одной из армий, Батьянов, представил Линевицу записку, в которой указывал на необходимость поддержания более строгого порядка в войсках и просил Линевица, если тот не согласится с запиской, представить ее высшему начальству, что тот и сделал. Барон Бильдерлинг, по возвращению из армии, представил мне записку в том же духе; наконец, были еще упомянутые выше обвинения со стороны барона Меллера-Закомельского. Наконец, он не исполнил высочайшего повеления о скорейшем возвращении войсковых частей, а в первую голову посылал запасных, чем ставил нас в крайне трудное положение.

Исходя из принципа, что безответственных должностей нет и что именно к старшим чинам должны предъявляться наиболее строгие требования, я считал, что и Линевич подлежит ответственности за бездействие власти, имевшее весьма важные последствия: подрыв порядка и дисциплины в армии и даже революционизирование части ее, полная революция в тылу армии, прекращение движения по Сибирской железной дороге; сверх того он должен был оправдаться в неисполнении высочайшего повеления. Я уже готов был верить, что он действовал без заднего умысла, по прирожденной глупости или по старческому слабоумию**;

---

* Рассказано мне Н. Н. Сухотиным.

** От приехавших из армии лиц я уже получил сведения о старческой забывчивости Линевица. Впоследствии Куропаткин, для характеристики Линевица, говорил мне, что когда началось восстание во Владивостоке, то Линевич упорно твердил, что это аграрные беспорядки, хотя для таковых там не было никакого повода.

оно создало бы всемирный скандал; но я считал, что он должен быть уволен от службы, чтобы установить пример в получении всем будущим главнокомандующим и более мелким начальникам.

При моем личном докладе 11 февраля государь согласился на увольнение Линевица от службы, тем более, что по справке из Главной квартиры тот при этом лишался генерал-адъютантского мундира, а при следующем моем докладе подписал указ об его увольнении. Объявить его предполагалось через несколько дней, когда Линевиц выедет из Сибири и перевалит Урал, но вслед за тем я получил приказание: приостановить увольнение Линевица.

Личный мой доклад 18 февраля был отменен (государь в этот день приобщался), а при моем докладе 21 февраля государь мне сказал, что считает несправедливым увольнять Линевица, не приняв и не выслушав его. Я возразил, что самый прием Линевица будет равносителен прекращению дела. Ведь это Николай Павлович мог бы принять и разнести, а затем выгнать, а ведь Вы не можете! Государь, как будто несколько сконфузился и сказал, что Николай Павлович, конечно, разнес бы Линевица так, что тот валялся бы в ногах, прося прощения, — но все же ему надо принять Линевица*. Тогда я просил его предварительно поручить кому-либо разобрать дело, например, великому князю Николаю Николаевичу, но государь на этот выбор не согласился. Тогда я назвал барона Мейендорфа и Рихтера — оба были рыцари чести и состояли при особе государя. Мейендорфа он отклонил, так как он служил под начальством Линевица, и согласился на Рихтера.

Я вполне был согласен, что государю следовало принять Линевица, если только этим не предreshалось прекращение дела; между тем, надо было ожидать, что прием будет настолько милостивым, что после него нельзя будет думать о привлечении к какой-либо ответственности. Именно во избежание такого приема я и предполагал объявить об увольнении Линевица до его приезда в Петербург.

Линевиц приехал в день упомянутого моего доклада, 21 февраля, а на следующий день явился мне на квартиру. Он был весьма важен и самодоволен. Я его спросил, почему он не вы-

---

* Эта сцена показывает, какие истины можно было говорить государю в лицо, даже человеку к нему не близкому.

сылал войска? Он ответил, что иначе нельзя было. Я ему сказал, что он, наверное, помнит принесенную им государственную присягу, но как же с ней вяжется то, что он подавал руку мятежникам и стачечникам? Он возразил, что этого не было. Я ему сказал, что выражение фигуральное, но он ведь с ними сносился, договаривался о пропуске поездов и тому подобном. Он отрицал и это. После этого говорить уже было не о чем, и он ушел. Вероятно, Линевиц уже не чувствовал себя таким героем, как при входе в мой кабинет.

При моем личном докладе 28 февраля государь мне сказал, что получают разногласия: великий князь Николай Николаевич осуждает Линевица, а Рихтер одобряет его деятельность и просит его принять. Поэтому он предоставляет себе решить этот вопрос. Таким образом, я уже больше не мог касаться этого вопроса; государь, кажется, вскоре после того принял Линевица.

Через месяц, 28 марта, государь сам заговорил вновь о деле Линевица, и я тогда предложил дать делу вполне законный ход: предложить Частному присутствию Военного совета рассмотреть это дело на основании только что выработанного закона о Верховном военно-уголовном суде.

Государь согласился. Откуда пошло это новое веяние относительно возбуждения дела Линевица, я не знаю.

В Частное присутствие были переданы все материалы по обвинению Линевица, и оно стало их разбирать и допрашивать Батьянова, Бильдерлинга, Меллер-Закомельского и других лиц, а затем и самого Линевица. Бильдерлинг значительно смягчил то, что им было заявлено в записке, а Меллер-Закомельский сознался, что сообщал лишь слухи; само Частное присутствие желало окончить дело ничем*; Линевиц заявил, что письмо ко мне было им писано в минуту малодушия, что это частное письмо и о его деятельности надо судить не по этому письму, а по фактам. Разобрав представленные Линевицем данные, Частное присутствие не признало за Линевицем какой-либо

---

* Об отношении Присутствия к Линевицу можно судить по тому, что его не нашли возможным пригласить на заседание обычным порядком, а для этого к нему лично поехал председатель Присутствия генерал Винберг. Забелин мне сообщил (8 октября), что в Присутствии возбуждался вопрос: может ли его председатель писать Линевицу отзыв или же он должен писать ему рапорт? Янушкевичу удалось отстоять форму отзыва.

вины. Дело это тянулось очень долго: с 1 мая до начала декабря, а высочайшая резолюция последовала только 23 декабря. В ход его я абсолютно не вмешивался и даже не говорил о нем с членами присутствия; сведения по делу я лишь изредка получал от Забелина и от делопроизводителя Присутствия Янушкевича при случайных встречах с ним.

Оправдание Линевича, совершавшееся без какого-либо попустительства с моей стороны, мне было даже приятно, так как облегчало развязку дела генерала Холщевникова, о котором я сейчас скажу, а также и потому, что одной неприятностью было меньше.

Личных отношений у меня с Линевичем не было никаких; первое время мы при встречах, на разных торжествах избегали здороваться, но потом и это обошлось. На его пятидесятилетний юбилей (25 декабря 1906 года) я ему испросил очередную награду («Анна» 1-й степени).

Я уже говорил о моем давнишнем, но малом знакомстве с генералом Холщевниковым. К началу войны он был начальником штаба Приамурского округа и, до назначения Сахарова начальником штаба армии, исполнял эту должность, а затем был назначен губернатором Забайкальской области и наказным атаманом Забайкальского казачьего войска. Он был подчинен начальнику тыла армии, и мы в Петербурге не имели сведений о его деятельности. В конце 1905 года, когда сообщения с Востоком были прерваны, стали до нас доходить слухи о беспорядках в Забайкальской области и о том, что Холщевников проявил не то слабость, не то даже сочувствие революционному движению. Но слухов тогда была масса, причем неизвестно было, откуда они шли и насколько они близки к истине. На одном из первых заседаний Высшей аттестационной комиссии были рассмотрены имевшиеся на него аттестации и, на основании их, он был удостоен назначения командиром корпуса или иркутским генерал-губернатором.

По занятии Читы отрядом генерала Ренненкампа, последний, признавая Холщевникова виновным в бездействии власти, приказал его арестовать и предал суду за государственную измену и бездействие власти. Суд был назначен распоряжением начальства армии и мы, по-прежнему, не имели вестей о деятельности Холщевникова, но самый факт предания его суду заставлял думать, что против него имеются серьезные обвинения.

Холщевников, чувствуя себя правым, решил обратиться к заступничеству Линевича, как своего бывшего начальника, и послал подробную телеграмму с изложением дела своей дочери, Ольге Ивановне, находившейся в Петербурге, для передачи ее Линевичу; она, однако, решила передать ее не Линевичу, уже отозванному от своей должности, а военному министру, поэтому письменно просила меня принять ее. Мне было очевидно, что она будет просить за отца, а между тем дело его было не в моих руках: оно поступило в суд, а в судебные дела я из принципа, до их решения, никогда не вмешивался, а кроме того — в суд, мне не подведомый, так что я даже не имел права влиять на ход дела. Военные суды в то время были завалены делами о военных и гражданских чинах, и мне постоянно приходилось выслушивать просьбы за них со стороны родственников, а особенно — их родственниц, просьбы, подчас, отчаянные, по которым мне всегда приходилось давать один и тот же стереотипный ответ: что суд должен действовать по совести, что в его действия я не имею права вмешиваться, но что когда состоится постановление суда, можно обратиться с просьбой о его смягчении на высочайшее имя, и тогда дело попадет в мои руки, а я посмотрю, что можно сделать в этом отношении*. В тех случаях, когда можно было ожидать утверждения смертного приговора на месте, мне лишь приходилось добавлять, что я попрошу командующего войсками дать ход кассационной жалобе или прошению о помиловании. Прибавлю, что я никогда не отказывал в приеме ни одному просителю, являвшемуся ко мне на квартиру, не говоря об их общих приемах в Министерстве.

Таким образом, относительно ответа, который мне придется дать госпоже Холщевниковой не могло быть сомнения — дочь генерала и моего бывшего товарища я должен был принять поскорее, не заставляя ждать ее почти неделю до общего приема просителей по субботам, и я решил пригласить ее на квартиру. Для облегчения же разговора о том, что я до решения суда не могу вмешиваться в дело, я пригласил ее в час доклада главного военного прокурора Павлова, во вторник, 21 февраля, в 2.30 пополудни**. Обычно я всех просителей при

* Об офицерских чинах дела, во всяком случае, поступали ко мне, когда наказание требовало высочайшего утверждения.

** Напомню, что в этот же день Линевич приехал в Петербург, а я утром этого же дня уговорил государя поручить рассмотрение его дела генерал-адъютанту Рихтеру.

нимал, стоя в приемной комнате, и только более почетных посетителей и таких, с которыми предстояла более продолжительная беседа, сажал в кабинете, в кресло, занимаемое всегда докладчиком*. В данном случае я попросил Павлова сесть визави меня, а когда доложили о приходе госпожи Холщевниковой (она по-видимому и тогда опоздала на одну-две минуты), я пошел ей навстречу и пригласил ее сесть на кресло докладчиков. Она мне передала телеграмму отца; я ей сказал, что полагалось, то есть, что дело теперь не в моих руках, я его не знаю, но что если последует обвинительный приговор, то оно ко мне поступит и проч. Она не возражала и ни о чем больше не просила, Павлову не пришлось вмешиваться в наш разговор, и он длился всего несколько минут; после чего мы простились, и я ее проводил до двери, а затем последовал доклад Павлова, который раньше всего мне удостоверил, что мой ответ был правилен, а телеграмму Холщевникова взял с собой для приобщения ее к делу.

Такова была первая моя встреча с Ольгой Ивановной Холщевниковой, через полтора года ставшей моей женой — чисто официальная, при суровом свидетеле. Она говорила мало, а я положенное говорил так же, как со многими другими несчастными, приходившими ко мне просить за участь своих родных. Может быть, я был к ней несколько внимательнее или любезнее, чем к другим посетительницам, ввиду служебного положения ее отца и моего знакомства с ним — и только. А между тем, эта первая встреча предрешила нашу судьбу!

Мое впечатление от этой встречи было: очень молоденькая барышня, очень элегантная, отлично себя держит, симпатичная и, кажется, хорошенькая; я готов был завидовать Холщевникову, что у него такая дочь. Никаких дальнейших мыслей у меня не было. О втором браке я не думал вовсе как потому, что не видел способов разделаться с первым, так и потому, что считал себя уже старым для него, да и мысли все были поглощены делами. Меньше всего подобную мысль мне могла внушить О. И., так как она на меня произвела впечатление очень молоденькой, лет шестнадцати-семнадцати.

---

* Лишь в виде очень редкого исключения я принимал не у письменного стола, сажая посетителя на диван и садясь на стул около него. Это делалось для послов, Воронцова-Дашкова и для старика Суворина, посетившего меня после своего юбилея.

На О. И. эта встреча, как потом оказалось, произвела более сильное впечатление, и она сразу почувствовала, еще когда я пошел ей навстречу, что видит перед собою суженого, не находя меня старым для этой роли. От меня она поехала к Марии Алексеевне Александровой (хорошей знакомой по Хабаровску) и говорила ей обо мне в таком тоне, что та ей сказала, что она ведь влюблена!

После того О. И. вскоре была у меня на приеме в Министерстве, чтобы передать мне какие-то бумаги отца.

В апреле месяце дело Холщевникова подходило к концу. Ничего определенного о том, что в действительности происходило в Чите, мы не знали; из присланных им объяснений я лишь знал, что у него войск не было, и что о присылке их он тщетно просил начальство армии. Великий князь Николай Николаевич от кого-то получил неблагоприятные для Холщевникова вести и на каком-то заседании Высшей аттестационной комиссии (в марте?) сказал, что его надо расстрелять! Я на это ответил, что дела еще не знаю, что может быть так и следует поступить, но что расстрелять его тогда надо под той осиной, на которой предварительно будет повешен Линеви́ч! С этим согласился великий князь и этому сочувствовала вся Комиссия, так как Линеви́ч, действительно, должен был первый отвечать за беспорядки в армии и в ее тылу, на то и была в его руках вся полнота власти и сила оружия! Установление этой связи между участью Линеви́ча и Холщевникова было крайне выгодно для последнего, так как главный виновник, Линеви́ч, не мог понести серьезного наказания.

В субботу, 29 апреля, О. И. вновь была у меня в Министерстве на общем приеме, чтобы передать мне какую-то телеграмму (или бумаги?), полученную от отца. Народу на приеме была масса; я ее заметил и узнал за несколько человек просителей (она потом говорила, что у меня при этом заблестели глаза). Подойдя к ней, я взял телеграмму и, желая с нею поговорить, что было неудобно при массе еще ожидавших, спросил, угодно ли ей обождать до конца приема, чтобы переговорить? Она согласилась. Обходя дальше, я увидел м-м Гримм с младшей дочерью Чикой (Александрой), которым предложил то же.

Прием окончился, я ушел в кабинет, куда была приглашена О. И. Разговор происходил стоя, у письменного стола; я просил ее не беспокоиться за участь отца, так как поставил ее в

связь с участием Линевича, и рассказал о суждениях, бывших в комиссии. Она расплакалась (впервые) и я, чтобы ее утешить, сказал ей что-то вроде: «Милая барышня, Вы успокойтесь», и положил свою руку на ее, лежавшую на столе или на спинке стула, как вдруг она, нагнувшись, поцеловала мне руку! Конфуз получился взаимный. Я понимал, что она была измучена делом отца и ее тронуло участливое отношение к его судьбе, но был тронут и поражен ее поступком. Я еще сказал несколько слов успокоения и она ушла, а тотчас вслед за тем вошла м-м Гримм с дочерью просить, чтобы я устроил перевод жениха последней, штабс-ротмистра л.-гв. Драгунского полка Кюгельгена, в армейскую кавалерию, чтобы он мог жениться*. Вслед за тем я помчался домой, где выслушивал доклады Сперанского и Поливанова, и только после того мог подумать о происшедшем. Для меня было ясно лишь одно, — что О. И. глубоко несчастна, и я должен сделать все, что возможно, в пользу ее отца!

На следующий день я получил от нее письмо, в котором она мне писала, что ей очень совестно за происшедшее; я ответил, что вполне понимаю ее настроение и ценю ее любовь к отцу. Еще раз, 20 мая, О. И. была у меня на общем приеме просителей в Министерстве, причем разговор был вполне официальный.

Тем временем состоялся суд в Чите, и приговором Холщевников был присужден за бездействие власти к заключению в крепость на год и четыре месяца. В должности он не мог оставаться, поэтому я всеподданейшим докладом испросил его зачисления по Военному министерству, впредь до решения его судьбы в связи с решением по делу Линевича.

О перипетиях дела мы с О. И. обменялись несколькими письмами, исключительно делового характера. Мои письма были особенно сдержаны по многим причинам: я не знал, у кого живет О. И., не читаются ли мои письма другими; я все еще считал ее чуть ли не девочкой; наконец, я себе говорил, что не следует преувеличивать значение некоторых выражений в письмах О. И., которые могли быть приписаны и более теплому

* При содействии Каульбарса его удалось перевести на должность эскадронного командира в Крымском татарском полку, сформированном тогда из прежнего дивизиона. Во всяком другом полку он «сел бы на шею» многим офицерам.

чувству, а между тем, наверное, отражали лишь ее благодарность за мое участие к судьбе ее отца!

По делу Холщевникова мне как-то говорил министр народного просвещения Кауфман. Весной мне пришлось зайти к нему (он жил недалеко от меня, у церкви святых Косьмы и Дамиана) переговорить о делах Военно-медицинской академии, и я воспользовался случаем поговорить о семье Холщевниковых. Он с нею познакомился в Чите, где был главноуполномоченным Красного Креста. Он мне сказал, что сам Иван Васильевич человек хороший, но очень важный; что ему очень много помогала жена его, чудный человек, урожденная графиня Симонич; про О. И. он говорил, что она очень милая барышня, художница, занимающаяся живописью и скульптурой. На мое замечание, что ведь ей всего лет семнадцать, он возразил, что ей лет двадцать пять, что у нее уже был жених, негодяй, который отказался от нее, когда с ее отцом стряслась беда; она от огорчения даже заболела, хотя ведь это было счастье, большее чем выигрыш в двести тысяч, что брак ее с таким негодяем не состоялся*!

Затем о деле Холщевникова мне как-то говорил генерал Аничков (помощник гофмаршала), но от него я ничего интересного узнать не мог. Больше я не знал никого, кто мог бы сообщить мне какие-нибудь сведения об О. И., да и спрашивать мне приходилось очень осторожно, во избежание всяких сплетен.

В начале июня я получил от О. И. деловое письмо, в котором она в заключение писала, что была бы рада меня видеть; я ее пригласил к себе на Кировскую 5 июня в двенадцать часов дня. Чтобы мотивировать мой приезд в этот день из Царского в город, я в час дня назначил посещение Главного инженерного управления и осмотр чертежей крепостных работ, произведенных в 1905 году.

И это, пятое, наше свидание длилось всего несколько минут. После разговора об отце О. И. я попробовал заговорить о ней самой, но из этого ничего не вышло. Я спросил, у кого она здесь живет, — оказалось у тетки, Раунер. Занимается ли живописью? Удивилась, откуда я знаю, я сказал, что от Кауфмана. Спросил, собирается ли ехать в Читу? Ответила отрица-

---

* В этих сведениях правда была переплетена с фантазией; но это я узнал лишь много позже, а тогда считал их верными.

тельно, но желала бы, чтобы отец приехал в Петербург, и я почувствовал по тону, что больше расспрашивать нельзя, так как вопросы эти признаются неуместными*. Я упоминал уже, что в ее письмах были выражения, которые могли быть приписаны более теплому чувству (институтскому обожанию); два таких письма я ей вернул, сказав ей наставительно, что она не имеет права писать мне такие письма, добавив, что если бы у меня был сын, то я ему сказал бы: лови счастье! Она их молча разорвала и бросила в корзину. Я через столик поцеловал ее руку и она ушла.

Ключки писем я, конечно, собрал и они у меня хранятся. Я считал долгом их отдать, так как со временем, придя в возраст и выйдя замуж, она могла бы пожалеть о том, что писала их и что они остались в моих руках, а мне хотелось, чтобы она вспоминала обо мне с таким же светлым чувством, как я буду вспоминать о ней! С ее уходом у меня, однако, явилось опасение, что я мог ее обидеть, и сожаление о прекращении нашего краткого знакомства. Я при первом случае написал ей письмо относительно ее отца, добавив, что я всегда готов к ее услугам и рад ее видеть — но ответа не получил. Сочтя это за ясное указание на то, что мне больше не желают писать, я потом, о вызове ее отца в Петербург, сообщил уже в самой сухой форме. Оказалось, что первое мое письмо не дошло, вероятно, вследствие отъезда О. И. в Черняковицы на дачу своей тетки, а сухость моего последнего письма она поняла как указание с моей стороны на желательность прекращения всякой переписки. Неисправность почты ввела, таким образом, нас обоих в заблуждение!

Мысль об этом знакомстве все же не оставляла меня. Самым важным для меня вопросом был — сколько же лет О. И.? Если она действительно так юна, как мне кажется, то с моей стороны было бы непростительно глупо думать о ней иначе, как по-отцовски, и с ее стороны ожидать серьезного чувства! Наконец меня осенила счастливая мысль: я из Главного управления казачьих войск потребовал послужной список генерала Холщевникова; в нем в надлежащем месте значилась

---

* Впоследствии выяснилось, что О. И. в этом вопросе почудилось, будто ее отцу грозит еще какая-то опасность, ввиду чего я ее и спрашиваю, не поедет ли она к нему? Этот страх и заставил ее замкнуться и дать мне невольно обескураживающий ответ.

дочь Ольга, родившаяся 17 июня 1877 года. Ей, значит, было двадцать девять лет, она уже не ребенок, а вполне взрослый человек, способный разобраться в своих чувствах! Оставалось жалеть, что я этого не знал раньше и в этом отношении не доверился Кауфману. А в это время всякие отношения были прерваны.

Невольно является вопрос, как я мог в такой мере ошибиться в возрасте О. И. ? Я это объясняю себе тем, что не видел ее иначе, как под вуалью, и своею близорукостью, затем, чрезвычайной тщедушностью ее фигуры, но главное — чрезвычайной женственностью и мягкостью, обыкновенно свойственной лишь девочкам. Наряду с этим, меня, правда, поражали умение держать себя и «носить туалет» (весь черный), но это я приписывал хорошему домашнему воспитанию.

Ввиду заявления О. И., что с ее отцом в Чите обращаются плохо, я воспользовался его зачислением по Военному министерству и поручил Забелину телеграфировать в Читку, чтобы ему предоставили выехать к новому месту служения, в Петербург. На это ответа не последовало и тогда я телеграфировал о том лично.

До этого я мало знал обстоятельства читинского дела и личное положение И. В. Холщевникова. У меня мелькнула мысль, что тот может, выехав из Читы, воспользоваться случаем, чтобы скрыться, но для О. И. решился идти на этот риск*; я именно думал, что за ним действительно могут быть серьезные провинности, и, затем, полагал, что он обладает хорошими средствами, судя по туалету О. И. Как то, так и другое предположения оказались ложными, и он в конце июня выехал в Петербург.

В среду, 21 июня, я утром был на церковном параде кирасир Его Величества в Петергофе, вечером на заседании Совета обороны в Красном Селе, а у себя в Царском был только от трех до восьми часов дня. В это время из города по телефону сообщили, что мне на Кирочную прислан букет цветов неизвестно от кого. Я попросил фельдъегеря, который вечером должен был привезти мне бумаги, привезти и букет. Вернувшись в двенадцатом часу ночи в Царское, я застал у себя букет чудных роз и недоумевал от кого он может быть? Впослед-

* Тем более, что главный виновник, Линевиц, гулял на свободе.

ствии я узнал, что мне его прислала О. И. по случаю выезда отца из Читы, но тогда мне это не приходило в голову, ввиду того, что мои письма оставались без ответа.

Наконец, 4 июля, И. В. Холщевников явился ко мне; на городской квартире мы с ним беседовали полтора часа, возобновили знакомство, и он мог мне рассказать обстоятельства своего дела. Им столько было пережито тяжелого, и он столько натерпелся, сначала от революционеров, а затем от Ренненкампа, что не только теперь, по приезду в Петербург, но еще в течение нескольких лет, только думал и говорил о том, что происходило в Чите. Я несколько раз пробовал заговорить об О. И., говорил ему, что она была его усердным адвокатом, что она убежденно говорила: «Если папа сделал то-то, значит иначе и нельзя было», но он выслушивал рассеянно, а затем с новыми силами брался за свой рассказ! Я только на прямо поставленный вопрос узнал, что она здорова, и больше ничего; спрашивать о чем-либо ином, относящимся до нее, мне было трудно, так как такое любопытство могло быть признано неуместным, да и сама О. И., не отвечая на мои письма, лишала меня права проявлять к ней больший интерес, чем предписываемый простой вежливостью; не выходя из ее пределов, я все же просил передать ей мой поклон. Вскоре после того, 24 июля, он приезжал ко мне в Царское, и тут повторилась та же история*. Не только всякие сношения с О. И. были прерваны, но я и не имел о ней никаких сведений и ни от кого не мог получить. Становилось очевидным, что если у нее и было ко мне более теплое чувство, то оно прошло, и она может быть уже сама смеется над ним? Я не имел права претендовать ни на это, ни на то, что она мне больше не пишет, так как сам вернул ей ее письма. По правде говоря, я и не имел основания добиваться продолжения едва начавшегося знакомства. С О. И. я, собственно говоря, ведь еще и не был знаком вовсе, так как наши разговоры были все кратки, по несколько минут, на деловые темы, а попытка заговорить о чем-либо ином, оказалась неудачной, и у меня было только впечатление о ее личности; я даже не знал, что она блондинка, а считал, что волосы ее цвета

---

* Впоследствии выяснилось, что О. И. долго спрашивала отца про бывшие у него со мной разговоры. Он о них рассказывал долго и подробно и только после повторных вопросов, что же я еще говорил, вспомнил, что я говорил о ней и просил передать поклон.

штен. Затем, с какой же целью мне добиваться знакомства? О женитьбе я мог мечтать, но для того, чтобы жениться, мне надо было развестись, а я знал: жена не захочет вернуть мне свободу; во всяком случае, чтобы думать о браке с О. И., я должен был хоть сколько-нибудь узнать ее, а для этого не было никаких способов; всякая прямая попытка завести знакомство с барышней, на которой я не мог жениться, только ради знакомства могла быть истолкована весьма предосудительно, и, раньше всего, этому должен был воспротивиться ее отец. Поэтому приходилось считать знакомство конченным и про него забыть, а между тем оно не забывалось, и не хотелось верить, что весь «инцидент исчерпан»; бережно хранившиеся клочки писем говорили мне иное.

Вскоре по возвращении И. В. Холщевникова в Петербург, я узнал от Забелина, что он нуждается в средствах. Состоящим по Министерству* содержания не полагалось; я об этом не подумал, да кроме того полагал, что дела Линевица и его разрешатся скоро, наконец, я полагал, что И. В. обладает собственными средствами. Представлять новый доклад об испрошении ему содержания было неудобно — я не должен был выказывать какое-либо пристрастие в его пользу, так как иначе могли пойти разговоры! На первых порах, я ему помог пособием (помнится, в восемьсот рублей); но дело Линевица тянулось бесконечно и, в конце концов, ему все же пришлось испросить какое-то маленькое содержание.

В изложении моих отношений с О. И. и ее отцом я значительно забежал вперед. Возвращаюсь теперь к переживаниям и событиям начала 1906 года.

Мне удалось провести в Государственном Совете 8 апреля временный закон о пенсиях по военному ведомству, которому я придавал огромное значение в деле улучшения командного персонала армии.

Я уже упоминал, что разработку нового закона я поручил генералу Соловьеву. Наш пенсионный устав предусматривал

---

* Доклад об отчислении И. В. от должности и по Министерству был составлен в мало компетентном учреждении, — в Главном военно-судном управлении. С одной стороны, не испросили содержания, а с другой — сохранили И. В. мундир Забайкальского казачьего войска, что являлось своего рода наградой, притом довольно редкой. Я тоже проморгал и то и другое, интересуюсь лишь сутью доклада.

только два оклада пенсий из казны: полный, за тридцать пять лет службы, и половинный, за двадцать пять лет службы*. В дополнение к этим пенсиям выдавались эмеритальные пенсии, вообще превышавшие казенные в полтора раза; эмеритальные пенсии выдавались: полная, за тридцать пять лет службы при тридцати пяти годах участия в эмеритуре, и половинная, при двадцати пяти годах службы и участия. Для исчисления срока службы принималось в расчет и время бытности в военных училищах, а участие в эмеритуре начиналось лишь со дня производства в офицеры, так что для получения полных и половинных окладов эмеритальных пенсий требовалось тридцать пять и двадцать пять лет офицерской службы и не менее тридцати семи и двадцати семи лет общей службы. Вообще же, можно сказать, что до двадцати пяти лет службы никакой пенсии не полагалось, затем давалась половинная и еще через десять-двенадцать лет назначалась полная. Что казна не давала пенсий (кроме случаев ранений и болезни) раньше прослужения двадцати пяти лет, представляло неудобство, но с ним приходилось мириться, так как нельзя было возлагать на казну расход по выдаче пенсий лицам, еще вполне трудоспособным.

Но существование лишь двух окладов пенсий, половинного и полного, приводило к тому, что не только сами военно-служащие оставляли службу преимущественно по выслуге установленных для их получения сроков, но и их начальство считалось с этими сроками и оставляло на службе лиц, уже совершенно для нее не годных, чтобы дать им возможность получить вместо половинной полную пенсию.

Сами пенсионные оклады, даже в полном размере, были совершенно недостаточны для существования отставных, особенно семейных. При том пенсии давались исключительно по чинам, тогда как содержание на службе уже давно стало зависеть, главным образом, от должности, поэтому между содержанием и пенсией не было никакого соответствия, и в то время, как для большинства пенсии составляли лишь дробь содер-

---

* Я не говорю об увольняемых за ранами и по болезням. Вообще все изложенное ниже по вопросу о пенсиях точно лишь в отношении главной массы пенсионеров. Все законодательство о пенсиях из казны и из эмеритуры до того сложно и путано, что в нем свободно и безошибочно разбирались лишь специалисты этого дела.

жания, другие при выходе в отставку ничего не теряли*. Недостатки пенсионного устава уже давно стали вопиющими, и жизнь нашла из них выход в виде испрошения усиленных пенсий, которые по многим гражданским ведомствам уже стали общим правилом, тогда как законные пенсии были исключением. Только по военному и некоторым другим ведомствам усиленные пенсии были сравнительно редки, ввиду существования в них своих эмеритальных касс, выдававших дополнительные пенсии.

Несмотря на ненормальность положения всего пенсионного дела, оно оставалось неизменно в том же виде потому, что пенсионное законодательство относилось к ведению Министерства финансов, которое не желало его менять во избежание новых расходов и еще по одной причине, о которой оно, конечно, не говорило: назначение усиленных пенсий зависело от согласия министра финансов, которого все остальные министры должны были постоянно просить за своих подчиненных, а это увеличивало влияние и возвышало положение министра финансов.

Добиться улучшения командного состава армии можно было лишь улучшением пенсий. Только в том случае, если переход с содержания на пенсию не является полным бедствием для пенсионера, можно рассчитывать как на добровольный уход устаревших и уставших, так и на то, что начальство будет относиться к подчиненным с надлежащей требовательностью и не будет удерживать на службе лиц, для нее уже непригодных. Это было создано уже при введении предельного возраста, когда для увольняемых были введены усиленные пенсии в размере восьмидесяти процентов содержания.

Применение закона о предельном возрасте указало вновь на неудобство существования больших скачков в размере пенсий: люди, даже совсем устаревшие, не покидали службы до получения усиленной пенсии, да и начальство не решалось принимать какие-либо меры к их уходу. Считалось вполне естественным, что человек, уже ни к чему не годный, должен оставаться еще год, два на службе для получения надлежащего обеспечения на свою старость. При этом уверенность, что в такой-то срок непременно уволят, а до этого срока оставят служить, окончательно подрывала энергию этих лиц и делала их бесполезными и даже вредными задолго до их увольнения.

---

* Первоначально, при установлении пенсий все денежное содержание заключалось в жаловании и полная пенсия равнялась жалованию.

Поэтому нужно было устранить упомянутые скачки в размере пенсий и установить столь постепенное нарастание пенсий, чтобы уход со службы годом раньше или позже не составлял существенной разницы. Именно на таких основаниях построен пенсионный закон в Германии. Общие основания его мне были давно известны, но я вообще не интересовался пенсионным делом, пока мне в 1893 году не пришлось разбирать диссертацию Соловьева по этому вопросу. Общая схема германского законодательства сохранилась у меня в памяти, и я предложил Соловьеву применительно к ней разработать проект закона о пенсиях по военному ведомству. По совещании с ним, в основу нового закона были приняты следующие положения: полная пенсия составляет восемьдесят процентов содержания и дается за тридцать пять лет службы; половинная дается за двадцать пять лет службы; за промежуточные сроки пенсия ежегодно увеличивается на четыре процента содержания; в общий оклад пенсии входит и причитающаяся эмеритура.

По изложенным выше причинам, всякое изменение пенсионного законодательства было крайне неприятно для Министерства финансов, а потому нечего было и думать о получении от него средств на новые пенсионные расходы, и их приходилось принять на предельный бюджет*; срок же действия его был ограничен 1908 годом, а потому и наш новый закон должен был иметь характер временный, до того же срока. Затем, для уменьшения расходов и облегчения прохождения закона, пришлось установить, что новые пенсии даются только самим пенсионерам, а семейства их получают пенсии по существующим правилам.

Срочное действие нового закона и то, что он не распространялся на семьи пенсионеров, являлись большим его недостатком, но в ином виде невозможно было добиться его принятия. Назначение пенсий усложнялось тем, что общий оклад приходилось разбивать на три части, назначая законные пенсии из казны и из эмеритуры и добавляя недостающую сумму из предельного бюджета, — но и на это приходилось идти, лишь бы достигнуть главной цели. В заседании соединенных департаментов Государственного Совета я откровенно заявил,

---

* Как на источник для производства этого расхода (до восьмисот тысяч в год), я указал на сокращение расходов по содержанию Военного совета и Комитета о раненых.

что командный состав, особенно на верхах, у нас ниже критики, и что освежение его действительно необходимо, а для этого нужен новый пенсионный закон, хотя бы временный, в виде опыта. Высказывалось опасение за массовый уход старших чинов, а генерал-адъютант Ф. Ф. Трепов верно подметил, что так как для получения пенсии по какой-либо должности не требуется выслуги в ней какого-либо срока, то могут пойти частые смены начальствующих лиц*. На это мне пришлось ответить, что чем больше уйдет старших чинов, тем лучше; от этого могут быть и вероятно будут неудобства, но только временные, а зато скорее будет достигнута главная цель — освобождение армии от начальников, которые могут повести лишь к новому поражению. Соединенные департаменты вняли моим доводам и приняли закон, испортив его лишь в одном отношении — он должен был применяться только к строевым чинам. Эта, по-видимому, невинная оговорка на деле оказалась крайне неудобной, так как, например, начальники штабов, начальники артиллерии в округах и тому подобные чины, не занимавшие чисто командных должностей, оказались вне действия закона**.

Тем не менее, для строевых чинов закон вступил в силу, и большое число старших начальников оставило службу. Массового ухода все же не было, но действительно, многие начальники принимали высшие должности лишь на короткий срок, для получения больших пенсий, от чего получилась частая смена начальствующих лиц со всеми происходящими от этого неудобствами. Однако, скоро и эти смены стали менее частыми; армия же хоть этим путем избавилась от лиц, от которых нельзя было ее избавить иначе, за неимением еще нового закона об аттестациях.

В течение первых месяцев года через Одессу вернулось около ста тысяч запасных нижних чинов, вывезенных с Восто-

---

* Трудно было угадать, сколько окажется желающих оставить службу после установления новых пенсий, казавшихся громадными по сравнению с прежними. Я сам предвидел возможность массового ухода и доложил об этом государю, сказав, что в таком случае можно было бы, временно, вовсе не замещать должностей бригадных командиров.

** Определение, на кого распространяется закон, было предоставлено военному министру по соглашению с министром финансов и государственным контролером, а последние двое всемерно стремились сузить применение нового закона.

ка морем. Ничего хорошего мы от них не ожидали, и я, ввиду слабости гарнизона Одессы, хлопотал об усилении его двумя пластунскими батальонами, но и это мне не удалось. Однако Каульбарс справился с делом очень хорошо. В Порт-Саид были посланы офицеры, которые там встречали подходившие транспорты и сопровождали их до Константинополя; в пути они составляли списки запасных, выясняли кого куда направлять и сообразно этому разбивали их на партии. По прибытии в Константинополь, они сообщали нужные сведения по телеграфу в Одессу, а сами возвращались в Порт-Саид встречать следующий транспорт. В Одессе Каульбарс встречал их сам в порту, почетный караул отдавал честь, музыка играла гимн, затем, тотчас после высадки, эшелон вели к обеду, за которым Каульбарс говорил речи, а после обеда туда же в порт подавались поезда, в которых запасные уезжали домой. Все проходило чрезвычайно гладко и даже с энтузиазмом; почетный караул имел при себе боевые патроны, но никакой силы употреблять не приходилось.

В марте я получил приказание государя сообразить, по соглашению с морским министром, вопрос о сокращении сроков службы и заготовить рескрипт на мое имя с указанием главных оснований реформы. Приказание это, очевидно, было вызвано тем, что в пользу сокращения сроков службы высказались органы почти всех партий, оно пользовалось сочувствием общества и несомненно было бы потребовано Государственной Думой. Поэтому было благоразумно осуществить реформу заблаговременно, по инициативе государя.

Сроки службы в армии было решено сократить на один год, то есть до трех и четырех лет, а во флоте — на два года, то есть до пяти лет. Сверх того, разделить запас на два разряда для более правильного распределения при мобилизации.

На заседании соединенных департаментов, 8 апреля, вопрос этот прошел гладко, причем, однако, произошел неприятный инцидент: Главный штаб, внося представление, ни словом не обмолвился о предстоящем увеличении расходов по Министерствам внутренних дел и военному, и разрешение их пришлось испросить уже на словах в самом заседании!

Проведение в жизнь этого закона представляло крупные затруднения. Как я уже упоминал, сокращение сроков службы я считал настолько нужным, что на первом же своем личном

докладе говорил о нем государю. Только сократив срок службы, мы могли омолодить свой запас и избежать необходимости ставить в ряды стариков, но самую реформу было желательно произвести лишь после надлежащей подготовки, в смысле обеспечения войск сверхсрочными учителями, и в нормальное время, когда войска были в сборе в своих квартирах и не отвлекались всевозможными нарядами от своего прямого дела. Политические соображения заставили ускорить решение вопроса и проводить сокращение сроков службы в армии без всякой к тому подготовки и при самых неблагоприятных условиях ее службы, когда она должна была нести тяжелую службу по поддержанию порядка в стране! Армия, только что пережившая тяжелый внутренний кризис, страдающая от недостатка офицеров, должна была лишиться еще и старшего срока службы, в том числе всех унтер-офицеров, остаться почти без учителей и это в то время, когда самое обучение ее было затруднено!

Чтобы сколько-нибудь облегчить этот кризис, было решено сократить сроки службы постепенно, увольняя ежегодно четыре третьих возрастных классов (в кавалерии — пять четвертых), причем выбор увольняемых людей младшего возраста производился по жребию. Упомяну здесь же, что еще осенью 1906 года настроение в армии было таково, что явилось опасение, что нижние чины могут не подчиниться жребию, по которому тогда надо было уволить треть возраста, а остальные две трети задержать еще на целый год; поэтому тогда же было объявлено, что эти две трети будут уволены уже весной 1907 года, то есть, что их задержат только на зимнее время, когда они в деревне не нужны, являясь там только лишними едоками.

Это сокращение сроков службы, произведенное в такое время, когда обучение войск было поставлено в самые трудные условия, когда лагерные сборы удавалось устраивать лишь в виде исключения, являлось для армии столь глубоким внутренним кризисом, что необходимо было откровенно признать: во-первых, армия на несколько лет будет необученной, малопригодной к бою, и во-вторых, опять-таки на несколько лет, нельзя менять ее организации, так как всякая перемена в последней, нарушая существующие соединения, могла бы окончательно дезорганизовать войска, обратить их в толпу, не только необученную, но и лишенную внутренней спайки, вроде нашего фло-

та. Таким образом, эта мера налагала определенный отпечаток на деятельность Военного министерства в ближайшие годы: для лучшего обучения войск я считал организационные изменения крайне необходимыми, а теперь их приходилось откладывать; я мечтал о скорейшем приведении армии не только в порядок, но и в боеспособный вид, а теперь приходилось отказаться от всякой надежды на скорое восстановление самого фундамента ее прочности — основательного воспитания и обучения нижних чинов.

Во флоте сокращение срока службы было произведено прежде: сразу уволили два лишних срока службы. Если бы флот имел какое-либо боевое значение, то можно было бы говорить о полном расстройстве его состава и нарушении его обучения. Теперь же это являлось лишь мерой, крайне полезной для сокращения состава бунтующих вооруженных команд.

На том же заседании соединенных департаментов, 8 апреля, пришлось исправлять еще одну ошибку Главного штаба: законопроект о пенсиях вдовам нижних чинов был разработан в комиссии при участии представителя лишь от Главного штаба, который согласился с предложением других ведомств, чтобы пенсии вдовам казаков выплачивались не казной, а из казачьих капиталов; такое решение было не только несправедливо, но и неисполнимо, так как казачьи капиталы и без того были расстроены. Дело уже было внесено в таком виде в Государственный Совет, когда о нем, случайно, узнал Щербов-Нефедович, который меня предупредил, и мне удалось убедить департаменты дать казачкам право пенсии из казны.

Эти два промаха Главного штаба наглядно указывали на неосновательность работы этого столь громоздкого учреждения, что и Поливанов еще не успел с ним совладать.

Масса всякой работы меня все более одолевала; по вечерам еще стала собираться вновь учрежденная Высшая аттестационная комиссия, и мне пришлось все более манкировать в Совете министров. 24 января я доложил об этом государю, пояснив, что мое присутствие в Совете бесполезно, так как я гражданских дел не знаю, и мне совсем некогда бывать в Совете. Только в очень важных случаях, особыми приглашениями, привлекали и меня в заседания Совета. Так, в воскресенье 12 февраля, Витте вызвал меня на экстренное заседание в третьем часу дня; оказалось, что государь предполагал вместо двух

увольняемых министров, Кутлера и Тимирязева, назначить Кривошеина и Рухлова, а Витте хотел в таком случае подать в отставку, так как сидеть в одном кабинете с этими двумя лицами для него невозможно. После двухчасовой болтовни решили, что Витте, не угрожая отставкой, лишь попросит не сажать в кабинет неподходящих лиц. Просьба эта была уважена.

В течение первых трех месяцев 1906 года я выезжал в Царское к государю 30 раз: в том числе 22 раза с докладами*. В Совете министров я был 13 раз, в Государственном Совете — 9, в Совете обороны — 7**, в Высшей аттестационной комиссии — 9 раз и в совещаниях у великого князя Николая Николаевича о дислокации войск — два раза. Таким образом, на первые три месяца пришлось 30 поездок и 40 заседаний или 70 отвлечений от прямого моего дела***.

Было очевидно, что долго нести такой труд невозможно, я только изведусь без пользы, и все же буду манкировать, то здесь, то там; предстояло еще открытие заседаний Государственной Думы, в которых ведь тоже придется бывать, а тогда уж совсем нельзя будет справляться с делом! Я поэтому решил просить об учреждении должности моего помощника.

У всех министров были товарищи, причем в больших министерствах было по несколько таких должностей. В Военном министерстве такая должность тоже когда-то существовала; последний, занимавший эту должность, был Д. А. Милютин; назначенный с нее министром, он ее упразднил, предоставив всем начальникам главных управлений права товарищей министров. В большинстве случаев министра замещал начальник Главного штаба, и это его отвлекало от прямого дела, с которым ему и без того не удавалось справиться. Новой должности я, однако, решил присвоить название не товарища, а по воен-

* Доклады были отменены лишь три раза: 18 февраля, когда государь приобщался, 11 марта (похороны принца К. П. Ольденбургского) и 25 марта (Благовещение). Затем я был в Царском на выходах 1 и 6 января, на панихиде по королю Христиану IX Датскому² (5 февраля), на производстве юнкеров в офицеры (24 марта), на праздниках л.-гв. Гусарского и Конного полков (19 и 25 марта) и на двух заседаниях у государя по вопросам об устройстве Государственного Совета и Государственной Думы.

** Насколько помню, они были посвящены вопросам об усилении обороны азиатских округов.

*** Сверх того, я был на одиннадцати заседаниях Военного совета.

ному — помощника военного министра; прецедент уже был — у министра Двора когда-то был помощник.

Я еще не успел окончательно продумать и решить про себя этот вопрос, как 4 марта государь мне сказал, что предполагает выделить, по прусскому образцу, всю инспекторскую часть из ведения военного министра. Я ответил, что возражений лично не имею. Учреждение Высшей аттестационной комиссии, состоявшееся по моей инициативе, наглядно свидетельствует, что я отнюдь не дорожу полномочиями по заведованию личным составом, а наоборот, уже поступился частью их для пользы дела. На этом разговор закончился. Государь, очевидно, опасался оставить заведование личным составом (и всеми назначениями) в руках военного министра, который должен будет являться в Думу и которым, со временем, может оказаться лицо, принадлежащее к той или иной политической партии, поэтому он думал взять инспекторскую часть в личное свое ведение; мысль эта у него была давнишней, так как еще до выделения Генерального штаба была мысль о выделении всего бывшего Главного штаба из Военного министерства.

Если бы мысль государя была осуществлена, то этим кабинетная работа военного министра была бы несколько сокращена, но число разъездов и заседаний не уменьшилось бы, а потому я все-таки решил просить себе помощника, и через десять дней, во вторник 14 марта, обратился к государю с просьбой об учреждении такой должности. К моему удивлению, он не дал мне тотчас своего согласия, а ответил, что давно сам об этом думал и даст мне свой ответ в субботу. Ответ этот меня несколько озадачил: вопрос об учреждении новой должности помощника министра не является столь важным, чтобы государю стоило о нем думать, а тем более думать давно; вопрос был вместе с тем столь прост, что мог бы быть разрешен немедленно, не дожидаясь субботы. Очевидно, у государя были какие-то особые соображения, стоявшие вероятно в связи с выделением инспекторской части*. Я решил ждать и пока не настаивать на решении, предоставляя государю всесторонне обсудить его.

Через неделю, 21 марта, ко мне заехал Гулевич по поручению великого князя Николая Николаевича сообщить, что ве-

---

* Я заподозрил, что государь желает уволить меня с должности министра, либо, чтобы вовсе устранить меня, либо для поручения мне инспекторской части, непосредственно ему подчиненной.

ликий князь против выделения инспекторской части, так как не видит к этому основания, а между тем мера эта внесла бы ломку во всю организацию Министерства. Я, кстати, рассказал Гулевичу, что мне нужен помощник, потому что работа до того тяжела, что я был бы рад уйти с должности, но государь усомнился в моем ходатайстве и до сих пор мне ответа не дает. На следующий день Гулевич вновь был у меня и сообщил, что великий князь сочувствует назначению мне помощника и готов мне помочь в этом отношении, а также, что великий князь не хочет слышать о моем уходе.

Прождав еще три недели, я 11 апреля вновь спросил государя и получил его согласие на учреждение должности помощника и на назначение на нее Поливанова, при этом государь сказал, что несколько лет тому назад он рекомендовал бы на эту должность Газенкампа; я ответил, что Газенкампф человек нежелательный, так как он не «искренний».

Все дело об учреждении должности помощника я держал в секрете и говорил о нем только с Поливановым, а затем с Гулевичем. Теперь, имея согласие государя, я сам составил представление в Военный совет и краткое положение о новой должности, которые в среду передал Забелину с тем, чтобы дело в четверг было доложено Военному совету и чтобы журнал был подписан на том же заседании. На производство нового расхода нужно было согласие министра финансов (Шипова) и государственного контролера (Философова). С обоими я переговаривал лично и на мой официальный запрос в четверг же получил их согласие. В четверг же журнал Военного совета был представлен государю вместе с докладом о назначении Поливанова, в пятницу они были утверждены, а в субботу «Инвалид» уже распустил новое назначение. Таким образом, вся сложная процедура учреждения и замещения должности была выполнена в несколько дней. Все это дело я сначала держал в секрете, а затем вел с возможной поспешностью, чтобы избежать разговоров и ходатайств.

При разговоре с великим князем Николаем Николаевичем, я ему объяснил выбор Поливанова тем, что я сам мало сведущ в делах Главного штаба, особенно в тех, которые соприкасаются с деятельностью Генерального штаба, и что именно этот дефект должен восполнять Поливанов. Великий князь посмотрел на меня как-то недоумевающе — действительно: то, чего я доби-

вался от Поливанова, мне ведь должен был давать Палицын, и в приведенных мною мотивах для выбора Поливанова сквозили неудовлетворенность работой Палицына или недоверие к ней.

Между Поливановым и Палицыным, кажется, уже раньше существовала антипатия, которая, по неизвестным мне причинам, вскоре дошла до того, что они просто не выносили друг друга. Вероятно, влиянию Палицына надо приписать то, что и великий князь стал плохо относиться к Поливанову.

На место Поливанова нужно было выбрать нового начальника Главного штаба. Нужен был не только умный и знающий, но и твердый человек, который продолжал бы начатое Поливановым трудное дело очистки Главного штаба от неспособных и обленившихся работников и упорядочивания его работы. О выборе такого лица я советовался с Поливановым, и мы остановились на генерал-лейтенанте Алексее Ермолаевиче Эверте; я его видел всего раз, но он произвел на меня самое лучшее впечатление; Поливанов тоже знал его очень мало, но всеобщий отзыв о нем из армии был отличный. Он был временно в Петербурге, я его вызвал к себе 17 апреля и при Поливанове предложил ему должность. Эверт отказывался, говоря, что его тянет в строй, он лишь мечтает о командовании дивизией, поэтому он уже отказался от должности генерал-квартирмейстера у Палицына (которого он, как потом оказалось, не выносил); кроме того, он опасался, что окажется не на высоте нового назначения.

На это я ему сказал, что мы, в таком случае, «утопим щуку в реке», спустив его в строй. В конце концов, он заявил, что если я прикажу, то он примет должность, и вслед за тем был назначен.

Эверт пробыв в должности два года. Он оказался безукоризненно честным и хорошим человеком с большим здравым умом, но не выдающимся администратором; человек добрый, он Главного штаба не вычистил и не подтянул. Эверт был очень твердых убеждений, пожалуй, даже упрям, и высказывал их вполне откровенно, так что мы неоднократно жестоко спорили с ним. Я его за это очень уважал и любил, но все же было трудно работать с человеком, с которым по некоторым вопросам (особенно по организационным) я совершенно расходился во мнениях. Поэтому, когда он весной 1908 года заявил о своем желании получить корпус, я поспешил исполнить его желание.

Для посещения военно-учебных заведений у меня совсем не было времени и лишь 11 марта, когда у меня неожиданно оказалось свободным одно утро вследствие отмены личного доклада у государя, я посетил Александровский кадетский корпус и Николаевское кавалерийское училище. 17 марта я заехал к Павлову³ и вместе с ним был в Военно-юридической академии, в помещении суда и в Главном военно-судном управлении.

К концу марта я уже чувствовал себя совсем усталым, и у меня появился явный признак переутомления — стал пропадать сон, от чего, конечно, я стал уставать еще больше. Чтобы помочь делу, я решил переехать в Царское. При массе работы, такой переезд представлялся даже несуразным, но я был убежден, что жизнь на свежем воздухе быстро мне поможет. Переезд я совершил в Страстной четверг, 30 марта, чтобы несколько свободных дней Страстной и Пасхи употребить на устройство на даче и отдых*. Ни у кого я не спрашивал разрешения на отъезд, находя это не только лишним, но и неудобным для себя, так как могли бы пойти суждения о том, может ли военный министр в столь тяжелые времена жить за городом? Решив самолично, что может, я был уверен, что все примут это решение просто к «сведению», тем более, что моя готовность уйти с должности была известна, — и в этом не ошибся.

В течение зимы в доме были произведены переделки: кухня и людская были перенесены в подвал; в нижнем этаже освободившиеся помещения обращены в столовую и буфетную, столовая и запасная соединены в большую гостиную, а бывшая гостиная — в служебный кабинет; в верхнем этаже две комнаты были соединены и образовали громадный, в четыре окна, частный кабинет. Работы в новом саду еще не были начаты, и он только был обнесен забором; работы эти производились весной и осенью этого года и были вполне закончены лишь в 1907 году. Работы в доме обошлись в пять тысяч рублей.

Весна 1906 года была очень ранняя и необыкновенно жаркая. При моем переезде в саду было еще пол аршина-три четверти снега, но он быстро стал сходить. Работая в одной тулупке по расчистке дорожек в саду, я немедленно вернул себе хороший сон и стал опять чувствовать себя вполне бодрым. В

---

* Мой секретарь по-прежнему поселился на даче по ту сторону Павловского шоссе.

субботу у меня был личный доклад у государя, но я ему ничего не сказал о своем переезде, так как решил считать его домашним делом, не влияющим на службу. В первый день Пасхи при Дворе большого выхода не было, но на третий день, 4 апреля, у меня вновь был личный доклад, и государь мне с удивлением сказал, что он узнал про мой переезд в Царское; я ответил очень просто, что устал и начал было страдать бессонницей, но здесь, в Царском, разгребая снег в саду, быстро вернул себе сон и вновь чувствую себя отлично. Государь тоже любил работать над расчисткой дорожек от снега и вполне понимал благодетельное действие такой работы. В результате, оказалось, что мой переезд в Царское был признан моим частным делом.

Жизнь в Царском чрезвычайно облегчала мне мои приезды к государю. Придворная карета приезжала за мной не на железную дорогу, а на дачу, и отвозила меня туда же обратно; каждая такая поездка для доклада требовала всего полтора-два часа вместо обычных четырех с половиной. Обыкновенно, государь переезжал в Петергоф лишь в половине июня, а потому я рассчитывал, что мне месяца два-два с половиной удастся пользоваться удобствами жизни вблизи от государя. Но совершенно неожиданно он уже в конце апреля (25-го или 26-го) переехал в Петергоф, вероятно для того, чтобы иметь возможность приехать на открытие Думы водой, а не по железной дороге, и избежать довольно опасного проезда в экипаже по улицам Петербурга. Вследствие этого, я пользовался упомянутым удобством всего три с половиной недели, в течение коих я четырнадцать раз бывал у государя: восемь раз с докладами, затем, на празднике л.-гв. Гренадерского и л.-гв. Уланского полков и на четырех заседаниях, в коих обсуждался проект новой редакции основных законов. После его переезда в Петергоф, я туда, по большей части, ездил на моторе.

Чтобы покончить с событиями весны 1906 года, мне осталось упомянуть о некоторых новых знакомствах и встречах.

В феврале, на масленице, я был зван к обеду на блины к герцогу Георгию Георгиевичу Мекленбург-Стрелицкому; он был женат на бывшей фрейлине его матери, Вонлярской, получившей титул графини Карловой, очень милой и симпатичной женщине, с которой мне приходилось встречаться при Дворе; она была вице-председательницей Порт-Артурского комитета, по делам которого мы обменялись несколькими письмами и,

наконец, позвала меня к обеду. Еще были за обедом только брат герцога, Михаил, и незамужняя сестра графини.

Обед прошел очень уютно. Герцог раньше командовал л.-гв. Драгунским полком, где его очень уважали как человека очень добросовестного и прямого; но особенно в полку любили его жену, как замечательно хорошую и добрую женщину, имевшую самое благотворное влияние на своего мужа; в ее отсутствие он становился тяжел, но стоило ей приехать, и она вновь настраивала его на свой лад. В то время он командовал бригадой и жил в своем доме на Фонтанке, против Аничковского дворца, устроенном по дворцовому, а в конце 1906 года был назначен командиром бригады. Он был человек очень неглупый и образованный, но ему вредила та трудность, с которой он говорил: правильно, но медленно, отчеканивая каждое слово, точно он совершает тяжелую работу. Его поэтому считали ограниченным, а между тем он был хорошо образован, начитан и любитель музыки. В конце 1906 года, он, по представлению главнокомандующего, был отчислен от бригады и назначен состоять в его распоряжении, причем выяснилось, что герцог интересуется обозной частью. Мне это было очень на руку и я его назначил председателем комиссии по переустройству всей обозной части и в особенности — обозных войск. Он намечался мною в инспекторы обозных войск, но умер уже в 1909 году. При его основательности и настойчивости он, наверное, принес бы обозному делу такую же пользу, как его отец — стрелковому в армии.

В марте у меня был посол далай-ламы Джорджиев, приехавший с переводчиком, воображавшим, что он умеет говорить по-русски. Я к нему пошел навстречу и хотел поздороваться, но он мне руки не дал, а стал говорить непонятный спич; переводчик постарался мне уяснить содержание, заключавшееся, по видимому, в приветствии и пожеланиях, затем Джорджиев взял на обе руки длинный кусок белой шелковой материи; переводчик из-за пазухи вынул бурхан (бронзовую статуэтку Будды), Джорджиев передал ее мне вместе с платком. Только после этого мы поздоровались и через переводчика обменялись несколькими фразами*. Какие переговоры Джор-

---

* Впоследствии, Джорджиев еще два раза бывал у меня, в декабре 1906 года и в марте 1909 года; воспоминанием об этих посещениях служили три бурхана (в европейской литературе этим словом обыкновенно обозначают изображения буддийских богов — (Сост.)). При послед-

джиев вел в Петербурге, я не знаю, и ни о каких делах он мне не говорил.

Адъютант мой, Чебыкин, бывший адъютантом еще при Ванновском, продолжал навещать его вдову; он передал мне о ее желании познакомиться со мной, и я в понедельник 20 марта заходил к ней с визитом. Впервые я был в других комнатах, кроме кабинета в доме военного министра на Садовой.

4 января меня навестил мой старый товарищ Мунк, о котором мне приходилось говорить; кажется, это было в последний раз, когда я его видел*.

Мой двоюродный брат, Сергей Шульман, в начале марта зашел ко мне сказать, что он по болезни уезжает за границу, в Антиб. У него оказалась странная и по его словам мучительная болезнь — чувство раздвоения своей личности; очень вероятно, что тягость службы с Павловым растрепала ему нервы. Отдых за границей ему помог, по крайней мере он ослабил явления болезни, на которую он, однако, жаловался еще долго после того. Его мать, Мария Александровна, оказалась в трудном положении: Сергей был ее единственным наследником, так как две дочери уже получили свою долю, и она для облегчения получения сыну наследства и для уменьшения наследственных пошлин все бывшие у нее ценные бумаги перевела на его имя. Теперь явилось опасение, что Сергей будет признан ненормальным, и тогда ее невестка, падкая до денег, потребует эти бумаги; чтобы избежать этого, Мария Александровна вынула их из банка и хранила их затем у себя, на дому.

Приближалось время открытия 1-й Государственной Думы. С тревожным чувством ожидалось это событие. Вести о выборах в Думу указывали на то, что она будет резко антиправительственной, а может быть даже революционной. При существовавшем в стране всеобщем неудовольствии, это было неудивительно, но все же будущее представлялось совершенно неясным и преисполненным всяких опасностей, так как новая Дума, введенная ради успокоения страны, могла, наоборот, окончательно революционизировать ее.

Старый Государственный Совет, проработав более ста лет в качестве законосовещательного учреждения, заканчивал свою

нем своем посещении, он мне поднес и куски тибетских шелковых материй.

* Перед тем он был у меня в январе 1905 года.

деятельность. 17 апреля я был в последнем его заседании, а вечером 25 апреля состоялся раут для всего нового состава Совета⁴, чтобы дать старым и вновь избранным членам случай познакомиться; я знал очень мало первых, вовсе не знал вторых и на рауте пробыл час, только чтобы показаться.

Перед открытием Думы кабинет графа Витте был уволен и заменен кабинетом Горемыкина. Оригинально, что я, член обоих кабинетов, узнал об этой перемене совершенно случайным образом: в среду, 19 апреля, при докладе великий князь Сергей Михайлович сообщил мне об отставке старого кабинета; то же подтвердил мне великий князь Николай Михайлович, заехавший ко мне в тот же день по какому-то делу. Оказалось, что я не уволен и оставлен в новом кабинете; все это доказывает слабую, чисто внешнюю, связь мою с кабинетом. О том, как и почему состоялась смена кабинета, я тогда даже и не знал. Только в марте 1909 года мне о том подробно рассказывал Коковцов. Государь предполагал только частичное преобразование кабинета с назначением Акимова его председателем; но Акимов заявил государю, что у него нет таких способностей, чтобы занять эту должность, и прибавил, что старому кабинету за смутное время столько пришлось совершить беззаконий, что ему лучше не показываться в Думе. Государь с этим согласился и весь кабинет был сменен, за исключением, кажется, только министров: Двора, Военного и Морского.

Витте немедленно переехал в свой дом (Каменноостровский, 5) и 24 апреля дал обед в честь членов своего кабинета; обед был довольно скучный; после него мне впервые пришлось беседовать с графиней Витте, очень умной женщиной. На обеде был и Палицын; после обеда у меня было до поезда еще полчаса свободного времени и я заехал к Палицыну выпить стакан чаю. Жены его я при этом не видал.

Многие из бывших членов кабинета были устроены не блестяще. Так, Шипов, бывший министром финансов, попал в члены какого-то совета своего бывшего Министерства, а министр путей сообщения Немешаев вернулся на прежнюю свою должность управляющего Юго-Западными железными дорогами.

Наконец, в четверг, 27 апреля, в Зимнем дворце состоялось открытие 1-й Государственной Думы и преобразованного Государственного Совета.

День был ужасно жаркий. Совет министров к без четверти час собрался в Эрмитаже, откуда нас затем перевели в Георгиевскую залу, где очень живописно на троне была положена императорская порфира; по сторонам трона стояли красные табуреты для императорских регалий. Против трона, по левую руку, стали члены Думы, а по правую — члены Государственного Совета. По правую же сторону, около престола, было небольшое возвышение для членов императорской фамилии, около которого стал Совет Министров*. Все служащие были в парадной форме, с которой контрастировали штатские костюмы, частью весьма небрежные, выборных членов новых законодательных учреждений.

В два часа государь вышел в зал. Перед ним несли регалии, которые были положены на табуреты, около которых стали лица, их несшие; за государем шла императорская фамилия. Государь очень спокойно, но с большим чувством, прочел отличную речь, редактированную им самим. Прокричали «ура» и государь с таким же церемониалом ушел. В половине третьего я уехал домой.

Великое событие совершилось. Перемена государственного строя России стала совершившимся фактом. При враждебном настроении Думы приходилось радоваться, что все сошло благополучно, без каких-либо неприятных инцидентов.

В тот же день, в четыре часа, в Таврическом дворце было открытие заседаний Думы, на котором присутствовал Совет министров; на следующий день, в два часа, состоялось открытие заседаний Государственного Совета, для которых был отведен зал Дворянского собрания, впредь до постройки в Маринском дворце новой, достаточно обширной, залы.

В день рождения государя, 6 мая, в Петергофе был назначен выход, на который мне удалось попасть лишь с трудом. Мой мотор был неисправен, и я должен был ехать в Петергоф через город, с поездом в 8.11 утра, но, когда я одевался, у меня в руках сломалась оправа очков. Без очков я совсем не могу существовать, а потому смолоду всегда ношу в кармане запасную пару**, но и в ней оказалось сломанным одно стекло, оче-

---

* Здесь я впервые увидел нового министра внутренних дел Столыпина.

** Уже в Турецком походе у меня всегда была при себе запасная пара очков.

видно, футляр не оберег его от удара. Надо было найти какие-нибудь старые очки, но на даче я еще не успел разобрать все вещи и часть ключей куда-то заблудилась. Пришлось посылать за слесарем и старые очки были добыты. Чтобы попасть в Петербург, я поехал на станцию Варшавской железной дороги, на поезд 9.09, но оказалось, что он еще не ходит, и я попал лишь на поезд 10.07 Царскосельской дороги. В городе экипаж меня ждал на Варшавской станции, и я на извозчике добрался на Балтийскую железную дорогу. В Петергоф я попал к самому концу молебствия. Это было редким сочетанием мелких неудач.

За завтраком в этот день около меня сидел председатель новой Думы Муромцев. Я ему сказал, что стою вне политики и желаю лишь одного — делать свое дело; он расспрашивал о намеченных мною реформах; я ответил, что пока занялся личным составом, добился усиленных пенсий и теперь увольняю всех бесполезных; он высказал полное сочувствие. Относительно Думы он мне сказал, что ее надо занять работой, тогда партии обозначатся; по земельному вопросу — что он не будет разрешен в радикальном смысле, так как ведь есть шесть миллионов крестьян-собственников; что Дума уважает власть и надо лишь выступить с твердой программой (например, по делам Дальнего Востока).

Он, очевидно, был прав в том, что Думу надо занять работой. Витте это тоже твердил и разные законопроекты разрабатывались, но ко времени открытия Думы ничего еще не было готово; собственно по военной части ничего и не намечалось вносить в Думу, так как все внутренние военные меры могли проводиться в порядке военного законодательства, если только расходы не выходили из рамок предельного бюджета. Контингент новобранцев на следующий призыв уже был утвержден Государственным Советом, а других вопросов, с которыми мне надо было бы идти в Думу, пока не предвиделось. Единственный общий вопрос, о передаче гражданского управления в Туркестане в ведение Министерства внутренних дел, хотя и был в принципе одобрен Советом министров, но требовал еще долгой и сложной разработки.

С открытием Думы министерствам было указано, чтобы они скорее вносили в Думу готовые законопроекты, но их было мало и помнится, что, по иронии судьбы, первым был вне-

сен проект теплицы при Юрьевском университете. У Думы серьезной работы не было, да едва ли она даже была бы в состоянии заняться ею — она всецело была поглощена ненавистью ко всему существующему, желанием сокрушить его в корне. Представители правительства, появляющиеся в Думе, подвергались оскорблениям, и Дума, считая себя всемогущей, смотрела на них, как на подсудимых, осыпала их бранью и криками «вон!».

Первым делом Дума занялась адресом на имя государя, совершенно ненормальным. Проект его был известен Совету министров, который обсуждал его на заседании 4 мая, причем большинство (девять человек: Горемыкин, я, Бирилев, Фредерикс, Столыпин, Стишинский...*) полагали дать ответ по получении адреса, а меньшинство (семь человек: Коковцов, Шванебах, Извольский, Гурко...**) полагало завтра же прочесть декларацию правительства. При последнем решении адрес все же был бы принят Думой, и тогда получился бы явный конфликт, который потребовал бы немедленного роспуска Думы. На совместную работу с нею, да и вообще на работу Думы, едва ли можно было надеяться; но население возлагало на нее такие большие надежды, что немедленный роспуск ее был бы для него большим разочарованием и надобно было попытаться привлечь ее к работе и дать ей самой возможность показать, способна ли она к ней или нет?

Декларация правительства все же была составлена, для оглашения после получения адреса. Государь сделал в ней небольшие изменения, доложенные Совету на заседании его 12 мая.

Среди пожеланий Думы на первый план был выдвинут вопрос об отмене смертной казни. Это было вполне естественно: только угрозой казни правительство могло бороться с преступлениями, которыми революционеры и хулиганы терроризировали население, и Думе, конечно, было желательно отнять у правительства это оружие, так как большинство ее не только отказалось выразить порицание этим преступлениям, но даже сочувствовали им; иным членам Думы приходилось опасаться, что и они сами, рано или поздно, могут подпасть под действие закона, ведущего на виселицу.

* Отточие в тексте рукописи (Сост.).

** Отточие в тексте рукописи (Сост.).

По гражданским законам у нас со времен Елисаветы Петровны нет смертной казни*; но даже в том случае, если бы она существовала в общем кодексе, то едва ли применялась бы гражданскими судами, ввиду тогдашнего их настроения. В военном законодательстве смертная казнь тоже была сохранена лишь на военное время за некоторые воинские преступления, а равно за важнейшие общие преступления, совершенные в местностях, объявленных на военном положении. В революционный период эти статьи и применялись, а если данная местность и не была объявлена на военном положении, то дела по постановлению министра внутренних дел все же могли передаваться в военный суд для суждения по законам военного времени. Военное ведомство во всех этих делах играло чисто служебную роль: его суды должны были разбирать дела, которые ему передавались и выносить по ним смертные приговоры. Не говоря уже о том, насколько все это было тяжело в нравственном отношении, но на военные суды возлагалась громадная работа, и против них, а косвенно и против всей армии, возбуждалась ненависть населения.

Совет министров признавал желательным, чтобы по вопросу об отмене смертной казни** был дан ответ в Думе, и на заседании 20 мая предложил мне взять это на себя. Я заявил, что военное ведомство в суждении гражданских дел по законам военного времени является только исполнителем, и что ответ должен дать тот, который передает эти дела военному суду. Горемыкин, Щегловитов, Столыпин и другие члены Совета стали наседать на меня, чтобы я все же выступил в Думе или послал туда кого-либо из своих подчиненных, очевидно для того, чтобы самим остаться в стороне от этого дела. Чтобы покончить эти разговоры, я заявил, что, пока я — министр, то не только сам не выступаю с объяснениями по чужому делу, но не позволю этого и своим подчиненным, так как это было бы равносильно принятию на ответственность военного ведомства того, за что оно отвечать не может и не должно. После этого пошли речи иные: признали, что я прав, что действительно не стоит выступать ни мне, ни кому-либо другому, кто

---

* Кроме только преступлений: против особы государя и некоторых других, совсем исключительных.

** И в частности — о казнях в Риге, о которых Дума сделала запрос.

мог бы считаться представителем армии, и что, кроме того, тут нужны объяснения не по существу, а лишь чисто формальные, что уже является прямым делом техники этого дела — главного военного прокурора. С такой постановкой вопроса пришлось согласиться.

Вслед за тем Павлов выступил в Думе; его, конечно, приняли отвратительно. Уже 3 июня он нарочно приехал ко мне в Царское жаловаться на то, что все газеты его травят, возлагая лично на него ответственность за строгость военных судов и одним смертных казней. Вскоре после того он получил предупреждение от тайной полиции, что на него готовится покушение, и перестал почти вовсе выходить из своей квартиры, а в конце декабря все же был убит. Я уже говорил, что Павлов был нелюбим в военно-судебном ведомстве, чистка же этого ведомства не замедлила сделать его имя ненавистным. В Думе были изгнанные при нем из военно-судебного ведомства лица, в печати они также подвизались, и все эти личные враги Павлова воспользовались предлогом, чтобы ненавистного им человека очернить и сделать ненавистным всему обществу.

Говоря по правде, Павлов сам был чуть ли не человеконенавистником. В его лице я впервые увидел начальника, не хлопчущего почти никогда за своих подчиненных. Ввиду тяжести службы в смутное время, я испросил в 1905 или 1906 году лишние награды военнослужащим и предложил Павлову испросить таковые и для чинов своего ведомства, несших очень тяжелую службу. Павлов признавал это лишним, так как они ведь только исполняют свой долг и, кроме того, их положение значительно улучшилось вследствие начавшегося в ведомстве быстрого движения по службе. Награды были назначены только по моему категорическому указанию; но в своих возражениях Павлов обрисовывается вполне: сам добросовестнейший служака, точнейший исполнитель закона, он и от других требовал того же, а исполнение наиболее тяжелой службы считал лишь исполнением служебного долга и не видел в нем повода к каким-либо особым наградам. Вместе с тем, у него всякая вина была виновата, и он лишь с трудом находил поводы для снисхождения. Я его искренне уважал, как цельного, твердого и честного человека, но ему не симпатизировал.

В конце мая или в начале июня в Белостоке произошли беспорядки, вызванные евреями и подавленные войсками. Ин-

цидент этот был раздут, и Дума решила послать туда свою следственную комиссию. Белосток состоял не то на военном положении, не то на положении усиленной охраны, и в нем обязанности генерал-губернатора были возложены на начальника 4-й кавалерийской дивизии генерал-лейтенанта Бадера, которому Столыпин секретной телеграммой предписал выслать комиссию из своего района тотчас по ее прибытии, но Бадер этого приказа не исполнил, и комиссия сделала свое дело: собрала показания и жалобы евреев и представила их Думе; докладчиком комиссии был профессор Щепкин. 18 июня я получил от государя записку с приказанием быть на заседании Думы по этому делу для защиты войск от нападков на них, и это приказание было подтверждено при личном моем докладе 20 июня. Поручение это было тяжелое. Вообще неприятно выступать перед враждебно настроенной аудиторией, а тут приходилось идти на неизбежный скандал, причем я мог быть уверен, что меня лично и армию обругают, а между тем я не имел никакой уверенности в том, что правительство за меня заступится, не имел полномочия на скандал и ругань, отвечая тем же. На оскорбление правительства и армии было бы наиболее естественно ответить роспуском Думы, но уже многих представителей правительства оскорбляли в Думе совершенно безнаказанно; наконец, мне вовсе не улыбалось быть участником такого скандала, из-за которого пришлось бы распустить Думу, так как вину в этом охотно возложили бы на меня. Я был далек от всех вопросов внутренней политики, но все же знал, что на роспуск Думы не решаются, и что идет речь о привлечении в состав кабинета умеренных ее членов, чтобы попробовать работать с нею. Я не брался судить о том, насколько это было возможно и желательно, но не желал бы являться и помехой в этой комбинации. Однако, рассуждать не приходилось — я должен был выступить в Думе. В приеме, какой я встречу, не могло быть сомнения; со своей стороны, я решил не оставаться в долгу и на ругань ответить тем же, предоставляя правительству одобрить мои действия или отказаться от меня.

20 июня было заседание Совета министров; я считал лишним испрашивать какие-либо указания Совета по поводу моего выступления, так как уже сам решил, как буду отвечать, и, с другой стороны, не рассчитывал, что он меня непременно подержит даже в том случае, если я поступлю по его указаниям,

так как Совет чувствовал себя просто растерянным и сам еще не знал, какую позицию ему придется занять. На этом заседании я видел барона Фредерикса и сказал ему, что выступлю 22 июня в Думе по Белостокскому делу и жду такого скандала, что мне придется снять мундир.

На следующий день я был в заседании Совета обороны в Красном Селе. По его окончании (в половине одиннадцатого вечера) великий князь Николай Николаевич меня задержал; он знал о предстоявшем мне выступлении в Думе (от Фредерикса?) и сказал, что мне нельзя выступать, так как это может вызвать скандал, могущий повредить комбинации о преобразовании Министерства. Я ответил, что имею приказание государя.

Он немедленно потребовал свою тройку и помчался в Петергоф к государю. На следующее утро, 22 июня, в половине девятого, камердинер государя по телефону передал мне из Петергофа в Царское повеление государя, что мне не надо ехать в город*; я его получил за час до уже назначенного выезда для выступления в Думе. Откровенно скажу, я был чрезвычайно рад. Дума ругалась в этот день всюю, но без представителя правительства.

Однако, все соображения о каком-либо соглашении с Думой и о совместной с нею работе вскоре оказались несостоятельными, и ее решили распустить. В отношении первой Думы это было делом нелегким: она сама считала себя призванной не только для вершения текущих законодательных дел, но для переустройства России на новых началах, да и народ возлагал на нее преувеличенные надежды. Разочароваться в ней успела только благоразумная часть общества, составляющая меньшинство, а массы еще верили в нее и в возможность выполнения всех ее пожеланий и восторгались хлесткой и беззастенчивой критикой всего существующего, раздававшейся в ее стенах. В самой Думе было немало революционеров, которые, в случае ее роспуска, могли поднять беспорядки как в столице, так и в провинции. Необходимо было поэтому принять особые меры предосторожности.

Гарнизон Петербурга летом составляла, по обыкновению, лишь одна армейская пехотная дивизия и казаки; войска же

---

* Государь не любил сам говорить по телефону, и спешные его приказания передавались по телефону камердинером.

Гвардии, по настоянию великого князя Николая Николаевича, с весны находились в Красносельском лагере. Ко времени закрытия Думы решено было привести войска из Красного, чтобы в столице все прошло гладко — тогда можно было надеяться, что и в провинции все останется спокойным. Горемыкин позвал Столыпина и меня на совещание у себя в воскресенье, 2 июля. На этом совещании было решено закрыть Думу утром в воскресенье, 9 июля, и Горемыкин при нас переговорил с великим князем Николаем Николаевичем, бывшим в Красном Селе, и сказал ему в условленных выражениях: «Прошу командировать генерала Ванновского ко мне в субботу, к шести часам дня», что означало, что к этому времени войска должны были вступить в Петербург.

Все было исполнено, как предположено. В субботу вечером войска вступили в город, а в воскресенье утром газеты уже опубликовали указ о роспуске Думы. Как в столице, так и в провинции, по этому поводу беспорядков не было: кто уже разочаровался в Думе, кто присмирел, увидев, что в стране есть власть, которая не только имеет право распустить Думу, но и пользуется этим правом.

На заседаниях первой Думы я не бывал ни разу; но отдельные члены ее заходили ко мне ради разных ходатайств, особенно по судебным делам, о смягчении приговоров и т. п. Приходилось объяснять, что я к приговорам не причастен: предаю суду гражданские власти, на суд я никогда никакого давления не оказываю, а утверждение приговоров совершается на местах без моего ведома. Несколько раз заходили ко мне просить моего содействия в отмене смертной казни; в откровенной беседе посетители, однако, соглашались, что на военное время смертную казнь надо сохранить, но зачем же казнят в мирное время? Я ответил, что лишь первый вопрос касается меня, а применение военных законов в мирное время от меня не зависит. Каким-то депутатам я даже сказал, что они ведь ничего не имеют против дисциплинарного устава? Но ведь если его применяют к Думе, и ее председателю предоставят сажать членов Думы под арест, то это уже меня не касается и нельзя же из-за этого требовать, чтобы и в армии дисциплинарный устав был отменен!*

---

* Один из польских членов Думы заехал ко мне в Царское, чтобы по какому-то судебному делу в Польше был дан ход кассационной жа-

Несмотря на роспуск Думы, кажется, предполагалось, все же искать сближения с наиболее умеренной в ней партией, так называемой «кадетской». Говорили, что с этой целью Муромцев вызывался к государю, но он уже уехал в Выборг, где принял участие в издании пресловутого «Выборгского воззвания»⁵, после чего не могло быть речи о каких-либо разговорах с ним, но 18 июля Совет министров обсуждал вопрос о привлечении в состав кабинета четырех новых лиц: Гучкова, Кони, Гейдена и Львова, которое однако не состоялось*.

Одновременно с роспуском 1-й Думы, было объявлено о выборах во 2-ю Думу и о времени ее созыва, выборы должны были производиться на основании того же избирательного закона. Впоследствии Столыпин рассказывал, что государь тогда же ему сказал, что он согласен сделать еще один опыт с этим законом, если же этот опыт окажется неудачным, то закон надо изменить.

Вслед за роспуском Думы Горемыкин был уволен от должности председателя Совета министров, и его в этой должности заменил Столыпин. Как это произошло, я совсем не знаю, но думаю, что Горемыкин сам отпросился.

Горемыкину тогда уже было шестьдесят шесть лет. Он был очень спокоен, ровен и вежлив, и при нем заседания Совета министров приобрели совсем иной характер, чем при Витте: они стали спокойным собеседованием членов Совета, причем Горемыкин, однако, сохранил за собою решение вопросов, но это решение он высказывал таким отечески спокойным и вежливым тоном, что этим устранялась всякая обида, столь же спокойно и вежливо он прерывал длинные речи и заседания от этого стали короче. Они происходили в бывшем доме шефа жандармов, на Фонтанке № 16, в кабинете, расположенном в первом этаже, и при открытых окнах, когда погода была жаркая**.

лобе, я при нем послал телеграмму генерал-адъютанту Скалону с вопросом: не признает ли он возможным это сделать? Через один или два дня я получил букет роз, о котором я упоминал, и приписал его благодарности этого господина.

* Для обсуждения этого вопроса после общего заседания Совета остались Столыпин, Коковцов, Извольский (А. П.), Шванебах, Кауфман, Шауфус, Щегловитов и я. Таким образом, замене подлежали бы: (Так в тексте. — *Сост.*).

** При тогдашней нервности, нас однажды заставил вздрогнуть внезапный шум с улицы, кажется, от упавшей маркизы (маркиза — матерчатый навес над окном или балконом для защиты от солнца. — *Сост.*)).

В Совете министров я бывал лишь по мере возможности, так как большинство обсуждавшихся в нем вопросов меня не касались, но все же при Горемыкине был в нем шестнадцать раз (30 апреля—6 июля), или один-два раза в неделю.

Столыпин тогда, на первых порах, производил на меня самое лучшее впечатление: молодой, энергичный, с верой в будущность России, он решительно взялся за реформы. До созыва 2-й Думы Совет министров, действуя по ст. 87 Основных законов, получал обширнейшую законодательную власть, которой Столыпин пользовался широко для проведения новых законов, подчас весьма крупных. Эта полнота власти, к сожалению, оказала дурное влияние на Совет и в особенности — на Столыпина, так как породила у них преувеличенное представление о их значении и положила начало той мании величия, которая, в конце концов, овладела Столыпиным. Занятая мною позиция министра, редко бывающего в Совете* и вовсе не желающего давать кому-либо вторгаться в дела армии, невольно привела, в конце концов, к тому, что я фактически стал вне Совета министров, а со Столыпиным, уже с осени этого года, начались столкновения из-за его желания самовластно распоряжаться и в армии.

Летом 1906 года войска по-прежнему несли весьма тяжелые наряды по охране порядка в стране, и только Гвардейский корпус вышел по обыкновению в лагерь в почти полном составе (без караулов); однако, в нем еще до роспуска 1-й Думы произошел крупный беспорядок.

Для охраны государя в Петергофе туда посылался из Красного Села пехотный полк, причем полки сменялись каждую неделю. Когда очередь идти в Петергоф дошла до Преображенского полка, в нем накануне выступления начались какие-то волнения, были крики нижних чинов, что они не хотят идти пешком, а их должны везти по железной дороге и т. п. Командир полка (генерал-майор Гадон) говорил с нижними чинами и, по-видимому, все успокоилось. Полк пришел в Петергоф; но там волнение возобновилось, особенно в 1-м батальоне: нижние чины не расходились спать и обругали говоривших с ними дежурных по батальону и по полку. Командующий диви-

---

* С 10 июля по конец сентября я был лишь на девяти заседаниях Совета министров.

зией (генерал-адъютант Озеров, сам бывший преображенец) говорил с батальоном и уговорил их прекратить беспорядки и арестовать зачинщиков. Из Красного Села уже был вызван другой полк (кажется, лейб-гренадерский), который вместе с гарнизоном Петергофа должен был сломить преображенцев, но обошлось благополучно без этого. Преображенцы были отосланы назад в Красное, 1-й батальон — без оружия.

Тотчас по завершении этого эпизода (во вторник, 13 июня), я приехал в Петергоф с очередным личным докладом. Государь мне рассказал о всем происшедшем и приказал немедленно заготовить приказ с выговором Гадону, а 1-й батальон преображенцев раскидать. Беспорядок именно в этом батальоне был ему особенно неприятен, так как он сам командовал им до вступления на престол и даже не отдавал приказа о сдаче батальона, так что преображенцы продолжали считать его командиром этого батальона, во главе которого в полку был лишь командующий батальоном. Я, тут же на докладе, набросал проект статьи в высочайший приказ со строгим выговором Гадону за недостаток внутреннего порядка и дисциплины в 1-м батальоне полка. Государь, однако, затруднился принять даже такую формулировку произошедшего в любимом полку, поэтому на совет был призван еще и Палицын. Ожидавший с докладом Палицын стал что-то мямлить и предлагал длинное описание, но я отстоял свою редакцию. Было решено, что я заеду в Красное Село и переговорю с великим князем Николаем Николаевичем о редакции приказа и о дальнейшей судьбе батальона.

В этот день я был зван на завтрак к великому князю Константину Константиновичу, в Стрельну, а потому после доклада заехал к нему; до завтрака (в час дня) оставалось три-четыре часа, и мы гуляли по саду, говоря о преображенском деле. Тотчас после завтрака я поехал дальше в Красное и переговорю с главнокомандующим. Я предложил не раскассировать батальон, так как всякому полку будет обидно получать из него людей, а обратить его в армейский и дать ему исчезнуть по мере увольнения нижних чинов в запас. Великий князь согласился с этой мыслью (которая на следующий день была высочайше утверждена) и с редакцией приказа. По настоянию великого князя, в приказе 21 июня был объявлен ряд взысканий за недостаток внутреннего порядка и дисциплины в 1-м бата-

льоне Преображенского полка: ему самому он был поставлен на вид, командиру корпуса генерал-адъютанту князю Васильчикову объявлено замечание, и он уволен от должности, а командиру бригады, генерал-майору Сирелиусу объявлен выговор. Командующий дивизией генерал-адъютант Озеров и командир полка свиты его величества генерал-майор Гадон уволены от службы.

По всему этому делу было произведено следствие, а затем был суд; оказалось, что собственно о бунте, о намерении нарушить присягу не было и речи, а просто в полку не было внутреннего порядка.

Беспорядки в Преображенском полку произошли в самое смутное время, за месяц до роспуска Думы, и произвели на всю Гвардию самое тяжелое впечатление. В то время весь Красносельский лагерь систематически забрасывался прокламациями, так что во всех полках было известное колебание и брожение и, не смотря на постоянные беседы офицеров с нижними чинами, ни один командир полка не мог бы поручиться, что и у него не случится какого-либо беспорядка. Происшествие в Преображенском полку послужило кризисом: вся Гвардия отрезвилась и стала тверже, чем когда-либо. Остальные полки стали чуждаться преобразенцев, тем более, что революционеры, считая их уже своими, стали играть преобразенский марш. Тяжелая кара, постигшая виновный батальон и всех высших его начальников, тоже произвела сильное впечатление, не только в Гвардии, но и во всей армии.

Среди населения этот инцидент тоже получил ложную оценку, так как большинство было склонно считать, что если даже первый полк Гвардии является ненадежным, то вообще уже на войска рассчитывать нельзя! Между тем, для всех, знавших Гвардию, было ясно, что именно Преобразенский полк по обучению и воспитанию является самым слабым, а потому наиболее доступным для всяких внешних влияний и подверженным всяким случайностям. Объяснялось это тем, что полком в течение целого ряда лет командовали лица очень милые, но в строевые начальники непригодные (например, великий князь Константин Константинович (1891—1900)), и в полку издавна среди офицеров установился весьма льготный взгляд на службу, вследствие чего главными деятелями в полку были старые фельдфебеля, заботившиеся только о внешнем порядке

и личном своем обогащении. Наконец, полк страдал от хронического некомплекта офицеров: жизнь в полку была сопряжена с такими расходами, что была доступна только людям богатым, которые, между тем, предпочитали службу в гвардейской кавалерии. Чтобы обеспечить полк средствами для того, чтобы он и впредь мог поддерживать свой богатый образ жизни и хозяйство полка, даже при неумелом его ведении, государь в конце 1905 года пожаловал полку в собственность громадный участок земли (бывших когда-то огородов его) около казарм на Кирочной*. Постепенной продажей этой земли под постройку домов полк затем стал составлять себе большой капитал, вероятно в несколько миллионов рублей. Существование такого капитала, конечно, очень облегчало дальнейшее командование полком и пополнение его офицерами, так как неимущие стали получать из полковых сумм щедрую помощь.

Дороговизна жизни в Гвардии приводила к крайне нежелательным явлениям, так как лучшие ученики училищ весьма часто должны были выходить в армию по недостатку средств для службы в Гвардии, а в гвардейские полки поступали посредственные по успехам, но обладавшие средствами. Но и таких оказывалось недостаточно для пополнения наиболее дорогих по жизни полков, а потому ежегодно, по выпуску из училищ, возбуждались многочисленные ходатайства о переводе в Гвардию тупиц и неучей, которые по прямому указанию закона даже не имели права на такой перевод. Результаты получались самые отчаянные: Гвардия заполнялась неучами, а армия стала негодовать, что такие неучи пользовались всеми преимуществами, даваемыми службой в Гвардии, ставшими теперь уделом не лучших офицеров, а наиболее состоятельных.

Еще в восьмидесятых годах вся армейская пехота пополнялась офицерами из юнкерских училищ, а офицеры из военных училищ были в ней редки. В то время преимущества службы в Гвардии, пополняемой лучшими воспитанниками военных училищ, были еще вполне естественны; притом жизнь в большинстве полков гвардейской пехоты еще была доступна для людей с ограниченными средствами и даже (хотя с трудом и лишени-

---

* Инициатива этого пожалования принадлежала великому князю Владимиру Александровичу, представившему государю проект указа, который был передан мне государем для исполнения: переписки на бланке, испрошения подписи и контрассигнации.

ями) для офицеров без всяких собственных средств. Но постепенно и армия стала получать офицеров с такой же подготовкой, как и Гвардия, и привилегии последней стали анахронизмом, вызывавшим зависть и справедливое неудовольствие в армии.

Наиболее правильным было бы упразднить служебные преимущества Гвардии, главным образом, производство по линии из капитанов сразу в полковники, но тогда это представлялось крайне трудным, так как Гвардия только что сослужила большую службу правительству и отнятие у нее привилегий представлялось бы черной неблагодарностью*. Я поэтому пытался как-либо повлиять на упрощение и удешевление жизни в Гвардии; беседовал я об этом и с командирами полков и со старшими начальниками, но ото всех получал один и тот же неутешительный ответ: таковы традиции; офицеры ведь люди взрослые и имеют право жить так, как они хотят и как им позволяют их средства, а всякое вмешательство начальства в это дело рассматривалось бы как вторжение в частную жизнь офицеров. Я хорошо понимал, что дело обстоит именно так, и что оно представляет громадные трудности, но все же хотел сделать попытку к его разрешению и обратился за помощью к государю. Рассказав ему, какие трудности в пополнении офицерами происходят от дороговизны жизни в Гвардии и как они понижают качественный состав офицеров, я спросил его, не найдет ли он возможным дать лично указания на желательность более скромной жизни в полках Гвардии?*** К сожалению, я получил полный отказ. Государь мне сказал, что он хорошо знает жизнь офицеров Гвардии, бывая запросто в полках, и что он находит ее вполне скромной. После этого говорить больше не приходилось: по личному масштабу государя, жизнь офицеров, конечно, была скромной, если не бедной; но ведь эту жизнь надо

---

* Летом 1907 года я думал поднять вопрос о служебном сравнении Гвардии с армией, введя в первой чин подполковника; переход совершился бы переименованием всех обер-офицеров в армейские чины с оставлением в своих полках, причем в течение нескольких лет существовало бы несоответствие между чинами и должностями. Я об этом писал великому князю Николаю Николаевичу, который признал это преобразование несвоевременным.

** Между прочим, очень легко было бы запретить подношение букетов, устройство на маневрах павильонов с цветниками для императрицы и тому подобное.

было мерить по совсем иному масштабу, по казенному содержанию, а на эту точку зрения государь не пожелал встать. К сожалению, ему не приходилось знакомиться ни с жизнью армейских частей, ни вообще с жизнью более скромной, чем в богатых полках, которые по его мнению, жили скромно. Отметив выше яркое несоответствие между пополнением офицеров Гвардии и их служебными преимуществами, я должен признаться, что мне не удалось сделать ничего для его устранения.

В течение лета в Красном Селе было четыре заседания Совета государственной обороны, причем мне удалось провести в нем основные положения нового закона об аттестациях. Я уже говорил, что мое первое представление по этому вопросу при рассмотрении его в Совете 22 сентября 1905 года встретило в нем такую оппозицию, что я должен был взять проект обратно для передачи его на предварительное обсуждение командующих войсками в округах. Заключение эти были получены; большинство из них яро восставало против полковых комиссий, а относительно остальных мнения разделились. Главный штаб медлил с внесением представления в Совет обороны. Тогда я сам написал великому князю Николаю Николаевичу письмо, в котором в общих чертах изложил принципиальную сторону дела и суть полученных заключений и просил вновь поставить дело на обсуждение Совета. Ввиду возражений против полковых комиссий, я предложил временно, до указаний опыта, поставить вместо них дивизионные, но с добавлением в их состав председателя суда общества офицеров соответствующего полка. Письмо мое было разослано членам Совета и обсуждалось на заседании 20 июля в Красном Селе. Дебаты вновь длились два с половиной часа (с половины девятого до одиннадцати часов вечера). На этот раз большинство уже явно склонялось в мою сторону. Причины такой перемены взглядов, я думаю, были разнообразны: с одной стороны, образование Высшей аттестационной комиссии наглядно убедило как в пользу коллегиального обсуждения, так и в несовершенстве получавшихся из войск аттестаций; с другой стороны, с самой идеей уже успели освоиться и она уже не представлялась столь еретической, как десять месяцев назад; наконец, оказывали влияние перемена в составе членов Совета и то, что моим письмом была в старой форме выдвинута принципиальная сторона дела.

Общее сочувствие моему проекту не разделял, однако, председатель Совета. Оторвав клочок бумаги, он на нем написал карандашом несколько слов и показал их своему брату, а затем и великому князю Сергею Михайловичу. Я вопросительно взглянул на него, и он дал прочесть и мне; на ней стояло: «Если будут полковые комиссии, то я не останусь главнокомандующим». Я вернул бумажку с успокоительным жестом и, когда при голосовании очередь дошла до меня, сказал, что глубоко убежден в пользе полковых комиссий, но что, считаясь с возражениями строевых начальников, я полагал бы для начала заменить их дивизионными с участием председателя суда общества офицеров данного полка.

Я подавал голос последним; до меня за полковые комиссии уже высказались семь голосов (великие князья Петр Николаевич и Сергей Михайлович, Диков, Зарубаев, Вернандер, Протопопов и Эверт)*, которые теперь примкнули к моему мнению. Против него высказались лишь председатель, послушный ему Газенкампф и почему-то Остроградский. Палицын же ухитрился не сказать ни да, ни нет.

Таким образом, я в Совете обороны одержал полный успех и добился принципиального одобрения моего проекта; по журналу Совета мнение большинства было высочайше утверждено. Оставалось только жалеть о том, что мне не удалось добиться этого успеха при первом рассмотрении дела, и десять месяцев из-за этого пропали. Говоря об упомянутом первом рассмотрении, я указал на неуважительное тогда отношение членов Совета к военному министру; теперь, через год, это отношение уже успело измениться коренным образом.

Проведение дела в законодательном порядке состоялось только в конце года, но я расскажу о нем теперь же, чтобы более к нему не возвращаться. Разработка законопроекта, на первых порах хотя бы для пехоты и кавалерии (то есть для главной массы войск), представила довольно большую сложность ввиду крайнего разнообразия и пестроты нашей организации. Я торопил работу, чтобы поскорее получить новые аттестации, но все же она поспела и была внесена в Военный совет лишь в конце сентября. При рассмотрении проекта в Совете, он вы-

---

* В 1906 году постоянными членами были: Гродеков, Газенкампф, Случевский, Мылов, Костырко и Дубасов. В 1907 году: Газенкампф, Зарубаев, Вернандер, Протопопов и Диков.

звал много мелких замечаний, поэтому Совет избрал свою комиссию для его подробного обсуждения; та выработала новую редакцию, не касаясь оснований проекта, как уже высочайше одобренных; ее проект должен был рассматриваться на заседании Совета 19 октября. На этом заседании мне раньше всего был поставлен вопрос, можно ли касаться упомянутых оснований? Я сказал, что можно, так как государь должен знать искреннее мнение Совета. Иного ответа нельзя было дать, так как иначе пошли бы разговоры, что я по столь важному вопросу не дал Совету высказаться; но тогда в Совете поднялась такая полемика и стали высказываться столь разноречивые взгляды, что стало очевидным, что Совет не скоро договорится до чего-либо. Я поэтому предложил Совету собраться в частное собрание для обмена мнениями и для выяснения всех сторон дела и просил старшего из членов, Рерберга, созвать это собрание. В следующий четверг, 26 октября, оказалось, что Рерберг еще не созывал собрания, так как ему нужны были какие-то сведения; в следующее заседание, 2 ноября, я получил тот же ответ. Тогда я заявил Совету, что считаю дело спешным, а потому оно будет слушаться 9 ноября и что, если Совету угодно обсудить его предварительно, то это надо сделать в течение недели. Только тогда, в начале следующей недели, Совет собрался в частное заседание, в котором Поливанов давал подробные объяснения.

Наконец, 9 ноября дело было окончательно доложено Совету; опять начались дебаты и разнородные предложения, как устроить коллегии. Чтобы закончить разговоры, я записал сделанные три предложения и затем опросил мнения, кто присоединяется к проекту Главного штаба или к какому-либо из этих трех предложений? Голоса разбились совершенно: наибольшее число голосов (кажется, восемь) получил проект Рерберга*, затем уже шел (шесть голосов?) проект Главного штаба, а потом два остальные предложения.

Чтобы не испортить дела, я на этом покончил, не пытаюсь свести голоса (иначе большинство могло бы получиться в пользу проекта Рерберга), а оставил четыре мнения; ни одно из них не имело за себя большинства голосов, а тогда дело представлялось на высочайшее благоусмотрение. Я так и сделал; жур-

---

* Помнится, он низшую коллегию проектировал в составе трех лиц: начальника дивизии и командиров — своей бригады и полка.

нал Совета, после его подписания, взял с собой в личный доклад и попросил государя утвердить мнение номер два.

Таким образом, я, наконец, 25 ноября 1906 года добился своего после более чем годовой борьбы, сначала в Совете обороны, а затем в Военном совете. Трудность проведения дела в Военном совете служила доказательством, что я был прав, не внося дела прямо в этот Совет: даже теперь, по одобрении государем оснований реформы, Совет ее тормозил и хотел изуродовать, а до этого одобрения он вовсе провалил бы ее. Очевидно, Военный совет с трудом шел на новшества и требовал пополнения членами, более знакомыми с современной обстановкой и нуждами войск.

Задержка в рассмотрении дела в Военном совете привела к тому, что новых аттестаций мы не могли получить к Новому году, а получили их лишь в начале 1907 года, и только тогда могли начать составление новых кандидатских списков и начать освобождение армии от нескольких сот сверхштатных штаб-офицеров, тормозивших все производство в армии.

Новый закон об аттестациях был принят в войсках весьма сочувственно, так как он давал большую гарантию в правильности аттестаций, но впоследствии многим пришлось разочароваться в нем, когда выяснилось, что по новым аттестациям целая масса офицеров действительно увольняются от службы.

Упорный противник этого закона, великий князь Николай Николаевич, впоследствии неоднократно говорил мне, что аттестационные комиссии в его округе действуют отлично. Здесь будет уместно сказать несколько слов о новых членах Совета государственной обороны: Зарубаеве, Протопопове, Вернадере и Дикове.

Николай Платонович Зарубаев до войны был мало известен, но во время войны выдвинулся как командир 4-го Сибирского армейского корпуса. Поэтому, а вероятно и по рекомендации Газенкампа (друга Зарубаева), великий князь Николай Николаевич взял его к себе в помощники, собственно, для наблюдения за обучением пехоты и для инспектирования войск. Я с ним познакомился в Совете обороны, где он говорил мало, но дельно, и производил впечатление человека скромного, более молчаливого; хотя способности его мне казались средними, но у него было славное боевое прошлое, и главнокомандующий, и Газенкампф постоянно расхваливали его как знатока

пехоты и ее обучения. Поэтому, когда Гриппенберг весной 1906 года по болезни отпросился от должности генерал-инспектора пехоты, то я предложил заменить его Зарубаевым: компетентность его не вызывала сомнений, а скромность его в Совете заставляла полагать, что он сумеет сделать свое дело, не входя в конфликт с командующими войсками. Государь отнеся к этой мысли вполне сочувственно, а главнокомандующий поставил лишь условие, чтобы назначение состоялось не раньше осени, так как в лагере Зарубаев не нужен. Зарубаев сам был в восторге от этой перспективы и в течение лета несколько раз, лично и через Газенкампа, спрашивал меня, состоится ли это назначение и когда именно, и какое он получит содержание? Назначение состоялось в начале августа, а вслед за тем отношения Зарубаева ко мне сразу переменялись. Считая себя подведомым только председателю Совета обороны, он стал меня систематически игнорировать и, разъезжая по стране, даже не сообщать мне ни о своих поездках, ни о том, что он видел. В отношении командующих войсками он выказал большое самомнение и обидчивость; его руководство обучением пехоты оказалось очень слабым, так как он знал толк лишь в одиночном и уставном учении, а свои инспекции совершал наспех, лишь бы получить побольше прогонов. Ввести его в этом отношении в надлежащие рамки мне удалось лишь в ноябре 1907 года, когда было выяснено служебное положение генерал-инспекторов.

Александра Павловича Протопопова я знал еще по Академии и по Турецкому походу, но после того с ним не встречался*. Он был человек умный и ловкий и в Совете обороны оказался полезным и работоспособным, поэтому я в 1907 году назначил его председателем главного крепостного комитета, где он однако не успел принести большой пользы, так как все начинания Комитета тормозились Палицыным и его представителями.

Александр Петрович Вернандер был человек очень умный, очень знающий инженер, притом лично вполне бескорыстный. Очень упрямый, он тормозил всякое дело, которому не сочувствовал. Он стоял горой за все инженерное ведомство, отрицал его недостатки и яро отстаивал обособленность инженер-

---

* О нравственных качествах его я умолчу, так как сам знал его слишком мало, чтобы судить о них; то, что я слышал о нем, обрисовывало их неблагоприятно.

ных войск. В общем, Вернандер представлялся чрезвычайно почтенным, умным и цельным человеком*. Он уже с 1897 года стоял во главе Главного инженерного управления; с 1905 года его начальником стал великий князь Петр Николаевич, который вскоре подпал под его влияние.

Генерал-адъютант Иван Михайлович Диков, моряк, участник Севастопольской обороны, был чрезвычайно хороший и почтенный старец лет семидесяти; в военных делах он ничего не понимал. Впоследствии, он был морским министром.

Весной 1906 года выяснился беспорядок в делах Главного военно-медицинского управления. Еще в течение зимы я стал получать жалобы врачей, что это Управление не только не заботится об их интересах, но что и законные просьбы их остаются без ответа; жалобы эти я передавал главному военно-медицинскому инспектору тайному советнику Сперанскому, который мне давал успокоительные объяснения, что все идет правильно, и, что, если и бывают задержки, то лишь вследствие накопления массы работы. Но затем я получил жалобу с указанием на то, что у начальника Мобилизационного отделения Германова залеживаются и затериваются бумаги, относящиеся до призванных из запаса врачей, и приводились многочисленные тому примеры.

Жалоба была настолько серьезна, что я решил произвести ревизию этого отделения. По просьбе Сперанского я поручил это не постороннему лицу, а его помощнику, тайному советнику Гейнцу. Ревизия длилась довольно долго, так как в отделении оказался невообразимый хаос, и доклад Гейнца о ней я получил в середине мая. Оказалось, что Германов — человек очень добросовестный, но малоспособный; не доверяя ничего своим столоничальникам, он все бумаги брал к себе, а так как он не был в состоянии сам справиться с ними, то они постепенно залеживались, образуя в его кабинете целые кучи, которые все росли. В эти кучи бумаги складывались без всякой системы, переписка по одному и тому же вопросу попадала в разные кучи, в которых почти невозможно было найти нужную бумагу, пока они не были разобраны ревизией Гейнца**. Было

---

* Разочароваться в этом мне пришлось много позже, по оставлении должности военного министра.

** В памяти у меня сохранился такой факт. Один фельдшер был призван из запаса и назначен в Омск; состоя в запасае, он выдержал экза-

очевидно, что Германов вовсе не годится для занимаемой им должности, и созданный им хаос произошел не от нерадения, а от полного неумения вести дела; главная же вина падала на Сперанского, который ничего об этом хаосе не знал или же не принимал мер к своевременному его устранению. Поэтому я резолюцией на доклад Гейнца от 19 мая объявил Сперанскому выговор, а Германова устранил от должности. Вместе с тем, я написал Сперанскому собственноручное письмо, в котором сказал, что заведование Главным управлением ему, очевидно, не под силу и его надо передать в более молодые руки, поэтому я прошу, чтобы он сам подал в отставку. Сперанский немедленно это исполнил.

Сперанский был очень симпатичный старичок, с которым я уже много лет был в хороших отношениях, но уже стал неспособным держать что-либо в порядке. К докладу он всегда приходил с несколькими папками, которые сначала суетливо перебирал, с какой бы ему начать, хотя все доклады по его управлению были пустые. Перед самым его уходом я стал получать сведения о каких-то неправильных назначениях и тому подобном, произведенных им будто бы под влиянием жены, к которой подъезжали ловкие врачи; с его уходом все разговоры об этом прекратились.

У Сперанского были два помощника, Гейнец и Евдокимов. Первый был очень порядочный человек, замечательный работник, отлично знавший все дела Главного управления, в котором он прошел почти всю свою службу. В преемники Сперанскому он не годился, так как не был доктором медицины и вообще не знал службы в войсках и в госпиталях*. Другой помощник, Евдокимов, был всего лишь в чине действительного стат-

---

мен на провизора и имел право на получение классной должности с соответствующим содержанием, но его, по ошибке, оставили в категории фельдшеров. Он сам, а затем и окружное начальство стали хлопотать о восстановлении его прав, но тщетно, так как бумаги попадали в упомянутые кучи. Наконец, он прислал подробную жалобу на мое имя; я ее передал в Главное управление, которое телеграммой затребовало из Омска документы, но получило ответ, что все они уже давно представлены; разыскать их удалось лишь благодаря работе Гейнца.

Германов был женат на акушерке А. М. Куропаткиной, у которой я его встречал; вероятно это ему помогло в получении должности, не отвечавшей его скромным способностям.

* Через год или два Гейнец вышел по болезни в отставку и вскоре после того умер.

ского советника и всего несколько месяцев перед тем занял должность помощника Сперанского; но он уже занимал, во время войны, должность военно-медицинского инспектора в одной из армий и производил на меня отличное впечатление, поэтому я решил предложить ему должность главного военно-медицинского инспектора. В субботу, 20 мая, Сперанский прислал его ко мне вместо себя с докладом, и я воспользовался случаем, чтобы предложить ему должность. Он согласился и при следующем моем личном докладе государю, 23 мая, увольнение Сперанского и назначение Евдокимова были утверждены.

В выборе Евдокимова я не ошибся: умный, чрезвычайно сведущий и опытный, прямой и твердый, он отлично знал требования военной службы и сам был настоящим «военным врачом». Я ему говорил, что пойдя он по строевой службе, то был бы отличным полковым командиром и генералом. Военно-медицинское ведомство настоятельно нуждалось именно в таком начальнике: личный состав его уже сильно обветшал; застой в движении по службе в связи с малым содержанием и постоянными, разорительными командировками молодых врачей делала военно-медицинскую службу малопривлекательной, поэтому комплект врачей был громадный; самая организация военно-врачебного дела требовала улучшения в смысле представления врачам большей самостоятельности, для чего, однако, надо было дать врачам большую военную подготовку, сделав их действительно «военными врачами». Для проведения этих реформ и вообще для приведения всей военно-врачебной части в порядок нужен был такой энергичный и знающий инспектор, сам вполне военный, как Евдокимов*.

Увольнение Сперанского и назначение Евдокимова произвело много шума в медицинском мире. Как я ни торопился с замещением должности Сперанского, но я все же успел получить несколько ходатайств за разных кандидатов, причем Ф. Ф. Трепов особенно хлопотал за петербургского инспектора Макаеева. Я уже упоминал о том, что ни за кого не бывает столько просьб, как за врачей, которые немедленно узнают о всех открывающихся вакансиях и находят за себя усердных ходатаев. Все ходатайства я имел возможность отклонять вполне

---

* Он оставался главным инспектором до своей смерти (в начале 1917 года).

безобидно указанием на то, что должность уже обещана Евдокимову. Ф. Ф. Трепов в это время желал быть деятелем по военно-врачебной части. Он был моим товарищем по Пажескому корпусу (годом моложе меня), служил в л.-гв. Конном полку, был губернатором, потом сенатором, а во время войны — главным военно-санитарным инспектором Маньчжурских армий. Это был человек неглупый, доброжелательный, но суетливый и путаник; человек ловкий, ухватившийся за модное тогда военно-санитарное дело и мечтавший создать себе этим путем видное положение в военном ведомстве. На войне он проявил свойственную ему кипучую деятельность и вернулся оттуда осенью 1905 года с авторитетом знатока военно-санитарного дела. Он представил государю записку о необходимых реформах по этой части, на которой государь написал сочувственную резолюцию, и в таком виде я получил записку к «исполнению». В пояснение этого последнего обстоятельства я должен напомнить, что все произошло через несколько месяцев после моего назначения, когда военному министру отводилась роль простого исполнителя указаний Совета государственной обороны и с ним вовсе не считали нужным церемониться, когда развели уже четырех генерал-инспекторов, а Трепову улыбалась мысль быть пятым, по военно-санитарной части; мне он неоднократно говорил о необходимости иметь при военном министре помощника по этой части (вернее — инспектора), который объезжал бы всю Россию и производил инспекции, не говоря прямо, что для этой должности особенно пригоден он сам. С назначением Трепова членом Государственного Совета (1906 год)*, все эти разговоры прекратились и интерес его к военно-санитарной части ослаб.

В записке Трепова дельные мысли были переплетены с фантазиями. С основным ее положением, что начальниками всех военно-санитарных заведений должны быть врачи, нельзя было не согласиться; что это вполне возможно, уже доказал опыт минувшей войны, во время которой врачи стояли во главе полевых госпиталей и дивизионных лазаретов. Но в дополнение к этому являлись совершенно неприемлемые увлечения; так например, полковой врач получал право оспаривать распоряжения коман-

* Трепов Ф. Ф. — генерал-адъютант, генерал от кавалерии, был назначен членом Государственного Совета 18 ноября 1905 года (Сост.).

дира полка, а последний, при несогласии с врачом, должен был доносить о том по начальству, врачам присваивались военные чины и т. п. Ввиду резолюции государя на записке, я считал неудобным оспаривать эти положения и для разработки реформы в деталях образовал комиссию под председательством самого Трепова, в расчете, что в ней выяснится неприемлемость разных увлечений. Членом комиссии был мой брат, от которого я знаю, что Трепов в комиссии не допускал критики своих идей, заявляя, что они уже высочайше одобрены, а потому, когда комиссия весной 1906 года закончила свой труд, он тоже оказался неприемлемым. Трепов хотел, чтобы я тотчас представил его проект на утверждение, но я его разослал на заключение войсковых начальников и, основываясь на их возражениях, отклонил все увлечения. Военно-врачебные заведения постепенно, начиная с мелких, стали передаваться в полное ведение врачей.

Записка Трепова и испрошенная им высочайшая резолюция на ней мне, однако, вредили и в последующее время, так как давали Государственной Думе повод требовать немедленного осуществления всех намеченных Треповым реформ и даже упрекать меня в неисполнении высочайшего повеления. В последнем я, действительно, был грешен, притом не только в этом случае! Но официально я ведь не мог заявлять, что повеление это было испрошено за моей спиной и дано неосмотрительно, а приходилось толковать его как программу, подлежащую выполнению постепенно, в мере возможности, а о последней я предоставлял себе судить.

Я говорил выше об учреждении новой должности — моего помощника и о назначении на нее Поливанова; такого помощника я желал иметь, главным образом, для замещения меня на разных заседаниях; но весной и летом заседаний стало меньше, так как старый Государственный Совет уже закрылся, в новый Совет из Думы не поступало никаких дел, и потому он и не собирался, а в Думе тоже не приходилось бывать. Второй задачей я ставил своему помощнику разработку более важных общих вопросов, касавшихся компетенции нескольких главных управлений; я не выделял в его ведение каких-либо частей Министерства, так как все более важные я находил нужным иметь в своих руках, чтобы ближе знать их состояние, а менее важные были, вместе с тем, и необременительными.

На первых же порах Поливанову были заданы две большие работы: выяснить все наши недочеты и нехватки и составить соображения о сжатии организации армии.

Для выполнения первой работы ему приходилось собирать материалы по всем главным управлениям, знакомясь, попутно, с их работой и личным составом. Весь материал был собран лишь к концу 1906 года, причем выяснилось, что для полного снабжения армии всеми необходимыми ей органами и средствами (в том числе вооружением, запасами, казармами) и для приведения крепостей в боевую готовность потребуются единовременные расходы до двух миллиардов рублей*. Я должен оговориться, что составленный Поливановым перечень наших потребностей не составлял какого-либо законченного плана, строго обдуманного, согласованного во всех своих частностях и исчерпывающе полного, а лишь являлся сырым материалом, исходя из которого можно было бы разработать такой план, как только выяснились бы средства, на которые можно было рассчитывать, для его осуществления. В ту пору на это не имелось в виду никаких средств, как это будет выяснено мной ниже; в данную же минуту ценность этого перечня заключалась в том, что он для меня являлся своего рода *memento* существующих недостатков и нехваток, подлежавших хоть постепенному пополнению за счет имеющихся скудных средств.

В частности, этот перечень мне открыл глаза на крайне печальное состояние наших крепостей, с которыми я, по прежней своей службе, был почти незнаком. Оказалось, что все наши крепости были далеко не закончены, вооружены по большей части устарелыми орудиями и не имели нужных запасов. На довершение постройки верков и на снабжение крепостей современной артиллерией нужно было около восьмисот миллионов рублей, то есть такая сумма, добыть которую нечего было и думать; на одни инженерные работы в крепостях требовалось около трехсот миллионов рублей, а ежегодно на это отпускалось всего около шести миллионов! Таким образом, все эти работы могли бы быть выполнены в пятьдесят лет. При быстром усовершенствовании техники можно было предвидеть, что производимые сегодня работы уже через пятнадцать-двадцать лет окажутся устарелыми и никуда не годными! В современ-

---

* Суммы потребных постоянных расходов я не помню.

ном их виде крепости были неспособны выдержать осаду, а лишь могли несколько задержать противника, заставляя его подвозить к ним свои осадные средства. Скорое падение их не представляло сомнения, а между тем, и войска и население возлагали на крепости преувеличенные надежды, не подозревая, что они вовсе не отвечают ни своему назначению, ни названию. Чтобы выйти из этого положения, я видел лишь одно средство: сократить число крепостей и обратить все имеющиеся средства, равно как и получающиеся сбережения на приведение в порядок немногих важнейших крепостей; сбережения на содержание крепостных управлений и войск могли составить порядочную сумму.

Вопрос о сокращении числа крепостей и о выборе крепостей, подлежащих упразднению, находился в зависимости от стратегических соображений, которыми ведал Палицын. Разговоры мои с ним на эту тему не привели ни к чему; он мне отвечал, что раньше всего надо выработать общий план обороны страны, над чем он и трудится, а уже затем можно говорить о крепостях; кроме того, все наши крепости, и в современном их состоянии, принесут пользу, задерживая противника. Разговоры на эту тему в Совете обороны тоже не привели ни к чему, так как Совет признавал, что не зная еще плана обороны, он в этом вопросе разбираться не может. Этот план обороны был выработан Палицыным к осени этого года, но Совету обороны он не был сообщен, поэтому отказ Совета рассмотреть вопрос о крепостях и после того оставался в силе. Видя, что от Палицына я ничего не добьюсь, я поручил разработку вопроса Вернандеру и затем все же внес его в Совет Обороны, который по особому моему настоянию рассмотрел его, хоть отчасти, летом 1907 года.

Второй работой Поливанова явилось составление соображений о сжатии и упорядочении организации нашей армии. Численность армии, особенно после новых формирований, произведенных на Востоке по злосчастной фантазии Куропаткина, возросла до того, что не могло быть и речи о дальнейшем ее увеличении, а между тем состав отдельных частей был до того слаб, что от этого страдало обучение войск; артиллерия и инженерные войска, по сравнению с пехотой, были малочисленны; обозных войск у нас почти не было; вся организация армии была до того путана, создана без общего плана, что я сам

(бывший профессор военной администрации) не знал твердо числа и состава разных частей в мирное время и что они формируют в военное! Чтобы устранить эти недостатки, не увеличивая численности войск, было лишь одно средство: уменьшить число составных частей армии, чтобы за счет освобождающихся людей упрочить организацию остальных частей и создать недостающие части специальных родов оружия*. На необходимость сократить число войсковых частей указывали еще два обстоятельства: недостаток офицеров и значительность внутреннего расхода людей.

В обер-офицерах после войны оказался большой некомплект: много убыло от ран и болезней, многие покинули службу, ставшую для них слишком тяжелой, для одних — во время войны, для других — при подавлении беспорядков; наконец, несколько сот капитанов во время войны были произведены в штаб-офицеры. На скорое пополнение этого некомплекта нельзя было надеяться, тем более, что с введением новых аттестаций надо было ожидать увольнения известного числа неудовлетворительных офицеров; при недостатке же офицеров было выгоднее иметь меньшее число рот, вполне обеспеченных штатным числом офицеров**. Уменьшение числа рот должно было освободить для иного назначения всех должностных лиц, положенных в упраздняемых ротах, и сократить ежедневные наряды на все то число чинов, которые наряжались на службу по роте.

---

* Среди последних я придавал большое значение обозным войскам. Обозная часть у нас всегда была «из рук вон» плоха, так как обозы находились в полном ведении строевых частей, в которых не было людей, сведущих по этой части; вместе с тем, содержание в мирное время запасов обоза и упряжи доставляло войскам очень много работы и хлопот и не давало хороших результатов. Поэтому намечалось образование обозных батальонов, пока по одному на корпус, для правильного обучения обозному делу, с учреждением при батальонах складов для хранения большей части войсковых обозов и ремонтных мастерских. В армии к тому времени уже существовали обозные части (шесть батальонов и две роты), но только для формирования тыловых транспортов, и собственно не было никаких знатоков по специальной службе обозных войск, и не было какого-либо общего руководства в этом отношении.

** В Варшавском округе роты были в усиленном составе, а число офицеров не было увеличено; это не мешало успешности офицерской работы.

В силу всех приведенных соображений, приходилось признать, что единственным способом к улучшению организации армии являлось сокращение числа составных ее частей. Это сокращение могло быть произведено либо путем сокращения числа резервных частей, либо упразднением четвертых батальонов в полках. Первый способ представлялся наиболее желательным, так как он приводил к однообразию организации и качеств пехоты, но был связан с крупной перестановкой войсковых частей, что в то время было недопустимо по причинам, изложенным выше. При втором же способе главная масса людей перемещалась только внутри своих частей, и ломка организации была несравненно меньшей; при всем том, состав всех рот доводился до шестидесяти рядов и более, формировались недостававшие саперные батальоны и по одной обозной роте на корпус*. Состав армии даже несколько сокращался, и это, в связи с упразднением должности одного бригадного командира на дивизию и некоторыми другими сокращениями, давало сбережение в четыре-пять миллионов рублей в год, действительно нужных для некоторого увеличения содержания, хотя бы штаб-офицерам и ротным командирам.

Обе работы велись Поливановым в течение всего лета. Он поселился на даче в Царском, чтобы быть ближе ко мне. Обычно он бывал у меня по понедельникам утром и мы с ним гуляли, часа по два, по моему саду, причем он по конспекту докладывал свои дела. Организационные преобразования были разработаны к осени и внесены в Совет обороны, но там застряли. Великий князь Николай Николаевич не нашел возможным менять в то время что-либо в организации войск и дело это затормозилось надолго.

Я уже упоминал о некомплекте офицеров в армии и о его причинах; бороться с ним было трудно, так как строевая служба, став до предела тяжелой, давала крайне недостаточное обеспечение; кроме того, среди офицеров царило крайне удрученное настроение: громадный сверхкомплект штаб-офицеров лишал надежды на движение по службе. Пережитый армией кризис внутреннего брожения отозвался на положении офицеров и их службы, ставя последнюю в новые, непривычные условия. Об-

---

* Для дальнейшего развития организации должны были служить крепостные войска из гарнизонов тех крепостей, которые удалось бы упразднить.

щественное мнение, возмущенное нашими поражениями на Востоке, огулом винило в них всю армию, а в особенности, офицеров. Употребление войск для подавления беспорядков отбивало охоту к строевой службе и вызывало со стороны всех оппозиционных органов печати настоящую травлю против войск и, в частности, против офицеров, справедливо видя в них главное препятствие к совершению государственного переворота.

Материальное положение офицеров всегда было плохим; если, тем не менее, военная служба привлекала многих, то это в значительной степени объяснялось почетом, которым пользовались офицеры не только в войсках, но и в обществе; теперь же и этот почет был утрачен, и офицерский мундир стал мишенью для всяких нападков. Весьма многие шли в офицеры, главным образом, потому, что подготовка к офицерскому званию требовала минимальных расходов, и получив это звание, старались при первой возможности перейти на другую, более выгодную службу, казенную или частную, или, по крайней мере, устроиться на военной же службе, но вне строя. Корпус офицеров в строевых частях поэтому представлял собою «бочку Данаид» с громадной течью, с трудом пополняемую выпусками из военно-учебных заведений. Теперь же эта утечка офицеров, составляющих душу армии, еще усилилась, и некомплект офицеров принял тревожные размеры.

Чтобы бороться с этим некомплектом, прием во все военно-учебные заведения был усилен; но, очевидно, необходимы были еще и коренные меры для улучшения всего положения строевых офицеров: увеличение их содержания и обеспечение им большей возможности движения вверх по службе. При полном безденежье первое было особенно трудно*; второго же надо было добиться применением новых аттестационных правил для удаления из армии лиц, в ней бесполезных, задерживавших движение по службе, и для выдвижения по службе наиболее способных и энергичных; эта возможность рассчитывать на выдвижение по службе могла даже, отчасти, компенсировать недостаточность содержания**.

---

* Его удалось осуществить в желательной мере лишь с 1 января 1909 года.

** Войсковые начальники неоднократно просили для приманки офицеров установить в полках одну должность (кроме командира полка) в чине полковника. Я в этом упорно отказывал, считая организационной

Красносельский лагерный сбор шел своим чередом. Государь присутствовал лишь на заключительных занятиях в лагере, с 1 по 5 августа: трех маневрах бригады против бригады, однодневном, корпуса против корпуса (Данилов и Саранчев), общем параде и скачках. На этих занятиях пришлось присутствовать и мне. В предпоследний день, 4 августа, у меня лошадь была очень тряская и во время езды за государем рысью у меня сильно заломило в пояснице. То было вполне естественно, так как я уже много лет не ездил верхом в поле, а только садился верхом, чтобы за государем объезжать войска на плацу, да и вообще вел вполне сидячую жизнь. Однако, боль была так сильна, что я должен был отстать от свиты и вдвоем с ординарцем добираться шагом к экипажу; столь же мучителен был и следующий день. С болью в пояснице я после того промучился недели две, было больно даже от толчков при езде на моторе.

При окончании каждого маневра главнокомандующий делал разбор его. Эти разборы были крайне симпатичны и поучительны. Все слезали с лошадей; великий князь садился на холмик и рядом с ним государь и мы, начальствующие лица; кругом — много офицерства, стоя и сидя; начальники отрядов, стоя перед главнокомандующим, докладывали о своих предполагаемых действиях, причем тут же выяснялись ошибки. Разбор длился час-полтора и являлся, по своему тону, крайне симпатичным собеседованием, притом весьма поучительным, чуждым разноса.

При следующем моем личном докладе у государя, 8 августа, я ему сказал, что мне очень понравился тон этих разборов. Он мне ответил, что, зная великого князя, думал, что ему придется сглаживать его резкости, но таковых не было. Я ему рассказал, что уже говорил по этому поводу великому князю, и тот, видимо, взял себя самого на строгий мундштук! Затем государь меня спросил, сколько времени я уже в должности? Я ответил, что четырнадцатый месяц. Государь сказал, что какое это было время! Я ответил, что для меня самое тяжелое в нравственном отношении время было в октябре-ноябре 1905

ересью иметь подчиненного в одном чине с командиром полка; но ставил себе целью установить такой порядок, чтобы всякий хороший офицер армии мог получить полк (и чин полковника) так же, как получали полки все хорошие офицеры Гвардии.

года, когда в войсках были беспорядки и для их успокоения пришлось распускать запасных, невзирая на то, что войск совсем не хватало!

Действительно, к этому времени уже становилось легче на душе и, хотя страна еще далеко не была спокойна, отдельные террористические акты продолжались, но чувствовалось, что кризис уже миновал, и скоро наступит время, когда войска можно будет вернуть к их прямому делу. Из таких террористических актов упомяну о трех: о покушении на Столыпина и об убийстве Мина и графа Игнатьева.

Покушение на Столыпина было произведено днем, 12 августа, на даче министра внутренних дел на Аптекарском острове, близ Ботанического сада. В этот день, к половине пятого, у Коковцова собралось небольшое совещание: Бирилев, Шванебах (контролер) и я. Без четверти пять было получено по телефону известие, что Столыпин убит. Мы немедленно решили ехать к нему на дачу. У подъезда были две коляски: Бирилева и моя. Бирилев повез Коковцова, а я Шванебаха. На Троицком мосту мы встретили курьера Шванебаха, возвращавшегося с островов, который нам сообщил, что сам Столыпин цел. Дачу Столыпина мы застали полуразрушенной; он сам остался цел, но искалечены были все находившиеся в передней, а в комнате над нею была тяжело ранена его дочь и легко — сын. Их при нас увезли в больницу, Столыпин тоже покинул дачу*. Вслед за тем ему было отведено помещение в запасной половине Зимнего дворца, по комендантскому подъезду, где и собирался Совет министров, а на лето ему отводился Елагинский дворец.

Почти одновременно, в Петергофе был убит л.-гв. Семёновского полка генерал Мин⁶, вызвавший ненависть революционеров подавлением бунта в Москве. О том, что покушение на него готовится, было известно, но это не помогло. Его похоронили 16 августа в склепе под полковой церковью.

Граф Алексей Павлович Игнатьев⁷, мой бывший начальник (1881—82 гг.), был убит в декабре 1906 года; он был членом Государственного Совета и, насколько я знаю, не имел ни значения, ни влияния, так что убийство его не могло быть объяс-

---

* Я вернулся в Царское в восьмом часу, и мой секретарь по телефону сообщил о происшествии камердинеру для доклада государю.

нено ничем, кроме слепого фанатизма юноши, принявшего его за видного политического деятеля.

Наряду с такими террористическими актами, угасающая революция ознаменовывала себя мелкими беспорядками и хулиганством. Для более энергичной борьбы с ними по проекту Столыпина были учреждены военно-полевые суды с таким упрощением судопроизводства, что смертные приговоры получались в кратчайший срок, то есть то, чего от меня требовал государь тотчас по моему вступлению в должность, и на что ни я, ни даже Павлов⁷, не шли, так как мы допустили упрощение и ускорение правосудия лишь в пределах, не угрожавших самому понятию о правосудии.

В проект Столыпина (не знаю кем составленный) мне лично пришлось вставить статью о том, что эти суды лишь в военное время образуются в армии, чем только и могло быть мотивировано самое название этих судов. Положение об этих судах было утверждено 20 августа.

Государь мне неоднократно указывал на необходимость выделения политически неблагонадежных людей в особые рабочие части, которые могли бы назначаться на государственные работы. Я отвечал, что вполне сочувствую удалению из войск этих элементов, но не вижу способов к его выполнению, так как в упомянутую категорию должны будут попадать люди не по суду, не за совершенные действия, а по подозрению и усмотрению начальства, которое само будет под влиянием наговоров фельдфебелей. Между тем, для этих людей, ни в чем не уличенных, предположено наказание, похожее на каторжные работы и, во всяком случае, более тяжелое, чем отдача в дисциплинарный батальон, производимая лишь по суду. Произвольное назначение по одному лишь подозрению столь тяжелого наказания не вяжется с законом и должно вызвать неудовольствие в войсках.

Ввиду моего отказа провести эту меру, государь поручил Бирилеву разработать это положение, по соглашению со мной, для чинов армии и флота. Вследствие этого, 25 августа у Бирилева собралось совещание: мы двое и наши главные прокуроры; после четырехчасовой беседы мы единогласно пришли к заключению о совершенной невозможности выполнить желание государя. За это решение государь впоследствии выразил

свое неудовольствие Бирилеву, а мне 30 сентября высказал*, что недоволен решением комиссии Бирилева, и если никто другой не берется выслать неблагонадежных на работы, то он возьмет это на себя. К счастью, он этого не сделал.

В округах, по мере надобности, образовывались отдельные батальоны, в которые переводились ненадежные люди, мера вполне законная и достаточно действенная, так как войска освобождались от этих элементов, а вместе с тем не было ни жестокости, ни мести за убеждения, усвоенных Столыпиным и внушаемых им государю.

Вообще, я Столыпина виню в жестокости, которой он, однако, не имел мужества выказывать явно, предоставляя другим отвечать за акты ее проявления. Считая нужным отвечать многочисленными казнями на революционный терроризм, он для получения смертных приговоров придавал сотни людей военному суду**, но не решился в Думе отвечать по этому вопросу сам, а взвалил все на военное ведомство. Опасаясь смягчения смертных приговоров со стороны утверждавших их временных генерал-губернаторов (все — из войсковых начальников), он секретной инструкцией потребовал, чтобы они их не смягчали без его разрешения, перелагая, таким образом, на них ответственность за свои (Столыпина) постановления. Для подавления революционного террора, несомненно, нужна была власть сильная и строгая, но всякая власть, раньше всего, должна уважать закон и действовать открыто, честно принимая на себя ответственность за свои действия.

Я уже упоминал выше, что полнота власти, которой Совет министров был облечен в отсутствие Думы, вскружила голову ему и, в частности, — его председателю. В отношении армии это выразилось в том, что на нее стали смотреть как на полицию, точно она не имела других задач, кроме восстановления и поддержания порядка в стране! Войска продолжали трепать безбожно, требуя от них караулы не только для охраны банков, казначейств и тюрем, но и почтово-телеграфных отделений и даже винных лавок! Войска должны были охранять же-

---

* Это было на моем сто четвертом личном докладе (8 x 13 = 104).

** Постановления о передаче дел в военный суд поступали ко мне периодически целыми пачками на печатных бланках за подписью товарища министра Макарова.

лезные дороги и сопровождать поезда, нести наряды по усилению полиции, недостаточность которой усугублялась громадным в ней некомплектом чинов. Хуже всего войска трепались на Кавказе, но и, например, в Варшаве, нижние чины ставились на улицах в помощь городovým или вместо них. Войска при этом расстраивались, в них не производилось занятий, а нижние чины, взятые в полицию, скоро переставали быть солдатами*. Все мои протесты против такого злоупотребления нарядами от войск были тщетны. Столыпин не соглашался на убавку нарядов, Коковцов же не давал денег ни на усиление полиции, ни на учреждение собственной охраны при учреждениях Министерства финансов на железных дорогах, а Совет министров к моим заявлениям, что войска не обучаются, относился вполне хладнокровно, так как считал, что о новом боевом употреблении армии на долгое время не может быть и речи, так как Россия до того ослаблена и разорена, что ей надолго нужен мир, во что бы то ни стало, а при таких условиях вопрос об обучении войск можно отложить, заботясь пока лишь о наиболее насущном — о водворении в стране порядка и безопасности.

О необходимости сокращения нарядов я часто докладывал государю, и он говорил об этом Столыпину, но и это не оказывало влияния и не помогало делу, и армия оказалась всецело в распоряжении гражданских властей. Неудивительно, что я стал получать беспрестанные жалобы на войсковых начальников (доходившие до просьбы их сменить) и на отдельные войсковые части за то, что они недостаточно энергично помогают гражданским властям, или же настойчивые ходатайства о чрезвычайных наградах лицам, угодившим этим властям. По жалобам приходилось делать расследования, причем большинство жалоб оказывалось неосновательно, а по наградным ходатайствам — запрашивать заключение начальства, чтобы награды доставались только людям достойным. Такого рода критику его заявлений Столыпин считал для себя обидной — он ожидал послушного исполнения своих желаний.

Еще хуже обстояло дело с жандармами и полицией, которые действительно несли крайне тяжелую и опасную службу и

---

* В течение первых десяти месяцев 1906 года войска призывались гражданскими властями 2330 раз, причем им в 158 случаях приходилось применять оружие.

заслуживали всяких наград и поощрений. На беду, все жандармы и большая часть полицейских состояли в военных чинах, и Столыпин, не спрашивая военного министра, им испрашивал чрезвычайные награды, особенно производство в военные чины, причем, они обходили лиц, служащих в войсках; я протестовал и потребовал соблюдения закона, чтобы такие награды испрашивались только с моего согласия. Такое требование, обращенное мною к всемогущему председателю Совета министров, показалось даже странным. Тогда я решил поставить вопрос ребром. Столыпин сообщил мне, что государь, по его докладу, согласился на производство на 6 декабря в генерал-майоры полковника барона Нолькена (и. д. томского губернатора), состоявшего в чине полковника всего два года, тогда как по выслуге такого срока никто в армии не мог быть производим. При следующем моем личном докладе, 10 октября, я доложил об этом государю. Он мне сказал, что производства он не обещал, а лишь предоставил Столыпину сообщить мне о своем ходатайстве, ввиду того, что окончательное испрошение чина по закону принадлежит мне. Вместе с тем, государь признал, что производство барона Нолькена невозможно. После доклада я заехал к Столыпину сообщить ему об этом. Столыпин вспыхнул и сказал, что он уже сообщил барону Нолькену о предстоящем производстве, и, если оно не состоится, он не сможет оставаться в должности! Я очень хладнокровно ему ответил, что последний вопрос не подлежит моему суждению, но что я не могу допустить, чтобы лица, лишь носящие военный мундир, обгоняли истинно военных, служащих в войсках. Он мне стал говорить о тягости и опасности службы по Министерству внутренних дел, я согласился с ним, но предложил переименовать военных в гражданские чины и затем производить их во что угодно и давать им придворные звания. Он мне сказал, что на известных должностях нужен для авторитетности известный чин. Я ему возразил, что «ведь у Вас самого какой-то смешной для Вашего положения чин*, и это Вам не мешает!» В результате, барон Нолькен остался без производства.

Этот инцидент заставил быть осмотрительнее в испрошении наград и соблюдать закон о необходимости согласия воен-

---

* Действительного статского советника.

ного министра, но мои отношения со Столыпиным он испортил*. Я ему еще раньше, 7 сентября, объяснил, что у меня решительно нет возможности бывать на заседаниях Совета министров, поэтому я лишь могу туда посылать Поливанова, если он желает видеть в них представителя Военного министерства.

Хуже всего было, однако, то, что мне не удавалось добиться убавки нарядов от войск, несмотря на то, что это грозило порчей всей армии. Государь это сознавал, но считал внутреннее положение настолько серьезным, что не оказывал мне поддержки. В начале сентября ко мне приехал помощник командующего войсками Варшавского округа генерал Гершельман (Федор), доложил лично о трудном положении войск округа, и я 7 сентября повез его для доклада Столыпину, но и это, конечно, не помогло. Для освобождения войск от нарядов было лишь одно средство — усилить полицейскую стражу и улучшить ее организацию настолько, чтобы она могла взять на себя выполнение этих нарядов. О состоянии этой стражи я знал от жандармского генерала барона Медема, ездившего инспектировать ее; она имела в то время крайне пестрый состав. Так например, была одна отличная сотня, сформированная целиком из увольнявшихся в запас нижних чинов Стародубовского драгунского полка, а наряду с нею были сотни, решительно ни на что не годные; все зависело от того, кто и из какого материала сформировал сотню, кто ею командует, и разбирает ли гражданское начальство людей сотни к себе в конвой и для посылок, или же дает им служить в сотне.

Очевидно, что уже одним упорядочением существовавшей стражи можно было достигнуть многого, но я 7 сентября предложил Столыпину еще большее: сократить численность армии и сформировать взамен стражу из нижних чинов обязательной службы, по образцу уже существовавших жандармских дивизи-

---

* Помню еще один курьезный случай, когда начальнику Выборгской тюрьмы в Петербурге полковнику Иванову испрашивали чин генерала; я отказал. Вслед за тем, на каком-то придворном торжестве статс-дама Нарышкина стала меня просить за него. Я отказал, но предложил ей похлопотать о переименовании его в гражданский чин и чтобы ему дали звание шталмейстера; она крайне удивилась этому предложению, но я ей пояснил, что если она считает звание шталмейстера неподходящим для начальника тюрьмы, то я считаю, что генеральский чин еще меньше подходит к этой должности.

зионов; хотя жертва была тяжела, но я думал хоть этим путем спасти армию от разложения! Предложение мое было принято с удовольствием и передано для разработки не то в Департамент полиции, не то в штаб Корпуса жандармов, да там и застряло: Министерство внутренних дел все не могло остановиться на каком-либо общем плане организации полиции! Сначала я напоминал о своем проекте, а затем, по успокоении страны и уменьшении нарядов, и сам не пошел бы на его осуществление. Само Министерство внутренних дел, зная, что в его распоряжении имеются войска, мало заботилось об упорядочении полицейской стражи; расстройство же армии не заботило его вовсе.

Не видя никаких способов добиться освобождения армии от нарядов, я в конце сентября написал длинное письмо великому князю Николаю Николаевичу, уехавшему в свое имение, взывая к его помощи; но и он не мог мне помочь, пока, в конце года, не были вызваны в Петербург некоторые командующие войсками, которые своими заявлениями о службе и состоянии войск поддержали мои хлопоты.

Я уже говорил, что Совет министров не придавал боевой готовности армии никакого значения. Весьма резко этот взгляд выразился в августе месяце этого года при суждении об употреблении экономических капиталов войсковых частей, бывших на войне. О размерах и расходовании этих капиталов я уже упоминал. Теперь, когда вследствие войны и внутренней смуты, мы вступили в период самого острого безденежья, Совет министров стал обращать в казну разные специальные капиталы войсковых частей, бывших на войне, по крайней мере, тот прирост, который они получили во время войны. Моя попытка отстоять эти суммы заявлением, что они суть плод бережливости войсковых частей, была легко парализована заявлением в Совет князя Васильчикова*, что войска, наоборот, никакой бережливости не проявляли, и если, несмотря на это, все же получались большие экономические суммы, то лишь вследствие назначения в армии совершенно преувеличенных цен для всякого рода покупок. Заявление это вполне отвечало истине и его нельзя было оспаривать; Совет министров поэтому решил

---

* Главноуправляющий землеустройством и земледелием; во время войны был одним из главноуполномоченных Красного Креста.

вернуть в казну эти деньги, как излишне с нее полученные. Я настаивал на том, чтобы из них войскам были оставлены те суммы, которые нужны для восстановления войскового имущества, пришедшего во время войны в негодность. Я указывал, что без этого войска не в состоянии мобилизоваться вновь, и всякая попорченная вещь, если не будет тотчас исправлена, совсем пропадет и ее придется потом заменять новой, что обойдется втридорога*, но все эти доводы были напрасны: Совет находил, что говорить о возможности новой мобилизации тогда было чуть ли не смешно, а новые расходы в неизвестном будущем его тоже не пугали, так как раньше всего надо было найти деньги, чтобы сейчас покрыть расходы! Поэтому Совет единогласно постановил отобрать у войск, бывших на театре войны, всю ту сумму, на которую их экономические капиталы увеличились во время войны.

Положение мое было очень трудное. Подчиниться решению Совета — значило обречь на долгое расстройство значительную часть нашей армии; я мог подать отдельное мнение и просить государя утвердить его, но на успех такого ходатайства я не рассчитывал, а между тем такой шаг был опасен, так как, если бы государь все же утвердил мнение большинства, то я уже безусловно должен был подчиниться. Я поэтому решил отдельного мнения не подавать, предоставить Совету постановлять то, что ему было угодно, и испросить на это утверждение государя, а самому — не исполнять этого решения. Это тоже было неисполнением высочайшего повеления, но я перед этим не остановился, так как не мог допустить расстройств армии.

Во всех частях, бывших в походе, были образованы комиссии для определения сумм, нужных для приведения их имущества в полный порядок; эти суммы были им оставлены и только излишки сданы в казну. Всего, таким образом, войскам было оставлено 11 878 тысяч рублей, и их материальная часть вновь была приведена в порядок. Ни государю, ни великому князю Николаю Николаевичу я ничего об этом не докладывал.

Совет министров вскоре узнал о моем неповиновении и упрекал меня в нем, но я заявил, что иначе поступить не мог.

---

* Как на пример, я указывал на поломанную повозку обоза: если ее не починить сейчас (с расходом в несколько десятков рублей), то она быстро обратится в хлам, которого уже нельзя чинить, и придется заменять новой повозкой.

За это мне стали задерживать отпуск всяких денег, заявляя, что у меня еще есть одиннадцать миллионов; я на это заявлял, что денег этих уже нет, и если мне не будут давать то, что причитается, то войска останутся без положенного довольствия, а на это и Совет не решался. Одним словом, из всего этого вышли только мелкие, надоедливые шиканы. Только впоследствии государственный контролер в своем отчете за 1907 год доложил государю о том, что я, вопреки высочайше утвержденному мнению Совета министров, не сдал 11 900 тысяч рублей, и мне зимой 1908/09 г. пришлось доложить государю обстоятельства этого дела. Но об этом будет речь впереди.

Главным инициатором отобрания у войск экономических капиталов был, очевидно, Коковцов. Это ему не помешало в 1909 году письменно докладывать государю (по поводу состояния Владивостока), что он никогда не отказывал в средствах на насущные нужды армии! А между тем, какая нужда могла быть острее, чем восстановление способности войск мобилизоваться! О какой готовности к отпуску средств могла быть речь, когда у войск еще хотели отобрать средства, им самим так настоятельно нужные? Весь эпизод с отобранием экономических капиталов, в общем, очень характерен: он рисует взгляд Совета министров на общее положение России, которое признавалось им столь бедственным, что о подготовке армии к внешней борьбе нечего было и думать; он рисует также тогдашнее безденежье, заставлявшее не только сокращать расходы, но и отбирать в казну капиталы, считавшиеся до того времени частными; наконец, он характерен для общей финансовой политики Коковцова, которой поддался и весь Совет министров: ради экономии не останавливаться перед расстройством части государственного механизма, за которую он, Коковцов, сам не отвечал, и ради получения сейчас одиннадцати миллионов рисковать в будущем расходом в тридцать-пятьдесят миллионов, которые еще неизвестно когда и какому министру финансов придется добывать. Сделанное же им в 1909 году заявление (о котором мне еще придется говорить) было лишь выражением его самоуверенной хвастливости и лживости.

Скажу здесь несколько слов о характере заседаний Совета министров. Они проходили два раза в неделю, по вторникам от десяти часов вечера до двух-трех часов ночи, и по пятницам от

трех часов до шести-семи часов дня*, притом сначала на даче Столыпина, а затем в Зимнем дворце, около помещения Столыпина по Комендантскому подъезду. Сначала на них бывали лишь министры, а затем на них стал присутствовать персонал Канцелярии Совета, поэтому они тогда происходили в зале за Александровской залой, где висит картина Полтавской победы. Заседания имели, в общем, характер дружеской беседы, в которой Столыпин предоставлял всем высказываться свободно, почти никогда не останавливая никого. Этим страшно злоупотреблял Коковцов, длинные речи которого, вероятно, заполняли половину заседаний; он говорил почти по каждому вопросу потому, что большинство их имело связь с финансами, а кроме того он обладал удивительной памятью и умением говорить красно, но непременно длинно. Всякая речь его начиналась извинением, что он вновь должен просить Совет уделить ему внимание на несколько минут, затем следовало изложение, почему он этот вопрос считает важным, история его знакомства с ним, указание чего и по каким причинам он касаться не будет, и, наконец, изложение предмета; все это излагалось гладко и красиво, но не в несколько минут, а в четверть или пол часа или того дольше! Когда такие длинные речи приходилось выслушивать поздней ночью, они становились просто невтерпеж! К сожалению, Столыпин привык вставать очень поздно и работать по ночам; у прочих министров служба тоже начиналась поздно и они могли высидивать полночи; у меня же во вторник утром был доклад у государя, приходилось вставать в восемь-полдевятого утра, по возвращении с личного доклада выслушивать доклады и заниматься бумагами, не успевая отдохнуть днем, поэтому я к вечеру совсем устал и на заседании Совета мучительно боролся со сном! После заседания Совета я опять не успевал выспаться, так как в среду с утра должен был весь день слушать доклады. Поэтому понятно, до чего ненавистны были мне словоизвержения Коковцова! Я невольно вспоминал Бисмарка, который от министров, своих сотрудников, требовал, чтобы они умели уяснить ему даже самые сложные вопросы в кратком докладе, отнюдь не длиннее десяти-пятнадцати минут!

* По вторникам — по делам, вносимым в Совет, и по пятницам — по общим политическим вопросам.

Собственно военные дела лишь в виде исключения попадали в Совет министров и то потому, что они касались денежных вопросов, в которых Совет единодушно был против военного министра и поддерживал всякое возражение Коковцова. Это было вполне понятно: при тогдашнем безденежье и громадных потребностях всех ведомств, желавших расширить и обеспечить свое устройство и деятельность, всякое лишнее ассигнование на армию уменьшало сумму средств, на которые другие ведомства могли рассчитывать; армия же (как я уже упоминал) тогда не пользовалась расположением Совета, считавшего, что с удовлетворением ее нужд можно и не спешить. Кроме того, поддержка Коковцова в подобных вопросах другими министрами отчасти объяснялась и тем, что успех их собственных ходатайств об отпуске им самим тех или иных средств в значительной степени зависел от его отношения к этим ходатайствам; этим же объясняется и значительное влияние, которым Коковцов пользовался в Совете.

По закону министры должны были сами бывать в Совете и не имели права вместо себя присылать кого-либо другого; но 1 августа я не мог быть в Совете, так как с утра и до шести часов дня был в Красном Селе на параде войск и на скачках, и я впервые вместо себя послал в Совет Поливанова, которому постепенно передал почти полностью участие в заседаниях Совета, которые я стал посещать лишь для участия в обсуждении важнейших вопросов.

Я уже говорил о трудности защищать в Совете интересы армии и не мог сетовать на Поливанова, если он не успевал в этом! Но потом оказалось, что он и не особенно усердно защищал наши интересы и, действительно, за это приобрел то, чего он добивался — расположение Совета и, в частности, Коковцова, а вместе с тем, и надежду стать моим преемником.

К октябрю 1906 года была закончена одна крупная работа, исполненная по моему поручению генералом Аффанасовичем, а именно, по выработке нового закона о путевом довольствии в военном ведомстве; закону этому я придавал значение, главным образом, в нравственном отношении. По общему закону о путевом довольствии, при переездах по всяким путям полагались прогонные деньги на то число лошадей, какое полагалось по чину; при командировках же по высочайшему повелению или по распоряжению военного министра и некоторых других

лиц прогонные деньги отпускались в двойном размере. С постройкой железных дорог это положение не было изменено и проезжающие по этим дорогам продолжали получать прогоны, во много раз превышавшие стоимость проезда. Я сам только раз имел командировку в Ялту, причем она мне обошлась в двести рублей, а я прогонов получил на тысячу рублей больше. Таким образом, командировки были весьма выгодны, особенно для старших чинов, и они часто давались в знак благоволения начальства или даже — в виде награды. Но хуже всего было то, что отпуск прогонов развращал начальствующих лиц, заставляя их совершать ненужные поездки. Ввиду этого, было определено давать начальнику дивизии прогоны не более чем на два объезда частей дивизии, а корпусному командиру — на три объезда частей корпуса. Отсюда вытекало, что начальство чаще и не ездило, а кроме того, норовило делать объезды не сразу, а в несколько приемов, чтобы проехать большее число верст и получить побольше прогонных денег. Я, например, знаю, что некоторые начальники местных бригад наезжали в год по пять-шесть тысяч рублей прогонов, а Сухомлинов сам говорил, что он, как начальник штаба округа, получал по восемь тысяч рублей в год. Все эти получки были вполне законные, и, например, Контроль не делал по ним никаких замечаний. Но случались и прямые злоупотребления и подлоги: начальники, не успевшие сделать (например, по болезни) все дозволенные им поездки, требовали себе деньги и за те поездки, которых они не совершали, причем их сообщниками являлись старшие адъютанты, которые их будто бы сопровождали, и тоже не получали прогоны*.

Чтобы поставить это дело на правильную почву, нужно было установить путевое довольствие в размере, возможно близ-

---

* На память приведу два примера: начальник 3-й бригады кавалерийского запаса генерал Квицинский отдал по бригаде приказ о поездке с адъютантом в Кавказский кадр кавалерийского запаса и получил прогоны; в кадр он не поехал, а упомянутый приказ был послан в кадр с пропуском пункта о поездке. Дело об этом подлоге открылось и было передано в суд; сам Квицинский вскоре умер и судить пришлось одного адъютанта.

Начальник 19-й пехотной дивизии, генерал Федоров (П. П.), требовал себе прогоны за поездки, которых он не совершал. По моему предложению, он подал в отставку. Я его знал по Болгарии как очень хорошего человека, и он, вероятно, не считал большим преступлением получение излишних прогонов.

ком к действительным расходам по поездке, то есть в размере стоимости самого проезда с отпуском суточных на все прочие путевые расходы. Суточные были проектированы по чинам, притом меньшие в пути и большие на время остановок. Военный совет на заседании 19 октября вполне одобрил этот проект; но со стороны Министерства финансов и Контроля он встретил самые упорные возражения. Действительно, финансовый результат от введения нового положения был гадателен: было очевидно, что при дальних и при кратковременных командировках должно было получаться уменьшение расходов, а при близких и долговременных — увеличение их. Дальние командировки сравнительно редки, а потому оба ведомства ожидали увеличения расходов; затем были еще мелочные возражения в смысле требования уменьшить суточные и тому подобное. Такова была официальная сторона. Истинная же причина возражений заключалась в том, что во всех ведомствах очень любили командировки и разъезды, главная прелесть коих именно заключалась в прогонах. Между тем, с отменой прогонов в военном ведомстве надо было предвидеть, что такую же реформу со временем навяжут и прочим ведомствам, а это будет весьма убыточно для служащих, имевших возможность получать командировки, в том числе и для самих министров. Эту оппозицию двух ведомств мне удалось одолеть лишь через год, в декабре 1907 года, да и то лишь чрезвычайным способом — путем личного совещания у Коковцова.

В октябре было решено еще одно весьма сложное дело относительно земель Кубанского войска. Земельные наделы казаков этого войска, вследствие прироста населения, становились недостаточными и для их увеличения приходилось наделять станицы дополнительными юртами из запасных земель войска, сдававшихся до того в аренду. Наиболее нуждались в дополнительном отводе земель горные станицы, а отводимые запасные земли были в низовой части войсковой земли, и низовые станицы хотели получить их для себя. Назревал острый конфликт между теми и другими, и наказной атаман генерал Михайлов видел из него лишь один выход — созыв «войсковой рады» из представителей всех станиц для полюбовного разрешения спора. Михайлов вполне рассчитывал на успех этой меры. Созыв «рады» — учреждения древнего, но уже давно не созывавшегося, вызывал большие сомнения и, в случае неудачи,

меня обвинили бы во введении у казаков парламентаризма; но иного выбора не было, и я испросил у Военного совета, а затем и у государя, разрешение на эту меру. Михайлов был прав: в собравшейся раде все эгоистические соображения замолкли, кубанцы почувствовали себя членами одного сообщества и разрешили вопрос дружно и по совести. В знак благодарности за оказанное им доверие, приведшее к столь благополучному разрешению острого кризиса в 1907 и 1908 гг., пятнадцать кубанских станиц* оказали мне честь избрания меня в свои почетные старики. Это избрание было тем приятнее, что оно не было простым знаком почтения к военному министру, а благодарностью за услугу, оказанную славному Кубанскому войску.

В начале октября 1906 года произошло событие, ярко оттенившее хаотическое устройство нашего высшего военного управления. Дело касалось Офицерской кавалерийской школы, подчиненной генерал-инспектору кавалерии Остроградскому, а, следовательно, мне не подведомой. Школу принимал вновь назначенный начальник ее, генерал Мейнард; обходя помещения нижних чинов, он увидел на стенах кроме образков еще массу листков и картинок духовного содержания и приказал убрать весь этот «хлам», так как он является местом скопления пыли и нечисти. Ближайшее начальство поняло это распоряжение так, что надо убрать и образки, висевшие и над кроватями. Из-за этого в Школе пошло неудовольствие, а протопресвитер отец Желобовский написал обо всем великому князю Николаю Николаевичу (вероятно — как бывшему генерал-инспектору кавалерии); великий князь по телеграфу просил меня немедленно убрать Мейнарда.

Надо сказать, что отец Желобовский в своем письме не пожалел красок (было сказано, что «хламом» были названы и образа), так что поступок Мейнарда представлялся не только непостижимо глупым и бестактным, но и кощунственным. Прямой начальник Мейнарда Остроградский уехал не то на инспекцию, не то в свое имение; я вызвал к себе его начальника штаба Преженцова и, переговорив с ним о деле, дал ему пред-

---

* А именно: Рязанская, Пашковская, Новодмитриевская, Ключевая, Черноморская, Ильская, Марьянская, Шапсугская, Полтавская, Платнировская, Баговская, Нефтяная, Брюховецкая, Старощербиновская и Смоленский хутор станицы Смоленской.

писание о том, что я устрояю Мейнарда от должности, на что я формально имел право, так как статьи закона о правах военного министра не были изменены, и школа была мне подведома наравне со всеми другими частями армии. Через два дня, 3 октября, я при личном докладе доложил государю, что устранил от должности неподчиненного мне генерала, и он признал мое распоряжение правильным. По расследовании дела, Мейнард был уволен от службы.

По поводу этого дела мне надо было видеть главного военного прокурора Павлова. Я уже упоминал, что он не выходил из дому, а потому не бывал у меня с докладом, и я 3 октября сам заехал к нему на квартиру. После того я еще раз был у него по делу 24 октября. Такое положение, при котором начальник главного управления вовсе не являлся с личным докладом (в общем, около полугода), было, конечно, ненормальным, так как письменные сношения не могут вполне заменить устный обмен мнений с ближайшим сотрудником по какой-либо части.

Я говорил выше, что после приезда Субботича в Туркестан и первоначальных неудачных выступлений его там, я не имел никаких сведений о дальнейшей его деятельности. Совершенно неожиданно, я под конец лета получил от Субботича письмо, в котором тот заявлял, что здоровье его так плохо, что он просит о скорейшем увольнении от должности; при этом он просил, будет ли возможно, вновь назначить его членом Военного совета; если же это невозможно — то уволить его от службы. Ввиду его речей при прибытии в Туркестан, я его не стал отговаривать, а испросил назначения его вновь членом Военного совета. Приказ об этом еще не появился, как ко мне на дачу приехала жена Субботича, которой я до того никогда не видал; она только что вернулась из-за границы, где была на водах, и, узнав, что ее мужа увольняют от должности, подумала, что это делается против его воли, и заехала ко мне узнать причину. Когда же я ей сказал, что муж ее сам просил об увольнении вследствие болезни, она заявила, что здоровье его отлично и что эта просьба есть лишь *coup de tête** с его стороны. Я ответил, что не могу не верить письму ее мужа и его увольнение уже решено. Эта беседа, однако, указывала, что Субботич не-

* Безрассудный поступок (фр.) (Сост.).

пременно желал уйти из Туркестана вовсе не по болезни, а по каким-то другим причинам.

Однако, заместить Субботича кем-либо другим в ту минуту было крайне трудно, ввиду недостатка толковых лиц среди старших генералов, и Высшая аттестационная комиссия осталась на Гродекове, который мог покинуть Маньчжурию лишь через несколько месяцев; до тех пор Туркестаном должен был управлять кто-либо из старших местных генералов. Естественным заместителем Субботича являлся его помощник генерал Мациевский, но он лечился в Геленджике и мог вернуться только через несколько недель. Субботич просил пока возложить исполнение его обязанностей на генерала Шпицберга, уже назначенного командиром 7-го армейского корпуса, но еще сдававшего прежнюю должность начальника Туркестанской казачьей дивизии, но я нашел это неудобным и предложил Субботичу оставаться в должности до приезда Мациевского.

Мациевского я лично не знал. Он был помощником командующего войсками генерал-губернатора в Туркестане еще до назначения туда Тевяшева; последний потребовал перемещения Мациевского с этой должности, так как не доверял ему, и Мациевский получил в командование 1-й Туркестанский корпус. Помощником при Тевяшеве был Сахаров (Всеволод), который в начале 1906 года вышел в отставку, кажется, по семейным обстоятельствам. Субботич попросил назначить его помощником Мациевского, что и было исполнено*.

Таким образом, Мациевский был весьма многим обязан Субботичу, но отплатил ему полной неблагодарностью. Тотчас по своему возвращению в Ташкент, он мне телеграфировал, что при отъезде Субботича опасается демонстраций, поэтому желательно, чтобы тот уехал потихоньку. Было странно, что он не мог договориться об этом с самим Субботичем, но мне пришлось телеграфировать последнему настоятельный совет:

---

* Высшая аттестационная комиссия уже признала Мациевского никуда не годным и подлежащим увольнению от службы, но, ввиду такого ходатайства Субботича, усомнилась в верности имевшихся у нее сведений и решила уважить ходатайство. На Мациевского были какие-то нарекания за денежные дела как за время командования им Юнкерским училищем, так и за время бытности наказным атаманом Забайкальского войска.

выехать так, чтобы не давать повода к демонстрациям и беспорядкам, ответственность за которые могла бы пасть на него самого. Субботич этот совет истолковал так, что, собственно говоря, бежал из Ташкента: он выехал из города верхом и сел в поезд на каком-то полустанке.

Затем я от Мациевского получил жалобу, что экстраординарные суммы истрачены и их не хватит на обязательные расходы, например, на содержание дачи до конца года. Это уже являлось фактом, пожалуй, небывалым при сдаче должности командующим войсками, и я потребовал от Субботича объяснений*. Оказалось, что в Туркестане экстраординарная сумма делится на несколько частей: на содержание дачи, на выдачу пособий, на прием посольств и т. п. Первая часть, действительно, была израсходована вследствие того, что на даче очень долго жила вдова Тевяшева, которая немилосердно жгла электричество. Пособия, вообще, выдавались лишь в начале года, пока хватало денег; в других же частях экстраординарной суммы еще оставалось несколько тысяч, которых должно было хватить на все расходы до конца года. Эти объяснения, подтвержденные потом документально, заставили признать жалобу Мациевского неосновательной; он, очевидно, хотел лишь получить несколько лишних тысяч в свое «безотчетное распоряжение» и для этого не постеснялся очернить Субботича.

Чтобы покончить с личностью Мациевского, скажу здесь же, что он, по приезде Гродекова в Туркестан, в 1907 году подал в отставку, которая ему была дана с особым удовольствием. Пенсия ему была назначена в шесть тысяч рублей, как всем помощникам командующих войсками и корпусным командирам (они получали жалования 1800 рублей и столовых 5700, всего 7500 рублей; восемьдесят процентов этого содержания — 6000 рублей). Между тем Мациевский претендовал на большую пенсию, ввиду того, что в Туркестане помощник командующего войсками был одновременно и помощником по гражданской части и получал общий оклад в 12 000 рублей; Мациевский и претендовал на пенсию в восемьдесят процентов от этого оклада, то есть на 9600 рублей. Претензия эта была совершенно неосновательна, так как по проведенному мною

---

* Одновременно, до выяснения дела, я распорядился производством вычета из его содержания.

новому пенсионному уставу пенсии назначались лишь строевым чинам; поэтому, если считать его содержание и его две должности нераздельными, он вовсе не имел права на пенсию по этому уставу. Мациевский остался недоволен моим отказом и писал мне письмо за письмом, причем выяснилось, что он упросил Субботича взять его в помощники именно в расчете на большую пенсию. Чтобы покончить дело в законном порядке, я запросил мнения министра финансов и государственного контролера, ввиду того, что нам втроем было предоставлено окончательно решать все сомнительные вопросы по новому закону о пенсиях, оба согласились со мной. Тогда я написал Мациевскому, что отказываюсь вести с ним дальнейшую переписку по этому вопросу, и предоставляю ему жаловаться на меня в Сенат. Кажется, он такой жалобы не подавал. В начале 1909 года он вновь писал мне из Геленджика, что здоровье его поправилось, и он желал бы вновь поступить на службу. Я ему, конечно, в этом отказал.

О деятельности Субботича в Туркестане и о причинах, побудивших его оставить должность, я все же ничего положительного не знал. Кроме упомянутых двух донесений Мациевского, я получил лишь два донесения начальника Ферганской области, генерала Покотило, который жаловался, что Субботич не разрешает принимать решительные меры против революционеров.

В начале октября государь решил послать в Туркестан генерал-адъютанта Максимовича для выяснения состояния войск и края. Не знаю, принадлежала ли инициатива этой меры самому государю или Столыпину. Он мне являлся до своего отъезда, 6 октября, и по возвращении, 12 декабря, так что его командировка длилась около двух месяцев. Он, видимо, имел негласной задачей выяснить деятельность Субботича в Туркестане, и привезенные им в этом отношении сведения были просто невероятны. Оказалось, что Субботич дал полную волю революционерам, что против них твердо и смело выступала 1-я стрелковая бригада (особенно 1-й ее батальон), но он не решался гласно одобрять это. По-видимому, Субботич потерял голову, сразу ударился в либерализм, а затем попросту стал трусить и делать все, лишь бы революционеры его не трогали, а ценили и любили! Этим объясняется, почему при его отъезде из края можно было ожидать трогательных речей и демонстраций с красными

флагами со стороны революционеров в честь их покровителя. Максимович передавал, что, при объезде Субботичем края, его на одной станции встретили звуками «Марсельезы»; в поезде Субботича было десять-пятнадцать казаков, которые легко могли бы разогнать всю толпу, но Субботич не только ничего не сказал, но, выйдя из вагона, снял фуражку, как бы для того, чтобы оттереть пот на голове! Вообще, рассказ Максимовича о Субботиче был возмутителен*.

Через день-два я получил от государя записку с приказанием немедленно уволить Субботича от службы; тотчас были представлены доклад и приказ об его увольнении без мундира и без пенсии. Впоследствии, однако, выяснилось, что законной пенсии он может быть лишен лишь по суду, поэтому ему была назначена пенсия по чину.

Субботич просил меня, чтобы я дал ему прочесть отчет Максимовича, послуживший основанием для его увольнения; я запиской просил разрешения государя исполнить эту просьбу, но, к сожалению, получил отказ. Субботич поселился в Петербурге, и было слышно, что он примкнул к левым партиям. Я его больше не встречал.

Все лето этого года, а равно часть весны и осени, я жил на своей даче в Царском: с 30 марта по 10 октября. Несмотря на большое число разъездов, вызывавшихся жизнью в Царском, последняя все же была заманчива, так как давала возможность дышать свежим воздухом, ходить запросто по саду, наконец — наслаждаться тишиной. За эти шесть месяцев я совершил 89 поездок в город**, причем мне одиннадцать раз приходилось приезжать в город два раза в день; пять раз мне приходилось ночевать в городе. На каждую поездку уходило около двух часов: в Царском, на моторе, — пять минут, по железной дороге — полчаса и в городе, в коляске, — четверть часа, или около часа в один конец. В августе я реже бывал в городе, так как мне приходилось много бывать в Красном и Петергофе, и

---

* Замечательно, что эти донесения были посланы уже после решения Субботича оставить Туркестан, то есть, когда жаловаться стало безопасно. На основании этих донесений, но не ссылаясь на них, я просил Машиевского навести порядок в Ферганской области.

** В апреле — 17 поездок, в мае — 17, в июне — 16, в июле — 14, в августе — 10 и в сентябре — 15, всего 89 поездок за 185 дней, или почти через день.

Поливанов стал замещать меня в Совете министров. В сентябре поездок опять стало больше, так как я усад Поливанова в отпуск и сам стал бывать в Совете министров.

С переездом государя в Петергоф начались мои поездки туда с личными докладами и на всякого рода церемонии. С докладом я из Царского ездил в Петергоф 31 раз; за это время 14 докладов были отменены: 8 — по случаю смотров и придворных торжеств и 6 — по случаю отъезда государя в шхеры в начале сентября. Затем я еще был в Петергофе 12 раз: 8 раз на полковых праздниках, на выходе 6 мая, на представлении 6 июня чертежей крепостных работ, на производстве в офицеры юнкеров артиллерийских училищ и на представлении офицеров, окончивших Инженерную академию.

Кроме этих 43 поездок в Петергоф, мне пришлось 11 раз ездить в Красное Село (6 раз на маневры и смотры и 5 раз на заседания Совета обороны и Высшей аттестационной комиссии), один раз в Гатчину на полковой праздник и один раз в Знаменку для разговоров с великим князем Николаем Николаевичем, в общем итоге 56 поездок. Из них я 44 поездки совершил на моторе, а остальные, ввиду его частой порчи, по железным дорогам или, в виде исключения, на тройке.

Проезд на моторе с моей дачи до Большого дворца в Петергофе требовал 50-55 минут; у Большого дворца я садился в придворный экипаж и ехал в Александрию. Мотор мне, вообще, помогал очень много и можно сказать, что без него мне трудно было бы жить в Царском и совершать все подобные разъезды. Моторы тогда еще были новинкой; у государя еще не было своего и он лишь изредка ездил на моторе флигель-адъютанта князя Орлова, который правил сам. Великий князь Николай Николаевич относился к ним отрицательно; великий князь Константин Константинович 2 мая попросил меня отвезти его для пробы в Павловск, что и было исполнено благополучно в 63 минуты. К лету 1907 года уже все изменилось: стало известно, что государь заводит себе моторы, притом весьма сильные и скорые; чтобы поспевать за ним, и другие члены императорской фамилии стали обзаводиться моторами.

Мой мотор был слабый, в двенадцать-шестнадцать сил, и давал скорость верст в сорок, но служил мне хорошо. Большим его недостатком были частые проколы шин при езде по шоссе; каждый прокол требовал перемены трубки, на что уходило

20-25 минут; поэтому я в Петергоф выезжал за полтора часа, и мне случалось подъезжать на моторе к самой Александрии как раз ко времени доклада, к одиннадцати часам. При тогдашнем расписании поездов, я при поездке в Петергоф к докладу выгадывал при поездке на моторе: на пути туда — три четверти часа, а на обратном пути — два-три часа! На обратном пути мне приходилось заезжать в Михайловку (к великому князю Михаилу Николаевичу), раз в Красное Село, раз в Стрельну и раз в Стрельну и в Красное Село. Особенно облегчались поездки в Красное Село, куда я из Царского попадал на моторе в 35 минут.

Кроме совершения упомянутых 56 поездок, мне в течение шести летних месяцев пришлось быть: 14 раз у государя в Царском Селе, 25 раз в Совете министров (при Горемыкине — 16 раз и при Столыпине — 9 раз), 5 раз в Государственном Совете и 4 раза на совещаниях (о которых сейчас скажу). Таким образом, за эти шесть месяцев (183 дня) меня от работы отвлекали 104 раза, или по четыре раза в неделю.

Из упомянутых выше совещаний три касались расходов на военные надобности, а четвертое было посвящено довольно-таки чуждому мне вопросу: о разрешении великому князю Николаю Константиновичу, жившему в Ставрополе Кавказском, переехать в Ташкент. Признанный ненормальным более сорока лет тому назад, он уже жил в Оренбурге, Ташкенте, Саблине, Балаклаве и еще где-то. Совещание состоялось у генерал-адъютанта Рихтера и в нем участвовали Фредерикс, Столыпин и Коковцов, два психиатра и от опеки — генерал Кеппен. Было решено исполнить просьбу великого князя, но с тем, чтобы ему было воспрещено выезжать в степь на предпринятые им оросительные работы, дабы он не стал вновь мутить сартов, как то делал раньше.

Совет обороны собирался за это время...* раз, причем он пересмотрел вопрос о новом порядке аттестования, о введении в артиллерии щитов, о пулеметах и о ремонтировании; Высшая аттестационная комиссия собиралась три раза.

При поездке в Петергоф, 24 мая, для личного доклада государю, мне впервые пришлось видеть его в семейном кругу. В этот день были назначены эскадронные смотры в л.-гв. Улан-

* Так в тексте. (Сост.).

ском ее величества полку, а потому мой доклад был назначен не в одиннадцать, а в двенадцать часов. К этому времени государь, однако, не вернулся, и мне с Фредериксом, у которого тоже был доклад, пришлось ждать его до без четверти два. Время было тревожное и невольно являлось опасение, не случилось чего-либо с государем? Все попытки узнать что-либо по телефону оказались тщетными — не могли дозваться станции Уланского полка, вероятно, она была выключена из предосторожности. По возвращении государя, он позвал Фредерикса и меня «в награду за ожидание» к его завтраку. За столом были государь, императрица, три старшие дочери и мы двое; под конец завтрака пришли младшая (пятилетняя) Анастасия Николаевна и двухлетний наследник, которого государь взял на колени, причем «маленький» стал приставать: «дай, дай», — чтобы ему дали позвонить в ударный колокольчик, стоявший около государя*. После завтрака перешли в комнатку рядом со столовой, где императрица разливала кофе. Уже после того состоялся мой доклад.

На праздник Кавалергардского полка**, 26 сентября, мне, вследствие порчи мотора, пришлось ехать в Петергоф по железной дороге; там я за завтраком сидел рядом с гофмейстериней великой княгини Марии Павловны, Араповой, которая устроила мне приглашение в экстренный поезд, в коем великий князь Владимир Александрович возвращался в Царское. Во все время переезда мне пришлось говорить с великой княги-

---

* Во время революции 1917 года пошли разговоры о пьянстве государя. Я должен сказать несколько слов по этому вопросу. Когда я был министром, то видел и слышал от близких к нему людей, что он к завтраку и к обеду выпивал по рюмке водки и портвейну. Он довольно часто бывал в полках Царскосельского гарнизона, где ужинал и оставался до утра, болтая и попивая шампанское. Много раз, когда я приезжал с докладом, он мне говорил, что сегодня вернулся из такого-то полка в семь или восемь часов утра и вовсе не спал, а только умылся и гулял, и чувствует себя вполне свежим; действительно, я не замечал в нем ни малейшей перемены по сравнению с иными днями. Из этого можно сделать несомненный вывод, что государь, даже сидя часами за стаканом вина, пил все же мало, по крайней мере мало для его природы, на которую вино (в то время) как будто совсем не действовало. Изменил ли он впоследствии свой режим, я не знаю вовсе.

** Парад по случаю праздника назначался на 5, а потом на 8 сентября, но оба раза государь не мог прийти из шхер, и парад состоялся 26 сентября.

ней, которая меня подозвала к себе и, заговорив по-немецки, расспрашивала о военных делах. Это была единственная моя беседа с нею и единственный раз, когда я в придворных кругах говорил по-немецки.

В июле месяце великий князь Сергей Михайлович мне однажды сказал, что его отец высказал ему свое удивление, почему военный министр не бывает у него? Поэтому я 18 июля, после всеподданнейшего доклада, заехал в Михайловку. Великий князь принял меня, сидя на террасе; голова его была вполне свежа, и он расспрашивал меня о разных вещах, но показался мне настолько слабым, что я уже через несколько минут спросил его, не следует ли мне уйти; он, однако, меня еще удержал, обещав сказать, когда он устанет. Я у него пробыл полчаса, ему тогда шел семьдесят четвертый год.

По приглашению великого князя Николая Николаевича я 2 сентября был у него в Знаменке, где он жил у своего брата. Он хотел переговорить со мной о необходимости восстановить боевую готовность армии. Я ему рассказал о двух работах, которые мне для этого выполнял Поливанов, о громадных средствах, нужных армии, о трудности добиться их при тогдашнем безденежье и о том, что раньше, чем требовать какие-либо деньги, мы (или говоря точнее — Палицын) должны выработать план наиболее настоятельных мероприятий. После часовой беседы о делах нас позвали завтракать — единственный раз, что я был у великого князя Петра Николаевича в гостях. Войдя в столовую, я ему самым спокойным образом сказал, что он уже, видимо, освободил ее от своих швейных машин! Он был крайне удивлен моим вопросом и стал допытываться — откуда я знаю, что у него делалось в столовой? Я его уверял, что я, конечно, имею сведения о всех его работах, но тут великая княгиня Милица Николаевна пояснила, что это она выдала мне его тайну: за несколько дней до того, 30 августа, я сидел рядом с нею за высочайшим завтраком, и она мне говорила, что великий князь так увлекается опытами по авиации, особенно по конструкции винтов, что в Знаменке, где теперь помещение стеснено, вследствие перестройки части дворца, столовая теперь занята под выкройку и шитье разных винтовых крыльев*.

* С ее стороны это было большой нескромностью, так как великий князь тщательно скрывал от всех свои занятия. Они были вызваны вот чем: один подполковник запаса Миронов зашел ко мне в Царском,

Великий князь тогда показывал мне в соседней комнате свои секреты — разные модели, которые я, однако, постеснялся рассматривать.

Великая княгиня Милица Николаевна — женщина очень умная, с сильным характером, имеющая большое влияние на своего мужа. Из ее слов я знаю, что она больше всего интересуется вопросами религии и философии и детей своих воспитывает просто, стремясь к тому, чтобы они, раньше всего, были дельными людьми. Для раздачи пособий она сама навещает бедных, разъезжая в простом наряде на извозчике, и сын ее тоже на извозчике ездит в школу. Ярая черногорка в душе, она от всей души ненавидела Австрию и Франца-Иосифа и говорила, что последний ненавидит Россию и боится ее. Когда ее с сестрой везли в Петербург в институт и остановились в Вене, то Франц-Иосиф приехал с визитом к двум барышням и был крайне любезен. Когда же она через несколько лет стала невестой великого князя и возвращалась с отцом в Черногорию, вновь остановившись в Вене, то Франц-Иосиф, заехав к ее отцу, сделал вид, что ее не замечает; она стала громко барабанить по окну — и он тотчас заметил и стал крайне любезен. Другой инцидент произошел с нею через несколько лет в Черногории. Будучи уже русской великой княгиней, она гостила у отца; на одном вечере во дворце жена австрийского дипломата все время с насмешкой лорнировала ее; отец просил ее не обращать на это внимания, но она заявила, что как русская великая княгиня не может допустить такого нахальства, и подойдя к ней вплотную, сказала ей только: *Etes vous si tuore que ça?** — отчего с тою сделался нервный припадок. Она тотчас послала телеграмму государю — и через два дня австрийского дипломата отозвали. В общем, она была того мнения, что австрийская политика хотя и нахальна, но до нельзя труслива.

заявил, что он изобрел новый тип винта, и просил меня распорядиться производством опытов, но с тем, чтобы его идея не была похищена. Я письмом попросил великого князя Петра Николаевича принять Миронина и рассмотреть его изобретение; 30 августа великий князь был болен и не был в Петергофе. Я говорил великой княгине, что направил к нему изобретателя и надеюсь, что он на меня не в претензии за это; в ответ она мне и рассказала, что он сам теперь увлекается вопросом о лучшем типе винта и делает дома опыты.

* Вы что, близоруки? (фр.) (Сост.).

Великий князь Константин Константинович 20 июля меня предупредил, что Палицын интригует против меня. Я не считал удобным спрашивать его, откуда он это знает и в чем интрига выражается, тем более, что это сведение меня не удивило: я не стал тем послушным исполнителем фантазий Палицына и внушенных им решений Совета обороны, каким он надеялся меня сделать, а следовательно, он должен был желать моей смены; по самому же характеру его было ясно, что он никогда не выступит при этом открыто, а будет действовать подпольно. Интересна здесь лишь дата: ровно через год после назначения меня министром. Посторонние лица уже заметили, что Палицын интригует против меня; внешне же он был со мною столь же мил и любезен, как и в ту пору, когда он писал мне письмо, приведенное мною выше.

Великий князь Константин Константинович по прежнему бывал у меня для доклада по четвергам утром, и, пока он жил в Павловске, мы иногда ехали в город на том же поезде; из-за неисправности мотора я один раз опоздал на поезд и ему пришлось в городе ждать меня полчаса на моей квартире. Осенью он из Павловска два раза приезжал ко мне с докладом в Царское. По его приглашениям я у него бывал к завтраку: два раза в Стрельне и один раз осенью в Павловске. После завтрака он мне показывал громадный Павловский дворец со всеми его сокровищами искусства, собранными Павлом I, рассказывал, как строго вдова Павла I Мария Федоровна держала своих детей, и показывал галерею, тогда еще открытую, по которой император Александр I с супругой каждый вечер возвращались в свои комнаты, сопровождаемые пажами с шандалами. Он мне еще сказал, что содержание Павловска обходится ему страшно дорого, и только пока жива его мать и брат живет с ним, еще можно сводить концы с концами, но потом это станет трудным, особенно для его детей.

Приехав ко мне с докладом 9 ноября, великий князь мне сообщил, что великий князь Николай Николаевич хочет жениться на Анастасии Николаевне, разведя ее с мужем герцогом Лейхтенбергским; я об этом уже знал из военной газеты *Neue freie Presse**; он говорил мне, что как же это допускают, чтобы два брата были женаты на родных сестрах! Я ему ска-

* «Новая свободная пресса» (нем.) (Сост.).

зал, что он, вероятно, лучше меня знает, почему государь это разрешает и как обойдут прямое запрещение канонов, но он заявил, что ничего об этом не знает.

Брак этот, действительно, состоялся в Крыму в апреле 1907 года; для этого преосвященному Таврическому было дано право разрешать браки с отступлениями от канонических правил, право, которым до того пользовались епископы лишь в одной или двух епархиях.

Я уже рассказывал, с каким трудом всякие новшества проходили в Военном совете, члены которого жили воспоминаниями о «добром старом времени» и не хотели понять требований современной жизни: хотели агитаторов из моряков раздать во все роты и тормозили мне новые правила об аттестациях. Очевидно, Военный совет нуждался в приливе новых членов, практически знакомых с современной жизнью в войсках, а этого можно было достичь лишь новым увольнением части членов Совета. Кроме того, можно было предвидеть, что закону о Верховном военно-уголовном суде не придется оставаться мертвой буквой, а между тем для его образования в Совете надо было иметь достаточное число членов, физически выносливых и с солдатским духом, еще не размякшим от старости.

О необходимости нового освежения Военного совета я доложил государю 26 августа, указав при этом, что открытие вакансий в Совете даст возможность перевести в него известное число старших войсковых начальников, которые для строя уже не пригодны и которых иначе пришлось бы уволить от службы. Государь признал верность моих доводов, но было видно, что новое увольнение членов Совета ему было неприятно, и он мне не дал категорического ответа. Чтобы все же добиться решения, я внес этот вопрос в Высшую аттестационную комиссию, так как рассчитывал на ее сочувствие и на то, что государь утвердит ее журнал. По моему проекту, члены Военного совета должны были назначаться лишь на четыре года, по прошествии коих выдающиеся могли быть оставляемы на время по высочайшему усмотрению, а остальные увольнялись от службы. То же правило предполагалось установить и для членов Комитета о раненых, собственно для того, чтобы они не имели преимуществ перед членами Военного совета.

Высшая аттестационная комиссия собралась для рассмотрения этого дела на Мойке 23 сентября, под моим председатель-

ством, ввиду отъезда великого князя Николая Николаевича в деревню. В отношении Военного совета мой проект был одобрен, кажется, единогласно. Относительно Комитета произошло разногласие: часть голосов присоединилась к мнению Палицына, чтобы они оставались в должностях пожизненно, но зато назначались только из георгиевских кавалеров, преимущественно из раненых*.

Государь утвердил мой проект в отношении членов Совета и мнение Палицына относительно членов Комитета. Самое применение нового правила удобнее всего было приурочить к Новому году, когда из состава Совета полагалось избрать членов Частного его присутствия и Верховного военно-уголовного суда; поэтому я 2 декабря доложил государю список лиц, которых я полагал бы уволить. Государь неохотно шел на эту меру и отложил свое решение; при докладе 5 декабря я вновь заговорил о том же, но, по недостатку в этот день времени, решения не последовало; 9 декабря я доложил в третий раз. Государь приказал представить ему вновь журнал Высшей аттестационной комиссии по этому вопросу и выразил желание, чтобы члены Совета все же не увольнялись от службы, а перемещались в неприсутствующие. Не видя иного способа добиться очистки Военного совета, я в тот же день представил государю доклад, в котором испрашивал, чтобы вновь назначаемые члены Совета через четыре года увольнялись от службы**; все же лица, уже состоящие членами Совета, должны быть по выслуге в этом звании четырех лет перечисляться в неприсутствующие, с правом оставаться в таком положении до 1 января 1911 года. Доклад этот был утвержден государем 10 декабря, а 16 декабря он утвердил список десяти членам Совета, перечислявшимся в неприсутствующие; в приказе 20 декабря новое положение о Совете было объявлено по военному ведомству.

Этот новый удар, обрушившийся на Военный совет, вызвал новую бурю; отчисленные в неприсутствующие были крайне обижены признанием их бесполезности в Совете. Довольны

---

* За отъездом Гулевича в отпуск журнал был составлен делопроизводителем его канцелярии полковником Эрдели; он был составлен до того плохо, что я весь вечер 30 сентября должен был сам переделывать его.

** Если не последует высочайшего указания об оставлении их на дальнейший срок.

были и хвалили эту меру только те члены Совета, которые оставались в нем, несмотря на то, что уже были в нем четыре года или больше. История этого дела может служить примером, как трудно бывало добиться от государя согласия на меру, хотя и нужную, но ему несимпатичную.

В неприсутствующие были перечислены: Зверев, Винберг, Столетов, Тутолмин, Демьяненко, Батьянов, Крыжановский, Нарбут, Шипов и Якубовский, то есть более одной трети состава Совета. Зверев, Тутолмин, Демьяненко и Крыжановский были стары и болезненны. Винберг был человек очень почитаемый и симпатичный, но военного в нем было мало; я о нем уже упоминал, говоря о деле Линевица. Остальные пятеро были просто бесполезны в Совете. О Столетове я уже говорил, Нарбут и Якубовский были почтенные люди, служившие по военно-учебным заведениям и молчавшие в Совете. Более заметными были Батьянов и Шипов, о которых я поэтому скажу несколько слов. Батьянов был ловкий армянин, вполне беззастенчивый в выборе средств, с большим самомнением и мало к чему пригодный. Командуя корпусом в Киевском округе, он в 1896 году должен был оставить службу, якобы из-за разногласий с Драгомировым по тактическим вопросам, а на деле (по словам Сухомлинова) потому, что при выезде из казенной квартиры в Тульчинском походном дворце вывез оттуда старинную мебель, заменив ее рыночной*. Однако Куропаткин, относившийся удивительно снисходительно ко всяким мошенничествам, через год испросил ему другой корпус и в 1903 году провел его в Военный совет, откуда того взяли командовать армией в Маньчжурии, в военных действиях ему участвовать не пришлось, но он вернулся из похода с еще большим апломбом. Мне только тогда пришлось ближе познакомиться с ним. Он мне как-то заявил, что Военному совету следовало бы проявить большую инициативу и самому подымать и разрабатывать вопросы о нуждах армии и ее благоустройстве. Такой законодательной инициативы Совету не было присвоено, и при деятельном Совете она даже могла бы стать неудобной для

---

* Однородный факт произошел в 1895 году при отъезде большого генерал-фельдмаршала Гурко из Варшавы. Без его ведома жена его вывезла из дворца бронзу и прочее и направила их в имение мужа, но Министерство двора остановило эти вещи еще в пути и вернуло их на свое место.

министра; но отказывать в праве работать на пользу армии тоже нельзя было, а только надо было ввести эту работу в законное русло. Поэтому я, по окончании ближайшего заседания Совета, заявил о поступившем предложении и сказал, что буду благодарен за всякую работу и прошу, если кто-либо из членов хочет поднять какой-либо вопрос, сообщать его мне. Легко может оказаться, что вопрос этот уже разрабатывается, и я могу предоставить какие-либо материалы для его обсуждения; списки по поднятым вопросам я велю разослать всем членам Совета, и тогда те из них, которые ими заинтересуются, сговорятся между собою и соберутся потолковать; ввиду новизны дела, едва ли надо сейчас предрешать дальнейшее. Предложение мое было принято, и я попросил Батьянова, как инициатора этого дела, положить почин и прислать мне список интересующих его вопросов. Батьянов так и сделал; но все поднятые им вопросы были до того смехотворно пустыми*, что, конечно, никто не стал их обсуждать. Вся его затея, очевидно, была несерьезна: либо он надеялся, что я откажу и дам этим возможность говорить, что мешаю Совету приносить пользу, либо это была неудачная попытка пустить пыль в глаза.

Генерал-адъютант Шипов — очень милый и благовоспитанный человек, средних способностей; в разговоре он умел лавировать, чтобы не попасться впросак; но по вопросу об аттестациях он вздумал привезти мне записку, в которой, с одной стороны, доказывал недопустимость коллегияльных аттестаций, а с другой — выражал пожелание, чтобы эскадрон давался офицеру лишь после строевого экзамена перед комиссией из командира полка, штаб-офицеров и эскадронных командиров, которая решала бы по большинству голосов; лишь с трудом удалось мне убедить его в непоследовательности его суждений, изложенных на этот раз письмом. Человека с такой кашей в голове, конечно, не было основания удерживать в Совете. Государь при рассмотрении списка перечисляемых в не-присутствующие, спросил: и Шипова тоже? Я ему рассказал тогда про вышеупомянутый случай с запиской.

Высшая аттестационная комиссия, по утверждению государем в конце июля основных положений для нового порядка аттестования, имела определенные основания для своих дейст-

---

* Например, о форме нашивок у барабанщиков, горнистов и музыкантов.

вий, а при небольшом и постоянном ее составе в ней успели установиться определенные взгляды на требования, которым должны удовлетворять строевые начальники. Я лично постоянно настаивал на возможно большей строгости в оценке, дабы мы могли получить начальников, не только сносных и терпимых, но и хороших. Я в Комиссии высказал мнение, что лица, аттестуемые только для занимаемой ими должности, должны бы считаться негодными и увольняться от службы, чтобы дать место более способным. Действительно, уже при самой мобилизации, а тем более во время войны, придется очень многим начальникам давать повышение, а потому желательно, чтобы большинство из них были пригодны и для занятия следующей высшей должности; это же необходимо для введения достаточно быстрого движения по службе. Как на яркий пример, я указывал на бригадных командиров: к этой, почти не нужной, должности пригоден почти всякий генерал; но в военное время большинству из них придется командовать дивизией, а потому, если он к этому неспособен, то его нельзя держать и на должности бригадного командира, а надо заменить другим, заведомо более способным или хотя бы подающим бульшие надежды. На практике это выразилось бы в следующем: по получении какой-либо должности, данное лицо первую годовую аттестацию должно иметь только о пригодности к ней; при второй аттестации такая оценка тоже еще может считаться нормальной, так как это лицо может быть не имело еще случая доказать свои способности к высшей должности; в третьей годовой аттестации желательно удостоверение к повышению. Если же такового не будет в четвертой аттестации, то это лицо должно быть увольняемо от службы, как малоспособное и лишь загораживающее дорогу другим. Вообще же желательно дойти до того, чтобы на большинстве командных должностей засиживались не долее четырех или даже трех лет, так как только при этом условии мыслимо доводить способного строевого офицера до высших должностей, а к этому мы должны стремиться во что бы то не стало! Я не просил Комиссию тотчас постановить какое-либо решение в этом смысле, а лишь привел ей эти сообщения как основание для строгости моих собственных суждений и в надежде, что со временем она придет к убеждению о необходимости разрешить вопрос в этом смысле. Комиссия отнеслась к моему заявлению с некоторым недоумением и, не

возражая против него по существу, приказала, что пока такая постановка вопроса у нас преждевременна. Я с этим согласился вполне. Мне, на первый раз, надо было лишь забросить мысль, к которой потом можно было бы возвращаться, чтобы постепенно проводить ее в жизнь, сначала в отдельных случаях, а затем и в виде общего правила. Кроме того, я отлично сознавал, что еще надо было обождать, чтобы новый аттестационный порядок успел вполне привиться в войсках и чтобы хоть высшие должности были замещены лицами, способными правильно судить о способностях своих подчиненных.

Комиссия на первых же порах постановила об увольнении от должности нескольких генералов, заведомо непригодных к службе, и постановления ее были высочайше утверждены. При доброте государя к старикам, мне было бы трудно достигнуть этого результата без содействия Комиссии; в ее журналах государь читал все суждения о каждом лице и не мог не согласиться с ее заключениями*. Но даже после утверждения журнала Комиссии дело не всегда можно было считать решенным окончательно, так как государю было трудно отказывать кому-либо в разрешении не уходить со службы! Именно вначале, когда увольнение в аттестационном проекте было внове, такие просьбы были довольно часты. Комиссия, между прочим, постановила уволить от службы корпусных командиров: Вейса, Волькенау, Маслова и командира 1-й бригады 3-й гвардейской пехотной дивизии Гедлунда, и государь только относительно Волькенау возразил, чтобы его еще оставить, а на увольнение остальных трех согласился; эти три генерала все просили государя об оставлении их на службе и получили милостивое согласие на это. Произошло это следующим образом.

Было принято за правило, что, по получении высочайше утвержденного журнала комиссией, лицам, подлежащим увольнению от службы, посылались от меня письма на печатных бланках с указанием на то, что для омоложения состава начальствующих лиц в армии такому-то, с высочайшего соизволения, предлагается подать прошение об увольнении его от службы. Упомянутые три генерала не пожелали этого сделать, а приехали в Петербург просить монаршей к ним милости.

---

* Иногда, впрочем, он оставлял в должностях генералов, признанных комиссией негодными. Таким образом, например, Фуллон несколько лет оставался во главе 11-го корпуса.

Раньше других предложение подать в отставку получил Маслов; он долго не подавал, а когда ему официально, через командующего войсками, напомнили об этом, он в сентябре (когда государь был в шхерах) приехал ко мне и просил разрешения до подачи в отставку явиться к государю, так как он не видел его по возвращении из Маньчжурии. Я согласился на такую отсрочку. В конце сентября он действительно приехал вновь, явился государю, причем попросил разрешения остаться на службе и получил его.

В ноябре ко мне явились Вейс и Гедлунд с претензиями на то, что их хотят уволить; я их обоих разнес за это, заявив им, что я интересы армии должен ставить выше интересов отдельных лиц и что они, хоть из самолюбия, не должны бы просить об оставлении их в должностях, для которых они признаны непригодными! Все это, конечно, ни к чему не привело; оба явились государю и получили разрешение остаться на службе.

С такими порядками я мириться не мог. Вся работа Аттестационной комиссии сводилась на нет, если ее решения, даже после высочайшего их утверждения, станут отменяться по просьбам заинтересованных лиц; даваемые за подписью военного министра предложения подать в отставку потеряют всякое значение, а освежение командного состава армии будет почти невыполнимым. Я поэтому доложил государю, что его решение оставить в армии трех негодных корпусных командиров является опасным и надо их заменить другими, притом теперь же, чтобы новые командиры к лету успели познакомиться со своими корпусами. Я добавил, что так как государь отнесся к этим генералам милостиво, то я мог бы взять их в свое распоряжение: Волькенау до лета 1907 года, а остальных на несколько месяцев. Государь согласился, но с тем, чтобы Вейс оставался во главе своего корпуса до своего пятидесятилетнего юбилея, летом 1907 года, так как он ему это обещал.

Я предупредил Волькенау частным письмом о его назначении на время в мое распоряжение, а Маслову, который меня обманул, представил прочесть о своем отчислении в приказе. Маслов и Вейс были уволены от службы в назначенные для них сроки, а Волькенау устроился в почетные опекуны и вскоре за тем умер*.

---

* Маслов (Игнатий) был человек путаный; командовал когда-то Новочеркасским полком, который потерял вследствие ограбления пол-

В конце года в Петербург были вызваны командующие войсками из пограничных округов. Созыв их уже давно являлся крайне желательным, чтобы путем устной беседы выяснить разные вопросы, в том числе о состоянии и настроении войск, но все они были одновременно и генерал-губернаторами, следовательно, главными деятелями по восстановлению в стране порядка, и только в конце года можно было решиться оторвать их от прямого дела. Прямым поводом к их созыву являлось обсуждение нового плана сосредоточения войск в случае войны, выработанного Палицыным.

Для доклада этого плана Палицын 17 ноября прислал ко мне своего первого оберквартирмейстера Алексева Михаила Васильевича. Новый план отличался от прежних несколько большей сосредоточенностью и тем, что места развертывания армий были несколько отнесены назад, но тем не менее, все же получался кордон. На мое возражение в этом отношении я получил ответ, что дальше назад нам отходить нельзя, так как мы тогда теряем все магазины, да и крепости на Висле будут предоставлены сами себе; поэтому для данной минуты надо довольствоваться этим планом. Против этих доводов ничего нельзя было возразить, хотя сосредоточение армий столь близко к границе было опасно в том случае, если наши противники пожелают начать войну с решительного наступления против нас.

На следующий день у меня был личный доклад у государя в десять часов, и от одиннадцати до часа у него было совещание (в угловой гостиной), в котором участвовали: великий князь Николай Николаевич, я, Скалон (Варшава), Сухомлинов (Киев), Кршивицкий (Вильна) и Гершельман (Москва). Докладывал Палицын — тягуче, монотонно и длинно, как всегда. План был известен всем членам совещания, с их стороны возражений не было, и план был утвержден.

Весьма оригинально было то, что самый важный вопрос по обороне государства не был рассмотрен в Совете государственной обороны, а остался для него секретом! По инициативе великого князя Николая Николаевича и Палицына было призна-

---

кового денежного ящика. Вейс был престарелый генерал, всегда бывший заурядным. Волькену был в Академии Генерального штаба, которую окончил без права на перевод в Генеральный штаб, но в Академии сохранилось предание о его замечательной тупости: сделал карьеру вследствие женитьбы на дочери графа Тотлебена.

но, что их создание — Совет обороны, — недостаточно компетентен в этом деле и слишком многолюден, чтобы можно было ручаться за соблюдение секрета! Можно ли было хуже дискредитировать Совет? В свою очередь, Совет был совершенно прав, когда признавал себя некомпетентным разрешать вопрос о том, какие крепости нам нужны и впредь, ввиду того, что план обороны государства оставался ему неизвестным.

Приездом командующих войсками в Петербург воспользовались для устройства при их участии заседаний Совета обороны и Высшей аттестационной комиссии.

К началу ноября выяснился приезд в скором времени в Петербург эмира Бухарского. Для выяснения церемониала его приема я позвал к себе начальника Азиатского отдела Главного штаба полковника Цейля. Раньше всего выяснилось, что он, по приезде, сделает мне визит, причем я должен угостить его достарханом; затем я должен дать ему обед и поднести подарок. Вызывалось все это тем, что эмир был подведом туркестанскому генерал-губернатору и через него военному министру; кроме того, он сам всегда привозил подарки и его надо было отдарить и хорошо угостить.

Устройство угощения я поручил Бродовичу, но придумать подходящий подарок было труднее. Помог мне в этом деле Березовский, указавший мне на конную статую Петра Великого (модель предполагавшегося памятника), бронзовую, высотой около аршина, находившуюся на складе Общества для заклада движимости, где я ее купил удивительно дешево — за 650 рублей*.

По принятому церемониалу, эмира при его приезде на станции железной дороги приветствовал один из моих адъютантов. С визитом тот был у меня 20 ноября, от двух до трех часов дня, в сопровождении своего сына, переводчиков и четырех халатников; внизу, у подъезда, его встретил мой адъютант, полковник Каменев. Эмира с сыном и одним переводчиком я провел в гостиную к достархану, тогда как халатникам таковой был сервирован в столовой. Говорил я с эмиром через переводчика, что, конечно, было довольно скучно, но затем он встал, отвел меня в сторону и тут на довольно хорошем русском языке про-

---

* К подставке приделана дощечка с надписью: «Его высочеству Сеид-Абдул-Ахаду, эмиру Бухарскому, в знак дружбы, от военного министра, генерал-лейтенанта Редигера, 1906».

сил меня о наградах двум сопровождавшим его офицерам. Разговор через переводчика оказался комедией, требуемой правилами восточного этикета. Затем мы вошли в столовую к сидевшим там халатникам, которых он мне представил. У одного из них он взял ящичек со знаками ордена «Искендер Салис» и передал мне*; я его подвел к статуе Петра Великого, которую попросил принять от меня. После отъезда эмира я эту статую послал к нему с адъютантом, а в пять часов был у него с ответным визитом в Зимнем дворце.

Согласно желанию эмира, он был приглашен в Царское 21 ноября на праздник Семеновского полка и 26 ноября на Георгиевский праздник. С наградой эмиру вышел курьер: ему было решено дать орден «Святого Андрея», и государь сам захотел передать их эмиру, поэтому полученные из кабинета знаки были посланы к государю, но он нашел их столь неизящными, что потребовал из кабинета алмазные знаки; таковые нашлись довольно изящные, тысяч в шесть, и эмир получил их из рук государя. Эмир очень хорошо знал порядок постепенности наград и был крайне поражен, получив сразу алмазные знаки ордена, орденская цепь ему не была пожалована, так как она дается только христианам**.

Государь мне потом говорил, что сам эмир раздает такие бриллианты и ему совестно давать что-нибудь плохое. Действительно, эмир привез государю, императрице и их детям массу вещей с бриллиантами и алмазами, ковров, тканей и караку-

* Знаки ордена были украшены хорошими бриллиантами ценностью в пять-шесть тысяч рублей.

** Летом 1908 года эмир праздновал двадцатипятилетие своего царствования и выразил желание, чтобы по этому случаю ему была пожалована либо цепь ордена «Святого Андрея», либо звание шефа Крымского драгунского полка, охранявшего его в Ялте, когда он приезжал туда на свою дачу. Я ему испросил цепь, находя неудобным назначать его шефом полка, да еще мусульманского. Доклад об этом пришлось послать государю в шхеры, и он вернулся с резолюцией: «Алмазные знаки цепи». Я предоставил барону Фредериксу, как канцлеру орденов, заказать цепь и определить ее стоимость. Оказалось, что даже при алмазных знаках цепь полагается без алмазов; ввиду же резолюции государя, вместо вензелей «Святого Андрея» были вставлены миниатюрные орлы с бриллиантами; стоимость цепи была полторы тысячи рублей, и вид был довольно убогий, но ее пришлось выслать в таком виде, чтобы эмир получил ее вовремя. Вслед за тем, шефом Крымского полка была назначена императрица Александра Федоровна.

ля, всего на 600—800 тысяч рублей. Я не знаю, что сделали с остальными подарками, но каракуль был пожалован Семеновскому полку на каракулевые шапки. На ответные подарки эмиру было ассигновано всего около тридцати тысяч рублей. Говорили, что каждая такая поездка обходилась эмиру около двух миллионов, которые он выжимал из своего народа. Такие поездки он совершал каждые четыре года, живя от одной до другой воспоминаниями о виденном и пережитом в последнюю поездку.

Наследник эмира был назначен флигель-адъютантом и однажды дежурил при государе; сверх того, он и все халатники получили ордена, а семь казаков, его сопровождавших, — медали. По желанию эмира, я лично роздал эти ордена и медали в его присутствии 23 ноября, после чего завтракал у него; в тот же день в Царском был парадный обед в его честь.

В субботу, 25 ноября, я давал обед в честь эмира; кроме него на обеде были его наследник и главный халатник (Мирза-Насрулла-Бий-Перваначи), Поливанов, Палицын, начальники главных управлений*, Гулевич, чины Министерства иностранных дел (Извольский, Лютш, Нератов, Миллер), наши офицеры, состоявшие при эмире (Цейль, Карликов, Давлетшин, Асфендиаров), генерал-адъютант Скалон (единственный из приезжих командующих войсками, еще бывших в Петербурге) и мой адъютант, полковник Чебыкин, всего двадцать четыре гостя. Моя столовая больше двадцати шести человек вместить не могла, поэтому я не мог позвать большего числа халатников и был доволен, что генерал Павлов и на этот раз не решился приехать ко мне.

Эмир утром прислал мне разные подарки, в том числе каракулевый мех, а всем приглашенным послал ордена, так что у них остались видимые знаки в память об обеде; при этом у меня отобрали ленту от «Ордена Тадж», так как у него не хватило. Обед был хорош, стол хорошо декорирован, лакеи, придворные; у входа в квартиру стояли парные часовые от Семеновского полка, и за обедом играл хор музыки того же полка. В общем этот обед (первый официальный у меня) сошел вполне благополучно**.

---

* Эверт, Ростковский, Кузьмин-Караваев, Вернандер, Евдокимов, Щербов-Нефедович, Забелин и Анчутин.

** Я уже упоминал, что устройство достархана и обеда я поручил Бродовичу, который обещал сделать все, примерно, за 100 плюс 650

В честь эмира, 29 ноября, был завтрак у Извольского; после завтрака я катал его наследника на автомобиле на острова, доставив ему удовольствие, им еще не изведенное. 4 декабря эмир заехал ко мне запросто с переводчиком подполковником Асфендиаровым переговорить о делах. Оказалось, что местное туркестанское начальство обидело его двумя мерами: отменой зякета* в его пользу с бухарцев, живущих на земле, подаренной им же под устройство города Термеза, и отменой зякета в два с половиной процента с денег, привозимых с собою афганскими купцами. Я его заверил, что то и другое сделано без моего ведома и я это расследую, а также предложил, в случае недоразумения, обращаться прямо к военному министру, но он нашел это неудобным, так как местные власти могут обидеться. При прощании он мне подарил свою фотографическую карточку. Наконец, 11 декабря, он был у меня с прощальным визитом.

Эмир Бухарский, ныне уже покойный, в молодости, вероятно, был замечательным красавцем, это еще было видно в 1906 году, хотя он уже очень растолстел и обрюзг и жаловался на свое здоровье, особенно на болезнь ног. Он держал себя с большим достоинством, но очень вежливо; умный и сметливый, он обладал большим тактом и, в общем, был личностью далеко не заурядной. Русский язык он знал хорошо и говорил на нем свободно, хотя и с сильным акцентом, и лишь изредка искал какое-нибудь слово; он постоянно читал русские газеты («Инвалид» и «Новое время»), очень интересовался всеми распоряжениями по военному ведомству, всеми назначениями и наградами и хорошо знал список генералов. Вся его деятельность за двадцатипятилетнее управление им Бухарой свидетельствовала о его полной преданности России, причем, конечно, не приходится доискиваться, основана ли эта преданность на велениях чувства или разума? Во время войны с Японией и революции его поведение было выше всякой похвалы. Своей страной он, конечно, правил по-восточному, извлекая из нее

рублей. Однако, счет оказался на 500 рублей больше, это он объяснил тем, что сделал что-то больше и лучше, чем было условлено. Хотел ли он сорвать лишнее или думал, что я буду торговаться, и он меня обяжет скинуть со счета? Я его выругал, заплатил до копейки по счету и выгнал его вон.

* Зякет — налог на содержание мусульманских священников и мечетей (Сост.).

возможно большие доходы в личную свою пользу. Сына своего он, по-видимому, очень любил, но и его он держал в большой строгости: в присутствии отца сын молчал и на обращаемые к нему вопросы отвечал конфузливо и однословно.

У эмира с давних пор существовала ненависть к Хивинскому хану и стремление его перещеголять; последнее эмиру, действительно, удалось, главным образом, благодаря его уму, а также и богатству, позволявшего ему совершать поездки в Петербург и привозить большие подарки. Каждая поездка приносила эмиру внешние знаки отличия и почести; он к тому времени уже получил титул высочества и андреевскую ленту, тогда как хан остался «светлостью» и лишь недавно получил владимирскую ленту. Назло хану, эмир очень хлопотал о пожаловании своим старшим чиновникам александровской ленты, когда ее же носил и хан Хивинский.

В Петербурге эмир намечал пробыть неделю, но затем стал говорить состоявшим при нем лицам, что если он так скоро уедет, то у него дома подумают, что его плохо приняли; государь, ввиду этого, разрешил ему остаться дольше, и он пробыл недели три.

Наследник и единственный сын эмира был далеко не так красив, как его отец, и меньше ростом; ему тогда было лет двадцать пять, он воспитывался в одном из петербургских корпусов, но прошел всего четыре-пять классов; он свободно говорил по-русски, но был весьма застенчив и неразговорчив.

В день полкового праздника Семеновского полка, 21 ноября, у меня был до парада мой обычный доклад у государя, после которого зашла речь о намечавшейся постройке новых броненосцев типа «дредноут». Я вновь высказал свое убеждение, что флот, раньше всего, надо сократить, чтобы привести его в порядок, а отнюдь не гоняться за его усилением, чтобы не создавать «потемкинских дворцов»; я считал, что, во всяком случае, надо еще обождать хоть год-два, чтобы разобраться. Государь находил опасным откладывать постройку; вместе с тем, он выразил уверенность, что лет через пять в стране все уладится.

Причина, почему государь тогда заговорил со мной о флоте, мне была непонятна, и я готов был просто приписать ее тому, что вопрос о постройке новых судов его тогда особенно интересовал. Лишь много позже я от Бирилева узнал про один факт, который наводит на иные мысли, а именно, что в это

время, может быть, имелось ввиду подчинить мне флот, а разговор этот должен был выяснить мои взгляды на него.

Мой разговор с Бирилевым произошел 26 января 1911 года, когда мы оба уже были не у дел, состоя членами Государственного Совета, в помещении Совета; разговор этот представил для меня такой интерес, что я его тогда же записал и здесь приведу без изменений эту запись.

«Во время бунта в Свеаборге сам Бирилев был с флотом в Або; он немедленно пошел в Свеаборг, туда же приказал идти и минному отряду, которым командовал великий князь Александр Михайлович, но великий князь уехал из отряда, и тогда Бирилев своей властью назначил вместо него адмирала Сарнавского. Позже государь показал Бирилеву письмо великого князя, в котором тот писал ему, что он, для охранения своего достоинства, как великого князя, не нашел возможным участвовать в междуусобиях русских и финнов. Государь при этом сказал, что вот как он (великий князь) понимает службу!

Великий князь Николай Николаевич все время твердил о ненадежности моряков; он потребовал вывода 14-го экипажа из Петербурга, а в Кронштадте один экипаж был оцеплен сухопутными войсками. Бирилев пошел на риск: он упросил государя послать 14-й экипаж усмирять Лифляндию, говоря, что ручается головой за его надежность; действительно, половина экипажа была послана в Курляндию, а половина — на остров Эзель. Отовсюду стала приходиться благодарность за присылку моряков, а великий князь Николай Николаевич все более бесился.

Наконец, в 1906 году Бирилев однажды вечером получил от великого князя Николая Николаевича письмо с сообщением, что тот по высочайшему повелению вступает в главное командование флотом и морским ведомством! Бирилев немедленно, по телефону, попросил государя принять его в десять часов вечера. Бирилев отговаривал государя от такой меры и просил, в случае ее принятия, уволить его самого. Государь ответил, что он не имел в виду столь резкой меры, и Бирилев мог в тот же вечер сообщить великому князю, что высочайше повелено упомянутой меры не приводить в исполнение.

Великий князь Николай Николаевич говорил Бирилеву, что я добиваюсь подчинения мне и морского ведомства, но Бирилев и тогда не верил, чтобы я был так глуп, чтобы желать этого!

Когда стало намечаться преобразование Морского министерства (выделение Генерального штаба), то оба великих князя (Николай Николаевич и Александр Михайлович) упросили государя созвать по этому вопросу совещание, не предупредив о том Бирилева. Государь на это согласился, и тогда же Бирилев отпросился от должности.

Раньше я никогда не слышал о том, что флот хотели подчинить великому князю Николаю Николаевичу и, конечно, сам никогда не желал в дополнение к непосильной работе по военному ведомству получить еще громадную обузу в виде всего флота, бунтующего, дезорганизованного, в котором, по слухам, воровство процветало вовсю и в делах которого я ровно ничего не понимаю!» Бирилев был прав, считая, что я не так глуп, чтобы желать этого.

Бирилев был уволен от должности в самом начале 1907 года; в ноябре 1906 года уход его, вероятно, уже предвиделся, и государь мог интересоваться моим взглядом на флот, чтобы выяснить, гожусь ли я в приемники Бирилеву? Высказанные мною мысли шли вразрез с его взглядами и доказали полную мою непригодность для такого назначения*.

Я упоминал о том, что командир Семеновского полка Мин был убит революционерами. Потеря Мина была очень тяжела для полка; это был коренной семеновец, по натуре восторженный, увлекающийся, он успел в тяжелые минуты всеобщего шатания наэлектризовать полк, который готов был идти за ним куда угодно и на что угодно. На его место надо было найти

---

* Вскоре после увольнения Бирилева, во время концерта в пользу инвалидов, мы в антракте разговорились с Бирилевым и тот сказал, что даст мне хороший совет: если когда-либо государь заупрямится и я не буду в состоянии его убедить, обратиться к молодой императрице. Он сам это сделал однажды с полным успехом: находя нужным уволить от службы флигель-адъютанта Руднева за беспорядки в его экипаже, он несколько раз просил о том государя, но получал отказ; тогда он, тотчас после доклада, попросил аудиенцию у императрицы и изложил его дело. Она ничего не ответила, Бирилев простился и уехал в помещение завтракать; не успел он окончить свой завтрак, как получил от государя записку с приказанием уволить Руднева от службы. Это было первое, слышанное мною указание на решительное влияние императрицы на государя. Бирилев имел возможность его подметить, так как он ежегодно, по несколько недель, плавал с царской семьей на яхте, в шхерах. Я никогда не обращался к императрице ни по каким делам, да и вообще был очень далек от нее.

нового командира, который сумел бы их поддержать и, вместе с тем, несколько успокоить возбужденное состояние полка. Естественнее всего было искать нового командира среди бывших семеновцев, командовавших армейскими полками. Таких было двое: Козлов и Ребиндер, первый был человек дельный, но партийный; второй был добрый малый, отличный, заботливый и твердый командир полка, но очень ограниченный.

Через неделю после смерти Мина ко мне в Царское приехал временно командовавший полковник фон Баранов и доложил мне, как бывшему однополчанину, просьбу о назначении командиром полка генерала Шильдера, тоже бывшего семеновца и в то время директора Псковского корпуса, ввиду того, что Ребиндер глуп, а Козлов совсем болен и находится за границей; Шильдера он видел на похоронах Мина, спрашивал его и Шильдер сказал, что был бы счастлив командовать родным полком.

Шильдер, несомненно, был очень желанным кандидатом на полк, как человек хороший, умный и спокойный. Мы с ним были вместе в Пажеском корпусе*, затем в 9-й роте Семеновского полка; после того он был полковым адъютантом и командиром «Государевой роты»; затем — воспитателем великого князя Алексея Михайловича, после его смерти — инспектором классов Лицея и, наконец, директором Корпуса. Ему уже предлагалось место министра народного просвещения (не помню — до или после Глазова), но он от него отказался, заявив, что к нему не подготовлен. Он, правда, давно уже оставил строй, но когда-то был отличным строевиком и, ввиду прочих его качеств, мог быть отличным командиром полка. Вопрос мог быть лишь относительно его желания принять полк, но и он отпадал, учитывая разговор с Барановым.

Избрание гвардейских командиров вообще делалось по докладу великого князя Николая Николаевича и сообщалось мне лишь для отдания в приказе; в данном же случае, я предложил великому князю Шильдера, и тот был назначен командиром полка, о чем я ему сообщил уже как о *fait accompli***.

Вслед за тем, я, однако, узнал от великого князя Сергея Михайловича, который был очень дружен с Шильдером, что назначение это для Шильдера оказалось очень тяжелым, так

* Он произведен в офицеры на год позже меня.

** Свершившийся факт (фр.) (*Сост.*).

как он страдает грыжей (что тот от всех скрывал) и не может ездить верхом! Вскоре освободилась должность директора Пажеского корпуса, на которую Шильдер был переведен. На празднике 21 ноября он еще был перед полком.

В начале декабря государь при одном из моих личных докладов сказал мне, что вообще недоволен работой Главного управления казачьих войск, которое тормозит ход всех дел. Объяснялось такое мнение государя тем, что наказные атаманы, являясь государю, постоянно жаловались, что такие-то ходатайства их по годам не получают разрешения в Главном управлении! Я доложил, что это происходит не по вине Главного управления, а от того, что все вопросы гражданского характера оно может решать лишь по соглашению с другими министерствами, которые и тормозят дела.

Государь удовлетворился этим объяснением и больше мне не говорил ничего об этом; но вскоре после моего ухода с должности министра, он сказал то же моему преемнику, Сухомлинову, который поспешил влить это Главное управление в Главный штаб, и без того огромный и притом работавший всегда плохо! Это один из примеров настойчивости государя и его упорства в своих антипатиях.

6 декабря я получил анонимное письмо с извещением, что на следующий день на меня будет произведено покушение в Царском Селе. Поэтому я на этот раз решил взять с собою одного из адъютантов, полковника Каменева, и просил его обеспечить меня сзади, так как вперед я сам буду смотреть. Впоследствии я узнал, что такое же предупреждение о покушении на меня получил и Столыпин, который предупредил дворцового коменданта Дедюлина, и последний, вместе с Эвертом, тоже следили за мной. Вернее всего, это была мистификация, предпринятая в надежде запугать меня.

День 12 декабря, день святого Спиридония — поворота, когда «солнце на лето, а зима на мороз», был для меня весьма знаменательным и явился поворотным пунктом в моей жизни; но раньше этого у меня произошел неприятный инцидент.

В этот день праздновался столетний юбилей полков л.-гв. Финляндского и Волынского, и в Царском Селе был церковный парад, после которого, как всегда, был завтрак в большом зале Большого дворца. После завтрака государь и великие князья всегда уходили в соседнюю серебряную гостиную поку-

рить; в этот день, после завтрака, ко мне подошел барон Фредерикс и сказал, что великий князь Владимир Александрович желает со мной переговорить. Я подошел к тому, и он повел меня в эту гостиную, где остановился около двери; я стоял лицом к этой двери, так что не видел, кто был в гостиной и что в ней делалось. Великий князь стал мне делать выговор за то, что в Георгиевскую думу, в которой он председательствовал, представления к ордену «святого Георгия» вносятся не по установленной форме и без требуемых законом подписей*. Он всегда говорил очень громко, а тут он на меня чуть что не кричал. Я ему сказал, что по моему мнению боевые заслуги имеют большее значение, чем бумажные формальности, и нельзя из-за несоблюдения последних, лишать награждения «Георгием». Он же мне заявил, что нужно хоть георгиевский крест давать осторожно и по закону, а потому он все неформенные и неполные представления мне вернет, чтобы я сам видел, что по ним «Георгия» давать нельзя. Я ему заявил, что представлений этих не видал и, конечно, смотреть не стану. Возмущенный его криком, я под конец тоже начал повышать голос.

Когда я вернулся в Большой зал, великий князь Николай Николаевич, а затем и Сергей Михайлович, бывшие свидетелями этой сцены, подошли ко мне, чтобы спросить, в чем дело? Последний мне рассказал, что государь тоже был свидетелем ее, видимо был сконфужен и отошел рассматривать хорошо ему известные картины по стенам гостиной.

Сцена эта меня глубоко возмутила как по внешнему своему неприличию, так и потому, что она произошла из-за совершенно ничтожного повода, и я за собой не чувствовал решительно никакой вины! Каково положение министра, если любой великий князь может его разносить за всякое его действие, которое он признает неправильным! Обращаться с жалобой к государю я считал неудобным, а потому мне оставалось лишь одно: заставить великого князя рассмотреть те дела, которые он собирался мне вернуть. Я поэтому тотчас приказал Эверту по получении представлений обратно их тщательно пересмотреть, выяснить, чьих подписей не достает и, по возможности, их добыть. Через несколько месяцев это было исполнено; некото-

---

* По закону требуется, чтобы в представлении были приведены заключения всех прямых начальников за их подписями.

рые подписи были получены, но остальные получить было невозможно, так как некоторые начальствующие лица были убиты или умерли, или уже состояли под следствием (особенно по делу о сдаче Порт-Артура), и представления все же оставались неполными. Я их взял с собою в свой личный доклад и изложил, что они были мне возвращены из Думы и дополнены по мере возможности, но все еще не полны, сказал, что боевые подвиги, дающие хоть какое-либо право претендовать на георгиевский крест, не должны оставаться без рассмотрения из-за отсутствия каких-либо подписей, которых и добыть нельзя! «Со своей стороны я не решаюсь Вам докладывать какое-либо заключение по этим представлениям»; государь меня перебил: «От Вас я его и не принял бы!» Я продолжал: «Поэтому их рассмотреть может только Дума; разрешите вновь внести их в Думу с тем, чтобы она их рассмотрела, не взирая на их неполноту!» Государь взглянул на меня и спросил: «Это не то ли дело, за которое Вам выговаривал великий князь Владимир Александрович?» Я ответил, что это то самое дело. Государь вполне определенно дал свое согласие и дела вновь пошли в Думу, которая их и рассмотрела. С великим князем Владимиром у меня больше разговоров по этому делу не было и я его избегал, хотя он, при встречах со мной, бывал любезен. Он тогда, вообще, уже был раздражителен, но я вовсе не знаю, почему он тогда так вышел из себя из-за такого пустяка? Вероятно его натравил на меня кто-либо из моих недоброжелателей.

Завтрак 12 декабря и следовавшая за ним беседа государя с офицерами, после упомянутой сцены в серебряной гостиной, затянулись дольше обыкновенного, и я в этот день вернулся домой, усталый и злой, только в половине пятого. В этот день, к четырем часам, я пригласил к себе генерал-адъютанта Максимовича, только что вернувшегося из Туркестана, для доклада результатов его поездки. Когда я вернулся, мне доложили, что Максимович уже был у меня, но уехал, сказав, что заедет вновь. Переодевшись, я пошел в кабинет, ждать Максимовича и занялся делами — самым верным средством для восстановления душевного равновесия. Но вместо Максимовича мне пришлось принять даму*: секретарь мне доложил: «Пришла Холщевникова, прикажите принять?» Я приказал принять и вновь

* Максимович был у меня вечером, от половины восьмого до девяти часов.

увидел перед собою О. И., которую не видал с 5 июня и от которой за эти семь месяцев не имел ни одной весточки, поэтому я думал, что наше знакомство уже кончилось, и нам уже больше не придется встречаться.

Как и раньше, я ее встретил у входа в кабинет, провел к креслу докладчиков и сам сел за письменный стол; оказалось, что она пришла поблагодарить меня за благополучное окончание дела ее отца. Дело это тянулось долго в ожидании решения дела Линевича; казалось, что уже осенью оно подходит к концу, и я предупреждал о том И. В. Холщевникова, но затем оно вновь затягивалось, и только в конце ноября (или начале декабря) я мог сообщить ему, что он все милостивейше освобожден от наказания. Разговор наш вновь был вполне формальный и длился лишь несколько минут; она встала и пошла к двери; здесь, целуя руку, я сказал ей, что на прощание она могла бы поцеловать меня в лоб! Она меня спросила: «А вы хотите?» и исполнила мою просьбу; я ей сказал, что она меня совсем забыла и знать не хочет — не ответила на мое письмо! Тут выяснилось, что она его не получала, и она сказала: «Вот доказательство, что я не забыла Вас!», и открыла висевшие у нее на плече часики, в которых я увидел свою карточку. Это было совершенно для меня неожиданно и, вместе с тем, ясно, и я тотчас расцеловал О. И. Сцена эта происходила близ входной двери моего кабинета, мы стояли у бывшего там большого стола; сказали мы друг другу мало, я и не знал, что могу ей сказать, и притом меня смущало, что в каждую минуту мог войти мой секретарь, либо лакей, звать к обеду. С уходом О. И. я остался в большом смущении: мы с нею целовались и объяснились в любви, но что же дальше? Я ее вовсе не знал и у меня лишь было впечатление чего-то чистого, доброго и мягкого. Я, к сожалению, был женат и не видел возможности освободиться от своих брачных уз, а к чему же при таких условиях могло привести сближение с О. И.? Если она и согласится вступить со мной в связь, то уже одна мысль о том, что я должен буду ее скрывать и делать что-то крадучись, как преступник, была мне противна, так как я всегда гордился тем, что действую открыто и мои поступки не боятся огласки. Но всякое знакомство с О. И., посещение дома ее отца представляло большие неудобства: не только ее отец мог (или вернее, должен был) признать мои посещения неуместными, но они

должны были вызвать всякие сплетни относительно моих отношений с О. И., особенно в связи с тем, что я сделал для ее отца! В общем, сцена 12 декабря оставила по себе нехорошее воспоминание: я расцеловал барышню, по-видимому, крайне симпатичную, но которую не знал вовсе; я ей сказал, что ее люблю, хотя сам в этом не был уверен; завязал какой-то роман, не зная вовсе, какое он может иметь продолжение; вступил на путь какой-то тайной интрижки и был не доволен собой! Мне было без малого пятьдесят три года, и я себе говорил, что в таком возрасте не подобает предаваться любовным увлечениям, но уже было поздно! Я себя уверил, что должен побывать у О. И., и сам очень желал с нею познакомиться, а там — будь что будет! Я ей написал открытку, что заеду к ней, но получил с посыльным ответ, чтобы не приезжал, а в пятницу, 15 декабря, был с визитом у м-м Березовской. Никогда я к ней с визитом не ездил и даже не знал ее приемного дня; не знал я также, что О. И. знакома с Березовскими. Не рассчитывая на возможность переговорить с О. И., я написал длинное письмо, которое собирался ей передать. Приехав к Березовским, я у них никого не застал, но вскоре приехала О. И.; разговор был общий, о каких-то пустяках; я впервые видел ее в обществе, беседующей непринужденно и, как мне казалось, спокойно. Когда она собиралась уходить, я тоже ушел, передал ей на лестнице письмо и предложил отвезти ее домой; она согласилась, но просила отвезти ее в Публичную библиотеку! Зачем она туда ходит, я не успел толком узнать, так как шофер домчал нас весьма быстро. Высадив ее у библиотеки, я вернулся домой и стал ждать ответа.

Как потом выяснилось, м-м Березовская после нашего ухода сказала мужу, что я уже успел влюбиться в О. И. — вероятно у женщин особенно тонкое чутье по этой части! Равным образом, я лишь впоследствии узнал, что О. И. во время визита очень волновалась и не хотела ехать прямо домой, чтобы сначала успокоиться и, кроме того, хотела сейчас прочесть мое письмо, в чем ей дома могли помешать, потому она и попросила отвезти ее в Публичную библиотеку, где занималась ее приятельница и поверенная Мария Павловна Алексинская.

Говоря по правде, письмо мое содержало мало хорошего; я ей написал о безотрадности своей семейной жизни, но говорил, что не считаю себя вправе развестись с женой; вместе с тем, я

ее спрашивал про ее первого жениха, о котором я слышал от Кауфмана.

Ответ на это письмо я получил 18 декабря, и, собственно, это ответное письмо впервые дало мне возможность заглянуть в душу О. И. и окончательно очаровало меня. Для меня уже не было сомнения в том, что я имею дело с чудным человеком, что она меня действительно полюбила и что в отношении ее не должно быть и речи о каком-либо пустом флирте или любовной интрижке; все бывшие у меня 12 декабря сомнения и флировольные мысли отпали; О. И. считала 12 декабря днем нашего объяснения в любви, но я не могу с чистым сердцем принять эту дату, а предпочитаю ей 18 декабря.

С этого времени у нас началась ежедневная переписка, причем мы делились и мыслями и событиями текущего дня, и попутно узнавали друг друга. Уже 21 декабря О. И. перешла (в письме) со мной на «ты» и я, конечно, последовал ее примеру.

К концу года я чувствовал опять себя совсем усталым; более четырех лет, с 1902 года, я не пользовался отпуском, а между тем эти четыре года (а в особенности последние три) были временем самой форсированной работы, и я невольно стал мечтать хоть о небольшом отдыхе. Уклоняться от работы я считал все же неудобным, а потому уже давно наметил себе уехать в отпуск на рождественские праздники, когда вся серьезная работа приостанавливается, и когда отпуск для меня явится лишь освобождением от мелочных ежедневных обязанностей, личных докладов и проч.; отпуск я решил провести на своей даче, в Царском Селе.

При моем личном докладе, 16 декабря, я испросил разрешение государя на двухнедельный отпуск; он был несколько удивлен, что я его собираюсь провести тут же, в Царском. В отпуск я решил ехать в субботу, 23 декабря, после моего личного доклада.

В пятницу, 22 декабря, я был в Царском на празднике 147-го Каспийского полка; после завтрака императрица Александра Федоровна меня спросила, буду ли я завтра на освящении вновь устроенной в Царском больницы для ампутированных воинов, куда она приказала меня пригласить. Я извинился, сказав, что завтра еду в отпуск. Это было очень невежливо, но я так жаждал отдыха и свободы, что не хотел отбывать еще и эту церемонию.

В субботу, 23 декабря, я к личному докладу приехал в парадной форме и откланялся государю по случаю отъезда в отпуск. После доклада меня позвали к императрице, которая мне пожелала хорошо отдохнуть; не знаю было ли то знаком расположения или уроком вежливости?

На даче я пробыл две недели; морозы были большие, но все же я ходил гулять, например, в Павловск (версты за две), и, во всяком случае, гулял по саду; особенно же приятны были полная тишина и свобода от разъездов и текущих дел. Министерством управлял Поливанов. Фельдъегеря, постоянно ездившие между городом и Царским, привозили и мне корреспонденцию, в том числе и письма от О. И., которые из осторожности шли ко мне этим путем; я же свои письма большей частью сам относил в ящик. По моей просьбе О. И. мне прислала свою карточку; курьезно то, что я в то время не отдавал себе вовсе отчета в ее внешности и думал, что она шатенка или даже темнее, и только из ее письма узнал, что она блондинка — так мало мы еще знали друг друга, да я, впрочем, и видал ее только в шляпе и под вуалью!

В Сочельник днем ко мне по делу приехал мой племянник Саша; ему я первому сообщил, что хочу добиться развода, чтобы жениться на барышне, которую полюбил. Он мне предложил все, чем мог бы мне служить: устройство встреч с О. И. на его квартире и даже фиктивный брак его с О. И. с тем, чтобы она фактически была не его, а моею женой, от того и другого я с благодарностью отказался, так как надеялся сделать О. И. своею женой и слишком любил и уважал ее, чтобы мог решиться упреждать законный ход событий.

28 декабря у меня был Гримм, который стал вторым моим поверенным, а затем оказал мне громадную услугу, указав мне на присяжного поверенного Гужковского, своего знакомого, для ведения дела. Я не имел никакого представления о том, как совершается развод у лютеран и какие для него требуются поводы; я думал, что может быть мне надо принять православие, и тогда мой брак с двоюродной сестрой должен быть расторгнут?

Переписка с О. И. была усердная; бездельем на даче я пользовался для того, чтобы ежедневно писать ей длинные письма; она мне тоже отвечала усердно, и по мере того, как я узнавал ее ближе, я все более влюблялся в нее, но все же нуж-

но же было видеться с нею! Сама переписка с нею, по секрету от ее отца, была нелегальна и некрасива, и я 28 декабря писал ей, что хочу объясниться начистоту с ее отцом, как только удастся затеять дело о разводе. Оно мне казалось легким, я думал, что начать его можно будет сейчас же, так как у лютеран развод дается сравнительно легко!

При моем переезде на дачу, я имел в виду выполнить там в начале января одно неприятное служебное дело: мне надо было написать письмо главному военному прокурору генералу Павлову и предложить ему перейти на какую-либо иную должность (например, в Сенат). Не говоря о том, что тот уже полгода не бывал у меня, он стал до того желчен и раздражителен, что из военно-судебного ведомства началось бегство вполне хороших людей. Некоторые его распоряжения были даже странными; так например, он запретил чинам своего управления бывать без его разрешения в Канцелярии Военного министерства. 25 декабря ко мне заехал мой кузен Сергей Шульман (правитель дел Главного военно-судного управления) жаловаться на незаслуженный разнос со стороны Павлова и спросить совета, что ему делать? Я ему посоветовал потерпеть еще и сказал, что собираюсь расстаться с Павловым.

На следующий день Павлов был убит, когда он вышел погулять во дворе своего Управления — никакие предосторожности не спасли его! Сожалея о нем, как о человеке честном и примерном служаке, павшем от руки убийц, я был рад, что не успел написать ему письмо, которое несомненно должно было бы огорчить его.

На место Павлова я себе уже наметил председателя Петербургского военно-окружного суда генерала Рюльке, человека очень сведущего, очень мягкого в общении, который успокоил военно-судное ведомство после хватившей через край чистки его, произведенной Павловым; назначение это состоялось в январе 1907 года.

Убийство Павлова косвенно отозвалось довольно сильно и на мне. 29 декабря ко мне заехал штаб-офицер от дворцового коменданта и сообщил, что из Петербурга получен приказ охранять меня; охрана уже была устроена: один агент в костюме дворника дежурил у моих ворот на шоссе, верховой казак наблюдал со стороны парка и, наконец, еще один агент должен сопровождать меня во время прогулок. На все эти посты было

назначено по три смены; уже накануне, когда я ходил в Павловск, за мной наблюдала полиция, но я этого не заметил. Причина, почему была назначена охрана мне неизвестна, вероятно, имелись какие-либо сведения о намеченном против меня покушении*; я сказал, что хотел бы поехать на несколько дней в Выборг, но мой собеседник отсоветовал мне ездить туда, так как там один из центров революции. В тот же день, вечером, я получил письмо от брата, чтобы я берегся, так как ходят слухи, что меня хотят убить.

Все это в совокупности произвело на меня весьма тяжелое впечатление. Что покушение на меня было вполне возможно, я уже давно сознавал, так как убийство военного министра произвело бы большую сенсацию и могло служить доказательством силы революционных организаций; но до тех пор это было лишь одной из возможных опасностей, а теперь эта опасность, по-видимому, надвигалась вплотную. На примере Павлова я видел, что человеку, приговоренному революционерами к смерти, трудно избежать ее, даже если он обречет себя на затворническую жизнь; мне же приходилось постоянно разъезжать как по городу, так и в Царское Село, поэтому случаев для покушения на меня было много.

Волей неволей приходилось оглянуться на свою прошедшую и настоящую жизнь и прийти к окончательному решению относительно будущего. Семейная моя жизнь уже давно была совершенно безотрадной. О полученном мной *memento mori*** я сказал жене, но она заявила, что это мне поделом; на даче, чтобы иметь покой, я весь день проводил в служебном кабинете (внизу), выходя из него только в столовую для еды. Я переживал редкий у меня и весьма мучительный момент — я не знал, что делать? Продолжать ли прежнюю, тягостную семейную жизнь или добиваться развода и возможности жениться на О. И.? С одной стороны, я считал, что раздражительный и злобный характер жены был, отчасти, результатом совместно

---

* Лишь много позже я узнал, что меры охраны были вызваны заботами обо мне Березовского, который после убийства Павлова стал опасаться за меня и написал о том Поливанову; последний написал товарищу Столыпина, Макарову, который и распорядился устройством охраны в Царском. С того же времени у меня и в городе была устроена агентурная охрана в доме, и у подъезда поставлен городской.

** Помни о смерти! (*лат.*) (*Сост.*).

со мною прожитой тяжелой жизни, поэтому я должен с ним мириться, терпеть до конца и ждать, не смиловится ли судьба и не даст ли она мне избавление; но ведь подобная жизнь с постоянной враждебностью друг к другу и мечтой о естественной смерти другого была лишь карикатурой семейной жизни! Хотелось семейного счастья, домашнего очага, у которого можно было бы отдохнуть душой от тяжелой службы и связанных с нею тревожений, и это счастье мне обещал брак с О. И. Однако, и этот брак вызывал сомнения: О. И. я ведь, собственно говоря, не знал; я чувствовал, что она хороший человек, верил ей, что она меня любит, но надолго ли хватит этой любви? Ведь она мне годилась в дочери, я не имел понятия о ее вкусах, привычках, требованиях к жизни, а жена чуть не ежедневно твердила мне про мой ужасный характер, благодаря которому со мной житья нет, так что я и сам готов был этому поверить.

Через сутки мое решение было принято. Я решил добиваться развода и брака с О. И.; я по-прежнему относился скептически к прочности ее чувства ко мне, но надеялся, что оно все же продержится год, два, но ведь и то было бы счастьем! При этом, ведь, ожидая покушений на себя, я даже не мог рассчитывать на долгоденствие! Поэтому я 30 декабря написал И. В. Холщевникову, что люблю его дочь и пользуюсь ее взаимностью, хочу добиться развода, чтобы жениться на ней, а пока прошу разрешения бывать у них. На следующий день, 31 декабря, в день моего рождения (пятьдесят три года!), я получил его согласие, что он меня ждет к себе 3 января, когда уже нет основания опасаться моей встречи с новогодними визитерами. Осторожность в этом отношении действительно была нужна, во избежание всяких сплетен, тем более, что хоть я и решил добиваться развода, но пока еще вовсе не знал, как взяться за это дело, а тем более не мог даже приблизительно сказать, когда мне удастся освободиться от брачных уз и бывать у О. И. уже в качестве ее жениха.

31 декабря у меня вторично был Гримм. Он побывал у Гужковского, который взялся вести дело о разводе, но при этом указал, что переход в православие делу не только не поможет, но повредит, так как отдаст меня в руки православной консистории, в которой дело запутается и затянется. Гужковский указал иной путь: мы должны разъехаться с женой; я должен потребовать ее возвращения ко мне, она должна в этом отказать.

Такой отказ будет законным поводом для развода, который затем может быть получен месяца в два. Путь этот был хорош тем, что не было никакой грязи, вроде доказательства супружеской неверности, но он был возможен лишь с согласия жены, а его добиться было трудно!

Чтобы закончить изложение всего, относящегося к 1906 году, мне остается дополнить вышеизложенное лишь несколькими фактами.

Эвакуация войск с Дальнего Востока шла вполне успешно. С самого ее начала было решено направить в Приамурский округ пять восточно-сибирских стрелковых дивизий, а четыре дивизии иметь в Иркутском военном округе, вновь созданном, ввиду выяснившейся во время войны необходимости иметь поближе к Китайской границе достаточно полное и властное управление*. С выводом большей части войск из Маньчжурии там остался лишь Сводный корпус с генералом Дембовским во главе, главным образом, для ликвидации всех дел бывших армий и для вывоза в Россию громадных запасов, оставшихся на театре войны.

Гродеков вернулся в Петербург в середине декабря и вскоре уехал в Туркестан. Я уже говорил, что выбор его на место Субботича был произведен Высшей аттестационной комиссией, заключение которой было утверждено государем, после чего Гродекову был сделан запрос, и он согласился принять назначение. Казалось, что после столь долгой процедуры ничто уже не могло препятствовать его назначению! Но Столыпин мне заявил, что он хоть и не имел ничего против Гродекова, но считает, что следовало бы спросить и его! Я тотчас согласился с ним и в свое извинение сказал, что не я выбирал Гродекова, а целый синклит, и мне казалось, что уже больше некого спрашивать!

В середине же декабря в Петербурге появился Куропаткин, получивший разрешение (помимо меня) на проезд в столицу и ко Двору. Он заехал ко мне — все такой же самоуверенный и довольный собою.

Из старых моих друзей в Петербург вновь переехал д-р Гримм. Я уже упоминал, что младшая дочь его стала невестой Кюгельгена, и в начале сентября я присутствовал на ее брако-

---

* Для сокращения состава войск, я испросил упразднение 10-й дивизии, вновь сформированной распоряжением главнокомандующего.

сочетании в церкви 1-й гимназии. По просьбе Гримма, я в октябре устроил его на открывавшуюся вакансию в Петербурге на должность неперменного члена Военно-медицинского уездного комитета, о чем он уже давно мечтал, так как его сын был офицером л.-гв. Драгунского полка, и семья его скучала в Люблине. Он стал вновь навещать меня и, как упомянуто выше, приезжал два раза в Царское во время моего двухнедельного пребывания там, в конце 1906 и начале 1907 гг., и оказал мне громадную услугу, указав мне ходатая по делу о моем разводе.

Согласно желанию графа Шувалова, бывшего моим начальником в 1881—83 гг., я его навестил в ноябре; уже совсем больной, он сохранил ясность ума и интересовался всем, происходящим по военной части.

Вопрос об изменении формы нашего обмундирования был поднят мною еще в зиму 1905—06 гг., но до конца 1906 года еще не получил разрешения. Государь отнесся к этому вопросу совершенно отрицательно и говорил, что наша форма хороша, национальна и очень нравится ему, а также и всем приезжим иностранцам. Я возражал, что форма эта, особенно в армии, хороша в массе, но в одиночку она так бедна и неуклюжа, что хуже быть не может; наш солдат не любит своей формы, она ему не нравится, он ею не дорожит. Уходящие в запас шьют себе форму времен императора Александра II, чтобы щеголять в ней в деревне или хотя бы снимаются у фотографа в этой форме — значит, она им нравится; надо же считаться с их вкусами! «Kleider machen Leute»*, гласит немецкая поговорка — оденьте солдата в красивую форму и он станет дорожить ею, станет опрятным, щеголем; всякие отличия (пуговицы, цветные канты) скрашивают даже поношенный мундир. Я даже доходил до фразы, что ведь наш солдат служит своему государю не хуже, чем немец или итальянец своему, так почему же не удовлетворить его желание и дать ему форму, которая была бы ему по сердцу, как то сделано за границей? Несмотря на смуту в стране, вопрос о форме надо разрешить теперь же, так как все запасы у нас исчерпаны и их надо заводить вновь, причем их надо шить по новой форме. Разговоры эти повторялись несколько раз, но государь всегда с неудовольствием отказывал. Я рассказал о своих попытках великому князю Николаю

* Платье (одежда) делает человеком (нем.) (Сост.).

Николаевичу, который отнесся к ним вполне сочувственно и сообщил мне, что он уже убеждал государя восстановить в армии уланские и гусарские полки. Он еще говорил государю по этому вопросу и, наконец, в начале 1906 года, государь сказал мне: «Я вижу, что Вы в заговоре с главнокомандующим; извольте, я согласен; представьте образцы!» Таким образом, принципиальное согласие было исторгнуто, но трудно было придумать форму, которая понравилась бы государю, когда ему нравилась существующая!

Вопрос усложнялся тем, что на военное время надо было иметь обмундирование защитного цвета; уже во время войны с Японией наши войска были летом не в традиционных белых рубахах и фуражках, а в крашенных в песочный и зеленоватый цвета. Гвардейское начальство представляло государю летнее обмундирование разных цветов, и в середине мая был утвержден оттенок, прототипом которого являлась заграничная материя «changeant»*. Весьма желательно было принять обмундирование этого защитного цвета, удобное для похода, которое придачей разных украшений можно было бы обращать в красивые городскую и парадную форму.

Для обсуждения вопроса о новой форме обмундирования и снаряжения была образована комиссия под председательством генерала Батьянова, но из ее работы ничего путного не вышло. Тогда я, летом 1906 года, просил генерала Бильдерлинга (как художника и бывшего на войне) проектировать форму. Бильдерлинг дал волю своей фантазии и спроектировал синие мундиры, чуть что не с касками, которых государь терпеть не мог. Я эти рисунки представил государю, который взял их с собою в шхеры, а затем вернул, как вовсе непригодные. Придумывать новую форму приходилось Интендантству, но оно было в большом затруднении, так как у него не было никаких указаний, какого вида форма могла бы понравиться государю? Поэтому до конца года ничего определенного в этом отношении сделано не было. Интендантство продолжало изготавливать темно-зеленое сукно и мундиры прежнего покроя; сверх того, мы начали заготовление летних рубах и фуражек защитного цвета.

Перемены формы настоятельно желали в войсках; в том, что она заставляла себя так долго ждать, винили меня! В одной

---

* Буквально — переливающийся разными цветами, меняющийся (фр.) (Сост.).

записке, циркулировавшей в войсках Гвардии в конце 1906 года, говорилось, что я торможу реформу потому, что испугался протеста левых газет («Товарищ», «Речь»⁸, «Страда») против перемены формы! Вообще, Гвардия удивительно падка на сплетни и злословие!

С лета 1906 года у меня началось оригинальное знакомство с кандидатом коммерции Неймарком. Он приехал ко мне на дачу в конце мая, с письмом от сестры Лизы, просить за свою сестру, барышню лет шестнадцати, которую забрали на какой-то политической сходке, за что ее решено было выслать куда-то. Он просил вместо этого выслать ее за границу, где она могла бы продолжать учиться. Мне удалось ему это устроить и с тех пор он стал при поездках своих в Петербург навещать меня. От него я знаю, что его сестра стала в Италии доктором медицины и даже чем-то вроде ассистента профессора университета в Неаполе. Сам Неймарк ведет какие-то торговые дела в Москве.

Брат на 6 декабря был произведен в генерал-лейтенанты.

Брат жены, Александр Безак, участвовал в походе и был назначен командующим 45-й артиллерийской бригадой; в начале сентября он скончался; для лучшего обеспечения его семьи я ему испросил посмертное производство в генералы.

В течение последних трех месяцев 1906 года мне приходилось выезжать в Петергоф — 6 раз и в Царское — 24 раза; в Петергофе у меня было 5 личных докладов и еще парад конвоя; в Царском Селе было 15 докладов, 5 полковых праздников (6 и 8 ноября, 6, 12 и 22 декабря), прибавка знамен (11 декабря), два парадных обеда: в честь эмира Бухарского 6 декабря и георгиевский праздник.

Заседаний у меня было: 10 — в Совете министров, в Совещании о военных расходах — 3, в Совете обороны — 10 и в Высшей аттестационной комиссии — два, всего 25 заседаний*.

Всего с 10 октября по 23 декабря, то есть за 84 дня, у меня было 55 отвлечений от прямого дела. Подводя итог за весь год, получается, что у меня было:

С 1 января по 1 апреля:

Докладов у государя	22
Торжеств и приемов у государя	8
Заседаний у великого князя Николая Николаевича	18

* В Военном совете я был на девяти заседаниях из двенадцати.

Заседаний других	22
На каждую неделю приходилось этих отвлечений	5,44

С 1 апреля по 1 октября:

Докладов у государя	8+31=39
Торжеств и приемов у государя	6+12+7=25
Заседаний у великого князя Николая Николаевича	6
Заседаний других	34
На каждую неделю приходилось этих отвлечений	3,98

С 1 октября по 31 декабря:

Докладов у государя	20
Торжеств и приемов у государя	10
Заседаний у великого князя Николая Николаевича	12
Заседаний других	13
На каждую неделю приходилось этих отвлечений	4,17

Всего:

Докладов у государя	81
Торжеств и приемов у государя	43
Заседаний у великого князя Николая Николаевича	36
Заседаний других	69
На каждую неделю приходилось этих отвлечений	4,38

Таким образом, наиболее тяжелой в этом отношении оказалась первая четверть года, когда на неделю приходилось пять-шесть отвлечений от прямого дела и лишь один-два дня были свободны от них; с 1 апреля таких свободных дней оказалось уже три, главным образом потому, что заседания у великого князя стали реже, а на других заседаниях меня чаще стал заменять Поливанов. Все же положение было ненормальное: я к государю за город выезжал 124 раза, по большей части по пустякам, так как личный доклад, в действительности, бывал нужен лишь один-два раза в месяц! Самое любопытное было то, что левые газеты трунили над моими частыми поездками к государю, считая, что я нарочно езжу туда так часто, чтобы быть на глазах!

И в течение 1906 года беспрестанно говорили о моем уходе с должности; в феврале газета «Военный голос»⁹ сообщила,

что меня заменит Палицын, причем Министерство вновь будет объединено. В конце года кроме Палицына кандидатами еще называли Косыча, Поливанова, Газенкампа и Гершельмана.

В денежном отношении 1906 год закончился для меня небольшим избытком, так как перестройка дома и разведение нового сада, а равно обзаведение в нем потребовали около 15 000 рублей, а жизнь и содержание дачи обошлись в 10 000 рублей, тогда как мой приход равнялся 25 750 тысяч рублей. В марте я (за счет избытков 1905 года) уплатил бывший на доме долг Петровой в 9000 рублей, так что к концу года у меня лишь остались долги: под залог полиса — 4500 и банку, по текущему счету, — около 2000 рублей.

ГЛАВА ДЕВЯТАЯ

1907 год — Ольга Ивановна Холщевникова. — Реформы в армии продолжаютя. — Открытие Второй Государственной Думы и ее роспуск. — Волнения в Военно-медицинской академии. — Кадровые перемещения после русско-японской войны. — Политические отношения с Францией. — «Я узнал о предстоящем покушении на меня». — Маневры в Красном Селе. — Письмо к великому князю. — День свадьбы. — Свадебное путешествие. — Работа Совета государственной обороны. — Положение о генерал-инспекторах. — Дело Стесселя

Вся первая половина 1907 года была преисполнена для меня волнениями из-за вопроса: удастся ли мне добиться развода и когда? Мысль о разводе, любовь к О. И., желание скорее стать ее мужем целиком владели мною; всякая свободная минута была использована, чтобы написать ей хоть несколько строк, при всякой возможности я бывал у нее (или она у меня) и это, несмотря на то, что работы у меня не убавилось. Я только думаю, что работа эта стала более механической, являясь продолжением уже предпринятых мер и по ранее намеченному курсу, и новых начинаний уже было меньше.

Согласно полученному мною разрешению, я 3 января сделал свой первый визит у Холщевниковых. Из Царского я приехал в город и заехал к ним; они занимали меблированные комнаты на Б. Московской, на углу М. Московской. Я застал отца и дочь одних дома и просидел у них два часа с четвертью. Трудно себе представить что-либо более натянутое и нелепое, чем этот визит. О моем жениховстве не было и речи. Сидели мы в комнате О. И. и ее отец говорил все время о минувшей войне и о своем деле, я ему давал нужные реплики, а О. И.

при этом присутствовала! Очевидно, что такие разговоры и свидания не могли служить делу нашего сближения с нею; но все же приходилось быть довольным возможностью видеть ее в домашней обстановке, без шляпы и вуали!

Через несколько дней, 6 января, И. В. был у меня в Царском с ответным визитом. 7 января я переехал в город; жена, ввиду стоявших сильных морозов, не решилась на переезд и осталась еще на неделю в Царском. Я пробовал ее уговорить, чтобы она согласилась на развод, но из этого ничего не вышло: она, как всегда говорила, что со мною жизни нет и она со мною несчастна, но не соглашалась разойтись со мною.

По приезду в город, я надумал в тот же вечер заехать к Холщевниковым. Меня не приглашали и я о своем приезде не предупреждал, поэтому я, едучи туда на извозчике, еще сомневался, хорошо ли, что я к ним еду, не застану ли у них кого-либо? Но мне хотелось видеть О. И. и я решил ворваться к ней непрошеным гостем. Застав их дома, я просидел у них от девяти до часа, слушая опять рассуждения И. В. о войне и рассказы о его деле. Он, очевидно, не предполагал, что мне интересно поговорить с его дочерью о совсем других делах! Едва ли он представлял себе, что мы так влюблены, так как удивлялся тому, что мы столько пишем друг другу, а я даже иногда сам привозил свои письма, в которых, конечно, не говорилось ни о минувшей войне, ни о его деле! Но при невозможности поговорить с глазу на глаз это являлось вполне естественным*.

Однако образ действий И. В. заставил нас искать других встреч; 11 января О. И. была у меня на квартире перед обедом. Сидели мы в большом кабинете, и я ее только провел потом по всей квартире, чтобы познакомить с нею.

13 января я поехал вновь в Царское, чтобы уговорить жену согласиться на развод, но напрасно; она решила на следующий день вернуться в город. Таким образом, надежды на скорое начало развода не было!

---

* Мой секретарь Зотимов быстро заметил бы, если бы я от него стал делать что-либо по секрету. Поэтому я, по возвращении в город, посвятил его в мою тайну; ему же было указано не класть частных писем мне на стол, а передавать мне в руки. Письма О. И. хранились затем у меня в кабинете в несгораемом шкафу и только последнее полученное было обыкновенно при мне, в бумажнике.

14 января я в третий раз был у Холщевниковых и отвез И. В. копию высочайше утвержденного доклада о его помиловании; и этот вечер прошел так же, как предыдущие два посещения; в следующий раз, 18 января, я захватил с собою разные альбомы, относящиеся к довоенному времени, и этим несколько занял И. В., так что нам удалось немного побыть вдвоем, поболтать и поцеловаться. Тут же мы уговорились, что 20-го мы свидимся у подруги О. И., Марии Павловны Алексинской. Там мы провели весь вечер вдвоем, так как хозяйка не показывалась. Такие же свидания были там же 28 января и 3 февраля, но мы оба чувствовали себя при них крайне неловко перед прислугой, которая знала О. И. и вероятно подумала много нехорошего про нее, так что от подобных свиданий пришлось вовсе отказаться. Кстати, И. В. понемногу стал оставлять нас одних, и вечера в его доме стали менее натянутыми и неестественными.

В конце февраля Холщевниковы переехали на другую квартиру, на Фонтанке у Семеновского моста, д. 35, кв. 4, где я 25 февраля был у них на новоселье; на прежней я у них был всего тринадцать раз, или через три дня в четвертый.

Домашняя моя жизнь стала настоящим адом; перипетии ее сохранились в моих письмах к О. И., но я о них предпочитаю умолчать. Скажу лишь, что жена сначала не хотела верить, что я ее действительно разлюбил и хочу развестись с нею; когда же я ей сказал, что люблю другую, на которой хочу жениться, то стало еще хуже: сцены то бешенства, то отчаяния стали ежедневными и происходили не только днем, но часто и ночью, через запертую дверь моей спальни. Она потом высыпалась, а я должен был в обычные часы отбывать свою тяжелую службу. Она грозила мне всякими скандалами, жалобой государю, она на меня жаловалась случайным своим посетителям (Гулевичу, Чебыкину, м-м Гримм). Но, в конце концов, и она устала от них и решила переехать в Царское; она не сомневалась в том, что и я вскоре перееду туда же и совместная жизнь наладится вновь. Она уехала туда 24 марта, захватив с собою все мое серебро, столовое белье и всю прислугу, кроме прачки, которая должна была обслуживать меня. Ее отъезд был для меня избавлением, концом самого тяжелого периода нашей совместной жизни. С женой переехала в Царское сестра ее, Маша.

Тотчас по ее отъезду я сообщил брату о своих домашних делах и намерениях, а в конце апреля сообщил о них и сестрам и племяннице Тее. Для всех родных было полнейшей неожиданностью, что я еще собираюсь жениться, но мое желание добиться развода они все поняли и отнеслись к нему сочувственно.

Жить одному в большой квартире было неудобно, а потому я переселил к себе племянника Сашу. Вскоре ко мне перешел лакей, не пожелавший жить у жены, и обстановка моей жизни стала более приглядной.

На новой квартире Холщевниковых я в течение месяца, до отъезда жены, бывал восемь раз, а затем, до конца мая, когда они уехали на дачу, тридцать два раза или через день. Сверх того, О. И. бывала у меня девять раз на моей квартире*; это было возможно благодаря тому, что у квартиры был второй парадный вход, которым никто не пользовался, и ее посещения оставались совершенно неизвестными всем служащим, и даже Саше. Таким образом, мы за это время виделись часто; но, наряду с этим, шла усиленная корреспонденция, отправлявшаяся не только по почте, но и экстренно, через посыльных. За это время наших наиболее частых встреч (с 25 марта по 31 мая) я написал 61 письмо и получил 67; правда, эти письма были по большей части уже короткими, тогда как в начале бывали послания по двенадцать страниц самого убористого письма! Остается только удивляться, как я находил время! Говоря по правде, я отбывал свои обязанности исправно, но все же не так, как прежде, когда все мои помыслы были сосредоточены на службе! Было ли это заметно другим — не знаю. Мое увлечение росло, и я с удовольствием оставил бы должность, если бы это было нужно для осуществления моей мечты, честолюбие мое было удовлетворено за глаза, а должность была не только тяжела, но в те времена даже опасна.

С освобождением И. В. от наказания, он оказался без должности, состоящим по Военному министерству; производить ему подсудное содержание уже не было основания, а потому я, 11 марта, испросил ему с 14 января до получения назначения

---

* 6, 14, 26 и 29 апреля, 8, 18, 25, 27, и 31 мая, в том числе два раза с m-lle Burnier; считая первые ее посещения 11 января и три встречи у М. П. Алексинской, у нас было тринадцать секретных свиданий.

такое же содержание, какое перед тем было дано в аналогичном случае генералу Путяге, а именно — 4500 рублей в год.

В вопросе о назначении его на какую-либо должность я был в крайне затруднительном положении: мои «особые» отношения к нему хотя и не были известны в обществе, но они могли стать известными вследствие чьей-либо нескромности и набросили бы тень на него и О. И. Если бы я в деле его назначения проявил какую-либо инициативу, то это вызвало бы разговоры именно по нежелательному вопросу о наших отношениях. Пришлось поэтому вести дело обычным путем — через Высшую аттестационную комиссию, приняв лишь меры к предварительному ознакомлению некоторых членов ее с тем, что в действительности происходило в Чите. Комиссия должна была обсуждать судьбу И. В. 17 марта, но великий князь Николай Николаевич заявил ей, что получил указание государя не давать И. В. назначения, а уволить его от службы. Комиссии пришлось без рассуждений подчиниться этому указанию.

При следующем моем докладе, 20 марта, я сказал государю, что мы в И. В. теряем хорошего генерала. Он был готов смягчить свое решение, но я просил теперь не перерешать: можно будет потом вновь определить на службу из отставки.

К особой осторожности в данном случае меня побуждала уверенность, что решение государя исходило вовсе не от него, а было испрошено великим князем; недаром 17 марта, перед заседанием Комиссии, Палицын, зайдя ко мне, заговорил об И. В. и сказал, что положение того в Чите было трудное, тем более, что дочь его красива и ему портила. Это, очевидно, совпадало со сведениями великого князя об И. В.

Началась переписка с министром финансов об обеспечении И. В. усиленной пенсией. Только по личной моей просьбе, он, 5 июня, согласился дать ему 3000 рублей из казны (и [...])* из эмеритуры) и 26 июня И. В., «по домашним обстоятельствам», был уволен от службы.

Чтобы убедить жену согласиться на развод, я 25 марта был у нее, но напрасно. Началась переписка с нею, не приводившая ни к чему, пока я не приостановил высылку денег; она не решилась исполнить свою угрозу — жаловаться государю, и в конце июня согласилась проделать нужную для развода фор-

* Пропуск в тексте рукописи.

мальность. 29 июня я поехал в Царское, подал полицмейстеру прошение о побуждении ее вернуться ко мне; он составил протокол об ее отказе, поехал к ней и вернулся с подписанным ею протоколом. С того дня Гужковский имел возможность начать дело о разводе*.

Моя женитьба должна была, несомненно, наделать много шума, а моя жена стать предметом не только критики, но и пересудов и злословия. Между тем, я вначале не знал об О. И. почти ничего и, в частности, не знал, где она воспитывалась и владеет ли французским языком, что для жены министра необходимо. Я поэтому спросил ее, не надо ли ей заняться языком? Оказалось, что она сама об этом думала; в Петербурге была знакомая ей француженка, m-lle Burnier, которая была без места, и она имела в виду взять ее потом в компаньонки. M-lle Burnier, будучи больной, бедствовала. О. И., отказываясь принимать сначала от меня подарки, предложила мне лучше помочь ее приятельнице, которой я еще не видел, и я в начале февраля и в апреле посылал ей субсидии «De la part d'un ami devoué de vos amis»**. Весной она поселилась у Холщевниковых и с ними переехала на дачу, где вела хозяйство.

Чтобы сделать О. И. сюрприз, я решил 11 апреля поехать в оперу на «Гибель богов», где она должна была быть. Уже много лет я не бывал в театре. По телефону попросили директора театров прислать мне билет, и он предоставил мне свое кресло, а в антракте подошел ко мне, ожидая, что я буду благодарить, но я это сделал только под конец разговора, когда понял, с кем говорю. В антракте я выходил курить, и О. И., узнав меня,

* Жена сначала предъявляла совершенно невозможные для меня условия для развода: чтобы я ей уступил в собственность мой дом в Царском, то есть единственное мое имущество, так как капитала у меня оставалось всего около 6000-7000 рублей; сверх того она требовала себе половину моего содержания, то есть 9000 рублей в год. Я ей предлагал: право пожизненно жить в моем доме с тем, чтобы она же несла все расходы по дому и не имела права сдать его в найм ни в целом, ни частью; в случае ее выезда из дома, она имеет право взять из дома все, что ей угодно, кроме моих спальни и кабинетов, которые я могу взять, когда они мне понадобятся; я ей выплачиваю, пока я министром, по 6000 рублей в год, а потом — по 4800 рублей в год; на случай моей смерти я ей застрахую пожизненную ренту в 4800 рублей годовых. В конце концов она согласилась на эти условия, вполне обеспечивавшие ее существование; для меня и эти условия были крайне тяжелы.

** «От преданного друга ваших друзей» (фр.) (Сост.).

имела неосторожность выйти из ложи и подозвать меня, так что публика видела нас беседующими — готовая пища для *op dit**. После театра я заехал к ней пить чай.

Несмотря на наше желание соблюсти секрет, сведения о нашем романе быстро стали проникать в публику; уже 26 января Березовский сообщил мне, что к ним заезжала вдова Сахарова (министра) и говорила, что я развожусь с женой, чтобы жениться на О. И. ! Какая-то подруга О. И. говорила об этом учительнице детей Сахаровой. Пришлось подтвердить Березовским правдивость этого рассказа. По-видимому, он тогда не получил дальнейшего распространения. Какая подруга О. И. выдала наш секрет, осталось невыясненным. Однако, 1 апреля, когда я зашел к М. А. Шульман поздравить ее с именинами, оказалось, что слух этот дошел через кого-то и до нее.

На Святую Холщевниковы были у заутрени в церкви Александровского кадетского корпуса и, на удивление начальства, я приехал туда же. В церкви я их не видел, а встретился с ними только при разезде в передней; с ними был брат О. И., Володя, корнет Ингерманландского драгунского полка, приехавший в отпуск, с которым я тут познакомился; я из церкви поехал к Холщевниковым, куда на своем моторе подвез Володю, причем мы на Фонтанку приехали раньше самих хозяев. Курьезно было мне, министру, что мой будущий шурин — корнет!

На лето Холщевниковы наняли дачу Прянишникова в Черняковцах, у последнего полустанка, не доезжая Пскова по Варшавской железной дороге. Там была дача тетки О. И., Наталии Александровны Раунер, и там она гостила в 1906 году, когда пропало мое письмо к ней. На полустанке поезда не останавливались, и лишь по моей просьбе с лета 1907 года там стали останавливаться одна или две пары поездов. Разлука на лето была тяжела, но для О. И. переезд на дачу был совершенно необходим, чтобы поправить ее здоровье и силы.

В служебном отношении мои работы по-прежнему были направлены, главным образом, на улучшение личного состава армии: на освобождение ее от негодного начальственного персонала с выдвижением более достойных и способных лиц и на улучшение материального положения офицеров и лиц, стоящих

* Разговор (фр.) (Сост.).

между ними и нижними чинами; затем, в этом году были закончены подготовительные работы к переустройству хозяйства в войсках и выработаны новые положения о денщиках и о путевом довольствии.

Особенное значение я придавал переустройству хозяйства в войсках, так как ожидал от этого преобразования многих выгод: большей исправности хозяйства, уменьшения злоупотреблений и хищений в войсках, освобождения строевых офицеров и, в особенности, командиров частей от хозяйственных дел и забот и лучшей подготовки к тому порядку ведения хозяйства, который явится неизбежным в военное время. Освобождение строевых начальников от участия в ведении хозяйства было особенно желательно, так как только при этом условии можно было получить хороших строевых начальников. Хозяйственная работа поглощала массу времени у строевых начальников и невольно составляла главный предмет их заботы, так как неисправности в этом отношении больше бросались начальству в глаза и чаще влекли за собою ответственность, чем какие-либо упущения в воспитании и обучении части. Командир полка, у которого хозяйство было в порядке, аттестовался всегда хорошо, тогда как неисправность хозяйства неизбежно губила командира полка, даже если он был идеальным строевым начальником. Беда заключалась в том, что от командира части одновременно требовались разнородные способности — в строевом и хозяйственном отношениях — причем первостепенные на деле отходили на второй план, а второстепенные приобретали неподобающее им значение. Затем, существовавший порядок брал из строя многих офицеров, которые, проведя долгие годы на хозяйственных должностях, отвыкали от строя, куда они, однако, потом возвращались по праву. Я не говорю уже о том, что, при «своеобразном» у нас взгляде на казенное добро, строевые чины не всегда могли устоять против соблазна, сопряженного с хозяйственными операциями.

В иностранных армиях всей хозяйственной частью заведует Интендантство, а строевые чины только требуют, наблюдают, принимают, потому тут о соблазне не может быть и речи и «чистота рук» у строевых чинов является совершенно естественно*. При наших нравах такой порядок был более настоя-

---

* В 1878 году мне в Константинополе пришлось, в каком-то кафе-консер, познакомиться с немцем, подрядчиком, который выразил мне свое удивление, что наши строевые офицеры производят закупки для

телен, чем где-либо, и я убежден, что через десяток лет после его введения показалось бы даже странным — как это вообще можно подозревать строевых чинов в «неправильном отношении к казенному интересу».

Комиссия, разрабатывавшая вопрос о новом порядке ведения хозяйства, наметила для этого три схемы. Я из них избрал ту, которая наиболее решительно устраняла строевых чинов от хозяйственных дел, и говорил себе, что через десяток лет, с переменой привычек и взглядов, ее может быть признают неправильной в обратном смысле — в напрасном устранении строевых чинов от ближайших забот о хозяйстве своих частей, будут упрекать меня, теоретика, в том, что я пересолил реформу, и сделают опять шаг в обратном направлении, но это будет лучшим доказательством, что «чистота рук» в строю уже достигнута!

Реформа должна была способствовать «чистоте рук» и в Интендантстве: младшие чины его, состоящие в полках, подвергались бы такому всестороннему контролю со стороны строевых офицеров, что должны были бы вести свое дело чисто; они пополнялись бы из многочисленной категории офицеров, оказавшихся к строю непригодными, и давали бы Интендантству естественный и обильный источник его пополнения.

Однако, реформа эта неизбежно должна была встретить многих врагов в армии в лице тех чинов, которых она лишала привычных доходов и удобств. Особенно резко она отзывалась на кавалерии, в которой «экономия» от фуража служила источником благополучия для эскадронных командиров и старших над ними чинов*; в артиллерии дело обстояло почти так

своих частей, и говорил мне, что немецкий офицер возмутился бы таким поручением и сказал бы: «Ich trage einen Degen und nicht eine Elle» («Я ношу шпагу, а не тряпку» — нем.). Слова эти остались у меня в памяти.

* В кавалерийских частях, особенно в западных округах, фуражный подрядчик платил ежемесячное жалование командиру полка, его помощникам и эскадронным командирам, и затем вахмистрам и прочим, — об этом мне рассказал А. Каульбарс в Болгарии в 1883 году. О сохранившемся порядке в более позднее время мне пришлось узнать в 1908 или 1909 году, когда Остроградский мне доложил, что полковник Ухин, назначенный командиром одного из полков Отдельной кавалерийской бригады, подал в отставку, так как не хотел брать взятки и вместе с тем не хотел уличать других чинов бригады в мздоимстве. Оказалось, что такой порядок невозбранно существовал в бригаде со времени ее образования и взятки получали даже начальники бригады; на службе оказалось

же; в пехоте не было систематических хищений, но много мелких. Во всех вообще частях, реформа должна была лишить должностей и столовых денег многочисленных хозяйственных чинов; наконец, *last not least**, реформа должна была коснуться права командиров частей пользоваться, для своего удовольствия, полковыми экономическими суммами, на заведение казенными экипажами и проч. В общем, эта реформа, которой на словах все сочувствовали, должна была на деле встретить массу недоброжелателей и врагов.

Реформа являлась весьма сложной. Существовавшие отпуски от казны, установленные одновременно, вовсе не отвечали потребностям, и нехватки по одним статьям должны были пополняться сбережениями по другим. Необходимо было выработать новые нормы, обеспечивавшие нужды войск по каждой статье, с тем, чтобы можно было требовать исправности всего хозяйства, но денежные затруднения заставляли быть очень осторожным в этом отношении, недоброжелательном в главной массе наших войск! Поэтому Главному штабу было дано указание: по получении новых аттестаций раньше всего рассмотреть таковые на упомянутых штаб-офицеров; среди них было немного гласивших, что они не вполне удовлетворительны или пригодны к оставлению в должности (а не к повышению); наконец, чуть ли не о сотне штаб-офицеров было упомянуто, что они злоупотребляют спиртными напитками. Я испросил высочайшее разрешение уволить в течение года от службы не только тех, которых ближайшее начальство наметило к увольнению, но и всех аттестованных неудовлетворительно или в

около дюжины генералов, командовавших этою бригадой или же полками (помню: Ренненкампф, Бобырь, Кузьмин-Короваев) и получавших в свое время взятки от подрядчиков. Дело было настолько грязное, что я не решился его возбуждать гласно; я сообщил о нем секретно командиру войсками в Вильне генералу Кршвицкому, который это дело замял. Бригадой в то время командовал, кажется, генерал Тромбицкий.

Некоторые начальники кавалерийских дивизий (Новицкий) брали из полковых сумм взаймы без отдачи, ввиду большой экономии от фуража, и притесняли тех редких полковых командиров (князь Одоевский-Маслов), которые решались требовать возвращения полку занятых ими денег. Вообще, на почве фуражной экономии в войсках было множество грязных историй. Замечу, что и Сухомлинов в свое время, командуя полком (Генерал-лейтенант В. А. Сухомлинов командовал драгунским Павлоградским Его Величества полком (1884—1886 гг.) (Сост.)), получал жалование от подрядчика фуража.

* Здесь: «Последнее, но не последнее по значению» (англ.) (Сост.).

качестве пьяниц — тех, кто уже выслужили полную пенсию. Благодаря этому к концу года сверхкомплект был устранен и даже удалось произвести сорок четыре выдающихся капитана в подполковники. Это первое применение на деле новой аттестационной системы произвело сильное впечатление в армии и заставило многих разочароваться в этой системе.

Среди высших начальников новые аттестация, в связи с правом на усиленные пенсии, тоже привели к смене многих лиц, хотя и не стольких, как в 1906 году*.

После улучшения быта нижних чинов оставалось еще озаботиться увеличением содержания высшим чинам военного ведомства. В 1907 году это удалось сделать для лиц, занимающих среднее положение между нижними чинами и офицерами**, тогда как вопрос о прибавке офицерам лишь разрабатывался, но не мог получить осуществления по недостатку средств.

Число денщиков я решил сократить, главным образом, для уменьшения числа нестроевых в армии и необученных чинов в ее запасе. С 1860 года генералам полагалось по три денщика, штаб-офицерам — по два и обер-офицерам — по одному***. Денщики числились строевыми и должны были служить в строю

* Во всеподданейшем докладе 26 февраля 1908 года приведено, что следующее число лиц было назначено на должности:

	В 1906 году	В 1907 году
Командующих войсками в округах	5	1
Их помощников	4	3
Корпусных командиров	27	7
Комендантов крепостей	12	11
Начальников пехотных дивизий	45	24
Начальников кавалерийских дивизий	8	10
Начальников отдельных бригад (пехотных и кавалерийских)	50	37
Командиров неотдельных бригад	76	64
Командиров пехотных полков	165	90
Командиров отдельных батальонов	60	48
Командиров кавалерийских полков	20	25

Командующий войсками в Казани генерал Карасс оказался слабым, поэтому ему было предложено назначение членом Военного Совета; он колебался принять это назначение и, в конце концов, предпочел выйти в отставку.

** Кандидаты на классную должность, фельдшера, технические мастера, обер-фейерверкеры.

*** Военные чиновники получали, по чинам, такое же число денщиков. До 1860-х годов положенное число денщиков было еще больше.

в начале своей службы и перед увольнением в запас, но на деле ничему не обучались, так что в запасе армии оказывалось 150-200 тысяч человек, совсем не подготовленных к строевой службе! Однако, на деле офицеры не всегда ограничивались положенным им числом денщиков, а во время войны с Японией даже ротные командиры брали себе по пять-шесть человек для ухода за верховой лошадью, к двуколке (или вьюку), так как это в армии не считалось преступлением и даже не признавалось предосудительным. Чтобы по возможности ослабить порчу армии в этом отношении, я решил уменьшить число положенных денщиков: назначать их только строевым офицерам и при том не более одного каждому: только в отдаленных округах, где трудно получить другую прислугу, за нестроевыми и чиновниками было сохранено право на одного денщика. Отменявшиеся денщики были заменены отпуском денег на прислугу по десять рублей в месяц за каждого отнятого человека; чтобы получить нужные на то средства, состав армии пришлось сократить на 19 200 человек.

Проект нового положения о путевом довольствии, о котором я уже говорил, был одобрен Военным советом к началу года, но утверждение его задерживалось возражениями Министерства финансов и Государственного контроля.

Освобождение войск от хозяйственных работ понемногу продвигалось вперед: белье и вещи им отпускались в готовом виде, а пригонка и обновление обмундирования в 147 мастерских производилось для частей с составом в 180 тысяч человек. Затем, для освобождения войск от работ по хлебопечению разрабатывался вопрос об устройстве гарнизонных хлебопекарен.

Улучшение положения сверхсрочных унтер-офицеров уже стало давать плоды, и число их с 5500 (на 1 января 1906 года) к середине 1908 года возросло до 15 000 человек.

Общее и специальное образование наших офицеров оставляло желать лучшего, особенно в пехоте и кавалерии. Для его поднятия, я наметил преобразование офицерских школ в штаб-офицерские курсы с тем, чтобы в штаб-офицеры могли переводиться только прошедшие эти курсы; технические же сведения по специальностям я предполагал давать обер-офицерам в особых школах при войсках.

Для пехоты я решил образовать в округах стрелковые курсы для штабс-капитанов — будущих ротных командиров с

целью возможно более полного обучения их стрельбе и ознакомления с тогда еще новым пулеметным делом, а для кавалерии — организовать при дивизиях курсы верховой езды и кавалерийской техники (вождение разъезда, разведка, ковка) по образцу имевшихся в Австро-Венгрии. К сожалению, я не встретил в этом деле сочувствия со стороны генерал-инспекторов пехоты и кавалерии Зарубаева и Остроградского. Первый был против этой затеи вероятно потому, что она проводилась помимо него, а Остроградский не знал ничего про школы в Австро-Венгрии (!) и попросту недоумевал, зачем это понадобились мне новые школы?

В 1907 году штабс-капитанские курсы были учреждены в виде опыта в Московском и Киевском округах на 157 штабс-капитанов, а за получением сведений о школах в Австро-Венгрии я в 1908 году обратился к австрийскому военному агенту графу Спанюки, который доставил их мне в конце ноября 1908 года.

Вообще, мои предположения относительно обер-офицерских курсов кончились ничем, поэтому я здесь же закончу рассказ о них.

Первый опыт устройства штабс-капитанских курсов оказался неудачным: руководители увлеклись тактическими занятиями, а стрелковое дело не получило должного развития. В начале 1908 года вопрос об этих курсах обсуждался в Совете государственной обороны при участии съехавшихся семи командующих войсками. Как всегда, я высказывался последним из членов Совета; большинство выражали сомнение в пользу курсов, а некоторые члены, в том числе Зарубаев, высказывались даже против них. Когда очередь дошла до меня, я заявил, что образование таких курсов есть моя личная идея и что, не взирая на слышанные мною замечания, я считаю такие курсы настоятельно нужными. Чтобы поставить стрелковое дело на должную высоту, нужно обучать ему основательно не штаб-офицеров, а кандидатов на получение роты; только на таких курсах могут быть пройдены основательно все виды стрельбы, до боевой включительно; в первый год курсы были поставлены неправильно, но из этого лишь следует, что их надо поставить иначе. После моих слов возражений уже не было, и польза курсов была признана единогласно. В 1908 году курсы были устроены в четырех округах, на 1909 год намечалось дальней-

шее увеличение числа курсов. С моим уходом с должности министра курсы были признаны ненужными и более не созывались.

Курсов для молодых кавалерийских офицеров мне не пришлось образовывать, хотя Химец привез самые лучшие отзывы о такой практике в Австро-Венгрии. Сухомлинов признал их ненужными.

Упомяну еще об одном бывшем у меня предложении, не получившем осуществления: об учреждении в округах тактических курсов для офицеров. Желających поступить в Академию Генерального штаба была масса, но она могла принять в свои стены лишь небольшую часть их; для распространения образования в армии было желательно создать в округах курсы, на которых читались бы основы академического курса. Об этой идее я говорил с командующими войсками, но сделать ничего не успел.

В 1907 году закончена эвакуация наших войск из Маньчжурии. Палицын закончил план обороны Дальнего Востока, и 5 февраля в помещении Совета обороны Алексеев докладывал его членам Совета. Через неделю состоялось обсуждение плана в Совете, где он был жестоко раскритикован; мне, как говорившему последним, почти ничего не пришлось добавить к сказанному другими членами Совета.

Наши отношения с Японией уже не внушали опасений за ближайшее будущее. Я считал, что мы должны добросовестно примириться с создавшимся на Востоке положением и жить в мире с Японией, по крайней мере лет пятьдесят. За это время мы должны заселить Восточную Сибирь и ближе приобщить ее к России, дабы легче было ее защищать; надо ли будет со временем бороться с Японией — об этом пусть судят потомки; мы же должны им лишь подготовить возможность борьбы в обстановке более благоприятной, чем современная. Эта обстановка, действительно, была чуть ли не безнадежной: весь Приамурский край был связан с Россией лишь железной дорогой, проходившей по Китаю и вблизи от сферы японского влияния, и только летом действовало еще пароходство по Амуру. При таких условиях было невозможно оказать помощь Приамурскому округу, что предоставлялось собственным силам, и улучшение этой обстановки можно было ожидать лишь с постройкой Амурской железной дороги.

Важнейшим пунктом в округе была крепость Владивосток; состояние ее было неудовлетворительное. Во время войны в ней было построено много временных укреплений, которые несколько восполнили недостатки крепости, но, тем не менее, крепость оставалась слабой во всех отношениях и, в случае новой войны с Японией, несомненно стала бы легкой ее добычей. Вопрос об обороне Владивостока послужил предметом обстоятельного обсуждения в Совете обороны на нескольких его заседаниях и закончился большим конфузом для Совета.

На этих заседаниях я указывал на то, что до сооружения Амурской железной дороги вся оборона не только Владивостока, но и всего Приамурского округа безнадежна; Владивосток уже в начале войны будет отрезан от остального округа, падение его будет лишь вопросом времени и никакое его усиление не поможет делу. Отчасти к моему мнению примыкал великий князь Николай Николаевич, но все прочие члены Совета стояли за немедленное усиление крепости, причем среди них было лишь относительное разногласие по поводу размера этого шага. Некоторые члены, с Дубасовым во главе, настаивали на том, чтобы крепость была усилена до последних пределов, дабы она могла держаться года два-три без помощи извне; на это, по примерному исчислению, требовалось 90-100 миллионов рублей. Другие же члены Совета не шли так далеко в своих требованиях и готовы были ограничиться менее обширными работами. Напрасно я указывал на то, что средств на работы не было никаких, так как Государственное казначейство было пусто, и даже в случае получения денег, превращение их в укрепления, орудия и запасы потребует столько лет, что Амурская дорога может быть готова раньше окончания крепости; между тем, с постройкой дороги задачи крепости значительно суживались и упрощались. Дебаты в Совете не приводили ни к чему; разногласица доходила до того, что на заседании 8 марта председатель, отозвав меня в сторону, сказал мне, что Совет не способен что-либо решать и его надо закрыть! Чтобы прекратить прения и добиться решения, председатель решил произвести голосование вне заседания, для чего вопросный лист был разослан членам, которые должны были прислать письменные ответы.

Я высказался против немедленных чрезвычайных мер по усилению крепости; в случае же войны в ближайшие годы, я

предлагал верфь взорвать, а гарнизон и вооружение вывезти, примерно к Иману, где оборона могла быть организована с большими шансами на успех, чем во Владивостоке, куда противник с полным удобством мог подвезти превосходящие силы и тяжелую артиллерию.

Вслед за тем, 12 марта, Совет обороны был созван на заседание во дворце председателя, который, открывая заседание, объявил о результате голосования: большинство голосов высказалось за немедленное усиление Владивостока, меньшинство — за чрезвычайное усиление его и я один — за оставление его в прежнем виде и даже за оставление его. Объявляя о результате голосования, председатель с усмешкой сказал мне, что он, собственно, готов бы присоединиться ко мне, но большинство настолько значительно, что это было бы бесполезно.

Это и его усмешка меня взбесили, и я решил идти напролом. Попросив слова, я заявил: «Совет обороны есть высокое учреждение, обсуждающее важнейшие военные вопросы; но он ничего не решает, ничего не исполняет, ни за что не отвечает; его решения, здесь объявленные, суть звук, а изображенные на письме — исписанная бумага и только! Совсем иное значение они получают, когда на той же бумаге появится пометка синим карандашом — тогда эти решения становятся обязательными к исполнению! И вот теперь, перед решительным моментом представления Вашего решения государю, я Вас прошу: одумайтесь! В какое положение Вы ставите государя? Если он доверится Вам и утвердит Ваше решение, о котором военный министр Вам заявил, что оно неисполнимо, то при следующем своем докладе тот же министр попросит государя указать ему способы к исполнению утвержденного им решения, а Вы знаете, что и он не в состоянии их указать! Одумайтесь!»

Заявление это, сделанное решительным тоном, произвело большое впечатление: все молчали, и председатель, не видя иного выхода, объявил, что до получения дальнейших указаний Совет не может продолжать работу, а потому заседание закрывается. Отозвав меня в сторону, он мне сказал, что попросит государя, чтобы тот мне поручил составить проект резолюции, которая для меня была бы приемлема. Все заседание длилось не более четверти часа.

Государь согласился поручить мне составление его резолюции; я ее проектировал в таком виде (привожу на память): «Утверждаю мнение большинства с тем, чтобы крепость Владивосток ко времени окончания Амурской железной дороги была приведена в готовность выполнить ту задачу, которая тогда будет выпадать на ее долю». Государь эту резолюцию написал на журнале; ни с ним, ни с великим князем у меня больше не было разговора по поводу этого инцидента, ронявшего значение Совета обороны.

Вторая Государственная Дума была открыта 20 февраля и просуществовала до середины мая¹⁰. Настроение ее было тоже резко оппозиционным. Приезд в Думу для Столыпина представлялся опасным, поэтому он приехал туда с вечера и переночевал во вновь устроенном министерском павильоне. Мотор был только у меня, и я предложил Столыпину отвезти его домой; посоветовавшись со своими охранниками, он согласился, и я отвез его в Зимний дворец. Во Второй Думе я был еще четыре раза: 9 и 12 марта и 16 и 30 апреля. Я решительно не помню, что произошло на заседании 16 апреля¹¹, но на следующий день председатель Думы был у меня с визитом, чтобы этим загладить инцидент; я 17 апреля должен был ехать с докладом в Царское, поэтому Головин заехал ко мне рано утром, в половине девятого; по возвращении из Царского я ему завез свою карточку.

Выступать в Думе мне пришлось 30 апреля по поводу запроса о действиях командующего войсками в Москве Гершельмана. Дело заключалось в том, что в ноябре 1906 года четыре злоумышленника напали на городского и раскроили тому череп его же шашкой. Они были преданы полемому суду по обвинению в покушении на убийство; очередной состав полевого суда оказался под председательством командира 1-го Донского казачьего полка полковника Курючкина. Этот суд, признав подсудимых Кобловых и Тараканниковых виновными в нанесении ран, ничего не сказал о покушении на убийство и приговорил подсудимых к пожизненной каторге без ссылки на статью закона. Гершельман признал приговор неправильным, так как в нем не было ответа на предъявленное обвинение, а наказание было назначено без указания статьи закона; поэтому он приговора не утвердил и передал дело на новое рассмотрение в

другой состав суда, который и приговорил виновных к смерти. Передача дела на вторичное рассмотрение в другой суд противоречила закону о полевых судах, и Гершельман был, очевидно, неправ. Правда, что приговор был несутражен, но в этом надо было винить составителей закона об этом суде, которые не ввели в его состав юриста и не предусмотрели возможности несутражных приговоров и необходимости их исправления! По желанию Совета министров я должен был ответить на запрос по этому поводу. Задача была неблагоприятная, так как никакими доводами нельзя незаконное действие обратить в законное, и мне в ответ наговорили вдоволь всякой кислоты.

В начале июня Вторая Дума была распущена и издан новый закон о выборах в Думу.

Собственно в Таврическом дворце мне еще пришлось побывать два раза, 4 и 5 марта. В зале заседаний Думы с потолка свалилась штукатурка, к счастью, в такое время, когда зал был пуст, так что никто не пострадал. Произошло это 3 марта, в субботу на Масленицу, когда вольных рабочих нельзя было добыть, так как они были пьяны, поэтому в Совете министров просили дать рабочих от войска. Я распорядился назначить от саперов с тем, чтобы при них непременно были офицеры, а также были приняты все меры предосторожности, так как работать приходилось на громадной высоте. Утром 4 марта я зашел посмотреть на работы; оказалось, что саперы ставили в зале леса под руководством юного подпоручика. Пришлось мне отдать распоряжение о более правильной организации работ с возложением ответственности лично на начальника саперной бригады. На следующее утро я зашел вновь туда же — работы уже шли в порядке и полным ходом; они были закончены быстро и вполне благополучно. Художнику Путилову было заказано написать картину торжественного открытия Первой Думы в Зимнем дворце, причем главные участвующие лица должны были быть изображены портретно; поэтому он 20 мая был у меня, снял фотографию и сделал себе небольшой набросок; картину он должен был писать по фотографии, снятой во время самой церемонии с хоров залы.

Военно-медицинская академия и в этом году находилась в брожении. Так, в марте, во время экзаменов в Академии произошел полный скандал и побоище между студентами. Расследовать это дело я поручил генералу Бородину. На основании

его доклада я назначил виновным наказания; ввиду того, что все старания наладить академическую жизнь оказались тщетными, я решил быть суровым и резолюцией от 1 апреля два студента были исключены из Академии, двадцать два уволены из нее навсегда и около шестидесяти — на один год; почти все они были студентами первого курса. Академию пришлось закрыть.

Начальник Академии профессор Данилевский доложил мне, что Конференция Академии ходатайствует о смягчении наказаний, а затем заявил, что просит об увольнении от должности, так как видит, что Конференция его уже не поддерживает. Я решил сам приехать в Конференцию; прецедента этому не бывало и оказалось, что я, по закону, могу быть на заседании лишь в качестве приглашенного Данилевским лица. Я предоставил Конференции ходатайствовать за подвергшихся наказанию ввиду того, что она вернее могла определить их причастность к беспорядкам, чем Бородкин, которому многие отказывались отвечать на вопросы; затем Данилевский ушел из заседания и в его отсутствие выяснилось, что Конференция по-прежнему вполне его поддерживает. Общение с Конференцией было полезно, так как лишь она могла иметь хоть какое-нибудь влияние на студентов. По ее ходатайству число исключенных было уменьшено до тридцати девяти человек, из их числа осенью того же года вновь было принято тринадцать человек.

В мае была сделана попытка вновь открыть Академию, но это привело к новым беспорядкам, и Академию пришлось закрыть на все лето, причем выдача всех стипендий была прекращена. Из получившихся при этом сбережений я значительную часть предоставил в распоряжение Данилевского для выдачи пособий нуждающимся студентам, но все же эти меры строгости произвели, по-видимому, сильное впечатление, и с осени Академия вновь стала работать правильно.

В начале мая выяснилась очень неприятная история: трата около десяти тысяч рублей одним из штаб-офицеров Академии, заведовавшим студенческой столовой, полковником Цемировым. Вызвав его к себе, я предложил уплатить в три дня деньги и выйти в отставку, так как иначе я его отдам под суд. Цемиров избрал первое. Оказалось, что он женат на племяннице П. А. Фролова, который очень сердечным письмом благодарил меня за такое окончание дела.

Незадолго до упомянутых скандалов в Академии, 17 марта, ко мне зашел по делу генерал-адъютант Мейендорф. Я как раз собирался выйти гулять и попросил Мейендорфа пройтись со мною и на ходу обсудить его дело. Мы с ним пошли по Литейной на набережную Невы, на Литейной мы встретили студента Академии, который не только не стал мне во фронт, но и не отдал чести. Мейендорф сделал ему замечание, а затем во все время нашей прогулки больше часа убеждал меня в необходимости подтянуть Академию и не хотел слушать никаких доводов, что это не простое военно-учебное заведение. В августе месяце на каком-то завтраке или обеде в Красном Селе я сидел рядом с Мейендорфом, который вновь стал говорить на ту же тему и надоел мне донельзя. Я ему сказал, что если он так убежден в возможности подтянуть Академию, то я прошу указать мне способы к этому. Он ответил, что недостаточно знает Академию, я ему предложил ознакомиться с нею; он заявил, что ему, как состоящему при особе государя, на это нужно его разрешение. При следующем же моем личном докладе я попросил государя разрешение Мейендорфу ознакомиться с Академией. Государь тому весьма удивился, пришлось объяснить, что Мейендорф мне надоел, из его знакомства с Академией я ожидаю пользу лишь в убеждении того, что дело не так просто, как он думает. Государь, смеясь, дал свое согласие, и с осени Мейендорф стал посещать Академию и знакомиться с нею и уже ни разу не досаждал мне. Моя цель была достигнута.

В Царском Селе 14 апреля был смотр 2-му Кадетскому корпусу, после чего государь пригласил меня к своему завтраку, за которым, кроме царской семьи, были только Фредерикс, я и дежурный флигель-адъютант принц П. А. Ольденбургский. Мой доклад состоялся только после завтрака, и я вернулся в город лишь в половине девятого и прямо с железной дороги проехал в Медицинскую академию на упомянутое выше заседание ее Конференции.

В Финляндии не только продолжалось брожение, но, кроме того, там находили приют наши революционеры и через Финляндию ввозились оружие и бомбы. Поэтому зимой на ее границе был выставлен кордон от войск, а в апреле в Совете обороны обсуждался вопрос об установлении блокады ее берегов!

В апреле же пришлось ликвидировать один щекотливый вопрос. Некая французская газета во время японской войны устроила во Франции подписку в поддержку Стесселя, его жене и прочим защитникам Порт-Артура. Для самого Стесселя была подготовлена почетная сабля и (кажется) бронзовая группа, для его жены — знак Красного Креста с рубинами и для всех участников обороны — бронзовые медали с надписью: «Генералу Стесселю и его доблестным товарищам по обороне Порт-Артура». Все эти подарки были готовы и прибыли в Петербург тогда, когда личность Стесселя уже лишилась окружавшего ее ореола, и он вместе с тремя ближайшими своими сотрудниками (генералы Фок, Рейс и Смирнов) предавался суду, а потому о поднесении подарков ему и его жене уже не могло быть речи. Поэтому представитель упомянутой газеты в Петербурге, господин Курц, просил принять эти подарки в Офицерское собрание армии и флота, как знак дружбы со стороны французского народа. Церемония происходила 29 апреля в Собрании, после чего был завтрак под моим председательством, на котором мне впервые пришлось провозглашать тосты на французском языке за дружественную нацию и за присутствующих защитников Порт-Артура.

Верховный военно-уголовный суд под председательством генерала Дукмасова открыл свои действия в середине июня, подсудимым пришлось дать два месяца на изучение дела и указание нужных им свидетелей, поэтому судебное разбирательство дела началось только в конце года.

Частное присутствие Военного совета рассматривало дела по обвинению некоторых деятелей минувшей войны: генерала Лапунова и полковника Болдырева в сдаче японцам острова Сахалина; затем генералов Мартынова, Папенгута и Алексеева, против которых Куропаткин выдвинул обвинения в своем отчете; последние два генерала обвинялись в том, что конце боя под Мукденом «не руководили лично подчиненными им войсками».

Министр иностранных дел граф Ламздорф по болезни оставил свою должность и его заменил Чарыков. Ламздорф нуждался в постоянном уходе фельдшера, который и был предоставлен в его распоряжение; в январе его хотели везти за границу и я испросил разрешение государя командировать с ним и фельдшера, но Ламздорфу выехать не пришлось — он вскоре скончался. Я его знал очень мало, но он мне был симпатичен,

и я с удовольствием оказал ему эту небольшую услугу. Тем больше меня удивило, когда 21 июня ко мне заехал один из чинов Министерства иностранных дел и передал мне большую китайскую вазу, завещанную мне покойным, очевидно, в знак благодарности.

Союзные наши отношения с Францией были основаны на договоре, хранившемся в большом секрете и долго остававшимся неизвестным и мне; для переговоров же о разных вопросах военного характера, вытекавших из союза, установился обычай, что от времени до времени к нам приезжал начальник французского Генерального штаба, а во Францию посылался наш начальник Главного (потом начальник Генерального) штаба. Летом ожидался визит начальника французского Генерального штаба генерала Брена (Brun), на который Палицын в октябре ответил поездкой в Париж. Предметы их переговоров мне были вовсе неизвестны, и в содержание союзного договора с Францией я был посвящен только в 1908 году.

Все вопросы внешней политики считались личным делом государя, и другие министры, кроме министра иностранных дел, посвящались в них или привлекались к их обсуждению лишь по особым его указаниям. Откровенно говоря, я и не особенно интересовался этим договором, так как для меня было ясно лишь одно: каков бы ни был договор, но мы ни на какую европейскую войну не способны и должны избегать ее во что бы то ни стало! Не говоря о расстройстве всех наших запасов, на пополнение коих не было средств, внутреннее состояние страны было таково, что новая война представлялась не только опасной, но немислимой!

Брожение в стране уменьшилось, беспорядки стали более редкими, но до полного успокоения было еще очень далеко: войска, по-прежнему, вызывались для подавления беспорядков и в течение года 52 раза должны были при этом употреблять оружие. К концу года на службе приходилось еще удерживать двадцать три льготных казачьих полка, военные суды больше чем когда-либо были завалены делами о гражданских лицах*. При таких условиях новая мобилизация могла привести к новой революции!

---

* В 1905 году в военные суды было передано 165 дел о гражданских лицах; в 1906 году — 960 дел, в 1907 — 1950 дел, а в 1908 — 2836 дел!

Союзный договор был заключен в такое время, когда Россия была сильна и когда никто не мог предполагать, что она втянется в войну не с главным своим противником, Германией, и совсем нельзя было думать, что она при этом понесет поражение, расстроит вконец свои вооруженные силы и подорвет самые основы своего государственного строя! Теперь же, когда несчастная война с Японией привела к такому результату, когда Россия настоятельно нуждалась во внешнем и внутреннем мире, этот союзный договор уже являлся для нее тяжелым бременем, возлагавшем обязательства, которые были для нее непосильны. Однако, изменить что-либо в договоре, а тем более отказаться от него, было невозможно, так как это могло привести к новым осложнениям; оставалось лишь надеяться, что мир продержится благодаря всеобщему нежеланию воевать, союзники, зная нашу слабость и малую помощь, которую мы им можем оказать, будут вести осторожную политику и тщательно избегать поводов к войне. Нечего и говорить о том, что наша собственная политика должна была быть до крайности осторожной и миролюбивой.

Генерал Брен, по прибытии в Петербург, был у меня с визитом 16 июля, а затем пошли торжества по случаю его приезда: в тот же вечер — обед во французском посольстве, 18 июля — обед у «Дона», данный Палицыным, 20 июля — обед в ресторане «Эрнест», данный Бреном, 21 июля — завтрак у меня на двадцать персон*. На этом завтраке был посол Бомпар и советник посольства Понтафие, Брен с адъютантом, товарищ министра иностранных дел Губастов, начальники главных управлений, Палицын с двумя его генералами и Гулевич, наконец, адъютант, полковник Каменев и племянник Саша. После завтрака я передал Брену братину, подарок государя и мои фотографии ему и его адъютанту.

Завтрак у меня организовал полковник Каменев, заказавший его в Английском клубе, и он оказался очень хорошим**.

---

* Завтрак у меня был назначен на 20 июля, но в этот день Брену пришлось ехать в Гатчину к вдовствующей императрице, поэтому мой завтрак мне пришлось отложить и дать его уже после ответного обеда Брена.

** Такие торжества я оплачивал из своей экстраординарной суммы. Расходы Палицына на обед у «Дона» и, до того, в Париже, всего семьсот рублей, ему были возмещены из Министерства финансов.

Во время всех этих торжеств я ни разу не говорил ни с Бреном, ни с кем-либо из других французов о деле! Да и о чем я мог говорить с ними, когда все переговоры вел Палицын, докладывавший о них государю и не посвящавший меня в их содержание?

Из других торжественных угощений упомяну о громадном завтраке у Гулевича 3 марта, на Масленице. Гулевич воспользовался тем, что под его квартирой было большое свободное помещение, и устроил завтрак с блинами человек на сто. Блины были, конечно, плохи и завтрак скучен. После завтрака я встретил жену одного полковника, с которой изредка встречался у знакомых, и с нею заговорил. Совершенно неожиданно она мне сказала: «Я чувствовала, что Вам трудно, ведь я Вас люблю!». Это было тем неожиданнее, что муж ее еще молодой и очень симпатичный человек и мы с ней встречались не более одного-двух раз в год! Я обратил все в шутку, мол таким старикам, как я, можно говорить что угодно!

Замечательно, что около того же времени я стал получать объяснения в любви от одной барыни из Тифлиса, матери офицера, которой я по ее просьбе оказал пособие; она даже приехала в Петербург и оказалась вовсе не привлекательной. Как будто эти женщины почувствовали, что я еще доступен стрелам Амура.

Обо всех этих инцидентах я добросовестно сообщил О. И., высказав удивление новой моде у женщин: объясняться незнакомым мужчинам в любви!

Дело о моем разводе не продвигалось вперед, так как жена сначала и слышать не хотела о нем. С наступлением весны ей пришлось убедиться в том, что я на дачу в Царское не перееду и действительно не хочу больше жить с нею. Она мне писала ругательные письма и сначала грозила скандалами, но затем несколько успокоилась. Чтобы зондировать ее настроение, к ней несколько раз заезжал племянник Саша. В середине мая ко мне заехала вдова полковника Гершельмана и спросила про мои домашние дела. Меня это несколько удивило, так как, хоть я ее знал лет тридцать пять, никогда у меня с нею не бывало разговоров по «душам». Я ей откровенно рассказал про свои дела. Она проводила лето в Павловске и обещала бывать у жены и уговорить ее согласиться на развод; она действительно была у нее раза два, но тоже без успеха.

Между тем, мое положение становилось все более тяжелым. Любя О. И., я хотел скорее добиться ее руки; я опасался, что мои отношения к ней дадут повод к некрасивым сплетням. Я сам изнывал в городе от жары, чувствовал себя крайне усталым и нервным, сознавал, что мне надо хоть ненадолго уехать в отпуск и отдохнуть. Если мне удастся вскоре добиться развода и жениться, то я хотел после этого ехать в отпуск; если же нет, то мне все же надо было уехать отдохнуть во второй половине лета, чтобы не известись совсем. Но именно по вопросу о том, когда я добьюсь развода, я оставался в полной неизвестности, так как при характере жены от нее трудно добиться согласия, особенно согласия окончательного. Притом меня со всех сторон одолевали вопросами, почему я сижу в городе и не переезжаю на свою дачу в Царском Селе?

Все эти расспросы были крайне неприятны и свидетельствовали о том, что мое сиденье в городе возбуждало всеобщее удивление, а причина его оставалась полным секретом. Чтобы избавиться от докучливых вопросов, я еще 9 мая сказал Газенкампу, что разъехался с женой и добиваюсь развода; я полагал, что он совершит нескромность и расскажет это другим, но он, очевидно, соблюдал секрет.

Зато, как только началось дело о разводе, я при первом же своем докладе у государя, 30 июня, доложил, что до сих пор я не мог объяснить ему причины, почему не переезжаю в Царское: это был разъезд с женой; теперь же начат развод, и я спешу доложить об этом, чтобы он узнал это от меня*. Государь сказал, что он, действительно, еще ничего об этом не слышал. Я объяснил, что мы никого не принимаем, а потому и семейная моя жизнь и обстановка никому не известны. Государь еще спросил о нашем вероисповедании? Я сказал, что мы лютеране и указал ему основание развода. Он был доволен отсутствием огласки и спросил, когда я хочу ехать в отпуск? Я ответил, что после развода буду просить разрешения жениться и тогда уеду в отпуск; ведь дело о разводе уже давно назрева-

---

* Я уже 28 июня был у статс-секретаря по принятию прошений, барона Будберга и просил его, не может ли он помочь ускорению моего развода? Он сказал, что может лишь частным образом переговорить с председателем Консистории и обещал это сделать. Вместе с тем, он мне дал совет: при первом же случае доложить государю о предстоящем моем разводе, чтобы тот об этом узнал от меня.

ло, а теперь, полюбив другую, я настоял на нем. Он ответил, что это дело личной совести каждого.

Через две недели, 14 июля, я доложил государю, что надеюсь скоро получить развод и потому прошу разрешения тогда жениться на дочери отставного генерала Холщевникова, бывшего губернатора и атамана в Чите; последнее уточнение я произнес с особой расстановкой. Государь с удивлением спросил: «Того самого, которого обвиняли...?». Я ответил утвердительно и сказал, что теперь, узнав его ближе, могу засвидетельствовать о нем, как о «самом преданном Вашему императорскому величеству и верном человеке». Государь сказал, что в этом он не сомневался, но что ведь Холщевникова обвинили в недостатке энергии при подавлении бунта! Я ответил, что это действительно было так, но он десять-двенадцать раз просил о присылке ему из армии хоть двух батальонов, но ему их не давали; наконец, войска пришли под командой Ренненкампа и его же арестовали! «Я, впрочем, не берусь докладывать обстоятельств этого дела, боясь быть пристрастным, но уверен в его верности и преданности Вашему императорскому величеству». Государь сказал, что в этом он не сомневается. Я еще сказал, что сплетни ходят разные; так например, про мою невесту говорили (хотя я слышал это от Ф. Ф. Палицына) будто она красная, удерживала отца от репрессий и чуть ли не сама ходила с красным флагом! Между тем, она в это время была за границей с больной матерью. «Считаю долгом предупредить Ваше Императорское Величество на случай, что этот слух дойдет и до Вас». Государь сказал, что я хорошо сделал, что предупредил его и повторил: ведь она была за границей! А затем спросил: нет ли у нее брата — артиллериста? Я объяснил, что у нее есть брат, но в кавалерии; он был в артиллерийском училище, но как человек черносотенного направления там не ужился и перешел в кавалерийское училище. Государь спросил, в отставке ли сам Холщевников и успокоился ли он? Я сказал, что тот примирился со своею участью. Государь еще поинтересовался суждением о Холщевникове в Высшей аттестационной комиссии? Я пояснил, что, «ввиду личных моих отношений», я передал вопрос о его участии всецело в Комиссию. «Великий князь Николай Николаевич испросил Ваших указаний, и Вы приказали его уволить. Докладывая Вам журнал Комиссии, я Вам говорил, что мы теряем дельного генерала, и Вы были

готовы вновь обсудить вопрос, но я попросил Вас не менять решения, так как мой отзыв о нем был бы пристрастным, о чем я тогда не мог Вам докладывать». Государь сказал, что он это вполне понимает.

Таким образом, я 14 июля получил разрешение на брак с О. И.; тогда же мне был разрешен двухмесячный отпуск.

Консистория, для того, чтобы постановить о разводе, должна иметь о нем суждение на трех или, по меньшей мере, на двух заседаниях. Дни заседаний в течение лета были заранее назначены и члены Консистории жили на дачах; назначить экстренное заседание Консистория не находила возможным. Ближайшее заседание было назначено только на 18 июля, а следующее — на 1 августа*. Тем не менее, была надежда, что все свершится еще в июле, и я надеялся сыграть свадьбу 29 июля, до наступления Успенского поста; но 20 июля я получил от президента Консистории извещение, что развод может состояться только 1 августа, то есть уже в посту!

Эти оттяжки, эта долгая неизвестность, когда же мне вернут свободу, совершенно меня изводили. Нервность моя усиливалась еще тем, что как раз в то время я узнал о предстоявшем покушении на меня. Впервые я о нем узнал от Зотимова 30 июня. Затем, 4 июля Забелин мне доложил, что через писаря Канцелярии узнали о готовящемся покушении, а 11 июля по поручению полиции просил меня на следующий день не быть в Военном совете, а только послать к подъезду Министерства мой мотор с шофером от полиции. Директор Департамента полиции Курлов тоже просил меня осмотрительно выезжать из дому и принимать меры предупредительного характера при приеме посторонней публики**. Из доклада Забелина выяснилось, что нападение на меня должно быть произведено при моем выходе из Министерства по окончании заседания Совета. В знак того, что я прибыл в заседание, один из писарей Канцелярии (который и выдал все дело) должен войти в ресторан около Канцелярии, сесть за столик и с особым жестом взять и развернуть салфетку; в ресторане будут люди (ему неизвестные), которые передадут сообщникам, что я на-

* Барон Будберг мне сообщил, что предполагается еще экстренное заседание 21 июля.

** Укажу, как на курьез, что его письмо от 6 июля носило секретный номер 129951; какая громадная должна была быть переписка!

хожусь в Министерстве. Мотивом покушения выставлялось то, что я в Совете министров (где я почти не бывал) будто бы говорил жестоко о революционерах. Полиция мне советовала ездить разными путями и не всегда на моторе.

Покушение должно было произойти 12 июля, но в этот день утром ко мне заехал полковник Янушкевич сообщить, что оно отложено на неделю, и по поручению полиции просил не выезжать в этот и следующие дни. Наконец, 19 июля, я вновь не поехал в Военный совет, а только послал свой мотор; по окончании заседания швейцар стал звать «мотор военного министра», его подали, и одновременно к нему подошли злоумышленники (кажется, мужчина и женщина с револьверами), которые тут же были схвачены переодетыми агентами полиции. Таким образом, это покушение было ликвидировано вполне благополучно, но полиция меня предупредила, что она не знает, не будет ли затеяно новое?

В течение тех двух с половиной недель, которые протекли от получения мною первого известия о покушении и до его совершения, мне как раз приходилось выезжать довольно много. Тотчас по получении первого известия, 30 июня, я выехал в Черняковицы, откуда вернулся 2 июля; на следующий день я ездил в Царское к тамошнему пастору просить его побывать у жены и выдать удостоверение, что примирение между нами достигнуто; 7 июля я был в Петергофе с докладом, а потом вновь поехал в Черняковицы, откуда вернулся 9-го; 14-го и 17-го я был с докладом у государя; 16-го — на обеде во французском посольстве; 18-го — в Консistorии и вечером — у «Донона» на обеде, который давал Палицын; сверх того, пришлось выезжать по личным делам. По указанию полиции я 17-го пошел в Петергоф на яхте «Ильмень», причем до пристани и от нее ехал на фельдъегерской лошади*.

В Черняковицы я ездил четыре раза: 16 и 30 июня и 7 и 21 июля; я каждый раз выезжал в субботу в четыре часа дня, прибывал туда в десять вечера, а оттуда выезжал в воскресенье в половине первого вечера и был дома в понедельник в восемь часов утра. При этом бумаги к государю в субботу и в воскресенье шли не за моею подписью, а потому мне каждый

---

* Государь видел, что я пришел на яхте и спросил меня: избрал ли я этот способ переезда из любви к морю или получил «указание»? Я сказал, что получил указание полиции.

раз приходилось просить разрешение на поездку! Я, впрочем, говорил ему, что езжу в Лугу навещать брата!

Первая моя поездка, 16 июня, вышла довольно оригинальной. Я попросил Министерство путей сообщения прицепить министерский вагон к скорому поезду, отходящему в четыре часа, и остановить поезд в Черняковицах, где ему останавливаться не полагалось. Министерство исполнило мою просьбу и, вместе с тем, на полустанке Черняковицы за несколько дней было сообщено, что скорый поезд тогда-то там остановится, так как с ним туда поедет военный министр. Холщевниковы знали о моем приезде, но держали его в секрете; каково же было их удивление, когда младший Раунер, Юра, за несколько дней им сообщил, что в субботу в Черняковицы к кому-то приедет военный министр; Юра целыми днями сидел на станции, интересуясь службой железной дороги, и там узнал эту весть. Она быстро стала достоянием и прочих жителей поселка, и ко времени моего приезда меня там ждала уже толпа народу! Кстати, и газеты довели до сведения публики, что я уехал на станцию Черняковицы.

В Черняковицах я провел сутки с небольшим, причем О. И. уступила мне свою комнату внизу, а сама ночевала наверху с m-lle Burier, которая лето проводила у них, ведя хозяйство. Нечего и говорить, как я был рад вновь увидеть О. И. после двухнедельной разлуки! Она мне показывала окрестности их дачи, и мы довольно много гуляли. Будучи оба близорукими, мы и не подозревали, что во время этих прогулок за нами постоянно наблюдали зоркие глаза, да еще в бинокль! Все это мы узнали уже потом. Особенным любопытством отличались две девочки Раунер (четырнадцати и тринадцати лет), которые, избрав наблюдательный пункт, оставались на нем чуть что не часами, несмотря на то, что их жестоко кусали комары!

В воскресенье вечером я уехал в том же вагоне, простоявшем сутки во Пскове. Чтобы уменьшить помпу моего приезда, я в следующий раз, 30 июня, не потребовал себе отдельного вагона. В этот раз я уже зашел к Раунерам*.

7 июля я поехал в Черняковицы, чтобы уговорить И. В. и О. И. немедленно ехать со мною в город заказывать придан

---

* С родителями я уже познакомился в городе, где я, 3 мая, видел их у И. В.

ное и главное — свадебные туалеты. Я поэтому вновь взял отдельный вагон, в котором со мною приехали в город И. В., О. И. и тетя Наташа (Раунер). Они все остановились на квартире тети Наташи. И. В. и О. И. пробыли в городе всю неделю и приходили ко мне обедать.

Время было жаркое, в городе было душно, особенно для приезжих, привыкших к деревенскому воздуху, и О. И. настоятельно просила меня прокатиться с нею в моторе на острова, она и не подозревала тогда, что именно в эти дни на меня готовилось покушение и полиция просила меня выезжать поменьше, особенно на моторе! Я отказался от поездки под предлогом, что нам нельзя показываться вместе.

В четвертый раз я поехал в Черняковицы 21 июля, тотчас по окончании завтрака, который я давал генералу Брену и опять в общем вагоне.

Когда выяснилось, что развод мой состоится только в посту, мне кто-то (Зотимов?) посоветовал обратиться к митрополиту с просьбой разрешить мне венчаться в посту, так как такие разрешения уже давались. Я решил испробовать и это средство к ускорению моей свадьбы. На беду оказалось, что митрополит уехал на свою дачу около станции Преображенской и не скоро вернется в город. Поэтому я 24 июля поехал к нему на дачу. Митрополита Антония я не знал вовсе. Я ему послал свою карточку, и он меня сейчас принял. Выслушав мою просьбу, он ответил категорическим отказом, сказав, что разрешение венчаться еще дается в виде изъятия в Петровском и Рождественском постах, но ни под каким видом в Великом посту и в Успенском, который является как бы продолжением Великого. Затем он посмотрел на меня и спросил, кто я есть? Я сказал, что военный министр. Оказалось, он усомнился, что я сам приехал к нему. Он спросил, почему я так тороплюсь — ведь пост длится всего две недели! Я сказал, что на меня уже было покушение, которое может повториться, и я спешу уехать за границу. Он ответил, что на все воля божья и я мог бы сейчас уехать за границу и обвенчаться там по минувании поста. В общем, отказ был самый решительный, но, тем не менее, митрополит Антоний произвел на меня самое симпатичное впечатление. Уже через три дня он в городе был у меня с кратким ответным визитом.

Совсем иное впечатление произвела на меня лютеранская духовная Консистория, в которой мне пришлось быть два раза, 18 июля и 1 августа. На первом заседании один из членов, пастор Пэнчу, произнес очень патетическую речь о необходимости помириться с женой, а когда я отказался, сразу перешел на деловой тон; вся церемония длилась минуты две. Во второй раз я поехал в Консистирию с Гужковским, который все еще опасался, что в этот день лишь постановят о разводе, но не совершат самого расторжения брака; однако и то и другое было совершено в несколько минут. Гужковский мне говорил, что это первый случай столь быстрого развода: он получил все нужные ему документы 6 июля*, а 1 августа, то есть через 26 дней, брак уже был расторгнут.

Таким образом я, наконец, был свободен и мог официально числиться женихом О. И. Действительно, уже пора было оформить наши отношения, так как они становились известными и, например, «Петербургская газета» 31 июля уже сообщала, не называя имен, о нашем браке, как о факте, совершившемся 29 июля**. Такова участь всех занимающих высокое положение — даже чисто семейные их дела представляют интерес для широкой публики и без особого стеснения предаются огласке; хорошо еще, что газета не назвала фамилий!

---

* Метрическую выписку о бракосочетании я получил из Выборга лишь 5 июля.

** Из «Петербургской газеты» 31 июля 1907 г. № 207:

«В городе и свете. В воскресенье, 29 июля, в последний свадебный день до начала Успенского поста, состоялось очень много свадеб. В этот же день было совершено возбуждавшее немало толков в светских кругах бракосочетание одного сановника, занимающего выдающийся в своем ведомстве пост, бракосочетание, состоявшееся при исключительно романтических условиях.

К сановнику этому, человеку пожилому, давно женатому, в один из его приемов явилась прибывшая с далеких окраин девушка не первой молодости, дочь генерала, сильно скомпрометированного своими отношениями к революционерам. Дочь прислана молить о смягчении участи виновного отца и принять участие в ее судьбе. Сановник настолько был очарован просительницей, что решил устроить ее судьбу, соединив со своею, и немедленно начал хлопоты о разводе с своею супругой.

Развод устроился скоро и без затруднений, так как оба супруга лютеране, а 29 июля состоялось уже бракосочетание сановника с избранницей его сердца. По какой-то странной случайности, этот сановник уже третий из занимавших этот пост, женившийся после развода с первой супругой на другой, которой увлекся при романтической обстановке».

Свадьбу нашу пришлось назначить по окончании Успенского поста, и мы избрали для нее воскресенье 19 августа.

С 26 по 31 июля И. В. с дочерью вновь были в городе для устройства туалетных дел и поисков квартиры для И. В., потому что О. И. очень хотелось ехать под венец из дома отца, а не из квартиры кого-либо из родных или знакомых; они вновь приходили ко мне обедать, причем один раз обедали у меня вместе с братом и его женой.

На свое здоровье я не имел основания жаловаться; но тем не менее, форсированная работа без перерыва в течение пяти лет*, сидячая жизнь, расстройство нервов вследствие всего пережитого заставляли предполагать порядочное расстройство организма и, действительно, проведенный анализ указывал на неполадки в почках. Созванная на 30 июля консультация врачей нашла у меня раздражение почек и признала нужным, чтобы я вновь ехал на воды в Контрексвиль, а затем брал ванны в Висбадене. Это требование врачей совершенно меняло все существовавшие предположения относительно свадебного путешествия: вместо того, чтобы провести два месяца где-либо в тиши, приходилось ехать на курорты и быть там на людях и начинать совместную жизнь со столь скучного дела, как лечение!

Мне пришлось 30 июля переехать в Красное Село, где заканчивался лагерь, а затем быть и на больших маневрах; под предлогом болезни почек, от которой поеду лечиться, я испросил разрешение государя не выезжать верхом в его свите. При этом условии мое пребывание в Красном, а потом и на маневрах, было отдыхом на казенной даче. В Красном Селе отводилось очень уютное помещение, в котором стены и мебель были обтянуты одинаковым ситцем; все продовольствие было от Двора: утром и вечером чай (кофе), завтрак и обед. В моем распоряжении была коляска, запряженная серой тройкой, тоже от Двора. Свободного времени было много и я довольно много гулял, а вечером три раза был в театре. Вечером 6 августа я переехал на время больших маневров в Ропшу, где помещение было много меньше, чем в Красном, так что мне отвели лишь одну комнату в Большом гостином флигеле, между комнатами Палицына и Эверта. В Ропше мы пробыли два с половиной дня, и 9 августа я вернулся в Петербург.

* За исключением двухнедельного отпуска в конце 1906 года.

В Красном Селе я при случае сказал Палицыну о предстоящей моей свадьбе; оказалось, что он уже знал о ней и о том, что молва нас уже обвенчала; я его приглашал на свадьбу, но оказалось, что он 16 августа уже уедет в отпуск. Моя откровенность с ним была вызвана желанием, чтобы он рассказал великому князю Николаю Николаевичу. В Красном же, 5 августа, ко мне зашел князь Андроников, поздравить с предстоящим семейным счастьем; он был вхож к великому князю Константину Константиновичу и сказал мне, что в его семье весьма смущены ходящими обо мне слухами и просили его выяснить всю правду.

Кауфман (министр народного просвещения) тоже имел какие-то сведения. Еще в феврале он как-то заговорил со мною о деле И. В. и в заключение сказал, что дочь его сама прелесть, а 22 июля он мне между прочим писал, что не знает, имеет ли он право поздравить меня с одним счастливым обстоятельством, о котором до него дошли агентурные сведения? «Если правда — от души за Вас радуюсь: Вы вытягиваете в жизненной лотерее *le gros lot!*»*. Еще раньше, 14 июля, Поливанов мне сказал, что слышал от Коковцова, будто я развожусь и женюсь на О. И.; о первом Поливанов знал, а второе было для него новостью. Таковы были сведения, доходившие до меня, но в публике всякие разговоры, слухи и сплетни, очевидно, шли уже давно.

Холщевниковы окончательно переехали с дачи в Петербург 10 августа. Они приехали вечером; я их встретил и на своем моторе отвез О. И. на Васильевский остров в квартиру тети Наташи; в моторе не было места для И. В. и он приехал вслед за нами на извозчике. У тети Наташи они прожили недолго, пока их квартира (Преображенская, 26, угол Баскова) не была готова, и 14 августа я уже был у них на новой квартире. С О. И. мы, конечно, виделись ежедневно. В моей квартире на Кирочной мы решили сделать перемену: спальню устроить общую, в моей бывшей спальне, а бывшую спальню жены обратить в будуар. Все это должны были сделать без нас, для чего необходимые указания были даны подполковнику Пудкевичу, ведавшему домом министра на Мойке и нашей квартирой. Вообще, ввиду предстоявшего тотчас после свадьбы отъезда за границу, хлопот у нас была масса.

* Главный выигрыш! (фр.) (Сост.).

Тотчас после того, как началось дело о разводе, я стал хлопотать о застраховании своей жизни для обеспечения бывшей своей жене после моей смерти пожизненной ренты в 4800 рублей. Я раньше всего, обратился за этим в «Первое Российское страховое общество», которое, было, согласилось принять страхование за годовую плату в 1800 рублей в год и прислало ко мне своего врача, исследовавшего меня, но затем предъявило ко мне совсем иные условия, не давая никаких объяснений; было очевидно, что оно уклонялось от страхования. Как потом выяснилось, причиной отказа являлось бывшее покушение на мою жизнь, страховать которую поэтому было рискованно. Я обратился во французское Общество «Урбэн», которое тоже прислало ко мне своего врача, но затем тоже отказалось от страхования: медицинских возражений не было, но Общество не решалось страховать видных русских деятелей. Мне сказали, что правление Общества (в Париже) может быть согласится на страхование, если я сделаю несколько годовых взносов вперед или уплачу единовременно 18 000 рублей; я согласился и на это, но из Парижа все же был получен отказ, ввиду того, что оно опасается страховать лиц из высшей администрации в России. Обращался я еще в Общество «Россия», и тоже получил отказ. Князь Андроников, которому я рассказал о своих неудачах, взялся устроить страхование моей жизни в Германии или в Англии. В Германии общество «Nordstern»* тоже отказалось; английское же общество согласилось, и я в начале 1908 года даже прислал ему чек на 141¹/₂ фунт стерлингов, но в ноябре того же года оно вернуло его обратно, и мне так и не удалось выполнить этого обязательства перед бывшей своей женой. Я его предложил ей сам, чтобы вполне обеспечить ее будущность, не предвидя, что оно затем окажется неосуществимым; теперь же это давало ей повод писать мне ругательные письма, которые меня всегда расстраивали**.

Раньше, чем говорить о моей свадьбе, послужившей началом новой для меня жизни, мне остается рассказать о некоторых обстоятельствах первой половины 1907 года.

* «Северная звезда» (нем.) (Сост.).

** Мне от них удалось избавиться лишь с уходом с должности министра, весной 1909 года, когда я, взамен невозможного страхования, предложил ей и впредь получать в год по 6000 рублей, вместо условленных 4800 рублей.

6 мая этого года я и Палицын были произведены в генералы от инфантерии, раньше наших сверстников. Государь в середине апреля прислал Поливанову записку о внесении в приказ на 6 мая статьи о нашем производстве; Поливанов, конечно, сказал мне об этом по секрету.

Совет обороны производил на меня все более удручающее впечатление. У Совета и, в частности, у его председателя не было какой-либо общей программы действий, а были лишь общие пожелания, вовсе не соображенные с имеющимися средствами. Я уже упоминал о том, что весь вопрос о новой организации армии был отложен председателем Совета в долгий ящик, вследствие чего мне не удавалось также получить экономии, нужной на улучшение содержания офицерам; чтобы добыть хоть какие-либо средства, надо было стараться загонять экономию путем упразднения ненужных учреждений; однако и в этом отношении Совет обороны тормозил все начинания. Положение стало безвыходным; личные отношения великого князя Николая Николаевича ко мне были самые лучшие и жаловаться на Совет и на него государю я не хотел; оставалось поэтому лишь одно: попытаться убедить его самого в том, что Совет стоит на ложном пути.

В мае великий князь уехал в Крым, и я решил написать ему письмо с изложением моих сетований; письменная форма была удобнее в том отношении, что письмо несомненно будет дочитано до конца, а может быть и перечитано, тогда как устный рассказ, при живости великого князя, вероятно был бы им перебиваем и его, может быть, не удалось бы довести до конца, а впечатление от него, во всяком случае, было бы слабо.

Я 19 мая писал О. И. : «У меня назревает в голове еще одно письмо — к великому князю Николаю Николаевичу, о невозможном положении военного министра, которого все опекают, к которому все предъявляют требования, не справляясь со средствами, который ничего не может делать и за все отвечает; выводом письма была бы просьба об увольнении. Над этим письмом надо подумать, надо его набросать и еще подумать, а меня терзает так, что я едва справляюсь с текущими делами». К 27 мая письмо было составлено, и в этот день я употребил вечер на то, чтобы собственноручно переписать его, так как оно должно было быть вполне секретным; я даже в виде исключения не передал черновой в дела Главного штаба, а оста-

вил ее у себя, благодаря чему имею возможность привести его содержание. Вот оно:

«Ваше Императорское Высочество.

Пользуясь Вашею всегдашней добротой, я позволяю себе утруждать Вас этим письмом, в котором хочу изложить угнетающие меня заботы; хочу довести о них до Вашего сведения как с целью возможно полно ориентировать Ваше Высочество относительно того, что в военном ведомстве делается или не делается, так и в надежде, что Вы на досуге, вдали от столицы, может быть успеете обдумать способы к возможно лучшему устройению военного дела.

Многообразные и отчасти вопиющие наши нужды хорошо известны В. И. В., и я не стану утруждать Вас их перечислением. Для удовлетворения же их средств нет. Состав армии доведен до такой численности, что страна не в состоянии ныне давать средства на ее содержание в должном виде; предельного бюджета при современной дороговизне всех предметов довольствия (приварок, отопление, обмундирование) уже не хватает на удовлетворение обязательных расходов. Нынешний год мы еще, вероятно, дотянем, истребовав от Министерства финансов разные суммы, которые мы числим за ним в долгу и которые оно оспаривает, но будущий год, последний год предельного бюджета, мы уже не проживем без дефицита. На ассигнование каких-либо средств в дополнение к предельному бюджету лучше не рассчитывать при современном финансовом и внутреннем положении России. Таким образом, приходится считаться с фактом, что мы в настоящее время бессильны сделать что-либо для удовлетворения нужд армии — если только мы не изыщем средства в самом предельном бюджете путем сокращения расходов, хотя бы и нежелательных, но не настоятельно нужных для самого благоустройства армии.

Оставаться при нынешнем положении, сохранять все существующее и не делать ничего нового за неимением новых средств, конечно, самое спокойное для Военного министерства, так как все пойдет дальше по-прежнему, без особых неприятностей и хлопот; но такое решение едва ли было бы соответственным, так как вопиющие нужды армии нельзя безнаказанно оставлять неудовлетворенными!

Значит, необходимо предпринять радикальные меры к сокращению расходов? Но как это сделать? Военное министер-

ство ведь не самостоятельно в своих распоряжениях по крупным организационным вопросам, а должно прислушиваться к заключениям начальника Генерального штаба и руководствоваться указаниями Совета государственной обороны; эти два органа судят о всех предметах с совсем иной точки зрения, выставляя лишь пожелания и вовсе не сообразуясь с существующей обстановкой. В виде иллюстрации к сказанному, я лишь позволю себе напомнить Вашему Высочеству о постановлениях Совета относительно доведения до военного состава войск в Туркестане и на Дальнем Востоке и об усилении Владивостока; при полном отсутствии средств, эти постановления являются совершенно невыполнимыми и остаются мертвой буквой. Поэтому они и не приносят вреда делу, и я о них упоминаю лишь потому, что они, во-первых, рисуют угол зрения Совета и, во-вторых, производят известное угнетающее впечатление на военного министра, который, в силу необходимости, вынужден оставлять без исполнения даже такие пожелания, которым он в душе вполне сочувствует. Его ответственность за существующие в армии недостатки усугубляется тем, что в случае беды можно будет документально доказать, что такие-то недостатки еще тогда-то ему были указаны, и едва ли кто-либо примет тогда во внимание, что эти указания давались при таких обстоятельствах, которые исключали самую возможность исполнения этих указаний.

Но этот же угол зрения отражается и на всех суждениях по вопросам, касающимся каких-либо сокращений в расходах; Совет обороны не нашел возможным допустить упразднение особого запаса* в Одессе (Высочайше повелено его все же упразднить); начальник Генерального штаба, обсуждая вопрос об уменьшении у нас числа крепостей в видах приведения остающихся в надлежащий порядок, находит возможным согласиться лишь на упразднение или уменьшение размеров второстепенных крепостей (Усть-Двинск, Керчь, Михайловская), хотя прямым последствием такого решения будет то, что и важней-

---

* На случай войны с Турцией содержался запас тяжелых орудий для укрепления Босфора тотчас по захвате его флотом и батальон, специально обученный быстрой погрузке и выгрузке войсковых тяжестей на суда. Во время японской войны орудия были взяты на Восток и особый запас был почти исчерпан; об экспедиции на Босфор уже не было речи, и все же Совет не хотел совсем упразднить этот запас и упомянутый батальон!

шие наши крепости останутся в состоянии полной неготовности к надежной обороне.

Таким образом, суждения Совета государственной обороны и начальника Генерального штаба, требующие улучшения и вместе с тем отказывающиеся в тех мероприятиях по сокращению расходов, которые одни могли бы дать возможность делать что-либо для армии, ставят военного министра в крайне тяжелое положение; ему ставятся непосильные задачи и вместе с тем он лишается всякой возможности делать хоть что-либо, хотя бы для приступа к их выполнению. Происходит это, очевидно, от того, что и Совет и начальник Генерального штаба, стоя далеко от исполнительных действий, остаются в атмосфере пожеланий, не считаются с действительным положением вещей и при обсуждении отдельных вопросов не принимают на вид общей совокупности и настоятельности наших потребностей. В заседаниях Совета и в личных разговорах с его членами я старался убедить в возможности такой точки зрения; после постановления Совета об усилении Владивостока, я добивался того, чтобы Совету же было поручено исследовать исполнимость его пожеланий, дабы Совет хоть в этом вопросе стал на реальную почву, но тщетно. Что же делать дальше? Подчиниться получаемым указаниям и не двигаться с места? Это едва ли было бы добросовестно. Надо побудить Совет и начальника Генерального штаба выйти из области абстрактных пожеланий, проникнуться необходимостью крупных сокращений, необходимостью жертвовать второстепенным, лишь бы благоустроить главное, но как этого добиться? Я в этом бессилен и этот вопрос я и позволяю себе представить на милостивое усмотрение Вашего Высочества.

Среди массы разных наших дефектов и нужд, я лично ставлю на первую очередь улучшение материального положения офицерства, так как при наступившей дороговизне оно уже бедствует, а это угашает дух! Я не мечтаю о коренном разрешении вопроса, а лишь о прибавке по двести сорок рублей в год батальонным и ротным командирам и младшим штаб-офицерам; это немного, но все же подымет их дух и младшие офицеры будут видеть, что с получением роты есть возможность быть сытым. Эту меру надо провести во что бы то ни стало еще и потому, что надо доказать офицерам, что о них думают, их службу ценят и, даже в настоящее тяжелое время, для них средства

находятся; ее надо провести скорее, чтобы она исходила от щедрот монарха, а не подсказана или подготовлена посторонними влияниями; на нее нужно около двух миллионов рублей. Но откуда же их взять, если не решаться на сокращения?

Сознание в необходимости действовать и в полном своем бессилии что-либо предпринять и заставляет меня обратиться к Вашему Императорскому Высочеству с настоящим длинным письмом и с просьбой: помогите!

С глубочайшим высокопочитанием имею честь быть Вашего Императорского Высочества всепокорнейший и всепреданнейший слуга А. Редигер. 28 мая 1907 года.»

Письмо это было, собственно, жалобой великому князю на него самого, так как его мнение имело в Совете решающее значение; поэтому ответ его представлял для меня большой интерес*.

Письмо было отправлено к великому князю с очередным фельдъегерем, отвозившим ему бумаги; но он 31 мая неожиданно вернулся в Петербург, где и получил мое письмо, вернувшееся из Крыма, лишь 5 июня; на следующий день он прислал ко мне Гулевича, чтобы сказать мне, что он вполне согласен с моими взглядами.

Таким образом, великий князь не обиделся на мое письмо и признал справедливость моих доводов. Гулевич мне сказал, что великий князь, отдавая ему мое письмо, приказал спрятать его в железный шкаф Канцелярии Совета и никому его не показывать; значит он считал что доводы эти были не только справедливы, но и крайне неприятны для Совета и, в частности, для него самого! Оставалось ждать, что же он сделает во исполнение моей просьбы для изменения характера деятельности Совета, а также и Палицына?

Впервые после того я встретился с ним в Петергофе, 10 июня, в день святой Троицы, на празднике Измайловского полка; он был любезен, как всегда, и не особенно возражал против моих настояний о сокращении числа крепостей. Но в конце концов, результаты моего обращения к нему оказались почти равными нулю. Они выразились в том, что он заставил Палицына внести в Совет обороны представление об упразд-

---

* В письме этом обращение к великому князю и заключение были изложены по форме, установленной в войсках Гвардии для писем к высочайшим особам.

нении нескольких крепостей, а в конце года, по новой моей просьбе, заставил его, наконец, выработать план новой организации армии. Состав Совета не был изменен и направление деятельности его и Палицына остались прежними.

Я думаю, что письмо, пожалуй, действительно произвело на него впечатление; но при его неспособности работать самому, он мог бы сделать что-либо в том случае, если бы при нем был кто-либо, который выработал ему программу действий; Палицын очевидно, для этого не годился; Гулевич был ленив и осторожен и больше всего заботился о личном покое и благополучии, потому наверное уклонялся выступать с какими-либо предложениями, которые могли бы доставить ему лишнюю работу или неприятности. Затем великий князь чрезвычайно дорожил людьми ему близкими и преданными, а потому Палицын и все члены Совета остались в должностях, никаких общих указаний не получали и все осталось по старому! Письмо мое оказалось тщетной попыткой к улучшению положения, которое, очевидно, при великом князе улучшению не поддавалось; оно представляет лишь исторический интерес в смысле официального изображения тогдашнего тяжелого положения военного министра. Я предвидел возможность моего увольнения вследствие этого письма, как недовольного своим положением и критикующего Совет обороны и его председателя; но ничего подобного не произошло. Письмо было принято вполне любезно, и я даже надеялся на его успех, поэтому не имел основания отпрашиваться от должности. Через месяц произошло покушение на меня, после чего просьба об увольнении стала еще более трудной, так как мой уход походил бы на побег с опасного поста. Между тем, в моих письмах к О. И. постоянно высказывалась мечта об увольнении от тяжелой должности и о тихой семейной жизни!

Представление Палицына о сокращении числа крепостей рассматривалось в Совете обороны 24 июня; решено было упразднить Либаву, Усть-Двинск, Керчь, и Очаков и сократить укрепления Свеаборга и Михайловской. Все они были второстепенные и упразднение их давало не особенно существенные сбережения, но это все же было началом разрешения важного вопроса. Решение Совета было утверждено государем, но затем я получил его повеление приостановить упразднение Очакова, а затем и Свеаборга, нужных флоту и для обо-

роны Финляндии. Вооружение и гарнизоны упраздненных крепостей были назначены на усиление некоторых из остающихся крепостей.

Наибольшую сложность представляло упразднение Либавской крепости, так как надо было использовать его сооружение таким образом, чтобы они, в случае занятия Либавы противником, не могли служить на пользу ему. Для общей организации этого дела я пригласил впоследствии члена Комитета о раненых генерала Бобрикова (Георгия Ивановича), ввиду того, что он несколько знал Либаву и в свое время, когда началась постройка крепости, высказывался против этой затеи.

30 мая я получил извещение об избрании меня в почетные члены Общества Красного Креста. Чем было вызвано избрание, я не знаю; вернее всего, что это почетное звание полагалось военному министру. У меня с Обществом не было никаких сношений, кроме чисто служебных. Относясь с глубоким сочувствием к задачам общества, я, конечно, шел навстречу всем его пожеланиям, мотивированным пользой дела, которому оно служило, но отнюдь не сочувствовал многим претензиям лиц, стоявших во главе его. Лица эти считали, что так как Общество благотворительное, а помощь его и служба всех его членов добровольная, то Общество и его агенты должны пользоваться полной самостоятельностью в своей деятельности. Они упускали из виду, что Общество свою благотворительную помощь оказывало в военное время не за счет своих средств, а на особые ассигнования из казны, а агенты Общества сами в большинстве случаев отнюдь не являлись благотворителями, а получали за свой труд хорошее вознаграждение за счет тех же ассигнований, поэтому общество отнюдь не имело права ни на полную автономию в своей деятельности, ни на слепое исполнение всех его ходатайств.

Я уже упоминал, что перед Японской войной высказался против автономии Общества на театре войны: я слишком мало знаю его деятельность во время этой войны (а равно и деятельность его и других обществ и союзов во время войны с Германией), чтобы иметь верное суждение о том, был ли я тогда прав или нет, но я и теперь высказался бы в том же смысле. По окончании войны Общество задалось очень хорошей целью устроить склады всякого лекарственного имущества на случай войны и наметило для этого участок земли на Семе-

новском плацу, принадлежавший военному ведомству. В уступке этого участка я решительно отказал — расположенный внутри города, он представлял значительную ценность и был нужен военному ведомству для постройки склада. Я предложил Обществу участок земли за городом, рядом с новым вещевым складом, около линии железной дороги. Общество на это не соглашалось! Ко мне раза два заходил по этому делу товарищ председателя Общества генерал-адъютант барон Мейендорф, убеждавший меня, что Общество должно иметь свой склад в городе, так как нельзя заставлять его членов ездить за город, и что поездка туда же была бы неудобна для покровительницы Общества, вдовствующей императрицы, которая, наверное, пожелает навестить склад, но я не уступал. Тогда Общество прибегло к последнему ресурсу: секретарь императрицы Марии Федоровны сообщил мне, что ее величество просит меня уступить Обществу этот участок. Такая просьба являлась равносильной приказанию, но я решил не уступать и представил государю доклад, что земля эта уже предназначена под такие-то постройки, которые пока не возводятся только по недостатку средств, поэтому просил его отказать в просьбе ее величества. Государь согласился с моими доводами, Обществу пришлось довольствоваться предложенным ему загородным участком для устройства своего склада*.

Все изложенное породило во мне довольно кислые чувства к Обществу и избрание в почетные его члены меня мало радовало. Однако, я должен был 13 июня ехать в Гатчину, благодарить императрицу за это отличие. Императрица вновь выразила мне сожаление, что много хороших людей уволено со службы; в милостивой форме я получил настоящий выговор.

Все это не предвещало ничего хорошего в будущем; во всяком случае, я себе создал новых влиятельных врагов, но настоял на решении, которое, по моему убеждению, отвечало интересам военного ведомства.

В первых числах августа появился мой приказ по военному ведомству, в котором я говорил от своего имени «я требую», — оборот речи, которого военные министры не позволяли себе

---

* Об уступке участка земли на Семеновском плацу просило и Географическое общество; ему тоже было отказано и оно нашло себе участок земли в Демидовом переулке. На Семеновском плацу потом были построены казармы железнодорожного полка и Автомобильной школы.

употреблять в приказах, но я считал, что чем более норовили урезать власть министра, тем выше надо было держать голову и доказывать, что у него все же есть власть и он может приказывать от своего имени; я ожидал злословия в Красном Селе, но ничего не было слышно.

В начале года в составе моих сотрудников произошла перемена: Щербов-Нефедович сам попросил об увольнении от должности и о назначении его членом Государственного Совета; он имел право на отдых, так как девять лет пробыл на трудной должности начальника Главного управления казачьих войск. Я побывал у председателя Государственного Совета Фриша, и просил взять его в Совет, но Фриш мне сказал, что это едва ли возможно, так как Совет переполнен заслуженными сановниками, но в нем мало полезных работников, потому надо брать таковых, притом преимущественно из юристов. Против этого невозможно было возражать и Щербову пришлось удовольствоваться креслом в Военном совете. Я уже упоминал, что принял за правило испрашивать всем членам Совета одинаковый оклад содержания, наравне с корпусными командирами (без денег на представительство); с квартирными это составляло почти десять тысяч рублей в год. Щербов стал просить и даже уговаривать меня, чтобы ему дали двенадцать тысяч. Отступить от общего правила я не находил возможным и притом знал, что Щербов не нуждается, так как у него есть свои хорошие средства, а потому я ему в этом отказал. Вместо него был назначен его помощник, Гарф, отличный работник и очень хороший человек.

Поливанов на июнь месяц уехал в отпуск; в его отсутствие я два раза, по субботам, принимал посетителей, чего не делал в течение года. Меня предупреждали, что Поливанов добивается моего места; перед моим отъездом осенью в отпуск, во время которого Поливанов должен был заменить меня, я его расхваливал государю, а затем пожелал ему во время моего отсутствия приобрести доверие государя, чтобы он мог окончательно заменить меня в должности.

С весны Поливанов, по просьбе великого князя Константина Константиновича, работал у него в Комиссии по пересмотру программ военных училищ и к своему отъезду в отпуск закончил эту работу. 12 июня я поехал вместе с Палицыным в Петергоф с обычным докладом, и до Сергея с нами ехал вели-

кий князь Константин Константинович. Он хвалил Поливанова и его работу и обещал продвинуть ее по возвращении Поливанова из отпуска, причем будет очень кстати исправление Поливановым моей должности. Выходило так, точно это дело ему удобнее провести без меня! Великий князь не имел повода жаловаться на меня, а потому эти слова, вернее всего, просто вырвались у него без заднего умысла, и я не подал никакого вида, что обратил на них внимание, и Палицын даже думал, что я не заметил их неловкости; но именно присутствие Палицына заставило меня промолчать, и я вовсе не хотел оставлять их без ответа, тем более, что сам великий князь был чрезвычайно требователен и чувствителен. 15 июня у меня был бывший воспитатель великого князя Кеппен, и я ему пересказал этот разговор, прибавив, что если великий князь желает видеть Поливанова на моем месте, то мог бы не говорить мне это в лицо. Вследствие этого, великий князь 17 июня написал мне очень любезное письмо, в котором выразил сожаление по поводу происшедшего недоразумения; оказалось, что он еще собирается созвать под предводительством Поливанова комиссию, в которой Поливанов будет иметь большой авторитет, будучи временно управляющим Министерством. 19 июня я был зван к великому князю к завтраку, перед которым мы очень дружно объяснились, гуляя по парку.

В обстановке докладов у государя произошла небольшая перемена: несмотря на жару, Палицын и я ездили с докладами в сюртуках; китель был разрешен, но мы оба считали, что защитный китель — скорее домашний костюм, тогда как с докладом надо являться *plus habillé**. 19 июня государь спросил Палицына, почему мы не приезжаем в кителях, и предложил впредь одевать их в жару.

Впервые мне в этом году пришлось познакомиться с графом Воронцовым-Дашковым, наместником на Кавказе. В мае тот приехал в Петербург и мне пришлось иметь с ним две-три деловые беседы. Он произвел на меня отличное впечатление: очень умный, он обладал обширной памятью и был чрезвычайно приятен в обращении. Он, между прочим, ходатайствовал о производстве полковника Нейгебауера в генерал-майоры, хотя тот еще не имел права на производство. Я ему сказал, что не

* Более одетым (фр.) (Сост.).

могу согласиться на изъятие и, если дело попадет в мои руки, то отказ обеспечен, но посоветовал ему лично попросить государя. Если тот согласится, то я преклонюсь перед исключительной царской милостью, которая не может служить прецедентом для других домогательств. Он так и сделал. При следующем моем докладе государь мне передал доклад графа о Нейгебауре; я сказал, что «доклад представлен по моему совету, так как я должен был бы возражать против производства, а между тем Ваше Величество, может быть, пожелает это сделать для наместника?» Государь написал: «Согласен», и Нейгебаур был произведен в изъятие из правил.

Во время маневров 3 августа я от болгарского дипломатического агента, генерала Паприкова, получил приглашение прибыть в Софию к 30 августа на открытие памятников и музея в память войны 1877—78 гг. Побывать вновь в Болгарии мне конечно было весьма интересно, но поездка туда расстраивала бы все мои планы относительно лечения и мне пришлось от нее отказаться. Во главе депутации, посылавшейся в Софию должен был ехать великий князь Владимир Александрович; с ним я, во всяком случае, не хотел ехать, так как не мог забыть сцены 12 декабря 1906 года, хотя он после того всегда бывал любезен со мною*.

С начала года до моего отъезда за границу 19 августа у меня был 51 личный доклад у государя: 31 — в Царском Се-

---

* Впоследствии я узнал, что великий князь очень хорошего мнения обо мне. Иван Васильевич 24 августа писал нам в Контрексвиль, что он был у княжны, знакомой ему по Чите; княжна часто бывала при дворе великого князя и рассказывала ему про большой обед, бывший у великого князя — И. В. нам об этом писал так: «Во время обеда был оживленный разговор по поводу свадьбы, много говорили обо мне и о тебе; суждения были осторожны, но ясно проглядывало, что говорят, что дочь генерала красная, была своего рода революционеркой, устраивала митинги; я, говорит, княжна, кричала на весь стол, что это клевета и неправда, что я знаю обоих, с дочерью виделась ежедневно в течение десяти месяцев и на нее просто клеветали, а о действиях генерала судят совершенно превратно, не зная, в какой он был обстановке. Разговор этот закончил, как говорит княжна, великий князь Владимир Александрович, сказав: «А я вот что скажу: генерал Редигер такой честный, прямой и справедливый человек, что он никогда не позволил бы себе жениться на девушке, как бы не полюбил ее, если бы она была похожа на революционерку или ее отец был бы политически ненадежен; значит, в отношении генерала поступили неладно» Такой отзыв великого князя обо мне был для меня совершенной неожиданностью.

ле, 18 — в Петергофе и два — во время маневров в Красном и в Ропше; на разных парадах и смотрах мне пришлось быть 25 раз (15 — в Царском, 9 — в Петергофе и один раз — в Гатчине), причем, однако, 4 были в дни моих докладов; затем, в Царское еще приходилось выезжать еще 4 раза: на совещание у государя 1 февраля, на высочайшие выходы на Пасху и на 6 мая и на высочайший обед 8 апреля. Таким образом, я всего выезжал за город к государю 74 раза*, а с 30 июля по 9 августа был при нем в Красном Селе и Ропше. Совет обороны провел 18 заседаний, из них два — в Красном Селе, а Высшая аттестационная комиссия — 12 заседаний (одно в Красном Селе); в Совете министров я бывал 10 раз и на дипломатических совещаниях у Извольского — два раза, в Государственной Думе — 6 раз и в Государственном Совете — 3 раза; всего я был на 51 заседании. Из 230 дней с начала года, я 11 дней был в лагере и на маневрах, а в остальные 219 дней было 126 отвлечений от прямого дела, или по 4 в неделю. К этому еще надо добавить обязательные обеды: два — во французском и один — в персидском посольствах, два — в честь генерала Брена, инвалидный и благотворительные концерты и проч.

В Военном совете мне удалось быть на 18 заседаниях и еще на двух заседаниях Особого совещания о военных расходах.

В военно-учебные заведения я почти не попадал и только в январе был в Кавалерийском училище и в Николаевском и Александровском кадетских корпусах.

Если к этой массе разъездов и заседаний добавить мои поездки к Холщевниковым, то станет понятным то напряжение, в котором приходилось вести обычную работу, все перерывы которой заполнялись писанием писем к О. И.; понятно также, до чего я устал от такой жизни и мечтал об отдыхе.

Для собственного удовольствия, чтобы подышать воздухом, я совершил лишь одну поездку на моторе с племянником Сашей в Сестрорецк 8 июня. Дорога до Белоострова была сносной, а оттуда — отвратительной, так что мы ехали туда два с половиной часа, погуляли четверть часа и затем поспешили вернуться через Белоостров по железной дороге.

При моем назначении министром я, по просьбе фотографа Здобнова, снимался у него; все его снимки оказались плохими,

* Один раз я еще выезжал в Гатчину, к императрице.

но я больше не снимался, не имея в этом особой надобности, а также и потому, что при возможных покушениях было даже выгодно, если в продаже не было карточек, похожих на меня*. По желанию О. И. я в июне снимался у Буссонна, в защитном кителе.

Мой двоюродный брат, Густав Шульман, обратился ко мне с просьбой заступиться за него перед министром путей сообщения генералом Шауфусом: он уже давно был помощником начальника службы пути на Варшавской железной дороге; освободилась должность начальника этой службы и кузен желал ее получить, а между тем узнал, что Шауфус на это не согласен. Я очень осторожно спросил у Шауфуса, может ли Густав получить эту должность? Тот мне сказал, что он высокого мнения о Густаве, но у него большой недостаток для начальника: он слишком мягок и не может заставить подчиненных работать, а потому у него дело не пойдет. Тем не менее, Густав был назначен на эту должность и оставался на ней до смерти, даже после присоединения к Варшавской железной дороге других линий, образовавших с нею группу Северо-Западных железных дорог. Это дело вновь сблизило меня с Густавом, который стал бывать у меня.

День нашей свадьбы, воскресенье 19 августа, приближался. То, о чем мы с О. И. так давно мечтали, что сначала казалось неосуществимым, а затем ужасно далеким, постепенно приближалось все более и более, чтобы наконец осуществиться! Бывшие тогда тяжелые времена оказали свое влияние на обстановку свадьбы: после недавнего покушения на меня надо было остерегаться нового покушения при проезде в церковь и обратно или при отъезде за границу, а потому день свадьбы держался возможно долее в секрете и заранее был сообщен только родным. Пригласительные билеты я заказал только 10 августа; 14 августа они были получены, а рассылка их состоялась лишь дня за два до свадьбы. Кроме родных и хороших знакомых, они

---

* После первых наших встреч с О. И. ей случилось зайти к Здобнову, чтобы заказать ему карточки своей матери, снимавшейся у него же до отъезда за границу. Там она увидела мой портрет и заказала себе маленькую карточку с него, которую и стала носить в своих часах. Она для меня снялась в начале года в малом формате и вставила карточку в медальон, который подарила мне на Пасху, 21 апреля. Медальон этот я с тех пор ношу на шее. На нем изображены даты наших встреч в 1906 году и подпись «Мимоза» — как я ее звал тогда.

были посланы всем начальникам главных управлений и одному генерал-инспектору — Остроградскому. Ради осторожности, я поехал за границу не в особом вагоне, который пришлось бы заказывать заранее, а в общем спальном вагоне, в котором два смежных купе были взяты на имя фельдъегеря Тургенева. Затруднение представляло найти мальчика для несения образа; на счастье, накануне свадьбы вернулась из-за границы жена Сергея Шульмана с сыном Львом, который тотчас был приглашен на эту роль.

В субботу, 18 августа, был мой последний доклад у государя; он меня спросил, когда и где будет моя свадьба, и пожелал мне поправиться и найти душевный покой; явился я и императрице Александре Федоровне. Вечером я был сначала у брата, а затем от половины двенадцатого до часа у И. В.; там был Н. Н. Киселев (дядя Коля), который всех смешил, так что вечер прошел на редкость весело.

Все утро 19 августа прошло у меня в укладке вещей и в уборке кабинета*. В начале шестого приехал брат с сестрой Лизой и благословил меня иконой; они были моими посаженными родителями. Без четверти шесть мы поехали в церковь протопресвитера военного и морского духовенства, где венчание должно было состояться в шесть часов, но, по обычаю, невеста опоздала и приехала с отцом только в половине седьмого. Шаферами у меня были племянники Виктор и Саша, а у О. И. — ее брат Володя и полковник Тыртов, старый ее знакомый.

Приглашения мы послали 104 лицам; но, ввиду поздней их рассылки, лица, жившие вне Петербурга, не могли приехать на свадьбу, поэтому на ней было всего 46 человек**. Венчал нас

---

* В это утро состоялось освящение храма Воскресения на месте убиения императора Александра II; государь приехал на это торжество в Петербург, где он не бывал со времени открытия Первой Думы, то есть полтора года.

** А именно: брат с женой, сестра Лиза с Теей и Виктором, И. В., Володя, Бюрние, тетя Наташа с Левой, Н. Н. Киселев, Сергей и Густав Шульман, Саша Иванов, Н. Ф. Александров (из Вильны), М. А. Александров с женой, князь Андроников, Березовский с женой, Газенкамф, В. В. Гершельман с женой, Гулевич с женой, В. М. Мамчин, генерал Никитин с женой, дочерью и сыном, Мышлаевский (как товарищ И. В.), Перре, сенатор Пушкин и Тыртов; Остроградский, Поливанов, Эверт, Вернандер, Евдокимов, Рыльке, Данилов, Данилевский, Чебыкин, Каменев, Зотимов и Тургенев.

протопресвитер отец Александр Желобовский. Для того, чтобы в церковь не попали посторонние лица, на лестнице стоял Зотимов со списком приглашенных*.

После венчания все приглашенные лица приехали к нам на Кирочную, где были поданы шампанское, конфеты и фрукты**. Гости скоро разъехались; остались только родные, для которых был подан холодный обед. О. И. переделалась в дорожный костюм, в десятом часу поезд отошел, и, наконец, я был наедине с молодой женой.

Утром мы завтракали в Вильне, в вагоне, и там зашла к нам М. А. Александрова с дочерью. В Эйдкунене пограничный комиссар просил нас дать ему свои автографы и при этом оказалось, что жена не знала, как пишется по-немецки ее фамилия. Там же мы встретились с генерал-адъютантом Даниловым (командиром Гвардейского корпуса), которого О. И. знала по дальнему Востоку; оказалось он едет в нашем же вагоне.

В Берлин мы приехали 21 августа в шесть часов утра и остановились в «Savoy-hotel». Ни я, ни О. И. не любили этого города и торопились дальше, а потому мы на следующий день двинулись дальше в Vaveu***, чтобы навестить могилу матери О. И., похороненной там в ноябре 1905 года. 23 августа мы приехали туда и остановились в том же Hotel des Alpes, где О. И. жила с матерью в 1905 году.

В Vaveu мы пробыли трое суток, распорядились посадкой на могиле цветов и через Базель (где мы ночевали) поехали в Контрексвиль, куда прибыли 26-го; там мы получили в Etablissement**** номер из спальни, уборной и гостиной, но с оговоркой, что 7 сентября, с закрытием сезона, отель закроется, и мы должны будем переехать в другой. Я вновь обратился к тому же доктору Бурсие, который лечил меня в 1901 году. Он нашел, что мне нужно пройти курс лечения, но что у меня даже почки в лучшем виде, чем они были шесть лет тому на-

* Лишь два года спустя брат мне рассказывал, что будто бы за отсутствием Е. Г. Гарфа в церковь приехали его дочери, которых не впустили, так как они не были приглашены; добавлялось, что меня спрашивали — впускать ли их или нет, и мол я отказал, поэтому Гарфы на меня в претензии. Я уже не имел случая узнать была ли доля правды в этом рассказе.

** Устройством угощения вновь распорядился Каменев.

*** Вавей (Ве́ве) (Сост.).

**** Распоряжение (фр.) (Сост.).

зад. Дозу воды он еще увеличил, добавив к шести стаканам утром еще один стакан днем. С закрытием сезона Бурсие уехал, оставив мне указания относительно дальнейшего водопоя, купание в Висбадене он признавал ненужным.

Сам водопой был довольно неприятен: утром было свежо, а пить приходилось шесть больших стаканов воды, согреваясь прогулкой по жалкому парку, пациентов было мало, а под конец их было, по-видимому, лишь несколько десятков. Выпив свою воду, я возвращался домой, где жена только что вставала. Вместе мы шли завтракать и затем ходили гулять; для наших прогулок было хорошо, что народу было уже мало — в парке и на всех прогулках мы не встречали почти никого. С закрытием Etablissement мы перешли в более скромный Hotel «Hartmand», не закрывающийся зимой. 1 сентября мы сделали интересную экскурсию на моторе в Домреми, на родину Жанны д'Арк, где осмотрели ее дом и церковь у ее памятника, и несколько мелких экскурсий. Пребывание в Контрексвиле было, в общем, весьма симпатично: мы были одни, у нас там не было знакомых, и мы чувствовали себе вполне свободными.

15 сентября я закончил питье вод, и на следующее утро мы выехали в Париж, где жене надо было заказывать себе туалеты. В Париже в Hôtel Continental мы провели пять дней, всецело посвященных туалетам: у портнихи Рауднитц были заказаны костюм и платье для представления ко Двору, затем покупались шляпа к этому платью и всякая мелочь; к нашему отъезду из Парижа был готов лишь костюм, а платье обещали выслать через несколько дней в Висбаден. Накануне нашего отъезда в Париж прибыл князь Андроников, остановившийся в том же отеле, так что мы с ним встретились. 21 сентября мы выехали из Парижа и 22-го были в Висбадене.

В Висбадене мы нашли себе недурные две комнаты во второклассном отеле Kaiserbad*. По указанию хозяина я обратился к доктору Зельфельду, который нашел мои почки в порядке и заявил, что ванны мне не нужны, но полезны, и посоветовал взять десять ванн, а потом ехать на юг, в Лугано. Мы так и сделали. Погода в Висбадене была дождливая и свежая, поэтому мы были рады ехать на юг. В Висбадене мы пробыли одиннадцать дней и 3 октября направились в Лугано. Обещан-

* Царская баня (купание) (нем.) (Сост.).

ного платья от Рауднитц мы не получили и пришлось телеграфировать, чтобы его выслали в Петербург.

В Лугано мы остановились в уже знакомом мне «Hotel Europa». Погода и там была дождливая, но было теплее, и мы довольно много гуляли и ездили по окрестностям. Мы пробыли там полторы недели, а затем уже надо было возвращаться домой. В Берлине мы пробыли два дня и видели там племянника Сашу, командированного за границу с научной целью. На пути в Петербург меня встретил в Вержболове фельдъегерь Тургенев с военным платьем и отдельным вагоном. В Гатчине нас встретил князь Андроников с кучей новостей; вечером 18 октября мы приехали в Петербург, где нас встретили родные и несколько друзей.

Наше свадебное путешествие окончилось. Оно было неудачно в двух отношениях: половину времени приходилось заниматься лечением и время было осеннее, мало приветливое! Воспоминанием о нашей поездке служат многочисленные, снятые нами фотографии, мало интересные для других, но дорогие для нас.

Во время поездки мы вели усердную переписку с И. В., сообщая ему о всех деталях нашей заграничной жизни. И. В. нам писал реже, не признавая коротких писем, и всегда писал «продолговатые», по 16—28 страниц, а писание каждого такого письма являлось своего рода предприятием. Из его сердечных писем к нам у меня сохранилось четыре, в которых он нам сообщал также о тех разговорах, которые вызвала наша свадьба, возбудившая всеобщий интерес, а равно о ходившем тогда слухе, будто я буду назначен послом в Берлин. Очевидно, были и другие слухи о моем уходе, причем моими преемниками называли Поливанова, Гершельмана, Рауха, Субботича и других.

19 октября я вновь вступил в должность, а на следующий день был с докладом у государя и представился императрице, и служебная деятельность пошла прежним чередом.

На первых же порах произошло нечто довольно странное. Товарищ министра путей сообщения генерал Вендрих представил государю доклад о том, что для упорядочения службы на железных дорогах личный состав дорог должен быть милитаризован и подчинен ему, а он сам — должен быть членом Совета государственной обороны; государь этот доклад утвердил, после чего Вендрих сообщил мне. Внутренние распоряжения

по Министерству путей сообщения меня не касались, но назначение Вендриха в Совет обороны было равносильно добавлению мне еще одной няньки, да при том вовсе не компетентной. Я поэтому, при следующем же личном докладе, 23 октября, доложил государю, что назначение Вендриха членом Совета представляется невозможным, и он согласился отменить его. По возвращении с доклада в город, я прямо проехал на Елагин остров, на происходившее там заседание Совета министров, где как раз обсуждался доклад Вендриха. Весь Совет и, в частности, министр путей сообщения генерал Шауфус были весьма смущены этим докладом, представленным и утвержденным помимо них. Я тут же сообщил о своем протесте и его результате. Не знаю каким образом, но вскоре вся затея Вендриха была сведена на нет.

В конце октября я заехал к великому князю Николаю Николаевичу и сказал ему, что настоятельно нужно скорее выработать план новой организации армии, чтобы уяснить себе размер предстоявших расходов. Мне предстояло просить Думу о новых кредитах на увеличение содержания офицерам и меня могли спросить о других потребных расходах; я не мог на это отвечать, что они не выяснены, так как Палицын еще не успел спроектировать новую организацию армии! 19 ноября великий князь позвал к обеду меня, Палицына и Гулевича. После обеда состоялась беседа, в которой я указал, что, по моему мнению, организация должна быть упрощена и необходимо создать недостающие части специальных родов оружия, но при этом численность армии не только нельзя увеличивать, но даже желательно ее сократить примерно на сто тысяч человек, дабы иметь армию благоустроенную, с должным числом офицеров и надлежащим снабжением. Палицын не возражал и взялся выработать такой план. Скажу здесь же, что из его работы ничего не вышло; он ее закончил, помнится, к весне следующего года, причем по его плану численность армии надо было увеличить на сто тысяч человек. Когда же я ему сказал о невыполнимости плана, он ответил, что сообщил мне то, что находит желательным, а от меня зависит внести нужные сокращения! План, значит, надо было переделывать, а органы для такой работы были у Палицына! Переделанный план, конечно, должен был быть хуже, чем план Палицына, но все его недостатки можно было бы относить лишь к моей вине, а отнюдь не к его.

1 ноября состоялось открытие заседаний Государственной Думы и Государственного Совета.

Третья Дума¹² проявила чрезвычайный интерес к вопросам государственной обороны и образовала у себя Особую комиссию государственной обороны под председательством А. И. Гучкова. Эта Комиссия имела весьма обстоятельные сведения о состоянии различных частей военного и морского ведомств и поставила себе целью добиться устранения существовавших недостатков и злоупотреблений.

Гучков просил меня принять часть членов Комиссии для беседы о состоянии и нуждах военного ведомства. Я их пригласил к себе на вечер 8 декабря, причем просил о том, чтобы Гучков привел с собою лишь таких сочленов, при которых я могу говорить откровенно, не опасаясь оглашения сказанного. Пришло человек десять-двенадцать (Гучков, Хвоцинский, Плевако, Бобринский, Безак, Шервашидзе и еще кто-то); со своей стороны я пригласил Поливанова и Забелина. Я изложил вполне откровенно все дефекты военного ведомства и сказал им, что по ведомости, обнимающей потребности и более или менее обоснованные пожелания наши, нам нужно около двух миллиардов рублей. Беседа эта продолжалась около двух часов. Тогда же я дал общее указание по всем частям Министерства: членам Государственного Совета и Думы давать все несекретные сведения, о которых они будут просить. Благодаря такому отношению к членам Думы, я приобрел их доверие, и Третья Дума широко шла навстречу всем нуждам военного ведомства. Комиссия государственной обороны очень тщательно изучала все наши представления, но убедившись в их основательности, принимала их, а этим предрешалось и утверждение их Думой; если нужны были секретные объяснения, то они давались Гучкову или двум-трем делегатам комиссии, которые затем удостоверяли перед комиссией, что полученные ими объяснения их вполне убедили. В общем, комиссия являлась очень строгим и требовательным критиком, но вместе с тем относилась крайне доброжелательно ко всем доказанным ей нуждам армии.

В Государственном Совете отношение к армии и ее нуждам было самое сочувственное, поэтому принятие наших ходатайств можно было считать обеспеченным. Таким образом, отношения к законодательным учреждениям установились вполне благо-

приятные для дела. Их критика бывала часто неприятной, их желание изучить детали дела задавало нам много работы, но они относились вполне сочувственно к нуждам армии и готовы были на всякие новые ассигнования, лишь бы восстановить ее боеспособность. Препятствием же в этом отношении являлся Совет министров, по инициативе министра финансов. Как я сам, так и мои сотрудники по Министерству весьма часто ставились в неловкое положение, когда в Комиссии государственной обороны нас упрекали в том, что мы не принимаем мер к устранению такого недостатка. Обыкновенно оказывалось, что мы сами просили о нужных на то средствах, но Совет министров в них отказал; по требованию же Совета, мы об этом должны были умалчивать, ввиду «солидарности Министерства», которая однако у нас существовала только на бумаге! Получалось очень невыгодное для Министерства положение, точно оно менее осведомлено о нуждах армии или менее о них заботится, чем члены комиссии; а между тем, они свои сведения и доводы черпали, по большей части, из наших же представлений, отвергнутых Советом министров. Такой маневр, не очень то добросовестный, но выгодный для членов комиссии, был возможен лишь вследствие обязательного для чинов Министерства молчания.

Морское министерство в отношении Думы заняло иную позицию; оно утверждало, что во флоте все обстоит благополучно, не находило нужным вводить в нем какие-либо реформы и лишь требовало средства на постройку нового флота взамен погибшего под Цусимой. Морской министр Диков относился к Думе вполне отрицательно и почти никогда не бывал в ней. Вследствие этого, отношение Думы к флоту стало вполне враждебным. Она находила, что нам нужен флот, но флот боеспособный, а не бутафорский, притом благоустроенный и дисциплинированный, без массы ненужных учреждений и чинов, без тех громадных хищений, которые в то время практиковались во флоте. Поддерживать же, а тем более развивать флот прежнего характера, она признавала ненужным и вредным, а потому в течение ряда лет Дума систематически урезывала кредиты на флот. Мне пришлось ознакомиться с флотом лишь позднее, в конце 1910 года, и я пришел к убеждению, что Дума была права.

Я считал и считаю, что в отношении Думы стал в правильное положение, а Диков (и его преемник Воеводский) были

неправы. Различие наших отношений к Думе лучше всего свидетельствует об отсутствии солидарности среди членов Совета министров; ни Диков, ни я, не получили в этом отношении каких-либо указаний ни от Совета, ни от государя, а действовали по личному усмотрению. Скажу здесь же, что образ действий Дикова был государю более симпатичен, чем мой, и что мои хорошие отношения с Думой вскоре навлекли на меня подозрения, будто я ищу ее поддержки и уже не являюсь вполне надежным и преданным слугой государя!

В течение лета 1907 года комиссия, образованная при Совете государственной обороны, рассматривала проект положения о генерал-инспекторах. Уже прошло более двух лет со времени учреждения этих должностей, причем было установлено, что они подчиняются непосредственно государю, и за это время между ними и мною не произошло ни одного недоразумения, за исключением разве того, что Зарубаев упорно меня игнорировал. Все же решено было, наконец, определить точно функции и права генерал-инспекторов и с этой целью рассмотреть проект положения, составленный по поручению великого князя Сергея Михайловича. По этому проекту все генерал-инспекторы при осмотре ими войск сами отдавали приказания для устранения значительных неустройств и затем доносили государю обо всем, ими виденном. Проект этот отвечал общим предуждениям государя; комиссия для его рассмотрения была назначена под председательством Газенкампфа. Эверту, который был членом комиссии, я лишь дал указание: настаивать на внесении положения о том, что генерал-инспекторы обязаны сообщать военному министру, куда они едут для инспекции.

Комиссия исполнила работу в течение лета; в ней было много голосов против самостоятельности генерал-инспекторов, но Газенкампф правильно устранял все возражения в этом отношении указанием на то, что общие основания уже утверждены государем и обсуждению комиссии не подлежат. Поэтому комиссия внесла в проект лишь некоторые частные изменения.

Совет государственной обороны приступил к обсуждению проекта 28 ноября. Я заявил*, что проект имеет большое значение, так как от решения вопроса в том или ином смысле зависит характер военного управления и положение военного ми-

---

* Конспект моего заявления у меня сохранился.

нистра; вопрос об издании положения о генерал-инспекторах возбужден не мною, но так как он поставлен на очередь, то его надо обсудить полностью и вполне откровенно. За два с половиной года, со времени разделения Военного министерства, у меня не было никаких трений ни с начальником Генерального штаба, ни с генерал-инспекторами, так как дело шло по традиции и все заботились именно о деле, а не занимались препирательствами.

В военном ведомстве нет места ни двоевластию, ни многовластию, ни в центре, ни на местах; это особенно важно ввиду того, что военный министр должен давать ответ не только перед государем, но и перед законодательными учреждениями: какой же он может дать ответ за части, ему не подведомые? Такого ответа от него даже могут не принять! Поэтому не только не желательно новым законом закреплять и даже усугублять разделение Министерства, а наоборот, желательно известное хотя бы внешнее его объединение. Я полагал, что генерал-инспекторы, оставаясь в непосредственном подчинении государю, должны быть поставлены в известную зависимость от министра, наравне с командующими войсками в округах; при этом они могут иметь личный доклад у его величества, но без права испрошения высочайших повелений.

Единство управления должно быть и на местах: командующие войсками несут ответственность за свои войска, а потому их авторитет нельзя колебать. Генерал-инспекторы, суть эксперты, повторяющие обучение; о замеченном они должны лишь докладывать командующим войсками и министру, от которых должны исходить все нужные распоряжения. Как в центре, так и на местах, надо проводить принцип, что те, кто работают и несут ответственность, должны пользоваться доверием и властью.

По существу возражений против моего заявления не было, но великий князь Николай Николаевич сказал, что мы не можем уклоняться от высочайших указаний; при произведенном голосовании, голоса разделились поровну — за автономию генерал-инспекторов и за подчинение их министру. Тогда, по предложению председателя, стали рассматривать статьи положения, чтобы выяснить, какие из них можно принять при условии автономии, и большинство их пришлось исключить, чтобы не создавать двоевластия; роль генерал-инспекторов при этом силь-

но суживалась, и они вне времени инспекции обрекались на полную бездеятельность. Поэтому, когда мы на четвертом заседании закончили рассмотрение статей и на обсуждение вновь был поставлен принципиальный вопрос: подчинять ли генерал-инспекторов министру или нет, они сами единогласно высказались за подчинение; против этого голосовали лишь председатель и три или четыре послушных ему члена. Для примирения мнений я вновь предложил приравнять их к командующим войсками, и это предложение было принято. Таким образом, новое дробление власти в военном ведомстве удалось предупредить.

Во время бывших прений произошло несколько любопытных инцидентов.

Раньше всего оказалось, что великий князь Николай Николаевич не знал взаимных отношений министра и командующих войсками, и когда я предложил приравнять к последним генерал-инспекторов, спросил меня: «А каково же будет положение министра? Ведь должность командующего войсками самая высокая в военном ведомстве!» Я ответил, что военный министр стоит выше, что командующие войсками пишут ему рапорты, да и главнокомандующие Петербургским военным округом (и он сам), вероятно, потому пишут министру рескрипты, чтобы не писать ему рапортов. Министр среди командующих войсками есть первый между равными*.

Затем великий князь меня спросил: а что же делать генерал-инспектору, если в каком-либо округе его указания не исполняются? Я ответил, что не вполне представляю себе того командующего войсками, который отказался бы исполнять мое требование; если такой все же нашелся, то я его спросил бы, желает ли он и дальше командовать войсками? Этот ответ оказался убедительным.

Наконец, инцидент более серьезный произошел с Зарубаевым, на первом же заседании. Когда мы дошли до внешней по моему требованию статьи о том, чтобы генерал-инспекторы сообщали министру, когда и куда они едут инспектировать, то председатель мне сказал, что это статья

---

* Великий князь приказал добыть ему историческую справку: действительно ли он должен писать мне рапорт? Оказалось, что лет сорок тому назад было высочайшее повеление, чтобы главнокомандующий писал министру не рапорты, а отзывы; вскоре я по какому-то делу получил от него отзыв вместо обычного рескрипта.

излишняя: он сам был десять лет генерал-инспектором и всегда сообщал министру о своих поездках, хотя в законе об этом и не было сказано, но этого требует такт и простое приличие! Я заявил, что все же настаиваю на сохранении статьи, так как в этом году один из генерал-инспекторов ездил два раза в отдельные округа, не предупреждая меня об этом, и я до сих пор не знаю, что он там видел. Вопрос этот имеет для министра значение и с бюджетной точки зрения: разъезды этого генерал-инспектора стоили 25000 рублей*; если и другие будут также разъезжать и рассылать своих чинов, то получится расход, имеющий значение для бюджета, за который ведь отвечает министр! Статья была оставлена в положении. Зарубаев во время этого разговора упорно молчал.

Через день, 30 ноября, ко мне заехал великий князь Николай Николаевич сказать, что Зарубаев обиделся на мои слова, так как видит в них намек, будто он хочет нажиться на прогонах, а поэтому хочет подать в отставку. Великий князь полагал, что я этого вовсе не имел в виду и Зарубаева можно было бы успокоить, но я заявил, что именно имел в виду, что Зарубаев ездит не для дела, а только для получения прогонов, так что, если это будет продолжаться, надо будет доложить государю о его несоответствии! Для великого князя это было вполне неожиданно, и он решил предоставить Зарубаеву делать, что он хочет.

На следующий день, 1 декабря, я был с докладом у государя. По окончании доклада я спросил, был ли у него Зарубаев? Оказалось, что не был. Я передал все, что произошло в Совете и мой разговор с великим князем. Государь спросил, как же поступить дальше? Я сказал, что надо предоставить Зарубаеву делать то, что он хочет — уходить или оставаться; в последнем случае он, несомненно, будет помнить данный ему урок. Государь с этим согласился. Зарубаев же молчал и оставался в должности.

Вскоре после того, 28 декабря, по моему настоянию у Коковцова собралось совещание; он пригласил к себе госу-

---

* У меня была с собою справка о расходах всех четырех генерал-инспекций на прогоны в 1907 году; великий князь Петр Николаевич, а за ним и другие генерал-инспекторы, очень заинтересовались размерами произведенных ими расходов.

дарственного контролера и меня для того, чтобы договориться по двум моим делам, по которым ни переписка, ни совещания наших подчиненных не приводили к соглашению: о сокращении числа денщиков и об изменении путевого довольствия. По первому вопросу мне довольно легко удалось убедить обоих своих противников, но по второму споры были долгие. Мои оппоненты ничего не возражали против справедливости моего проекта, но говорили, что путевое довольствие, производимое на предложенных мною основаниях, будет обходиться дороже прежнего. Доказать им противное я не мог, так как это доказательство мог дать лишь опыт; но я заявил, что все же должен настаивать на своем проекте, если не ради экономии, то ради чистоты рук, и привел им примеры злоупотреблений прогонами со стороны генералов Квицинского, Федорова и Зарубаева. Этот довод подействовал, и я добился согласия на введение нового положения в виде опыта на два года, но со значительным уменьшением суточных. Для выяснения относительного размера расходов по старому положению и по новому Интендантство, отпуская по новому положению, должно было вести особый счет, сколько оно должно было бы отпустить по старому.

Опыт этот закончился, когда я уже не был министром, причем оказалось, что разницы в расходах не было; но мой преемник, тем не менее, вернулся к прежнему закону, который давал ему возможность получать несколько десятков тысяч прогонных денег в год. Я за время управления Министерством не получал ни одного рубля прогонов, так как уезжал из Петербурга только в отпуск; в остальное же время считал своим долгом работать в Министерстве; если же надо было что-либо осмотреть, то это я поручал другим, более сведущим, чем я.

В ноябре шли заседания Верховного военно-уголовного суда по делу Стесселя¹³. Они проходили в зале Собрания армии и флота; я лишь раз, 30 ноября, был на заседании и никакого участия в этом деле не принимал. Я сожалел, что суд, приговорив Стесселя к смерти, ходатайствовал о смягчении наказания: оно и без того ходатайства было бы, конечно, смягчено государем. По крайней мере суд, в назидание будущим комендантам крепостей, показал бы, что они действительно должны отвечать головой за неправильную сдачу крепости!

В конце года стало беспокойно на Ближнем Востоке. В Персии пошли внутренние беспорядки, в которых был убит один русский подданный, Аскеров, и Министерство иностранных дел просило выставить для угрозы два отряда — у Тавриза и Ардебиля. Я на это не согласился, так как предвидел, что это втянет наши войска в Персию, а конца этой новой авантюры нельзя было предвидеть.

Относительно Турции Палицын тоже говорил мне, что он от наших агентов из Министерства иностранных дел получает тревожные сведения о происходящей в Малой Азии мобилизации войск*; наконец, 27 декабря, он, зайдя ко мне, сказал, что Турция предполагает вторгнуться в Персию, из-за чего у нас могут возникнуть серьезные осложнения с Турцией. Это было первое серьезное предупреждение о надвигавшейся опасности, так как он не делился со мною сведениями, которые получал из-за границы. На возможность столкновения с Турцией он смотрел не только спокойно, но даже весело, говоря, что после неудачной войны с Японией, нам надо поднять наш военный престиж, а для этого предоставится удобный случай при войне с Турцией. Я ему заявил, что смотрю на дело иначе, так как мы не готовы даже к такой войне, и считаю ее нежелательной, так как она задержит общее упорядочение и снабжение всей армии. Во всяком случае, я должен знать, чего нам ждать от Турции, и прошу его сообщать мне все получаемые им по этому поводу сведения, и если они не будут вполне успокоительными, то нам надо будет принять подготовительные меры на Кавказе. Изложение дальнейшего хода этого дела относится уже к 1908 году.

В ноябре прежним гусарским и уланским полкам (обращенным при Александре III в драгунские) были возвращены их прежние названия и формы. Это было предрешено государем еще весной, но я затормозил дело заявлением о том, что раньше всего надо улучшить форму пехоты, как наименее приглядную, да и драгунам тоже надо украсить форму, чтобы они не были какими-то «париями» в кавалерии. Для пехоты была тогда принята форма, которая уже

---

* Впоследствии он мне писал, что еще 14 ноября обращался к министру иностранных дел по заботившему его вопросу.

предлагалась государю, но он ее тогда отклонил: мундир с талией и двумя рядами пуговиц, расходящимися кверху; гусарам, уланам и Гвардии вернули их прежние мундиры. Затруднение представляли головные уборы: касок государь не хотел, а ничего другого, подходящего к мундирам, в виду не было. Лейб-драгуны на полковом празднике представили государю образец своего обмундирования при Александре I, с головным убором в виде кивера, и государь решил дать всей армии кивера. Форму киверов, а равно и вопрос о полковых цветах в кавалерии взялся разработать великий князь Петр Николаевич, который всю эту зиму часто ездил в Царское и докладывал государю в моем присутствии свои предположения. Этим и ограничивалось мое участие в этом деле. Вся армия была крайне заинтересована новой формой, и, когда объявление ее описания затянулось, я даже стал получать ругательные письма, конечно, анонимные. Вѣрхом гадости в этом отношении было анонимное письмо гусарского офицера, который грозил мне смертью, если армейские гусарские полки действительно получат меховые шапки не прямые, а в виде бочонка! Замечу при этом, что такая форма была предписана государем (по немецкому образцу), нарисовавшим мне схематический чертеж такой шапки*.

На 6 декабря я получил, составленный в Главном штабе по моим же указаниям, рескрипт от государя об увеличении содержания строевым офицерам с 1909 года: мне предписывалось разработать соображения и испросить нужные средства. Рескрипт этот должен был обнадежить офицеров и доказать им, что государь о них заботится; его изданию предшествовали долгие переговоры с Коковцовым, в которых мне помогал великий князь Николай Николаевич.

---

* Анонимные угрозы смертью, вообще, были тогда в моде; такую угрозу я, например, получил, когда стало известно, что я провожу закон об усиленных пенсиях — автор возмущался, что неспособные генералы будут получать столько денег!

ГЛАВА ДЕСЯТАЯ

1908 год. — Военный бюджет на 1909 год. —
И. И. Воронцов-Дашков. — Предложение американцев. —
Новые слухи о покушении. — Обострение отношений с
Турцией. — Утверждение Думой кредитов для армии. —
Приезд в Петербург князя Николая Черногорского. —
Собрание командующих войсками европейских округов. —
Представление молодой жены императрице. — Обсуждение
в Думе и Госсовете вопросов о постройке Амурской желез-
ной дороги. — Гучков против великих князей. —
Отстранение от должности председателя Совета
гособороны. — Новый начальник Генерального штаба
В. А. Сухомлинов. — Назначение профессора
А. Э. Мышлаевского начальником Главного штаба. —
Упорядочение организации армии после войны

Наступивший 1908 год был последним годом действия предельного бюджета и с начала этого года надо было приступить к составлению на общих основаниях сметы на 1909 год. При предельном бюджете цифру расходов, вносимых в смету, можно было уменьшить с целью свести этот бюджет без дефицита в назначенной для него сумме, так как Военное министерство могло дополнять недостающие ассигнования из поступивших в его распоряжение остатков от прежних смет. Впредь оно уже не должно было получать таких остатков, а потому в смету надо было вносить полностью все предстоявшие расходы. Одно это обстоятельство приводило к увеличению сметы (без увеличения действительных расходов) миллионов на пятнадцать; но сверх того, масса нужд армии требовала удовлетворения и надо было соста-

вить хотя бы примерный план постепенного их удовлетворения, а для этого хотелось бы, хоть приблизительно, знать, на какие ассигнования мы могли рассчитывать в ближайшие годы. Я просил Коковцова о беседе на эту тему с приглашением на нее также Поливанова, которому поручил руководство составлением расчетов по расходам на новые мероприятия. Коковцов, вследствие этого, пригласил нас обоих к себе завтракать 17 декабря; после завтрака состоялась деловая беседа. Коковцов сказал, что ежегодно доходы казны возрастают в среднем на 75 миллионов рублей, из коих он около 40 процентов, то есть 30 миллионов готов давать на военные нужды, так что военная смета может возрасти на такую же сумму в год.

Прибавка к смете, в первый год — 30 миллионов, во второй — 60 миллионов, в третий — 90 миллионов и так далее, открывала возможность составления плана постепенного удовлетворения наших нужд, и мне лишь приходилось от души благодарить его за это обещание, которое, к сожалению, осталось неисполненным.

На 6 декабря великий князь Николай Николаевич ходатайствовал о производстве Гулевича в генералы. Я доложил государю, что тот еще не выслужил срока для производства; что если он будет произведен, то я попрошу о производстве и его сверстника, Данилова, а лучше всего отложить производство обоих. Государь решил отклонить ходатайство; на его вопрос, является ли Данилов столь же выдающимся, как Гулевич (о котором ему говорил великий князь), я ответил утвердительно и добавил, что вероятно, со временем, один из них, а то и оба, будут сидеть на том же кресле, на котором я сидел в кабинете государя. Этот случай, когда я высказался против ходатайства великого князя, который был, собственно говоря, моим начальником, показывает ложность наших отношений и то, что у министра не может быть другого начальства, кроме государя.

Ложны были также мои отношения с заместником графом Воронцовым-Дашковым. Он обращался непосредственно к государю, который иногда читал мне выдержки из его писем, писанных собственноручно, красивым старческим почерком. Граф испросил себе особое право — чтобы никто не назначался на должность на Кавказе без предваритель-

ного его согласия, и даже полагал, что министр не имеет права своею властью отказывать ему в каком-либо его ходатайстве! В мое отсутствие он высказал такую претензию по поводу отказа в производстве одного полковника, и Поливанов (к сожалению) поспешил того произвести. Я, однако, не находил возможным соглашаться с претензией графа, а потому по возвращении из отпуска, написал ему собственноручное письмо такого содержания:

«Милостивый государь граф Илларион Иванович.

С письмом Вашего сиятельства от 20 сентября сего года относительно производства полковника Ф. в генерал-майоры я познакомился лишь теперь, по возвращении моем из отпуска. Означенное производство уже состоялось до возвращения и таким образом вопрос этот уже исчерпан; но я считаю долгом высказаться по Вашему заявлению, что Вы не можете согласиться с правильностью моего отказа в докладе Вашего ходатайства нашему верховному вождю.

С этим взглядом я решительно не могу согласиться.

В порядке военного управления Кавказский округ ничем не отличается от других округов и все восходящие от него представления подлежат такой же критике военного министра, как и поступающие из других округов, в отношении их закономерности и применения к служащим на Кавказе того же масштаба, как и к служащим его величеству в других частях его империи. Допустить иной порядок значило бы допустить нарушение единства армии.

Остается затем вопрос, имеет ли военный министр право собственной властью отклонять ходатайства, не согласные с законом или с общими указаниями его величества, в тех случаях, когда эти ходатайства поступают от главного начальника округа, облеченного теми особыми правами, кои присвоены Вашему сиятельству? Со своей стороны, я не вижу в законе никаких указаний на какое-либо различие в отношении военного министра к главным начальникам отдельных округов и не вижу какого-либо повода утруждать его величество докладами по всем решительно представлениям, поступающим в Военное министерство от имени Вашего сиятельства.

Особое монаршее доверие, оказываемое Вашему сиятельству, побудило государя императора предоставить обрацать-

ся к нему непосредственно, и я нахожу, что только в этом и заключается отличие Вашего положения по сравнению с другими главными начальниками военных округов, так как это дает Вам право, в чрезвычайных случаях, ходатайствовать за Ваших подчиненных непосредственно перед его величеством.

Ваше сиятельство без сомнения припомните, что летом нынешнего года я по вопросу о производстве полковника Нейгебауера в генерал-майоры уже высказал Вам, что я вынужден отклонить это производство, как несогласное с только что изданным законом, и вместе с тем предложил Вам представить его непосредственно на высочайшее благоусмотрение.

Покорнейше прошу принять уверение...»

Очевидно, что мою любезность в деле Нейгебауера на Кавказе приняли за слабость и хотели еще увеличить свою автономию. Мой ответ должен был разрушить все мечты в этом отношении; возражений на него я не получал. Еще одна попытка узурпации власти была устранена и, без сомнения, приобретены новые недруги!

Еще одно разногласие у меня вышло с графом Воронцовым по поводу назначения Шуваева командиром одного из корпусов на Кавказе. Шуваев был старшим кандидатом на корпус, но наместник хотел дать его младшему генералу Берхману, своему бывшему начальнику штаба; когда я ему в этом отказал, он стал просить за генерала Михеева, который был старше Шуваева, но еще не был кандидатом на корпус*. Одновременно он послал государю длинную и красноречивую телеграмму о том, что более всего надо поддерживать дух армии, что обход старших младшими обиден и угашает дух, а потому он просит назначить Михеева, а не Шуваева. Военно-походная канцелярия передала мне копию этой телеграммы, и я к следующему личному докладу взял с собой копию и переписку по этому делу. Государь сам, до доклада, заговорил о нем. Передавая мне подлинник телеграммы, он мне сказал: «Эту телеграмму Вы уже получили?»

---

* Михеев во время войны был инспектором артиллерии армии; для получения корпуса ему надо было командовать пехотной дивизией, и он еще недавно получил таковую. По отзыву великого князя Сергея Михайловича, он был очень милый человек и постоянный участник охот наместника.

Что Вы о ней скажете?» Я ответил, что она очень хорошо и красноречиво написана. Государь спросил: «И только? Ведь он прав?» Я ответил, что совершенно согласен, но назначить надо из кандидатов и именно старшего кандидата, а таковым состоит Шуваев. Наместник сам только теперь вспомнил о принципах, изложенных в телеграмме, а сам раньше просил за Берхмана, который моложе не только Михеева, но и Шуваева. Государь сказал: «Если так, то назначайте Шуваева!».

Михеева я никогда не видел, а Шуваев только раз представлялся мне и произвел на меня впечатление толкового и твердого человека*.

В 1907 году (не помню когда) состоялось утверждение нового размера боевого комплекта для полевой артиллерии, по тысяче выстрелов на орудие; для определения этой цифры раньше всего был выяснен размер расхода патронов во время японской войны; оказалось, что мы истратили меньше одного боевого комплекта (660) на орудие. Затем профессору генералу Михневичу было поручено выяснить размер расхода в артиллерии за предшествовавшие войны. Оказалось, что этот расход постоянно возрастал, что понятно при увеличивающейся скорострельности артиллерии. На основании этих данных надо было установить размер боевого комплекта на будущее время.

Японская война представлялась нам тогда крайне жестокой и продолжительной. В ней впервые была применена новая скорострельная артиллерия, бои были упорные, продолжительные, война длилась полтора года, тогда как, по мнению всех современных писателей, европейская война должна быть скоротечной и решиться в четыре-шесть месяцев; поэтому не было оснований рассчитывать на дальнейшее

---

* Шуваев в 80-х годах был преподавателем администрации в Новочеркасском юнкерском училище и издал, в дополнение к запискам Лобко, записки с изложением важнейших постановлений о казачьих войсках; эти постановления тогда еще не были кодифицированы и записки Шуваева мне были очень полезны при составлении моего академического курса. Шуваев мне представился по возвращении с войны; в военных действиях ему не пришлось участвовать; но мне памятен его рассказ, как он во время долгой поездки на Восток заставлял своих бригадных командиров решать тактические задачи, — факт редкий, если не единственный в своем роде.

возрастание расхода снарядов, если только в материальную часть артиллерии не будут внесены какие-либо новые усовершенствования. Однако в минувшую войну бывали заминки в снабжении боевыми припасами; наконец, нельзя было не считаться с указанием истории на постоянный рост расходов огнестрельных припасов, а потому увеличение боевого комплекта представлялось, конечно, желательным; это вызывало громадные (по тогдашним понятиям) расходы, но обеспечивало армию от опасности остаться без боевых припасов. Боевой комплект, поэтому, намечался в тысячу патронов на орудие или несколько больше. Я остановился, на ближайшее время (в моей резолюции сказано «пока»), на цифре в тысячу выстрелов, так как даже для доказательства такой потребности у нас не было твердых данных и для доведения запасов хотя бы до этой нормы нужно было несколько лет. Если бы за это время выяснилась необходимость иметь больший запас, то норма его всегда могла бы быть увеличена. Признаюсь однако, что это мне в то время представлялось невероятным, и я считал большой победой, когда мне удалось добиться признания новой нормы со стороны Министерства финансов и законодательных палат, признавших ее основой для исчисления нашей потребности в орудийных патронах; я считал, что эта норма скорее велика и я, может быть, ввожу казну в лишние расходы. Останавливаюсь я на этом вопросе потому, что установленная норма оставалась неизменной до войны 1914—1918 гг., во время которой она оказалась совершенно недостаточной*.

В 1907 году состоялось полное подчинение артиллерийских бригад начальникам дивизий в Сибири. Это был первый приступ к объединению пехоты и артиллерии, великий князь Сергей Михайлович с полной готовностью пошел навстречу моим пожеланиям в том отношении. Я добивался такого же объединения и инженерных войск, но встретил полное несочувствие со стороны великого князя Петра Николаевича и Вернандера, опасавшихся, что при этом пострадает

---

* Я не знаю, выяснились ли до 1914 года какие-либо новые данные, указывавшие на необходимость увеличения этой нормы; кажется, наш Генеральный штаб находил нужным довести ее до 1408 патронов на орудие; но насколько я знаю, во Франции боевой комплект к 1904 году тоже равнялся лишь тысячи патронам на орудие.

специальная подготовка инженерных войск; этот вопрос пришлось отложить до полного выяснения результатов меры, принятой в отношении артиллерии.

Приведу анекдот, характеризующий одного честнейшего человека, генерала Николая Фомича Александрова; он знал жену по Хабаровску и заехал к ней с визитом. Я его совсем не знал; заговорил с ним о включении инженерных войск в корпуса и дивизии, доказывая пользу этой меры — он молчит; привожу новые доводы — он молчит. Наконец, я ему ставлю прямой вопрос, какого он мнения? Только тогда он мне сказал, что не только разделяет мои взгляды, но еще перед японской войной возбуждал ходатайство в этом смысле. Другой с первых же слов стал бы поддакивать министру, а из молчаливого и скромного Николая Фомича приходилось вытягивать его согласие с моим мнением!

Упомяну здесь еще об одном грандиозном проекте, бывшем в то время на рассмотрении правительства, а именно: о предложенной американскими капиталистами постройке железной дороги от одной из станций Западно-Сибирской железной дороги через всю Сибирь на Чукотский полуостров, с мостом или туннелем через Берингов пролив, для соединения с железными дорогами Северной Америки. Представитель американцев, господин Лоак де Лобель, предлагал выстроить это громадное сооружение без каких-либо гарантий, но с условием уступки обществу железной дороги участков земли по обе стороны пути, как это делалось в Америке. К сожалению, на такое условие у нас не согласились, считая, что подобное значило бы расточать богатства страны; но при нашем безденежье и инертности эти богатства будут спать без конца, а мы останемся в положении собаки на сене.

В ноябре в Петербург приехал военный министр Соединенных штатов Тафт^{14*}; причина его приезда мне неизвестна (или я ее забыл). В то время я не понимал ни слова по-английски, а он другого языка не знал. Он был у меня с визитом, и мы вели разговор через состоявшего при нем генерала графа Ностица. Извольский предложил мне дать обед в честь Тафта, но пришлось от этого отказаться, так как ни

---

* Впоследствии — президент Соединенных штатов Северной Америки.

я, ни жена, ни военные чины, которых я должен был пригласить, не могли бы объясниться с гостем! Поэтому Извольский сам дал обед, на котором был и я.

Слухи о моем уходе с должности не прекращались. 14 декабря у меня был утром Андроников и передал, что Сергея Гершельмана, бывшего тогда в Петербурге, зондировали, согласен ли он занять мое место, а тот поставил условие, чтобы ему подчинили начальника Генерального штаба и генерал-инспекторов: по этому поводу про него в высших сферах было сказано: «Какой нахал». Случайно, в тот же день, Гершельман зашел ко мне, и я его прямо спросил, правда ли то, что я слышал? Он мне сказал, что его никто не зондировал, но он у себя дома действительно высказался в том смысле, как мне передавали.

Тогда же ко мне заехал генерал Герасимов, начальник охранного отделения, и сообщил мне, что на меня хотят напасть в Царском, при моем проезде на свою дачу. На эту дачу я уже не ездил, так что план был составлен неудачно, но все же сообщение указывало на то, что новое покушение на меня представляется возможным. Полиция установила наблюдение за нашим домом, и в случае моего выхода пешком, ее агент должен был провожать меня. Через неделю по нашему возвращению мы пошли пешком к Марии Александровне Шульман, жившей недалеко от нас (Косой переулок, 13) и на малолюдных улицах заметили, что за нами постоянно идет какой-то субъект. Это было до того неприятно, что я уже почти не выходил в город пешком, а лишь изредка гулял в Царском, возвращаясь на железнодорожную станцию.

Посещение М. А. Шульман было нашим первым визитом; остальные же мы сделали только во второй половине ноября. При этом мы побывали у всех начальников главных управлений (в том числе у Палицына, у которого не были приняты). При этом произошел курьез у Рыльке. Его самого не было дома, а приняла нас его жена, которая меня не знала и не расслышала доклада прислуги о том, кто приехал; она болтала все время без умолку, а когда мы стали уходить, она поинтересовалась, кто мы такие? Узнав, что я военный министр, она смутилась и спросила, что, кажется, она не говорила ничего лишнего? Она была женщина боль-

ная, никуда не выезжала и не могла нам дать визита, на что мы и не были в претензии, но вследствие этого уже не видели ее больше. Это ей однако не мешало бранить мою жену, утверждая, что та важная и заносчивая*.

Мы до конца года никаких приемов не делали, а только принимали ответные визиты. В середине декабря жена заболела (*Fausse couche***) и рождество провела в постели. Ей очень хотелось иметь елку, но мне удалось ей лишь сделать сюрприз в виде крошечной елочки с несколькими свечами, которую я принес ей в спальню.

Я уже говорил о том, что м-лле Бюрние должна была вести хозяйство у нас в доме; но когда мы еще были за границей, она заболела и легла в больницу, где ей сделали весьма сложную операцию, сошедшую вполне благополучно, однако сердце ее не выдержало, и она внезапно скончалась в больнице 19 февраля 1908 года. Таким образом, Леля в это время не имела в доме помощницы, а между тем все наше хозяйство приходилось налаживать заново. Вместо столового и постельного белья, увезенного в Царское, я еще весной завел новое; серебро тоже появилось новое — целый ящик серебра в стиле Empire, подарок на свадьбу от дяди Коли, и шесть ящичков поменьше — подарки брата, сестер и их детей, присланные нам при нашем возвращении из-за границы.

В ноябре месяце, к сожалению, порвались мои хорошие отношения с Березовским, с которым я был в дружбе в течение почти тридцати лет. Его издательская и коммерческая деятельность были крайне неприятны для Военной типографии и книжного магазина Главного штаба, с которыми Березовский конкурировал; а так как эти учреждения доставляли большой доход, из которого выдавались пособия чинам Главного штаба, то и высшие чины этого штаба относились подчас враждебно к Березовскому. Жалобы на это со стороны Березовского я передал на усмотрение Эверта, которому вполне доверял, так как находил неудобным самому разбираться в этом деле именно потому, что оно касалось моего

* Рассказ кузины жены, Елисаветы Владимировны Будищевой, слышавшей рассказы госпожи Рыльке в купальне на лимане близ Одессы.

** Выкидыш (фр.) (Сост.).

приятеля и его денежных интересов. Березовский не хотел этого понять и 11 ноября написал мне, что пока я буду военным министром, он у меня не может бывать, но будет всегда рад видеть нас у себя. Знакомство, таким образом, прекратилось, но при случайных встречах мы беседовали вполне дружелюбно и изредка переписывались!

После моего возвращения из-за границы я имел 19 всеподданнейших докладов (3 — в Петергофе и 16 — в Царском) и 5 раз выезжал в Царское на парады; Совет обороны имел 6 заседаний, а Высшая аттестационная комиссия — 3 заседания и в Государственной Думе — два раза; в Совете министров и особых совещаниях — 4 раза; итого — 42 отвлечения от прямого дела за 74 дня или 4 раза в неделю. В Военном совете мне за это время удалось быть лишь на 5 заседаниях из 10.

Домашней работы, по-прежнему, было много и я, лишь в виде исключения (по праздникам), справлялся с нею до вечернего чая, а обыкновенно она затягивалась до полуночи и дольше. Свободным бывал лишь час после обеда. При таких условиях мы особенно были рады частым посещениям И. В., который обыкновенно приходил к обеду и оставался весь вечер. Довольно часто у нас стала бывать и Вера Михайловна Мамчич, с которой жена познакомилась, когда училась живописи — Вера Михайловна училась вместе с нею у Дмитриева-Кавказского.

Новый 1908 год начался тревогой за возможность столкновения с Турцией; 3 января я получил от Палицына официальное письмо о необходимости готовиться к разрыву с Турцией. Я тотчас написал Извольскому частное письмо, в котором сообщал, что мы вовсе не готовы к войне, даже с Турцией, а потому, если только он разделяет опасения Палицына, то мы должны начать готовиться серьезно, потребовав нужные на то кредиты. Извольский мне ответил частным письмом, что он затрудняется решать единолично, а полагает при следующем своем докладе, 8 января, испросить разрешение государя на созыв совещания из министров. Вместе с тем, он предлагал мне, что мы могли бы переговорить с ним 6 января, в Царском, где он должен присутствовать при присяге двух сыновей великого князя Константина Константиновича.

Действительно, 6 января мы оба и Палицын, во время обедни, ушли в одно из помещений Большого дворца, где беседовали около получаса. Я поставил вопрос так, что в случае неуверенности в мире я должен сейчас начать подготовку к войне, а потому ставлю вопрос: может ли Извольский мне поручиться, что дело до войны не дойдет? Извольский считал невероятным, чтобы Турция хотела войны, но все же не брал на себя ручательства за то, что ее не будет. Я решил начать подготовку к войне, и во вторник, 8 января, доложил о том государю, сказав, что нужные средства я мог бы, по закону, не просить у него, но думаю внести это дело в Совет министров, так как до весны нельзя ожидать военных действий, а потому дело это не столь экстренно. Государь вполне согласился и даже сказал, что такого доклада о разрешении денег на подготовку к войне он от меня и не принял бы.

По сношении с кавказским начальством, был составлен перечень мер, наиболее настоятельных для подготовки к войне, всего на десять или пятнадцать миллионов рублей, которые и были нам отпущены; среди предпринятых мер помню: завершение строительства некоторых укреплений Карса, усиление Михайловской крепости (вместо сокращения ее укреплений), постройку мукомолен в Карсе, Батуме и Александрополе и заготовку шанцевого инструмента для дорожных работ.

Среди этих подготовительных работ, я серьезно заболел, сначала, 9 января, инфлюэнцей, при которой я, вероятно, не высидел достаточно времени дома, так как 17 января с утра почувствовал себя совсем плохо; в это утро я с трудом выслушал доклад великого князя Константина Константиновича, а затем дал знать Поливанову, что болен и свалился спать; температура оказалась $39,1^{\circ}$. Призванный профессор Яновский уложил меня в постель и на следующий день выяснилось, что у меня крупозное воспаление легких; температура доходила до 40° , но уже в ночь с 18-го на 19-е резко стала понижаться, после обильного пота. 21-го я встал с постели, но еще был крайне слаб; в среду, 30 января, я присутствовал при докладах, которые в моем кабинете принимал Поливанов; наконец, 2 февраля, я вновь вступил в должность, а 5 февраля уже поехал к государю.

9 февраля по какому-то делу ко мне вечером зашел германский уполномоченный при государе генерал Якоби. Я ему, между прочим, сказал, что нахальство Турции я лишь могу себе объяснить покровительством Германии; он это категорически отрицал и заявил, что Германия, если ее попросят, готова поддержать Россию в Константинополе. На следующее утро я был у Извольского, чтобы передать ему мой разговор с Якоби. Извольский потом говорил с германским послом графом Пурталесом; о чем тот сказал Якоби, который вновь был у меня, причем высказал мне, что наш разговор 9 февраля с удивительной точностью передавался дальше и был повторен ему графом Пурталесом. К содействию Германии наша дипломатия не пожелала обращаться.

О сведениях, получавшихся из Малой Азии, я узнавал лишь в общих чертах от Палицына. Он просил меня (официально) усилить войска на Кавказе, причем предлагал мне взять для этого четвертые батальоны от полков, входивших в состав двух корпусов Московского военного округа, и горную артиллерию из Сибири. В первом я отказал, так как еще не был убежден в неизбежности войны и не хотел ломать организацию двух корпусов без крайней в том необходимости; горную же артиллерию пришлось взять из Сибири, так как Кавказ крайне в ней нуждался, а ее перевозка из Сибири требовала много времени. Из Иркутского и Омского военных округов на Кавказ были переведены один полевой и один резервный горные дивизионы с их парками*.

Новая тревога, поднятая Палицыным, побудила меня просить Извольского выяснить, что означает мобилизация и сосредоточение войск в Малой Азии и чего мы должны ждать от Турции? Задача эта была поставлена нашему послу в Константинополе, который вскоре сообщил, что он испросил аудиенцию у султана и предложил ему вопрос. Султан заявил ему, что никакой мобилизации в Малой Азии не происходит, и предложил нам послать несколько офицеров в Малую Азию, чтобы убедиться в этом; он сам пошлет своего флигель-адъютанта с целью показать им все, что они пожелают! Этот ответ положил конец всей шумихе, подня-

---

* Сверх того из Сибири переведена туда же одна рота искрового телеграфа.

той Палицыным. Кто кого надувал в этом деле, кому нужна была вся поднятая тревога, я не знаю, так как не видел до-несений, поступавших к Палицыну; но вслед за получением ответа султана, нам пришлось ехать вместе в Царское, и я сказал ему, что опасение осложнений с Турцией оказалось напрасными; он самым спокойным образом ответил, что этого надо было ожидать! Я его спросил, зачем же он поднял тревогу и даже убеждал меня послать войска на Кавказ? Он преспокойно же заявил, что добивался того, чтобы мы хоть на одном театре войны были готовы к войне! Когда он врал сознательно? Поднимая тревогу или теперь? Я этого не знаю, но даже допускаю мысль, что он мечтал нарочно втянуть нас в войну с Турцией! Но и помимо этого можно было бы посмеяться над военным министром, который до того испугался Турции, что поторопился бросить войска на Кавказ, даже с нарушением организации армии, ведь никто не знал бы, что министр был введен в обман начальником Генерального штаба! Во всяком случае, весь этот эпизод очень характерен для личности Палицына.

Сообщу здесь же и другой такой эпизод. Под конец серьезной моей болезни ко мне зашел Палицын проведать меня и проститься перед своим отъездом в наши западные округа. Через несколько дней он был в Вильне на обеде у командующего войсками и тут получил шифрованную телеграмму; он ее передал Алексееву, имевшему шифр при себе; это оказалось сообщение о том, что я уволен от должности, а вместо меня назначен генерал-адъютант Иванов. Палицын ждал этой перемены и просил телеграфировать ему, как только она состоится; прочитав телеграмму, он ее показал соседу, Ренненкампу, и хотел провозгласить тост за нового министра, но Ренненкампф его удержал, так как надо ждать официального объявления новости. Через месяц я уже знал об этом эпизоде. Я удивился лишь тому, что не нашли лучшего кандидата на мое место, так как Иванов, хотя и толковый человек, но далеко не выдающийся, медленно сообщает и с чрезвычайным трудом излагает свои мысли.

Вся тревога, поднятая из-за мнимой мобилизации Турции, закончилась, согласно предложению султана, посылкой офицеров в Малую Азию, но не для того, чтобы осматри-

вать или разведывать что-либо, а лишь с визитом вежливости к соседнему командиру в Эрзинжане.

Я упомянул выше, что Кавказ нуждался в горной артиллерии; при кавказских войсках состояло пять полевых горных батарей и одна резервная, развертывающаяся в четыре батареи; но на вооружении всех этих девяти батарей состояли совершенно негодные старые пушки системы Барановского. Еще в 1905—06 гг. до меня дошли сведения о том, что горные орудия на Кавказе до того плохи, что лафет не выдерживает выстрела, и тогда же я стал настаивать на перевооружении этих батарей, но Коковцов решительно отказывал в средствах. От перевооружения полевой артиллерии оставались средства, — но и их он не соглашался дать нам на горную артиллерию. Только в августе 1907 года удалось добиться ассигнований на перевооружение батарей на Кавказе и в Туркестане, но к началу 1908 года еще ничего не было сделано*, и бывшие там горные батареи в действительности были безоружны.

Для восстановления общей боевой готовности армии требовались огромные средства; первые кредиты на эту потребность удалось получить в 1908 году, благодаря содействию великого князя Николая Николаевича. В разных комиссиях Государственной Думы наши исчисления подверглись самой тщательной проверке; наконец, было получено одобрение Думы и Совета, и в начале июля закон был утвержден государем. Эти чрезвычайные кредиты дали, наконец, возможность приступить к широкому и планомерному пополнению всяких запасов для армии и к снабжению ее недостававшими средствами, в особенности пулеметами.

Особенно меня озабочивала необходимость иметь неприкосновенный запас одежды защитного цвета, так как после японской войны было очевидно, что на войну можно выводить войска лишь в таком обмундировании. Дело это задерживалось из-за того, что долго не решался вопрос о новой форме обмундирования — будет ли оно темно-зеленого или защитного цвета? Только с получением указания, что мирная форма будет темно-зеленого, а походная — защитного

---

* Заготовление горной артиллерии было отложено, ввиду появления за границей новых, лучших образцов горных орудий, над которыми опыты были произведены в 1908 году.

цвета и простого покроя, представилась возможность (с 1908 года) заготавливать вновь лишь защитное сукно и строить походное обмундирование*. На первых порах и это встретило затруднение: суконные фабриканты не могли найти прочной краски нужного цвета; лишь летняя одежда войска уже была защитного цвета, и в 1908 году мне уже удалось накопить почти полный мобилизационный запас одежды.

В начале года в Петербург приехал князь Николай Черногорский, с которым мне впервые пришлось познакомиться. Еще до его приезда у Извольского собралось совещание для обсуждения пожеланий князя, уже сообщенных из Черногории. Интересны для меня были сведения о денежных пособиях, которые производились Черногории по сметам Министерства иностранных дел и Генерального штаба (кажется около полутора миллионов рублей в год), и суждения о личности князя, который представлялся мне (как и большинству русских) рыцарем без страха и упрека. Между тем, я здесь узнал, что в денежном отношении его считают далеко не безупречным; получаемые Черногорией пособия он расходовал безотчетно и, по видимому, значительную долю их оставлял себе. Когда же в последний раз субсидия была увеличена, собственно для создания небольшого постоянного кадра войск, и при этом обусловлено, что новое пособие должно расходоваться с ведома нашего военного агента, это вызвало большое неудовольствие князя. Однако то же условие было признано нужным и в отношении новых пособий.

Князь приехал 26 марта; мне пришлось быть в Царском в этот день при встрече и на следующий день на парадном обеде, а 27 марта я, по приглашению князя, был у него в Зимнем дворце. Я у него пробыл три четверти часа. Он произвел на меня впечатление человека очень умного; порусски говорил весьма хорошо. Князь мне указал на значение для нас Черногории, которая в военное время даст корпус войск в тылу Австрии и подымет восстание в Герцеговине, а между тем содержание этого корпуса нам почти ничего не стоит. Он лишь просит дать ему для этого корпуса нужное вооружение и снаряжение, дабы он мог выполнять

---

* Темно-зеленое стало нужным лишь на мирное время, поэтому запасы его стали ненужными и поступили в носку.

свою задачу. Говорил он также о нахальстве Австрии, которая, однако, сейчас же трусит и отступает, когда встречает отпор.

На следующий день великий князь Николай Николаевич давал обед в честь своего тестя; на обеде были также и командующие войсками, бывшие тогда в Петербурге. Князь был весьма любезен и, между прочим, обещал выслать мне и нескольким другим участникам Турецкого похода золотую медаль «За храбрость».

В воскресенье 30 марта у меня были приехавшие с князем военные министры Черногории, бывший и новый, для беседы о пожеланиях Черногории; она просила несколько десятков тысяч винтовок с патронами, полевые и несколько осадных орудий с боевым комплектом, шанцевый инструмент, обмундирование, снаряжение, палатки, продовольствие, санитарный материал и прочее, всего на несколько миллионов. 3 апреля Совет министров разрешил кредиты на выполнение этих пожеланий, а 4 апреля вечером князь уехал. Днем ко мне заехал наш военный агент в Черногории полковник Потапов, чтобы сообщить о пожаловании князем мне Ордена Даниила 1-й степени и что мне предоставляется самому его купить, так как князь по бедности (и скупости) жалует лишь патенты на свои ордена. Тотчас был послан фельдъегерь, который у ювелира Арндта нашел орден и ленту, так что я вечером на проводах князя уже надел их и благодарил князя. Что же касается обещания выслать мне и другим золотые медали, то оно, конечно, осталось обещанием, данным в виде любезности, — медали были, вероятно, довольно дорогие.

Поразило меня на обеде у великого князя то чрезвычайное почтение, с которым относились к князю его две дочери, Милица и Анастасия Николаевны; первая мне говорила, что в Черногории собственно нет царствующей фамилии, а есть лишь князь и его подданные, к которым относятся и его дочери.

В начале марта в Петербург съехались командующие войсками Европейских округов, вызванные для обсуждения вопроса о новой организации армии; в этом отношении их собрание принесло мало пользы, так как никакого определенного решения не было принято; но они участвовали в

заседаниях Высшей аттестационной комиссии, где их голос был крайне полезен; и, наконец, личные отношения с Министерством и между собою были и для них крайне полезны. Совершенно неожиданно между ними всеми оказалось полное единомыслие по вопросу, о котором их вовсе не спрашивали: все они, являясь великому князю Николаю Николаевичу, заявляли ему, что разделение Министерства приносит вред, и что управление военным ведомством вновь надо объединить. Великий князь счел своим долгом доложить об этом государю и после того, 24 марта, сказал мне, что вопрос о преобразовании Министерства решено отложить до осени. Тем не менее, при следующем моем докладе, 29 марта, государь под конец сказал мне, что ему надо переговорить со мною о Генеральном штабе. Встретиться в тот же день он не мог, так как предстоял прием нового французского посла; следующий мой доклад, 1 апреля, был довольно длинный (о производстве в генеральские чины на Святую) и опять был прием посла, на этот раз испанского, так что опять не было речи о Генеральном штабе; вскоре после того наступила Святая (13 апреля), после того пошли торжества по случаю бракосочетания великой княжны Марии Павловны со шведским принцем. Государь был занят приемами и торжествами и сам о Генеральном штабе не говорил, я находил неудобным ему напоминать, так как был убежден, что он ничего не забыл, а просто раздумал или выжидает чего-то. При таких условиях напоминание с моей стороны было не нужно, оно имело бы вид нетерпения, давления, с целью скорейшего решения вопроса об объединении Министерства, а я в этом деле решил выжидать личного решения государя. До отъезда моего в конце июня за границу у меня еще было 14 личных докладов у государя, но о Генеральном штабе не было речи.

Съезд командующих войсками послужил поводом дать наш первый официальный обед, на котором присутствовали шесть командующих (Скалон, Каульбарс, Сухомлинов, Кршивицкий, Селиванов и Сандецкий), два их помощника (Газенкамф и Шатилов), Поливанов, Палицын, Остроградский, Зарубаев и восемь начальников главных управлений. Обед вновь нам устраивал Каменев. Через месяц мы устроили вечер для наших немногих знакомых, которых

занимали пением одной певицы, привезенной к нам племянником Женей.

Жена министра, очевидно, должна была представиться ко Двору. Для этого, раньше всего, надо было представиться обер-гофмейстерине светлейшей княгине Голицыной; у нее мы были с визитом вместе 1 марта; она была очень любезна с нами. На 29 марта было назначено представление императрице Александре Федоровне; в этот день у меня был доклад в Царском, поэтому мы туда ехали вместе. Жена крайне волновалась перед представлением, которое, конечно, сошло вполне гладко; княгиня Голицына приглашала жену к себе завтракать, но та предпочла завтрак со мною в отведенном мне помещении. Мы все же зашли перед отъездом к княгине; ее не было дома, а у меня не было с собой карточек, и мы ей оставили карточку жены, приписав на ней «с мужем».

Императрица Мария Федоровна не нашла времени принять жену до своего отъезда на лето в Данию; в этом, вероятно, сказалось ее нерасположение ко мне; больше жена уже не просила ее о приеме. В течение апреля и мая жена еще представилась великим княгиням Анастасии и Милице Николаевнам, Ольге Александровне и Елисавете Маврикиевне, а также королеве Еллинов, которая приняла нас обоих вместе, чтобы жена напрасно не волновалась.

Представление одной из императриц открывало доступ ко Двору; это для жены было интересно в том отношении, что 20 апреля состоялось бракосочетание великой княжны Марии Павловны с шведским принцем, после чего при Дворе был ряд торжеств. Русского платья у жены не было, и она поэтому могла быть лишь на «музыкальном собрании» в Царском, 24 апреля; оно длилось с без четверти десять до половины первого; самое трудное было найти при разъезде свой экипаж; домой мы попали лишь около трех часов ночи*.

* Незадолго до этого торжества жене успели сделать колье из бухарских бриллиантов и алмазов, бывших в трех звездах, полученных мною в 1899, 1903 и 1907 годах. В состав колье вошли бриллиант в $3\frac{5}{8}$ карата, 22 бриллианта в 21 карат и 29 роз в $12\frac{1}{4}$ карат; в двух звездах оказалось около полфунта золота, которым почти покрылась стоимость работы колье; последнее тогда ценилось около 5000 рублей. В третью звезду были вставлены поддельные алмазы, с которыми я и носил ее в тех редких случаях, когда ее приходилось одевать.

Мне эта свадьба доставила много разъездов и потерю времени. Шведский король приехал в Царское 18 апреля, утром; я был в Царском при встрече и вновь вечером, на парадном обеде; 20 апреля я был в Царском от часа дня до полуночи: на обряде венчания, обеде и куртаге; 22 апреля в Зимнем дворце было *baise-main** у молодых; 24 апреля вечером было музыкальное собрание, а 25 апреля я был в Царском на проводах шведского короля. На память об этих торжествах я получил желтую ленту шведского ордена «Меча».

В Государственных Думе и Совете в это время разрешался вопрос огромного значения — о постройке Амурской железной дороги для надежной и безопасной связи Приамурского округа с остальной Сибирью. Вопрос этот вызывал очень горячие дебаты, главным образом, ввиду громадности потребных на нее расходов, которые притом поддавались лишь предварительным исчислениям. К числу влиятельных противников постройки этой дороги принадлежал граф Витте, доказывающий, что расходы для России непосильны и бесплодны. Я лично думаю, что главная причина его оппозиции заключалась в том, что постройка Амурской дороги наглядно доказывала, насколько постройка Китайской железной дороги являлась ошибочной. На одном выходе в Царском Селе я старался убедить Витте, что и в финансовом отношении постройка Амурской железной дороги не будет убыточной, так как она призовет к жизни совершенно безлюдные области, в которых начнут создаваться новые ценности, но он упорно стоял на том, что это предприятие напрасно разорит Россию. В комиссии Государственного Совета мне тоже пришлось говорить по этому предмету; я вполне откровенно заявил, что до постройки новой железной дороги оборона Приамурья является совершенно необеспеченной; в конце концов постройка железной дороги была разрешена обеими палатами к лету этого года.

Весьма подробно Дума рассматривала также вопрос о контингенте новобранцев, причем сократила его на 12 тысяч человек (3 %), в расчете на уменьшение естественной убыли в войсках, а вернее всего, — ради популярности. На этот год я мог согласиться на такое сокращение, так как уменьшение числа денщиков было сопряжено с уменьшени-

* Целование рук (фр.) (Сост.).

ем состава армии, но, в общем, положение министра в Думе было донельзя трудное: он был для Думы чужим человеком и ему трудно было убедить ее в чем-либо, если только против этого высказывалась комиссия Думы или хотя бы несколько ее членов, пользующихся доверием Думы. Я думаю, что редко где министры ставились в столь трудное положение, как у нас, так как в других странах министру всегда обеспечена поддержка большинства, к которому он сам принадлежит; у нас же совершенно случайное большинство часто ставит министра в самое глупое положение.

В самом конце мая или в начале июня Гучков выступил с речью против нахождения безответственных лиц (великих князей) на ответственных должностях. По существу, я с речью Гучкова был совершенно согласен, так как каждый великий князь норовил выкроить себе автономный удел и от него не только не было возможности избавиться, но даже не было возможности добиться чего-либо ему неугодного. Поэтому, если бы я стал возражать Гучкову, то мои возражения были бы слабы, а между тем они могли бы вызвать еще новые выпады против великих князей и увеличить скандал; я предпочел не возражать.

Государь в это время был в шхерах; по его возвращении я при первом своем докладе, 17 июня, заговорил о речи Гучкова. Государь по поводу ее мне сказал, что на нее, конечно, трудно было ответить, особенно экспромтом, но он желал бы, чтобы впредь подобные выпады не оставались без отпора. К этому докладу я поехал, имея в портфеле готовую просьбу об увольнении от службы; ввиду отношения государя к бывшему инциденту, просьба эта осталась в портфеле.

Вскоре после этого я был в Красном у великого князя Николая Николаевича и нашел его вежливо холодным и крайне сдержанным — он, очевидно, был на меня сердит. Затем я из письма Березовского узнал, что великие князья Николай Николаевич и Сергей Михайлович в начале июня были в Крыму, с бешенством читали телеграммы о речи Гучкова и бранили меня*.

Ярким примером непригодности к занимаемой должности являлся великий князь Константин Константинович; но

---

* Березовскому это говорил Паренсов, со слов великого князя Сергея Михайловича.

хуже всего было то, что и его помощник Анчутин, угождавший во всем великому князю и сам полуштатский, пользовался защитой великого князя и не мог быть смнен без его согласия. О необходимости смены я говорил великому князю неоднократно и он, в конце концов, стал соглашаться со мною, но выставлял два затруднения: что Анчутину с его громадной семьей будет весьма тяжело оставлять должность, а также трудно найти ему заместителя. В разговорах о необходимости убрать Анчутина, я однажды даже сказал великому князю, что должен же он вспомнить о России! Ведь она держится только войсками, а остов войск — их офицеры! Так надо же заботиться о подготовке этих офицеров, пусть бы для этого пришлось расстаться с Анчутиным!

Наконец, к февралю 1908 года удалось убедить великого князя расстаться с Анчутиным* и выбрать себе нового помощника в лице генерала Лайминга, который, впрочем, тоже оказался покорным слугой великого князя.

Я уже говорил, что главный начальник военно-учебных заведений пользовался такой самостоятельностью, что заведения эти выходили из рук министра, за которым только оставался выбор этого главного начальника и общее наблюдение за его деятельностью; но великий князь был избран помимо министра и о его смене не могло быть и речи. Желательно было подставить ему хоть помощника истинно военного, дабы заведения управлялись в военном духе, но и это не удавалось!

Главный военный прокурор Рыльке чем-то не угодил Столыпину, который стал говорить мне о необходимости его смены; наконец, государь выразил мне свою волю, чтобы Рыльке был уволен. Никакого прямого обвинения к нему не предъявлялось, а лишь говорилось, что он слишком мягок, недостаточно строг и прочее. Волю государя пришлось исполнить, но зато я ему испросил назначение членом Военного совета; кажется, это был первый случай назначения в

---

* По поводу увольнения Анчутина я получил письмо от неизвестного мне отставного полковника Генерального штаба барона Крюденера, который высказывал мне свою радость по этому поводу и писал, что знал Анчутина директором корпуса. При нем в корпусе подрывалась среди офицеров дисциплина и развилось пьянство и картеж; Анчутин воровал вместе с экономом; за счет корпуса построил оранжерею, дававшую фрукты и овощи к его столу, и проч.

Совет военного юриста. Вместо Рыльке я избрал барона Остен-Сакена, человека очень почтенного и всеми уважаемого, но посредственного юриста. В конце июня я испросил утверждения положения о том, что председатель и члены Главного военного суда через четыре года бытности в должности увольняются от службы, если не последует иного высочайшего повеления.

В марте 1908 года было испрошено назначение сенаторской ревизии Туркестана, причем в ревизующие сенаторы был избран граф Пален, с которым я до этого вовсе не был знаком.

Туркестан по гражданскому управлению находился в ведении Военного министерства, причем им ведал Азиатский отдел Главного штаба; сколько-нибудь компетентными в Туркестанских делах были только чины этого отдела, а высшее начальство, начальник Главного штаба и военный министр дел этих не знали и вершили их согласно докладу начальника отдела. Положение было настолько ненормально, что я весной 1906 года заявил в Совете министров (еще у Витте), что признаю правильным передать Туркестан в гражданское управление. Совет министров отнесся к этому заявлению вполне сочувственно, но только через год было образовано совещание для составления нового положения об управлении Туркестаном; при этом, однако, выяснилось, что многие вопросы (например, поземельное устройство, переселенческий, горный, ирригационный) требуют предварительного детального изучения; для этой цели и была назначена сенаторская ревизия, которой также было представлено расследовать могущие открыться неправильности в действиях местной администрации.

Туркестаном управлял Гродеков; по частным сведениям, он уже совсем состарился и не мог управлять краем. Чтобы выяснить этот вопрос, в Туркестан был вновь послан генерал-адъютант Максимович, который подтвердил необходимость убрать Гродекова. Частным письмом я предложил Гродекову отправиться на покой в Государственный Совет, что он и сделал. На его место был избран генерал-адъютант Мищенко, который был у меня в начале июня, когда я с ним впервые познакомился. Мищенко выразил удивление моему

согласию передать управление Туркестаном в Министерство внутренних дел, но я ему объяснил, что в делах Туркестана я ничего не понимаю, а послушно делаю то, что подскажет полковник Цейль, начальник Азиатского отдела, который и является подлинным начальством Туркестана; от такой ненормальности я и хочу избавиться, передав дело в компетентные руки. Ревизия, уже назначенная, смущала Мищенко; но я его уговаривал не смущаться, так как ревизия внесет лишь свет во многие вопросы; если же она откроет беспорядки и злоупотребления, то такие, за которые он не ответственен, так как они произошли до него! Вскоре по приезду Мищенко в Туркестан начались столкновения между ним и Паленом, а затем и просьбы Мищенко об увольнении его от должности; я его просил терпеть, для пользы дела, до конца и старался успокоить Мищенко, вообще обидчивого, и действительно его удалось удержать в Туркестане.

Сомнение вызывала также деятельность Надарова, командовавшего войсками в Омске; для выяснения дела туда был командирован генерал-адъютант Пантелеев. Я не помню в чем он обвинил Надарова, тот был уволен от службы и заменен помощником Сухомлинова генералом Шмитом.

Выбор кандидатов на высшие должности производился по кандидатским спискам, составленным Высшей аттестационной комиссией, и уже не представлял никаких затруднений. Между прочим, Комиссия постоянно признавала генерала Ренненкампа¹⁵ пригодным лишь для оставления в должности командира корпуса; государь при одном из моих докладов сказал мне, что Ренненкампу следовало бы дать округ; я возразил, что это неудобно, так как его ведь все считают мошенником и вором! Государь не настаивал, сказав лишь, что обвинения против Ренненкампа голословны. Он через некоторое время вновь заговорил о том же, но мне вновь удалось отклонить повышение Ренненкампа, и он при мне оставался командиром корпуса*.

---

* Вскоре после моего увольнения от должности министра Ренненкампа был назначен генерал-адъютантом и командующим войсками Виленского военного округа, хотя Сухомлинов отлично знал его вороватость. Во время войны он оказался никуда не годным генералом и таким вором, что его уволили от службы на основании расследования, произведенного генерал-адъютантом Барановым.

Обещание Коковцова постепенно усиливать нашу смету давало надежду на удовлетворение наших настоятельных нужд. Отдельные меры разрабатывались в подробностях, выяснялись потребные расходы, чтобы определить последовательность их осуществления; как уже было упомянуто, самый переход к нормальному порядку составления сметы требовал увеличения ее цифры миллионов на пятнадцать, поэтому в первый год лишь можно было рассчитывать положить начало некоторым новым мерам. Среди соображений этого рода совершенной неожиданностью явилось письмо Коковцова, в котором он просил, чтобы смета на 1909 год отнюдь не превышала сметы 1908 года. Письмо это было в полном противоречии с обещанием, которое он мне дал при Поливанове; самое требование было заведомо неисполнимо, так как для этого надо было убавить расходы на пятнадцать миллионов рублей. Чем же объяснить это письмо? Я думаю, что Коковцов хотел, чтобы я еще просил бы его, кланялся, выторговывая прибавки! Меня это возмутило, и я, не отвечая ничего Коковцову, распорядился, чтобы в смету на 1909 год вносились все наиболее настоятельные новые меры, не стесняясь ее увеличения. В результате смета Военного министерства возросла сразу на 97 миллионов рублей. Уезжая на лето в отпуск, я запретил Поливанову соглашаться на какие-либо урезки по смете, дабы наказать Коковцова за то, что он изменил своему обещанию, и дабы выторговать побольше.

На лето мы решили ехать опять за границу на два месяца; жене советовали брать грязевые ванны в Франценсбаде или Мариенбаде, а мне — пить воды для желудка в Мариенбаде. За границу я решил ехать лишь в июне, как для того, чтобы закончить дела в Государственной Думе, так и для того, чтобы вернуться из отпуска после окончания лагеря и маневров.

В начале мая уже стало жарко, и мы 18 мая переехали на дачу военного министра на Каменном острове. Дача эта мне была известна еще со времен Куропаткина и Сахарова. Она была деревянная, двухэтажная, причем ввиду сырости в ней, спальня была в верхнем этаже; при ней были два флигелька — один со служебным кабинетом и приемной, а другой — с кухней и людскими; из прислуги в самой даче по-

мещалась только одна горничная. На дачу к нам переехал И. В., затем гостила В. М. Мамчич. Вскоре после нашего переезда погода испортилась и в ночь на 24 мая выпал обильный снег; но все же на даче было хорошо: тишина и чистый воздух, возможность погулять в саду около дома были крайне приятны после зимнего сидения в городе. Когда вновь потеплело, я раза четыре пользовался бывшим в моем распоряжении пароходом «Быстрый» для небольших экскурсий по направлению к Кронштадту; при одной из этих поездок, я в море поднял свой вымпел, чтобы самому на него посмотреть.

11 июня я утром ездил в город слушать доклады, а Леля ходила гулять; по возвращении домой она заметила кражу денег (250-300 рублей) из запертого стола в нижнем этаже и колец из спальни в верхнем этаже; очень любопытно, что это случилось, несмотря на то, что перед дачей стоял городской и за дачей еще наблюдал агент полиции! Впоследствии поймали вора, у которого нашли несколько колец жены; по-видимому, ему помогла наша горничная, которую полиция и арестовала. 26 июня мы вернулись с дачи в город для поездки за границу.

На нашей городской квартире в середине февраля фотограф Рентц снимал жену в подвенечном наряде, одну и со мной, при вспышках магния; фотографии эти получились очень удачными.

Племянник Саша довольно неожиданно вернулся на короткий срок в Петербург, чтобы жениться на барышне Г., которая давно его ловила; 13 февраля состоялась его свадьба, после которой он вновь уехал за границу. Счастья он в этом браке не нашел и через несколько месяцев разъехался с женой.

В конце апреля приезжал Володя, недели на две; 21 июня у нас на даче впервые появились Мирбахи, только что прибывшие из Закаспийской области; по просьбе жены я устроил перевод Андрея Оскаровича Мирбаха в Петербург. Я хотел было перевести его в Канцелярию Военного министерства, но Забелин заявил, что у него нет вакансии для него, и мне удалось устроить его лишь в кодификационный отдел; впоследствии отдел этот был присоединен к Канцелярии, и Мирбах попал в нее. Он был женат на кухне моей

жены и ее подруге детства Евдокии Семеновой; одна из их дочерей, Ольга, совсем не выносила климата Закаспийской области, поэтому они стали просить о переводе оттуда. Прибытие в Петербург семьи Мирбах было крайне приятно для жены. Сам Мирбах оказался отличным работником, которого вскоре оценили в Канцелярии.

Мы выехали за границу 28 июня. В Берлине провели две ночи и один день; жара была большая, и мы почти весь день были в Зоологическом саду. Из Берлина мы поехали в Мариенбад, где с трудом нашли помещение: сначала временное, на несколько дней, а затем окончательное в *Villa Waldidylle**, где устроились вполне симпатично. В Мариенбаде мы пробыли шесть недель, добросовестно исполняя положенное лечение. В дополнение к питью воды мне были прописаны углекислые ванны, которые однако оказались слишком сильными, так что они меня сильно утомляли: я даже стал чувствовать недомогание в сердце и поэтому отказался от них.

В Мариенбаде мне, в русской церкви, пришлось познакомиться с епископом Владимиром Кронштадским и с семьей отставного генерала Рыковского. Епископ, бывший в миру преображенским офицером (Путята), производил впечатление человека умного и дельного и держал себя очень хорошо. Рыковский был старостой церкви; с ним были его жена и дочь, жена казачьего офицера Попова; знакомство это продолжалось потом в России, так как Рыковские жили в Павловске.

Затем, в Мариенбаде лечилась великая княгиня Вера Константиновна, принцесса Виртембергская; я считал своим долгом расписаться у нее, а затем, по ее приглашению, был у нее с визитом.

В день именин великого князя Николая Николаевича, 27 июня, я послал ему поздравительную телеграмму; через день, 29 июня, я от корреспондента «*Newfreie Presse*»**, доктора Мюнца, жившего в нашем отеле, узнал, что великий князь уволен от должности председателя Совета обороны. Известие было совершенно неожиданным, так как до осени не предполагалось перемен в устройстве военного управления.

* Лесная идиллия (нем.) (Сост.).

** «Новая свободная пресса» (нем.) (Сост.).

Я тотчас написал великому князю письмо. Вспоминая, что он еще в конце марта говорил о своем желании оставить должность, я его поздравил с исполнением этого желания, состоявшимся в виде особой милости в день его именин. Вместе с тем я благодарил его за поддержку, которую он оказывал мне, и за разрешение высказывать ему откровенно мое мнение. В ответ на телеграмму и письмо я получил две краткие благодарственные телеграммы. Вскоре пришли и русские газеты с текстами высочайшего рескрипта великому князю, который считаю нужным привести здесь:

«Ваше Императорское Высочество!

27 октября 1905 года Я вверил вам войска Гвардии и Петербургского военного округа.

Ваше Императорское Высочество высказали мне опасение о трудности совмещения этой должности с обязанностями председателя Совета государственной обороны.

Сознавая ответственность Вашего заявления, Я, тем не менее, повелел Вам исполнить Мою волю, находя это совмещение тогда необходимым.

25 декабря 1907 года Ваше Императорское Высочество представили мне доклад об усмотренных Вами несовершенствах в положении о Совете государственной обороны и новой организации военного ведомства.

Ваш доклад совпал с Моим воззрением на этот вопрос. Посему он был подвергнут Мною всестороннему рассмотрению.

Теперь Я повелел военному министру представить мне это дело в окончательном виде, согласно данным мною указаниям.

Высоко ценя Ваше выдающееся научное и практическое знание воспитания войск, Ваше понимание истинного духа военного дела, Я могу ныне, ввиду решенного Мною пересмотра положения о Совете государственной обороны и преобразования военного ведомства, освободить Вас от председательства в Совете государственной обороны и возложить на Вас исключительную заботу о вверенных Мною Вам войскам.

Я уверен, что нынешнее примерное состояние войск Гвардии и петербургского военного округа благодаря этому еще возвысится.

За Вашу плодотворную деятельность, как председателя Совета государственной обороны, принесшего столько пользы, изъявляю Вам мою особую сердечную благодарность.

На подлинном собственноручно Его Императорским Величеством написано «Сердечно Вас любящий Николай»

Петергоф, 26 июля 1908 г.».

Рескрипт этот производит несколько необычное впечатление на читателя, привычного к тону рескриптов; кроме того, странным являлось то, что «всестороннее рассмотрение» доклада 25 декабря потребовало семь месяцев! Упоминание же о том, что военному министру даны указания для переустройства военного управления, приводило меня в смущение; почему эти указания понадобились дать внезапно, в мое отсутствие, и в чем они могли заключаться?

К моему удивлению, Поливанов долго не писал мне ничего о том, чем был вызван рескрипт, а также не сообщал мне ничего о полученных им указаниях. Будучи в полном недоумении в этом отношении, я письменно спросил Поливанова, надо ли мне ускорить свое возвращение? Наконец я получил заказное письмо Поливанова, в котором тот мне сообщал, что он в пятницу 25 июля получил текст рескрипта, собственноручно написанный государем, с повелением представить его к подписи в субботу; при личном докладе в субботу были сделаны небольшие изменения текста и приказано переписать к вечеру того же дня, «так как великий князь просит дать ему этот рескрипт возможно скорее». К вечеру рескрипт был переписан, подписан и отправлен великому князю*.

---

* Вся история с рескриптом осталась для меня неясной. Мне говорили, что великий князь был крайне недоволен его получением, что увольнение было ему неприятно и обидно; это было видно по тому, что он не только не простился с членами Совета обороны, но даже икону, которую они ему хотели поднести, он просил их передать через Гулевича. По неизвестной мне причине отношение государя к великому князю испортилось. В начале лета государь был в шхерах, когда великий князь вернулся из Крыма. Березовский (со слов Паренсова) сообщал мне, что великий князь просил государя о свидании, но получил ответ «скоро вернемся»; на вторичную просьбу с указанием, что дело спешное, ему предложили изложить его письменно, и только по новому заявлению, что необходимо доложить лично, ему было разрешено приехать в шхеры.

Во время субботнего доклада Поливанову было сказано лишь несколько слов о будущем Совете государственной обороны, из коих Поливанов заключил, что для объединения вопросов военных и морских с политикой и финансами предложено созывать совещания, может быть под личным председательством государя; об реорганизации военного ведомства не было сказано ни слова, а сказанное в рескрипте было просто ложью!

Уже в середине августа я получил от Поливанова телеграмму, что ускорять мое возвращение нет надобности; оказалось, что он более двух недель не имел личного доклада и только 13 августа мог спросить об этом государя.

Из Мариенбада мы выехали 12 августа, в Вене провели один день и две ночи и поехали дальше в Венецию, где думали пробыть недели две; там оказалось не только очень жарко, но нас по ночам кусали москиты; чтобы спастись от них, мы хотели переехать в Лидо, но там не нашли помещения и, в конце концов, решили уехать куда-либо, проведя в Венеции лишь три дня. Соображая, куда же нам поехать, не уклоняясь далеко от прямого пути домой, мы вспомнили, что великая княгиня Елисавета Маврикиевна как-то хвалила мне новый курорт Иглее в Тироле, и решили перебраться туда. Выехали мы из Италии при страшной жаре; в Инсбруке уже стало свежо, а когда мы оттуда на извозчике добрались к восьми часам вечера в Иглее, то там уже было лишь шесть градусов тепла. В Иглее мы провели шесть дней и остались вполне довольными и местностью и отелом. В первое утро по нашему приезду (19 августа, в первую годовщину свадьбы) нас разбудили выстрелы из ружей и мортирок, коими праздновалось какое-то католическое торжество.

На обратном пути из Иглее мы в Берлине остановились лишь на сутки; 28 августа мы вернулись в Петербург, и я вступил в должность, а Поливанов уехал в отпуск. Государь был в шхерах, откуда вернулся лишь в октябре, так что я в течение шести недель мог работать вполне спокойно, не отвлекаемый от дела поездками для докладов и для представления на парадах! За это время я успел навестить многие учреждения, в которые иначе не попал бы*. Тотчас по мое-

* Николаевский и Клинический военные госпитали, Павловское военное училище, Артиллерийскую и Инженерную академии с учи-

му возвращению надо было решать вопрос о нашей смете на 1909 год; увеличение ее сразу на 97 миллионов было невозможно, поэтому 31 августа у Столыпина было созвано совещание, на котором мне предложили ограничиться прибавкой в половинном размере, то есть в 48 миллионов рублей. Я, конечно, должен был согласиться, и затем наспех пришлось из сметы исключить меры, не уместившиеся в эту сумму; виновником этой лишней работы являлся Коковцов, с которым нельзя было договориться относительно необходимого увеличения нашей сметы.

По возвращении государя из шхер он мне вначале ничего не говорил о преобразовании военного управления; мне пришлось во вторник, 21 октября, самому коснуться этого вопроса, испрашивая указания относительно созыва Высшей аттестационной комиссии. Государь приказал, чтобы впредь в ней председательствовал военный министр; при этом зашла речь о Совете обороны, и я высказал, что такой Совет полезен для выяснения вопросов, но состав его не может быть постоянным, так как по каждому вопросу желательно знать мнение сведущих в нем людей*. Государь с этим согласился; под конец доклада он приказал мне остаться для присутствия при докладе Палицына. Во время этого доклада я впервые познакомился с содержанием нашего союзного договора с Францией; никакого объяснения, почему я должен был присутствовать при докладе Палицына, государь мне не дал ни тогда, ни в следующие мои два доклада, 25 октября и 1 ноября**. Лишь 4 ноября государь мне, наконец, сказал, что он убедился в неправильности устройства Министерства и ждал от меня доклада об этом. Я ответил, что считал долгом управлять Министерством в том виде, в каком оно мне поручено. На вопрос государя о выяснившихся неудобствах, я сказал, что Генеральный штаб парит в облаках: я хочу сократить армию, а мне готовят проект ее усиления на сто тысяч человек; я добиваюсь, что

лицами, Военно-юридическую академию, Интендантский курс, Электротехническую школу, юнкерское училище, Пажеский корпус, Николаевский кадетский корпус и военную тюрьму.

* Окончательно государь согласился не иметь постоянных членов Совета на моем докладе 23 декабря.

** Доклад в следующий вторник, 28 октября, был отменен.

раньше всего надо сделать в крепостях, а с меня требуют 850 миллионов рублей, то есть цифру заведомо невозможную, и предлагают мне самому сделать нужные сокращения, но у меня нет рук, чтобы делать эту вторичную работу. При подчинении Генерального штаба я бы потребовал, чтобы эти работы были переделаны, а таких невыполнимых проектов не составляли. Неудобно также, что министр ничего не знает о внешних делах. Год тому назад начальник Генерального штаба месяца два переписывался с министром иностранных дел о мобилизации турок в Малой Азии, пока я узнал об этом и стал требовать подготовки к войне с Турцией. О существовании у нас конвенции с Болгарией я узнал случайно и лишь 21 октября ознакомился с нашей конвенцией с Францией. Это конечно ненормально. Военный министр не может быть сведущим по всем частям, а потому желательно, чтобы начальник Генерального штаба и при подчинении министру имел личный доклад; государь добавил: «В присутствии военного министра». Затем он приказал составить указ о подчинении Генерального штаба военному министру. Чтобы переговорить с Палицыным, государь отпустил меня до его доклада, но все же ему ничего не сказал!

На обратном пути в вагоне я пересказал Палицыну весь этот разговор; он еще заехал ко мне и сидел часа полтора, рассуждая о том, что ему делать? Он сам считал, что будет правильнее, если он уйдет, но уходить вовсе не желал. Повидимому, ему хотелось, чтобы я просил его остаться, но я об этом и не думал, а предложил ему узнать через великого князя волю государя.

На следующий день Палицын был опять у меня; великий князь уже спросил государя и привез ответ, что государь не требует от Палицына, чтобы он оставался; это было равносильно увольнению от должности.

При следующем личном докладе, 11 октября, я представил на утверждение краткое постановление о подчинении начальника Генерального штаба министру с указанием, что он докладывает дела государю в присутствии министра. Относительно Палицына я получил указание, что он должен быть назначен в Государственный Совет. Новое положение и назначение Палицына были объявлены 14 ноября.

Таким образом, единство Военного министерства было восстановлено. Увольнение великого князя от должности председателя Совета государственной обороны уже ранее вернуло министру его независимость; попытка Палицына и великого князя руководить из-за кулис деятельностью министра потерпела полное фиаско, главным образом, из-за личной неспособности выполнять роли, за которые они взялись, и теперь, через год с небольшим, они оба были уволены от должностей, и Министерство восстановилось почти в прежнем виде. Результат этот получился без моего содействия, так как я ни разу не жаловался государю ни на Совет, ни на Палицына; он явился следствием общего сознания неправильности организации и сопряженных с нею неудобств; но сколько же вреда эти неправильности успели принести за три года! Каким тормозом они являлись, сколько времени и сил они за это время поглотили, главным образом, у военного министра! Удаление бездарного Палицына от дел я, конечно, лишь мог приветствовать и отнюдь не желал иметь его своим сотрудником; правда, что этим я вооружал его против себя, но я и без того имел достаточно основания не доверять его показной дружбе.

Существовавшее в течение трех лет деление Министерства для меня было удобно в одном лишь отношении — оно с меня слагало почти всю ответственность за состояние государственной обороны, так как печься о ней должен был уже не один министр, а целый Совет, в котором я был лишь членом.

Я упоминал, что 21 октября впервые познакомился с конвенцией, заключенной нами с Францией; в тот же день мы совершенно неожиданно едва не оказались вынужденными выполнять на деле те обязательства, которые конвенция на нас возлагала. Вечером 21 октября я был в Совете министров, который собрался в Елагинском дворце. В начале заседания Извольского не было: он приехал после полуночи и сказал что-то Столыпину на ухо; Столыпин поспешил закончить заседание, отложив рассмотрение всех неспешных дел; в два часа Совет закрылся, и у Столыпина остались Извольский, Коковцов и я. Извольский нам рассказал, что Германия внезапно раздула инцидент, произошедший в Касабланке. Извольский еще недавно был за границей, и как в

Берлине, так и в Париже, об этом инциденте говорили, как о мелком недоразумении; но вдруг Германия потребовала от Парижа извинения, притом в двухсуточный срок. Из Парижа пришло сообщение об этом с добавлением, что Франция ответит категорическим отказом. Отказ мог иметь последствием войну, в которой и мы могли бы принять участие; Столыпин спросил меня, что я намерен делать для подготовки к войне? Я ответил, что в один-два дня решительно ничего нельзя сделать, поэтому лишь приходится спокойно ждать событий. Наше совещание закончилось лишь около четырех часов утра.

До войны дело не дошло. Немцы спокойно приняли полученный ими отказ; мне говорили тогда, что причиной тому была выяснившаяся солидарность с Францией не только России, но и Англии.

С уходом Палицына мне надо было найти нового начальника Генерального штаба. Это было нелегко, так как я не имел в виду ни одного выдающегося генерала Генерального штаба, а между тем от нового начальника требовались не только большие знания и способности, но и организаторский талант, так как Палицын за три года не сумел еще наладить работу своего управления. Уже весной было видно, что мне, вероятно, придется искать Палицыну преемника, и я остановился при этом на Сухомлинове; он занимал высокое положение командующего войсками и генерал-губернатора в Киеве и получал содержание около пятидесяти тысяч рублей. При таких условиях переход его на подчиненную должность с меньшим содержанием представлялся маловероятным, но от Березовского я узнал, что Сухомлинов вследствие амурных историй хочет покинуть Киев* и, может быть, будет даже рад получить место Палицына. Я попросил Березовского прозондировать Сухомлинова в этом отношении. В августе Сухомлинов не давал решительного ответа, но в ок-

---

* Будущая жена Сухомлинова, Екатерина Викторовна, была замужем за Бутовичем. Будучи многие годы тесно связанной с Сухомлиновым, она просила мужа дать ей развод; тот вначале согласился, а затем изменил свое решение. Через некоторое время Бутович дал повторное согласие на развод, и тогда Сухомлинов сочетался браком с Екатериной Викторовной. Бутович был родственником второй жены И. В. Холщевникова — Ольги Александровны (Сост.).

тябре выяснилось, что затеянный им развод четы Бутович не удастся, поэтому он даже думал выйти в отставку; мое окончательное предложение занять место Палицына он принял с благодарностью и уже 2 декабря он был назначен начальником Генерального штаба.

Впоследствии Сухомлинов навлек на себя много вполне основательных нареканий, поэтому я считаю не лишним объяснить подробнее причину моего выбора. Раньше всего надо отметить, что имя Сухомлинова в то время было совершенно непорочно, и едва ли кому-либо могло прийти в голову, что его, прослужившего более сорока лет на виду у всех, можно было заподозрить хотя бы во взяточничестве! Затем, я его избирал в начальники Генерального штаба, а не в военные министры, и он оказался несоответствующим не первой, а второй должности.

Сухомлинов, по моему мнению, человек способный; он быстро схватывает всякий вопрос и разрешает его просто и ясно. Службу Генерального штаба он знал отлично, так как долго был начальником штаба округа. Сам он не работник, но умеет задать подчиненным работу, руководить ими, и в результате оказывалось, что работы, выполнявшиеся под его руководством, получались очень хорошие. Сухомлинов отлично знал множество офицеров Генерального штаба и умел выбирать среди них лиц, которые хорошо выполняли его поручения. Таким образом, было полное основание полагать, что он не только отлично справится с должностью, но сумеет подобрать личный состав своего управления так, чтобы он исправно работал за него, а правильная организация этого управления и подбор личного состава в то время являлись ближайшей и важнейшей задачей.

В противоположность Сухомлинову я был вовсе не знаком со специальными работами Генерального штаба и не был в состоянии не только руководить ими, но даже иметь о них серьезное суждение. Потому мне нужен был такой начальник Генерального штаба, который мог бы работать самостоятельно, без моего руководства; если он при этом пользовался личным авторитетом, то тем лучше, так как это уменьшало мою ответственность за незнакомое мне дело. Сухомлинова уже давно считали кандидатом на должность военного министра и я, таким образом, выдвигал себе со-

перника; но перед выдвижением способных людей я никогда не останавливался.

Было, однако, одно соображение, говорившее мне против назначения Сухомлинова: я его признавал легковесным, недостаточно вдумчивым, но считал, что этот недостаток с избытком возмещается положительными качествами; важнее всего я считал в то время заботу об организации главного управления. С этим делом Сухомлинов несомненно справится, а затем он может уйти в Государственный Совет, и на его место легче будет найти подходящего человека.

Сухомлинов уже через две недели вступил в должность; как докладчик он был весьма хорош: понимал указания с полуслова, докладывал сжато суть всякого дела; так же он докладывал в моем присутствии государю.

В начале лета оставил должность начальник Главного штаба Эверт, всегда стремившийся в строй и получивший корпус. На его место я взял Мышлаевского, бывшего дежурным генералом. Мышлаевского я знал мало, но знал, что он человек способный, профессор Академии; затем, мне его расхваливал И. В. Мышлаевский мог хорошо управлять Штабом, но в нравственном отношении он себя показал неважно. Приведу оставшиеся у меня в памяти два инцидента, рисующие его в этом отношении.

Осенью, когда надо было созвать Высшую аттестационную комиссию, уже под моим председательством, Мышлаевский мне сказал, что Комиссия эта стала многим ненавистной, и теперь она могла бы начать судить о лицах менее строго, — пусть видят, что строгость зависела от бывшего председателя! Совет этот был несомненно доброжелателен; но если бы я ему последовал, то это было бы подлостью, так как именно я всегда настаивал на всевозможной строгости в решениях Комиссии; если Комиссия стала ненавистной, то это не должно было служить основанием ни для изменения образа ее действий, ни для переложения ответственности за нее на чужие плечи!

Мышлаевский в это время затеял развод со своей женой и ему понадобились на это деньги, тысяч пять или шесть. Он обратился ко мне с просьбой о пособии, отлично зная, что я из обыкновенных источников не мог дать ему такового пособия, а потому просил дать ему таковое из секретного

кредита в сто тысяч рублей, данного военному министру для противореволюционной пропаганды в войсках. Расходы из этого кредита на рассылку газет и книг шли по Главному штабу, и мы вдвоем, вероятно, могли извлечь из него нужную сумму; но я смотрел на этот кредит как на сумму, введенную мне лично, хотя и в полное распоряжение, но под честное слово, поэтому поползновение Мышлаевского меня возмутило, и я ему категорически отказал.

Оба эти инцидента обрисовали мне Мышлаевского как человека беспринципного, на которого ни в чем полагаться нельзя, и мои отношения к нему остались поэтому довольно холодными. Между тем, по Главному штабу приходилось провести весьма серьезные мероприятия. Среди них на первом месте надо упомянуть об увеличении содержания офицерским чинам.

Прибавка содержания намечалась всем строевым офицерам ниже командиров отдельных частей, врачам и духовенству; затем, по моему личному указанию, в том же законопроекте проводились еще две меры: значительно увеличивались суточные за время лагеря и маневров и назначались особые пособия вновь производимым офицерам. При бывшем тогда несуразно малом размере суточных участие в лагерном сборе или маневрах было для офицеров разорительно, а это часто заставляло семейных офицеров уклоняться от этих занятий, тогда как во флоте, наоборот, морское довольствие за участие в плавании значительно улучшало содержание офицеров и заставляло их стремиться попасть в плавание. Очевидно, что флотский порядок был правилен и разумен, поэтому оставалось только подражать ему.

Пособия полагались при производстве в офицеры собственно на обзаведение офицерским обмундированием; но кроме того необходимо было выдавать хоть небольшие средства на обзаведение предметами домашнего обихода, а равно снабжать офицеров при производстве — шашкой, револьвером и биноклем, дабы эти предметы у всех офицеров были хорошего качества.

В Государственной Думе проект встретил полное сочувствие. Для уменьшения расходов в 1909 году, увеличение суточных денег предположено было отложить до 1910 года, но в комиссии (а затем и в Думе) прибавка содержания ду-

ховенству была отложена, а суточные были увеличены с 1909 года. Чтобы достичь этого, комиссия совершенно искусственно урезывала наши исчисления, прося меня против этого не возражать ввиду того, что если бы исчисленных денег не хватило, то нам все равно должны были добавить недостающие. В заседании Думы 15 декабря я горячо говорил в пользу немедленной прибавки содержания и военному духовенству, но без успеха.

В Государственном Совете думский законопроект прошел вполне гладко, и 1 января был объявлен по военному ведомству. Удовлетворяя одну из настоятельных нужд армии, он имел для нее громадное значение.

Другой вопрос, тоже крайне важный для офицеров, а именно о их пенсиях, не удалось разрешить в желательном смысле. Военное министерство добивалось издания нового пенсионного закона для всех военнослужащих на тех основаниях, какие удалось провести во временном законе 1906 года, срок действия которого кончился 1 января 1909 года. Однако Министерство финансов, а с ним и Государственный контроль, по-прежнему противились этому начинанию, и Совет министров был на их стороне. Поэтому пришлось ограничиться продлением временного закона с некоторыми в нем исправлениями, что и было сделано в законодательном порядке в начале 1909 года.

Относительно производства в подполковники были выработаны новые правила, которые должны были обеспечить более добросовестный выбор лиц, достаиваемых производства, а именно, чтобы капитаны производились по корпусным линиям в полки своего корпуса; для некоторого уравнивания служащих в разных корпусах, старшинство всем подполковникам полагалось со дня выслуги шести лет в чине капитана. Закон относительно разрешения офицерам моложе двадцати восьми лет вступать в брак лишь при условии представления ими реверса постоянно обходился и на деле, в большинстве случаев, представлял лишь напрасное стеснение для офицеров, вследствие чего я счел более правильным вовсе его отменить.

Для обучения войск гимнастике было выработано новое наставление; однако до его утверждения, в одном из полков Царскосельского гарнизона (кажется, в лейб-гусарском) был

сделан опыт введения «сокольской» гимнастики, которую в марте месяце смотрели в полку государь и великий князь — главнокомандующий; гимнастика эта, чрезвычайно эффективная, им понравилась, и государь выразил желание, чтобы она была введена во всей армии. Я спросил по этому вопросу мнение главного военно-медицинского инспектора Евдокимова, который высказался против «сокольской» гимнастики, как вовсе не отвечающей тем целям, которые преследуются гимнастикой в войсках; я так и доложил государю, который не стал настаивать на своем решении. Впоследствии оказалось, что великий князь с разрешения государя ввел эту гимнастику в виде опыта во всех войсках округа, и осенью я от него получил рескрипт с заявлением, что опыт дал отличные результаты, поэтому он просил меня об окончательном введении ее во всей армии. Вопросу этому великий князь придавал такое значение, что рескрипт мне привез Газенкампф, который сказал, что великий князь очень настаивает на своей просьбе, и государь ей вполне сочувствует. Я ответил Газенкампфу, что потребую вновь обстоятельного доклада от Евдокимова и, в случае серьезных возражений с его стороны, не могу согласиться с великим князем. Газенкампф мне вновь стал говорить о желании великого князя и государя; я ему сказал, что государь может повелеть, что ему будет угодно, и я это исполню, но я ему должен докладывать свое мнение, а не то, что ему угодно.

Евдокимов мне доложил, что главная цель «сокольской» гимнастики — это развитие ловкости, а равно силы рук и ног, тогда как от военной гимнастики особенно требуется развитие легких; затем «сокольская» гимнастика хороша для детей и юношей, а взрослым начинать с нее вредно и даже опасно. Такое заключение Евдокимова заставило меня вновь высказаться против «сокольской» гимнастики. Я доложил государю рескрипт великого князя и возражения против него, и государь согласился со мною: «сокольской» гимнастики в армии не вводить, предоставив великому князю продолжать в своем округе опыт, уже производимый в нем с его разрешения. Этот отказ великому князю на его просьбу, столь настоятельно мне изложенную, несомненно должен был восстановить его против меня, но я не считал себя вправе уступить его желанию в вопросе, имевшем столь серьезное зна-

чение для здоровья и физической годности армии. Будучи сам некомпетентным в этом деле, я руководствовался мнением главного военно-медицинского инспектора и Военно-Медицинского ученого комитета. Было ли это мнение правильно, я не знаю, но тогда оно мне представлялось вполне убедительным; мне казалось, что в «сокольской» гимнастике более всего подкупала ее поклонников эффектность получавшихся представлений. Откровенно сознаюсь, что я не знаю, как пошло дело с гимнастикой после моего ухода с должности министра, так как я за этим не следил. Упомяну здесь о том, что государь весьма интересовался введением гимнастики в программу народных школ и два раза говорил мне об этом. Я лишь мог передать эти указания министрам народного просвещения, в первый раз — Кауфману и во второй раз — Шварцу, предложив им в качестве учителей наших запасных унтер-офицеров. В то время ничего из этого не вышло, но впоследствии Сухомлинов устроил команды «потешных»; они были устроены не серьезно, а лишь для царской потехи, пользы не принесли и лишь стали посмешищем.

Сокращение сроков службы настоятельно требовало, чтобы унтер-офицеры были из людей, служащих сверх срока; хороший и опытный состав унтер-офицеров требовался и для того, чтобы из их среды брать заместителей на младшие офицерские должности.

Я уже упоминал о том, что мне удалось резким улучшением быта сверхсрочных значительно увеличить их число, но все же оно по сравнению с потребностью оказывалось совершенно недостаточным. К началу 1908 года все еще до тридцати процентов вакансий для сверхсрочных оказывалось незаемщенными. Новое улучшение быта сверхсрочных могло бы принести пользу только в том случае, если бы оно было произведено в широком масштабе, с большими расходами, но для этого не было средств, и я решил попробовать иной способ увеличения их числа: оставление на сверхсрочную службу ефрейторов и рядовых с тем, чтобы они, уже служа сверх срока, готовились в унтер-офицеры. Мера эта обещала известный успех, так как среди увольняемых в запас рядовых весьма часто бывали отличные люди, лишь по недоразумению не попавшие на первом году службы в унтер-офицерские школы, и желавшие добиться галунов или

согласные остаться на службе потому, что их не тянуло назад на родину. Давая таким людям небольшие преимущества, их можно было удержать на службе и подготовить из них надежных унтер-офицеров. Меру эту предполагалось провести осенью 1909 года, для чего в смету 1909 года надо было внести кредит тысяч в сто. Но Министерство финансов и Контроль запротестовали против внесения этого кредита в смету к условному отпуску (то есть до утверждения самой меры в законодательном порядке), и эту сумму пришлось из сметы исключить! Мне лишь пришлось применить эту меру к Сводному полку, составлявшему охрану государя, а впоследствии она была проведена уже Сухомлиновым; какие она дала результаты — я не знаю.

Затем еще продолжались переговоры с другими министерствами о предоставлении сверхсрочным права на хорошо обставленные гражданские должности, разговоры довольно бесплодные, так как ни одно ведомство в действительности не желало связывать себя обязательствами давать такие должности только сверхсрочным.

Служба войск все еще не вошла в норму, многие войсковые части еще были в командировке, оторванные от своих постоянных квартир и запасов. Наряды войск все еще были громадны, так как они должны были охранять казначейства, тюрьмы, железные дороги, а в некоторых местах и почтовые учреждения, винные склады и тому подобное. В 1908 году удалось освободить войска от охраны железных дорог и несколько сократить караульные наряды. Вызовы войск для подавления беспорядков продолжались, и в 1908 году им в ста случаях приходилось прибегать к оружию. Льготных казачьих полков к началу года на службе было еще двадцать три; к концу года оставалось уже одиннадцать (девять кубанских и два терских), да и те содержались в слабом составе. В общем, в стране уже наступило успокоение, войска вновь стали успешнее заниматься прямым своим делом. Но я уже говорил о том, что обучение у нас всегда было слабо из-за массы всяких нарядов; за годы же революции и беспорядков оно совершенно расстроилось, так что армия и в этом отношении была не готова к походу.

Военные суды больше, чем когда-либо, были завалены чуждыми им делами о гражданских лицах. Они в 1908 году

рассмотрели обвинения против 7016 таких лиц и вынесли им 1135 смертных приговоров, а 2338 лиц осудили на каторгу. Военному министру еженедельно представлялась пачка кратких приговоров судов по наиболее важным делам. Читать эту литературу не было ни надобности, ни охоты, но я всегда просматривал их и подсчитывал число смертных приговоров, чтобы видеть, не пойдет ли их число на убыль?

Войска, расположенные в Сибири, всегда были в тяжелом положении в смысле их расквартирования, и до войны значительная часть имевшихся казарм была построена самими войсками хозяйственным способом. После войны состав сибирских войск значительно усилился вследствие обращения стрелковых полков в четырехбатальонный состав и добавления многих частей специальных родов оружия, а вместе с тем недостаток в казармах стал ощущаться особенно остро. Временно войска располагались в бараках, построенных для лазаретов, а во Владивостоке — в блиндажах, построенных во время войны; но эти помещения вовсе не отвечали климатическим условиям, блиндажи были сыры и антисанитарны и, при всем том, помещений не хватало. Ввиду этого, тотчас по окончанию войны, местное начальство стало настоятельно просить об отпуске денег на постройку казарм. Взяв сколько возможно из нашего скудного предельного бюджета, я стал ежегодно запрашивать у Совета министров по несколько миллионов на это дело; но крупный размер предстоявших работ заставлял относиться особенно внимательно к способу производства. Я был убежден, что если он будет производиться военными инженерами обычным подрядным способом, то оно будет выполнено либо плохо, либо едва удовлетворительно, и не менее четверти ассигнуемых сумм разойдутся по карманам. Чтобы строить хорошо и дешево, я видел лишь один способ — при посредстве Главной казарменной комиссии, производившей работы в Европейской России через войсковые комиссии, при участии в них Контроля. Попыты такого производства работ уже были в Приамурском округе, но опыты неудачные; тем не менее, я решил повторить попытку, потребовав, чтобы были приняты все меры для обеспечения успеха. С начальством Иркутского и Омского округов удалось договориться довольно быстро, и работы в них наладились весьма успешно; но начальст-

во Приамурского округа упорно не соглашалось на установление нового порядка производства работ, выставляли к этому всевозможные препятствия. Когда же оно увидело, что я настаиваю на своем, то просто тормозило дело, что было вполне возможно при медленности почтовых отношений. Во главе округа стоял военный инженер генерал Унтербергер, сам несомненно честный человек, но горой стоявший за военных инженеров и при том крайне упрямый. Медленность отношений с округом привела к тому, что один строительный сезон был упущен. Округ, между прочим, дошел до того, что отказался указать, какие работы надо выполнить в первую очередь, и где для них надо образовывать строительные комиссии, заявляя, что если работы будет производить Главная казарменная комиссия, то пусть она решает и этот вопрос! Одновременно я стороной стал получать удручающие сведения о казарменном строительстве в округе. Великий князь Сергей Михайлович, побывавший в округе, сообщил мне, что казарменных работ производится мало, а на Востоке идут гомерические рассказы про воровство некоторых военных инженеров, например, полковника Жигалковского, а войска расквартированы ужасно! Коковцов на мое требование об ассигновании новых кредитов на строительство в округе, заявил, что в округе еще несколько миллионов лежат неиспользованными! Когда я об этом спросил Вернандера, он мне сознался, что ничего не знает про то, что делается в Приамурском округе, так как оттуда донесений не получает, о чем он мне, однако, не докладывал. Стало очевидным, что обычными способами тут ничего не добьешься, и я решился на крайнюю меру — на посылку для расследования дела особой комиссии. Во главе ее был поставлен член Военного совета генерал Якубовский, служивший в Генеральном штабе, непричастный ни к какому строительству, честный и правдивый; вместе с ним были посланы чины Главного штаба, Казарменной комиссии и Контроля.

Комиссия эта отлично исполнила свое дело; она не только выяснила существовавшие в Приамурье неполадки, но и определила потребности войск и степень их настоятельности, наметила план казарменного строительства и подготовила почву для надлежащего его развития. Свой обстоятель-

ный отчет она представила уже после того, как я был уволен от должности министра.

Комиссия выяснила, что в самом окружном управлении дело было поставлено неправильно. Сведения о квартирах войсковых частей и об их нуждах в этом отношении были сосредоточены не в окружном штабе, а в окружном инженерном управлении, которое поэтому одно, без участия штаба, составляло соображения о строительстве, причем получались большие несуразности. Так, некоторые части, не считывая на скорую постройку казарм казной, построили себе нужнейшие здания сами и получали на них из казны квартирные оклады, как за наемные здания; инженеры считали эти здания несуществующими, а так как они были настоятельно нужны, то намечали их к постройке в первую очередь. Между тем здания, построенные войсками, хотя и были несовершенны, но по нужде вполне могли исполнить свое назначение в течение нескольких лет, пока строились другие помещения, действительно недостававшие. Самые работы выполнялись до того медленно, что часть кредитов, на них назначенных, оставалась неиспользованной в течение трех лет и возвращалась в казну, а между тем нужда в казармах была вопиющая!

У меня под рукой лишь общее заключение из отчета генерала Якубовского, которое считаю не лишним привести. Оно гласит:

«Все вышеизложенное приводит к следующим заключениям:

а) Причины медленности постройки казарм инженерным ведомством: недостаточная заботливость и непредусмотрительность, до крайности медленное распределение кредитов, зачастую не по прямому их назначению, и отсутствие какой-либо системы в постепенном возведении зданий. Отсюда: случайное назначение работ, позднее составление проектов и смет, только тогда, когда деньги отпущены, и, как следствие последнего, пропуски удобного для строительных работ времени.

б) В хозяйственном отношении преобладают также бесхозяйственность, беспечность и небрежность: заготовки материалов и заподряды работ совершаются несвоевременно; допускается производство работ в такое время, когда работы

не должны были бы производиться; наблюдение за поставками и работами крайне слабое, если не сказать отсутствует; сверх того, заметно пристрастие к излюбленным подрядчикам, даже в ущерб казне — заботы об их выгодах как бы преобладают над заботами об успешности строительства и выгодности его производства.

в) Последствием сего: медленность и дороговизна построек, а в некоторых случаях и убытки казне.

г) Что же касается применения к Приамурскому военному округу казарменного строительства через посредство Главной казарменной комиссии, то, благодаря трудам командированных со мной генерал-майора Беляева и полковника Иванова*, все препятствия к тому устранены, и в настоящее время мера эта осуществляется».

Действительно, в последующие года Казарменная комиссия широко развила свою деятельность в Приамурском округе и настроила в нем массу казарм. Весьма интересен тот факт, что у нее не только ассигнуемые ей кредиты не залеживались, но в... году она даже произвела работ на...** миллионов рублей в счет сметы следующего года, лишь бы скорее обеспечить войска казармами; за что на нее были нарекания.

О Главной казарменной комиссии мне до сих пор не приходилось говорить, потому, что она тихо и исправно делала свое дело, не причиняя министру никаких забот; о ее существовании ему напоминали лишь журналы ее заседаний, представлявшиеся ему на утверждение, что являлось простой формальностью, так как дело ее было вполне налажено и журналы по большей части касались технических деталей. Между тем Комиссия эта весьма замечательна во многих отношениях. Самое существование ее наряду с обширным инженерным ведомством являлось аномалией, объясняемое официально на разные лады, но в действительности вызванное тем, что инженеры строили дорого, медленно и плохо, тогда как Казарменная комиссия работала дешево, скоро и хорошо. Инженерное ведомство работало на рутине, через подрядчиков и мало сообразуясь с желаниями войск, тогда

* Беляев — из Главного штаба (впоследствии, в 1917 г. — военный министр) и Иванов — из Казарменной комиссии.

** Дата и сумма отсутствуют (Сост.).

как Казарменная комиссия применяла хозяйственный способ и руководство хозяйственной стороной дела передавала представителям от войск и от Контроля. В деятельности инженерного ведомства было много тайных махинаций, тогда как Казарменная комиссия вела свое дело гласно, открыто и честно.

У нас уже так повелось, что во всех ведомствах и учреждениях, распоряжающихся заготовлениями и постройками за счет казны или общественных сумм, злоупотребления являются правилом, а Казарменная комиссия составляла в этом отношении удивительное исключение! Поэтому весьма интересно выяснить, как могло у нас возникнуть такое учреждение и почему инженерное ведомство все же сохранялось наряду с ним в прежнем виде?

Казарменная комиссия возникла в начале царствования Александра III. Ванновский, видя, что работы, производимые военными инженерами «обходятся дорого», образовал в виде опыта небольшую комиссию при Военном совете для постройки казарм. Деятельность ее вначале была ограниченная, состав небольшой и делопроизводителем ее был назначен капитан артиллерии Гаусман. Постепенно ассигнования на казарменное строительство стали увеличиваться; произошло еще замечательное событие: постройка на Западе шоссе для нужд армии (стратегических) велась инженерами путей сообщения плохо и была передана военному ведомству, которое ее передало той же Казарменной комиссии; и эта работа повелась вполне успешно. Наилучшей гарантией доброкачества работ Комиссии являлось то, что она готовые свои работы принимала в дальнейшее ведение. Очевидно, что работа Комиссии с самого начала была поставлена правильно и так же велась и дальше при все расширявшемся круге ее ведения, невзирая на довольно частую смену ее председателей, избиравшихся из членов Военного совета, людей уже пожилых, и на перемены в составе ее членов. Бессменно в составе комиссии в течение более тридцати лет оставался один Гаусман. Я не знаю, кто в самом начале наладил работу Комиссии, но знаю, что впоследствии Гаусман являлся душой Комиссии. Обладая кипучей энергией, неутомимый работник, отлично изучивший дело, он тщательно и удачно подбирал себе сотрудников, и благодаря ему работа

Комиссии шла отлично. Все крупные казарменные работы возлагались на Казарменную комиссию*.

Почему же инженерное ведомство продолжало оставаться и работать в прежнем виде? Ванновский пробовал его исправить и кое-чего достиг. Крупные работы в крепостях стали тоже производиться при участии Контроля, а военным инженерам на этих работах было увеличено содержание, и по-видимому, там получилось иное, более безупречное отношение инженеров к делу; но главная масса инженеров (в Главном и окружных управлениях и в дистанциях) продолжала оставаться в прежнем виде и действовать в прежнем духе. По поводу злоупотреблений, раскрытых в Финляндском военном округе, было возбуждено громкое судебное дело, которое, однако, привело лишь к осуждению нескольких попавшихся лиц, но не оказало влияния на особую постановку дела. Чтобы изменить ее, надо было преобразовать или, выражаясь точнее, наполовину раскассировать инженерное ведомство; среди многочисленных функций последнего, казарменное дело было самым обширным, но и самым простым, в котором военных инженеров легко было заменить архитекторами, но в других специальностях они были незаменимы. Поэтому преобразование представлялось крайне сложным; вероятно, для его подготовки Ванновский хотел взять главного начальника инженеров из Генерального штаба. В конце концов, он от этого отказался и взял на эту должность Вернандера, лично честного, но упорного защитника корпорации военных инженеров.

При Куропаткине Вернандер был одним из ближайших людей и, конечно, не могло быть и речи о неприятных для инженеров преобразованиях. Сахаров во время войны, конечно, не мог и думать о таких преобразованиях; наконец, я ничего не мог сделать с инженерным ведомством, во главе которого стоял великий князь Петр Николаевич. Я думал, что хотя бы в дистанциях можно было бы заменить военных инженеров гражданскими**, но Вернандер указал на то, что

---

* Для мелких работ организация особых местных комиссий являлась слишком сложной и дорогой.

** Это дело дало бы иной оттенок всему характеру деятельности инженеров, а среди многочисленных гражданских инженеров можно было бы найти вполне подходящих лиц.

в военное время эти военные инженеры являются широким резервом для назначения на разные инженерные должности в тылу армии, и я, ввиду бесполезности спора, на этом не настаивал.

Третья Государственная Дума обратила внимание на ненормальность существования рядом двух строительных органов, но по недоразумению, стала требовать упразднения Казарменной комиссии, которую мне неоднократно приходилось защищать в Комиссии государственной обороны, причем я лишь в частных разговорах с ее членами мог откровенно объяснить преимущество образа ее действий.

Лишь моему преемнику, Сухомлинову, пришлось совершить преобразование инженерного ведомства с передачей всего казарменного дела в ведение Казарменной комиссии, переименованной в Главное казарменное управление, во главе которого остался бывший председатель комиссии генерал Гаусман.

ГЛАВА ОДИННАДЦАТАЯ

*Новый порядок ведения войскового хозяйства. —
Нарекания на Интендантство. — Новое положение о
высшем управлении артиллерией. — Изменения в форме
одежды чинов Военного министерства. —
Княжество Болгарское — независимое королевство. —
Кандидаты на должность протопресвитера военного и
морского духовенства. — «Домашняя жизнь текла
счастливо и тихо». — На празднике л.-гв. Семеновского
полка. — Моя «арифметика»*

Опыт с новым порядком ведения войскового хозяйства проходил вполне успешно в избранных для того частях и выяснил полную применимость намеченного нового порядка, притом без существенного увеличения расходов*. До чего, однако, новый порядок был неудобен для отдельных лиц, вызывая их неудовольствие и недоброжелательное отношение к реформе, видно из нескольких недоразумений, произошедших во время этого опыта. Так, генерал Водар мне пожаловался, что в артиллерийской бригаде один капитан (Солодовников) нагрубил генералу Мейстеру, руководившему опытом в этой бригаде. Я по телеграфу вызвал командира корпуса, генерала Глазова, поставил ему это дело на вид и приказал немедленно ехать в бригаду и объявить, что я требую беспрекословного исполнения новых правил ведения хозяйства и не останавлиюсь перед переводом непослушных офицеров в другие части; виновного капитана я посадил

---

* По просьбе командира л.-гв Гусарского Его Величества полка (полковника Воейкова) этот полк тоже был привлечен к опыту с осени 1908 года.

на гауптвахту, перевел в другую бригаду и исключил из списка кандидатов на батарею. Начальник штаба дивизии написал генералу Водару дерзко ироническую бумагу; я ему объявил выговор и исключил из списков кандидатов на полк. Эти суровые взыскания достигли цели: никто уже не смел восставать против нового порядка, и никаких историй уже не было. Но эти инциденты показывали, до чего новый порядок был не по сердцу многим, до чего осторожно и обдуманно надо было проводить реформу, и наконец, до чего наше офицерство нуждалось в мерах строгости!

На 1909 год было решено существенно расширить опыт, распространив его на весь 10-й армейский корпус, 5-й саперный и 5-й понтонный батальоны. Для этого надо было уже 1 сентября назначить весь нужный личный состав, дабы он успел своевременно ознакомиться с состоянием хозяйства, и составить для него смету на 1909 год. На 1908 год я еще мог дать средства из предельного бюджета, но для начала 1909 года, когда предельный бюджет уже не действовал, было трудно получить законным путем деньги, так как не было надежды провести нужный законопроект до нового года, а утверждения росписи нельзя было ожидать ранее весны. Чтобы выйти из этого затруднения, я воспользовался редко применяемой статьей закона (С. В. П.*, Кн. 1, 27), по которой военный министр в обстоятельствах чрезвычайных имеет право принимать меры, превышающие его власть, доводя о них до высочайшего сведения. На основании этой статьи, едва ли вполне подходившей, я разрешил кредиты, и нужный личный состав был назначен в свое время; никаких возражений против моего чрезвычайного права не было — по-видимому, это действительно был единственный способ своевременного решения вопроса,

В отношении передачи военно-врачебных заведений в руки врачей: в 1908 году состоялась передача в их полное ведение заведений, состоящих при войсковых частях, и решена передача им местных лазаретов, для чего, однако, штаты лазаретов надо было изменить и несколько усилить.

Ввиду предстоявших изменений в организации армии я вновь поднял вопрос об образовании в составе корпусов час-

* Свод военных постановлений (Сост.).

тей обозных войск, назначив для его обсуждения комиссию под председательством герцога Мекленбургского.

В полевой артиллерии в 1908 году начато введение щитов и панорамных прицелов и для горной артиллерии принята новая пушка системы Шнейдера. Начата постройка новых заводов, трубочного и взрывчатых веществ, и расширены патронные заводы.

Снабжение армии пулеметами шло медленно ввиду недостаточности ассигнований на их изготовление; по составленному для того плану лишь к 1915 году мы должны были иметь по одной команде из восьми пулеметов на каждый пехотный полк и каждую конную дивизию.

Весьма важен был вопрос о выработке легкого и малоизвестного станка к пулеметам; работы и опыты в этом отношении производились в Ораниенбауме в офицерской стрелковой школе. Чтобы познакомиться с ними, я в середине ноября посетил школу, где видел стрельбу, производимую с различных станков; здесь же я видел несколько типов автоматических винтовок, которые там разрабатывались их изобретателями. Заготовка новых станков к пулеметам была начата в 1908 году. Воздухоплавательное дело тогда еще было в зародыше и ограничивалось только аппаратами легче воздуха; аэропланов у нас еще не было. По рекомендации Столыпина я принял одного изобретателя, Татарина, и разрешил ему субсидию в пятьдесят тысяч рублей на постройку аппарата, устройство которого он держал в большом секрете. Татарин мне показал описание изобретенного им дешевого гидравлического прессы и произвел на меня впечатление талантливого человека, но осуществить свой проект ему не удалось*.

В начале этого года был разрешен весьма острый вопрос, относившийся к внутренней жизни Уральского войска. Войско состояло из двадцати семи собственно уральских станиц, составлявших большую общину, члены которой пользовались сообща территорией и рыбной ловлей в Урале, и четырех илецких станиц, имевших свои особые наделы и не

---

* Свой секрет он до известной степени открыл Вернандеру, который мне говорил, что его аппарат будет представлять собою вид вертолета. Вернандер говорил, что Татарину, видимо, недостает технического образования.

участвовавших в рыбной ловле, главном источнике дохода казаков. Илецкие станицы, будучи бедными, давно ходатайствовали о сравнении их в правах с уральскими, так как они службу несли наравне с ними. Ходатайство это представлялось справедливым, но уральцы ни за что не хотели допустить такого сравнения и надо было опасаться волнений и даже беспорядков в войске в случае удовлетворения ходатайств илецких станиц. Тем не менее, Военный совет признал это ходатайство справедливым и в конце 1907 года положил его уважить. Уральские станицы, ежегодно высылавшие депутацию для поднесения государю рыбного «презента», поручили своей депутации ходатайствовать перед государем, чтобы все было оставлено по-старому. Наказной атаман генерал Родзянко мне донес 26 ноября, что государь сказал депутации, что дело это еще рассматривается в Военном министерстве, и он с ним не знаком, но он отнесется к нему с особым вниманием, когда оно будет представлено на его утверждение; что его решение в свое время будет объявлено, и он требует точного, спокойного и послушного его исполнения той и другой сторонами.

После утверждения государем постановления Военного совета, оно в январе 1908 года было объявлено Войску командированным для того генерал-адъютантом Максимовичем на очередном съезде выборных от станичных обществ. Решение государя было принято войском спокойно.

Упомянув имя Родзянко, невольно вспоминаю о том, как его вскоре пришлось уволить от службы. Он был моим товарищем по Пажескому корпусу (на год старше меня); в начале 1908 года он, уезжая из Петербурга в Уральск, спросил меня, нет ли на него нареканий и следует ли ему оставаться в должности? Я ему вполне откровенно заявил, что ни от кого не слышал нареканий, и он спокойно может ехать назад; он меня просил, буде нужно, прямо заявить ему о необходимости подать в отставку, он к этому готов. Я тогда не обратил особого внимания на его слова; но весной начальник Главного управления казачьих войск генерал Гарф мне заявил, что он от Уральского войска не может добиться толку: на такой-то его запрос он не может получить ответа, потому просит меня, чтобы я сам подписал такой же запрос атаману. При этом Гарф мне заявил, что вообще Родзянко,

по-видимому, перестал заниматься службой, и все дела Уральского войска затягиваются, так как войско страшно медлит с перепиской. На мой запрос тоже долго не было ответа. Тогда я написал Родзянко частное письмо, в котором указал на его неисправность и просил его подать в отставку. На это письмо я от него получил крайне оригинальный и неожиданный ответ: он меня сердечно благодарил за предложение оставить службу! Он мне писал, что давно сознает себя непригодным для нее, но не может решиться оставить ее сам, и теперь просит уволить его без прошения. Я вновь должен был писать ему, что для увольнения его без прошения я должен был бы беспокоить государя мотивированным докладом, потому прошу его подать прошение об отставке; он его тогда подал. Больше я Родзянко не видел и дальнейшей судьбы его не знаю.

Для обороны реки Амур, служившей на протяжении сотен верст нашей границей с Китаем, Морское министерство строило канонерские лодки двух типов — для среднего и для нижнего течения реки. Оно настаивало на том, чтобы всю эту речную флотилию военное ведомство взяло бы в свое ведение, но я упорно от этого отказывался. У нас на руках уже была одна флотилия на реке Амударье, и мы уже знали по опыту, как трудно ведать совсем чуждым делом: все технические вопросы приходилось передавать в Морское министерство, которое разрешало их в виде любезности, а личный состав флотилии было трудно пополнять, так как ему не было дальнейшего хода по службе; но эта флотилия имела лишь коммерческое значение, тогда как Амурская должна была образовать боевую силу, поэтому заведование ею было много сложнее и ответственнее. Для Амурской флотилии надо было около Хабаровска построить базу, и эта работа по просьбе морского министра была возложена на нашу Казарменную комиссию.

Для характеристики Морского министерства и морского министра генерал-адъютанта Дикова могут служить два недоразумения между военным и морским ведомствами. Первое произошло из-за дисциплинарного батальона в Архангельске. Наши дисциплинарные батальоны, куда поступали и моряки, были переполнены, поэтому моряки должны были учредить свой батальон в Архангельске. Для окарауливания это-

го батальона нам пришлось усилить гарнизон Архангельска, но для командированных туда частей там не оказалось порядочных помещений. Посланный туда генерал (Данилов?) нашел, что одна рота расположена в деревянном здании, опасном в пожарном отношении и холодном. Моряки для своего дисциплинарного батальона отремонтировали часть древних Соломбальских морских казарм, но о наших частях, окарауливавших батальон, не позаботились. В тех же казармах оказалось еще вполне исправное помещение, занятое под провиант для арестованных, привезенный из Кронштадта, так как они «не стали бы есть провианта, заготовленного для армии». Генерал потребовал немедленного отвода этого помещения для роты, угрожая иначе телеграфировать главнокомандующему о выводе роты из Архангельска; требование его было исполнено. Арестованные моряки получали продовольствие по морскому положению, лучшее, чем сухопутные караулы, над которыми они поэтому смеялись. Я потребовал, чтобы это было изменено, опять-таки под угрозой снять караулы! Вообще, морское начальство, по-видимому, боялось матросов.

Другой инцидент произошел из-за одного сухопутного офицера, пожелавшего перейти на службу во флот. Выдержав теоретические экзамены, он летом должен был идти в плавание, причем оказалось, что он, как не морской офицер, не будет иметь доступа в офицерскую кают-компанию. Признавая унижением для офицерского достоинства то, что он будет довольствоваться не за офицерским столом, наш офицер отказался от плавания и от перехода во флот. Узнав об этом, я хотел ругаться с Диковым в ближайшем заседании Совета министров, но встретил там лишь его товарища, милейшего Воеводского, который, соглашаясь со мною, сказал, что с Диковым ничего в этом вопросе не поделаешь — он твердо держится старых морских традиций. Морские офицеры нисколько еще не сознавали своей неудовлетворительности, а считали себя выдающимися и привилегированными; ни Цусима, ни беспорядки во флоте, делавшие его ни к чему не пригодным, их еще не отрезвили! В значительной степени это, я думаю, зависело от удивительного пристрастия государя к флоту.

В составе моих ближайших сотрудников в 1908 году произошла еще перемена: главный интендант Ростковский, ссылаясь на усталость, исправил себе назначение в Военный совет. Вместо него был назначен генерал Поляков, носивший мундир Генерального штаба и бывший долго окружным интендантом. Ростковский имел полное право жаловаться на усталость, так как он был интендантом в течение тяжелых годов войны и последовавшей разрухи; но на его уход, вероятно, повлияло и то, что в печати стали появляться статьи против интендантских хищений, уже не в виде общих нареканий, а с указанием имен и фактов. В большинстве случаев у нас не было данных для преследования этих лиц, поэтому мы лишь могли требовать от них, чтобы они обращались в суд с жалобами на клевету. Должен сказать, что во всех этих статьях не было нареканий на деятельность самого Ростковского; его винули лишь в том, что он не доглядел этих хищений и терпел на службе взяточников. Но я лично не решился обвинить его в этом, так как состав Интендантства был самый отчаянный; способные люди шли в интендантскую службу лишь в виде исключения и тогда уже не упускали случая, чтобы вознаградить себя за бесчестье, сопряженное с их службой, и чем способнее они были, тем более ловко они умели обставлять свою деятельность всякими законными масками. Я сам в 1893 году именно потому и отказался от принятия высокой должности в Интендантстве, что считал себя не в силах бороться со злоупотреблениями подчиненных и не хотел рисковать своим честным именем, служа в этом ведомстве. Поэтому я не мог винить и других за то, что они, служа в Интендантстве, не сумели добиться честности своих подчиненных, а искренне уважал тех, которые, служа в этом ведомстве, сами устояли против искушений и сумели сохранить свое имя незапятнанным.

Нарекания на Интендантство становились, однако, столь громкими и настойчивыми, что необходимо было выяснить истину. Между тем, обычными путями это было невозможно. Так например, обвиняли приемные комиссии в том, что они принимали вещи от поставщиков лишь при условии получения взяток; отдельные поставщики это подтверждали в частных разговорах, но решительно отказывались подтвердить это официально как из боязни, что они тогда вовсе не

будут иметь возможности ставить что-либо в Интендантство, так и вообще из нежелания выступать на суде. Было поэтому решено прибегнуть к чрезвычайной мере — к производству сенаторской ревизии, которая была поручена сенатору Гарину, снабженному для этого самыми обширными полномочиями. Приступая к ревизии, Гарин обратился ко мне за указаниями; я ему заявил, что лишь хочу добиться правды и готов оказать ему всякое содействие, а на его вопрос, как ему быть, если замешанными окажутся лица высокопоставленные, я ему заявил, что чем крупнее будут щуки, которых он изловит, тем более я ему буду благодарен. Со своей стороны я ему обещал лишь одно: если по его ревизии кому-либо будут прописаны арестантские роты, то я настою на том, чтобы тот действительно туда попал.

Ревизия Гарина, действительно, обнаружила массу хищений, за которые несколько десятков лиц были преданы суду и осуждены. Закончилась она уже после моего ухода с должности министра. Она принесла несомненную пользу, так как привела к наказанию виновных и одновременно выяснила существование в Интендантстве нескольких вполне честных лиц; затем она дала удовлетворение общественному негодованию; но, конечно, она не могла исправить Интендантство: взяточники не перестали брать взятки, а лишь брали их осторожнее и (ввиду большего риска) в большем размере. Улучшение же состава Интендантства надо было добиваться иными путями. Я думал подойти к нему, обеспечив Интендантству определенный источник пополнения, — из строевых офицеров, которые окажутся малопригодными для строя, и обязав молодых интендантов начинать службу при войсках, где их деятельность вся была на виду, потому можно было ожидать, что там злоупотреблений не будет. Достигнуть существенных результатов я, однако, не рассчитывал, так как соблазн был слишком велик, и современное общество, если и возмущалось хищениями, то довольно лицемерно, так как масса членов этого же общества при удобном случае были рады попользоваться казенными и общественными суммами, и то же общество вообще не отворачивалось от тех своих сочленов, которые успевали попользоваться, не попадая на скамью подсудимых. Откуда же было брать целый корпус бессеребреников? Я помню, мне кто-то говорил, что

из сумм, ассигнуемых на интендантские заготовки, восемь процентов прилипают к рукам; передавая об этом Ростковскому, я добавил, что если бы нам двум пришлось пробыть в своих должностях еще десяток лет, то я считал бы большим успехом добиться понижения этого процента с восьми хотя бы до шести!

Руководствуясь решением Совета государственной обороны, было выработано новое положение о высшем управлении артиллерией, утвержденное государем. По этому положению должность генерал-фельдцейхмейстера упразднялась, а звание генерал-фельдцейхмейстера сохранялось лишь как почетное; генерал-инспектор артиллерии устранился от управления артиллерией и от заведования Главным артиллерийским управлением и за ним оставлены лишь инспекции и проверка; товарищ генерал-фельдцейхмейстера, переименованный в начальники Главного артиллерийского управления стал самостоятельным начальником этого управления. Таков был новый закон; на деле же все осталось по-старому, так как люди остались прежние, и великий князь Сергей Михалович продолжал быть руководителем Кузьмина-Караваева.

Генерал-инспектору кавалерии подчинялась Инспекция ремонтов и запасной кавалерии; для того, чтобы и он нес только инспекторские функции, эту Инспекцию изъяли из его ведения и подчинили ее военному министру. В таком специальном деле я был совершенно несведущ, поэтому такое преобразование было мне весьма неприятно; оно возлагало на меня известную ответственность за дело, которым я руководить не мог. Инспектором ремонтов был назначен генерал барон Стемпель, кажется, очень сведущий старик, рекомендованный мне великим князем Николаем Николаевичем; ему лишь весьма редко приходилось бывать у меня с докладами.

Без изменения оставалась лишь Генерал-инспекция инженеров, вероятно, потому, что великий князь Петр Николаевич¹⁷ не желал перемены своего положения; в начале же следующего 1909 года он вовсе оставил свою должность.

Еще велись (с начала 1907 года) работы по пересмотру «Положения о полевом управлении войск», оставшемуся почти без всяких изменений в том виде, как оно в 1890 году вышло из моих рук; работа эта была возложена на генерала

барона Бильдерлинга; она затянулась почему-то до того, что новое Положение не было вполне готово к началу войны 1914 года.

Изменение организации армии, обсуждавшееся весной 1908 года при участии командующих войсками, все еще обсуждалось и обрабатывалось. Совет обороны не внес вполне определенных решений, на которые Военное министерство могло бы опираться, чтобы требовать новые жертвы со стороны государства. Приходилось изыскивать новую организацию, более совершенную, без увеличения ее численности и потребных на нее расходов. Намечавшиеся улучшения заключались в усилении полевых войск за счет резервных, сформировании недостававших частей специальных родов оружия (в том числе обозных) и установлении у нас пополнения армии (новобранцами и запасными) по системе, возможно близкой к территориальной; для последней цели необходимо было внести существенные изменения в дислокацию войск. Работы эти велись в Управлении Генерального штаба, но донельзя медленно; они двинулись вперед лишь с увольнением Палицына и заменой его Сухомлиновым, то есть в самом конце года. До ухода Палицына и подчинения мне Управления Генерального штаба, я даже мало знал о ходе работ, так как Палицын на мои вопросы отвечал в неопределенной форме, что работы идут, что они крайне сложны и проч.

Некоторые организационные меры все же пришлось выполнить, не ожидая окончания плана, но в соответствии с принятыми для него основаниями. Так, по настойчивому требованию главнокомандующего, состав двух финляндских стрелковых бригад был доведен до девяноста рядов в ротах, причем необходимый личный состав был получен путем обращения восьми резервных полков в резервные батальоны; затем, две резервные бригады (65-я и 66-я) были обращены в полевые дивизии, для чего они были усилены за счет частей крепостной пехоты*.

Усиление состава войск в Финляндии было вызвано продолжавшимся там брожением; в сентябре по просьбе Сто-

---

* Либавский полк и Усть-Двинский, Керченский и Михайловский батальоны и вторые батальоны четырех варшавских и трех ковенских полков.

лыпина я предписал даже производство в Свеаборге демонстративных работ по установке орудий, направленных на Гельсингфорс.

Один с виду мелочный вопрос в 1908 году волновал чинов Министерства — о форме их одежды. С давних пор чинов Министерства была присвоена форма с красным воротником и серебряным прибором и с черным кантом вокруг воротника и погон. Ту же форму носило и все Интендантство, поэтому она была вообще известна публике как интендантская, а черный кант называли «воровским». Только в Артиллерийском и Инженерном управлениях офицеры носили форму артиллерии и инженерных войск, да офицеры Генерального штаба и судебного ведомства сохраняли свою; все же остальные были обречены слыть в обществе за интендантов. Особенно обидно это было для чинов Канцелярии Военного министерства, так как их всегда смешивали с интендантами ввиду того, что Канцелярия и Интендантство помещались в одном доме у Исаакя.

Совершенно естественно, эта общность формы была обидна для всех неинтендантов, и они уже давно мечтали о каком бы то ни было различии. Еще при Куропаткине я сам подымал об этом вопрос, но тогда ничего из этого не вышло. Интенданты, конечно, были против всякого изменения, ввиду обидности для них самого мотива этой меры. Весной 1908 года я вновь поднял этот вопрос.

Внешним толчком для этого послужило то обстоятельство, что в здании Главного штаба помещались Главный штаб и Главное управление Генерального штаба, причем их помещения были размежеваны совершенно случайно, и Палицын пожелал дать внешнее отличие своим чином. Я предоставил ему испросить форму по своему вкусу и приказал главному интенданту по соглашению с другими начальниками главных управлений придумать отличия для чинов сих управлений. О поручении тотчас стало известно в Министерстве; пока оно исполнялось, прошло несколько недель, и за это время чинов Министерства охватило волнение: пошли слухи, что я передумал, что интенданты тянут дело в надежде на скорый мой уход и тому подобное, и я стал получать анонимные письма с просьбами о скорейшем исполнении давнишней мечты их авторов!

Отличия, в виде разных кантов, были утверждены. Интенданты просили снять с них «воровской» кант, но к этому не было основания. Недоразумение у меня вышло с формой Канцелярии Военного министерства. Ввиду того, что туда принимались только лица с высшим образованием, я считал справедливым дать ей бархатный воротник; черный бархат уже имелся с разными кантами, а потому я избрал синий бархат с красным кантом (семеновское сочетание цветов), чины Канцелярии были весьма довольны, но недолго: вскоре оказалось, что при серебряном приборе офицеров Канцелярии стали принимать за жандармов! Пошли новые вопли, и я предоставил Забелину придумать другой кант; избрали какой-то некрасивый, серо-голубой.

Главный военно-медицинский инспектор Евдокимов попросил меня дать и врачам бархатные воротники, заявив, что это их крайне обрадует и подымет дух. Признаюсь, я не ожидал, чтобы врачи придавали этому такое значение, но с удовольствием согласился на просьбу украсить форму ученой корпорации, тем более, что Медицинская академия уже имела бархатные воротники*.

За исключением приведенных случаев, я не принимал какого-нибудь личного участия в переменах форм обмундирования.

В сентябре 1908 года княжество Болгарское объявило себя независимым королевством, и по этому поводу вновь возникли опасения внешних осложнений. Извольский в это время был за границей, и я обратился к его товарищу Чарыкову с просьбой выяснить мне политическое положение. Чарыков 25 сентября сообщил мне частным письмом успокоительные вести: турецкий посол предъявил официальный протест, прося передать дело на решение Конференции держав, заявив при этом, что Турция из-за этого воевать не станет. К этому Чарыков добавлял, что с Турцией у нас налаживается искреннее сближение, а с Австро-Венгрией ведется дипломатическая борьба, которая, однако, пока войной не угрожает. Беспокоила его лишь «несчастливая и увлекающаяся» Сербия, но и с этой стороны он не видел повода к тревоге. Таким образом, этот инцидент обещал пройти благо-

---

* Академия имела и сохранила черный бархат, а врачи получили темно-синий.

получно и даже не давал мне оснований к предъявлению каких-либо новых требований относительно кредитов на скорейшее приведение армии в боевую готовность.

Осенью мне пришлось коснуться вопроса, совершенно мне чуждого и довольно щекотливого для меня, как лютеранина. Протопресвитер военного и морского духовенства отец Желобовский был уже маститый старец, и здоровье стало ему изменять. Это было особенно заметно на многочисленных церковных парадах в присутствии государя, где он после молебствия должен был обходить фронт войск для окропления их водой, но ноги уже отказывались ему служить. Было очевидно, что вскоре придется заменить его лицом более бодрым. По закону избрание протопресвитера принадлежало Святейшему Синоду, с согласия военного министра. Епископ Владимир Кронштадский, с которым мы познакомились в Мариенбаде, осенью появился у нас в Петербурге и сообщил мне, что на должность протопресвитера уже появились кандидаты: известный московский протоиерей Восторгов и епископ Серафим (в миру — Чичагов). Обоих эта должность манила своею самостоятельностью и тем, что с нею было связано звание члена Синода.

Восторгова я лично не знал, но то, что я о нем читал и слышал, заставляло меня считать его вовсе нежелательным кандидатом; что же касается епископа Серафима, то я его несколько знал по Пажескому корпусу, из которого он, через год или два после меня, вышел в офицеры Гвардейской конной артиллерии. Не знаю, что побудило его впоследствии стать священником, а потом принять пострижение, так как я с ним уже почти не встречался, но был убежден, что он при этом руководствовался не какими-либо духовными стремлениями, а житейскими расчетами: я после того видел его лишь раз, на столетнем юбилее Пажеского корпуса, где он, в рясе, подошел ко мне, чуть не манкируя! Он тоже был нежелательным кандидатом.

Епископ Владимир советовал мне переговорить лично с митрополитом Антонием; он мне сказал, что митрополит не сочувствует обоим этим лицам и будет рад, если я, со своей стороны, помогу ему отклонить их кандидатуру; вместе с тем епископ Владимир просил меня замолвить слово в пользу назначения его самого на эту должность.

На мой недоуменный вопрос, может ли епископ занять должность протопресвитера, он мне объяснил, что должность эта сама по себе антиканонична, так как всякий «пресвитер преемлет власть от епископа» и «без воли епископа ничего не может делать»*, а между тем военное духовенство своего епископа не имеет, так что иерархия его не полна. На мой дальнейший вопрос, не возникнет ли еще канонических неудобств, если военными церквями будет ведать архиерей, так как в одной епархии не могут действовать две архиерейские власти, епископ Владимир мне сказал, что этот вопрос на практике уже вполне выяснен и никаких затруднений представить не может.

Я решил последовать его указаниям и обратиться к митрополиту Антонию. Самого епископа Владимира я знал слишком мало, чтобы выставлять его кандидатуру; он на меня еще производил хорошее впечатление, которое стало ослабевать и заменяться сомнением лишь впоследствии, когда я его узнал несколько ближе и увидел, что его аскетизм чисто внешний, и он весьма интересуется мирскими делами и благами. Я был у митрополита Антония в его помещении в Лавре, имевшем весьма холодный и неудобный вид. Я ему изложил, что Желобовский стар и болен, что я не веду речи о его увольнении, но, вероятно, скоро придется думать о его преемнике, что выбор этот будет принадлежать Синоду, но уже теперь, по-видимому, выдвигаются кандидатуры, и среди них две, которые я считал бы крайне нежелательными, потому явился, чтобы заранее просить его, буде возможно, остановить выбор на другом лице. Митрополит выслушал меня молча, а затем сказал, что он почему-то думал, что я буду просить его за отца Восторгова; со своей стороны он вполне согласен, что оба эти лица нежелательны на должность протопресвитера. Я еще спросил его, не признает ли он более правильным в каноническом отношении иметь во главе военного духовенства епископа? Митрополит безусловно согласился с этим. Он сказал, что не находит возможным возбуждать этот вопрос, но будет рад, если в свое время Военное министерство само его поставит. В Канцелярии Синода уже имеется по этому вопросу небольшая запи-

* Святой Апостол, 2 и 39.

ска, копию которой он мне даст, но только для личного моего сведения, но не для возбуждения теперь же какого-либо обсуждения вопроса. В заключение я упомянул, что мне пришлось встретиться с епископом Владимиром; я его почти не знаю, но мне пришла мысль, что может быть он, как бывший офицер, будет признан подходящим стать во главе военного духовенства? Митрополит на этот осторожный вопрос ответил неопределенно, вроде того, что может быть Синод остановится на нем; и в заключение сказал мне несколько теплых слов, в том числе и незаслуженную похвалу, что я, лютеранин, смотрю на канонический вопрос правильнее и серьезнее, чем многие православные.

Через несколько дней он был у меня и привез мне упомянутую записку, оказавшуюся краткой исторической справкой относительно обособления военного духовенства (с 1800 года) и весьма слабой по канонической стороне вопроса. При этом посещении я имел случай представить ему свою жену.

Разговор с митрополитом Антонием не имел практических последствий. До моего ухода с должности министра отец Желобовский оставался в должности. Впоследствии ему назначили (нештатного) помощника, отца Аквилонова, который после смерти Желобовского стал его преемником; вопрос же о неканоничности самой должности протопресвитера заглох.

Упомяну здесь, что военное духовенство, вообще, занимает в военном ведомстве вполне автономное положение, и я помню только один случай, когда мне приходилось говорить с отцом Желобовским о делах. Это было весной 1906 года. В то время в Петербурге было несколько пехотных казачьих полков, вызванных для поддержания в столице порядка. Казаки одного из этих полков, не имея своего полкового священника, отправились к исповеди и причастию в ближайшую к ним церковь — в Троицкий собор (л.-гв. Измайловского полка), но настоятель собора, отец Соллертинский, отослал их назад, попрекнув тем, что они являются орудием правительства для притеснения народа (точного выражения не помню). Об этом мне сообщил главнокомандующий. Я тотчас по телефону вызвал Желобовского, рассказал ему о происшедшем и сказал ему, что отец Сол-

лертинский не может оставаться в военном ведомстве. Он согласился со мною, но сказал, что у него нет своего духовного суда, а он все судные дела передает в местную консисторию. Я ему сказал, что не считаю себя вправе вмешиваться в дальнейшие распоряжения духовных властей, но лишь желаю, чтобы Соллертинский не оставался в военном ведомстве. Как я узнал потом, ему дали место при епархиальной церкви в Петербурге*.

Епископ Владимир бывал у нас несколько раз и, в конце концов, его посещения надоели; он сидел часами и разговор его, хотя и умный, не был настолько интересным, чтобы не находить его посещения слишком частыми и длинными, особенно после того, как мы успели ближе узнать его.

Домашняя жизнь текла счастливо и тихо. Работы у меня было столько, что я лишь урывками, в промежутках между нею вырывался из кабинета. Мы предлагали И. В. поселиться у нас; он это отклонил, но бывал почти ежедневно. Устраивать у себя какие-либо званые вечера не было ни времени, ни охоты. У жены постоянно бывали запросто близкие ей люди: Раунеры, В. Мамчич, Л. В. Никитина, а с осени еще Мирбахи. Лидия Владимировна Никитина была дочерью отличившегося в Порт-Артуре генерала, и жена познакомилась с нею в 1905 году за границей; ее тетка была замужем за помощником гофмаршала генералом Аничковым, и благодаря этому Л. В. попала в фрейлины их величеств. Однажды, Л. В. обратилась ко мне с просьбой, чтобы ее отцу, бывшему кандидатом на корпус, дали освободившийся 1-й корпус, чтобы семье не приходилось уезжать из Петербурга. Переговорив с командующим, я это устроил; так как Никитин не был старшим кандидатом, то должность командира 1-го корпуса не замещали некоторое время, пока старшие кандидаты не получили других корпусов, а затем и Никитин получил желанное назначение. Л. В. благодарила меня за это в выражениях, которые меня удивили; она мне сказала, что этой услуги мне не забудет и готова, в свою очередь, быть мне полезной. Я недоумевал,

---

* Личность Соллертинского, которого я не знал, меня заинтересовала, и я спрашивал о нем разных духовных лиц. Мне про него говорили, что он большой оригинал, старик, очень умный и ученый, бывший профессор Духовной академии и атеист.

чем эта барышня могла бы быть мне полезной и что она могла иметь в виду? Я не подозревал, что она собирается «делать дела» и, пользуясь званием фрейлины, принять живое участие в придворных интригах; еще менее я мог ожидать того, что она, вслед за тем, начнет интриговать против меня.

Мы сами мало выезжали; кроме первоначальных визитов после свадьбы, мы еще побывали у Фредерикса, Извольского, Столыпина, Коковцова, Остроградского и Нольде*, Воейкова**, м-м Гримм, Мамчич, Мирбах, Коли Шульмана, Комарова***. Затем мы с женой бывали вечером: на одном дипломатическом обеде у Столыпина и по одному разу у Судейкиных, Чебыкиных, Никитиных и у И. В. и по два раза у Раунер и Рыковских (в Павловске). Жена еще раз пять-шесть бывала в театре и опере с И. В. Последний через нас познакомился с Рыковскими и тоже стал бывать у них.

Для более светской жизни у меня не было ни времени, ни охоты. Притом и средства мои были ограничены вследствие обязательства отсылать ежегодно 6000 рублей в Царское Село. В конце года истек шестилетний срок моей аренды, и так как она уже вновь не назначалась и не возобновлялась, то отпала, и я лишился 2000 рублей в год. Помогло лишь то, что со второй половины года стали негласно давать всем министрам по 6000 рублей в год на представительство. Это было вполне своевременно, так как содержание министров оставалось неизменным лет 35-40 и даже уменьшилось вследствие отнятия у них аренды, а между тем жизнь за это время вздорожала в два-три раза.

Чтобы познакомиться с моей обстановкой, при моих поездках к государю, жена ездила со мною в марте в Царское Село и в октябре в Петергоф; пока я был с докладом, она сидела в моем помещении и гуляла по парку; затем мы завтракали вместе и возвращались в город. Для нее это было большим предприятием, так как приходилось вставать рано и быстро делать туалет, чтобы уже в начале десятого часа выезжать из дому. В Царском ей пришлось гулять по парку с Палицыным, который имел доклад после меня.

---

* Представитель наместника на Кавказе, наш знакомый по Контрексивлю.

** Мой адъютант, женатый на дочери княгини Голицыной.

*** Член Военного совета, комендант Петропавловской крепости.

В первый день Рождества у нас была елка, на которой были родные: И. В., Мирбахи, Раунеры с детьми и Ивановы с сестрой, впервые бывшей у нас; сверх того Никитины, Воронцовы и В. Мамчич. Брата с женой не было. Он решил оставить службу, с лета поселился в Гатчине и 3 октября был уволен в отставку. Мы его навестили вдвоем, а 6 декабря я к нему ездил один. В этот день мне пришлось быть в Царском при представлении государю депутации от военно-учебных заведений; по моей просьбе в 12.20 на станции Александровской был остановлен скорый поезд, и я в нем доехал до Гатчины в парадной форме. До этого переезда мне пришлось просить места в спальном купе одного господина, оказавшегося англичанином, едва понимавшим по-французски. Тем не менее, он успел понять кто я, а я понял, что он ездил в Сибирь по делам торгового дома Wedell, занимающегося торговлей мороженым мясом. Вследствие этой встречи, я в течение ряда лет стал получать обзоры торговли мороженым мясом в Англии.

За смертью m-lle Burnitt мы искали другую француженку в компаньонки и экономки; в октябре мы по чьей-то рекомендации взяли некую m-lle Marie, оказавшуюся существом удивительно пустым и бесполезным.

Из старых знакомых жены еще по Одессе на нашем горизонте появилась симпатичная Олимпиада Николаевна Лишина, которая вследствие болезни мужа* решила основать женскую гимназию в Риге и просила моего содействия к тому, чтобы ей дали права правительственных гимназий. Попечителем Рижского учебного округа оказался мой старый знакомый Левшин, который с удовольствием возбудил об этом ходатайство, а министр народного просвещения Шварц охотно утвердил.

Мне остается упомянуть еще о нескольких мелких эпизодах 1908 года.

15 октября я был на освящении нового зала заседаний Государственного Совета, пристроенного к старому зданию Мариинского дворца; до сих пор в здании дворца происходили лишь заседания комиссий, а Общее собрание Совета заседало в зале Дворянского собрания; прежний зал общего

---

* Он был приставом Рижской полиции и был тяжело ранен во время беспорядков в городе.

собрания (круглый) был совершенно недостаточен для нового, многочисленного состава Совета.

В ноябре мне пришлось быть на погребении великого князя Алексея Александровича.

15 ноября по моей близорукости я не отдал чести государю; в этот день мой доклад был назначен раньше обыкновенного, уже в десять часов, так как государь собирался на охоту; по окончании доклада я отправился к ближайшему поезду на станцию Царскосельской железной дороги, а так как времени было довольно, то пошел пешком. Недалеко от станции меня обогнал в санях на чудной лошади молодой офицер в форме императорских стрелков, отдавший мне честь. Уже после его проезда я заподозрил, что это, может быть, был государь? На станции я узнал, что это действительно был он. Вечером я послал государю записку: «Всеподданнейше прошу извинения, что я сегодня, по близорукости, не узнал В. И. В., когда вы проехали мимо меня, в Царском Селе»; я ее получил обратно с резолюцией государя: «Мы оба соблюдали воинскую честь, приложивши руки к козырьку — это все, что требуется».

В ноябре мне пришлось познакомиться с великой княгиней Елисаветой Федоровной: я присутствовал на освящении новой акушерской клиники профессора Рейна; она, как пациентка Рейна, тоже приехала на эти торжества. Она на меня произвела очень симпатичное впечатление.

В конце ноября фельдмаршал граф Милютин¹⁸ праздновал редкостный юбилей: 75 лет офицерской службы. По этому поводу ему при рескрипте государя был пожалован подарок: портрет государя в золотой рамке с бриллиантами, подвешенной на золотой колонке*. В знак особого внимания к графу, я рескрипт и подарок послал ему в Симеиз не с фельдъегерем, а со своим адъютантом полковником Каменевым. По возвращении оттуда Каменев мне сказал, что граф уже ждал какого-либо знака внимания — это ему проболтался старик-лакей. Граф Милютин беседовал с Каменевым довольно долго, раза три повторял, что он большой по-

---

* Государь мне говорил, что он обыкновенно дает такой подарок вместо ордена святого Андрея лицам, которым не хочет давать этот орден.

клонник моей деятельности, и удивлялся, как можно было делить Военное министерство.

В конце года внутренние неурядицы в Персии дошли до того, что наше вмешательство в них стало вероятным, хотя я все время возражал против вмешательства в чужие дела, но Извольский утверждал, что мы не имеем права отказываться от нашего доминирующего положения в Персии, а Коковцов доказывал, что мы уже вложили в персидские дела столько денег, что обязаны охранять свои интересы в стране. Я о Персии не имел никакого представления, а потому попросил Сухомлинова прислать мне кого-либо из офицеров Генерального штаба, знающего Персию, чтобы он прочел мне лекцию о ней. 26 декабря у меня был полковник Томилов, который мне прочел очерк Персии, после чего я его еще расспрашивал о стране, уделив этой беседе два с половиной часа.

Директор Нижегородского (бывшего Новгородского) графа Аракчеева кадетского корпуса через Забелина спросил меня, не мой ли отец был когда-то директором Корпуса? В случае утвердительного ответа он просил дать Корпусу стеной портрет отца. Я дал увеличить имевшийся у меня портрет и послал его Корпусу в раме.

В Семеновском полку в день полкового праздника произошел глупый инцидент. Вечером в полк явился корреспондент газеты для получения сведений о празднике. Ему рассказали все, что могло его интересовать; беседовавший с ним молодой офицер дал ему также и копию с телеграммы, полученной полком от государя, причем вставил в нее от себя несколько теплых выражений для того, чтобы похвастаться, как хорошо государь относится к полку. Дежурный по полку поручик Михайловский, доверяя товарищу, удостоверил верность телеграммы, не сверяя ее с подлинником. Все это было, конечно, очень глупо и объясняется молодостью и недомыслием офицеров, и еще тем, что в вечер полкового праздника они вероятно были навеселе. Никакого неуважения к царской телеграмме или сознательной подделки ее тут усматривать нельзя было, и все это дело надо было покончить дисциплинарным поучением провинившимся. На беду, главнокомандующий посмотрел на дело иначе: когда командир полка, Зуров, явился к нему, чтобы доложить о

происшедшем, он так его разнес, что Зуров тотчас подал в отставку. По приказанию государя я предложил Зурову остаться на службе, но он отказался; оба виновные офицера тоже были уволены от службы! Взрывчатый характер князя дал всему делу трагический оборот.

В течение года у меня было всего 50 личных докладов у государя. В январе я по болезни (воспаление легких) пропустил докладов пять; в конце мая государь уехал в шхеры, и в июне у меня был лишь один доклад; затем я уехал за границу на два месяца, а когда вернулся, государь вновь был в шхерах, где оставался еще полтора месяца. Почти все доклады были в Царском селе и лишь несколько было в Петергофе.

На разные торжества и парады мне пришлось выезжать к государю 24 раза в Царское и 2 раза в Петергоф: на 3 выхода при Дворе, на 8 полковых праздников, на обед (с командующим войсками), 4 раза для присутствия при представлении разных лиц; 2 раза для встречи великого герцога гессенского и инфанта испанского, 2 раза по случаю приезда князя черногорского и 6 раз по случаю приезда короля шведского и свадьбы великой княжны Марии Павловны.

Совет обороны имел 12 заседаний (все в первой половине года): из них 3, в мае и июне, происходили у Дикова под его председательством; они касались морских вопросов: очищения южной бухты в Севастополе от коммерческих судов и обороны Амура канонерскими лодками. Высшая аттестационная комиссия собиралась 6 раз. В Совете министров я был 17 раз, на дипломатических совещаниях — 9 раз, на других совещаниях — 11 раз, в Государственном Совете — 19 раз и в Государственной Думе — 18 раз.

Таким образом, я в течение года бывал 76 раз у государя и на разных заседаниях — 92 раза; если прибавить 7 обедов и раутов у послов и проч., то получается 175 разных отвлечений от службы. В течение года я болел 17 дней и был в отпуску два месяца, так что эти отвлечения пришлось на 41 неделю службы или по $4 \frac{1}{4}$ на неделю! Хуже всего приходилось весной, когда при Дворце было много торжеств. В апреле я 7 раз ездил с докладами и 10 раз в Царское на торжества; зато я в этом месяце имел мало заседаний: 2 со-

вещания, 2 — в Государственном Совете и 2 — в Государственной Думе; за месяц — 23 отвлечения от прямого дела или по $5 \frac{1}{2}$ на неделю! Как же тут вести громадное дело управления Военным министерством? Очевидно, приходилось работать урывками и по ночам. Значительное облегчение наступало, конечно, когда государь уезжал в шхеры и вовсе отпадали утомительные поездки за город.

В начале 1909 года (или в конце 1908 года) я получил оттиск секретного всеподданнейшего доклада государственного контролера за 1907 год, в котором оказалась жалоба на меня, а именно на страницах 50—53 было приведено постановление Совета министров о сдаче в казну экономических капиталов войсковых частей и указывалось, что это постановление, высочайше утвержденное 14 сентября 1906 года, все еще не получило полного осуществления, несмотря на неоднократные настояния о том Государственного контроля. Так, «в счет причитающихся казне 14 484 122 рублей экономических капиталов нерасформированных частей поступило на государственные нужды только 2 606 309 рублей, а остальные 11 877 813 рублей Военное министерство оставило в распоряжении войсковых частей на ремонт обоза, на доведение экономических капиталов до установленных для них норм, на приведение в порядок расстроенного войной хозяйства войск и другие расходы, из коих некоторые, как например, составление историй отдельных мелких боевых единиц (батарей, парков, батальонов), едва ли могут быть признаны обязательно необходимыми, или, по крайней мере, неотложными.

К содействию для выяснения размера экономических сумм бывших маньчжурских армий и обсуждения мер к скорейшей передаче сих сумм в распоряжение Государственного казначейства ни Государственный контроль, ни Министерство финансов, вопреки приведенному высочайше утвержденному 14 сентября 1906 года положению Совета министров, не привлекались и только в начале текущего (1908) года, вследствие настояний моих и министра финансов, учреждена при Военном министерстве Особая комиссия «для обсуждения данных об остатках экономических капиталов войск бывших маньчжурских армий». Но ожидать, что при ее посредничестве поступят от войск в казну сколько-нибудь зна-

чительные суммы, едва ли возможно ввиду того, что войска могли уже израсходовать немалую их долю».

Против этого заявления рукой государя было написано: «На этом можно не настаивать». Этой резолюцией заканчивался долгий и острый спор мой с Контролем и Министерством финансов по этому делу, и с меня слагалась ответственность за прямое неисполнение высочайшего повеления. При следующем моем докладе я поблагодарил государя за нее и вкратце рассказал ему суть дела.

В Военный совет я, при этих условиях, попадал редко, всего на 17 заседаний, пропустив за девять с половиной месяцев 22 заседания.

В Совете министров у меня большей частью бывал Поливанов и я его посещал только по важнейшим делам и еще осенью, когда Поливанов уехал в отпуск.

Дипломатическое совещание с этого года стало происходить у Столыпина, притом чаще прежнего, по мере возникновения разных вопросов: о субсидии Черногории, об осложнениях на Западе, по персидским делам и проч.; в нем принимали участие министр иностранных дел и его товарищ, Коковцов, я и начальник Генерального штаба.

ГЛАВА ДВЕНАДЦАТАЯ

Последний год управления Военным министерством. — Инцидент в Думе, «явившийся причиной моего увольнения». — Рескрипт Николая II. — «Мой преемник — В. А. Сухомлинов». — Прощание с подчиненными. — «Мой личный взгляд на мою деятельность». — Начало «Воспоминаний»

1909 год был последним годом моего управления Военным министерством: 11 марта состоялось мое увольнение от должности.

В день Нового года был объявлен приказ об увеличении содержания офицерам, и этим осуществлена мера, о которой я мечтал еще с 1906 года.

В середине января меня пригласил к себе великий князь Петр Николаевич и сообщил, что он болен и должен вновь ехать за границу, в Болье, где он когда-то вылечился от начинавшейся чахотки, и что государь уже изъявил согласие на его увольнение от должности генерал-инспектора. Ввиду искренней моей симпатии к великому князю я очень жалел об его уходе; я до сих пор не знаю, был ли он действительно серьезно болен или же уходил, чтобы не подвергаться нападкам в Думе?

При следующем моем личном докладе государь указал назначить генерал-инспектором Вернандера; по случаю увольнения великого князя в Главное инженерное управление был заготовлен на его имя рескрипт с подробным изложением его деятельности, но государь нашел его слишком длинным и приказал заготовить краткий; таковой я привез к следующему докладу; государь нашел его слишком кратким, но все

же подписал. С тех пор мне больше не приходилось встречаться с великим князем.

На место Вернандера я избрал Н. Ф. Александрова, бывшего комендантом крепости Ковно, и частным письмом предложил ему это назначение. Н. Ф., со свойственной ему скромностью, усомнился в том, насколько он справится с должностью, но, приехав в Петербург и переговорив с Вернандером, согласился ее принять.

Вернандер более десяти лет со времени своего перевода в Петербург занимал казенную квартиру на углу Садовой и Инженерной улиц и обратился теперь ко мне с просьбой — оставить ее за ним. Я согласился на это при условии, что для Александрова найдется другая подходящая квартира. Таковая была найдена в одном из павильонов Инженерного замка, и просьба Вернандера была удовлетворена.

Случайно я узнал о производимых у нас опытах добывания азотной кислоты из воздуха. Вопрос этот имел большое военное значение, так как при успешном его разрешении мы в отношении выделки бездымного пороха вышли бы из зависимости от подвоза чилийской селитры. Опыты производились в лаборатории Михайловской артиллерийской академии, которую я посетил 23 января вместе с Вернандером. Получение азотной кислоты из воздуха основано на том, что азот воздуха сгорает, соединяясь с кислородом воздуха при высокой температуре, даваемой вольтовой дугой. Для практического использования этого явления главным условием является дешевое получение электрического тока. В этом отношении, в особо благоприятных условиях оказались Норвегия и Швейцария с их водопадами, то есть почти даровой двигательной силой, поэтому там уже возникло несколько заводов для добычи азотной кислоты. У нас еще производились лабораторные опыты для выяснения технических деталей производства; производство более обширных опытов во дворе той же лаборатории уже готовилось, а затем намечалась постройка большого завода в Олонецкой губернии, на водопаде Кивач, — но к сожалению все это предположение потом заглохло.

Еще один технический вопрос заинтересовал меня в это время. По делу о поставке нам орудий у меня был начальник Обуховского завода (морского ведомства) генерал Мел-

лер. От него я узнал, что на этом заводе установлена выделка оптических стекол и инструментов, но что завод затруднен в получении оптического стекла, так как лучший завод такого стекла в Вене, ставящий его почти на весь мир, перешел в собственность немецкого синдиката Цейсса и других фабрик оптических стекол; синдикат тотчас поднял цену на стекло и мог сделать ее вовсе недоступной нашему заводу. По предложению Меллера я принял двух лиц, заведующих этим делом на заводе (Перепелкина и Гершуна). Из их обстоятельного доклада выяснилось, что выделка стекла с определенным коэффициентом преломления является делом крайне сложным, так как в данном случае влияет не только химический состав стекла, но и условия его фабрикации, особенно охлаждения. Эти-то условия и составляют фабричный секрет, и для его выполнения необходимо произвести опыты, которые потребуют года два-три и расхода до двухсот тысяч рублей. Эти опыты, а затем и выделку стекла признавалось желательным установить на хрустальном заводе Министерства Двора. По этому поводу я написал барону Фредериксу, который согласился на предлагаемые опыты при условии, чтобы это не вызывало расхода для Министерства Двора. Но нужные средства легко могли быть даны военным ведомством, одним или пополам с морским, так как они вполне окупались бы в будущем. Мне, однако, не пришлось довести это дело до конца, и я не знаю, получило ли оно дальнейшее движение. Я лишь сделал распоряжение, чтобы бинокли, заготавливаемые для производимых офицеров, впредь заказывались не иностранным фирмам, а Обуховскому заводу.

Главное артиллерийское управление встречало, вообще, большие затруднения в производстве исследований материалов и научных опытов вследствие отсутствия у него хорошо обставленной лаборатории. Поэтому оно все нужные ему работы должно было производить в небольших лабораториях Академии, отдельных заводов и даже учебных заведений. Поэтому был выработан проект учреждения Центральной химико-механической лаборатории. Внесенный мною в Думу законопроект встретил там полное сочувствие, но Дума (уже после моего ухода) потребовала, чтобы лаборатория обслуживала нужды не только артиллерийского ведомства,

но и инженерного и интендантского, вследствие чего проект пришлось переделать, и осуществление его значительно задержалось. Главным мотивом, почему Дума настаивала на расширении деятельности лаборатории, было желание изъять интендантские исследования материалов из ведения Интендантства и вообще создать научное учреждение, чуждое ведомственных интересов.

В конце января ко мне зашел статс-секретарь Безобразов, получивший громкую, но незавидную известность перед японской войной. Он был вместе со мною в Пажеском корпусе, но мы с тех пор не виделись. Он мне сообщил, что проектирует аппарат для метания громадных снарядов формы чечевицы; снаряд он клал на станок, которому сообщал вращательное движение; получавшаяся центробежная сила служила для метания снаряда в цель; благодаря форме и большому весу снаряда, траектория его, даже при малой скорости получалась очень пологая. Он считал свое изобретение крайне полезным для действия против укреплений*. Опыты свои он производил на свой счет в имении близ Охты и приглашал меня, а также великого князя Сергея Михайловича, приехать посмотреть их. К сожалению, в его станке, а затем в бензомоторе, произошли поломки, а потому показ опыта приходилось несколько раз откладывать. Я не знаю, состоялся ли этот показ после моего ухода. Во всяком случае, эта затея совсем заглохла.

В начале 1909 года начальник Военно-медицинской академии академик Данилевский закончил одну крупную работу, предпринятую по его инициативе: о питательности и усвояемости разных сортов дешевой рыбы. История этой работы такова: после улучшения в конце 1906 года быта нижних чинов, причем им было дано чайное довольствие, прибавлено четверть фунта мяса в день и увеличены деньги на приварок. Нижние чины должны быть сыты, и я могу считать, что сделал все нужное для хорошего питания вверенных мне полутора миллиона людей. При одном из своих докладов, во время случайно возникшего разговора о продовольствии

---

* Напомню, что в то время не предвиделось употребления в поле орудий калибра свыше шести дециметров, аэропланы только появились, также как и воздушные корабли, то есть способов метать в укрепления крупные снаряды не имелось.

нижних чинов, Данилевский меня совсем разочаровал в этом отношении; он мне указал, что питательных веществ теперь дается достаточно, но они даются солдату в плохо усвояемом виде, поэтому питание все еще является неудовлетворительным: пища однообразна и мясо всегда отпускается вареным, а в таком виде оно труднее всего переваривается. Поэтому для рационального питания необходимо ввести большее разнообразие в пищевой режим солдат, давать им мясо преимущественно в жареном виде, а главное — почаще заменять мясо другими, равнопитательными продуктами, как то: рыбой, куском сыра и т. п.; часть же черного хлеба необходимо заменять белым, удобоваримым. Это заявление Данилевского было для меня большим разочарованием; о каком-либо новом отпуске денег на дальнейшее улучшение довольствия нечего было и думать — Совет министров безусловно отказал бы в нем, да и среди высших войсковых начальников я не встретил бы поддержки, так как и без того быт нижних чинов был уже резко улучшен по сравнению с недавним прошлым. Но значительную часть требований Данилевского можно было бы осуществить и без новых расчетов, особенно замену мяса рыбой, мечта же его о введении в довольствие солдат сыра (одну десятую фунта на ужин) и других новых питательных продуктов представлялось трудным, так как в этом вопросе я встретился бы с несочувствием войсковых начальников и с подозрением нижних чинов, что им чего-то недодают, за их счет наживаются. Устранить последнее можно было лишь восстановлением значения солдатских артелей, с предоставлением им права через выборных рассматривать раскладки намечаемых варок и выбирать последние по своему вкусу, а это было бы встречено высшим начальством как новая ересь, — предоставление нижним чинам входить в рассмотрение хозяйственных распоряжений и организация бесформенной и безгласной серой массы в артели с правом голоса; после недавних волнений в войсках, это несомненно было бы признано опасным. Наконец, требование Данилевского, чтобы мясо давалось не только в вареном, но и в других (жареном, тушеном, в виде котлет) видах, тоже было трудно осуществимо, так как для этого требовались большие расходы на переделку очагов и надо было увеличить число кашеваров, приняв меры к специаль-

ному их обучению. Но сверх того, я и в этом вопросе встретил бы сильное противодействие начальствующих лиц, которые признали бы это напрасным баловством, даже вредным вовсе, кроме того в военное время трудно было бы выдерживать такой режим — мы лишь недавно собрались снабдить армию походными кухнями для своевременной варки пищи, а для жарения мяса пришлось бы заводить новые приспособления, увеличивать обоз и проч.

Таким образом, удовлетворение требований Данилевского представляло большие затруднения как в виду нужных на это расходов, так и в особенности потому, что я при требовании денег не только не имел бы поддержки со стороны высшего войскового начальства, но даже должен был считаться с его оппозицией. Из предложений Данилевского наиболее простым и приемлемым являлась замена мяса рыбой, восстановление традиционных у нас постных дней. В былое время эти постные дни (около 150 в году) были голодными днями, так как рыба, ввиду ее дороговизны, почти отсутствовала в варке и была источником экономии; теперь же надо установить постные варки, одинаковой питательности со скромными. Данилевский уверял, что это вполне возможно, если только ввести в довольствие разные виды рыбы, заготовленной впрок (сушеной, вяленой, соленой), которой питаются массы населения. Но для этого надо было исследовать питательность и, главное, усвояемость разных видов такой рыбы, и этот труд он брался исполнить при условии, если я дам средства для покупки нужных количеств рыбы и для оплаты труда молодых врачей, которые будут работать под его руководством. Средства были даны, начался сложный труд изучения нескольких десятков видов рыбы, заготовленной впрок — лабораторного и на кормлении людей. Труд этот выполнялся чуть ли не два года, и результаты его Данилевский мне представил, помнится, в день моего увольнения от должности, когда я уже был бессилен применить его в жизни. Сухомлинов этим вопросом не интересовался вовсе. Я послал печатный труд Данилевского при частных письмах некоторым командующим войсками (Иванову, Каульбарсу), но без всякого результата. Труд Данилевского был заброшен; а между тем его исследования наглядно доказали, что без всякого нового расхода можно

было ввести в довольствие армии рыбные варки, столь же питательные, как и мясные, ввести разнообразие в довольствие войск и этим улучшить их питание! Если после моего ухода, когда все это было выяснено, ничего не было сделано для введения рыбных варок, то это лишь доказывает индифферентное отношение высшего начальства в армии к здоровью и нуждам серой массы; для меня же было крайне обидно, что мне не удалось осуществить столь долго и тщательно подготовлявшуюся реформу*.

Опыт ведения хозяйства на новых началах, производившийся под руководством генерала Водара, протекал вполне успешно и уже не вызывал таких недоразумений, как в начале, поэтому с осени 1909 года намечалось распространить его на все войска Киевского округа. Попутно выяснялись также и новые нормы отпусков из казны на всякого рода потребности, дабы не приходилось экономией от излишних отпусков покрывать недостатки их по другим статьям. Отзывы старших начальников о новом порядке ведения хозяйства были вполне благоприятны; они признавали, что хозяйство ведется правильно и строевые начальники освобождаются от хлопот по хозяйству; мне казалось, что дело это поставлено прочно, и проведение этой важной реформы вполне обеспечено. Действительно, уже после моего ухода, в июле 1909 года, Сухомлинов представил государю доклад о распространении опыта с осени 1909 года на все войска Киевского округа и о введении нового порядка ведения хозяйства во всей армии. Доклад этот был тогда же высочайше утвержден, но, по неизвестным мне причинам, изложенные в нем меры вовсе не были выполнены, а части, уже ведшие хозяйство новым порядком, вернулись к прежнему! Как и почему это произошло, я не знаю вовсе, но думаю, что причину надо искать в несочувствии кавалерийских начальников новому порядку, лишавшему их крупных доходов. Сухом-

---

* Отпуск войскам двух видов хлеба, черного и белого, тоже был затруднителен, так как в магазинах надо было бы иметь два вида муки, производить два разных вида хлебопечения, заменять ржаной хлеб меньшим количеством (более дорогого) пшеничного хлеба; поэтому получались новые расходы и замена одного вида хлеба другим могла быть производиться лишь по желанию артелей; все это заставляло отложить введение этой меры, по крайней мере, до устройства гарнизонных хлебопекарен.

млинов, сохранявший тесную связь с кавалерией, искавший популярности и сам в былое время получавший доход с фуража, очевидно, не мог сочувствовать реформе; но что он доложил государю, чтобы добиться отмены нового порядка, которому государь вполне сочувствовал? Вероятно опять были разговоры о том, что это было выдумкой теоретика, незнакомого с войсками, их жизнью и традициями и т. п.

Разработка нового плана для организации армии после ухода Палицына двинулась успешно вперед, и некоторые основные положения этого плана были утверждены при мне, но окончательная разработка плана, а равно и его осуществление произошли уже без меня.

Еще один существенный вопрос был поднят мною в конце 1908 или в начале 1909 года: о судьбе Владивостока как крепости. До тех пор не было средств для приступа к работам по усилению крепости; теперь же, с улучшением финансов, можно было рассчитывать на отпуск нужных средств; но у меня было сомнение — уместна ли крепость во Владивостоке? Город и крепость расположены на конце полуострова графа Муравьева, и занятие неприятелем перешейка к северу от крепости, верстах в сорока, совершенно могло отрезать ее от всякой помощи извне, а потому заранее предвещало ее падение. Мне представлялось более выгодным иметь крепость на высотах упомянутого перешейка, а у самого Владивостока иметь лишь передовое укрепление. Обложение крепости, расположенной в этом месте, потребовало бы от неприятеля значительных сил и помочь крепости извне было бы уже много легче; притом, с потерей нами флота на Тихом океане владение во время войны Владивостоком уже не имело для нас того значения, как до войны с Японией. Обсудить этот вопрос я поручил Главному управлению Генерального штаба. За несколько дней до моего увольнения Сухомлинов представил мне доклад по этому вопросу, столь пустой и бессодержательный, что я его оставил у себя, желая вернуть ему его при личном докладе: письменная резолюция могла выйти очень резкой. После моего увольнения я доклад вернул ему без резолюции.

Крепость Владивосток вскоре стали усиливать и вопрос о перенесении главной обороны на высоты перешейка совсем, кажется, не обсуждался. Боюсь, что если когда-либо

Владивостоку придется выдержать осаду, то окажется, что опасения мои были справедливы, и крепость будет легко отрезать и заставить сдаться, а тогда вероятно признают, что мое предложение отнести ее несколько назад было основательным.

В середине февраля состоялось мое назначение почетным членом Академии Генерального штаба по избранию Конференции Академии. Связь моя с Академией совершенно порвалась со времени моего ухода из Академии (1898 год), несмотря на то, что я был почетным членом ее Конференции. Первоначально я перестал посещать заседания Конференции, так как они происходили под председательством нового ее начальника Сухотина, и я не сочувствовал его новшествам, а затем я не ездил на них по многим причинам: Академия перешла в новое здание, куда было далеко ездить, работы у меня было много и трудно было выбраться куда-либо, наконец, состав профессоров изменился, и я чувствовал себя в Конференции чужим. С назначением же меня министром мои отношения с Академией окончательно порвались, так как она была подчинена Палицыну. Уже в 1907 или 1908 году я узнал, что Конференция собирается избрать меня в почетные члены Академии, но затем, к моему удивлению, дело это заглохло. Лишь впоследствии я узнал почему: начальник Академии признавал неудобным достаивать этого отличия меня, не дав его одновременно и прямому начальнику над Академией Палицыну, а потому поставил баллотировку нас обоих. После ухода Палицына вопрос упростился и Конференция избрала меня в почетные члены Академии*.

В начале февраля скончался великий князь Владимир Александрович, и 7 февраля его тело было перевезено в Петропавловский собор; я получил от Церемониальной части предложение стать на первое дежурство у тела почившего. К девяти с четвертью утра пришлось прибыть в собор, в одиннадцать часов прибыло тело, и я стал на дежурство во время панихиды и прощания императорской фамилии с почившим. В двенадцать часов меня сменил Бирилев. Уже давно, чуть не сорок лет, мне не приходилось стоять на

* Тогда же я был избран в почетные члены Всероссийского Аэроклуба, в котором я, впрочем, никогда не бывал.

часах; здесь же, на виду у злословной публики, приходилось стоять образцово, как статуя, и я одно время опасался, что мне станет дурно. На мое счастье, мое дежурство, считавшееся с десяти часов, длилось всего час. Бирилев, сменивший меня, мне потом говорил, что ему приходилось плохо в том отношении, что после отъезда императорской фамилии к прощанию с телом была допущена публика, двери собора стали постоянно открываться и получился сильнейший сквозняк; опасаясь простуды, он решил дело просто — ушел в какую-то комнату при соборе, где и просидел до конца своего дежурства*.

При следующем моем докладе (10 февраля) государь мне сказал, что военный министр отлично стоял на дежурстве и спросил, сам ли я просил, чтобы меня назначили? Вопрос этот являлся довольно странным, но он характерен для взгляда государя на такого рода службу, едва ли даже соответствующую званию министра. К личности почившего я собственно не имел никакого отношения; только сцена 12 декабря 1906 года оставила во мне обидные воспоминания, а после того я встречал его редко и ни разу с ним не говорил.

На похороны без приглашения приехал король Фердинанд Болгарский. Он был в Австрии и приехал, не имея с собою русской формы; по телеграфному заказу ему в Петербурге успели сшить мундир; приехал он в теплой шинели генерал-адъютанта Струкова, высланного ему навстречу. Он незадолго до того объявил Болгарию независимой и принял титул царя; Россия еще не признала этого акта, но ввиду его приезда почетным караулам было приказано величать его царским величеством и, таким образом, признание состоялось.

В начале марта Австро-Венгрия решилась на окончательное присоединение Боснии и Герцеговины. Она имела на это неоспоримое право, так как мы его признали за нею еще в семидесятых годах. Тем не менее, этот акт был для

---

* Бирилев, вообще, оригинально относился к службе. В 1905 году был какой-то траур при Дворе и военные не должны были бывать в театре. Бирилев был ярый балетоман, и в это время случился какой-то бенефисный спектакль балета; будучи морским министром, он поехал в театр в штатском платье, ношение которого тогда было строго воспрещено.

России неприятен, так как наше тогдашнее согласие было секретным, а теперь должно было стать явным, и мы при этом рисковали утратить симпатии сербского народа. Вопрос о том, как нам отнестись к окончательной аннексии Австрией двух провинций, которыми она фактически владела около тридцати лет, по приказанию государя обсуждался на дипломатическом совещании, а затем 6 марта в Совете министров под председательством государя. На совещании дебатов не было, так как я категорически заявил, что мы к войне не готовы и воевать не можем. Поэтому совещание, а затем и Совет министров единогласно постановили признать аннексию без каких-либо возражений, и государь с этим согласился.

В Государственной Думе 23 февраля произошел инцидент, явившийся причиной моего увольнения от должности министра. На секретном заседании Думы, при обсуждении кредита в 39 миллионов рублей на пополнение запасов и материальной части армии, Гучков заявил, что «как раз в тех областях военного дела, которые находятся вне пределов нашей критики, мы не можем считать, чтобы дело обстояло благополучно. Мы не видим там понимания тяжелой ответственности, не видим там того подъема духовного, который должен помочь возродиться нашей стране. Возьмите хотя бы область высшего командования нашей армии*. Вы мне скажите, есть ли во главе всех округов люди, которые могут в мирное время воспитывать нашу армию к тяжелому боевому опыту и могут повести наши войска к победе?» Гучков выразил в заключение надежду, что голос Думы дойдет до престола и «вызовет там то беспокойное чувство за нашу родину, от которого мы только и можем ожидать и возрождения нашей обороны и создания безопасности нашего государства».

Коковцов, бывший в заседании, предложил ответить за меня, чтобы «отделать его», но я это отклонил и ответил

---

* Цитирую по «Новому времени» от 24 февраля 1909 года, №11837. В действительности, Гучков указал на неудовлетворительность командования в Хабаровске, Варшаве, Одессе и Вильне (Унтербергер, Скалон, Каульбарс и Гершельман); это указание я вычеркнул из текста речи, предназначенного для печати, как задевающее отдельные личности.

сам. По поводу заявления Гучкова, что за оборону государства можно было бы быть спокойным лишь тогда, когда во главе армии и отдельных ее частей будут люди, которые действительно могут быть ее вождями, я сказал, что вопрос этот находится на рубеже, а может быть даже и за рубежом тех вопросов, которые подлежат рассмотрению с думской кафедры; поэтому я в этот вопрос входить не стану и лишь упомяну, что в отношении командного состава за последние годы были приняты самые решительные меры к его улучшению. Однако, при выборе на любую высшую должность приходится считаться с имеющимися кандидатами на такую должность. Существенного улучшения состава начальствующих лиц можно достигнуть лишь постепенно, так как с младших должностей нельзя выдвигать прямо на высшие, а приходится на промежуточных ступенях выяснять, насколько данное лицо в состоянии оправдать надежды, которые на него возлагаются. Поэтому лишь остается сказать, что для улучшения командного состава меры уже приняты, и мы в этом отношении несомненно идем вперед.

От имени фракции правых член Думы Марков 2-й заявил, что мое заявление о недостатке подходящего материала для назначения хороших начальников оскорбительно для русской армии.

Я ему ответил, что Военное министерство тотчас по окончании войны занялось возобновлением и улучшением командного состава армии, но оно никому очков не втирает и не заявляет, что командный состав нашей армии в настоящее время является идеальным; оно надеется этого идеала достигнуть, но оно достигает его постепенно. Оно никому не заявляет, что во главе нашей армии уже теперь стоят вожди, лучше которых не бывает и не надо, но оно твердо надеется, что русская армия таких вождей будет иметь, но получит их постепенно.

Гучков заявил, что большим грехом старого порядка была боязнь говорить правду верховной власти в глаза и приветствовал мужество военного министра, признавшего наличность известных недостатков.

Помню, как там же, в заседании Думы, осознавал, что мой ответ не удовлетворит государя и вызовет негодование

высшего командного персонала армии, но я иначе поступить не мог. Гучков был прав, указывая с тревогой на опасность, которой нам грозил плохой командный состав армии. Из-за него мы проиграли войну с Японией, и он же мог погубить нашу армию в новой войне. Во все время управления Министерством я сам вел наиболее упорную борьбу именно по вопросу об обновлении верхов армии. Меня мало интересовал вопрос, имеет ли Дума по букве закона право касаться этого вопроса, но нравственное право ее для меня было вне сомнения, так как она вполне патриотично шла навстречу всем нуждам армии, не жалея на это средств, которые, однако, устраняли лишь сравнительно мелкие недостатки по сравнению с основным грехом армии — отсутствием хороших вождей. Я поэтому не мог заявить Думе (ни лично, ни устами Коковцова), что вопрос этот ее не касается, и она не имеет права затрагивать его; отвечая же на этот вопрос по существу, я не мог говорить ничего иного, как правду. Я после того много раз вспоминал об этом инциденте и неизменно приходил к выводу, что иначе ответить не мог.

Органы правой печати стали на точку зрения Маркова 2-го, что я оскорбил армию, признав неудовлетворительность командного состава, а Воронежский отдел «Союза русского народа» нашел нужным выразить мне (письмо от 8 марта № 340) «свое крайнее недоумение по поводу моего заявления, будто при выборе командного и начальствующего состава русского воинства может не быть в избытке и в любое время безукоризненного очередного материала, полагая, что всегда высокие патриотические качества, присущие всему доблестному российскому воинству, для применения их скорее имеют нужду в руководителе, обладающем в такой же мере этими качествами.

Такого рода самообольщение в известных кругах считалось проявлением патриотизма, хотя оно на деле могло бы привести к повторению бедствий Японской войны.

Государь в течение двух недель не говорил мне почти ничего по поводу этого инцидента; он лишь сказал при моем докладе 24 февраля, что Гучкову следовало бы дать резкий отпор, и более не возвращался к этому вопросу, хотя у меня были личные доклады 28 февраля, 3 и 7 марта; только к 10

марта он принял решение. При моем докладе в этот день* он был однословен и сух и по окончании его сказал мне, что вследствие слабого моего возражения в Думе 23 февраля я потерял его доверие, как военный министр; он далее сказал, что ему жаль говорить это теперь, когда трудные времена прошли и все налаживается, что его отношение ко мне остается прежнее. Я ему сказал о своем предчувствии, что он будет недоволен, но не мог поступить иначе, так как в Думе я считал долгом говорить одну правду; что я все же не считал себя вправе сойти с поста, хотя были очень тяжелые минуты. Государь мне на это сказал, что и часовой может просить смены, если ослаб. Я спросил, когда сдать должность? Он сказал, что в конце недели, не называя заместителя.

После меня должен был при мне докладывать Сухомлинов, и я встал, чтобы приставить другой стул (как это делал всегда), и государь сказал: «Да, Вы можете еще остаться при докладе, а с Сухомлиновым я потом переговорю». Только из этих слов я узнал, что моим преемником будет Сухомлинов¹⁹. Государь подошел ко мне и благодарил за службу, я сказал, что делал, что мог. Сухомлинов был призван; после его доклада я был отпущен, а его оставили в кабинете.

В помещении, в Большом дворце, я позавтракал и сел писать резолюции на докладах, когда туда же приехал Сухомлинов. Он был удивлен, увидя, что я вполне спокойно занимаюсь делом; он сам был взволнован и бледен. Он мне рассказал, что государь ему объявил, будто я ухожу из-за истории в Думе, и он желает, чтобы Сухомлинов принял должность министра; Сухомлинов заявил, что он дела не знает и у него не хватит сил. Государь сказал Сухомлинову, что он ведь уже наладил Генеральный штаб и может взять Алексеева начальником Генерального штаба. Сухомлинов возразил, что это мало поможет, и ему неприятно, что он выживает меня. Государь ему сказал, что он меня ценит и по-прежнему хорошо относится ко мне; что даже в рескрипте надо сказать, что он от Сухомлинова требует продолжения моей работы; что, наконец, Сухомлинов не имеет права отказываться. Далее государь говорил, что он недоволен аттестационным порядком, например, увольнением генерала То-

* Это был мой 260-й личный доклад; и здесь число 13 играло роль.

порнина, и еще кое-чем, чего Сухомлинов не упомянул; он мне говорил, что совсем обалдел от неожиданности и уже плохо понимал; государь это заметил и сказал, что перего-ворит с ним в следующий раз.

Этот рассказ Сухомлинова, который я записал в тот же день, мне представляется согласным с истиной. Для меня в нем было ценно то, что государь, кроме инцидента в Думе, очевидно, ни в чем существенном меня упрекнуть не мог.

Введенный мною новый аттестационный порядок всегда пользовался его одобрением, а журналы Высшей аттестационной комиссии он всегда читал весьма внимательно, за немногими исключениями для отдельных лиц, всегда утверждал ее заключения и никогда не высказывал мне какого-либо неудовольствия ее действиями; наконец, тот же аттестационный порядок, насколько я знаю, сохранился и после моего ухода. Что же касается генерала Топорнина, то он был уволен в отставку из корпусных командиров еще в 1906 году, и я глубоко убежден, что с его уходом армия ничего не потеряла*. Таким образом, я со спокойной совестью мог принять упрек за аттестационный порядок и, в частности, за увольнение Топорнина. Я убежден, что этот упрек со стороны государя даже не был серьезен. Он решил меня уволить главным образом за то, что я не отстаивал в Думе его прерогативы как вождя армии, действия которого не подлежали критике Думы; но при этом он, очевидно, поддался также и голосу многочисленных лиц, недовольных увольнением множества старших генералов, имевших родственников и защитников при Дворе; я уже упоминал о том, что вдовствующая императрица была крайне недовольна мною в этом отношении.

По возвращении из Царского я принял обычные доклады, так же как и в среду. В среду 11 марта были подписаны высочайшие рескрипт и указ о моем увольнении, объявленные 12 марта. Привожу текст рескрипта:

---

* Я не знаю, кто именно надоед государю заступничеством за Топорнина так, что именно его фамилия пришла ему в голову. Топорнин прибег к оригинальному способу рекламировать себя: он ездил верхом по Невскому. Увольнение объяснялось всегда необходимостью омолодить состав начальствующих лиц, а не их глупостью или неспособностью; Топорнин, по-видимому, хотел доказать, что он физически еще бодр.

«Александр Федорович. Вступив в 1905 году, в трудное для армии время, в управление Военным министерством, вы в течение почти четырех лет прилагали напряженные усилия, чтобы оправдать мое доверие и провести в жизнь ряд мероприятий, направленных к усовершенствованию различных отраслей военного управления. Труды эти не могли не отразиться на состоянии вашего здоровья, требующего ныне продолжительного отдыха и надлежащего о нем попечения. Снисходя к вашей просьбе об увольнении вас от должности военного министра, отмечаю с особой признательностью целесообразность многих из ваших начинаний и особенно те меры, которые имеют задачей усовершенствование системы войскового хозяйства. Уверен, что начинания эти послужат одним из тех оснований, на которых в ближайшие годы вашим преемником должно быть завершено переустройство наших вооруженных сил.

Выражая Монаршую Мою благодарность за ваши труды, жалую вас кавалером ордена Святого благоверного великого князя Александра Невского.

Я уверен, что, восстановив ваши силы, вы будете в Государственном Совете и впредь продолжать ваше плодотворное служение на пользу Мне и родине.

Пребываю к вам неизменно благосклонный и благодарный Николай. Царское Село, 11 марта 1909 года».

Таким образом, мое увольнение состоялось в самой милой форме, якобы по моей просьбе, мотивированной расстройством здоровья, мне был дан рескрипт с благодарностью за мои труды и с признанием «целесообразности многих из моих начинаний»; наконец, меня украсили орденом Александра Невского — словом, уволили честь честью. Самый рескрипт был малосодержателен, глухой, но Главному штабу пришлось составить его наспех, да и вообще трудно составлять рескрипт увольняемому сановнику.

По Министерству я 10 марта отдал приказ: «Покидая должность военного министра, прошу всех чинов Министерства принять мою искреннюю, сердечную благодарность за помощь, которую они мне оказали своею дружной, самоотверженной работой».

В пятницу, 13 марта, я в Канцелярии Министерства про-

щался с ее чинами, а затем и с членами Военного совета и начальниками главных управлений.

Через неделю, 20 марта, Канцелярия давала мне прощальный обед; в этот день минуло 25 лет со времени моего вступления в Канцелярию; в списках которой я с тех пор состоял. Сколько перемен за эти 25 лет! Вступал я в Канцелярию молодым, тридцатилетним подполковником, а покидал ее как уволенный от должности военный министр! Мне поднесли жетон Канцелярии, а жене букет цветов. По ходатайству чинов Канцелярии образованному мною капиталу для воспитания детей чинов Канцелярии было присвоено мое имя. Это, конечно, являлось лучшим средством к увековечению моего имени в Канцелярии.

Заседать в Государственном Совете мне не улыбалось вовсе. Много раз мне приходилось думать об уходе с должности, и я всегда думал проситься в отставку; два раза я заготовлял уже прошения об увольнении (летом 1906 года и весной 1908 года) и оба раза просил в них об отставке; но теперь мне стало ясным, что при обязательном платеже моей бывшей жене, я на пенсию не буду в состоянии жить в Петербурге, а жене будет скучно в провинции, и я решил остаться в Государственном Совете, где мне дали содержание в 18 000 рублей. Это был максимальный оклад, дававшийся министрам, долго пребывавшим в должности.

С Государственным Советом и его внутренними распорядками и строем я был вовсе незнаком. Дела мои проходили там гладко, и мне приходилось бывать в нем реже, чем в Думе. О делении его на партии я знал мало, а из его членов знал почти только военных, да несколько бывших министров. Тотчас по моему отчислению в Совет, 12 марта, ко мне заехали два члена его, генерал-адъютант граф Татищев и Пантелеев, чтобы передать мне приглашение группы правых вступить в ее ряды. Они мне сказали, что все военные состоят в этой группе; на этом основании и я решился вступить в эту группу.

Военнослужащим по закону возбранялось состоять в каких бы то ни было политических союзах и я всегда стоял вдали от них. По убеждениям своим я был монархистом; я считал, что Россия может управляться лишь твердой влас-

тью, независимой от преходящих течений и общественных настроений, а этому требованию удовлетворял лишь самодержавный строй; от самодержавия должны были исходить (как при Александре II) те реформы, которые требовались жизнью. Несомненно, Россия со временем должна была обратиться в конституционное государство по примеру остальной Европы, но к этому ее еще надо было подготовить, постепенно расширяя самодеятельность общества, и я на отказ от самодержавия смотрел, как на неизбежное в будущем зло. Такому взгляду, конечно, способствовало и то, что я в нем был воспитан с детства. Зато я к самодержавию предъявлял большие требования: самодержец должен чувствовать себя слугой государства и, отлагая в сторону все свои личные интересы и симпатии, ставить впереди всего интересы России; он лично должен быть безупречным, без фальши, верным своему слову и твердым в принимаемых решениях. Всем этим требованиям государь не удовлетворял, и я сознавал, что ввиду этого, ограничение его власти было нужно. Я сам был сведущ только в военных делах и занимался только ими, но и по военной части многие реформы удалось провести лишь ввиду наличия Думы. К какой же политической партии я, в конце концов, должен был бы причислить себя? Во всяком случае, я не принадлежал к тем крайним правым, которые желали бы повернуть историю вспять и упразднить Думу; в Государственном Совете я, вероятно, более всего подошел бы к правому центру (партии Нейдгарта), а в Думе — к умеренным правым или националистам.

Я уже сказал, что попал совершенно случайно в группу правых, во главе коих стоял Петр Николаевич Дурново. Группа эта составляла около трети всего Совета; она имела довольно разнообразный состав; в ней были крайне правые (Дурново, Стишинский, Кобылинский, князь Ширинский-Шихматов* и большинство военных) и умеренные элементы, поэтому единение группы было слабое, и она не распалась лишь благодаря тому, что предоставляла своим членам голосовать по их усмотрению**.

* Впоследствии еще Щегловитов и Маклаков.

** 13 марта я впервые заседал в Совете, заняв место на скамьях правых. Бирилев мне говорил, что в Совете уже думали, что я сяду в центре или еще левее.

Лицу, занимавшему высокий пост, тяжело оставаться в том же городе и в той же среде после его увольнения на покой, особенно, когда все знают, что он ушел не по своей просьбе, а его уволили: отношение к нему большинства лиц сразу меняется. Я был уволен по личному неудовольствию государя, притом за недостаточную защиту его прерогатив, остатков его самодержавия. Это окончательно роняло меня в глазах не только тех, кто ценил людей по степени царской к ним милости (придворные круги и Гвардия), но и всех лиц черносотенного направления (крайне правых). Масса же недругов, которых я успел себе создать, ликовала и злоговорила по моему адресу более, чем когда-либо.

Крайне желательно было возможно скорее уехать из Петербурга и на некоторое время удалиться от общества. В рескрипте было указано на расстройство моего здоровья и необходимость надлежащего о нем попечения; это давало мне несомненное право просить об отпуске, хотя сессия Совета была в полном разгаре. Мы решили ехать в Крым, чтобы насладиться тамошней весной.

За полученные мною рескрипт и орден мне надо было благодарить государя и я записался в число желающих представиться ему; прием мне был назначен 18 марта. Государь меня принял в своем кабинете, стоя у первого окна. Я его благодарил за оказанные мне милости. Он мне сказал, что собирается на днях прислать мне свой портрет. Я его поблагодарил и сказал, что только и мечтал, чтобы он после моего ухода сохранил мне свое расположение; ведь когда-нибудь уходить надо, а меня так ругали со всех сторон. Он мне сказал, что ругань Меншикова²⁰ (в «Новом времени») вредна, но для него не имеет значения и прибавил: «А мое расположение, как видите, я вам сохраняю». Затем он говорил еще о ругани в печати по поводу нашей уступки в вопросе о Боснии и Герцеговине, прибавив, что он тоже жалеет об этой уступке, так как Австро-Венгрия не решилась бы на войну; сказал, что в оглашении перед Западом слабых сторон нашей армии виноваты Гучков и Меншиков*. Прощаясь, он сказал: «До свиданья, только до свиданья!»

* Это, конечно, было неверно. Наши соседи лучше нас самих знали наши стороны, но не оглашали их. Из разоблачений Гучкова и Меншикова только широкая публика, но не авторитетные руководители, могла узнать что-либо новое.

Я был очень рад, что эта встреча с государем, на которую я ехал с чувством большой неловкости, сошла так хорошо. Он и в данном случае проявил свой удивительный такт и умение обласкать всякого, даже увольняемого от должности. В тот же день я получил большой фотографический портрет государя с его подписью: «Николай, 1909».

Тотчас после моего увольнения ко мне заехал граф Витте, чтобы выразить мне свое сочувствие — единственный раз, что он был у меня; заехал также проститься великий князь Сергей Михайлович. Как он, так и великий князь Константин Константинович, прислали мне свои фотографические карточки.

Наш отъезд в Крым несколько задержался, так как мы Святую (29 марта—4 апреля) решили провести в Петербурге. Мы хотели жить в Крыму не в гостинице, а где-либо в тиши, в пансионе, и пытались (через Мирбаха) выяснить, где мы могли бы остановиться, но ничего путного не узнали.

После моего увольнения от должности я провел в Петербурге три недели без всякой работы, чего со мною не бывало, за исключением случаев болезни. После напряженной работы последних лет такая свобода при жизни в Петербурге являлась весьма непривычной и странной.

Приведу теперь статистику разных разъездов и заседаний за 2 месяца и 10 дней 1909 года. Личных докладов в Царском Селе у меня было 14; сверх того я был в Царском 3 раза: на выходах 1 и 6 января и на заседании Совета министров у государя 6 марта. Сверх того я в Совете министров бывал 6 раз, в Дипломатическом совещании — 2 раза, в Государственном Совете и Думе — по 2 раза, в Аттестационной комиссии (собралась у меня) — 2 раза. Всего, за 70 дней — 17 поездок в Царское и 14 заседаний или 31 отвлечение от обычного дела*. В Военном совете я бывал 7 раз.

Та же статистика за все время моего управления Военным министерством, разбросанная на разных страницах этого труда, тоже может представить интерес для характеристики количества внешних обязанностей военного министра:

---

* К ним следует причислить дежурство при погребении великого князя Владимира Александровича и присутствие на двух панихидах по нем.

Месяц и год	Кол. дней	п-ки к госуд.	Сов. Совет мин. обор.	Аттест. комис.	разн. совещ.	Гос. Совет	Гос. дума	всего отвл.	на день	
окт.—дек 1905	92	33	21	1	2	8	5	-	70	0,76
январь—март 1906	90	30	13	7	9	2	9	-	70	0,78
апр.—сент. 1906	183	64	25	3	2	5	5	-	104	0,57
окт.—дек. 1906	84	30	10	10	2	3	-	-	55	0,66
январь—авг. 1907	219	74	10	18	12	2	3	6	125	0,57
окт.—дек 1907	74	24	2	6	3	2	3	2	42	0,57
январь—дек 1908	287	76	17	12	6	20	19	18	168	0,58
январь—март 1909	70	17	6	-	2	2	2	2	31	0,44
Всего	1099	348	104	57	38	44	46	28	665	0,60

За время с 1 октября 1905 года по день моего увольнения я был налицо 1099 дней*. Как видно, наибольшее число отвлечений было в течение первых двух приведенных периодов, по 0,76 в день или по три на каждые четыре дня; после того число их уменьшилось до четырех в неделю, главным образом потому, что, с назначением мне помощника, я почти перестал ездить в Совет министров. Больше половины всех этих отвлечений приходилось на поездки к государю; личных докладов у него было всего 260, а остальные поездки к нему вызывались, главным образом, обязательством присутствовать на торжествах, смотрах и парадах.

В Военном совете я за это время председательствовал на 106 заседаниях, пропустив 80 заседаний.

Наступившее после моего увольнения безделье жена решила использовать для написания моего портрета масляными красками; к сожалению она задалась очень большой задачей — писать его в натуральную величину и во весь рост, притом в парадной форме. Позировать для портрета мне приходилось впервые, и это оказалось делом весьма утоми-

* Время бытности в отпусках и болезни я вычел. За первые три с половиной месяца, с июня по сентябрь 1905 года, я, оказывается, не составил такой статистики, а теперь у меня нет под рукой материала для нее — записной книжки на 1905 год.

тельным и скучным, так как приходилось подолгу стоять в парадной форме неподвижно, как на часах. Всего я таким образом позировал двенадцать раз. Первые пять сеансов ушли на рисование углем, а в последующие были проложены краски и зарисован фон, ввиду того, что его составляла обстановка гостиной, с которой нам вскоре предстояло расстаться; таким образом, портрет ко времени нашего отъезда в Крым, представлял собою лишь хороший эскиз.

С половины февраля и до конца марта в Петербурге был Н. Н. Киселев, приехавший лечить свои глаза; он остановился у И. В. и был ежедневно нашим желанным гостем. Уже тогда было мало надежды на сохранение его зрения, но он замечательно владел собою и был по-прежнему очень интересным собеседником, полным добродушного юмора.

Частной квартиры мы себе еще не искали, так как в это время года трудно было бы найти что-либо подходящее; с выездом из дома на Кирочной нам не было надобности торопиться, так как Сухомлинов переезжал в казенный дом на Мойке, а срок найма квартиры на Кирочной кончался только осенью.

Здесь я должен оговорить, что я, если бы остался министром, с осени вероятно был бы вынужден переехать в дом министра на Мойке. Дело в том, что Совет государственной обороны и его Канцелярия фактически перестали существовать и их в ближайшем времени надо было упразднить*, а вместе с тем исчезли бы суммы, на которые нанимались помещения на Кирочной; кроме того, хозяин заявил о своем намерении повысить наемную плату. Таким образом, лишь увольнение от должности министра избавило меня от переезда в апатичный мне дом на Мойке.

На концерт в пользу инвалидов 19 марта я заранее записался на ложу и мне была отведена ложа первого этажа № 1,

---

* С официальным их упразднением я не спешил. Надо было убедиться, что решение государя упразднить их окончательно; имевшиеся в смете кредиты на их содержание были нужны на содержание некоторых чинов Канцелярии, еще не получивших назначения, и на оплату моей собственной квартиры. Приказ о их упразднении был отдан Сухомлиновым. Любопытно, что он потом приказал вставить в свою биографию (в «Столетие Военного министерства»), что это он добился упразднения Совета (рассказано мне автором биографии, полковником Затворницким).

напротив царской ложи. Я не видел основания уклоняться от появления в этой ложе, и мы были в ней с женой, с И. В. и Н. Н. Киселевым. Затем, я в это время успел побывать в опере, на выставке картин Поленова, в Павловске у Рыковских*, у брата в Гатчине, у тетки М. А. Шульман, переехавшей по совету врачей на жительство в Царское Село.

Фотограф Рентц затеял в это время издание альбома членов Государственного Совета и приглашал их сняться у него. Один снимок оказался чрезвычайно удачным, и я заказал ему пять дюжин таких портретов для раздачи своим бывшим сослуживцам.

В ночь с 6 на 7 апреля мы выехали в Севастополь; в Москве, на железнодорожной станции мы виделись с кухней жены М. В. Болотовой и ее мужем, с которым я тут впервые познакомился. В Севастополь мы прибыли 9-го утром; через час мы в ландо выехали в Ялту, куда добирались девять часов. Весна была в этом году поздняя, погода пасмурная и свежая. Остановившись в гостинице «Россия», мы начали поиски помещения. Проехав до Нового Симеиза, мы облюбовали комнаты в Алупке, на даче Бобровой, которые, однако, освободились только к 14 апреля, когда мы и переехали к ней.

В это время в Крыму отдыхал Столыпин, которому было отведено помещение в Ливадии. Он выезжал не иначе, как на моторе с конвоем казаков, едва поспевавших за мотором. Когда мы ездили в Новый Симеиз, по дороге от Ливадии до Симеиза стояли часовые и конная полиция, ввиду ожидавшегося проезда его. При виде этой охраны, я чувствовал себя довольно странно: еще несколько дней назад и меня охраняли, хотя и не в такой мере, а теперь я вновь обратился в обывателя, пребывание которого всюду считается безопасным и до переездов которого никому нет дела. Приходилось принимать на веру, что с моим уходом с министерского поста уже не было основания ожидать какого-либо покушения на меня; у меня не было с собою оружия, пригодного для обороны. Мы заехали с визитом к Столыпинным, но застали их уже уезжающими на прогулку. Вблизи Алупки, на

---

* П. И. Рыковская в этот наш приезд благословила жену образом Святых Гурия, Симона и Авива, покровителей семейного счастья.

своей даче жил великий князь Николай Николаевич; от его адъютанта, которого я встретил в «России», я однако узнал, что он там никого не принимает, так что я могу не являться ему.

На даче Бобровой мы получили две громадные комнаты с балконами, с видом на море, довольно мало мебелированные; одну из них мы обратили в спальню, а другую — в приемную, столовую и кабинет. Правда, приемов никаких не предвиделось, но столовая была нужна для того, чтобы столоваться у себя, а не в общей столовой, а кабинет потому, что я решил взяться за написание своих воспоминаний за время управления Военным министерством*. На это меня наталкивали две причины: я уже издавна привык к работе и даже во время отпусков всегда обзаводился каким-либо чтением или занятием, чтобы только не быть праздным, и теперь переход от форсированной работы к полному безделью меня тяготил; а затем, я считал, что на посту министра принес посильную пользу *fecit quod potui*** и чувствовал себя обиженным непрошеной отставкой, поэтому хотел, хотя бы для будущих историков военного управления в России, нарисовать картину моей деятельности и той обстановки, в кото-

* После ухода с должности военного министра я в Государственном Совете был членом Финансовой комиссии в 1909—1917 гг. Я тщательно воздерживался от всяких нападок на деятельность моего преемника, так как они могли быть истолкованы как выпады лично против него. В частности, по вопросу о путевом довольствии мне трудно было оспаривать возвращение к прежнему порядку, так как Военное министерство имело возможность голословно заявить, что новый порядок оказался неудобным и в финансовом отношении не дал выгод; выяснять же публично те злоупотребления, к каким приводил старый порядок, я находил неудобным. Однако, я по поводу какой-то гражданской сметы (Горного департамента?) возбудил общий вопрос об изменении у нас путевого довольствия; Финансовая комиссия, а вслед за нею и Общее собрание Совета, высказали пожелание о таком изменении. После того я ежегодно возбуждал в Комиссии при рассмотрении смет вопрос о том, в каком положении это дело, и всегда получал ответ, что дело это разрабатывается в Министерстве финансов, но еще не закончено ввиду его сложности и опасения больших новых расходов; с началом же европейской войны Министерство вовсе отложило это дело за недосугом. Очевидно, что изменение существенного положения было крайне неприятно всему чиновному миру.

** Я сделал, что мог (*лат.*) (*Сост.*).

рой она протекала, в надежде, что они отнесутся к ней более справедливо, чем современники. Писанию этих воспоминаний я ежедневно уделял по несколько часов; недостатком нужных материалов, особенно для установления последовательности событий, эти воспоминания, обнимавшие 1905 и 1906 годы, были неполны, отрывочны и в них много места было отведено отдельным личностям; тем не менее они, как записанные вскоре после описываемых событий, дали мне хороший материал для настоящего труда. Как тогда, так и теперь, я хотел бы дать будущему историку правдивую картину моей деятельности на посту министра. Мало того, постараюсь и сам подвести ей итог, хотя сознаю, что едва ли буду в состоянии быть беспристрастным, но это обрисует мой личный взгляд на мою деятельность.

В 1905 году, я был призван на должность военного министра, когда еще не было речи о каком-либо ограничении самодержавия, каждое министерство еще составляло особый мир и связь между ними поддерживалась исключительно указаниями государя.

Перед моим призванием, Министерство было разделено. Общее руководство военным делом было вверено Совету государственной обороны, а военному министру была поручена вся административная часть и хозяйство, то есть те отрасли управления, к заведованию которыми я был подготовлен. Выделение Генерального штаба и создание генерал-инспекторов, которым намечалось предоставить значительные распорядительные права, приводило к многовластию в военном управлении, но этот недостаток был бы устранен, если бы председатель Совета государственной обороны взял на себя объединять все эти части военного управления или государь сам (как в Пруссии) взял на себя эту обязанность; но так как такого объединения, требующего знания и большого труда, не было, то легко могла получиться полная неразбериха. Точных указаний для деятельности вновь созданных органов и для определения их отношений к военному министру не было дано, и все они были готовы толковать свою автономность в широком смысле. Я уже говорил, что пользуясь отсутствием новых законов, я в сомнительных случаях брал власть в свои руки. Протестов не было, все сознавали, что объединяющая власть нужна, и дело шло. В этом, ко-

нечно, была большая заслуга и со стороны лиц*, которые могли бы протестовать против захвата мною власти, но которые для пользы дела мирились с этим.

Совет обороны, составленный до крайности неудачно, на первых порах донельзя тормозил мою деятельность и навязывал мне нелепые и невыполнимые решения (Туркестан, Владивосток). Моя сравнительная молодость и отсутствие у меня строевого опыта давали членам Совета основание смотреть на мои новшества, как на опасные бредни теоретика или *horribile dictu*** как на либеральные уступки духу времени! Лишь постепенно удавалось разубедить в этом членов Совета и приобрести в нем должное влияние для проведения моих взглядов; решения же, с которыми я не был согласен (Туркестан), я оставлял без исполнения, хотя они и были утверждены государем! Это лучше всего доказывает, до чего «лишней мебелью» был Совет обороны и до чего отсутствовала всякая объединяющая власть в военном управлении! Замечу при этом, что в Совете все дела шли «по хорошему», без всяких резкостей и инцидентов за исключением лишь одного случая (по делу о Владивостоке), когда я прочел Совету резкую нотацию, которая однако была принята, как заслуженная действительно легкомысленным решением дела. Предел центробежным стремлениям был положен в 1907 году, когда сами генерал-инспекторы пришли к убеждению, что они, для пользы дела, должны быть подчинены военному министру.

Вне Петербурга власть военного министра оспаривал лишь наместник Кавказа. Не взирая на разделение Министерства и принижение положения министра, все командующие войсками ему подчинялись вполне, и я имел право сказать, что я не представляю себе такого командующего войсками, который не исполнил бы моего приказанья. Таким образом, дис-

* Палицын, четыре генерал-инспектора и даже великий князь Николай Николаевич; при этом я знаю, что подчиненные им лица наталкивали их на оппозицию. Так, например, чины Главного управления Генерального штаба считали, что главой военного ведомства является начальник Генерального штаба, а военный министр должен быть исполнителем его указаний. Замечу, кстати, что чины Главного управления военно-учебных заведений (с Анчутиным во главе) тоже мечтали о выделении из Министерства.

** Страшно сказать (*лат.*) (*Сост.*).

дисциплина на верхах армии была восстановлена. Главным образом, в этом отношении повлияло увольнение от службы, в дисциплинарном порядке, Коханова, а затем, в обычном порядке, других командующих войсками. Жажда твердой власти была так сильна в армии, что все командующие войсками в начале 1908 года заявили о необходимости восстановления единства в военном управлении, что и было достигнуто (без моей на то просьбы) увольнением от должности великого князя Николая Николаевича с фактическим упразднением Совета государственной обороны и с подчинением мне Генерального штаба. Своею заслугой я считаю, что, несмотря на разделение Министерства, дело шло, я сдержал центробежные стремления отдельных частей Министерства, и, в конце концов, привел государя к убеждению в необходимости восстановить единство военного управления с передачей его всецело в руки министра.

Далее, я вменяю себе в заслугу, что, невзирая на принижение должности министра, я восстановил дисциплину на верхах армии, заставив командующих войсками сознать, что они не полновластные пожизненные сатрапы, а должностные лица, обязанные добросовестно исполнять свои обязанности, начальники частей единой армии, управляемой единой волей, которой они должны подчиняться.

Введенному мною новому порядку аттестования я придаю особое значение как единственному способу к улучшению командного состава; этот новый порядок мне лишь с большим трудом удалось провести в жизнь, несмотря на противодействие Советов: Обороны и Военного. В связи с новым пенсионным законом, составленным по моим указаниям, получилась возможность хоть несколько очистить ветхие верхи армии. Происходившая первое время частая смена начальствующих лиц была явлением вредным, но временным, тогда как достигнутые положительные результаты (освежение и некоторое улучшение состава начальников, чувство ответственности за свою деятельность) являлись положительным приобретением для армии.

Содержание офицеров мне несколько удалось улучшить; быт же нижних чинов улучшился радикально: с 1906 года уже не могло быть речи о недостаточности их питания или о необходимости вольных работ для восполнения артельных

сумм*. Для освобождения же их от нестроевых обязанностей вещевое довольствие стало отпускаться в готовом виде, а число денщиков было сокращено. Для привлечения на сверхсрочную службу были приняты решительные меры, уже давшие заметный результат.

Таковы меры, проведенные мною, по личной моей инициативе, большей частью после упорной борьбы либо с завзятыми сторонниками исконных порядков нашей армии, либо с министром финансов, и мерами этими я считаю себя вправе гордиться. Равным образом, я с удовольствием вспоминаю, что для обеспечения мобилизационной готовности значительной части армии, на свой страх, я не исполнил высочайше утвержденного решения Совета министров о сдаче в казну экономических сумм, без предварительного приведения в порядок войскового имущества, а равно о позиции, занятой мною в отношении Государственной Думы: отказ от предельного бюджета с подчинением общему порядку испрошения и расходования средств и установление в отношении к Думе полной правдивости и откровенности, благодаря чему Дума стала относиться с доверием к Военному министерству.

Некоторые другие полезные (по моему убеждению) меры были мною подготовлены и отчасти уже проведены: изменение путевого довольствия было введено, но лишь в виде временной меры, так как мне не удалось бы иначе провести их. Новый порядок ведения войскового хозяйства уже испытывался в широком масштабе, дал отличные результаты и подлежал распространению в ближайшем будущем на всю армию. Оставляя должность, я полагал, что польза этих двух мер настолько очевидна, что окончательное принятие их не подлежит сомнению. Между тем, вслед за моим уходом, они были отменены: первая — в интересах самого Сухомянова, который стал наезжать прогонные деньги, а вторая — в интересах его приятелей, кавалерийских начальников. Однако, я убежден, что с восстановлением (после революции) в нашей армии нормальных порядков обязательно вернутся к моим начинаниям.

---

* К сожалению я не успел провести в жизнь уже подготовленное введение разнообразия в пищевой режим нижних чинов.

Еще я находил нужным упорядочить обозное дело в войсках, но все мои предложения по организации обозных войск были заброшены моим преемником, так же как уже начатое устройство в округах школ стрельбы.

Наконец, я считаю себя в праве гордиться тем, что я всячески боролся с nepotизмом* и лично не позволял себе при каком-либо назначении руководствоваться чем-либо иным, кроме пользы службе, и что я никогда не вмешивался в деятельность судов и не оказывал на них какого-либо давления.

Все приведенные меры относились к разряду забот о личном составе армии; они клонились в сторону младших офицерских и нижних чинов и были неприятны старшим их начальникам. По вопросам же организационным и снабжения армии я не сделал почти ничего. Коренное изменение организации тормозилось сокращением срока службы в армии, а затем Палицын, который должен был выработать проект и взялся это сделать, но дал нечто, никуда не пригодное. Для снабжения армии не было средств и первые чрезвычайные кредиты на этот предмет мне удалось получить лишь летом 1908 года, так что при мне лишь успели выдать заказы, а самые поставки едва начались. Армия еще была вовсе не готова к походу. Имея в виду, что новая большая война должна была поставить на карту самые жизненные интересы России, я считал, что мы должны вступать в нее лишь вполне готовыми, с армией обученной и снабженной и с надлежащими вождями, и что для достижения этого нужно не менее десятка лет, и что мы до тех пор должны вести самую мирную политику, поэтому я и высказался самым решительным образом против всякого протеста по делу о присоединении к Австро-Венгрии Боснии и Герцеговины.

В течение почти четырех лет я усиленно работал, и моя совесть была чиста в том отношении, что я сделал, что мог. Внезапное увольнение от должности вызвало во мне чувство обиды, которое держалось долго и лишь много позже сменилось благодарностью судьбе за то, что мне суждено

---

* От nepos, nepotis (лат.) — внук, потомок — замещение по протекции доходных или видных мест, кумовство (Сост.).

чтобы не нести какой-либо ответственности за политику, приведшую к войне 1914 года, и за вступление в войну с недостаточно подготовленной армией.

Это чувство обиды и привычка постоянно быть в работе заставили меня, почти тотчас по переезде в Алупку, взяться за перо и посвящать ежедневно по несколько часов писанию своих воспоминаний. Остальное время было занято прогулками по Алупке и ее ближайшим окрестностям, причем жена довольно прилежно писала масляными красками красивые виды; я также усердно занимался фотографией. Таким образом, мы провели целый месяц в тишине, ни с кем не знакомясь; но затем в доме Бобровой, в нижнем этаже появились новые жильцы — отставной генерал Королев с женой и офицер лейб-казацкого полка Васильковский с женой. Р. С. Королева познакомилась с нами на прогулке, а через нее мы познакомились с Васильковскими.

Сам Васильковский был человек малоразвитый с большим самомнением, украшенный офицерским Георгием; но я, несмотря на его объяснения, не понял, за что ему дали это отличие и почему он, будучи православным, звался Карлом? Жена его очень понравилась моей жене, и из-за нее у нас установилось знакомство с ними; он страдал легкими (последствия похода), потому они и приехали в Крым, а затем поехали на кумыс. Осенью я ему через Гарфа выхлопотал зачисление на льготу, дабы он мог закончить свое лечение.

В Алупку к нам заезжал Каульбарс, объезжавший войска своего округа. В середине мая я поехал в Симеиз, к графу Милютину, но не был принят*, я там же заехал к генералу Ивану Сергеевичу Мальцеву, но не застал того дома. Через несколько дней Мальцев заехал к нам; по его приглашению мы с женой были затем у него, смотрели дом и парк. Два раза к нам приезжала кузина жены, Болотова, приехавшая в Ялту с больным сыном.

---

* Осенью я получил письмо от Скугаревского; он мне сообщил, что был в Крыму и видел Милютину, который ему сказал, что весной был очень болен и не мог принять меня.

ГЛАВА ТРИНАДЦАТАЯ

*Переезд в новую квартиру. — Конфликт с
В. Н. Коковцовым. — «В денежном отношении для меня
наступило довольно трудное время...» — Работа
в Государственном Совете. —
В. А. Сухомлинов и М. И. Андроников. — В комиссии
Морского министерства*

Двухмесячный отпуск пролетел быстро, и мы 2 июня двинулись в обратный путь; до Севастополя мы думали ехать на пароходе, но поднялся сильный ветер, а потому мы вновь совершили переезд на лошадях. На обратном пути мы видели Володю, который проехал с нами от Харькова до Белгорода.

В Петербурге предстояла скучная возня: поиски квартиры и мебели для нее. Квартиры, которые были свободны, оказывались малопривлекательными; но бывший министр путей сообщения генерал Шауфус указал мне одну квартиру, которую вероятно будут передавать ввиду смерти нанимателя — на Фонтанке, д. 24, кв. 5. Квартира эта нам очень понравилась, так как комнаты были большие и очень высокие, и вся она была светлая; цена же ее (три тысячи рублей с дровами) была подходящая. Получив эту квартиру, мы относительно мебелировки договорились с мебельщиком Комовым, который к осени обязался сделать мебель по одобренным нами образцам.

При нашем возвращении сессия Государственного Совета еще продолжалась; она закрылась 12 июня; мне поэтому пришлось еще быть на пяти заседаниях*. Эти заседания бы-

---

* До отъезда в Крым я был на двух заседаниях Совета.

ли мне крайне противны: сидеть и часами слушать речи, особенно на темы, которые меня не интересуют, для меня всегда было тягостно; но и в другом отношении мое положение было неприятно, так как я из гражданских членов Совета не знал почти никого, а военные относились ко мне уже иначе, чем прежде.

Наши хлопоты в городе были закончены недели в три, и 23 июня мы переехали на дачу в Черняковицы. Дача эта принадлежала генералу Розанову, и главное ее достоинство заключалось в том, что она была всего в нескольких минутах ходьбы от дачи Раунеров. С нами на дачу переехал мой тесть.

С бывшей своею экономкой, m-lle Marie, мы расстались еще весной; будучи в Крыму, мы надумали с женой учиться английскому языку, и Н. А. Раунер нашла нам по объявлениям одну англичанку, miss Peltz, которая взялась нас обучать и вести наше хозяйство. Она очень хорошо преподавала английский язык, но оказалась такой сварливой и бестолковой, что скоро нам опротивела, и мы ее держали только потому, что жена не решалась ей отказать. На даче мы у нее взяли около пятидесяти уроков и усвоили начала английского языка.

На даче мы прожили три месяца, проводя время тихо и уютно; наш день свадьбы мы отпраздновали хорошим фейерверком, привезенным из города. Затем мы сделали вместе с И. В. двухдневную, очень интересную экскурсию в Михайловское, в бывшее имение Пушкина.

По возвращении в город, начались большие хлопоты по устройству квартиры. Из Царского я получил обстановку большого кабинета и своей спальни; у Комова мебель уже была готова вчерне, и нам лишь приходилось ездить, выбирать материю на обивку, после чего готовая мебель стала постепенно появляться в квартире. Но главную возню причиняли розыски люстр, которые отвечали бы большим размерам комнат и вместе с тем были бы доступны по цене. Большие хлопоты мне доставил также разбор моей библиотеки, которая была привезена в хаотическом беспорядке. Спрошенный мною по этому поводу перевозчик объяснил мне, что ему не пришлось брать книги из шкафа, так как они уже были вынуты из него моей бывшей женой и свале-

ны ею на полу в кучу.

В общем, устройство квартиры длилось около трех месяцев, так что мы визиты своим знакомым делали лишь после Рождества. К этому времени жена успела также закончить затеянную ею большую работу по написанию гобелена (три аршина на четыре ярда), который украсил стену нашей гостиной*. Только рояль, заказанный нами на фабрике Рениша, мы получили лишь в марте 1910 года.

Сессия Государственного Совета открылась 10 октября. Я был избран в члены Финансовой комиссии, в которой затем состоял до 1917 года. До конца года я был в Совете на 12 заседаниях Общего собрания, 10 заседаниях Финансовой комиссии, 2 заседаниях ее VI отдела и 2 заседаниях ее подкомиссии, и на 11 собраниях правой группы, всего на 37 заседаниях.

В Финансовой комиссии председательствовал Романов; она распадалась на шесть отделов, между которыми члены распределялись по своему усмотрению; каждый отдел рассматривал определенную группу смет и вносил по ним свое заключение в комиссию**. Работа в Финансовой комиссии была весьма интересна; в нее поступали все дела, связанные с расходами из казны, а таковых было около девяноста процентов всех дел; обсуждение этих дел и смет в комиссии давало возможность знакомиться с деятельностью всех министерств. Состав Финансовой комиссии избирался на одну сессию (один год), но большинство членов избиралось в нее из года в год, вследствие чего получалась устойчивость во взглядах и действиях комиссии.

Собрания группы представляли интерес в том отношении, что в них тоже обсуждались дела перед рассмотрением их в Общем собрании, причем определялось отношение группы к этим делам; в этих собраниях обсуждались все дела, в том числе и не проходившие через Финансовую комиссию, а равно и все злобы дня.

На собрании группы 14 декабря произошел инцидент. Под конец заседания председатель П. Н. Дурново сообщил

---

* В этой новой для нее работе жене помогала художница, госпожа Келер, сестра генерала Ренненкампа.

** Я входил в состав VI отдела, рассматривавшего военную и морскую сметы.

группе по секрету, что Коковцов, ездивший на Восток, представил государю доклад о виденном там и копию доклада дал ему, Дурново, для прочтения. В этом докладе Коковцов говорил о значении Владивостока, о том, что он убедился в плохом состоянии крепости, и сетовал на Военное министерство, которое запустило ее, хотя Министерство финансов никогда не отказывало в средствах на столь первостепенные нужды обороны! Это заявление произвело, конечно, большое впечатление; ведь оно обличало Военное министерство или, вернее, лично меня в полном небрежении к обороне государства! Неслыханная вещь: министр финансов должен был указать государю на ее пробелы и сам предлагать средства к их устранению! Группа была возмущена. Возмутился и я и впервые потребовал слова «по личному вопросу». Я заявил, что сказанное в докладе о состоянии Владивостока верно; но там не сказано, что, вообще, вся наша оборона находится в столь же жалком состоянии; заявление же о всегдашней готовности давать средства на существенные нужды обороны есть обычная у Коковцова ложь! Что может быть важнее мобилизационной исправности войск? А между тем я нужные на то одиннадцать миллионов рублей получил лишь путем преступления: неисполнением высочайше утвержденного решения Совета министров! Впервые чрезвычайные средства на улучшение обороны были получены летом 1908 года, и из них ничего не было уделено на Владивосток; но полученные средства являются лишь каплей в море наших потребностей, а усиливать Владивосток теперь, когда Амурская железная дорога еще так далека от окончания, не имеет смысла, так как в случае новой войны с Японией до окончания железной дороги оборона наших владений на Тихом океане все равно является безнадежной! Получаемые средства мы раньше всего должны употреблять на усовершенствование армии и ее снаряжения, а не на столь бесполезные затеи; иначе мы еще долго должны будем сознаваться в своей неготовности к войне, — как то было в начале этого года, когда Австрия присоединила Боснию и Герцеговину.

Объяснения мои, по-видимому, убедили группу, что возведенные на меня обвинения были неправильны*; но этот

* К следующему заседанию я в виде доказательства своих заяв-

инцидент, вместе с тем, показал, какие обвинения курсировали в обществе и принимались им на веру, особенно, когда они исходили от членов правительства! Было очевидно, что я еще долго не дождусь справедливого отношения к сделанному мною на посту министра. В частности, я не думаю, чтобы Коковцов имел в виду очернить меня, но его интересовало усиление Владивостокской крепости ввиду значения ее коммерческого порта, и, кроме того, он воспользовался случаем щегольнуть своею готовностью дать несколько миллионов на оборону страны и этим втереть, кому нужно, очки. Мне же приходилось довольствоваться ролью неудачного министра, понятной широкой публике, и лишь нажившего массу врагов; этому способствовала и печать, в которой все еще продолжали появляться выпады по моему адресу.

При таких условиях я, конечно, старался стусеваться и почти нигде не бывал. Со своими бывшими сотрудниками по Министерству я порвал почти все отношения еще и по другой причине, а именно, чтобы меня не заподозрили в желании вмешиваться в дела или интриговать против моего преемника. Затем, вскоре в деятельности Сухомлинова стали проявляться несимпатичные мне черты (главным образом, пристрастное отношение к людям); он поселил у себя в казенной квартире госпожу Бутович и публично показывался с нею; при встрече с бывшими своими подчиненными, я невольно заговорил бы с ними о новом их начальнике и критиковал бы его, а потому я еще более старался вовсе прекратить всякие сношения с чинами Министерства*.

лений принес в Совет всеподданнейший отчет государственного контролера за 1907 год.

* Различие во взглядах Сухомлинова и моих сказалось уже через несколько дней после моего ухода. Главное управление Общества Красного креста ходатайствовало о производстве на Святую в генералы одного грузинского князя (Накашидзе?) — (Князь И. А. Накашидзе был произведен в генерал-майоры 6 мая 1909 года (*Сост.*)), не занимавшего никакой должности в военном ведомстве и дошедшего до чина полковника благодаря тому, что он управлял делами графа Воронцова-Дашкова; я отказал. Вслед за тем я получил просьбу о том же от вдовствующей императрицы; по моему докладу государь отказал в этой просьбе. Тотчас по моему уходу (на четвертый день поста), Сухомлинова попросили о том же, и на Святую князь был произведен.

На должность начальника Генерального штаба Сухомлинов избрал Мышлаевского, человека несомненно способного, но (выражаясь осторожно) не прямого и не владевшего иностранными языками. На первых порах они были крайне дружны, но затем произошло что-то непонятное: Мышлаевский уехал за границу и во время своей бытности там был уволен от должности с назначением корпусным командиром на Кавказ. После этого, в конце сентября Сухомлинов был у меня с визитом, который я ему отдал; я его спросил о причине смещения Мышлаевского, но он мне дал совершенно уклончивый ответ. Вернувшись из-за границы Мышлаевский 11 октября был у меня, сказал, что его обвинили по-видимому в интригах против Сухомлинова, который и ему не сказал, за что он был уволен*; Мышлаевский просил совета, что ему делать, чтобы обелиться? Я ему предложил обратиться к Столыпину и просить его произвести расследование. Мышлаевский этому совету не последовал, а просто уехал к новому месту служения. История так и осталась темной. Истинной причиной увольнения Мышлаевского по-видимому явилось то, что о Мышлаевском стали говорить как о дельном работнике и кандидате в военные министры; этого кандидата Сухомлинов и поспешил устранить под каким-то предлогом. Не отрицаю, конечно, возможности какой-либо интриги со стороны Мышлаевского.

В начале октября мне пришлось выступить в окружном суде. Кавказский интендант генерал Агапеев возбудил обвинение в клевете против газеты «Новая Русь» за появившуюся в ней статью и ссылался на меня, что я могу засвидетельствовать о его безупречной службе. Идти в суд было неприятно, так как в те времена там можно было наслушаться всяких оскорблений, а потому я воспользовался правом особ II класса** и просил суд допросить меня на дому. Я думал, что для этого ко мне приедет кто-либо из членов суда и снимет показания; но утром, в день заседания ко мне приехал судебный пристав заявить, что суд должен при-

---

* Сухомлинов ему сказал, что ему дали корпус для выполнения его строевого ценза, ввиду того, что он с молодых чинов уже не служил в строю.

** А. Ф. Редигер имеет в виду свой воинский чин генерала от инфантерии, соответствующий II классу Табели о рангах (Сост.).

ехать в полном составе, поэтому надо подготовить зал заседания. Беспокоить весь состав суда я отнюдь не хотел, а при неустройстве моей квартиры* мне даже было бы трудно устроить обстановку для заседания, поэтому я с приставом поехал в суд, где меня тотчас допросили. Об Агапееве я дал хороший отзыв. Чем кончилось дело я не помню.

Из-за неустройства квартиры мы до конца года почти ни у кого не бывали и принимали только близких друзей. Брату уже опротивела жизнь в Гатчине, и он вновь переехал в Петербург. В конце ноября вновь приехал лечиться Н. Н. Киселев, проживший у И. В. два месяца. Племянница Лиза Иванова стала невестой певца Барышева, который стал бывать у нас. Васильковские, вернувшись с кумыса и пробыв недолго в Петербурге, уехали на зиму в Давос; там они оказались в одной гостинице с князьями Иоанном и Гаврилом Константиновичами, с которыми они познакомились и близко сошлись.

Ввиду окончания разграничительных работ на Сахалине я в октябре получил ленту японского ордена Восходящего солнца, хотя я, собственно, к этому разграничению не имел никакого отношения.

Еще летом, по возвращении из Крыма я получил от Рентца заказанные ему пять дюжин своих портретов. При посредстве Забелина я разослал их всем моим бывшим близким сотрудникам по должности министра и тем чинам Канцелярии Военного министерства, которые в свое время имели личный доклад у меня по должности начальника Канцелярии. Первых я просил дать мне в обмен свои карточки. К моему огорчению, таковые я получил лишь от немногих. Забелина я видал лишь в Новый год и на Святой, когда он неизменно заезжал ко мне с визитом. Я его при таком случае спросил о причине, он меня сначала просил подождать, но потом (в 1911 году?) дал мне полное объяснение. Оказалось, что начальники главных управлений собирались поднести мне свои карточки в общей рамке; старший из них, Вернандер, отнесясь вполне сочувственно к этому предложению, взялся его выполнять, поэтому Забелин передавал ему получавшиеся портреты; но затем Вернандер охладел к

---

* В гостиной еще не было мебели, и в ней еще стояли сундуки с неразобранными книгами моей библиотеки.

этому делу, карточки оставил у себя и не сделал ничего! Очевидно, что им вначале руководили хорошие его отношения ко мне, а затем им овладела лень или же он стал опасаться, что Сухомлинов может косо взглянуть на эту затею. Вернандера я считал порядочным человеком, а потому, например, в 1904 году готов был объяснить перемену его отношения к А. М. Куропаткиной разными иными соображениями, а не тем, что положение ее мужа менялось к худшему; теперь же в оценке его личности я невольно приходил к иному заключению.

В денежном отношении для меня наступило довольно трудное время. В Государственном Совете из всего содержания делался вычет в казну в размере пяти процентов; получая номинально содержание в 18 000 и 1500 пенсии, я в действительности получал лишь несколько более 18 000, из коих 6000 отсылались в Царское, так что на жизнь оставалось 12 000. Устройство на новой квартире мне обошлось свыше 15 000, и на это ушли небольшие сбережения за 1908 год, пособие в 5000, полученное при увольнении с должности министра, и пришлось продать часть бумаг жены*. Во всяком случае, пришлось значительно стесняться в расходах по сравнению с предыдущими годами. Так, не могло быть и речи о том, чтобы держать мотор или экипаж, и это являлось для меня самым заметным лишением.

Начало 1910 года прошло тихо; мы бывали только у немногих хороших знакомых и не делали больших приемов. В январе приехал в Петербург эмир Бухарский; по старой памяти я у него расписался, и он пожелал быть у меня. В воскресенье, 7 февраля, он заехал к нам с четырьмя халатниками и девятью нашими чинами. Он просидел у нас полчаса, и мы угостили его достарханом; на прощание он подарил мне золотую медаль в память двадцатипятилетия его царствования, а через неделю, при своем отъезде прислал мне еще ковер и серебряную миску с подносом, крышкой и ложкой для кумыса.

---

* Один из двух моторов, купленных мною за счет экстраординарной суммы, по докладу Сухомлинова был оставлен мне в собственность; он еще не вполне был оплачен; я уплатил за него еще 1500 рублей, продал его за 4000 и, таким образом, выучил 2500 рублей.

Около того же времени я от чинов Канцелярии получил группу всех чинов, которым послал свои портреты; группа была вставлена в гладкую серебряную рамку с автографами участников.

Совершенно случайно у нас завязалось знакомство с Денисовыми. Он был членом Государственного Совета по выбору Донской области. В феврале, по окончании заседания Совета я отправился домой пешком, со мною пошел Денисов; когда мы дошли до моей двери, я счел долгом вежливости пригласить его зайти; он зашел и познакомился с моею женой, сделал нам визит, на который пришлось ответить, а затем они пригласили нас к обеду. Оказалось, что Денисовы, обладая большими средствами, живут не только богато, но роскошно, так что нам трудно будет поддерживать с ними знакомство, поэтому мы решили его не поддерживать. Сам Денисов был мне симпатичен и интересен тем, что у него было много сведений по экономическим вопросам, в которых я был совершенно несведущ, хотя и интересовался ими, поэтому я при случае охотно беседовал с ним. Он тоже был членом Финансовой комиссии, где мы часто встречались и поддерживали друг друга в военных и особенно казачьих вопросах. Затем мы с Денисовым стали встречаться в Павловске, у Рыковской, вследствие чего уклоняться от знакомства было трудно; тем не менее, мы под благовидным предлогом уклонялись от их многочисленных приглашений и ни разу не звали их к себе.

В конце февраля в Петербург приехала жена полковника Стржалковского, бывшего правителем Канцелярии начальника Закаспийской области, которого мой тесть знал с молодых чинов. Ревизия графа Палена отстранила его от должности, и он уже несколько лет с большой семьей бедствовал, получая ничтожное подсудное содержание, а между тем обвинение против него все еще не было сформулировано, и он не был предан суду. Я поэтому зашел к графу Палену и добился от него обещания ускорить ход дела, с этим делом мне пришлось возиться в 1911—12 гг.

От великого князя Константина Константиновича я получил 18 марта приглашение на один из исторических спектаклей, которые в ту весну ставились у него во дворце. Великий князь был со мною очень любезен; я там встретился

лицом к лицу с государем, который мне сказал, что «вот, где нам пришлось встретиться».

На Святой мы с женой ездили к сестре в Юстилу, откуда проехали на водопад Иматру. Вскоре после того нам пришлось быть на свадьбе моей племянницы Лизы Ивановой с артистом Барышевым.

Жена взялась было за продолжение работы над моим портретом, начатым на Кирочной, но после двух сеансов он был отложен и затем висел в виде эскиза в гостиной до начала 1917 года, когда она вновь взялась за него.

У нашей англичанки, miss Carolina Peltz, мы со времени переезда в город уже не брали уроков; говорить по-английски мы еще не могли и с нею говорили по-французски, причем из-за ее сварливого характера выходили беспрестанно истории. Жена, наконец, решилась с нею расстаться и 1 марта мы от нее избавились. Воспользовавшись освободившейся комнатой, жена обратила ее в мастерскую и стала брать уроки скульптуры у художницы Диллон; под ее руководством она слепила две хорошенькие женские головки, которые были отлиты из гипса. На этом, однако, ее занятия скульптурой остановились, так как мы решили взять другую англичанку, для которой понадобилась та же комната. В конце мая к нам поступила miss Emma Austin, остававшаяся у нас до нашего отъезда из Петербурга в конце 1917 года.

Мой тесть бывал у нас довольно часто, 16 марта он сообщил нам, что сделал предложение Ольге Александровне Дараган (рожденной Бутович), с которой познакомился у Рыковских. И. В., привыкший к семейной жизни, тяготился своим одиночеством, поэтому мы уже давно предвидели, что он, вероятно, женится вновь, тем более, что ему с разных сторон делались авансы в этом отношении*. С его невестой я познакомился на следующий день в театре, где она была в нашей ложе. В начале мая И. В. уехал с нею в Полтавскую губернию, в имение Черевки, к ее отцу. Свадьба их состоялась 2 июня в Павловске у Рыковских, бывших посаженными родителями, при страшной жаре. Тотчас после свадьбы они уехали на две недели в Финляндию. На свадьбу отца приезжал на неделю Володя.

---

* В том числе со стороны семьи Мамчич; вследствие женитьбы И. В., наше знакомство с этой семьей прервалось.

Мирбахи наняли дачу в Финляндии, недалеко от станции Райвола и там же наняли две дачи для нас и И. В. Однако, наш отъезд на дачу оттягивался ввиду того, что сессия Государственного Совета длилась долго. Она окончилась 17 июня, а 19-го мы перебрались на дачу.

Государственный Совет в эту весеннюю сессию работал весьма усердно; я был на 51 заседании Общего собрания, 41 заседании Финансовой комиссии и 7 заседаниях ее VI отдела; эти последние были посвящены преимущественно морской смете, в которой наши сочлены-моряки (Чихачев и Дубасов) старались разобраться и убеждали Морское министерство ввести возможные сокращения для получения средств на восстановление боевого флота, но безуспешно. Морское министерство, во главе которого Воеводский сменил Дикова, упорно держалось старых порядков. Ввиду этого Дума урезывала его смету, и Государственный Совет лишь мог настаивать на том, чтобы цифры ассигнований были не меньше, чем в предыдущем году.

Я уже упоминал, что порвал сношения с чинами Военного министерства и что мы осенью лишь обменялись визитами с Сухомлиновым; отношения с последним при редких случайных встречах продолжали быть вполне дружественными. Весной и это изменилось. Сухомлинову удалось добиться развода четы Бутович и жениться на своей сожительнице; муж ее не соглашался на развод, и для получения его Сухомлинову пришлось, по-видимому, прибегнуть к подлогу документов; кроме того, государь произвел давление на Синод. Таким образом, Сухомлинов вышел из крайне неудобного положения министра, открыто живущего с любовницей, притом на казенной квартире. Первый муж этой дамы, Бутович, был двоюродным братом Ольги Александровны, которая поэтому хорошо знала ее и, кроме того, по Киеву знала самого Сухомлинова. Последний поэтому надумал познакомиться с нами, чтобы доставить своей жене, положение которой продолжало оставаться двусмысленным, какой-либо круг знакомых, и для выяснения возможности такого знакомства к нам был командирован князь Андроников, ставший близким человеком к Сухомлинову.

Андроников, предупредив по телефону, приехал к нам вечером 8 мая и предложил мне вопрос, предполагаем ли

мы вести знакомство с Сухомлиновыми, ввиду предстоявшей женитьбы моего тестя на Ольге Александровне? Я ему категорически ответил, что я, а тем более моя жена не можем бывать в одном доме с бывшей содержанкой, а теперь женой Сухомлинова. Андроников, по-видимому, вовсе не ожидал такого ответа и, когда за чаем увидел мою жену, сказал и ей, с каким вопросом он обратился ко мне. Я тотчас повторил жене уже данный мною недвусмысленный ответ. Андроников сказал, что он в таком смысле ориентирует Сухомлинова. Последний, действительно, к нам не приезжал; после того мы с ним продолжали встречаться, по внешности вполне дружелюбно.

Довольно любопытно, что с того же времени почти совсем прекратились всякие отношения с Андрониковым — вероятно, неудача его миссии сильно повредила ему в глазах Сухомлинова; кроме того, он увидел, что я выступил так резко против своего преемника, бывшего тогда в большой силе, очевидно отказываюсь от всяких карьерных помыслов и влияния и не могу больше быть ему полезным*.

Летом мне все же пришлось иметь письменное объяснение с Сухомлиновым по довольно курьезному поводу. На дачу к Ольге Александровне приехала ее родственница, Наталья Илларионовна Червинская, пристроившаяся к Сухомлиновым с миссией выяснить — правда ли что я распускаю плохие вести про Сухомлиновых? Чтобы покончить с этим делом, я 29 июля написал Сухомлинову:

«Дорогой Владимир Александрович.

Ольга Александровна Холщевникова только что передала мне неприятную весть, что до Вас дошли сведения о том, что я отзывался плохо о Вашей личности, притом на основании сведений, полученных мною от Ольги Александровны. Сплетен по Петербургу ходит вдоволь, но этой Вы, по-видимому, придали известную веру, так как супруга Ваша поручила Н. И. Червинской переговорить о ней с Ольгой Александровной.

---

* До этого инцидента Андроников еще изредка бывал у меня, присылал брошюры, а 23 февраля даже прислал свежего осетра от имени «Товарищества Тихоокеанских морских промыслов Грушецкого».

Вследствие этого, считаю долгом заверить Вас самым категорическим образом, что я от Ольги Александровны никогда не слышал ничего дурного ни про Вас, ни про Вашу супругу. Что же касается личных моих отношений к Вам, то они остались неизменно такими же, какими были полтора года тому назад, — да и трудно придумать какую-либо причину к их изменению!

Вам хорошо известно, что я уже почти полтора года прячусь от публики, нигде не показываюсь, не вижусь почти вовсе с бывшими своими сотрудниками и делаю все, что возможно, чтобы вовсе отойти в сторону от всех текущих дел: я вполне доволен своим положением, мне ни от кого ничего не надо, я тщательно это показываю и в особенности избегаю всего, похожего на какую-либо интригу против своего преемника, поэтому избегаю всяких разговоров про Вас лично и о военных делах вообще.

Поэтому усердно прошу Вас, раз навсегда не верить сплетням, подобным той, которая заставила меня взяться за перо.

С совершенным уважением Вам преданный А. Редигер».

В ответ я получил следующее письмо от 1 августа 1910 года:

«Дорогой Александр Федорович.

Действительно, по Петербургу, как Вы верно говорите, доволь ходят сплетни; самое правильное, конечно, не придавать им никакого значения, раз это именно сплетни. Но когда из разных источников предупреждают человека и указывают ему — кто и что о нем говорит нехорошее, то всякий поймет естественное побуждение обратиться к тому лицу, на которое при этом указывают, как на источник злословия. Так и поступила моя жена, которая даже и писала по этому поводу Ольге Александровне.

Относительно наших с Вами личных отношений, могу Вам ответить тем же, т. е., что я не сомневаюсь ни на минуту, что они остались наилучшими, какими всегда и были, ибо считаю Вас человеком правдивым, порядочным и не способным на клевету и распространение инсинуаций. Очень рад, что письмо Ваше подтвердило это.

С искренним уважением Вам преданный В. Сухомлинов».

Письма эти я воспроизвожу потому, что в моем письме было определено изложено то положение, которое я занял — возможно полное отстранение от текущих дел Военного министерства. При сердечности внешней формы писем, от них все же веяло холодком. Обменом этих писем закончился этот инцидент; зачем Сухомлинова командировала свою родственницу, мне осталось неясным — из любопытства или для новой попытки установить знакомство?

Хотя я уже был не у дел, ко мне все же продолжали обращаться со всевозможными просьбами. Так, в начале года Каульбарс, уволенный от должности командующего войсками в Одессе, просил меня выяснить причину его увольнения и почему его не назначили в Государственный Совет? Я не имел возможности удовлетворить его любопытство; но его увольнение меня не удивило, так как государь еще в конце 1905 года предполагал его уволить*.

Рыковские также просили меня заступиться за их зятя, подъесаула Попова. Попов служил в 6-й Донской батарее Гвардейской конно-артиллерийской бригады; батареей командовал его свойственник (одноутробный брат его жены), полковник Чеботарев, с которым его отношения были натянуты по семейно-имущественным причинам. Чеботарев дал Попову аттестацию довольно строгую, но настолько мотивированную, что командир бригады, генерал Орановский, счел нужным заявить о неполном служебном соответствии Попова, что, согласно закону, лишило его права на производство на открывшуюся вакансию. Рыковские просили меня помочь в этом деле; я мог лишь обратиться к Газенкампу с просьбой посмотреть, не было ли тут совершено несправедливости на почве личных отношений свойственников? Га-

---

* Каульбарс начал бывать у нас; жене моей он был весьма антипатичен, вследствие своей самоуверенной фамильярности в обращении с дамами. Так, например, он, зная, что жена принимает по воскресеньям, заехал к ней в другой день и настоял на том, чтобы его приняли. Жена, собравшаяся выходить, его приняла, думая, что у него какое-либо спешное дело, но дела у него не было, а он просто пожелал быть принятым без посторонней публики! Ввиду просьбы жены избавить ее от подобных посещений, я перестал бывать у Каульбарса; он понял и перестал бывать у меня. Каульбарс еще в Болгарии очень любил ухаживать за дамами, а в Одессе, по доходившим до меня слухам, совсем увлекся в этом отношении.

зенкампф, познакомившись с делом, признал, что в аттестации, данной Чеботаревым, достоинства и недостатки Попова были изложены в столь беспристрастном тоне, что он и не подозревал о существовании между ними натянутых личных отношений. Ближайшее начальство о них знало* и все же утвердило аттестацию, сделав вытекающий из нее вывод. Таким образом, все было в порядке, и Попов лишь имел право просить о производстве расследования для доказательства неправильности аттестации, но он этого не сделал, а подчинился судьбе и остался в батарее.

В начале этого года у меня была переписка с очень дальним родственником, инженером Heinrich Karl Roediger в Штутгарде, интересовавшимся судьбами русской ветви нашей семьи. По его словам, нашим общим родоначальником был Петр Редигер (1640—1698 гг.); я произошел от его пятого сына, Иоанна-Георгия (1674—1745 гг.), он — от восьмого, Иоанна (1681—1768 гг.), а ветвь во Франкфурте — от девятого, Иоанна-Мартина (1683—1735 гг.). По его просьбе я ему сообщил возможно полные сведения о моем деде и его потомках и о возведении нас в дворянское достоинство и послал ему акварельную копию нашего герба.

Перед закрытием сессии Совета членам его было предложено совершить две экскурсии в Кронштадт для ознакомления с находящимися там учреждениями флота и с крепостью; я принял участие в общих поездках 1 и 7 июня. Ходили мы оба раза на яхте морского министра «Нева», причем, каждая поездка продолжалась по 9—10 часов. При стоявшей тогда жаркой погоде эти поездки были очень приятны. Они были также весьма интересны. В первую поездку мы осмотрели некоторые портовые учреждения, а во вторую — мы были на форте «Константин» и на новых бата-

* Рыковские, принимавшие много народу, приглашали к себе и высших начальников Попова. За обедами почетные гости рассаживались по чинам и служебному положению. Однако, с увольнением меня от должности министра меня стали сажать ниже, например, генерал-майора Орановского, а жену — с молодыми офицерами. Несмотря на симпатию к старикам Рыковским, это заставило меня всемерно уклоняться от их приглашений, и мы лишь раз-два в год ездили к ним.

О служебных качествах Попова я не имею представления; не знаю также, что ему было поставлено в вину.

реях на рифе, и в Инониеме; последняя (а также батареи за Ораниенбаумом) была начата еще при мне для обстрела тех расширенных мест фарватера, где неприятельские суда могли циркулировать, обстреливая крепость. Инониеме, а также ближайшая стоянка для флота, Бьеркэ, лежали в пределах Финляндии, поэтому в это время возник проект присоединения этой части Выборгской губернии к России, но потом как-то заглох.

На дачу мы переехали 19 июня, а через неделю на соседнюю дачу переехал И. В. с женой. Мирбахи жили от нас верстах в трех. Дачи были небольшие и довольно примитивные, но жили мы в них очень уютно и дружно, много катались на лодке и удили рыбу. Вскоре, однако, выяснилось, что здоровье О. А. требует поездки на воды, а потому она и И. В. 30 июля покинули дачу и через несколько дней поехали через Берлин в Франценсбад. На их дачу переехали, в ближайшее наше соседство, Мирбахи.

Совершенно неожиданно я 14 августа получил от Столыпина уведомление, что на меня возложено особое поручение; сообщение гласило:

«Государь император, признав необходимым принять меры к наилучшей постановке строительного дела в морском ведомстве, в видах скорейшего воссоздания нашего боевого флота, высочайше повелеть соизволил: поручить членам Государственного Совета инженер-генералу Рербергу, генералу от инфантерии Редигеру и тайному советнику Дмитриеву обследовать в хозяйственном и административном отношениях деятельность Главного управления кораблестроения и снабжений, казенных морских заводов и портов, с тем, чтобы заключения их о наилучших способах достижения указанной цели были в возможно краткий срок повергнуты поименованными лицами непосредственно на благовоззрение его императорского величества».

Поручение это, весьма лестное, вместе с тем было весьма трудное: требовалось указать способы к улучшению громадного дела, с которым мы сами были вовсе незнакомы! Вместе с тем, наше заключение требовалось в возможно кратчайший срок. Я уже упоминал о том, что Дума относилась к Морскому министерству совершенно отрицательно и сильно резывала его смету; изменить отношение Думы к

нуждам флота можно было только пролив свет на деятельность Морского министерства и введя в нее нужные улучшения; только при этом условии можно было надеяться на получение кредитов на успешную постройку наших первых дредноутов, уже начатых постройкой в Петербурге, и на усиление нашего Черноморского флота, который оказался слабее турецкого вследствие покупки Турцией германских броненосцев. Для удовлетворения настояний Думы и чтобы дать ей уверенность в более целесообразном употреблении средств, даваемых на флот, Столыпин настоял на производстве нашего «обследования».

Я тотчас поехал в город переговорить с Рербергом. Дмитриев был на водах, поэтому первое наше деловое заседание состоялось только 2 сентября.

О личности Рерберга я уже говорил, во время «обследования» он почему-то все время был адвокатом Морского министерства и существовавших в нем порядков. Михаил Дмитриевич Дмитриев долго служил в Контроле, а затем в Министерстве финансов, где под конец был товарищем министра, отличный работник, знаток сметной части и очень почтенный человек; в противоположность Рербергу, он возмущался видимой бесхозяйственностью деятельности Морского министерства.

На первом же заседании мы установили рамки для нашего обследования. Мы решили, что не будем ревизовать собственно хозяйственные распоряжения и выяснять, были ли в них какие-либо злоупотребления, так как это нам не было вменено в обязанность, и такого рода ревизия потребовала бы массы рабочих рук и заняла бы несколько лет, а между тем наше заключение требовалось в кратчайший срок. Мы решили выяснить лишь причины, почему наши суда строились дольше и обходились дороже, чем где-либо, и почему вообще наши расходы на флот (без судостроения), при его слабом боевом составе, продолжали поглощать почти такие же средства, как в Германии с ее сильным флотом?

Из Морского министерства были затребованы разные дела и материалы; оттуда же мы получили разные сочинения по устройству судостроительных заводов и по морской тактике; особенно последние меня заинтересовали, так как я вообще не имел понятия о действии современных судов в

бою, о роли, выпадающей при этом судам разных типов, ни даже об относительном значении артиллерии, мин и тарана в вооружении судов.

Для участия в этих занятиях комиссии* мне пришлось уже 15 сентября переехать в город, хотя на даче еще было хорошо.

По предложению Рерберга было решено, что мы ознакомимся личным осмотром с заводами морского ведомства**, хотя я и считал, что при нашем полном незнании с делом, от этого не будет толку и что нам на заводах могут втирать очки по усмотрению; Рерберг, при своей самоуверенности, утверждал, что ему очков не вотрут, а потому решено было, что мы осмотрим заводы.

Действительно, мы с Рербергом, в сопровождении товарища морского министра, адмирала Григоровича, побывали 25 сентября на Обуховском заводе, который обходили в течение четырех часов. Нам показывали работы в мастерских и объясняли намеченные улучшения в его устройстве; все это нам, очевидно, приходилось принимать на веру. Рерберг воспользовался осмотром для преподания указаний относительно необходимости покраски некоторых крыш и принятия противопожарных мер. Я чувствовал себя весьма неловко в роли ревизора, ничего не понимающего в деле, и слушателя авторитетных указаний Рерберга по пустякам, едва ли даже подлежащим нашей критике; но, конечно, осмотр завода был сам по себе весьма интересен и поучителен. Морское министерство предоставило в наше распоряжение автомобиль и угостило на заводе завтраком, так что поездка была обставлена очень хорошо. Затем мы 6 октября на яхте «Нева» пошли с Рербергом и Григоровичем в Кронштадт. По пути туда нам был доложен проект переустройства порта; мы осмотрели пароходный завод, строившийся громадный аварийный док и доковое адмиралтейство.

После этой поездки Рерберг заболел, и мне пришлось одному осматривать судостроительные заводы, Балтийский

---

* Официально мы не были назначены в комиссию, а как будто все трое должны были действовать самостоятельно. Мы, однако, составили комиссию, в которой Рерберг, как старший, председательствовал.

** Дмитриев тоже находил такой осмотр нужным, но сам, по болезни, уклонился от участия в нем.

и на Галерном островке, и Ижорский завод (9, 11 и 14 октября); иронией судьбы являлось то, что я, противник этих осмотров, большую часть их должен был производить один. После осмотров мы на заседаниях комиссии еще подробно обсуждали нужды заводов и выслушивали подробные пояснения по этой части со стороны моряков.

22 октября мы с Рербергом выехали для осмотра в Севастополь и Николаев. Перед моим отъездом, 18 октября, в Петербург вернулся И. В. с женой, побывавшие после Франценсбада в Дрездене, Париже и Черевках, а 20 октября приехал Володя, которому я через Остроградского выхлопотал прикомандирование к Генерал-инспекции кавалерии. Цель этого прикомандирования была двойная: дать ему возможность подготовиться к Академии и вырвать его из провинциальной глуши, где он начал увлекаться барышней Ильешенко, на которой, однако, не имел средств жениться.

В Севастополь мы поехали в министерском вагоне, в котором Рерберг, я и Григорович имели свои отдельные купе; при нас был делопроизводитель нашей комиссии, чиновник Государственной канцелярии Неклюдов, а при Григоровиче — три офицера. До Севастополя мы ехали почти двое с половиной суток, в течение которых было много деловых разговоров по морским делам в салоне нашего вагона. В Севастополе мы провели три дня. Нам отвели бывший дом великого князя Алексея Александровича, где нам устроили и все хозяйство, так что мы там довольствовались на артельных началах. Мы осмотрели минный порт, адмиралтейство, угольную площадку в Киленбалке, пороховые погреба и мастерские для заливки снарядов толом в Сухарной балке, посетили строившиеся корабли «Иоанн Златоуст» и «Евстафий». Григорович смотрел почти готовый корабль «Иоанн Златоуст», и я присоединился к нему; в течение полутора часов я за ним лазил вверх и вниз по всевозможным лестницам, пролезая через горловины (люки), в которых я при своей комплекции боялся застрять, но все же этот осмотр был крайне интересен, так как дал понятие о чрезвычайной сложности устройства корабля. Большое впечатление произвело на меня автоматическое зарядание двенадцатидюймового орудия, совершавшееся в 31—32 секунды*.

* На следующий день Григорович также смотрел корабль «Ев-

Два раза мы были в гостях у главного командира порта, адмирала Бострема, к завтраку и к обеду. Дом главного командира роскошный, так же, как и его дача, и вовсе не соответствовал содержанию, которое было присвоено должности.

Вечером 27 октября мы выехали из Севастополя в том же вагоне и через Синельниково поехали в Николаев, куда приехали 29-го утром. В Николаеве мы пробыли один день, причем осмотрели адмиралтейство и частный судостроительный завод, и вечером выехали обратно в Петербург.

На следующий день нам в Харькове пришлось ждать поезда, к которому прицепили наш вагон, от половины шестого до четверти десятого вечера. У Григоровича в Харькове были знакомые, к которым он поехал; сидеть вдвоем с Рербергом мне не улыбалось, а потому я надумал навестить семью Ильяшенко, в которой Володя постоянно бывал, чтобы поблагодарить за ее хорошее отношение к нему и, кстати, познакомиться с нею.

Начальник станции по телефону узнал мне в полиции адрес Ильяшенко, и я, пообедав на станции, поехал к ним. Полиция, узнав, что я собираюсь к ним, предупредила их о моем приезде, так что меня уже ждали. Я застал семью за чайным столом: мать с двумя дочерьми и двух офицеров, из коих один был женихом старшей дочери; молодежь вскоре уехала в театр, а я, посидев три четверти часа, вернулся на вокзал. Впечатление от этого знакомства было, конечно, очень поверхностное, тем более, что молодежь все время молчала, но в общем — симпатичное.

Утром 1 ноября я вернулся в Петербург, пробыв в поездке девять с половиной суток*. Это была первая моя разлука

стафий» (копию «Иоанна Златоуста»), но я отказался ему сопутствовать, так как ноги мои еще чувствовали усталость от лазанья по лестницам.

* Упомяну здесь о финансовом результате поездки. Нас никто не командировал на юг, поехали мы сами, а потому сами должны были потребовать себе путевые издержки. Я потребовал, чтобы мне отпустили путевое довольствие по той норме (уже отмененной), которую я ввел для военного ведомства, и получил 134 рубля 35 копеек, которые почти покрыли мои расходы по поездке; Рерберг представил счет своим расходам; моряки же получили прогоны, например, Григорович — около 1500 рублей; при желании и мы могли получить столько же.

с женой со времени нашей свадьбы. Мы вновь усердно переписывались; с пути я ей послал восемь телеграмм и семь писем и получил одну телеграмму и восемь писем: два — в Севастополе, четыре — в Николаеве, а два письма, опоздавшие в Николаев, вернулись ко мне в Петербург. Особенно курьезно вышло в Николаеве, куда письма адресовались на имя командира порта, который и передал мне в один день, но в два приема, четыре письма, писанные женским почерком; очень вероятно, он заподозрил, что они были не от жены.

По нашему возвращению возобновились заседания нашей Комиссии. Мы приглашали разных моряков, с которыми беседовали, стараясь уяснить себе причины беспорядков во флоте и способы к их устранению. Заседали мы обыкновенно в Мариинском дворце; только членов Думы нашли неудобным звать туда, так как мы их могли приглашать лишь совершенно частным образом, а потому они были приглашены ко мне на квартиру. Приглашали мы их не поименно, а обратились к председателю Думы с просьбой, чтобы члены Думы, знакомые с морскими делами и желающие помочь нам своими показаниями, пожаловали к нам, разбившись на группы по своему усмотрению. Они разбились по партиям на три группы. 4 декабря у меня были Гучков, князь Барятинский, Безак, Звягинцев, Крупенский, Савич и князь Шаховской, а 7 декабря — Львов, Федоров, Челноков и Бобянский; в третьей группе был чуть ли не один Марков 2-й. Не желая приглашать его к себе, я попросил Рерберга позвать его на свою квартиру и сам не был при его допросе. Показания членов Думы представили для нас большой интерес, так как из них выяснились те обвинения против морского ведомства, которыми вызывалось отрицательное отношение Думы к нему. Весьма интересны были также показания начальника Балтийского флота адмирала Эссена и начальника Морского Генерального штаба адмирала князя Ливена. Только от последнего я добился, наконец, объяснения, почему у нас постоянно кроме боевого флота плавали большие учебные отряды, каких не было в других флотах? Причина оказалась крайне простой: во всех иностранных флотах принимались серьезные меры к тому, чтобы подготовленные для них специалисты служили возможно

дольше; у нас же преимущества, дававшиеся за сверхсрочную службу, были ничтожны, поэтому специалисты, для подготовки коих плавали учебные отряды, покидали службу тотчас по окончании обязательной службы, и ежегодно приходилось готовить вновь половину всех специалистов. Этим отчасти объяснялось большое число судов, бывшее ежегодно в плавании, вызывавшем большие расходы и траты больших денег на ремонт старых судов, для боя уже непригодных. Другую причину этих трат мне указал Бирилев: назначение в плавание большого числа судов давало возможность назначать на них большое число адмиралов, командиров и офицеров, получавших на них морское довольствие, без которого им трудно было бы существовать; этим же он объяснял и то, что всякие небоевого суда (лоцманские, портовые и тому подобные) у нас были военные, а не заменялись наемными! Очевидно, что всякая мера, клонящаяся к уменьшению плавания, отражаясь на бюджете офицеров, была бы крайне непопулярной во флоте.

В течение осени и до нового года наша Комиссия собиралась 21 раз для заслушивания заявлений и объяснений разных лиц и для совместного обсуждения выяснявшихся данных. Рассмотрением дел Морского министерства занимался, главным образом, Дмитриев при содействии чиновника Левицкого, ведавшего в Государственном контроле делами по морской части, а потому хорошо с ними знакомого. Дмитриев же взялся составить при помощи Левицкого наш доклад государю. В 1911 году наша комиссия собиралась лишь три раза для обсуждения редакции доклада и для его подписания.

Изложу теперь же суть выводов, к которым мы пришли:

1. Суда у нас строятся крайне медленно, а потому вступают в строй уже устарелыми: корабли «Андрей», «Павел», «Евстафий» и «Иоанн Златоуст» были в постройке по 75-86 месяцев, тогда как в Англии такие суда строились в 20-30 месяцев, а в Германии — в 36-42 месяца. Медленность постройки не только удорожала постройку, но приводила еще к тому, что новые наши суда по своей конструкции всегда отставали на три-четыре года от иностранных. О значении этого факта можно судить по тому, что, ввиду быстрого развития техники за границей, в состав боевого фло-

та включаются только суда, оконченные постройкой в течение последних десяти лет; более старые суда зачисляются на десять лет в резерв, а через двадцать лет службы вовсе исключаются из списков, как совершенно устаревшие и для боя негодные. При постройке судов они, в виде общего правила, оказывались перегруженными против утвержденного для них задания. Стоимость постройки судов у нас оказалась почти вдвое выше против Англии*.

Главнейшие причины столь неудовлетворительного и дорогого судостроения заключались в том, что у нас не было твердо установленной программы судостроения, поэтому заводы, не зная получат ли они в будущем заказы и какие именно, не решались заводить у себя нужное оборудование для более успешного хода работ. Затем, к постройке судов приступали, не имея еще в готовности полного проекта, поэтому уже во время самой постройки приходилось разрабатывать отдельные части сооружения, согласовывать их между собою, переделывать уже произведенные работы, а кроме того, Морское министерство старалось вводить на строящихся судах всякие новые усовершенствования, предполагаемые техникой во время многолетней их постройки. Все это приводило к многократным переделкам, замедлению работы, большим расходам, несогласованности отдельных частей и перегрузке судов.

2. Сама постройка судов производилась преимущественно на казенных заводах столь оригинальным порядком, что заводы были заинтересованы в том, чтобы их изделия обходились казне возможно дороже**. Обуховский оружейный завод, ставивший пушки и для военного ведомства, работал так дорого и так запаздывал в исполнении дававшихся ему заказов, что еще при мне он перестал получать заказы от Военного министерства. Оборудование заводов было крайне несовершенно, так что, ввиду намечавшегося приступа к постройке новых больших судов, на это оборудование испрашивалось двадцать четыре с половиной миллиона рублей.

---

* В Англии средняя стоимость броненосца до 1909 года была 674 рубля за тонну, в Германии — 764 рубля; стоимость наших последних судов была около 1000-1200 рублей за тонну; Морское министерство само не бралось определить ее в точности.

** Из чистой прибыли заводов десять процентов выдавались в виде дополнительного вознаграждения чинам их управлений.

Военные порты тоже были плохо оборудованы; в них было много мастерских, из коих некоторым не хватало работы, но все эти мастерские были бедны станками и проч., а паровой завод в Кронштадте приводился в движение паровой машиной, поставленной пятьдесят лет тому назад, совершенно устаревшей и неэкономной в эксплуатации. Ремонт судов, производимый распоряжением портов, обходился крайне дорого и выполнялся медленно*, без надлежащей последовательности и без соблюдения правил, установленных законом для ограждения интересов казны.

3. В отношении хозяйственной деятельности Морского министерства в заключении доклада было сказано:

«Морское министерство, вопреки сметным правилам, употребляло кредиты не на тот предмет, на который они были ассигнованы: при рассмотрении смет оно отстаивало необходимость внесенных в них расходов, а затем само от них отказывалось, и полученные средства тратились на другие предметы. Такой образ действий является незаконным, разногласие же между словом и делом совершенно подорвало доверие к заявлениям и ходатайствам Министерства.

Не довольствуясь произвольным передвижением сметных кредитов, Морское министерство для увеличения своих средств прибегло еще к другому, совершенно незаконному способу: оно предоставило своим заводам кредитоваться у своих поставщиков, то есть заключать займы за счет государства.

Счетоводство в морском ведомстве настолько несовершенно и запутано, что почти невозможно выяснить размеры расходов на тот или иной предмет, и над выяснением размера долгов Морского министерства Особая междуведомственная комиссия работала несколько месяцев».

В докладе, обнимавшем 71 печатную страницу, все эти обвинения были подробно обоснованы. Морское министерство произвольно употребило 16 миллионов рублей на другие по-

---

* Крейсер «Громобой» в 1906—10 гг. ремонтировался Кронштадтским портом; работы длились четыре года и все же при испытании крейсера оказалось, что ремонт был выполнен неудовлетворительно. В Англии такое судно выстроили бы заново в два года. Частным образом мне объясняли, что ремонт этот тянули нарочно, чтобы не оставлять Кронштадтский порт без работы.

требности против тех, на которые они были ассигнованы, и задолжало 16 миллионов, так что произвело неправильных затрат на 32 миллиона рублей.

Приводя в докладе много фактов незакономерных и нехозяйственных распоряжений Морского министерства, мы сочли долгом оговорить, что «обозрение делопроизводства Главного управления кораблестроения и снабжений не обнаружило злоупотреблений, но мы не можем не высказать, что существующий ныне порядок выполнения хозяйственных операций открывает простор для их возникновения».

Таково было единодушное заключение Рерберга, Дмитриева и мое.

В дополнение к нему я составил еще одно замечание о возможности сократить расходы по содержанию и плаванию флота. Дмитриев согласился со мною, но Рерберг отказался присоединиться к нам, так как не желал вторгаться в эту область. Поэтому доклад заканчивался следующим заявлением:

«В дополнение к изложенному, генерал от инфантерии Редигер и тайный советник Дмитриев считают своим долгом представить на всемилостивейшее благоусмотрение В. И. В. еще некоторые обстоятельства, относящиеся до общего характера деятельности морского министра.

Будучи членами Финансовой комиссии Государственного Совета, мы в течение ряда последних лет недоумевали перед громадностью текущих расходов Морского министерства, трудно объяснимой при слабости боевого нашего флота. Государственный Совет при рассмотрении этих смет неоднократно высказывал пожелание о возможном сокращении текущих расходов по морскому ведомству в видах изыскания в его же смете части средств на новое кораблестроение для воссоздания флота, но Морское министерство постоянно заявляло о невозможности сокращения текущих расходов, доказывая настоятельную необходимость всех его требований. Исполняя высочайше на нас возложенное поручение, мы одновременно старались уяснить себе и этот вопрос, так как, в случае возможности изыскать часть средств на кораблестроение в нынешней смете Морского министерства, воссоздание флота значительно облегчилось бы.

При этом исследовании выяснилось, что громадность текущих расходов объясняется, главным образом, тем, что Мор-

ское министерство сохраняет до сих пор в прежнем размере те вспомогательные учреждения и средства, которые были заведены до войны, при наличии у нас большого флота, несмотря на то, что при нынешнем слабом флоте в них уже нет надобности. В виде примера необходимо указать на сохранение в составе флота большого числа судов, не имеющих боевого значения, на ежегодное назначение в плавание крупных учебных отрядов и на сохранение портовых учреждений в прежнем их виде.

По отношению к общему тоннажу всего флота тоннаж судов, не имеющих боевого значения, то есть старых судов, утративших уже это значение, а равно учебных судов, транспортов и вспомогательных судов у нас определяется в 42,91%, тогда как в Англии эти суда составляют всего 1,04%, в Японии — 11,11%, в Германии — 13,24%, во Франции — 5,79%. Содержание этих судов обходится весьма дорого, ремонт же старых судов с каждым годом поглощает все большие суммы.

Учебные отряды предназначаются для подготовки всякого рода специалистов для флота. Состав их весьма значителен. По сведениям Морского министерства, в 1910 году в Балтийском море было в плавании, не считая императорских яхт:

	тонн	нижних чинов
Боевой флот с обслуживающими его судами	222062	12905
Учебные отряды	72259	5905
Портовые и другие суда	60181	1548
Итого:	354502	20358

В составе плавающих судов боевого флота показаны, однако, и те, которые только что были окончены постройкой или ремонтом и лишь выходили в плавание для испытания (63570 тонн при 1200 нижних чинах своей команды), и боевые суда, плававшие в учебных отрядах (26289 тонн при 1691 нижних чинах). Приняв это во внимание, окажется, что в плавании было:

	тонн	нижних чинов
В составе боевого флота	132203	10014
В учебных отрядах	98548	7596

Портовые и другие суда	60181	1548
Итого:	290932	19158

Таким образом, учебные отряды по тоннажу и численности команды немногим уступали плававшему боевому флоту с его транспортами. Объяснение этому явлению заключается в том, что во флоте почти все специалисты, даже рядового звания, обучаются в учебных отрядах; для подготовки же в унтер-офицеры той же специальности они проходят второй курс в тех же отрядах.

Для выяснения вопроса, насколько необходимо держаться столь дорогого способа обучения специалистов, мы обращались за разъяснениями к начальнику морских сил Балтийского моря и к указанным нам вице-адмиралом фон Эссеном специалистам по артиллерийской и минной частям. По их мнению, обучение громадного большинства младших специалистов может быть ведено вполне успешно на берегу, а затем на судах действующего флота; с принятием же этой меры устранится необходимость в плавании больших учебных отрядов, что должно дать весьма крупные сбережения. На возможность такого изменения в порядке обучения младших специалистов указывает также пример иностранных флотов, в которых нет учебных отрядов соответственной численности. Вопрос этот уже обсуждался в особой комиссии, созванной при Морском министерстве в 1909 году, которая также пришла к заключению о возможности изменить порядок подготовки специалистов и сократить состав учебных отрядов.

Окончательно же устранить затруднения в подготовке специалистов можно лишь путем привлечения большего числа оных на сверхсрочную службу; расходы, потребные на выдачу добавочного содержания сверхсрочно служащим даже покрывались бы экономией от уменьшения числа обучающихся в разных школах. Между тем, преимущества, даваемые сверхсрочным, ныне совершенно недостаточны. В виде разительного примера можно указать на то, что подготовка комендора при двенадцатидюймовом орудии по стоимости выпущенных им боевых припасов обходится свыше 100 000 рублей, а между тем ему за сверхсрочную службу дается лишь около 200 рублей в год, вследствие чего эти комендоры уходят в запас, а на их место приходится опять готовить новых.

Портовые учреждения также не находятся в соответствии с нуждами флота. Их мастерские, имея главной задачей производить ремонт на судах флота, в настоящее время часто почти не имеют работы; чтобы не распускать мастеровых, они работают по несколько дней в неделю, причем работы производятся крайне медленно и обходятся несоразмерно дорого. При таких условиях значительное сокращение береговых учреждений могло бы быть произведено без всякого вреда для дела и также дало бы существенную экономию.

Назначение в плавание массы судов и сохранение береговых учреждений в прежнем составе имело пагубное значение еще и в другом отношении: не взирая на то, что наш флот по числу нижних чинов лишь немногим уступает германскому, команды на судах все же находятся в большом некомплекте, поэтому перевод нижних чинов с одного судна на другое является делом настолько обыденным, что установление в командах флота должной сплоченности, дисциплины и порядка является труднодостижимым.

Не останавливаясь затем на других мерах, могущих дать сбережения в расходах, мы считаем себя обязанными всеподданейше доложить, что, по нашему глубокому убеждению, Морское министерство имеет полную возможность произвести весьма крупные сокращения в своих текущих расходах и что в видах успешного разрешения той задачи, которая для него должна быть главной — усиления кораблестроения в видах воссоздания флота — такие сокращения представляются необходимыми».

Таково было наше заключение, представленное государю и изложенное возможно объективно и в сдержанных выражениях. Личное же мнение мое (и Дмитриева) сводилось к тому, что Морское министерство вовсе не умеет вести свое хозяйство, заведенное на ненужно широкую ногу и на поддержание которого в должном виде не хватало средств, поэтому все его отрасли были в полном расстройстве и упадке. Чтобы привести его в порядок, надо было, раньше всего, сократить бесполезные учреждения и обратить все средства (личные и материальные) на существенные потребности флота, но Морское министерство либо не признавало этого, либо не решалось на такую меру, которая вызвала бы неудовольствие многих лиц, заинтересованных в сохранении

существовавших положения и порядков. При этом мы с разных сторон слышали о существовании в морском ведомстве крупных хищений*. Действующий флот ненавидел Морское министерство, но и в нем обстояло неблагополучно. Команды флота по прежнему были несплочены и ненадежны; нам говорили, что в Балтийском флоте было несколько случаев растраты офицерами казенных денег, случаев, не доведенных до суда благодаря покровительству Эссена, добивавшегося популярности. В общем, получалась картина ужасающего хаоса и грязи.

8 декабря в Государственном Совете Сухотин мне сказал, что мне, вероятно, придется принять Морское министерство; почти одновременно m-ss Austin сообщила, что о том же слышал и ее муж. Этот слух о будто бы предстоящем мне назначении получил, очевидно, большое распространение, так как 18 декабря ко мне заехал председатель Комиссии государственной обороны в Думе князь Шаховской (бывший моряк), которого я почти вовсе не знал. Заговорив о Морском министерстве, он сказал, что во главе его надо бы поставить человека, опытного в управлении и не моряка, притом, лучше всего штатского, а не военного, так как это будет менее обидно для флота; в заключение он добавил, что Гучков разделяет это мнение. Смысл этого сообщения, очевидно, видно, заключался в том, что Дума желала видеть морским министром не меня, а какого-то штатского (как я потом узнал — Рухлова). Я ему сказал, что вовсе не желаю вновь быть министром, а тем более морским, и что не могу представить себе, будто бы государь мог пожелать, чтобы я вновь стал министром. По-видимому, слух о новом моем назначении не имел никакого основания; места морского министра мне не предлагали, чему я был очень рад, так как для упорядочения морского ведомства надо было бы его все если не сломать, то преобразовать, а для этого у меня не хватало знания. Сверх того, я знал симпатию государя к морякам, и что он не допустил бы коренной ломки; с другой стороны, он знал мой взгляд на наш флот, а потому мое назначение являлось совершенно невероятным.

---

* Так, например, сенатор Гарин мне говорил, что у него есть доказательства, что один адмирал, служащий в Министерстве, получает от поставщиков постоянное жалование.

Про события 1910 года мне остается сказать лишь несколько слов.

Летом ко мне на дачу явился некто Преображенский; оказалось, что это тот писарь Рымша, который в 1907 году выдал готовившееся против меня покушение; тогда его судили вместе с участниками покушения (чтобы они не знали, что он их выдал), присудили к чему-то и тотчас отпустили, переименовав ему фамилию. Согласно его просьбе, я ему хлопотал должность в акцизе.

В начале июля мы с женой вновь поехали к сестре и отсюда на водопад Иматру. В Юстиле со мною случилось неприятное приключение: нам отвели комнату в верхнем этаже, куда недавно была построена новая лестница, у которой наверху были забегающие ступеньки; спускаясь с нее вечером со свечей, я зацепил шпорой за ступеньку и полетел вниз по лестнице. Падение сошло удивительно удачно: я только ушиб плечо и ободрал кожу на темени, на руке и ноге. В довершение благополучия, на соседней даче был муж племянницы, доктор Шредер, который сделал мне перевязки и выяснил, что плечо не повреждено. С перевязкой ссадин жене пришлось возиться дней десять*.

В сентябре ко мне зашел отставной генерал Нечаев; он воспитывался при моем отце в Александровском Брестском кадетском корпусе, который в 1863 году был расформирован. Он мне сообщил, что Александровскому кадетскому корпусу в Петербурге даровано старшинство (и, кажется, — знамя) Брестского корпуса; что поэтому старые воспитанники последнего группируются около Александровского корпуса, в музей которого они собирают всякие воспоминания о Брестском корпусе, и он спросил меня, не осталось ли у меня от отца каких-либо вещей, которые я мог бы передать в музей? Я ему передал альбом с карточками двадцати трех лиц, служивших в корпусе в 1859 году, письмо семнадцати кадет к моему отцу при его уходе, группу кадет выпуска 1862 года и письмо, при котором она была прислана,

---

* Приведу курьез: 5 марта одна гадалка по моему почерку сказала, что я поеду в командировку недели на две и около меня будут хлопотать два человека (делать массаж); в октябре я ездил на юг на десять дней, а при перевязке около меня хлопотали Шредер и племянник Виктор. Остальные предсказания ее не сбылись.

и, наконец, стихотворение одного кадета. Все это хранилось у меня среди вещей, оставшихся после отца, но этим предметам было место не у меня, а в музее, для которого они представляли значительный интерес. Упомяну здесь, что, кроме Нечаева, я встречал еще несколько лиц, воспитывавшихся в корпусах, в коих отец был директором; из них помню Андрея Андреевича Боголюбова и П. П. Харинского. Они мне говорили, что отца боялись, но уважали и любили, а после его ухода о его времени вспоминали как о времени больших пирогов, то есть сытного питания кадет*.

Сессия Государственного Совета возобновилась 15 октября; до конца года я был на 12 заседаниях Общего собрания, 5 — Финансовой комиссии, одном — ее VI отдела и 4 — группы правых.

В начале 1911 года наше обследование морского ведомства было закончено и составлен доклад, из которого я уже привел выдержки. Наши выводы по этому обследованию чрезвычайно интересовали не только морские круги, но и Думу: сумеем ли мы разобраться в хаотической деятельности морского ведомства, где официальные документы резко расходились с действительностью, и решимся ли мы откровенно изложить государю всю правду? 9 января ко мне заехал председатель Думы А. И. Гучков, чтобы привести мне проект изменений Устава о воинской повинности в намеченной Думой редакции, и просить моего заключения по ним; он говорил также и о морских делах, по-видимому, собственно они и привели его ко мне. 13 января он вновь был у меня, переговорить о присланных ему моих замечаниях по Уставу о воинской повинности, причем он мне сообщил, что докладчиком этого дела в Думе будет Протопопов, бывший когда-то моим слушателем в Академии; мы при этом вновь говорили о морских делах.

Наконец, 24 января наш доклад был готов; он был отпечатан в нескольких экземплярах, из коих один мы подписа-

---

* В конце сентября был обед бывших воспитанников Брестского корпуса, которые письменно благодарили меня. Подписались: В. Сухомлинов, Барковский, Поволоцкий, Цилиакус, Харинский, Домбровский, Лясковский, Ольдерогге, Коверский, Ашеберг, Шмидт, Боловский, Шепелев, Нечаев и Бьерклунд; половина этих лиц уже были в отставке.

ли для представления государю, и Рерберг от нашего имени отвез его Столыпину. Но Столыпин не взялся представить этот доклад, а предполагал испросить его указания, не пожелает ли он принять нас лично?

Такое представление я и Дмитриев считали ненужным и нежелательным потому, что при этом неизбежно должно было бы выясниться непримиримое различие во взглядах наших и Рерберга на состояние морского ведомства: мы двое считали его отчаянным и неисправимым без коренной его ломки, а Рерберг, признавая существование беззаконий и неустройств, полагал, что все это может быть упорядочено и не должно вызывать особой тревоги. Я лично еще не желал являться государю во избежание всякого намека на желание принять Морское министерство.

Я написал Столыпину письмо, что мы не считали бы себя вправе утруждать государя представлением для вручения нашего доклада и полагаем, что такое представление могло бы иметь место лишь в том случае, если бы он, по прочтении нашего доклада, признал нужным потребовать дополнительного доклада; я просил Столыпина при докладе дела стать на эту точку зрения. 27 января Столыпин был у государя и прочел ему мое письмо. Государь приказал, чтобы Рерберг, как старший, один привез ему наш доклад; мой отказ от возможности побывать у него, конечно, должен был вызвать его неудовольствие.

Рерберг 29 января был в Царском и представил наш доклад; что он при этом говорил государю, я не знаю.

Наш доклад был секретный, предназначенный только для государя, и мы не считали себя вправе давать ему огласку; у меня самого был лишь корректурный экземпляр доклада. По просьбе Бирилева я дал ему этот экземпляр на прочтение; он вернул мне его 29 января при письме, в котором писал: «С великим вниманием и интересом прочел доклад и совершенно удивлен, как много и как толково Вами обследовано все дело. Во всяком случае, полезностью работа Ваша превзошла все мои ожидания. В докладе есть несколько ошибок, вероятно, вследствие неверных данных представлявшихся Вам объяснений. Жаль, что доклад слишком длинен, и у государя не будет времени его прочесть. Начало малоинтересно и пестрит ненужными подробностями, а все-

го лучше конец*, и жаль, что он не поставлен во главе доклада».

Такой отзыв со стороны знатока морского дела и морских порядков был, конечно, очень приятен.

Гучков 9 февраля вновь заехал ко мне, чтобы узнать, есть ли уже какой-либо результат нашего доклада? Он соби-рался с докладом к государю, чтобы просить его о преобразовании Морского министерства, дабы этим облегчить разрешение Думой кредитов на судостроение. Я ему сказал, что решительно ничего не знаю о том, как был принят наш доклад; вместе с тем, я ему рассказал, как уклонился от поездки к государю, дабы он видел, что я отнюдь не добиваюсь нового назначения.

Утром 14 февраля Гучков мне сообщил по телефону, что был у государя, что государь очень доволен нашим докладом, который считает неопровержимым, и передал Столыпину для обсуждения вопроса, что делать; наконец, что кандидатом в морские министры является Григорович.

После того опять не было никаких вестей о результате нашего доклада, и только 1 марта в газетах появился рескрипт государя на имя морского министра Воеводского, поразивший всех своим содержанием. Привожу текст:

«Степан Аркадьевич!

В заботах о скорейшем воссоздании боевого флота мною было поручено членам Государственного Совета: инженер-генералу Рербергу, генералу от инфантерии Редигеру и тайному советнику Дмитриеву обследовать в хозяйственном и административном отношениях деятельность Главного управления кораблестроения и снабжений, казенных морских заводов и портов и по обследовании представить мне о наилучших способах достижения указанной цели.

Облеченные моим доверием лица закончили возложенное на них поручение и представили мне 24 января сего года свое заключение.

Из этого заключения я с полным удовлетворением убеждаюсь в том, что обследование деятельности предуказанных мною учреждений морского ведомства не обнаружило таких обстоятельств, которые давали бы повод подозревать зло-

---

* Составленная мною часть, которую Рерберг отказался подписать.

употребления, что нежелательные от установленного порядка, которые наблюдались в деятельности учреждений морского ведомства, обратили на себя внимание как Ваше, так и подчиненных Вам начальников, и что в Морском министерстве принимаются уже посильные меры к их устранению.

Это дает мне уверенность в том, что когда в общем законодательном порядке будет разрешен возбужденный по моим предначертаниям вопрос о средствах, которые могут быть уделены на развитие наших морских сил в ближайшее время, и эти средства будут представлены в распоряжение Морского министерства для выполнения плана строительства, то устранятся все поводы к обвинению Морского министерства в отсутствии планомерности в одной из важнейших областей военно-морского управления — судостроении.

Признавая необходимым тем не менее предупредить возможность нарушения в будущем правильного хода деятельности Морского министерства, поручаю Вам:

1. Представить на мое утверждение особое положение о порядке составления и утверждения проектов кораблей и о выполнении этих проектов.

2. Внести на рассмотрение Адмиралтейств-совета вопрос о возможности преобразования Главного управления кораблестроения и снабжений и Морского технического комитета на началах, предположенных во всеподданнейшем докладе членов Государственного Совета, производивших обследование, и заключение Адмиралтейств-совета представить мне одновременно с проектом общего преобразования центральных управлений морского ведомства.

3. При заканчиваемом в настоящее время пересмотре положения об управлении заводами морского ведомства, иметь в виду указываемые во всеподданнейшем докладе членов Государственного Совета, производивших обследование, несовершенства действующего положения и принять меры к их устранению.

4. По представлении мне проекта нового положения об управлении центральными учреждениями морского ведомства незамедлительно перейти к окончательной разработке нового положения об управлении военными портами и закончить это дело в ближайший, по возможности, срок.

Пребываю к Вам неизменно благосклонный Николай.
В Царском селе 28 февраля 1911 года».

Этот рескрипт, утверждавший, что мы, в общем, нашли все в морском ведомстве в должном виде, резко расходился с истиной. Наш доклад был секретен и публика должна была думать, что мы либо не смогли разобраться в деле, либо не имели мужества раскрыть перед государем печальную истину о действительном состоянии морского ведомства! Я был возмущен, что государя упростили подписать эту ложь! Вернее всего, что впечатление от нашего доклада Воеводский успел сгладить указанием на то, что все указанные нами беспорядки являются делом прошлого, что они были вызваны действительно тяжелым положением флота, что меры к их устранению уже принимаются и пр.; когда же через четыре недели цель была достигнута, он ему дал подписать рескрипт.

В день объявления рескрипта, 1 марта, было общее собрание Совета; там я встретил Дмитриева, он также был возмущен и уже перешел от слов к делу: тотчас по прочтении в газетах рескрипта он поехал в Государственную канцелярию, потребовал там все имевшиеся оттиски доклада (их было около двадцати) и разослал их от себя лицам, интересовавшимся делом, в том числе и Гучкову. Ввиду секретности доклада он поступил незаконно, но Дмитриев говорил, что он должен был это сделать, чтобы спасти свое доброе имя.

В общем, рескрипт произвел весьма неблагоприятное для Морского министерства впечатление, которое еще усилилось, когда публика стала узнавать истинное содержание нашего доклада.

Один из членов Думы, Звегинцев, бывший моряк и один из критиков Морского министерства, взял у меня наш доклад для прочтения и после того писал мне: «С сердечной благодарностью возвращаю Вам Ваш отчет. С жадностью я его прочел и должен сказать, что ничего хоть сколько-нибудь к нему подходящего по строгости критики морского ведомства с трибуны Государственной думы не производилось».

Воеводскому рескрипт не помог: через две недели, 15 марта, Григорович сообщил мне, что Воеводский отказался от должности, и что он сам назначается министром.

Воеводский был чудный человек: честный, доброжелательный, чрезвычайно мягкий, притом умный, образован-

ный и, насколько я знаю, хороший моряк; впоследствии я узнал, что он и отличный семьянин. Не такой человек был нужен тогда на должности морского министра: чтобы привести в порядок морское ведомство, нужна была железная воля и твердая рука; будь они у Воеводского, он при своем уме и знаниях может быть и справился бы с задачей, но тогда он, вероятно, не был бы тем симпатичным человеком, которого я узнал и полюбил уже после его увольнения от должности министра с назначением его членом Государственного Совета.

Явившись в первое заседание Совета, Воеводский, вступивший в правую группу, пожелал сесть рядом со мною. Это удалось устроить, и с тех пор до конца 1915 года, когда он заболел, мы были соседями; мы голосовали вместе, часто расходясь со своею партией; из Совета мы, обыкновенно, уходили вместе, и так как нам было по дороге, то мы вместе шли или ехали домой.

Григоровича я узнал во время нашего осмотра заводов и поездки на юг. Это был человек иной складки — самоуверенный, способный зазнаться, но интересный собеседник, и у меня с ним установились хорошие отношения. Его репутация во флоте и обществе была неважная, но не знаю каких-либо порочащих его фактов. Он оставался министром почти шесть лет, до революции 1917 года; судостроение при нем шло успешно; о том, как велось при нем хозяйство Морского министерства, я судить не берусь, но личный состав флота при нем, очевидно, остался столь же недисциплинированным, озлобленным и готовым к бунту, как и раньше.

В мае месяце я сказал Григоровичу при встрече, что нам, ревизорам, даже не сказали спасибо за наши труды по ревизии. Он доложил государю, который поручил передать об этом председателю Совета Акимову; вследствие этого, нам 28 мая была объявлена высочайшая благодарность за отменное исполнение поручения. Сверх того, мы, по выслуге минимальных межунаградных сроков, получили очередные награды: Рерберг — Владимира 1-й степени, я — алмазные знаки Александра Невского* и Дмитриев — чин действительного тайного советника.

---

* На Святую 1912 года.

Благодаря ревизии, я несколько познакомился с делами морского ведомства и при рассмотрении их в Финансовой комиссии мог иметь известное суждение о них; но, кроме того, мне там иногда приходилось выступать и не по своей инициативе: членами Финансовой комиссии были также Бирилев, а после его смерти в 1915 году — Воеводский, причем, они были единственными действительно сведущими членами комиссии по морским делам, но иногда находили для себя неудобным предлагать Григоровичу некоторые вопросы именно потому, что сами были когда-то на его месте, и я предлагал их по их просьбе; или же, делая какое-либо замечание, они просили поддержать их; наконец, в 1916 году, когда Воеводский заболел, я вместо него был номинальным докладчиком по всем морским делам.

ГЛАВА ЧЕТЫРНАДЦАТАЯ

Разногласия Столыпина и Думы. — В Ессентуках. — Смерть первой жены. — «Составление настоящих записок приостановилось». — Диспут в Академии Генерального штаба. — Отставка Поливанова. — Семейные хлопоты. — Трехсотлетие Дома Романовых.

В сессии Государственного Совета в марте был произведен экстренный перерыв на три дня, с 12 по 15 марта, вызванный тем, что Совет громадным большинством голосов (134 против 23) отклонил проект закона о введении земства в шести западных губерниях; Столыпин настоял на перерыве сессии, во время которого упомянутый закон был утвержден по статье 87 Основных законов. Такое применение этой статьи было в явном противоречии с истинным ее смыслом, что Совет и высказал Столыпину по возобновлении его сессии. Но, кроме того, была принята еще одна крайняя и очень неудачная мера: два противника закона, Дурново и Трепов, были уволены в «отпуск» до конца сессии; последний тогда же подал в отставку, кажется, по приказу свыше.

Проведение закона, уже принятого Думой, должно было удовлетворить ее; но злоупотребление статьей 87 и издевательство над несменяемостью членов Совета «по назначению» явилось таким насилием и издевательством над Государственным Советом, что и Дума, несмотря на свою антипатию к Совету, возмутилась ими. Столыпин добился от государя этих мер, угрожая своею отставкой. Несомненно, он уже совсем зазнался, потерял чувство меры и сделал непоправимый faux pas*. Взгляд общества на этот поступок Сто-

---

* Ложный шаг (фр.).

льпина хорошо выразил член Думы Пуришкевич в следующем стихотворении:

П. А. Столыпину.

За речь лихую в дни былые
В России рвали языки
И гнули непреклонным выи
Нажимом Бирона руки.
А в наши дни — гражданской сечи,
Пяти свобод и диких смут,
За верноподданные речи
Нам преподнес Столыпин кнут.
Но верю я, интриги тонкой
Разрежет нить наш мудрый царь
И голос мощный, голос звонкий
Нас призовет служить, как встарь.
Страницы прошлого порукой
И говорят всечасно нам:
Царям угоден Долгорукий
И тошен обнаглевший хам.
В. Пуришкевич.

15 марта 1911 года.

В общем, Столыпин так повредил себе «нажимом на закон» (его выражение) и мезью Дурново и Трепову, что, вероятно, уже не долго удерживался бы у власти, но 1 сентября он был смертельно ранен в Киеве, после чего его заменил Коковцов.

Здоровье жены стало неважным. Она обратилась к женщине-врачу Волковой, а затем к врачу-гомеопату Рогачевскому; последний посоветовал ей ехать на воды в Эссентуки, где и он будет летом; мы решили ехать туда весной, на первую половину курса, а затем жить где-либо на даче с моим тестем. Однако, устройство на новой квартире совершенно исчерпало мои ресурсы, а жизнь нам обходилась дороже тех двенадцати тысяч рублей, которыми я располагал в год. Расходы на поездку на воды должны были внести новую брешь в мой бюджет, а потому я решился переговорить с Коковцовым и, изложив ему причину моих затруднений, просить об увеличении содержания. Он мне сказал, что это невозможно, так как больше восемнадцати тысяч не дается нико-

му из членов Государственного Совета, но предложил мне испросить пособие. 1 апреля я получил такое в размере пяти тысяч рублей и, благодаря этому, в ближайшие годы успешно сводил концы с концами.

В апреле мы с моим тестем совершили две поездки на станцию Преображенскую для поисков дачи и нашли две смежные в имении Перечицы, принадлежавшем Владимиру Андреевичу Оболенскому, местному земскому начальнику.

Володя в течение зимы почти не готовился в Академию, а больше веселился, и в конце мая вернулся в полк*. В Петербурге он встретился со старыми знакомыми, поступившими в летчики, летал с ними на аэроплане и мечтал сам стать летчиком; это оказалось возможным, но от военных летчиков в то время требовали, чтобы они не женились, а он мечтал о женитьбе на Марусе Ильяшенко, а потому отказался от поступления в авиационную школу. М-м Ильяшенко в январе была в Петербурге и захала к нам отдать мне визит.

В Ессентуки мы выехали по окончании сессии Совета 30 мая и приехали туда 1 июня. На первых порах мы нашли приют в новой казенной гостинице, довольно примитивной и грязной. На следующий день к нам зашли Васильковские и князь Гавриил Константинович²¹; они остановились в санатории Азау и были им очень довольны, поэтому мы переехали туда же. Мы там получили большую комнату с крытым балконом; продовольствие там было хорошее, в доме были свои ванны, что было весьма удобно, так как в казенных ваннах трудно было добиться очереди. В общем, в санатории было хорошо и мы остались очень довольны им.

Как раз перед нашим приездом Рогачевский должен был уехать из Ессентуков на несколько дней к больному. Он оставил жене записку, что ей делать в первые дни. Прописанные им грязевые ванны, однако, оказались для жены слишком сильными, так что совершенно расстраивали ей нервы; пришлось обратиться к другому врачу, который, раньше всего, должен был привести нервы в равновесии. Ко времени возвращения Рогачевского я ему написал, что мы уже обратились к другому врачу. Лечение жены в Ессентуках продол-

---

* Осенью он вновь приезжал в отпуск на две недели.

жалось до 10 июля, после чего нам следовало переехать в Кисловодск брать нарзанные ванны. Но в Кисловодске нам не удалось найти сколько-нибудь сносного помещения, поэтому мы остались еще на две недели в Эссентуках и оттуда ездили в Кисловодск брать ванны.

Эссентуки производили тяжелое впечатление своим устройством: ванн для больных не хватало, воды в источниках было так мало, что главный источник № 17 по временам закрывался на сутки, а № 4 тек такой слабой струей, что для получения его приходилось ждать очереди по полчаса и более; между тем, впоследствии были найдены другие, обильные струи тех же источников. Но хуже всего было то, что курорт был недостаточно обеспечен простой водой, поэтому во время сильной жары приходилось прекращать поливку улиц, вследствие чего становилось крайне пыльно, и в разгар сезона недоставало даже воды для ванн! В городе не было и канализации, что тоже являлось большим недостатком для курорта. Порядка тоже было мало, что вполне понятно, так как отдельные квартиры Эссентуков были в ведении разных властей: городских, станичных и управления вод.

В Эссентуках мне пришлось познакомиться с князем Гавриилом Константиновичем. Он был еще молод (24 года) и нуждался бы в спутнике, более положительном, чем Васильковский, который поощрял его к мальчишеским выходкам. Чрезвычайно добрый и простой, он был весьма симпатичен и добродушно сносил более чем фамильярное обращение Васильковского; последний и его жена очень гордились своею близостью к князю и держались с большим апломбом.

В санатории обедали и ужинали за большим столом, причем, мы невольно познакомились со своими соседями, среди коих весьма симпатичными оказались психиатр Любушин и фабрикант Горшанов с дочерью. В Эссентуках одновременно с нами были брат с женой, но они жили довольно далеко от нас*. Из прежних знакомых мы там видели четы Чебыкиных, Кауфман, Рузских, доктора Алексинского. Генерал Решетин, мой сослуживец по Болгарии, оказался домовла-

* В 1910 году они ездили в Киссинген, но им там не понравилось.

дельцем Эссентуков. Кроме четырнадцати поездок в Кисловодск, мы еще ездили с четой Кауфман на тройках в итальянскую колонию, славящуюся своим вином, и с князем и Васильковскими на моторе в Пятигорск к Провалу.

Я в Эссентуках тоже пил воды, а затем брал ванны в Кисловодске. Я чувствовал себя вполне хорошо, и лишь по моей просьбе доктор прописал мне йод; на необходимость принимать его указал мне окулист Тихомиров, лечивший в Петербурге мои глаза, собственно по состоянию моих глаз.

Из Эссентуков мы при большой жаре выехали 26 июля в Петербург, где только переночевали, и затем поехали на дачу в Перечицы. После людного курорта мы были рады деревенской тишине. Мы пробыли на даче до последней возможности и уехали в город только 30 сентября. В последние дни уже шел снег, а гостиная стала совсем необитаемой, так как ее не удавалось согреть. Кроме моего тестя поблизости жили и Мирбахи.

Мой тесть с женой уехали в город уже в середине сентября и затем поехали через Севастополь на Черноморское побережье, предполагая искать там дачные участки для себя и для нас, но не нашли ничего подходящего; они вернулись лишь в конце октября.

В начале октября в Петербург приехал полковник Стржалковский. Его дело, наконец, было рассмотрено Туркестанской военной палатой, и он был признан виновным в недостаточном за подчиненными надзоре и бездействии власти, за что был приговорен к содержанию в крепости на четыре недели; насколько помню, ему поставили в вину утрату одной бумаги и неправильную подшивку двух бумаг в не те дела, куда следовало! Между тем, он уже три года был без должности и бедствовал с семьей. Наказание он поспешил отбыть, надеясь вновь поступить на службу, но ему должность не давали; приходилось выходить в отставку, но ему при этом отказывали в производстве в генералы и в праве носить мундир, и даже было сомнение, имеет ли он право на пенсию? Стржалковский произвел на меня очень хорошее впечатление, и я решился хлопотать за него. Он уже подал прошение на высочайшее имя, прося дать ему при отставке чин, мундир и пенсию. Я побывал у министра юстиции Щегловитова, который, рассмотрев дело, обещал исполнить про-

шение Стржалковского, если только Военное министерство (Главный штаб) его поддержит. Я побывал у начальника Главного штаба Михневича (мой товарищ по Семеновскому полку) и просил его оказать содействие; Михневич с полной готовностью обещал это сделать, казалось, что успех ходатайства вполне обеспечен, а между тем, через несколько месяцев я узнал, что оно было отклонено! По справке в Министерстве юстиции оказалось, что Главный штаб вовсе не поддерживал ходатайства, а лишь заявил, что не возражает против оказания Стржалковскому милости, и в Министерстве юстиции при таких условиях не нашли возможным просить за него. Я уже раньше слышал, что Михневич в Главном штабе ничего не делает и не значит, а теперь мне самому пришлось убедиться в этом! Я написал Стржалковскому, чтобы он представил новое прошение на высочайшее имя и прислал его мне; по моей просьбе это ходатайство поддержал туркестанский генерал-губернатор Самсонов*; я его передал в комиссию прошений, и уже в следующем году просьба Стржалковского была удовлетворена.

Не знаю, принесло ли лечение в Эссендуках какую-либо пользу жене, но оно, по-видимому, расстроило ей нервы. В начале ноября у нее по пустому поводу (смерть котенка, привезенного с дачи) начались сильные головные боли, переходившие на затылок; призванные врачи (сначала Сигрист, потом Наук) лишь через месяц справились с этим злом.

В начале декабря я собрался составить свое завещание. По моей просьбе текст его составил М. А. Александров; в качестве свидетелей его подписали: он же, Чебыкин и Забелин; а затем (5 апреля 1911 года) сдал его на хранение в Опекунский совет; все мое имущество я завещал жене.

В конце года я узнал, что Царскосельское дворцовое управление продало колонистам Фриденгальской колонии арендуемые ими свыше ста лет земли. Это дало мне идею просить о продаже мне земли под моим домом. Я обратился к начальнику Канцелярии Министерства двора генералу Мосо-

---

* В частном письме от 1 декабря он мне писал, что делает это лично для меня, хотя Стржалковский, по его убеждению, далеко не так невинен, как то можно думать, ознакомившись лишь с приговором Судебной палаты. Я, кроме этого приговора, не имел других данных для суждения о деятельности Стржалковского.

лову и подал прошение. Удовлетворение этой просьбы оказалось, однако, невозможным: кабинетские земли не могут по закону быть отчуждаемы, колонистам же была продана земля, уже не числившаяся кабинетской. В виде утешения, мне продлили срок аренды всех моих участков до 1 октября 1999 года.

Бывшая моя жена продолжала жить в Царском, куда я ежемесячно отсылал следовавшие деньги. В конце года племянники мне говорили, что здоровье ее плохо, а 7 января 1912 года мне совершенно неожиданно сообщили, что она в этот день скончалась. В два часа дня племянник Саша сообщил мне по телефону что ее здоровье очень плохо, а в четыре часа приехала жена дворника в Царском с известием, что она скончалась в половине второго дня. В половине шестого я с Сашей поехал в Царское. При ней была лишь одна прислуга; она сама жила в двух комнатах верхнего этажа, а остальной дом стоял запертым, необитаемый и нетопленный; она давно болела, но врача не хотела звать. Пристав уже наложил печати, но никто в доме не знал о существовании в стенах двух железных шкафов, поэтому он по моим указаниям опечатал и их. В Царском я уже застал М. П. Безак, которая мне сказала, что покойная выразила желание, чтобы я ее похоронил на свой счет, а оставшиеся после нее деньги пошли на украшение ее могилы; первое я решил исполнить, а второе желание зависело уже не от меня, а от ее наследников — детей ее брата Александра*. Похороны состоялись 10 января на Царкосельском лютеранском кладбище.

Эта смерть невольно воскресила в памяти многое пережитое. Совсем молодым, на двадцать шестом году жизни я женился, преисполненный розовых надежд. Несмотря на трудное начало, в служебном отношении надежды мои сбылись свыше меры, но в семейном отношении мой первый брак дал мне мало радости, и невольно вспоминалось пережитое, и что жизнь сложилась далеко не так, как я надеялся.

Через несколько дней судебный пристав произвел опись ценностей и денег в присутствии моем и Сухорского (мужа Нины Безак). Наличных денег оказалось шесть тысяч рублей, а в банке и в сберегательной кассе — семь тысяч; цен-

---

* Другой ее наследник, брат Николай, умер в Киеве на следующий день, 8 января.

ности, по самой низкой оценке, были оценены в тысячу рублей. Все это я вручил Сухорскому, потребовав, чтобы за этот счет был поставлен памятник на могиле.

Приведенные суммы составляли около половины всех денег, которые покойная получила от меня за последние четыре с половиной года, и отложить их она могла, лишь соблюдая самую крайнюю экономию. Большая часть из них досталась сыновьям ее брата, которые, кажется, живо спустили их в карты и на скачках. Разбор вещей на даче доставил много хлопот, так как все сколько-нибудь ценное или интересное было сложено в спальнях, в шкафах и чемоданах вперемешку с платьем и всякими тряпками; все это приходилось разбирать, чтобы все, принадлежавшее покойной, тоже отдать Сухорским, а остальное привести в порядок. Дом оказался крайне запущенным, в подвале стены до того отсырели, что с них валилась штукатурка; весной, с наступлением тепла, пришлось произвести ремонт всего дома.

В финансовом отношении мое положение значительно облегчилось, так как отпала обязанность ежегодно платить шесть тысяч рублей, и взамен появился лишь расход на дом: в первый год — пять тысяч, а в последующие — около двух с половиной тысяч рублей; поэтому появилась возможность сводить концы с концами.

Разбор имущества в Царском Селе отнял довольно много времени; это явилось одной из причин приостановки работы по составлению настоящих записок, которые я начал 26 декабря 1911 года и успел довести до перехода моего в 1870 году в Пажеский корпус; работа эта осталась в таком виде без движения, до времени революции 1917 года.

В Государственный Совет в начале года поступил из Думы проект изменения Устава о воинской повинности, и для его рассмотрения была избрана комиссия из двенадцати членов. В этой комиссии я был избран председателем, а моим заместителем — князь Васильчиков.

Я уже говорил о том, что еще в начале 1911 года Гучков заезжал ко мне для бесед об упомянутом законопроекте. Теперь ко мне заехал докладчик этого дела в Думе Протопопов, и я ему сообщил свои замечания по проекту*; он ими

---

* Такое обращение ко мне Гучкова и Протопопова объяснялось тем, что мой академический курс содержал чуть что не единствен-

еще успел воспользоваться для введения некоторых поправок при третьем чтении законопроекта. Помню, что мне, таким образом, удалось добиться того, что минимальный рост новобранцев (два аршина и два с половиной вершка) был оставлен без изменения и не был уменьшен на полвершка, как то намечалось Думой; равным образом, удалось таким частным путем устранить еще некоторые мелкие недочеты, которые иначе должны были стать предметом разногласия между Советом и Думой.

Моя комиссия имела 11 заседаний; ее заключение было доложено Общему собранию 26 мая, причем я не выступал. Вечером 31 мая состоялось заседание согласительной комиссии (по семь членов от Совета и от Думы), избравшей меня председателем, а Гучкова заместителем; заседание прошло вполне гладко и успешно.

Я упоминал выше, что совершенно потерял связь с Академией Генерального штаба и лишь изредка получал приглашения по разным случаям в Академию, но туда не ездил; а на 13 января была назначена защита диссертации, представленной полковником Филатьевым для получения кафедры по военной администрации. Он писал на тему, мне близкую, о «Полевом управлении войск», и потому я решил поехать в Академию, хотя книги Филатьева мне не прислали на просмотр. Судить о содержании книги мне поэтому приходилось лишь по докладу автора и по тем возражениям, которые ему делали три профессора (в том числе Гулевич), разбиравшие его работу; все же я после них попросил слова. Оговорив, что я книги не получал и поэтому о ее содержании сужу лишь по тому, что только что слышал, я сделал автору три возражения.

Во-первых, что критика «Положения 1889 года» на основании применения его в войну с Японией вышла у него довольно жесткой потому, что он не взял во внимание, что оно было применено при совсем иной обстановке, чем та, для которой оно было составлено: «Положение» имело в виду войну в Европе, на обширном фронте, где каждая армия имела бы за собою широкий тыл, а его применили в Маньчжурии, при узком фронте и подвозе по одной желез-

---

ное у нас исследование нашего Устава о воинской повинности, которым они и пользовались.

ной дороге! Очевидно, что полевым управлениям трех армий не было дела, они были слишком велики, а между тем, их сформировали в полном составе, да еще над ними создали обширное Главное полевое управление при главнокомандующем! Очевидно, что при новой обстановке надо было переработать «Положение» или же, как я советовал Куропаткину, иметь Полевое управление при главнокомандующем, а при армиях — управления по штату, указанному для отдельного корпуса. Таким образом, большинство отмеченных недостатков относятся не к «Положению», а к ложному его применению.

Во-вторых, предлагаемое им полное освобождение командующего армией от хозяйственных забот едва ли возможно ввиду зависимости операций от снабжения армии; если же, по опыту минувшей войны, предполагается устранить мелочное вмешательство командующего армией, то и эта цель не будет достигнута: ведь если бы даже внести в закон элементарное правило тактики, что старший начальник не имеет права растаскивать и тасовать корпуса и дивизии и самому распоряжаться полками помимо старших начальников, то и это указание закона останется мертвой буквой при несоответствующем командующем армией.

В-третьих, указание «Положения», что главнокомандующий представляет лицо государя, полезно ввиду присутствия в армии лиц, не подходящих под общие правила подчиненности и воинского чинопочитания. Известная мера Барклая де Толли (в отношении цесаревича Константина Павловича), вероятно, была бы невозможна, если бы он не представлял лицо государя²².

Наконец, соглашаясь с автором относительно необходимости ограничения прав по раздаче наград, я указал, что главным образом надо отнять право давать награды без представления прямого начальства, путем «возложения» их на лиц, попадающихся на глаза.

На диспуте в Академии присутствовало много офицеров Генерального штаба и слушателей Академии; с импровизированным возражением я выступил потому, что резкую и во многом несправедливую критику «Положения», под которым стояла моя подпись, я готов был считать направленной против меня; кроме того, я считал не лишним выступить

вновь перед аудиторией, чтобы показать, что я еще в здравом уме и твердой памяти.

С этого диспута началось мое знакомство с Филатьевым, который стал изредка заходить ко мне для разговоров по делам кафедры. При этом я впервые узнал, до чего недобросовестно Гулевич относился к своей профессуре: получив от меня в 1898 году новый академический курс, он в течение тринадцати с половиной лет лишь дал какое-то исправление устаревших данных и не дал себе труда подготовить новое его издание, хотя старое уже было истрепано и пестрило заметками и поправками! Занимая одновременно должности сначала командира Преображенского полка, а затем начальника штаба округа, он отдавался им и ничего не делал для Академии! Замечательно, что начальники Академии (Глазов, Щербачев, Михневич) не обращали на это внимания, и он оставался профессором до тех пор, пока не выслужил учебной пенсии, и тогда сам отказался от профессуры. Он удерживал за собою профессуру, по которой ничего не делал, только из жадности, чтобы не лишиться содержания и пенсии по ней, а между тем, по жене обладал большими средствами и вовсе не нуждался в этом добавочном заработке!

Состояние курса было таково, что Филатьев счел своим долгом дать новое издание руководства ко времени весенних экзаменов; он уже взялся за подготовку такого издания и я, по его просьбе, просматривал его в корректуре. К сожалению, он признал нужным печатать весь текст одним шрифтом, тогда как я печатал исторические и менее важные сведения мелким шрифтом. При этом условии курс уже должен был стать трудным для изучения, но он объяснял свою меру тем, что офицеры вовсе пропускают мелкий шрифт! В мое время это никогда не замечалось. В общем, издание получилось спешное и лишь подправленное, но не переработанное. В начале марта я получил по почте длинное анонимное письмо, в котором на Поливанова возводилось обвинение в сообщении австрийскому посольству сведений о мобилизации, намечавшейся у нас весной 1908 года против Турции. Обвинение это мне представлялось невероятным, но я, тем не менее, счел своим долгом отвезти это письмо мини-

стру внутренних дел Макарову; оказалось, что он уже получил от кого-то однородное письмо. У меня явилось подозрение, что письма эти разосланы по поручению Сухомлинова, чтобы опорочить Поливанова и избавиться от него. Больше я об этих письмах не слыхал, но помнится, что вскоре после того Поливанов был уволен от должности и стал членом Государственного Совета. Его (также как и Мышлаевского) Сухомлинов уволил предательски: уезжая для доклада к государю в Ливадию, он расстался с Поливановым вполне дружески, а по возвращении оттуда через неделю, заявил встретившему его на станции железной дороги Поливанову, что государь по неизвестным ему, Сухомлинову, причинам приказал уволить его от должности помощника министра. Такое увольнение привлекло к Поливанову симпатии даже тех лиц, которые вообще ему не сочувствовали. На его место был назначен Вернандер.

Какие причины побудили Сухомлинова устранить Поливанова, я не знаю; вернее всего, он опасался, что Поливанов приобретет чрезмерное влияние и может стать его заместителем. При Сухомлинове его помощник ведал всеми хозяйственными отделами, так что Сухомлинов не принимал докладов по интендантской, артиллерийской, инженерной, медицинской частям; это, конечно, до крайности облегчало его работу, но зато он мало знал дела Военного министерства, а его помощник приобретал большое значение и влияние. Человек способный, как Поливанов, при таких условиях мог, конечно, легко затмить Сухомлинова; со стороны Вернандера, человека с односторонней подготовкой, ему не приходилось опасаться такого рода конкуренции. По слухам, предлогом для увольнения Поливанова была выставлена его чрезмерная близость к Думе и особенно — к Гучкову.

На Пасху 1912 года я получил алмазные знаки Александра Невского — награду за работу по ревизии морского ведомства. Денежные мои дела были еще плохи, а потому я вернул полученные знаки в Кабинет его величества и попросил выдать мне стоимость их; при этом оказалось, что они были ценой лишь в две тысячи рублей, тогда как в военном ведомстве они давались лицам на высших должностях ценой три-четыре тысячи; взамен я купил знаки с поддельны-

ми алмазами. По случаю награды надо было представиться государю, но все представления были отложены на осень, и мне пришлось представиться лишь в ноябре.

Существенное улучшение финансового положения моего тестя и его детей обещал внести один хранившийся у него документ: заявка на разработку нефти на озере Челекен. Эта заявка, сделанная много лет тому назад от имени покойной Марии Густавовны, долго не получала никакого движения. Когда же стало известно, что на Челекене возобновили работу по отводу участков, а эти отводы имеют большую ценность, начались хлопоты по утверждению моего тестя, моей жены и ее брата в правах наследства и по получению отвода. Первое удалось выполнить в Петербургском окружном суде, после чего, в конце июля, отвод был разрешен. Однако, надежды на выгодную продажу его* оказались напрасными: по-видимому, предприниматели разочаровались в нефтяных богатствах Челекена, и никаких покупателей не оказалось. Для производства разведок своими средствами надо было затратить несколько тысяч рублей на работы, ведомые заглазно неведомыми людьми, на что мы не решались, и, таким образом, челекенское дело принесло, в конце концов, лишь хлопоты и разочарование.

Много хлопот и беспокойства причинил также неприятный инцидент с Володей: проезжая на извозчике по улице в Чугуеве, он встретил нижнего чина, который ему не отдал чести, по-видимому, умышленно. Соскочив с извозчика, он ударил солдата стеклом и только потом увидел, что это был вольноопределяющийся пехотного полка. Начальник дивизии (граф Келлер) и командир корпуса (Сиверс) хотели предать его за это суду; пришлось просить командующего войсками (Иванова), его помощника (Рузского) и начальника штаба округа (Алексеева), чтобы дело окончили без суда. Тянулось оно с начала мая до середины августа и, наконец, разрешилось без суда арестом на тридцать суток. Волнений за это время было много.

Все это время Володя провел в Киеве, куда он был командирован для прохождения фехтовально-гимнастического курса. Осенью этого года он, благодаря содействию Остро-

---

* Для продажи называлась как возможная цена в четыреста тысяч рублей.

градского, должен был поступить в Офицерскую кавалерийскую школу, но ближайшее его начальство отказало ему в командировании туда!

Единственным утешением во всех этих неудачах послужило Володе то, что он стал женихом Маруси Ильяшенко и получил от своего отца обещание нужной материальной поддержки для содержания семьи.

Нам надо было ехать на лето в Франценсбад, где жена должна была пройти курс лечения, но весну и осень мы решили провести на своей даче в Царском Селе. К середине мая ремонт дачи был закончен, и мы переехали в Царское, где прожили два месяца.

Мой брат в апреле тяжело заболел язвами в желудке, а затем инфлюэнцей; только в начале июня он оказался в состоянии переехать к нам, и тогда воздух Царского Села быстро помог восстановлению его сил.

За границу мы решили ехать в середине июля, два спальных купе были заранее заказаны и взяты на 17 июля; до отъезда мы на два дня поехали к И. В. в Перечицы, где провели именины жены. Вероятно, она во время этой поездки простудилась, потому что по возвращении в Царское серьезно заболела. Призванный местный врач признал, однако, наш отъезд возможным. Мы проехали в Франценсбад через Берлин, где провели лишь час с четвертью между поездами. Во Франценсбаде мы получили две отличные комнаты с балконом в Villa Imperiale и очень хорошего врача, Штейншнейдера. В Франценсбаде мы пробыли шесть недель, и он нам понравился как спокойный и уютный курорт, без давки публики и шумных увеселений. Конечно, и там, как на всех богемских курортах, еда была однообразна и безвкусна, так что приходилось восполнять ее отличной местной ветчиной. Никаких знакомых мы там не встречали и новых знакомств не завязывали*.

По совету врача мы оттуда поехали в Аббацию, где жена должна была пользоваться виноградным лечением; в Вене не останавливались.

В Аббации мы пробыли две недели; она нам показалась малопривлекательной, так как вся жизнь сосредоточена на

---

* Мы оттуда совершили две экскурсии: в Эгер и Карлсбад.

длинной набережной, от которой сейчас же начинается подъем в горы; даже фрукты оказались неважными и указанного врачом лечебного винограда (черный Шасла) не оказалось вовсе. Единственно, что оставило хорошее воспоминание, была еда в Villa Jeannette, вознаградившая нас за голодовку во Франценсбаде. Домой мы выехали 16 сентября*. После двухдневной остановки в Вене мы 21 сентября приехали в Петербург и тотчас переехали в Царское, куда вскоре приехали к нам на несколько дней И. В. с женой. Мы прожили в Царском до 6 октября, когда перебрались на городскую квартиру.

Заседания Государственного Совета возобновились 1 ноября, и в первую очередь стал вопрос о выборе членов постоянных комиссий. Я решил не идти больше в члены Финансовой комиссии и просил не выбирать меня. К этому меня побудил инцидент, бывший в Комиссии 14 февраля этого года, когда некоторые члены Комиссии (Карпов и другие) заявили, что члены VI ее отдела относятся к смете Военного министерства слишком снисходительно и не подвергают критике всю деятельность Военного министерства, как то делают докладчики в Думе. Я объяснил, что по закону рассмотрению палат подлежат только хозяйственные распоряжения Военного министерства, и нашей Комиссии не подобает вторгаться в пределы ведения верховного управления, поэтому мы и не можем представлять иных докладов; тогда же я заявил, что больше не желаю баллотироваться в члены Комиссии; такое же заявление сделал и член отдела П. Н. Дурново (лидер правых). Осенью, при выборе членов Комиссии, Дурново все же пошел в ее члены, а я просил меня не выбирать; все же многие голосовали за меня и я по списку правых оказался тринадцатым кандидатом. Совершенно неожиданно в Общем собрании за список правых было подано столько голосов, что из тридцати членов Комиссии на их долю досталось тринадцать, и я все же попал в Финансовую комиссию. Должен сказать, что характер докладов VI отдела остался прежний и против этого в Комиссии уже не было возражений.

Упомяну кстати, что в Государственном Совете уже давно было течение в пользу образования особой постоянной

---

* Мы, было, думали вернуться морем вокруг Греции и через Константинополь, но убоялись долгого морского путешествия.

Комиссии по военным и морским делам, которой намечалась роль вроде той, какую в Думе играла Государственная оборона; за это особенно агитировал почему-то член правой группы князь Лобанов-Ростовский, который еще осенью 1909 года предложил мне присоединиться к его предложению. Я категорически от этого отказался, так как если комиссия будет строго держаться в границах, установленных законом, то деятельность ее будет до того бесцветной, что ее и не стоит образовывать; если же имеется в виду создать комиссию, которая выходила бы за пределы закона, то я, конечно, против такой затеи. Ввиду моих возражений, Лобанов тогда не возбудил этого вопроса; но он своей мысли не оставил, часто о ней говорил. В начале 1912 года он все же внес предложение об образовании комиссии, под которым ему удалось собрать чуть ли не сто подписей членов Совета разных партий. Я почти не бывал на заседаниях своей партии*, а потому узнал о всем деле только *post factum* и не имел случая о нем высказаться. Председатель Совета Акимов сам взглянул на дело так же, как и я, и на одном заседании всех председателей комиссий (о ходе работ Совета) высказался против предложения Лобанова, я поддержал его, и в результате многие из членов сняли свои подписи, и затея Лобанова на этот раз провалилась. Но в 1913 году (после смерти Акимова) ему все же удалось добиться осуществления своей мечты: комиссия была образована, и он попал в ее члены, хотя в военных делах ничего не понимал; я отказался быть ее членом; комиссия оказалась совершенно бесцветной и бездеятельной.

16 ноября мне пришлось представляться государю в Царском по случаю получения алмазных знаков. Государь спросил меня, как я поживаю; я ответил, что отлично, так как у меня нет ни одного подчиненного и никакой ответственности. Затем оказалось, что государь знает, что я состою в Финансовой комиссии и защищаю в ней интересы военного ведомства. Он спрашивал, разгребая ли я еще снег? Говорил, что отдыхал два месяца и после того ему было тяжело засесть за работу в комнатах; раннее наступление темноты уже заставляет его раньше возвращаться с прогулки, но за-

* За весь год я бывал только на пяти ее заседаниях.

то работа идет лучше. Наконец, он мне сказал, что в Пажеском корпусе видел новый бассейн для купания и плавания воспитанников зимой, и что такие бассейны будут заведены во всех корпусах. Сказал, что он был очень рад меня видеть.

Весь прием и тон разговора были столь доброжелательны, что я решил впервые после своей отставки поехать в Царское на полковой праздник л.-гв. Семеновского полка. Постоянное уклонение от приезда ко Двору вообще могло бы быть истолковано как неудовольствие или обида своею отставкой. Но когда я всего через пять дней приехал вновь в Царское, то государь только поздоровался со мною в манеже, а после завтрака, обходя бывших семеновцев и беседуя с ними, он лишь посмотрел на меня и молча прошел мимо. Более ясного доказательства, что ему не доставляет удовольствия меня видеть, он едва ли мог дать, и я решил избегать показываться ему на глаза. За завтраком мне, по старшинству, было назначено место рядом с Сухомлиновым; на счастье, Гулевич это узнал и устроил, что меня посадили между великим князем Сергеем Михайловичем и Жилинским.

Чтобы закончить повествование за 1912 год, мне остается упомянуть о двух инцидентах с племянниками Ивановыми. Как я упоминал, Саша Иванов в 1908 году женился, но вскоре после этого разъехался с женой, которая вернулась к родным; он бывал у меня довольно часто, по воскресеньям, и я знал, что он с женой не видится; ее же я видел лишь раз, на их свадьбе. В марте 1912 года она зашла ко мне просить моего содействия к тому, чтобы муж дал ей развод, и при этом нашла возможным пояснить, что она имеет законное право требовать развода, так как она еще девица! Я лишь мог передать Саше о ее желании; он почему-то не пожелал согласиться на развод, который и не состоялся; я не находил возможным настаивать или хотя бы расспрашивать его о причинах его отказа, так как он сам не желал говорить о них.

Племянник Женя, тоже часто бывавший у меня, занимал хорошую должность податного инспектора в Лесном, под Петербургом; сверх того, он зарабатывал довольно много как член правления какого-то кредитного общества и как агент страхового общества, и постоянно рассказывал об

успешном ходе своих дел. Между тем, он никогда не вспоминал о том, что он в разное время с 1904 года занял у меня свыше четырехсот рублей, из них он в 1902 году взял двести рублей на срок не свыше двух месяцев, впредь до залога имения его жены, но и о них он, казалось, забыл. Ввиду хорошего состояния его дел я ему напомнил о долге; он, ничуть не смущаясь, заявил, что долг уплатит мне по сто рублей в год, не думая просить моего согласия на такую комбинацию. Я не стал ссориться с ним из-за этой бесцеремонности, но она заставила меня относиться к нему с известным подозрением.

В течение 1912 года я в Государственном Совете был на 57 заседаниях Общего собрания, на 39 заседаниях Финансовой комиссии, 14 заседаниях Комиссии о воинской повинности, на 4 заседаниях согласительных комиссий: всего — на 114 заседаниях и 5 раз на собраниях членов правой группы.

Мое здоровье оставалось в общем хорошим, но в начале 1912 года я заметил, что у меня при ходьбе на морозе появляется боль в груди. Призванный в апреле врач определил у меня наличие склероза и прописал принимать йод. Для меня это лекарство оказалось крайне неприятным, так как оно еще более располагает к гриппу, которым я и без него часто страдал.

Следующий, 1913, год прошел без каких-либо особых служебных поручений или занятий, и досугов у меня было вдоволь, поэтому я в начале января начал заниматься металлопластикой, а затем сработал для столовой два больших панно, применив при этом выжигание по дереву, акварель, cloutage и металлопластику. Ничего художественного из этого не вышло*, но работа меня занимала и заполняла совершенно досужее мое время.

Во второй половине января Володя приехал на несколько дней для подготовки к своей свадьбе, которая состоялась в Харькове 27 января. Тотчас после свадьбы он приехал с женой в Петербург на две недели; первые дни они жили в меблированных комнатах, а потом переехали к нам; мы тогда впервые познакомились с Марусей.

---

* Я был рад их продать вместе с остальной обстановкой столовой в 1917 году.

В конце февраля праздновалось трехсотлетие Дома Романовых и для торжества жена впервые сшила себе очень красивое придворное (русское) платье.

21 февраля я был в Зимнем дворце на поздравлении их величеств, заключавшемся в том, что мы гуськом подходили к государю, жали ему руку, а затем целовали руку обеим императрицам. При выходе из Концертного зала каждому из поздравлявших вручался юбилейный знак с гербом Романовых. Это было совершенным сюрпризом и приходится удивляться, что успели сохранить секрет, несмотря на то, что к этому дню пришлось подготовить несколько тысяч таких значков.

Через день, 23 февраля, жена (в русском платье) также поздравляла императрицу Марию Федоровну (Александра Федоровна сказалась больной) и тоже получила такой значок.

Лично поздравлять их величеств были приглашены только придворные и старшие из других чинов, а равно депутации из провинции, поэтому эти значки, хотя и розданные в числе нескольких тысяч, достались только избранной публике; по положению об этих значках, они должны были переходить и к потомкам. Все это делало их предметом зависти, и многие лица, которые могли быть на поздравлении, но почему-либо не были, потом усердно хлопотали о получении значков, объясняя свое небытие во дворце болезнью и тому подобным.

22 февраля мы были с женой на парадном спектакле в Мариинском театре, где шла «Жизнь за царя» с большими купюрами. Нам отвели места в ложе бельэтажа, близко от царской ложи; с нами в ложе были Остроградские — он с женой и дочерью; с нами еще должны были быть Сухотины, но они не приехали; таким образом, в одной ложе хотели поместить наибольшее возможное число: семь человек. Театр, действительно, был битком набит и представлял красивую картину: массу парадных мундиров и дамские вечерние платья светлых цветов; но зато в нем было страшно жарко, как в бане. При разезде из театра нам пришлось в его передней, на сквозняке, прождать чуть что не полчаса свою карету, результатом чего, конечно, явилась сильная простуда. Мы все же 24 февраля поехали во дворец на па-

радный обед; из дам, кроме придворных, были приглашены только жены лиц II класса, среди которых жена, конечно, была самой молодой; кстати, русское платье очень шло к ней; вообще, все эти придворные торжества представляли для нее большой интерес.

Ввиду сильной простуды мы не поехали на бал, который давало петербургское дворянство в своем доме. Замечу, что при проезде государя по улицам его приветствовали с большим энтузиазмом. Во время вечерних иллюминаций по улицам двигалась такая толпа народа, что проехать можно было только шагом; через такую толпу государю пришлось ехать в театр на парадный спектакль, и он по всему пути был предметом горячих оваций, которым легковверные люди готовы были придавать серьезное значение.

Апрель месяц был занят скучными поисками другой квартиры. Срок контракта на нашу квартиру наступал 1 июля, и управляющий домом заявил мне, что цена ее с этого срока повышается на 480 рублей в год, и дрова впредь будут отпускаться не в мере надобности, а только по 35 сажень в год; новый контракт он предполагал заключить на три года. Предложенные изменения в контракте я считал для себя тяжелыми, кроме того, было желательно иметь большее число комнат, хотя бы и меньшего размера, дабы мы могли помещать у себя приезжих, и жена имела бы свою мастерскую; будуар бывал холоден в большие морозы. Все это побудило к решению искать другую квартиру, но поиски были напрасны: все квартиры, которые мы видели, были настолько хуже нашей, что мы решили остаться на ней, и я лишь выговорил себе, что количество дров было увеличено до 40 сажень в год, а срок нового контракта определен в пять лет, до 1 июля 1918 года.

Здоровье жены требовало новой поездки в Франценсбад; таким образом, и в этом году почти не приходилось пользоваться дачей в Царском, а между тем, ее содержание обходилось более 2000 рублей в год. Такой расход при пользовании дачей в течение нескольких недель представлялся чрезмерным, и я был не прочь сдать ее внаймы, но только в хорошие руки и на долгий срок, а не на одно лето. Хотя я и не объявлял о сдаче дома внаймы, но меня уже несколько раз запрашивали об этом, однако никто не давал

той цены (6000 рублей в год), которую я назначил. В марте я получил требование об уплате за предыдущий год квартирного налога за дачу в размере 225 рублей. Этот новый расход по даче заставил меня окончательно решиться на сдачу ее внаймы, и когда меня вскоре попросили сдать ее на лето, я согласился, плата в 2000 даже не покрывала ежегодных расходов по даче. Это решение мне было тяжело, так как я любил дачу, особенно насаженный мною сад, но благоразумие требовало использования пустовавшего имущества. Со сдачей дачи внаймы она уже теряла для меня свою привлекательность; я готов был ее продать и на вопрос об этом нанIMATEЛЯ назначил цену весьма умеренную (70 000 рублей) лишь бы с нею покончить, но он на эту цену не согласился ввиду того, что земля под дачей была не моя.

Для сдачи дачи внаймы приходилось ее убрать и мы для этого переехали туда в апреле на одну неделю; лучшие вещи были взяты в город, другие были спрятаны в чуланы и на чердак. Это было последнее наше житье на своей даче.

Отъезд наш за границу задерживался поздним окончанием сессии Государственного Совета*. Чтобы уехать до ее закрытия, нужно было испрашивать отпуск, а между тем, председатель Совета Акимов, к которому я обратился за этим, просил меня обождать, так как не был уверен в том, что в Совете до конца сессии, когда придется обсуждать бюджет, сохранится нужный кворум (64 члена). Между тем, наша квартира становилась летом нестерпимо жаркой, и жена стала страдать головными болями. 12 июня в Совете при голосовании оказалось 105 членов, и Акимов согласился с возможностью моего отъезда. Билеты мне удалось получить на 19 июня. Государь был в шхерах, а потому его разрешение на мой отпуск было получено лишь за несколько часов до нашего отъезда.

Мы вновь проехали в Франценсбад, не останавливаясь в Берлине, а в Villa Imperiale получили такие же комнаты, как в прошлом году. Лечение пошло тем же порядком, как в прошлом году. Вследствие сидячей жизни, я за последний год прибавил весу почти на десять фунтов и дошел до 105,7 килограммов. Считая полезным похудеть, я сказал об этом

* Она закрылась только 4 июля.

доктору, который рекомендовал мне гимнастику на цандеровских машинах, я ее проделывал в течение пяти недель. Была ли от нее какая-либо польза, я сказать не берусь; похудел я в это лето несколько более, чем обыкновенно в течение лета и бытность на водах, но в следующую зиму я вновь пополнел.

Пребывание в этом году в Франценсбаде было несколько тревожно ввиду политического положения. Война мелких балканских государств с Турцией показала, что союз их представляет собою силу, с которой приходится считаться и великим державам; проискам наших врагов удалось расстроить этот союз и даже вызвать междоусобную борьбу между его членами, но тем не менее, выяснившаяся сила мелких балканских государств побудила Германию к спешному и чрезвычайному усилению своей армии. Другой причиной этой меры являлось то, что в 1917 году оканчивался срок действия ее торгового договора с Россией, и она готовилась отстаивать с оружием в руках интересы своей торговли. Настроение политических и деловых сфер стало крайне напряженным, и возможность возникновения войны становилась все более вероятной. Поэтому во все время нашей бытности за границей мы с напряженным вниманием следили за сообщаемыми в газетах вестями, я всегда держал при себе больше денег, чем обыкновенно, и мы обсуждали вопрос, как нам, в случае усложнений, добраться скорее до родины. На наше счастье, в 1913 году мир не был нарушен, и все обошлось благополучно.

Во Франценсбаде мы пробыли шесть недель с небольшим. В первые четыре недели мы знакомых не встречали; но затем к жене подошла одна барыня, оказавшаяся вдовой доктора Стуковенкова из Киева, и напомнила ей, что они встречались за границей же, когда жена еще была барышней. Сама Стуковенкова оказалась очень милой и интересной старушкой, имевшей множество знакомых в Франценсбаде, с некоторыми из них и нам пришлось познакомиться*, поэтому конец нашего пребывания на водах был менее скучен и однообразен, чем его начало.

* Между прочим, мы познакомились с княгиней Репниной; это знакомство мы возобновили в Петербурге, но там оно скоро заглохло.

Из Франценсбада мы решили ехать в Баварию и посетить там замки короля Людовика II, которыми жена очень интересовалась; за советами относительно пребывания в Баварии мы обратились к хозяйке нашей гостиницы. Оказалось, что она сама ежегодно, по окончании сезона в Франценсбаде, путешествует и отлично знает Баварию. Она нам указала отели и маршрут путешествия и рекомендовала пожить в местечке Партенкирхен.

5 августа мы переехали в Мюнхен, где пробыли два дня и осмотрели город и его музеи; затем по железной дороге мы проехали в Баварские Альпы и в экипаже поднялись к замку Neuschwanstein*, очень красивому снаружи, но мрачному и неуютному внутри. На следующий день мы совершили очень приятную поездку в ландо от Schwansee** через замок Линдергоф в Партенкирхен (верст 60—70); Линдергоф нам понравился своею уютностью, хотя украшения его довольно аляповаты. Зато в Партенкирхене нас ожидало полнейшее разочарование: местечко это, почти лишенное тени, привлекательно только для туристов, как исходный пункт для экскурсий в горах, но отнюдь не для людей, только что отбывших шестинедельное лечение и мечтающих о спокойном отдыхе! Делая экскурсии по окрестностям, мы облюбовали местечко Feldafing, но там не могли найти помещения. Наконец, пробыв шесть дней в Партенкирхене, переехали в Тутцинг на Штарнбергском озере; там мы пробыли три дня, в течение которых объездили озеро и побывали в замке Берг, где Людовик II покончил свою жизнь. 19 августа мы переехали в Мюнхен, где переночевали и поехали дальше в Петербург; в Берлине мы пробыли лишь несколько часов; 22 августа прибыли в Петербург. Там мы пробыли всего три дня и затем поехали в Перечицы к моему тестю, где пробыли четыре недели***, а после того провели еще несколько дней в Юстиле, у моей сестры.

В течение лета большая часть нашей квартиры была отремонтирована с переделкой печей; без ремонта остались только кабинет и комната m-lle Austin, в которые была составлена

* Лебединый камень (нем.) (Сост.).

** Лебединое озеро (нем.) (Сост.).

*** Там же мы в мае провели пять дней.

мебель*. Осенью поэтому было много хлопот по расстановке вещей и развеске картин. Тогда же я пробовал по руководству работать по коже, но эта работа давалась мне плохо, поэтому я обратился за помощью к госпоже Келер, которая, к сожалению, по болезни мужа могла дать мне лишь один небольшой урок.

В течение года я был в Государственном Совете на 39 заседаниях Общего собрания, на 25 заседаниях Финансовой комиссии и на одном лишь заседании правой группы.

В этом году у нас прекратилось знакомство с Васильковскими. Он хлопотал о том, чтобы его, по вновь изданным правилам, произвели в следующий чин 5 декабря и письменно просил меня повлиять в этом смысле на Гулевича, который по должности начальника штаба округа мог помочь истолкованию закона в его пользу. Я отказался исполнить его просьбу, так как Гулевич лучше меня знал, как толкуется новый закон, а об изъятии я просить не могу и не хочу, так как был и буду врагом всяких протекций и изъятий. Вследствие этого отказа, Васильковские перестали бывать у нас. Взамен, с 1 декабря у нас завязалось знакомство с симпатичной четой Игнатьевых, с которыми мы вскоре очень подружились.

---

* Эти комнаты отремонтированы летом 1914 года.

ГЛАВА ПЯТНАДЦАТАЯ

«Подготовка к войне у нас производилась не спеша». — План усиления армии. — Увольнение Коковцова. — Сбор «старых семеновцев». — Н. А. Янушкевич. — «Нас война коснулась близко лишь в лице Володи...» — Назначение верховного главнокомандующего. — Рассказы князя Андроникова. — «В конце 1914 года я принял православие»

Начало 1914 года ничем не предвещало близкого начала мировой войны. Правда, всеобщее настроение было тревожное; биржевые сферы, наиболее чувствительные к возможным политическим осложнениям, были крайне угнетены и даже считали, что война была бы для них лучше того неопределенного положения, в котором они находились; но само правительство не предвидело близости кризиса. Возможность его была вне сомнения, так как чрезвычайное усиление германской армии не только указывало на желание Германии быть готовой ко всяким случайностям, но и на то, что она ждет кризиса в скором времени: она иначе не стала бы так спешить своими вооружениями и не возлагала бы на свое население таких тягот, которых оно не было бы в состоянии выносить долго без разорения страны. Но наши правящие сферы полагали, что Германия все же войны не желает, а вооружается лишь для того, чтобы запугать Россию и заставить ее быть уступчивой при пересмотре в 1916—1917 гг. торгового договора с нею.

Торговый договор 1905 года, заключенный нами во время войны с Японией, был для нас крайне тяжел тем, что целые отрасли нашей промышленности (особенно химические

производства и изготовление машин) были лишены таможенного покровительства, а потому не могли развиваться, так что мы были вынуждены получать все эти произведения из Германии. Поэтому было решено, что торговый договор с Германией либо вовсе не будет возобновлен, либо будет изменен коренным образом, и для выработки основ нового таможенного тарифа производились обширные подготовительные работы. Изменение нашего тарифа грозило германской промышленности серьезным ударом, а потому можно было ожидать таможенной войны и всякого рода угроз со стороны Германии, но все же правительство, по-видимому, не верило, чтобы она решилась на европейскую войну и, во всяком случае, ждало ее не ранее 1917 года. Поэтому и подготовка к войне у нас производилась не спеша и в сравнительно крайне скромных размерах. В 1913 году были произведены лишь некоторые новые формирования и контингент новобранцев был увеличен на двадцать пять тысяч человек. Таким образом, 1913 год был почти вовсе потерян для усиления армии. Государственный Совет, видя это, в апреле 1913 года выразил пожелание, чтобы «Военное министерство приняло все меры к постановке наших вооруженных сил в возможно близком будущем на должную высоту», но это пожелание не было выполнено. Только к марту 1914 года Военное министерство внесло в Думу и в Совет представление о серьезном усилении армии. Ввиду его обширности и сложности, Финансовая комиссия избрала для него трех докладчиков: меня, Унтербергера и Поливанова. Из Думы дело поступило в Совет только в июне, так что Совету нам пришлось докладывать его только 23 июня, за месяц до начала войны: очевидно, что из всего плана не успели выполнить решительно ничего; будь он внесен годом раньше, наша армия все же получила бы некоторое усиление.

Таким образом, план этот, не получив осуществления, может иметь лишь историческое значение, как показатель, какими целями задавалось Военное министерство. Наибольшее значение имело намечавшееся усиление состава пехоты и артиллерии: в пехоте добавлялось 175 тысяч нижних чинов в существующие части и 92 тысячи — на формирование новых частей, а в артиллерии добавлялось соответственно 104 тысячи и 22 тысячи нижних чинов. Таким образом, и

здесь, и там главное внимание было обращено на улучшение организации существующих частей и устранение в ней давно осознанных недостатков. Вновь формировались 140 батальонов, из коих 100 — полевых и 40 — для крепостей; таким образом, крепостная пехота восстанавливалась и этим исправлялась одна из ошибок в организации 1910 года*. Затем крупные изменения намечались в кавалерии, в которой формировалось вновь 26 полков и усиливался состав запасных частей. Для стройности организации и эта мера была полезна, но в формировании такого большого числа новых полков не было надобности ввиду уменьшавшегося боевого значения конницы и многочисленных наших казачьих частей, но в этом сказалось личное увлечение Сухомлинова кавалерией. Сравнительно большое усиление получали инженерные и технические (особенно воздухоплавательные) войска и, наконец, обозные войска получали должное развитие.

В общем, план усиления армии был хорош: мирный ее состав увеличивался почти на 12 тысяч офицеров и 486 тысяч нижних чинов, причем организация ее значительно улучшалась. По этому плану без увлечения новыми формированиями (кроме лишь кавалерии) упрочнялась организация армии и устранялись существовавшие в ней недостатки, осуществлялись все те улучшения, о которых я в этом отношении мечтал и которые были невыполнимы в мое время, когда и было только речи о сокращении состава армии и расхо-

---

* Наиболее существенной мерой в пехоте являлось увеличение мирного состава рот, благодаря чему облегчалось обучение в течение зимнего периода и ускорялась мобилизация; нормальный состав рот определялся в 60 рядов (вместо прежних 48). Увольнение нижних чинов в запас предполагалось впредь производить лишь в апреле, вследствие чего в войсках всегда оказывалось штатное число вполне обученных нижних чинов, а новобранцы до окончания их обучения состояли сверх штата.

Вновь формировались 2 корпуса в Европейской России (64 батальона), одна дивизия в Омском округе (16 бат.), по одной стрелковой бригаде в Финляндии и в Приамурском округе (16 бат.) и 2 полка в Туркестане (4 бат.), сверх того, 5 крепостных бригад (40 бат.). В артиллерии увеличивалось число батарей с уменьшением их состава и добавлялись необходимые команды разных специалистов; формировались части тяжелой артиллерии. Единовременно расходы были исчислены в 434 млн. руб., а постоянные расходы, постепенно увеличиваясь, должны были с 1918 года составлять 139 млн. руб.

дах на ее содержание! Кроме того в план были приняты во внимание и вновь назревшие потребности (например, воздухоплавание). Я поэтому со спокойной совестью мог принять на себя роль докладчика в Государственном Совете и ходатайствовать об утверждении плана*.

Существенным его недостатком являлась его запоздалость. Напряженность политической атмосферы в Европе обязывала Военное министерство иметь наготове план усиления армии; наконец, если бы он и не был еще готов, оно могло бы уже в 1913 году испросить хоть некоторые, наиболее существенные меры к серьезному приступу в этом деле, но я уже упомянул, что 1913 год был почти совсем не использован. Прав был Великий Петр, говоря, что упущение времени смерти подобно!

Я вовсе не знаю закулисной стороны этого дела, но могу себе представить, что Коковцов чинил возможные препятствия увеличению расходов на армию, причем следовал обычной своей тактике: не отвергая очевидной необходимости предложенных мер, требовать до ее выполнения самых полных исчислений, которые, в свою очередь, давали бы основание для бесконечных препирательств и отсрочек в производстве расходов. Поэтому доля вины в «упущении времени» вероятно падала на Коковцова; но ввиду чрезвычайной опасности от промедления Сухомлинов должен был бы принять и чрезвычайные меры, убедив государя произвести давление на Коковцова, тем более, что и Дума, и Совет были вполне готовы идти навстречу требованиям Военного министерства! Удалось же мне в 1905 году при полной нищете казны быстро добиться громадных ассигнований на армию!

В Совете я докладывал общие соображения и мероприятия по пехоте и кавалерии, Унтербергер — меры по артиллерии, инженерным и техническим войскам, а Поливанов — все остальные. При наших неоднократных собеседованиях о плане мы вполне сходились в опасении, что Германия, если только она серьезно думает воевать с нами, затеет войну, не ожидая его выполнения. До последнего требовалось три года: все преобразования предполагалось закончить к апрелю 1917 года.

---

* Насколько я помню, это был единственный случай моего появления на кафедре Государственного Совета в качестве докладчика.

В начале 1914 года Коковцов был уволен от должностей председателя Совета министров и министра финансов. Как произошло это увольнение, я не знаю; но увольнение его было нужно уже потому, что он был в разладе с большинством прочих министров. В Государственном Совете в начале 1914 года подробно обсуждался вопрос, поднятый по инициативе Совета, об ограничении у нас пьянства, вопрос крайне неприятный для Коковцова, так как представляемые им благоприятные бюджеты имели своим основанием усиленное потребление у нас водки.

При увольнении Коковцова (совпавшем с десятилетием бытности его министром финансов) произошел курьез: ему был дан весьма милостивый рескрипт, в котором восхвалялась его деятельность и ему жаловалось графское достоинство. Но одновременно его преемнику, Барку, тоже был дан рескрипт с указанием на необходимые финансовые реформы, в том числе на необходимость бороться с народным пьянством, так что этот второй рескрипт являлся критикой деятельности Коковцова! Коковцов вернулся в Государственный Совет, где примкнул к группе, принявшей странное название «Внепартийных». Под его руководством эта группа фактически стала близкой к левой группе Совета, сохраняя свое прежнее анонимное название, в ту же группу вскоре перешел и Поливанов*.

---

* Для характеристики личности Коковцова может служить следующий эпизод.

Я получил от графа Витте записку следующего содержания:

«Многоуважаемый Александр Федорович! Вероятно Вам будет интересно прочесть прилагаемую справку (№ 27), которая касается обязательств того времени, которое Вы, конечно, никогда не забудете. Справку эту я составил, так как мне надоело постоянное самохвальство Владимира Николаевича (Коковцова), припись вающего себе заслугу совершения сего займа. Не откажите по прочтении вернуть.

16 января 1914 года. Сердечно Вам преданный Витте.»

В упомянутой справке граф Витте приводил ход переговоров о заключении займа, веденных им в 1905 году. Подписание условий займа было тогда задержано начавшейся у нас революцией, но затем заем был заключен Коковцовым на основании условий, которые выговорил Витте. Упомянутой справки у меня нет, так как я ее вернул графу Витте. Упомянутый громадный заем, заключенный при самой тяжелой для нас обстановке, значительно помог восстанов-

Место председателя Совета министров вновь занял Горемыкин; ему шел семьдесят пятый год, физически он уже был слаб, и я думаю, что для России и для него самого было бы лучше, если бы его оставили в покое.

Личная моя жизнь протекала вначале по-прежнему. Государственный Совет заседал весьма усердно, и я до закрытия его сессии, 30 июня, был на 48 заседаниях Общего собрания, на 32 заседаниях Финансовой комиссии, на 4 заседаниях временной комиссии об установлении военно-судовой повинности, на 2 заседаниях временной же комиссии о Задонском коневодстве и на 2 заседаниях согласительной комиссии (о разногласиях с Думой).

Продолжая оставаться членом Финансовой комиссии, я в ней в этом году должен был защищать деятельность Главной казарменной комиссии от упорных нападок Унтербергера. Это заставило меня вызвать к себе генерала Гаусмана и предложить ему приложить к следующей своей смете подробную записку о деятельности Комиссии и ее органов и, в частности, — о беспорядках, найденных комиссией Якубовского в Приамурском округе и о последующих деяниях там Казарменной комиссии. Скажу здесь же, что ввиду наступившей войны Гаусману не пришлось выполнить это поручение, но одновременно со сметой на 1915 год он передал председателю Финансовой комиссии для ознакомления ее членов отчет комиссии Якубовского, которого ни я, ни Унтербергер до того не читали. Результат был достигнут — нападки Унтербергера прекратились. Невзирая на наши споры, личные мои отношения с Унтербергером, человеком очень порядочным, продолжали быть очень хорошими; наиболее же близкие отношения у меня, по-прежнему, были с Воеводским, с которым мы сидели рядом как в Общем собрании, так и в Финансовой комиссии, причем мы из заседаний обыкновенно возвращались вместе. Обладая хорошими средствами, Воеводский держал экипаж и часто подвозил меня, но большей частью мы шли домой пешком, беседуя о злобах дня; на дому мы, однако, друг друга не навещали: Воевод-

---

лению нашего финансового благополучия. Коковцов гордился тем, что он заключил этот заем, умалчивая о том, что даже самая возможность этого займа была обеспечена графом Витте, благодаря его давнишнему знакомству с финансовыми деятелями Франции.

ские, кажется, жили семейной жизнью и мало кого принимали, а я его не звал к себе, так как он не играл в карты.

От комиссии Государственной Думы по военным и морским делам я получил приглашение участвовать в рассмотрении ею нового положения о вольноопределяющихся, но уклонился от этого, чтобы не стать в ложное положение относительно Военного министерства, но обещал просмотреть проект решения Комиссии. Последнее я исполнил и сообщил свои замечания делопроизводителю Комиссии Протопопову, который письмом от 23 мая сообщил мне, что проект будет исправлен по моим замечаниям.

После долгого перерыва мне в середине марта пришлось вновь быть в Семеновском полку. Не помню, по чьей инициативе возник вопрос об образовании особого Совета старых семеновцев, и я получил проект положения о нем и приглашение прибыть в полк для его обсуждения. После долгих дебатов собрание старых семеновцев (35 человек) приняло проект с разными поправками; но в конце концов я поставил вопрос о том, кто же утвердит положение? Вопрос был неожиданный, но собрание согласилось со мною, что старые семеновцы не могут самочинно образовать особую корпорацию, поэтому нужно разрешение высшего военного начальства. Командир полка генерал Эттер, который сам, по-видимому, не особенно сочувствовал всей затее, очень благодарил меня за оговорку. Получило ли это дело дальнейший ход, я не знаю; может быть оно не было решено до объявления мобилизации, когда рассуждения на подобные темы уже стали несвоевременными.

Я уже упоминал, что с отдачей внаймы царскосельской дачи вопрос о желательности ее продажи для меня уже был предрешен; в начале 1914 года я решил принять меры к ее продаже и обратился за этим к одному комиссионеру, которого мне указал Поливанов. Продажа дачи затруднялась тем, что она была построена на арендованной земле; кроме того, она не могла давать дохода, отвечающего ее стоимости, поэтому годилась только богатому любителю. По соглашению с комиссионером я определил минимальную цену в 150 тысяч рублей. Продать дачу ему не удалось, и начавшаяся летом война сделала скорую продажу ее совсем не-

вероятной. На лето она вновь была отдана за две тысячи рублей*.

Двукратное лечение в Франценсбаде, в 1912 и 1913 годах, видимо, помогло жене, и в 1914 году не было уже необходимости ехать куда-либо на воды. Мы были очень рады, что можно будет провести лето где-либо в тиши, в чисто деревенской обстановке. Впоследствии, когда началась война и стало известно, каким издевательствам и мытарствам подверглись наши путешественники, оказавшиеся в Германии и Австро-Венгрии, мы, конечно, еще более радовались тому, что остались на это лето в России!

Необходимо было найти дачу, что оказалось довольно-таки затруднительно. По объявлениям в газетах мы три раза ездили смотреть дачи по Финляндской дороге (около станций Райвола и Мустамяки), три раза по Николаевской дороге (Любань, Веребье и Оксочи) и два раза по Варшавской дороге (станция Преображенская), но ничего симпатичного не могли найти. Наконец, в середине июня мы решили взять дачу, осмотренную нами в мае, близ станции Оксочи, и первоначально забракованную нами потому, что она и ее окрестности были лишены всякой красоты и привлекательности.

Сессия Государственного Совета и в этом году затянулась до конца июня, а между тем весна была на редкость знойная и сухая, так что лесные пожары стали обычным явлением, и в воздухе носился запах гари. При таких условиях было крайне мучительно оставаться в городе, особенно в нашей квартире, крайне нагревавшейся солнцем. Мы выезжали на два дня в Перечицы на дачу к моему тестю, а в июне — к Игнатьевым, на их дачу в Куоккалу и к моей сестре Лизе в Юстилу. Сверх того, я с членами Государственного Совета вновь ездил в Кронштадт, где мы осматривали строящийся док и только что законченный собор.

Я упоминал о том, что мы сразу подружились с Игнатьевыми; они стали постоянными посетителями наших вечеров

---

* Я не желал особенно оглашать свое желание продать дачу, но, тем не менее, мое намерение скоро получило огласку: вечером 3 февраля я сказал о нем Ольге Александровне, а уже 7 февраля ко мне явился с предложением своих услуг один комиссионер, узнавший о деле от старшего дворника(!) того дома, в котором жил мой тесть.

по воскресеньям, а Ирина Васильевна еще бывала часто по утрам, так как жена затеяла писать ее портрет, для чего понадобилось восемнадцать сеансов. Портрет вышел очень удачным*.

Сестре Лизе исполнилось в этом году семьдесят лет. К дню ее рождения (22 июня) в Юстилу съехались все родственники и наиболее близкие знакомые; брат с женой лечились в Старой Руссе и не могли приехать. К обеду у Теи собралось тридцать четыре человека взрослых и десять детей; эти последние, а также и часть взрослых мне уже были не знакомы.

По представлению Канцелярии Военного министерства Военный совет в мае месяце постановил заказать для приемной залы Канцелярии портреты трех последних военных министров: Сахарова, мой и Сухомлинова. Портреты эти были заказаны художнику Владиславу Матвеевичу Измайловичу, который вскоре явился ко мне. Было решено, что он меня изобразит в моем кабинете, стоящим у письменного стола с большим книжным шкафом за моей спиной. Свое дело он сделал быстро: 8 июня он снял с меня фотографии в разных позах; 11-го принес отпечатки для выбора; с 15 по 23 июня по рисунку, сделанному с фотографии, писал мой портрет акварелью, употребив на это в пять сеансов пять с половиной часов; сверх того он посвятил более двух часов столу и шкафу. При стоявшей тогда страшной жаре, эти сеансы были весьма мучительны, так как приходилось для них одевать парадную форму. С этого акварельного портрета, приблизительно поясного, он должен был исполнить большой портрет масляными красками, пользуясь для изображения ног снятыми фотографиями**; он только просил меня по окончании работы заехать к нему, чтобы он мог окончательно отделать портрет.

Акварельный портрет был недурен, и я даже зондировал Измайловича относительно его покупки по окончании им

---

* Подарен Н. Н. Игнатьеву при нашем отъезде из Петрограда, осенью 1917 года.

** От Измайловича я впервые узнал, что в присутственных местах разрешается иметь портреты во весь рост с изображением ног только августейших особ; прочие портреты могут быть лишь по колено и несколько ниже.

большого портрета. Затем я долго не слышал ничего о портрете, пока Измайлович в июле 1915 года не заехал ко мне с просьбой, чтобы мы приехали взглянуть на него. По приезду в его мастерскую я был вполне разочарован: к поясному портрету он дописал ноги и так неудачно, что фигура получилась какою-то извивающейся; исправить это он не признавал возможным, в свою очередь, мне не было охоты ездить к нему позировать для окончания портрета, а потому я больше у него не бывал. Я слышал потом, что он этот портрет сдал в Канцелярию и его там повесили, но я его не видел и не знаю, каков он в окончательном виде.

Я упомянул, что в 1880 году застраховал свою жизнь в 12 000 рублей с тем, чтобы деньги эти были выплачены в случае моей смерти, а если я доживу до шестидесяти лет, то мне самому. В конце 1913 года я достиг этого возраста, а потому в мае 1914 года получил эту сумму. Таким образом, эта операция, начатая в молодые годы, была благополучно доведена до конца; уплата ежегодных премий за страхование представляла, особенно в начале, большие затруднения, но, тем не менее, все взносы были произведены своевременно. Когда мое финансовое положение в конце девяностых годов существенно улучшилось, эти уплаты уже не представляли такого затруднения. Для постройки дома в Царском мне в 1901 году пришлось взять под залог полиса 4500 рублей, и этот долг оставался непогашенным; затем, в 1907 году, перед свадьбой мне пришлось взять еще дополнительную ссуду в 2500, так что я фактически из 12 000 получил на руки лишь 4700 рублей; но я сверх того освобождался от ежегодной уплаты премии (309 рублей) и процентов (438 рублей) на занятые суммы, что имело заметное значение для моего бюджета. Полученные же деньги, вместе с некоторыми сбережениями, вырученными вследствие сдачи внаем царскосельского дома, дали мне возможность впервые со времени постройки дома купить доходные бумаги на 8000 рублей.

В конце мая я пригласил к себе профессора Яновского; он нашел у меня склероз артерий и, кроме того, ожирение сердца и печени. Он прописал мне убавить еду и принимать йод. Жена тогда же попросила избавить ее от какого-то зуда и сыпи на руках; осмотрев ее руки, он пожелал осмотреть

наши цветы и вскоре нашел виновников этого явления — цветущие примулы, которые тотчас были изгнаны, после чего руки жены вскоре избавились от неприятного явления.

В июне племянник Женя сообщил мне по телефону, что он, ввиду неприятностей по службе в Министерстве финансов, отказался от нее. Мне это показалось подозрительным и я обратился к Кузьминскому, уже получившему должность товарища министра финансов, с просьбой выяснить мне обстоятельства дела. Кузьминский мне по секрету сказал, что Жене пришлось уйти со службы за то, что он с какого-то общества взял взятку в двести пятьдесят рублей за уменьшение причитавшихся с него гербовых пошлин. Через месяц Женя в письме ко мне сообщил, что ему предъявили совершенно голословное обвинение в неблагоприятном поступке, и он поставил на карту вопрос о доверии к нему или к польско-жидовской акционерной компании; что одновременно у него возник острый конфликт с управляющим палатой из-за нежелания Жени выжимать последние соки из беднейшего класса населения и, в результате, он нашел нужным оставить службу.

Из двух полученных мною объяснений, я придавал больше веры первому, особенно ввиду бесцеремонного и не особенно честного отношения Жени даже ко мне; я поэтому оставлял его письма без ответа; он это понял и перестал бывать у меня.

От своего дальнего родственника в Stuttgart-Cannstatt господина Heinrich Roediger, интересовавшегося родословной нашей семьи, я в июле месяце получил письмо, в котором он между прочим сообщал, что ветвь семьи, происходящая от Fridrich Wilhelm Roediger († 1806), есть и в Австрии, но в мужском поколении она уже пресекалась; последний представитель ее в Австрии был адмиралом в австрийском флоте.

После долгого томления в жарком и душном городе, мы, наконец, 1 июля могли выехать на дачу. Она лежала верстах в трех-четыре от маленькой станции Оксочи Николаевской железной дороги, расположенной на Валдайской возвышенности; на ней останавливались только тихоходные пассажирские поезда, употреблявшие на пробег из Петербурга пять часов. Переезд туда, при стоявшей тогда сухой жаре, был утомителен; но по приезде в Оксочи, в девятом часу

вечера стало свежее, а вскоре пошел дождь, обратившийся ночью в грозовой ливень. С наслаждением мы долго, до поздней ночи сидели на крытой террасе и наслаждались прохладой. Вообще, воздух в Оксочи оказался удивительно чистым и ароматным, вероятно, вследствие высокого положения места, а, пожалуй, и вследствие того, что только что прошел первый дождь после долгой засухи.

Дача была довольно поместительная, в два этажа, при ней был ягодный сад и огород и в нашем распоряжении была небольшая бричка с лошастью. Поблизости соседей не было: ближайшая дача была в полутора верстах. В общем, получалась чисто деревенская обстановка. Через десять дней к нам приехала гостить Лиза Барышева и дня на два наезжал также и ее муж, пропевший нам часть своего репертуара. Время проходило в прогулках по окрестностям, в сборе и варке варенья... Совершенно неожиданно, 16 июля, была объявлена частичная мобилизация против Австро-Венгрии, а 18 июля в три часа дня нам принесли из волости объявление об общей мобилизации.

Очевидно, Германия признала своевременным привести длительный кризис к развязке и воспользовалась первым сносным предложением для того, чтобы довести дело до войны. По оглашенным впоследствии* сведениям, государь уже по объявлению мобилизации стал колебаться в своем решении принять вызов Германии, но его от этого удержали Сухомлинов и Янушкевич. Я думаю, что они были правы: войну должно было предупредить заранее, мерами дипломатическими (сдерживая вызывающий образ действий Сербии), а главное — военными, самой решительной подготовкой к войне. Не сделав этого своевременно, теперь оставалось лишь воевать или выпрашивать мир у готовых к войне соседей, которые за свое согласие на сохранение мира поставили бы России тяжелые условия и все же сохранили бы возможность возобновлять угрозу войной, когда им вздумается! Положение уже было таково, что приходилось принимать вызов.

Я уже упоминал про Янушкевича, что в 1900 году я взял его в Канцелярию Военного министерства на должность помощника делопроизводителя, и он на этой должности оста-

* В 1917 году на процессе Сухомлинова.

вался до отъезда Данилова в армию в 1904 году, когда он заступил на его место. За пять лет совместной службы в Канцелярии я успел хорошо узнать Янушкевича и полюбил его как человека правдивого, прямого, мягкого и доброжелательного; в служебном отношении он был добросовестным и толковым работником — и только. Я считал, что его можно было бы назначить помощником начальника Канцелярии, но что это нежелательно, так как он не годится для назначения в будущем начальником Канцелярии. Впоследствии, по оставлении мною Министерства он действительно получил должность помощника начальника Канцелярии, а затем совершенно неожиданно — начальника Военной академии. В последней он незадолго перед тем получил профессию, но у него не было никаких других данных для того, чтобы стать во главе Академии; назначение это, по-видимому, было вызвано лишь желанием Сухомлинова ввести в Канцелярию на его место своего приятеля по Киеву, генерала Лукомского. Однако еще более неожиданным для всех и совершенно несоответственным явилось назначение его в начале 1914 года начальником Генерального штаба! Для этой должности требовались недюжинные способности и большая научная и служебная подготовка; ничего этого у Янушкевича не было, поэтому его назначение оказалось непонятным для всех его знавших. Оно состоялось по личному выбору государя, который познакомился с Янушкевичем в л-гв. 1-м стрелковом полку*. Янушкевич произвел на него такое впечатление, что он избрал его в начальники Генерального штаба; Сухомлинов не нашел возможным отговорить государя от этого назначения; его, может быть, стесняло то, что он же незадолго перед тем провел Янушкевича в начальники Академии? Таким-то образом, наш Генеральный штаб перед самой войной получил нового начальника, вовсе не знакомого с делом! Ничего хорошего это не предвещало.

Зная, что Германия уже успела вполне закончить новейшее чрезвычайное усиление своей армии, а мы ничего в

---

* Янушкевич был когда-то прикомандирован к этому полку для командования ротой; как человек крайне симпатичный, он оставил по себе наилучшую память и его приглашали в полк наравне с прежде служившими офицерами. Государь ежегодно приезжал к обеду в этот полк.

этом отношении не сделали, я понимал, что борьба будет тяжелой и нам придется переживать тяжелые минуты, но я не сомневался в конечном нашем успехе: нам лишь нужно было время, столь легкомысленно перед тем упущенное!

Нас самих война коснулась близко лишь в лице Володи, который должен был идти в поход в составе 10-го гусарского Ингерманландского полка. Из других лиц, для нас небезразличных, упомяну: барона А. О. Мирбаха, который в чине полковника был назначен комендантом штаб-квартиры главного начальника снабжения армии Северо-Западного фронта; племянника Сашу, получившего назначение главным врачом полевого госпиталя; Н. М. Барышева, который, отбыв военную службу нижним чином, состоял в запасе с удостоением быть зауряд-чиновником и теперь призывался на службу; наконец, нашего лакея Семена Панина, бывшего унтер-офицера, тоже стоявшего в запасе и призываемого на службу*.

В день объявления мобилизации, 18 июля, Лиза Барышева получила вечером два письма от мужа из Петрограда, которыми он сообщал о своем призыве, прося ее приехать в город**. На следующий день утром она уехала, а вечером Семен отправился в уездный город Крестцы, обильно снабженный на дорогу едой; упоминаю об этом потому, что как потом выяснилось, продовольствие в Крестцах было устроено совершенно неудовлетворительно, и он был счастлив, что мог существовать там без казенной пищи, плохой и совершенно недостаточной для созванной массы запасных. Семену было обещано, что мы по окончании войны вновь возьмем его к себе лакеем***.

Уютная и приятная наша жизнь в Оксочи была резко нарушена, особенно беспокоила судьба Володи, о котором мы не скоро получили вести от его жены. Тяжелое впечатление оставило также беспокойство уехавшей Лизы Барышевой за судьбу своего мужа и свою собственную: они существовали

---

* Семен у нас прослужил около полугода; он когда-то служил в Кольванском пехотном полку, когда им командовал мой тесть.

** Телеграф был так завален работой, что срочная телеграмма Барышева из города дошла после получения писем, хотя была послана раньше их.

*** Мы, действительно, его никем не заменяли и лакея уже не держали.

целиком на его заработок в качестве оперного певца, призыв же его на службу оставил бы их без средств и грозил порчей его голоса, источника их существования. После отъезда Лизы мы в довольно мрачном настроении пошли гулять в лес; по возвращении мы с удивлением узнали, что к нам заезжали верхом какой-то господин с барышней, причем наш дворник нам сказал, что это был Коковцов. Я знал, что у Коковцова есть дача близ соседней станции Вербье, но удивился, откуда он мог узнать о нашем приезде?

Через несколько дней я на нашей бричке поехал по обратительной дороге к Коковцову, который задержал меня к завтраку. Оказалось, что у него на даче живет м-м Жигалковская, жена полковника, о котором я упоминал, с двумя дочерьми, из коих одна каталась с Коковцовым верхом. На вопрос Коковцова, как я смотрю на начавшуюся войну, я ответил, что в начале ее надо быть готовым к неудачам, но что в конце концов неисчерпаемость наших резервов должна нам дать верх; полководцев у нас не вижу и не жду многого от искусства в вождении армии.

О моем переезде в Оксочи Коковцов узнал от нашего соседа, каковым оказался член (и кажется — секретарь!) Думы Николай Иванович Антонов. При следующем своем приезде Коковцов познакомил нас с Антоновыми. Сам Антонов мало жил на даче, но у его жены постоянно гостил кто-либо; у нее мы познакомились с Петром Ивановичем Каталеем, дядей И. В. Игнатъевой; осенью этого года он переехал (из Киева) в Петроград и стал нашим постоянным посетителем.

22 июля я получил телеграмму о созыве Государственного Совета на 26 июля. От Коковцова я узнал, что нас в Петрограде не задержат, а потому решил ехать туда 25 июля налегке; жена решила ехать со мною. Расписание поездов было нарушено, но по справке на станции в 12.45 дня должен был пройти поезд в Петроград. Этот поезд был переполнен свыше меры, а так как он в Оксочи стоял недолго, то нам пришлось войти в ближайший вагон, оказавшийся III класса; в коридоре этого вагона пришлось стоять в толпе народа, присаживаясь изредка на свой ручной чемоданчик. Через час мы приехали на большую станцию (Малая Вишеря), где удалось перейти в вагон I класса и сидеть по очереди. Жара стояла большая, а потому мы порядочно устали в

дороге. Около восьми часов мы были дома. В тот же вечер к нам приехали к чаю Е. С. Мирбах и Барышевы; пригласили их по телефону с тем, чтобы они привезли с собою чайные ложки, так как у нас под рукой были лишь две ложки. Оказалось, что Барышев уже освобожден от призыва вследствие того, что у него не хватало четырнадцати зубов*, так что волнение его и его жены оказалось напрасным.

На следующий день, 26 июля, надо было к одиннадцати часам прибыть в Зимний дворец, где государь принимал одновременно Совет и Думу. Извозчики с улиц почти совсем исчезли, но мне удалось получить по телефонному заказу мотор, который доставил меня во Дворец. Там государь сказал нам краткую речь, на которую ответили патриотическими речами председатель Думы Родзянко и наш вице-председатель Голубев. В тот же день в Совете было краткое, чисто формальное вечернее заседание, после которого мы могли разъехаться; нам было указано, что нас вновь созовут, смотря по ходу дел, но не позже 1 февраля 1915 года.

Этот созыв Совета и Думы на несколько часов был своего рода «красивым жестом»; он показал, что государь придает законодательным палатам важное значение и желает опираться на них, а ответные речи от имени этих палат свидетельствовали о готовности России идти за своим царем в навязанной ей борьбе.

На следующее утро, 27 июля, мы выехали обратно; места в поезде мы получили благодаря содействию жандармов, которые для нас заняли купе. Экипаж не был выслан навстречу, так как мы заранее не знали, когда вернемся, и мы со станции пошли на дачу пешком**. На станции нас обступили мужики и бабы и спрашивали, долго ли продлится война? Ничего утешительного я, конечно, им сообщить не мог.

Жизнь на даче потекла тихо, и мы жили только новостями с театра войны и письмами***. Мы узнали раньше всего,

---

* У него были вставные зубы, которые дантист ему вынул, а впоследствии опять вставил.

** По Николаевской железной дороге поезда стали вновь ходить по нормальному расписанию с 15 сентября, когда мобилизационные перевозки были закончены.

*** В конце июля я получил письмо от Куропаткина. В начале лета в газетах было сказано, что он празднует пятидесятилетие сво-

что Володе в день объявления мобилизации пришлось экстренно выехать в Киев для приема пироксилина на полк, так что вещи его должен был без него собирать его денщик, который не захватил с собою всего нужного, поэтому мы распорядились о покупке и высылке ему шелкового белья, теплых вещей и папирос.

Сведения с театра войны были благоприятны. Германия, как мы и ожидали, направила свой первый удар не против нас, а против Франции, потому наши действия вначале были вполне успешны, и 24 августа в церкви при станции Оксочи после обедни было отслужено благодарственное молебствие по поводу победы под Львовом. Наше наступление в Пруссию, хотя предпринятое со слабыми еще силами, вполне достигло цели: отвлекло часть германских сил на нас и оставило их наступление на Париж.

Вести о Володе были редки; они направлялись обычно к его жене в Чугуев и уже оттуда сообщались нам. Мы приглашали Марусю к себе, Володя этому вполне сочувствовал, и она действительно приехала к нам 5 сентября. Недель раньше к нам переехали мой тесть с женой, и, таким образом, мы в это томительное время были все в сборе и проводили время весьма уютно. Марусю мы до того видали лишь после ее свадьбы, в начале 1913 года, и соответственно, только теперь мы с нею ближе познакомились и сошлись*. Дача была довольно теплая, и поэтому мы прожили на ней до конца сентября.

ей службы; я счел долгом его поздравить и, не зная, где он находится, послал ему письмо на городскую квартиру; он, очевидно, получил его не скоро, так как ответил лишь через несколько недель, уже по объявлении войны, 23 июля. Благодаря меня за поздравление, он еще писал: «не теряю надежды стать во главе корпуса войск в начавшейся войне». Этому желанию его я отнюдь не сочувствовал, так как не ожидал ничего хорошего от нового выступления его в роли полководца. Желание Куропаткина исполнилось не скоро; пока великий князь Николай Николаевич стоял во главе наших вооруженных сил (до 23 августа 1915 года), он его в армию не принимал; только по вступлению государя в командование нашими вооруженными силами Куропаткин получил сначала Гренадерский корпус, а затем, к сожалению, и должность главнокомандующего Северным фронтом, с которой его вскоре пришлось уволить.

* Володя приезжал к нам на несколько дней в апреле этого года, но приезжал один, без нее.

По переезду в город Маруся переехала к моему тестю, но через три недели вновь переехала к нам и жила у нас до половины декабря, когда она уехала к своей матери.

На даче мы несколько раз играли в бридж втроем, с моим тестем и его женой. При этом я ввел правилом, что весь выигрыш, пока длится война, должен идти в пользу раненых; хотя игра у меня в доме велась из принципа по очень маленькой и проигрыш в вечер не превышал нескольких рублей, но все же в заведенную для этого кружку постепенно поступали рубли за рублями и до лета 1917 года, когда я прекратил этот сбор, в нее поступило свыше трехсот рублей*.

Вообще, сначала общество горячо откликнулось на нужды армии и всякого рода сборы в ее пользу встречались с большим сочувствием. Так, 6 октября артисты императорских театров собирали на улицах пожертвования для отправки в армию подарков от имени наследника, и мы с женой нарочно поехали на Невский, чтобы внести и свою лепту. Впоследствии эти сборы стали столь частыми, что надоели публике, а сведения о злоупотреблениях и хищении собираемых сумм вовсе отбили охоту опускать что-либо в кружки. Жертвователям обычно раздавались какие-либо значки, реже жестяные, а обыкновенно в виде небольших цветков из материи или бумажек с разнообразными текстами; значки эти прикалывались булавками к верхнему платью, у нас накопились больше сотни таких значков, приколотых к стене в передней.

Государственный Совет на взносы своих членов образовал лазарет, который был образцово обставлен и имел отличный персонал, поэтому ему всегда давалась самая трудная работа: наиболее тяжело раненые передавались ему. Непосредственное заведование им взял на себя наш сочлен (по выбору), отставной полковник Сырнев, а когда он заболел, его временно заменял другой сочлен — А. Н. Энгельгардт. На содержание этого лазарета я ежемесячно вносил по пятьдесят рублей.

Еще когда я жил на даче, ко мне приехал туда комиссионер из Царского Села с предложением сдать мой дом с ме-

---

* Из них 252 рубля переданы в небольшой лазарет в Таврическом саду, которым ведал Н. Н. Игнатьев, 17 рублей — в лазарет Государственного Совета, а последние 36 рублей отосланы пленному Семену Панину.

белью внаймы на год господину Чихачеву; я согласился сдать его на год за 4800 рублей с тем, что если дом в течение года не будет продан, то Чихачев может продолжить контракт еще на год. Вслед за тем я получил телеграфный запрос Сибирского банка, не сдам ли я ему свой дом под устройство лазарета, учреждаемого банком? Я ответил, что дом уже сдан внаймы и, по правде, был бы рад, что в нем не будет лазарета, для которого вероятно пришлось бы делать много переделок; кроме того, я недолюбливал публику разных благотворительных учреждений, которая обычно сама ничего не жертвует, а подчас даже пользуется чужими пожертвованиями, но зато с апломбом взывает к патриотизму всех, требуя от них приношений на дело, к которому они пристроились. Я был рад не иметь дела с людьми этого сорта.

Благодаря дешевой жизни на даче и сдаче дома внаем, у меня вновь оказались свободные деньги, и я в начале октября обратился в свой банк за советом, какие бумаги я мог бы купить? Мне, однако, отсоветовали от покупки чего-либо ввиду того, что биржа с начала войны была закрыта, и цена бумаг была вполне гадательной; поэтому деньги пришлось оставить в банке на текущем счету.

По первоначальным предположениям, бывшим до объявления войны, верховным главнокомандующим должен был быть государь. Он уже в то время, когда я был министром, говорил мне, что в случае войны он ни за что не останется вновь в тылу, а непременно будет сам командовать армиями, не потому, чтобы он считал себя полководцем, а потому, что по его убеждению при этом устраняются многие затруднения и трения, не говоря уже о том, что он любил войска и военное дело и предпочитал быть во время войны в армии, а не в тылу. Между тем, при объявлении войны верховное командование было поручено великому князю Николаю Николаевичу*, правда с оговоркой, что это делается временно, пока государь сам не примет командования. Как и почему произошла эта перемена, я узнал лишь впоследствии, помнится, от Щегловитова, который рассказывал о том в группе правых. Совету министров было поручено выработать пра-

---

* Великий князь должен был командовать армиями Северо-Западного фронта; в этой должности его заменил Жилинский.

вила об особых полномочиях, которыми он должен был пользоваться во время отсутствия государя из Петрограда. Совет, однако, решил просить государя не уезжать в армию ввиду того, что еще предстояло решать много важнейших вопросов (особенно дипломатических), для чего присутствие государя в столице было крайне желательно. Государь сначала отказал в этой просьбе, заявив, что он уже давно решил в случае войны не оставаться в тылу, но затем сказал, что подумает до следующего дня и, в конце концов, согласился на просьбу Совета.

Одним из первых действий верховного главнокомандующего явился его призыв к полякам, которым он за содействие России в ее борьбе обещал объединение и автономию Польши. Это воззвание, подписанное великим князем, очевидно, не от него, а от государя или, вернее, от правительства и знаменовало собою полнейшую перемену его политики в отношении поляков. Оно поэтому вызывало подозрение, что правительство не особенно верило в успех предстоявшей борьбы. Симпатии поляков, конечно, могли оказать известную пользу в этой борьбе, но если для их приобретения нужно было коренным образом менять отношение к полякам, то приходилось жалеть, что это не было сделано раньше! До этого времени на Польшу смотрели как на одну из составных частей единой России, для которой не только был обязателен общегосударственный язык, но которая пользовалась по внутреннему управлению гораздо меньшей самостоятельностью, чем коренные русские области. Теперь же была обещана автономия, объединение же всех поляков почти удваивало их число и делало объединенную Польшу столь крупной составной частью России, что автономия ее (обещанная лишь в довольно неопределенных выражениях) несомненно должна была обратиться в почти полное обособление. Таким образом, успешное завершение начатой войны должно было завершиться отторжением от России ее польских губерний. Эта жертва, может быть, была бы не чрезмерна, если бы благодаря ей можно было достичь прочного соглашения с поляками; но на такое соглашение было мало надежды, так как претензии поляков несомненно оказались бы беспредельными не только в отношении пределов автономии, но и пределов самой Польши, так как они пожелали

бы получить и белорусские и литовские земли, а пожалуй, и Юго-Западный край!

Лидер правой группы П. Н. Дурново 14 октября пригласил к себе на квартиру наличных членов нашей группы для обсуждения воззвания великого князя к полякам. Собралось человек пятнадцать. Единодушно пришли к заключению, что объединение Польши, хотя бы и под главенством России, для последней невыгодно и что желательно воздерживаться от дачи дальнейших обещаний.

Государственный Совет до Нового года не созывался, поэтому я в это время был более свободен, чем когда-либо. Все интересы были сосредоточены на сведениях с театра войны — о ходе военных действий и о судьбе близких лиц. Во всех домах работали и собирали вещи для отсылки в армию. Посылки отправлялись частью почтой, частью с лицами, едущими в армию; первый способ был сложен, так как вес посылок был ограничен и содержание их проверялось на почте, а потому по возможности прибегали ко второму способу. В начале декабря мы в газете «Вечернее время» прочли, что на днях М. Н. Тарновская выезжает с рождественскими подарками для Ингерманландского гусарского полка. Узнав в редакции ее адрес, мы побывали у нее и узнали, что она выезжает 10-го и охотно отвезет и наши посылки. Кроме вещей для Володи, она отвезла для чинов его команды двадцать четыре кисета с трубками, табаком, ложками, пряниками, мылом и сверх того портянки и домашней работы бумазейные рубашки и вязанные шерстяные вещи весом почти два пуда. 30 декабря мы из Львова получили от Володи телеграмму с благодарностью за посланные вещи. Другие вещи (например, ватные куртки), сшитые дома, сдавались в распоряжение разных обществ и кружков, бравших на себя сбор и отправку вещей в армию. Вообще, отношение к армии было самое теплое и добровольные жертвы на улучшение ее быта были весьма значительны.

Наш лакей Семен при распределении запасных попал в Петроград, в запасный батальон л.-гв. Гренадерского полка. Ко времени нашего переезда с дачи он уже был послан в армию, но я его видел при нашем кратковременном приезде в город, 25-27 июля. Он рассказал мне кое-что про состояние его батальона, оно было крайне неутешительно: бата-

льон был доведен до громадного состава при слабых кадрах: Семен был взводным унтер-офицером и имел во взводе около ста человек! Порядка в батальоне не было, да и не могло быть: нижние чины на ночь уходили из казарм, а ближайšie их начальники не смели об этом докладывать из боязни быть убитыми! Ничего хорошего это не предвещало. Семен сначала писал мне довольно часто, но 25 августа его предназначили для отправки в армию, а 28-го его повезли (как он мне писал из Люблина 1 сентября) на Гродно, Варшаву, Ивангород, Белосток и Люблин; он сообщал, что во все время пути получал только один раз горячую пищу, в Пскове! Затем в письмах наступил почему-то перерыв. 6 октября он мне писал из Люблинской же губернии: он был взводным 10-й роты л.-гв. Гренадерского полка и уже был под огнем; следующее (и последнее) письмо было от 27 октября: он был в сражениях на реке Сани под Новгородом(?), жаловался на ужасы войны, на холод и голод и просил о присылке теплых вещей. Посылка с теплыми вещами, парой сапог и едой уже была отправлена ему почтой, 15 октября, но по-видимому до него не дошла. Писем от него больше не было и приходилось считать его погибшим. По моей просьбе полковник л.-гв. Гренадерского полка, флигель-адъютант Поливанов, наводил о нем справку в запасном батальоне полка и 17 марта 1915 года сообщил мне, что Семен Панин пропал без вести 11 ноября, когда его батальон был окружен австрийцами; но через два дня, 19 марта, я получил весточку от самого Семена из австрийского плена.

От А. О. Мирбаха я получил несколько писем из армии. Штаб-квартира, в которой он был комендантом, имела громадный состав: 300 офицерских и классных чинов, свыше 1000 нижних чинов и 600 лошадей. Их всех он должен был размещать, людей и лошадей кормить, ведя полковое хозяйство. Сначала штаб-квартира была в Белостоке, затем несколько дней в Гродне, а с октября в Седлеце. Передвигалась эта масса сначала в пяти эшелонах, а потом в трех. Дел у него было очень много, но он с ними справлялся и был очень доволен своей деятельностью. Много ему помогало то, что главным начальником снабжений был Данилов (бывший начальник Канцелярии Военного министерства), который очень к нему благоволил. Тем не менее, в Мирбахе

сказывалась строевая жилка, и он уже в ноябре писал, что мечтает перейти в строй и командовать батальоном, так как за убылью офицеров многими батальонами командуют прапорщики. Исполнение этого желания ему, однако, пришлось отложить надолго ради большой его семьи: на его нынешней должности он получал большое содержание (как командир полка) и подвергался меньшей опасности. Только пробыв в этой должности два года, он приобретал право на пенсию командира полка, даже в случае перехода на низшую должность, а только такая пенсия могла обеспечить участь его большой семьи. Поэтому он, действительно, пробыв два года комендантом и только летом 1916 года ушел в строй командовать батальоном.

В конце октября Горемыкину исполнилось семьдесят пять лет. Прочтя об этом в газетах, я зашел к нему запросто его поздравить, так как сохранил самые симпатичные воспоминания о нем, как о председателе Совета министров в 1906 году. Он, кстати, жил совсем близко от меня, на Моховой, в роскошном особняке, купленном для председателя Совета министров.

Перед самым Рождеством у меня вновь появился князь Андроников, чтобы просить меня подписать адрес, подносимый Горемыкину в память упомянутого дня. Я не поклонник всяких политических выступлений, а этот адрес, довольно длинный, требовал бы тщательного изучения перед его подписанием, но это было невозможно в присутствии болтливового Андроникова; поэтому пришлось, прочтя его бегом, подписать, полагаясь на то, что он уже подписан министрами и многими членами правой группы. Попал ли этот адрес в печать, я не помню.

Из болтовни Андроникова выяснилось, что он уже не поклонник Сухомлинова. Он сначала был с ним очень близок и, например, когда жена Сухомлинова была за границей, брал ложу в театре и приглашал туда Сухомлинова, чтобы развлечь его; но с возвращением Сухомлиновой отношения эти изменились, и у Сухомлинова не оказывалось свободного времени, чтобы принимать Андроникова. Довольно характерен для обоих действующих лиц был его рассказ о том, как произошел окончательный их разрыв: к какому-то дню (к именинам?) он послал Сухомлинову запонки,

благо он любитель хороших запонок, и думал, что после этого его уже непременно примут; но оказалось, что его все же не принимали, хотя Сухомлинов носил его запонки!

Теперь Андроников рассказывал про взятки, которые берет Сухомлинов (через некоего Свирского и родственника жены Гашкевича) и про любовников М-м (Булацель, Бутович, Манташев). Про себя он рассказывал, что он стоит во главе большого дела по орошению земель в Бухаре. В общем, редкие посещения Андроникова были интересны тем, что он приносил с собою целую кучу рассказов и сплетен, которые, конечно, далеко не все были достоверны.

Под конец года в обществе стали ходить сведения о том, что армия страдает от недостатка снарядов и винтовок, и этим объясняли наступивший, неблагоприятный для нас, перелом в ходе военных действий. Не имея уже никаких связей с Военным министерством, я ничего точного об этом не знал; только недостаток винтовок был очевиден, так как большая часть нижних чинов запасных батальонов училась на улицах и площадях города без оружия*.

Мое здоровье было в общем хорошо, хотя уже выяснившийся склероз продолжал при случае сказываться. Я говорил, что Яновский сверх того нашел у меня ожирение и рекомендовал убавить еду; последнему указанию я сначала не придавал серьезного значения, но уже на даче в начале июля прочел в «Новом Времени» красноречивый фельетон о пользе умеренности в пище и даже голодовки и решил приступить к исполнению указаний Яновского. Действительно, если склероз являлся более или менее неизбежным спутником старости, то ожирение было следствием чрезмерной еды, не отвечавшей моему сидячему образу жизни, и я решил избавиться от него убавкой пищи. Я начал есть лишь менее питательные блюда, особенно картофель и зелень, чувство голода порой бывало очень сильно, но оно легко успокаивалось куском хлеба или даже полустаканом «Боржома». Резуль-

---

* Мой бывший адъютант, генерал Чебыкин, был начальником запасных батальонов в Петрограде и его окрестностях; он мне подтвердил, что винтовок в запасных частях совсем мало, ему удалось выпросить, по дружбе с начальником артиллерии округа, лишних 25 000 винтовок для своих батальонов, но все же их вооружение было совершенно недостаточно.

таты не замедлились сказаться: мой вес, бывший в конце июня 102 килограмма, уже при приезде в город 25 июля оказался 100, по возвращении в город в конце сентября составлял лишь 96 килограммов, а к концу года убавился еще на килограмм. Таким образом, я в течение года избавился от семи килограмм (почти полпуда жира); мне стало заметно легче ходить, и ходьба перестала постоянно вызывать у меня испарину, крайне утомлявшую и располагавшую к простуде.

В конце 1914 года я принял православие.

Мне до сих пор не приходилось говорить о моем отношении к религии; помню, что в детстве (лет десяти-двенадцати) я был вполне верующим, и лютеранское богослужение (особенно пение, сопровождаемое игрой на органе) производило на меня сильное впечатление; но с поступлением в гимназию, а особенно в Финляндский кадетский корпус, это совершенно изменилось. В Корпусе подробно преподавался закон божий, но это был сухой учебный предмет, становившийся крайне несимпатичным вследствие личности преподававшего его пастора, и дух в Корпусе был вообще атеистический. В Пажеском корпусе пастор, преподававший нам историю церкви, тоже не может быть помянут добрым словом. По выпуску в офицеры мне и в голову не приходило заходить в церковь, и лишь раз в год я ходил в шведскую церковь для причастия, так как свидетельство о бытности у Святого Причастия нужно было ежегодно представлять начальству; в шведской церкви эта формальность выполнялась особенно легко и просто. В штабах упомянутых свидетельств не требовали, а потому я перестал ходить к причастию, и только в 1879 году мне пришлось это сделать, опять-таки для получения свидетельства, нужного для вступления в брак. С тех пор я бывал на богослужениях только по обязанности: в торжественные дни, при похоронах и т. п., причем чаще всего приходилось бывать в православных церквях.

Православное богослужение я находил красивым, но ужасно длинным и утомительным; притом, я вовсе не был знаком с последовательностью и внутренним смыслом отдельных его частей; оно, однако, меня заинтересовало и в конце восьмидесятых годов в моей библиотеке появилась первая книжка с краткими его объяснениями.

С духовными лицами мне вовсе не доводилось встречаться; только во время турецкого похода мне пришлось познакомиться с полковым священником, достойнейшим отцом Евстафием Крюковым, но он на религиозные темы говорил только с лицами, которые сами того желали, а я к их числу не принадлежал. После того мне в течение десятков лет не приводилось встречаться и беседовать с духовными лицами. Мое отношение к религии было просто индифферентное, я уважал религиозное чувство других, но у меня его не было. Лютеранское богослужение мне было несимпатично; суть его в проповеди пастора, а именно эти проповеди я не был в состоянии выслушивать без внутренней критики и протеста: меня отталкивал деланный пафос пасторов и обличительный тон их проповедей, уместный лишь в устах проповедников, каковыми они мне вовсе не представлялись. Прямую противоположность в этом отношении представляли те редкие проповеди, которые мне случалось слышать в православных церквях, в которых проповедник, без ораторских приемов, говорил просто и задушевно и не громил своих слушателей, а указывал на грешность нашей жизни, каялся, что он и сам грешен, как и они. В лютеранских проповедях было больше анализа и толкования священного писания, это были лекции по закону божьему, тогда как православные проповеди были простыми, задушевными поучениями, говорящими не уму, а сердцу, а по моим понятиям, именно это и нужно. О переходе в православие у меня однако не было и мысли — повторяю, что вопросы религии меня мало занимали, а кроме того перемена религии имела бы вид искания выгод по службе, устранение одного из возможных препятствий для получения высшего назначения.

В 1898 году смерть моей матери, очень религиозной, вызвало у меня желание вновь сблизиться с церковью, найти ту веру, благодаря которой она спокойно и даже с радостью готовилась к смерти. Я попробовал бывать в лютеранской церкви, но вскоре перестал, так как чувствовал, что она мне ничего не дает, и ничто мне меня туда не тянет.

В 1907 году дело о моем разводе заставило меня вновь войти в соприкосновение с лютеранским духовенством. Я уже упомянул, что при этом чины Консистории произвели

на меня весьма несимпатичное впечатление*. Больше мне понравился царскосельский пастор Берман, с которым мне пришлось беседовать запросто на его квартире; но и его я заподозрил (может быть напрасно?), что теплое отношение ко мне зависело от моего бытия военным министром.

После моего брака с православной я стал изредка бывать с нею в православной церкви, и тут только возникла мысль о моем переходе в православие. Меня однако удерживало то, что при продолжавшемся равнодушии к религии я из плохого лютеранина обратился бы в столь же плохого православного, а при таких условиях обряд перехода был бы чисто внешним и кощунственным! Пока я был министром, об этом не могло быть и речи еще и потому, что у меня не было времени сосредоточиться как следует на подобном вопросе. После моего увольнения времени у меня было вдоволь, а когда выяснилось, что у меня нет никаких шансов быть вновь призванным к активной деятельности, то отпало и опасение, будто перемена религии может объясняться служебными соображениями. Поэтому моя мысль все чаще возвращалась к этому вопросу; я, однако, не знал, как взяться за дело и какими условиями обставлен переход в православие, не потребуется ли для этого особое поучение у священника, можно ли его совершить без огласки и т. п. Все это можно было узнать у священника, но среди моих знакомых таковых не было.

Во время юбилейных торжеств весной 1913 года я вновь встретился с епископом Владимиром, который сделал нам визит. При моем ответном визите я ему сказал о моем намерении принять православие; он мне ответил, что это дело простое, совершается по такому-то чину, и предложил мне,

---

* На заседании 1 августа один из ее членов, известный проповедник Пенгу, произнес мне с большим ораторским искусством очень убедительную речь о нерушимости брака и призвал к отказу от его расторжения. Когда же я заявил, что все же желаю развода, он сразу заговорил деловым, чиновничьим тоном, сказав, чтобы я сдал обручальное кольцо. Этот внезапный переход от вдохновенного тона на деловой, обличая всю деланность первого, произвел на меня самое отталкивающее впечатление; впечатление было особенно сильно потому, что Пенгу говорил замечательно хорошо и даже мне, уже предубежденному против пасторов, показалось, что он говорил искренне, от души!

если будет нужно, свое содействие; ответ его был чисто деловой.

Только в конце 1914 года мне пришлось познакомиться с отцом Александром Петровичем Журавским, и это знакомство привело меня к принятию православия.

Мой тесть 25 ноября серьезно заболел; мы поехали с женой к нему и застали у него отца Александра, который когда-то был полковым священником в 15-м стрелковом полку, когда И. В. им командовал.

Теперь он был священником церкви Космы и Дамиана, при л.-гв. Саперном батальоне. Вечером 4 декабря отец Александр служил молебен на квартире моего тестя, после чего он остался у него к чаю и много беседовал. Человек простой, добрый и глубоко верующий, он произвел на меня впечатление истинного пастыря, и я решил обратиться к нему за разрешением моих сомнений. 7 декабря он навестил нас, и я спросил, когда я могу его застать, чтобы переговорить с ним? Он меня принял на следующее утро и выразил согласие теперь же присоединить меня к православию. Через два дня он был у нас вечером, привез чин присоединения и объяснил мне разницу догматов обеих церквей; среди них самой верной оказалась разница вероучений о Святом Духе, так как лютеранская церковь переняла от католической учение о его исхождении от отца и сына (*filioque*). Вопрос этот совершенно отвлеченный, и я даже не знал, как он решается лютеранской церковью, так как в ее символе веры о нем ничего не говорится. Очевидно, что разница между церквями зависит не от этих богословских тонкостей, а от господствующих в них настроения и духа!

Быть моими восприемниками мы просили моего тестя и кузину жены, Е. С. Мирбах. В четверг 19 декабря, в церкви Космы и Дамиана отец Александр перед обедней присоединил меня к православию. Во время обедни я с зажженной свечой стоял в алтаре; после обедни, впервые с 1879 года, вновь причастился. В церкви было мало случайных богомольцев.

О том, что я хочу принять православие, я предупредил брата; он тоже уже давно собирался это сделать, но выполнил это намерение лишь летом следующего года. Больше я об этом никому не говорил и только в марте 1915 года, ког-

да зашла речь о дополнении моего послужного списка, я просил Государственную канцелярию сделать соответственные исправления в нем и моем паспорте.

Отец Александр Журавский стал после того бывать у нас, заходя, обыкновенно, вечером, но уже в конце января 1915 года решился вопрос о его командировании в армию к л.-гв. Саперному батальону, хотя он и не состоял в его штате. Перед своим отъездом он подарил мне очень хорошую книгу Турчанинова «Беседы о личности Иисуса Христа»; об этой книге мне еще придется упоминать. Из армии он еще приезжал несколько раз к семье в Петроград и навещал нас.

Жизнь в Петрограде в течение минувшего первого полугодия войны мало в чем изменилась. Цены на продукты, если и поднялись, то немного, и только число извозчиков значительно сократилось, и они стали дороже. У нас по-прежнему собирались по воскресеньям вечером близкие люди: мой тесть с женой, Игнатьевы с П. И. Каталеем; кроме того, часто бывали Каменевы, Е. С. Мирбах, Барышевы, племянник Саша. В этом году у нас стал часто бывать Николай Николаевич Лишин, тогда юнкер Морского корпуса, симпатичный юноша и отличный музыкант.

В 1915 году Государственный Совет был созван в середине января на краткую двухнедельную сессию, собственно, для рассмотрения бюджета. Состав Финансовой комиссии был сохранен прежним. В эту сессию я был на четырех заседаниях Общего собрания и на семи заседаниях Финансовой комиссии. Рассмотрение сметы, урезанной до последней возможности, было значительно проще, чем в обычное время; смета же Военного министерства в большей своей части была пустой формальностью, так как, согласно закону, она исчислялась на мирный состав армии и расходы по ведению войны в нее не входили, а относились на военный фонд; расходы же из последнего, превосходившие в несколько раз общий итог всей росписи, не подлежали обсуждению Думы и Совета. Действительное значение имели лишь те части сметы, которые относились до немобилизованных частей (например, военно-учебных заведений); все же прочие части сметы исчислялись совершенно напрасно, так как положенные по ним суммы целиком вливались в военный фонд, откуда

расходы производились без всякого соображения со сметными исчислениями.

Краткая сессия Совета представила все же большой интерес в том отношении, что от съехавшихся членов удавалось узнать о настроении в стране, а от членов правительства — о ходе государственных дел. При встрече с Вернандером* в Совете я спросил его, как обстоит снабжение артиллерии патронами? Он самым уверенным тоном дал мне успокоительный ответ: временно было тяжело, вследствие недостатка патронов, но кризис уже миновал; поставка заводами патронов уже идет вполне успешно, а через один-два месяца уже не будет речи о их недостатке. К сожалению, слова Вернандера не сбылись. Не знаю, врал ли он сознательно или сам не знал истинного положения дела.

На одном из заседаний Государственного Совета ко мне подошел его член, Стахович, которого я вообще мало знал, и сказал мне, что, будучи в армии, он слышал, что там все произведенные в ней после японской войны улучшения приписываются мне. Как человек штатский, он сам мало знаком с моею деятельностью, поэтому эти отзывы его удивили, но он считает долгом передать их мне. Мне осталось лишь поблагодарить его за приятную весть. На этом же заседании, во время перерыва, когда я сидел в столовой и пил кофе, ко мне подошел граф Витте и увлек в другую комнату, где подвел меня к тому же Стаховичу, чтобы тот мне повторил то, что перед тем говорил Витте и что я уже слышал от него. Меня поразило искреннее сочувствие Витте тому, что обо мне говорили хорошо. Я его поблагодарил, сказав, что надеялся, что мои труды со временем оценят, но не ожидал, что так скоро и так лестно.

Упомяну здесь же, что уже в середине ноября 1914 года я слышал в Мариинском театре от неизвестного мне соседа по ложе**, что половина тогдашних успехов нашей армии приписываются мне; а в середине апреля 1915 года мой тесть мне передал, что его знакомый, д-р Кульков, слышал в Москве, как А. И. Гучков успехи нашей армии приписывал мне.

---

* Тогда он был помощником военного министра; Главное артиллерийское управление было подчинено ему.

** Он оказался Волковым, женатым на дочери генерала Дукма-сова.

Это последнее сведение многое объясняло: Гучков лучше, чем кто-либо (за исключением разве Поливанова), знал, что именно мною было выполнено и что было начато для улучшения армии²³; но как он судит о моей деятельности я не знал, так как с ним почти не встречался, и он мне самому никогда подобных вещей не говорил. Я думаю, что сведения Стаховича и Волкова имели связь с отзывом Гучкова.

В начале года умерли два моих коллеги по кабинету, с которыми я и в Совете был в приятельских отношениях: бывший министр народного просвещения Александр Николаевич Шварц и бывший морской министр Алексей Алексеевич Бирилев. С Шварцем я всегда сидел рядом во время кофепития в течение перерыва заседаний, и мы с ним усердно беседовали на всевозможные темы, а Бирилев был моим сочленом и соседом в Финансовой комиссии.

В середине февраля в Царском Селе скончалась вдова моего дяди, Мария Александровна Шульман, которой через два месяца исполнилось бы восемьдесят лет. Старушка, сохранившая до конца замечательную ясность ума, очень благоволила ко мне и уже давно взяла с меня слово, что после ее смерти я буду ее душеприказчиком. Я только прочел в газете объявление о ее смерти, как ко мне приехала ее доверенная горничная и привезла ее завещание с просьбой: говорить, что я его получил от нее при жизни и хранить его до сорокового дня по ее смерти, не вскрывая. Первое я отказался исполнить и в тот же день, на панихиде в Царском, сказал ее сыну и дочери, что только что получил завещание и сдам его для верности в Окружной суд. В суде мне сказали, что завещание не будет вскрываться до предоставления метрики о смерти, поэтому от меня зависит отсрочить вскрытие на сорок дней. Все дальнейшие хлопоты по завещанию выполнил сын покойной, так что мне приходилось совершить лишь несколько формальностей. Вообще, я не знаю, зачем покойная впутала меня в это дело, так как никаких недоразумений по наследству не было, и главная часть капитала уже оказалась в руках ее сына, которому пришлось получить по завещанию лишь пятьдесят три акции Азовско-Донского банка! Хлопоты по этому делу длились до половины мая.

Племянник Саша, назначенный при мобилизации главным врачом полевого госпиталя, заболел во время его фор-

мирования нефритом и, проболев полгода в Петрограде, уехал в конце января в Туркестан и Закаспийскую область греться на солнце. Это средство помогло, и летом он был назначен главным врачом Ревельского госпиталя. Из Ревеля он довольно часто приезжал в Петроград по делам его госпиталя и для занятий со студентами в Медицинской академии.

Жена моего тестя, Ольга Александровна, в эту зиму чувствовала себя плохо и предвиделась необходимость произвести ей операцию. Чтобы набраться сил, ей рекомендовалось пожить на свежем воздухе, в каком-либо санатории, поэтому она в феврале поехала с И. В. в санаторий «Конккала» под Выборгом, куда через несколько дней приехали и мы. Переезд в Финляндию был обставлен с затруднениями: на пограничной русской станции Белоостров жандармами производилась проверка паспортов всех проезжающих, для чего наш поезд был задержан на три четверти часа. В санатории мы пробыли четыре дня, в течение которых усердно гуляли по окружающему лесу; санаторий оказался малосимпатичным, поэтому мы сократили свое пребывание в нем. Мой тесть с женой недели через две уехали в другой санаторий, под Москвой.

В конце февраля к нам вновь приехала Маруся; она мечтала о поездке во Львов на свидание с мужем, но 17 марта получила от него телеграмму, что пока приезжать во Львов нельзя, может это будет возможно недели через три. Как потом оказалось, их дивизию неожиданно двинули на юг. На второй день Пасхи, 23 марта, когда мы сидели за обедом, нас с телефонной станции предупредили, что сейчас с нами будут говорить из Москвы. Мы думали, что это мой тесть хочет беседовать с нами, но оказалось, что это Володя, он 19 марта, лежа в стрелковой цепи, был ранен пулей в грудь и теперь ехал к нам лечиться, о чем и предупреждал по телефону из Москвы.

На следующее утро я его встретил на железнодорожной станции, вид его был цветущий. От жизни на свежем воздухе при большом моционе и хорошем питании он окреп и пополнел, и недавняя рана не успела отозваться на его внешности. Зато его одежда была в отчаянном виде: одетый в заношенный полушубок без погон и меховую шапку, он скорее всего походил на столичного дворника. Рана его оказа-

лась легкой: пуля, войдя в грудь около правой ключицы, вышла в правый же бок, не задев легких и костей. Первую перевязку ему сделали в лазарете в Бендерах, Хотине, затем в Каменец-Подольске(?), откуда он уехал с пассажирским поездом, причем ему в пути сделали еще одну перевязку. Раньше всего надо было выяснить, все ли с раной благополучно и может ли он жить у нас или же ему надо лечь в лазарет? Поэтому я в тот же день поехал с ним на эвакуационный пункт, но там лишь сделали перевязку и указали обратиться в какой-либо лазарет. В Благовещенском лазарете выяснили, что с раной все обстоит благополучно, он может жить у нас и лишь ежедневно приходиться в лазарет для перевязки. За этим он стал ходить в Юсуповский лазарет, бывший у нас в пяти минутах ходу. Рана заживала хорошо, для нас всех было большим успокоением видеть его у себя, вне всякой военной опасности. При освидетельствовании его 1 мая в Эвакуационной комиссии у него был замечен шум в легком, поэтому его оставили на излечение еще на месяц; вскоре после того его назначили членом комиссии, объезжавшей лазареты для освидетельствования раненых. Он, таким образом, прожил с Марусей у нас более двух месяцев, и присутствие их вносило заметное оживление в нашу жизнь, причем смущало лишь то, что он вскоре вновь должен будет ехать в свой полк. Мой тесть с женой вернулись в Петроград 1 апреля, 11 апреля ей была сделана серьезная операция, выполненная вполне благополучно. Она еще лежала в больнице, когда была получена запоздавшая весть о тяжелой болезни ее отца, жившего в ее имении. Вследствие этого, И. В. 2 мая выехал туда; после его отъезда была получена телеграмма, пересланная по почте, что А. И. Бутович умер 29 апреля, и О. А. 6 мая тоже выехала в деревню. Ей после отца досталось имение Алексеевское (семьсот десятин) у села Черевки Полтавской губернии, и в этом имении они решили провести лето. Между тем, они дачу в Перечичах наняли на несколько лет; эту дачу мы решили у них взять на 1915 год, так как у нас дачи еще не было.

Прошлогонья дача в Оксочи нам очень понравилась, но на 1915 год она не сдавалась внаймы. Другая дача, которую я ездил смотреть туда же, мне не понравилась; мы поместили в газете объявление, что нам нужна дача-усадебка, и по-

лучили разные предложения, но ни на чем еще не остановились. Дача в Перечицах освобождала нас от скучных поисков летнего жилья, моего тестя от напрасных расходов по ее найму. В одном отношении дача эта была весьма неудобна: чтобы попасть на нее надо было ехать по Варшавской железной дороге, крайне загруженной перевозками, вследствие чего пассажирское движение по ней было крайне стеснено и неисправно.

Наша дружба с Игнатьевыми продолжалась, но в конце марта одна из их дочерей заболела дифтеритом и М-м Игнатьева была вынуждена сидеть дома в карантине. Муж ее, обязанный по службе бывать в зданиях придворного ведомства, которыми он ведал, не мог оставаться при семье и переехал к П. И. Каталею; последний не имел дома своего стола, а потому мы пригласили Игнатьева обедать у нас, и таким образом, он стал бывать у нас ежедневно, до нашего переезда на дачу. В начале мая И. В. Игнатьева уже стала выезжать из дому и бывала у нас, при этом встречалась с мужем; последний мог вернуться к себе только после производства полной дезинфекции квартиры.

В начале мая в Петроград приехала Олимпиада Николаевна Лишина с дочерью навестить сына. Она уже раньше бывала у нас, но только теперь мне пришлось познакомиться ближе с этой замечательно умной, энергичной и доброй женщиной. Сын ее вместе с Володей устроили катание на взморье на моторной лодке, в котором приняли участие и мы с женой.

19 мая мы переехали на дачу в Перечицы. Володя с Марусей остались в городе, так как он был связан нарядами в комиссию. 1 июня его самого освидетельствовали и признали, что рана вполне зажила, и он может возвратиться в строй*. Однако, к немедленному его выезду встретилось препятствие в том, что у Интендантства не оказалось кредита на выдачу ему положенных денег! Он их получил лишь 5 июня и тотчас по пути в полк приехал к нам в Перечицы, где пробыл с женой двое суток.

Для его характеристики расскажу эпизод его отъезда. В городе комендант станции обещал записать ему купе перво-

---

* Моя жена, боясь, что ее брату придется уехать, не повидавшись с нами, 31 мая поехала в город, откуда вернулась 4 июня.

го класса в курьерском поезде на Киев, отходивший вечером 7 июня; он поэтому оставил Е. С. Мирбах свое предписание о выезде в полк и предложение на проезд с тем, чтобы она утром 7-го взяла билеты и отдала все кондуктору поезда для вручения их Володе в Луге. Вечером 7-го Володя с Марусей поехали на лошадях в Лугу; за час до их отъезда от Е. С. была получена телеграмма: «Приезжай, билеты не выдают этому маршруту, надо подать рапорт». Возвращаться в Петроград значило просрочить прибытием в Киев; ехать в Киев без предписания значило явиться без всякого документа; и в том и в другом случае он подвергался разным неприятностям. Володя предпочел ехать прямо, без документа и в Луге благополучно получил билеты в курьерском на Киев, а Е. С. Мирбах послал из Луги телеграмму: «Предписание пришли завтра проводником первого класса киевского курьерского, встречу, заплачу». Однако, исполнить эту просьбу было невозможно, так как всем служащим на железной дороге было строжайше запрещено провозить что-либо. Е. С. Мирбах, думая, что Володя ждет предписания в Луге, сама поехала вечером туда и, не застав его, на извозчике ночью приехала к нам посоветоваться, что делать. Она рассказала, что поручение взять ему билеты Володя дал ей уже вскакивая на ходу в поезд, причем даже не сказал, на какой день их взять, так что она это узнавала у коменданта станции; билетов же на киевский курьерский поезд ей не дали потому, что для их получения она предъявила предложение (литеру) для проезда по другому направлению (на Витебск). Мы не знали, где Володя остановится в Киеве; на счастье мы вспомнили фамилию одного знакомого ему офицера в Киевском окружном штабе; предписание я послал заказным письмом в Окружной штаб, а телеграммой на имя этого офицера просил предупредить о том Володю. С понятным нетерпением мы затем ждали вестей от Володи, чтобы узнать, как к нему отнеслись в Киеве. Я дал ему открытки с готовыми адресами. Только 17 июня мы получили одну из них, из которой узнали, что все обошлось благополучно; узнав, что предписание будет почтой, он съездил на три дня в деревню к отцу и уже после того дал нам весточку! В Киеве ему затем еще пришлось прождать шесть дней прихода предписания и он только 21-го выехал с Марусей

сей в Каменец-Подольский, откуда мы 27-го получили следующую открытку.

Жизнь на даче шла тихо; с соседями мы не знакомились и лишь изредка виделись с хозяевами, Оболенскими. В середине июня к нам заехал на велосипеде кузен жены Юра Раунер, студент первого курса Института путей сообщения, который был на летних работах около станции Преображенской; в начале июля он получил съёмку около нашей дачи и делал ее, живя у нас. Вскоре после того к нам приехала на неделю И. В. Игнатьева со своею падчерицей (пятнадцати лет), и время проходило весьма приятно и весело. Особенно интересен был пикник, затеянный молодежью: на довольно утлом челне мы поднялись по речке, запруженной мельничной плотиной. Последняя недавно была приподнята, поэтому многие деревья стояли в воде и плавание было довольно затруднительно; на берегу мы развели огонь, варили чай и пекли картофель; чай, очевидно, отзывался дымом, а картофель оказался либо сырым, либо обугленным, но настроение было самое веселое; его даже не портил дождь, заставший нас за импровизированной трапезой.

Однако, на даче нам недолго пришлось благодушеествовать: Государственный Совет был созван на сессию к 19 июля. Я не думал, что эта сессия могла продлиться долго, поэтому мы поехали в Петроград налегке, без прислуги.

ГЛАВА ШЕСТНАДЦАТАЯ

*Дело Сухомлинова. — Николай II во главе армии. —
Особые совещания. — «В Петрограде жизнь
изменилась...» — Новый военный министр. — Встреча
Нового года. — Император в Государственном Совете. —
«Жизнь в городе становилась заметно дороже и
труднее». — Письмо Куропаткина. — Дело
Д. Д. Кузьмина-Короваева*

Дела в армии шли все хуже. Вопреки рассказам Вернадера недостаток в снарядах не был устранен, и положение армии вследствие его становилось совершенно отчаянным. Это, наконец, побудило государя расстаться с Сухомлиновым. Весьма характерно, что он ничего не говорил ему лично, а о своем решении сообщил Сухомлинову собственноручным письмом из Ставки главнокомандующего, куда поехал в начале июня. Письмо это гласило:

«Ставка, 11 июня.

Владимир Александрович. После долгого раздумывания я пришел к заключению, что в интересах России и армии ваш уход необходим в настоящую минуту. Поговорив с великим князем Николаем Николаевичем, я окончательно убедился в этом. Пишу Вам это, чтобы Вы от меня первого узнали. Мне очень тяжело сказать Вам об этом, тем более, что я вчера только Вас видел. Столько лет мы с Вами работали и никогда между нами не было недоразумений. Благодарю Вас, что Вы положили столько труда и сил на благо нашей родной армии. Беспристрастная история будет более снисходительна, чем суждение современников. Пере-

дайте Вашу должность генералу Вернандеру. Господь с Вами. Уважающий Вас Николай».

Это письмо, чисто личное, конечно, не предназначалось для огласки, но Сухомлинов показывал его всем желающим и копии с него скоро стали курсировать в обществе. Преемником Сухомлинова был избран Поливанов. Знаком особого внимания со стороны государя явилось то, что он приказал сдать должность Вернандеру, от которого ее и принял Поливанов. Указы об увольнении Сухомлинова и назначении Поливанова были подписаны 13 июня; одновременно Вернандер был уволен от должности помощника министра с оставлением членом Государственного Совета.

Шесть лет тому назад назначение Сухомлинова министром было встречено весьма сочувственно, особенно старшими членами армии. В его лице во главе военного управления становился строевой генерал, георгиевский кавалер, уже командовавший большим округом и потому известный армии; от него ожидали многого на благо армии и больше всего — отмены неприятных для нее новшеств, заведенных мною, как то: новый порядок ведения хозяйства, беспощадное изгнание неспособных начальников, новый порядок путевого довольствия. В этом отношении Сухомлинов вполне оправдал надежды: новшества эти были отменены вовсе или по крайней мере очень смягчены. К влиятельной печати он стал в близкие отношения, и она его восхваляла, браня меня при всяком удобном случае. Стараясь быть всем приятным, он приобрел много искренних друзей и приверженцев; при нем всякие награды сыпались как из рога изобилия.

Однако, вскоре в общество стали проникать неблагоприятные для него сведения. Раньше всего стали известны некрасивые подробности бракоразводного процесса его жены: первый ее муж, на которого была взвалена вина, напечатал брошюру с изложением хода дела и рассылал ее в массе экземпляров. Затем уже стали слышаться жалобы на протекционизм и пристрастие Сухомлинова и на то, что он сам мало работает и дел не знает. Широкая публика в последнем не имела основания сомневаться, так как его постоянно можно было видеть то гуляющим, то на скачках, то в театре, то в ресторанах. Позже пошли еще худшие слухи — что он бе-

рет взятки! За справедливость этих слухов говорили, с одной стороны, широкие траты Сухомлинова на жизнь, а с другой — чрезвычайно темные личности*, бывшие своими людьми в доме Сухомлиновых, которые не стеснялись показываться с ним в ресторанах.

Все эти сведения и слухи уже давно подорвали репутацию Сухомлинова, но государю он был люб и тот удерживал его в должности. Только катастрофа, постигшая армию вследствие недостатка снарядов, виновником которой считали Сухомлинова, заставила государя расстаться с ним.

Насколько я знаю, Военное министерство действительно было сугубо виновато в этом деле. Я упоминал, что норма запаса в тысячу патронов на орудие была установлена мною, причем в то время эта норма казалась не только достаточной, но, пожалуй, даже широкой. Норма затем не подвергалась изменению, и с таким запасом патронов мы вступили в войну. Не знаю, были ли со стороны артиллеристов до войны обоснованные ходатайства об усилении этого запаса? Я лишь слышал, что бывший начальник Генерального штаба Жилинский указывал на желательность такого усиления, но не знаю, насколько его доводы были убедительны. Во всяком случае, в моем распоряжении нет данных для того, чтобы винить Сухомлинова в том, что он не увеличил до войны норм запасов. Притом, кажется, и во Франции эта норма была не больше нашей, так что и там не предвидели чрезвычайного расхода снарядов. Но размер этого расхода стал столь очевидным тотчас по открытии военных действий, и уже в конце августа 1914 года из армии стали поступать самые тревожные сведения об этом**. Очевидно, что с этого времени Военное министерство должно было проявить полную энергию в изготовлении патронов, привлекая к этому делу все технические средства страны, а с другой стороны — просить начальство армии временно беречь патроны. В первом отношении Министерство действовало вяло и не только

---

* Среди них упомяну лишь о полковнике Мясоедове, казненном потом за шпионство, о еврее Алтшуллере, заподозренном в шпионстве, но скрывшемся, о родственнике Сухомлиновой, Гашкевиче, внезапно разбогатевшем на каких-то темных делах.

** Такого рода документ, относившийся к августу 1914 года, мне в августе 1915 года показывал генерал-адъютант Пантелеев.

не хлопотало о привлечении к работе возможно большего числа заводов, но даже отказывало заводам, просившем о даче нарядов на патроны!*. Это уже несомненно являлось преступным легкомыслием и бездействием власти, имевшими самые пагубные последствия. Предупредило ли Министерство Ставку** о нехватке патронов и необходимости беречь их, я не знаю.

Несчастье, постигшее Россию, было так велико, и общественное мнение было до того возбуждено против Военного министерства, что правительство не признало возможным ограничиться отставкой Сухомлинова. Поэтому Горемыкин испросил у государя образование Верховной комиссии «для всестороннего расследования обстоятельств, послуживших причиной несвоевременного и недостаточного пополнения запасов воинского снабжения армии». Сверх того были созваны Государственный Совет и Дума и решено привлечь их членов к заведованию делом удовлетворения нужд армии. Из членов Думы и Совета предполагалось образовать Особое совещание под предводительством военного министра, подчинив его руководству в отношении довольствия армии (и населения) не только Военное министерство, но и Главное управление землеустройства и земледелия (заготовка хлеба), Министерства торговли и промышленности (заготовка топлива) и Путей сообщения (перевозки). Правительство, таким образом, само должно было признать свою несостоятельность и поступило умно, сделав это по собственной инициативе.

Государь 23 августа сам вступил в командование армиями, находившимися в то время в самом критическом положении. Почему он тогда, после тринадцати месяцев войны, решился это сделать, я не знаю. Как я уже говорил, это отвечало давнишнему его желанию, но может быть именно тяжелое положение армии побудило его на этот шаг? Но кро-

---

* Н. Н. Игнатьев мне рассказывал, что один директор горных заводов на Урале, живший на своей даче в Куоккале, с которым он часто ездил по железной дороге, ему говорил, что он, начиная с осени 1914 года, раза три предлагал Военному министерству поставку снарядов, но получал отказы. Первый заказ на снаряды он получил лишь летом 1915 года.

** Штаб верховного главнокомандующего обыкновенно назывался Ставкой.

ме того, насколько было известно, отношение государя к великому князю Николаю Николаевичу стало довольно натянутым и может быть это оказало влияние. Великий князь был назначен главнокомандующим на Кавказе вместо престарелого графа Воронцова-Дашкова.

Правительственный проект образования Особого совещания в Государственной думе был переделан. Дума предложила образовать четыре отдельных совещания при четырех министрах; в таком виде законопроект поступил в Совет, где для его обсуждения была образована комиссия из двадцати членов. Я был членом этой комиссии и правая группа желала видеть меня председателем ее, но комиссия двенадцатью голосами против восьми избрала в председатели графа Коковцова, так что эта обуза меня миновала. Комиссия на семи заседаниях рассмотрела проект, который затем был принят Советом.

Я лично считал, что от этих совещаний не будет никакой пользы и они учреждаются только для успокоения общественного мнения и дабы избежать критики прежней деятельности правительства со стороны палат; за дальнейшие же действия палаты сами брали на себя ответственность, так как в их обсуждении должны были участвовать их же избранники. Таким образом, совещания обращались в будущем в ширмы, за которыми могло прятаться правительство. Участвовать в подобном совещании мне вовсе не улыбалось; к тому же состав этих совещаний был намечен большой и можно было предвидеть, что они обратятся в скучные говорильни.

Мой приятель Воеводский вполне разделял мое мнение и также не желал попасть в члены этих совещаний. Избрание членов производилось по группам; перед заседанием нашей группы мы вдвоем составили список кандидатов от правой группы и опрашивали, согласны ли они идти в члены такого-то совещания? Все изъявляли согласие принять избрание и лишь некоторые заявляли, что предпочли бы быть членами не того совещания куда мы их наметили, а другого, и мы их перемещали; на вопрос, почему мы сами не включили себя в список, мы заявляли, что стоим слишком близко к Военному министерству, а в члены нужны люди беспристрастные, относящиеся более критически к делам Министерства. Вскоре наш список был готов, подвергнут обсуждению и принят.

Мы оба в члены совещания не попали, чему были искренне рады. Я думаю, что многие, согласившиеся принять избрание, потом очень о том жалели.

В состав Верховной комиссии были назначены: председателем член Госсовета генерал Петров, а членами: вице-председатель Госсовета Голубев, член Госсовета Наумов, товарищ председателя Госдумы граф Бобринский, генерал-адъютант Пантелеев и сенатор Посников. Комиссия тотчас принялась за свое дело. 7 августа Пантелеев был у меня и предупредил, что Петров желал бы пригласить меня в Комиссию, чтобы допросить меня; я изъявил полную свою готовность прийти в Комиссию, но предупредил, что мало могу сказать ей. При моем ответном визите к Пантелееву он мне показал кое-какие документы, уже полученные Комиссией.

В Верховную комиссию меня пригласили на 18 августа, к трем часам. В этот день я был в Финансовой комиссии, откуда к трем часам пошел в Верховную; меня туда, однако, не пустили, так как она еще выслушивала показания прокурора, ведшего дело о казненном за шпионство полковнике Мясоедове; очевидно, Верховная комиссия усмотрела связь между этим делом, и тем, которое было поручено ей. Допрос прокурора окончился в четверть пятого, и тогда меня позвали из Финансовой комиссии. Когда я вошел, в Комиссии еще продолжались разговоры, вызванные предыдущим допросом; к моему удивлению, уже ставился вопрос об аресте Сухомлинова. Я лишь мог рассказать Комиссии, как был установлен при мне размер боевого комплекта. Далее я высказал мнение, что я сомневаюсь в возможности упрекать Сухомлинова за то, что он не увеличил этого размера, и что его ответственность начинается собственно со времени выяснения чрезвычайного расхода снарядов; все же я пробыл в Комиссии полтора часа.

Верховная комиссия вела все дело крайне секретно, и я лишь изредка слышал о нем кое-что от Пантелеева. Порученное ей дело она закончила лишь в начале 1916 года, так как оно было весьма сложным и требовало допроса многих лиц, из коих некоторых приходилось вызывать из армии.

После одобрения Государственным Советом закона об особых совещаниях и их образовании, 3 сентября, сессии Совета и Думы были закрыты с указанием, что палаты бу-

дут созваны вновь не позже ноября. Эта сессия, с 19 июля по 3 сентября, была вначале крайне тяжела вследствие стоявшей в городе жары, кроме того, она была крайне неудобна для большинства членов обеих палат, так как была созвана неожиданно и в необычное время. Я уже говорил, что не предполагал, чтобы она могла быть продолжительной, поэтому мы переехали в город без прислуги; но когда выяснилось, что сессия затягивается, пришлось выписать с дачи кухарку. Не теряя надежды еще вернуться на дачу, мы там оставили госпожу Аустин с горничной.

Заседаний в Совете было немного*; проводить свободное время в душном городе было крайне противно, потому мы при малейшей возможности выезжали за город: два раза к себе на дачу (на четыре и пять дней) и три раза в Куоккалу к Игнатьевым, у которых мы провели шесть дней. Все же эта жизнь в городе была крайне тосклива и хотелось пожить еще на воздухе; возвращаться на дачу в сентябре уже не стоило. Мой тесть звал нас к себе, в Полтавскую губернию, но в это время железные дороги на Западе были запружены беженцами и проехать по ним было бы крайне неудобно, а потому мы отказались от поездки туда и решили ехать в Кисловодск, благо туда еще ходили курьерские поезда со спальными вагонами. Летний сезон в Кисловодске уже кончился, поэтому можно было надеяться найти там хорошее помещение и пожить спокойно в теплом климате недели три-четыре.

Мы выехали из Петрограда 19 сентября. Телеграмма, посланная в гостиницу «Россия» об оставлении нам комнат, ко времени нашего приезда еще не дошла; затем выяснилось, что эта гостиница закрывается с 1 октября на всю зиму; после поисков мы нашли комнату в «Гранд-отеле», оказавшемся крайне шумным. Вполне удобно и уютно мы устроились только через неделю с переездом в санаторий Ганешина, где и продовольствие было отличное.

До конца сентября погода была отличная, подчас даже жаркая; в октябре уже было свежо, иногда даже выпадал

---

* За 46 дней сессии было 11 заседаний Общего собрания, 8 — Финансовой комиссии и 7 — комиссии об особых совещаниях; из них я пропустил 2 в Общем собрании и одно — в Финансовой комиссии, вследствие отъезда на дачу.

снег, который, однако, скоро таял. Мы, собственно, не имели в виду лечиться в Кисловодске, но думая, что нарзанные ванны могут быть полезны, обратились за указаниями к врачу, который нам прописал как ванны, так и водопой; я взял двадцать ванн, а жена — пятнадцать. Не знаю от чего, от ванн или от горного воздуха, я в Кисловодске чувствовал себя как-то неуверенно, как будто на прогулке могу упасть или может приключиться что-либо иное; но, в общем, мы себя чувствовали отлично, так что не хотелось покидать Кисловодск, и мы два раза откладывали свой отъезд и выехали обратно только 27 октября, прожив в Кисловодске пять недель.

В Петрограде уже жизнь несколько изменилась под влиянием войны. Переполнение города лазаретами и беженцами при расстроенном подвозе по железным дорогам уже сказывалось в смысле вздорожания и даже недостатка некоторых продуктов; раньше всего оказался недостаток в сахаре. Еще в конце августа в наших окрестностях вовсе нельзя было найти сахара и только на Невском еще продавали, но не более пяти фунтов в одни руки. В Кисловодске мне удалось получить ящик сахара (шесть пудов), и, благодаря этой покупке, мы уже были обеспечены сахаром надолго. Затруднения были и в отношении получения хорошего масла, поэтому мы стали получать его при посредстве родных из Финляндии. Разменное серебро совсем исчезло из обращения и было заменено почтовыми марками в 20, 15 и 10 копеек, выпущенными в 1913 году по случаю Романовского юбилея с портретами Александра I, Николая I и Николая II; первые такие марки мне пришлось получить при возвращении из Кисловодска. Скопление беженцев в столице занесло в нее и всякие болезни, в том числе и оспу, поэтому мы весной делали себе прививку, которая у нас обоих принялась. Все же жизнь в Петрограде шла по-прежнему, и только возросшая дороговизна ее заставила несколько стесняться в расходах. Эта же дороговизна значительно охладила прежнюю готовность к добровольным пожертвованиям на нужды армии: сборы на улицах стали давать меньше, а домашние работы по изготовлению подарков для армии значительно сократились*. Правда, что и нужды армии стали обслуживать-

---

* Жена в этом году впервые бывала на работах для армии, производившихся дамами в Зимнем дворце.

ся много полнее, благодаря широкому содействию вновь возникших общественных организаций — Общеземского и Общегородского союзов, оперировавших на средства, которые им широко отпускались из казны. Правительство, вынужденное еще летом сознаться в своей несостоятельности и призвать членов Совета и Думы к сотрудничеству, склонилось и перед этими союзами и отпускало им сотни миллионов, не требуя в них отчета!

Государственный Совет в этом году уже не собирался, но его Финансовая комиссия с 30 ноября стала рассматривать государственную роспись на 1916 год и до конца года имела двенадцать заседаний. На первом же из них, при рассмотрении сметы Государственного контроля, я упрекнул Контроль в неосмотрительной выдаче союзам денег. Присутствующий в комиссии товарищ государственного контролера (Малкин?) с большой самоуверенностью ответил, что Контроль по закону не проверяет городских и земских расходов, а потому не обязан проверять и расходов, производимых союзами; однако, сами союзы попросили содействия Контроля к установлению отчетности, и Контроль назначил для сего лицо, к указаниям которого союзы относятся весьма внимательно. Я заявил, что этот ответ меня вовсе не удовлетворяет. Существующий закон имел в виду лишь расходы, производимые городами и земствами из собственных средств, а не из казны; очевидно, что с изменением характера и источника расходов, упомянутый закон подлежал изменению, о чем должен был хлопотать сам Контроль! Не сделав этого, он теперь, опираясь на букву уже устаревшего закона, говорит, что не обязан следить за употреблением казенных сумм, даваемых союзам. Формально он может быть и прав, но несомненно виновато все правительство в том, что оно разрешило выдачу казенных сумм, не установив наблюдения за их расходованием; лишь обращенная к Контролю просьба союзов помочь им в установлении отчетности привлекла Контроль к такому наблюдению, но очевидно недостаточному, через одного чиновника, и правительство несомненно виновато в неосмотрительном расходовании казенных средств!

Мне не возражали, но председатель Комиссии Дмитриев поспешил перейти к другому вопросу — какая-либо крити-

ка деятельности общественных организаций в то время была крайне непопулярной: только от них и ждали той живой и энергичной работы, которой правительство, очевидно, не в состоянии дать! Лишь некоторые члены комиссии (помню, например, Воеводский) потом высказывали мне свое согласие с моими замечаниями, но в Комиссии они молчали*.

Сессия Финансовой комиссии представляла большой интерес по тем объяснениям, которые в ней давали члены правительства. Так, в середине декабря нам давали свои объяснения Сазонов и Поливанов. Сазонов нам сообщил весьма интересные тогда вести: наши союзники признали свою атаку на Галиполи совершенно неудавшейся, и наши войска на Балканы не пойдут. Поливанов сообщил нам сведения о состоянии армий и их снабжения: из приведенных им цифр у меня сохранилась запись лишь некоторых. На трех европейских фронтах у нас было налицо 3800 тысяч человек, а на Кавказском — 360 тысяч. Винтовок у нас не хватало 860 тысяч; из Западной Европы ожидалось более 1200 тысяч винтовок, из коих 300 тысяч — уже были в Архангельске; грузовых моторов уже имеется 10 тысяч, а к маю будет 20 тысяч штук. Изготовление патронов для полевой артиллерии удалось усилить и оно все более развивается, так что предвидится возможность обильного снабжения ими армий.

С Поливановым у меня были по-прежнему хорошие отношения, но из принципа я его ни о каких секретах не спрашивал; и до того у него уже почти не бывал, особенно с тех пор, как жена его после потери единственного сына (убитого на войне) вовсе перестала принимать кого-либо; теперь же, когда он был завален работой, я тем более не хотел навещать его. Мне, однако, пришлось зайти к нему по личному вопросу.

Мой тесть 13 ноября по телефону сообщил о получении письма от дальнего родственника, высказывавшего ему соболезнование по поводу смерти его сына: он слышал, что Воло-

---

* Лидер правой группы, Петр Николаевич Дурново, скончался летом этого года. Он был членом Финансовой комиссии и никогда не стеснялся высказывать вполне откровенно свое мнение; он несомненно поддержал бы меня самым решительным образом. Вместо него в середине августа был избран лидером граф Бобринский, который был крайне осторожен и дипломатичен в своих выступлениях.

дя убит под Тернополем осколком гранаты. Почта и телеграф были завалены и получить этим путем сведения о Володе было мало надежды; я поэтому поехал к Поливанову просить его о наведении официальной справки. Поливанов жил в казенном доме на Мойке; въезжая туда, он сменил всех служащих при доме, а секретарем взял сына моего приятеля Шильдера. Мне было довольно странно входить просителем в этот дом и просить о чем-либо Поливанова! Он мне обещал немедленно запросить Ставку, которая соединена особыми проводами со всеми крупными частями армии. Через двое суток, 15 ноября, Поливанов сообщил мне по телефону, что им получена телеграмма командующего 10-й кавалерийской дивизии генерал-майора Маркова, гласящая: «Штабс-ротмистр Холщевников жив, ранен». Таким образом наша тревога на счастье оказалась напрасной.

Володя, по-прежнему писал редко; более обстоятельные сведения о нем мы получали от приезжих из армии, которых он направлял к нам; эти приезжие, возвращаясь в армию, охотно отвозили ему посылки от нас. Всю эту зиму их дивизия была на южном конце нашего фронта, где несла службу пехоты: части ее по очереди то занимали окопы, то стояли в виде поддержек в ближнем и дальнем резервах; служба эта была тосклива и однообразна, даже перестрелки были редки. В октябре Маруся, долго не получавшая писем от мужа, сама поехала к нему и прожила у него недели три. Володя очень томился этой жизнью, вновь стал мечтать о воздухоплавании и просил устроить ему командировку в воздухоплавательную школу, сам он об этом просить не мог, так как был уверен, что командир корпуса граф Келлер его недолюбливает и его ходатайства не пропустит. Я еще не знал, как ему помочь, когда Поливанов 20 декабря заехал к нам с визитом. Жена попросила его устроить Володе командировку в школу. Он обещал попросить об этом начальника воздушного флота, великого князя Александра Михайловича. Я хорошо знал, что этим путем легко устроить прикомандирование к школе, но для меня такой путь был закрыт после моего столкновения с великим князем. Поливанов сдержал слово, и уже к Новому году последовало распоряжение о командировании Володи в школу, учрежденную в Киеве. За дело, в котором он был ранен, он в

сентябре уже был награжден орденом Владимира 4-й степени с мечом и бантом — высокой наградой для молодого офицера.

В начале сентября ко мне зашел князь Андроников с просьбой помочь ему войти в милость у Поливанова, который не хотел его принимать, но я от этого уклонился. Андроников говорил, что назначение Поливанова состоялось по просьбам великого князя Николая Николаевича и принца Александра Петровича Ольденбургского*, но что государь и молодая императрица не доверяют ему, как другу Гучкова; ввиду этого он по назначении получил приглашение жить в отведенной ему квартире в Царском Селе, где за ним наблюдали и подслушивали все его разговоры по телефону. Если это правда (чему я готов поверить), то получается чрезвычайно странное положение: на наиболее важную в то время должность военного министра было назначено лицо, считавшееся неблагонадежным и не пользующееся доверием государя! Далее Андроников говорил, что вообще против Поливанова существует при Дворе сильная партия. Своим положением Андроников был очень доволен; он говорил, что будет издавать газету, на которую ему обещана субсидия, и что он будет независим от цензуры, так как он через генерала Воейкова (дворцового коменданта) всегда может добиться разрешения любой статьи.

Про шаткость положения Поливанова шли упорные слухи, и по моему возвращению из Кисловодска мне говорили, что на его место прочили и меня**; наиболее же вероятным кандидатом считали генерала Лукомского.

Вероятно, те же слухи о возможности моего возвращения в Министерство побудили Рыковских и их дочь желать, чтобы я был крестным отцом их внука (сына), но ввиду долгого нашего отсутствия, они пригласили для этой роли министра внутренних дел Хвостова! Муж их дочери Попов (испросивший себе фамилию Попов-Рыковский) состоял по-прежнему при графе Воронцове-Дашкове без дела, но уже

---

* Принц Ольденбургский был начальником эвакуационной части с громадными полномочиями. Поливанов одно время был его помощником.

** Слухи эти заставили некоторых военных дам усиленно ухаживать за И. В. Игнатьевой, как близкой к... (Так в тексте — *Сост.*).

в чине полковника; его жена пользовалась большим расположением графини Воронцовой; благодаря этому и своим большим средствам, они играли какую-то роль в Тифлисе. Все круто изменилось в конце августа, с уходом Воронцова с Кавказа, так как на роль адъютанта и иных бездельников новый главнокомандующий привез своих лиц. Попов уехал в отпуск в Петроград, искать себе другой должности; я рекомендовал ему вернуться в строй, что в то время было очень легко, но Рыковские наметили иную комбинацию — устроить его для поручений при министре внутренних дел; для этого, однако, нужно было согласие Поливанова и в ноябре меня просили добыть его. Мне не стоило труда убедить Поливанова, что вполне безразлично, будет ли Попов бездельничать в Тифлисе или Петрограде, и назначение Попова вскоре состоялось.

В конце ноября Рыковские зазвали нас к себе в Павловск к обеду; оказалось, что они ждали к себе Хвостова, но он сам не мог приехать, а были только его тетка и сестра, за которыми ухаживали усиленно. Около одной из них мне пришлось сидеть, и она мне сказала, что Хвостов не мог быть, так как ему неожиданно пришлось поехать с докладом к императрице. На мой недоуменный вопрос, по каким же делам он ей докладывает, она сказала, что, за отсутствием государя, ей докладываются все важнейшие дела и удивилась, когда я сказал, что этого раньше не было. В обществе уже давно ходили слухи о вмешательстве императрицы в государственные дела и о том, что некоторые министры ездят к ней с докладами, но тут я впервые услышал подтверждение этих слухов. Говорили, что Горемыкин, ради сохранения своей должности, тоже ездил к императрице и был ее покорным слугой. Такое вмешательство императрицы могло быть только вредным как по незнанию ею дел, так и потому, что она была окружена взяточниками и авантюристами, как знаменитый Распутин, который за деньги обделывал любое дело, так как ему ни в чем не было отказа, Воейков, Андроников и им подобные.

В течение 1915 года я получил два знака отличия: знак отличия «За беспорочную 40-летнюю службу» и орден Святого Владимира 1-й степени, оба при довольно странных обстоятельствах.

В марте ко мне заехал чиновник Государственной канцелярии Комаров, состоявший секретарем при и. д. председателя Совета Голубеве с вопросом: желаю ли я получить знак отличия, на который я уже имею право? Он мне объяснил, что государственный секретарь Крыжановский, держась буквы закона, запретил Государственной канцелярии напоминать членам Совета, выслужившим право на его получение; но Голубев, зная, что большинство членов не интересуется этим знаком и тем, когда они получают право на него, поручил Комарову частным образом сообщить кому следует, что они уже имеют право на знак. Тут сказалося крайне оригинальное положение председателя Совета, которому Государственная канцелярия была совсем не подчинена, хотя она и обслуживала все нужды Совета! Я вовсе не думал об этом знаке; но узнав о своем праве на него*, я счел долгом просить о его пожаловании, о чем и написал Крыжановскому. Знак этот я получил в сентябре. Его полагается носить даже на сюртуке, но я этого не делал.

Относительно ордена Святого Владимира 1-й степени я как-то просил Воеводского узнать у своего брата**, когда он мне будет причитаться? Я на него еще претендовать не мог, так как последний орден получил на Святую 1912 года, следовательно, менее четырех лет тому назад, а между тем, по правилам требовалось не менее пяти лет; я лишь интересовался тем, чтобы меня ввиду немилости государя не обошли наградой. Воеводский вскоре мне сообщил, что членов Совета представляет к наградам уже не Танеев, а председатель Совета. Не довольствуясь этим, Воеводский сказал лидеру нашей группы, графу Бобринскому, что я опасаясь обхода меня наградой. Такой обход действительно произошел 6 декабря: генерал-адъютант Алексеев, бывший наместник на Востоке, который в Совете решительно ничего не делал, получил Владимира 1-й степени по выслуге всего трех лет, по совершенно незаконному представлению морского министра. Бобринский переговорил с председателем

---

* Для получения знака требуется 40 лет офицерской службы, из которой вычитаются отпуска, каковых у меня оказалось 11 месяцев и 29 дней.

** Он был помощником Танеева — главнокомандующего собственной его величества Канцелярией.

Совета Куломзиним, который заявил, что он уже об этом думал и испросил мне орден на Новый год. Я его получил вечером 31 декабря. Он являлся довольно редкой наградой, так как по спискам Капитула орденов на 1 января 1916 года было всего 52 кавалера Владимира 1-й степени.

В течение 1915 года я продолжал стремиться к убавке своего веса, соблюдая умеренность в пище; действительно, я в течение года сбавил вес до 86 килограмм, то есть на полпуда; происходило это постепенно и незаметно, без особого чувства голода, от которого я страдал в начале, когда задался целью похудеть.

Я упоминал уже, что хотел выйти из состава Финансовой комиссии; пробыв в ее составе с осени 1909 года, я считал, что уже имею право отдохнуть, представив работу в Комиссии более молодым членам Совета; но сверх того, у меня все более усиливалось желание вовсе оставить Совет, так как я особенно тяготился заседаниями Общего собрания. Для этого было простое средство — стоило лишь попросить о перечислении меня в неприсутствующие члены Совета. Это дало бы мне право жить в любом месте и обзавестись усадьбой, где я мог бы проводить большую часть года. Однако, я находил неудобным отказываться от работы во время войны и решил ждать до ее окончания, когда в Совете, несомненно, должно было прибыть много новых членов из военных — участников войны. Тем не менее, я уже начал интересоваться продающимися усадьбами и в апреле зашла речь о покупке небольшого имения вместе с Мирбахом, но от нее пришлось отказаться, так как в имении не оказалось усадьбы. Капитал мой был еще весьма мал, а жизнь в деревне была бы весьма дешевой и там некуда было бы девать мое содержание.

В 1915 году начались мои хлопоты за племянников, сыновей сестры Лизы. Имея очень хорошее состояние, они, однако, оба старались увеличить его разными спекуляциями, как-то: постройкой и покупкой домов с большими долгами на них; не довольствуясь этим, они надумали заняться импортом медикаментов из Швеции и в марте обратились ко мне за содействием к получению заказов. Отказав им в этом, я вообще отсоветовал братья за дело, в котором они очень

мало понимали. Кажется, они меня не послушались, но не этим мне доставили хлопоты, а своими столкновениями с военными властями в Выборге, в крепости, объявленной на военном положении, где военное начальство было всеильно.

Недоразумения начались у младшего, Николая. В его имени, расположенном у Сайменского канала, начались обширные фортификационные работы, и поэтому там должен был жить жандармский унтер-офицер, которому он отвел квартиру не по его вкусу, а тот донес по своему начальству, что Николай неблагонадежен. Вдобавок Николай еще поступил грубо с офицером, жившим в его доме и нарушившим контракт. В результате Николаю дали нагоняй и даже пригрозили ему высылкой из крепости. Дело это мне удалось уладить, написав коменданту крепости письмо, в котором я удостоверял политическую благонадежность Николая. Старший его брат Виктор тоже попал под подозрение, но рассказ об этом относится уже к 1916 году.

В ноябре мы с женой съездили на один день в Выборг на свадьбу моей первой внучки.

Молодой Лишин, вследствие вызванной войной большой потребности в офицерах, попал в офицеры раньше обычного срока. Произведенный в августе в мичманы, он был назначен на крейсер «Громобой» и был сначала очень доволен выпавшей на него большой работой: он был назначен вахтенным офицером, командиром полуроты (смены), командиром двух плутонгов и шлюпки; про команду крейсера он мне писал, что она очень хороша в боевом отношении, но немного распушена. В декабре, когда наш флот стоял неподвижно во льдах, он получил отпуск и приехал в Петроград; его рассказы про настроение команд и порядок во флоте были неутешительны; слышанное от него я рассказал Воеводскому, который пожелал побеседовать с ним, поэтому я у себя устроил им беседу. Лишин всегда мечтал о лихой службе на миноносце и просил моего содействия к переводу его на таковой, и я 21 декабря письменно просил о том морского министра Григоровича, но долго не получал ответа. Когда я ему при личной встрече напомнил о моей просьбе, выяснилось, что в молчании был виноват Главный морской штаб, и вслед за тем Лишин был переведен на один из миноносцев.

Мать Лишина должна была, вследствие эвакуации Риги, выехать в Петроград, где ее дочь поступила на Высшие курсы. Лишины часто бывали у нас.

Барышевы, бывшие постоянными нашими посетителями, осенью переехали в Одессу, где он получил должность преподавателя консерватории и пел в опере.

В конце июля к нам явилась с рекомендацией от Н. А. Раунер очень милая барышня Лорх. Ее родители жили и служили в Москве, отец числился турецким подданным; ввиду начавшейся войны с Турцией они были лишены службы, поэтому положение семьи стало бедственным. Она просила моего содействия к переводу их в русское подданство. Такие переводы были вовсе запрещены на время войны, поэтому помочь ей было крайне трудно. На ее счастье, за это дело взялся Н. М. Каменев, имевший массу знакомых; благодаря его хлопотам, просьбам и напоминаниям, разрешение на перемену подданства удалось получить через полгода, в феврале 1916 года.

От нашего бывшего лакея, Семена Панина, я в течение года получил из австрийского плена пять открыток; в плен он попал сильно обмороженным и долго был в лазарете в Богемии, в Йозефштадте, где он и получил от меня денежный перевод. Вот и все, что можно было понять из его писем, пестревших поклонами нам и разным лицам, даже оставалось неясным, сколько же денег ему выдали: я ему послал в первый раз 40 франков, заплатив за них 16 рублей, а он меня трогательно благодарил за полученные им 23 рубля 50 глейсиров. Письма от него шли полтора-три месяца, а одно даже более пяти месяцев; на них были штемпеля лагеря, из которого они шли, и цензуры, австрийской и нашей. На беду, в последних двух открытках Семен не указал своего адреса и на них не было штемпеля Йозефштадского лагеря, а лишь почтовый штемпель «Абону»; очевидно, его перевели в Венгрию; в результате связь с ним для меня была утрачена, и один денежный перевод этого года был мне возвращен за нерозыском его через семь с половиной месяцев после его отправки; дошли ли другие я не знаю.

Литературная моя деятельность уже давно кончилась; последним моим серьезным трудом было третье издание моих академических записок, а после того я лишь помещал мел-

кие статьи в «Разведчике», да и те прекратились в 1898 году*. В январе 1915 года я получил от склада Березовского извещение, что в нем еще лежат мои книги: 200 экземпляров «Унтер-офицерского вопроса» и 80 экземпляров второго издания моих записок, и что в течение одиннадцати лет на них не было спроса, поэтому предлагалось продать их на вес; я с этим согласился и за шесть с четвертью пудов бумаги получил три рубля. Это было окончательно ликвидацией моей прежней литературной деятельности.

В день моего рождения (31 декабря) для встречи Нового, 1916, года у нас по обыкновению собрались близкие люди: мой тесть с женой, Игнатьевы с двумя детьми, Каталей, Лишина с двумя детьми, Каменевы с дочерью, С. П. Немитц и племянник Саша (из Ревеля). Устроить ужин не представляло еще особого затруднения, но добыть вино было трудно, так как во время войны оно продавалось только по предъявлении докторского свидетельства. Такое свидетельство (на шампанское, коньяк, белое и красное вино, всего по пять бутылок) мне добыл наш недавний знакомый, хан Эриванский**, но я его получил так поздно, что успел использовать только в январе. Поэтому пришлось через Игнатьевых добывать кавказское вино, а Каменевы дали нам займы две бутылки шампанского. Таким образом, ужин удалось обставить прилично и в отношении напитков.

На второй день Нового года я заехал к Воеводскому поблагодарить его за хлопоты о моей награде. Швейцар его мне, однако, заявил, что тот несколько дней тому назад опасно заболел, поэтому никого не принимают. От его брата я по телефону узнал, что у него был удар, но ему уже лучше. Воеводский был на несколько лет моложе меня; он мне говорил, что рано женился и всегда вел очень скромную жизнь; он пользовался цветущим здоровьем и любил делать большие прогулки. Только в 1915 году он начал несколько

---

* После того я «печатался» только раз: 22 октября 1914 года в «Инвалиде» была напечатана без подписи статья: «Из писем кавалерийского офицера с театра войны», составленная мною на основании писем Володи. Полученные за нее деньги я вручил Володе; это, очевидно, его единственный литературный заработок.

** Свидетельство было выдано на имя княгини Нахичеванской, с которой мы не были знакомы.

жаловаться на свое здоровье, которое, вероятно, подорвала постоянная тревога за судьбу трех сыновей, офицеров Кавалергардского полка. Один из них, заболев тифом, лечился у него на дому, и наступившее (временное) ухудшение его здоровья было поводом заболевания самого Воеводского. Я письменно просил его жену сообщить мне, если Воеводский, поправившись, пожелает меня видеть. Я получил такое приглашение только 31 января, его застал еще слабым, в кровати и пробыл у него недолго. В мае он появился как-то в Государственном Совете и затем уехал в отпуск. Вследствие болезни Воеводского мне в течение всего года пришлось быть докладчиком Финансовой комиссии по всем делам морского ведомства.

В середине января Горемыкин был уволен от должности премьера и заменен Штюмером²⁴. Последнего я знал, так как с 1909 года был с ним вместе в Финансовой комиссии; он производил на меня довольно бесцветное впечатление: говорил редко, а когда ему приходилось докладывать дела, то говорил длинно, приводя всякие ненужные подробности*. Не зная его предыдущей службы, я считал, что он, может быть, когда-то был деятелем, но от старости уже стал куда не годным. Он был членом правой группы. Назначение его премьером вызвало общее удивление. До того о нем никто не говорил, так как никто им не интересовался; теперь же пошли рассказы о нем и о прежней его деятельности, заставлявшие еще больше удивляться его назначению. Из этих рассказов помню слышанное мною от Унтербергерера, что Штюмер, будучи губернатором в Ярославле (или Костроме), всем должен и брал взятки. Унтербергерер был тогда губернатором в Нижнем и много слышал про деятельность Штюмера, так как, по его словам, сведения об этом расходились по Волге, как по трубе. Не имея никаких данных для того, чтобы быть полезным деятелем на должности премьера, Штюмер, очевидно, ее получил с тем, чтобы быть послушным исполнителем получаемых указаний. Тем более курьезно было то, что он, приняв всерьез свое назначение главой правительства, стал объезжать отдельные министерства и говорить их чинам речи, чего до него не делал ни один

* Он постоянно был докладчиком по сметам и делам Министерства иностранных дел и Святого Синода.

премьер. Впоследствии он был еще назначен министром иностранных дел, и это заставило опасаться за направление нашей политики.

Финансовая комиссия имела в январе три заседания и этим закончила свою подготовительную работу к сессии Совета. Последний был созван на 9 февраля, первое заседание было назначено в этот день, вечером, так как утром правительство должно было присутствовать на открытии сессии Думы. Днем 9 февраля меня из Совета предупредили по телефону, что вечером надо быть, по обыкновению, в сюртуках; хотя дальнейших объяснений мне по телефону не дали, но я все же догадался, что в Совете ждут государя.

В Совете я застал большое волнение ввиду ожидавшегося приезда государя. Там я узнал, что он утром уже был в Думе. Многие члены Совета спустились в вестибюль, чтобы встретить государя там, другие стали на лестнице; когда я подошел к лестнице, мне осталось место на средней площадке, где я и стал. Государь приехал в четверть девятого с братом, великим князем Михаилом Александровичем, и мы его встретили криками «Ура!». Он поднялся по лестнице, изредка здороваясь с кем-либо. Я отвесил глубокий поклон, стоя у самой стены; когда я взглянул на государя, оказалось, что он остановился, чтобы поздороваться со мною. Обойдя помещение Совета и прослушав молебен по случаю открытия сессии, государь сказал окружающим его членам Совета:

«Господа члены Государственного Совета. Я счастлив был посетить Государственный Совет в день открытия его заседаний. Уже давно не был я в вашем здании, с тех пор, как праздновался столетний юбилей Государственного Совета, а раньше у меня связаны с Советом многие воспоминания моего пятилетнего пребывания членом Государственного Совета при покойном моем батюшке. С тех пор Государственный Совет вступил уже во второе столетие своего существования и своей службы царям и Родине. Состав его обновился и значительно пополнился. Выражаю Государственному Совету в вашем лице мою сердечную благодарность за службу вашу и ваших предшественников. Прошу в будущем иметь перед глазами только образ нашей великой и горячо любимой Родины, памятуя, что все разумение и все силы

ваши должны быть отданы беззаветно на служение ей с полным напряжением и по чистой совести. От души желаю вам дальнейшей плодотворной работы на пользу нашей дорогой Родины и на радость мне».

Это необычное посещение Думы и Совета возбудило надежду, что правительство действительно пожелает считаться с палатами и идти об руку с ними, а потому имело заметное значение.

Государственному Совету пришлось раньше всего заняться вопросом о введении у нас подоходного налога, имевшим большое значение не столько по тому доходу, который он мог дать казне, сколько потому, что он являлся первым шагом к перестройке нашей системы податного обложения.

Уже давно начались сетования на то, что большая часть государственных доходов получается от косвенных налогов, которые падают главной своей тяжестью на малосостоятельные массы населения, поэтому нужно ввести прямые налоги, которые позволили бы перенести часть податного бремени на владельцев крупных состояний и сделать его более равномерным. Однако, введение подоходного налога, при котором надо было требовать от массы людей полного отчета в их доходах, вызывало много сомнений, особенно до 17 октября 1905 года. Плательщик, у которого требовали отчета в его личном доходе и брали часть его в казну, несомненно, стал бы, в свою очередь, требовать себе право контролировать через своих уполномоченных расходы казны и участвовать в обсуждении сметы. Поэтому, хотя введение подоходного налога уже давно признавалось желательным, опасение, что его последствием неизбежно явится необходимость дарования конституции, заставляло отказаться от этой меры и лишь вводить постепенно разные суррогаты этого налога, вроде квартирного налога, вычета известного процента из содержания служащих и тому подобное.

С учреждением Думы упомянутое политическое препятствие к введению подоходного налога отпало. Министерство финансов разработало проект закона о таком налоге и внесло его в Думу. Там он, однако, пролежал несколько лет и хотя и обсуждался в комиссиях, но, по сложности и спорности возбужденных им вопросов, дальше не двигался. Только ввиду необходимости найти новые средства для покры-

тия дефицита в бюджете, получившегося с отменой продажи водки, Дума решительно двинула это дело вперед и, отбросив сомнения, приняла законопроект и направила его в Совет. Наша Финансовая комиссия его рассмотрела и, не взирая на некоторые несовершенства его, положила принять его ввиду спешной необходимости дать казне новый источник дохода и еще более ввиду того, что отказ в утверждении закона был бы приписан своекорыстию Государственного Совета и отсутствию у него патриотизма.

Члены Совета, не участвовавшие в Финансовой комиссии, только теперь стали знакомиться с законопроектом и обсуждать его в партиях; все партии отнеслись к нему с сочувствием, кроме правой, в которой против него было предъявлено множество возражений: против прогрессивности обложения, против исчисления размера дохода от имений и других частностей. Не возражая принципиально против введения подоходного налога, правая группа положила обстоятельно обсудить и переработать законопроект, а так как при этом введение нового налога было бы отложено по крайней мере на год, то предложить взамен его увеличить на год некоторые другие налоги. Дебаты были длительные и горячие: когда был поставлен вопрос, переходить ли к постатейному обсуждению проекта, то за переход высказалось 90 голосов против 53 голосов правой группы; я голосовал против своей группы, за переход. В конце концов закон был принят с некоторыми поправками, на которые Дума согласилась.

Весенняя сессия Совета продолжалась до 22 июня с перерывом для Святой на шесть недель. За это время я был на 32 заседаниях Общего собрания, 13 заседаниях Финансовой комиссии и 5 заседаниях правой группы.

Жизнь в городе уже становилась заметно дороже и труднее. Особенно остро чувствовался недостаток извозчиков, вызванный недостатком и дороговизной фуража в городе; недостаток извозчиков, в свою очередь, вызвал переполнение трамваев, действовавших и без того неудовлетворительно вследствие недостачи вагонов и несвоевременного их ремонта. Поэтому передвижение на большие расстояния стало крайне затруднительным, особенно по вечерам. Уже в январе жене пришлось, чтобы попасть в оперу, пройти пешком почти все расстояние от нас да Марининского театра (версты

четыре), и на обратном пути оттуда она тоже не скоро нашла извозчика; в Совет мне тоже приходилось идти пешком, если не весь путь, то значительную часть его. Все это значительно стесняло общественную жизнь, но настроение все же оставалось спокойным и в будущее смотрели спокойно. У нас по-прежнему по воскресеньям собирались близкие знакомые, и мы изредка бывали у них.

Жена в этом году вновь взялась за мой большой портрет, начатый в 1909 году. Чтобы облегчить мне позирование, она написала мой портрет в сюртуке, причем я сидел; освещение и поворот головы были те же, что и на большом портрете, чтобы потом перекопировать голову на этот последний. Весной в пятнадцать сеансов (двадцать два часа) был создан (закрашен, по моему выражению) очень удачный поясной портрет; выражение на нем если не грустное, то скучное, но иным оно у меня и не могло быть, так как едва ли что-либо может быть скучнее позирования для портрета.

Наряду с моим портретом был начат портрет Насти Игнатьевой, что послужило поводом для утренних посещений И. В. Игнатьевой. Часто нас навещали Лишины; Анна Николаевна Лишина стала невестой товарища своего брата, мичмана Куфтина, тоже появлявшегося у нас. Мне ближе пришлось познакомиться с сыновьями тети Наташи,левой и Юрой, из коих первый уже был инженером путей сообщения; оба поступили в конце марта вольноопределяющимися в Запасный саперный батальон, чтобы затем готовиться в офицеры.

Мои племянники из Выборга не оставили мысли о коммерческих делах. Младший, Николай, сначала мечтал открыть в Петрограде банкирскую контору, а затем обосновал комиссионерскую контору по получению из Швеции каких-то товаров, а старший, Виктор, основал в Финляндии завод для выделки медикаментов. В мае ко мне приехала их сестра, Теа, и сообщила, что Виктора заподозрили в хранении оружия, произвели у него обыск и обязали не выезжать из своей деревни. Еще раньше было приказано сдать все оружие, но он этого не исполнил, а, устроив в сарае двойную стенку, спрятал туда имевшиеся у него охотничьи ружья. Впоследствии он получил разрешение иметь их у себя и вы-

нул их из потайного хранилища, но о его существовании и о хранении там оружия было сообщено жандармам, которые и нашли тайник; он был пуст, но самое существование его вызвало подозрение. Эта история меня познакомила с отношением Виктора к крестьянам. В имении жило довольно много арендаторов (торпаре); некоторые семьи арендовали свои участки чуть ли не в течение столетия. По инициативе русского правительства, заботившегося о наделении крестьян землей, был издан закон о праве арендаторов выкупать свои земли. Пользуясь какой-то лазейкой закона, Виктор отказал своим арендаторам в продолжении аренды, чтобы не уступить им части своей земли. Поступок этот вполне отвечал финляндским нравам: он поступал по закону, ему не было дела до того, что станется с изгнанными крестьянами. В Финляндии писанный закон действительно свят, но неписанный, нравственный закон — пустая буква; на Руси отношение к обоим видам закона бывает иное! Последствиями такого отношения к крестьянам совершенно естественно были вражда с их стороны и всякого рода доносы жандармам, которые жили в имении при производившихся в нем фортификационных работах. Так например, Виктора обвинили в укрывательстве какого-то финна, совершившего политическое убийство, хотя он его вовсе не знал. Я уже упомянул, что младший брат, Николай, имел столкновение с жандармами; оба брата ездили для завязки коммерческих сношений в Швецию, и их заподозрили, что они оттуда еще ездили в Германию! В общем, получалась весьма тяжелая атмосфера бездоказательных обвинений и сильных подозрений, весьма опасная для лица, живущего в районе крепости, объявленной на военном положении; высылка его из этого района была вполне возможна и даже естественна. Во всем этом были, конечно, виноваты мои племянники, и я не стал бы особенно хлопотать из-за них, но мне надо было это делать ради их матери, очень взволнованной всеми обвинениями, предъявлявшимися к ее сыновьям. Я поэтому отправился к товарищу министра внутренних дел, ведавшему полицией, Степанову, которого я вовсе не знал, и рассказал ему все дело.

Степанов мне сказал, что крепостные жандармы находятся на особом положении, так как они подчиняются коменданту крепости; поэтому они лишь в слабой степени зави-

сят от Министерства; а так как коменданты не сведущи в жандармских делах и обыкновенно от них отрешиваются, то крепостные жандармы de facto не имеют начальства и делают, что хотят. Он мне обещал вытребовать к себе все дело и затем сообщить мне свое решение. Однако, никакого сообщения я не получал и только через три месяца, в августе, узнал из Выборга, что все дело закончено благополучно, и Виктору вновь разрешено выезжать из имения.

Дело Сухомлинова в начале года было закончено Верховной комиссией и, согласно ее заключению, передано в 1-й Департамент Государственного Совета. Департамент постановил назначить следствие по обвинениям, возбужденным против Сухомлинова* и Кузьмина-Короваева; это постановление было утверждено 12 марта и производство следствия возложено на Кузьмина. Я не видел докладов Верховной Комиссии и Департамента; но член Департамента Кобылинский говорил мне, что ему еще не приходилось читать такого грязного дела, хотя через его руки, как старого судебного деятеля, прошла масса всяких дел.

Вслед за тем, 15 марта, Поливанов был уволен от должности военного министра, в которой он пробыл девять месяцев. Имело ли увольнение какую-либо связь с решительным оборотом дела Сухомлинова? Во всяком случае, его положение было ложно ввиду недоверия государя к нему. Его преемником стал Шуваев.

Поливанов почему-то невзлюбил Шуваева и, не желая иметь его главным интендантом, назначил его в армию главным полевым интендантом; там ему пришлось несколько раз докладывать государю, которому он понравился. Действительно, у Шуваева были большие личные достоинства: прямой, вполне честный, усердный работник, он хорошо изучил интендантское дело; не обладая большим умом, он в мирное время едва ли отвечал бы должности военного министра, но теперь, во время войны, когда общее руководство военным делом принадлежало Ставке, а министру лишь приходилось руководить исполнением ее указаний, главным образом, по заготовлению и доставке армии всего ей нужного, Шуваев вполне отвечал своей должности, и его назначение лишь

---

* Незадолго перед тем Сухомлинов был уволен «по прошению» от службы.

можно было приветствовать. Я лично знал его мало, так как видел его лишь в Совете, но он всегда производил на меня отличное впечатление.

Странное впечатление произвело, однако, состоявшееся вскоре назначение помощником военного министра члена Государственного Совета сенатора Гарина, которому были подчинены Канцелярия и хозяйственные управления. Гарин не имел понятия о военных делах и лишь при производстве следствия над интендантами познакомился с ними довольно односторонне. Его назначение произвело такое впечатление, будто среди военных нельзя было найти честного человека и над всеми хозяйственными распоряжениями военного министра нужно постоянное наблюдение следователя! Шуваев при этом назначении вероятно погнался за популярностью в обществе. Тем приятнее мне было слышать потом от Гарина, что он восторгается работой Министерства и особенно Канцелярии; он говорил, что в гражданских ведомствах вовсе не умеют работать так, как в военном.

В середине марта мой тесть с женой уехали в имение и звали нас туда же на предстоявшие пасхальные каникулы. Мы с удовольствием направились на юг из холодного Петрограда. В Киеве приходилось ночевать и мы остановились в грязенькой гостинице Гладынюка, где всегда останавливался и мой тесть. Нас встретили Володя с женой: он все еще был в Киевской воздухоплавательной школе; с ними мы провели в Киеве один день, а на следующий день уже были в Черевках. От станции Переяславской до Черевков мы ехали в высланном нам навстречу экипаже, запряженном четверкой в унос*; такую запряжку мне лишь приходилось видеть у кареты митрополита, и я впервые ехал сам с запряжкой такого вида.

Дом оказался уютным и обширным, с хорошим парком, но вся окрестность была типичной степью, безлесой, однообразной и пыльной, поэтому прогулки ограничивались пределами усадьбы. В имении оказались на работах четыре военнопленных австрийца, два серба и два румына, все из венгерского Баната**, сдавшихся по-видимому добровольно.

* Четверка лошадей, запряженных таким образом, что две коренные выводились вперед (Сост.).

** Так назывались в Ууши (Венгрия) пограничные провинции,

При недостатке рабочих рук они в имении были весьма ценны, хотя собственное хозяйство было маленькое и убогое, и почти вся земля была сдана крестьянам в аренду или из части урожая.

Мы провели в Черевках почти четыре недели; вслед за нами в страстную субботу приехали на три дня Володя с женой, так что мы провели праздники вместе. В первый день Пасхи, когда мы только что стали обедать, (по-деревенски, в два часа), мне доложили, что ко мне приехал офицер от Куропаткина. Выйдя к нему, я увидел фельдъегерского подпоручика Маслова, который вручил мне собственноручное письмо Куропаткина, недавно назначенного главнокомандующим Северным фронтом. Письмо Куропаткина, как всегда витиеватое и многословное, гласило:

«Секретно»

«Высокоуважаемый Александр Федорович.

У меня к Вам, не только от себя, но смело могу сказать, от всех чинов командуемых мною армий, большая просьба: генерал Фролов получил назначение помощника военного министра. Примите на себя тяжелый, огромной важности труд на пользу четырех армий Северного фронта и на пользу России: дайте согласие на назначение Вас главным начальником военных снабжений армий Северного фронта. Этому начальнику в военном и гражданском отношениях подчинены военные округа: Двинский и Петроградский со включением Финляндии. Власть и обязанность огромные.

Сознаю, что после должности военного министра даже такая власть не может казаться Вам чем-то новым и заманчивым. Я в этом важном вопросе обращаюсь к Вашему высокому разуму, благодарному сердцу и испытанному патриотизму. Я прошу выручить армии Северного фронта, помочь им одержать победу. Ваш громадный опыт поможет нам выйти из всех затруднений материальных и духовных, особенно в отношении Петрограда и центральных властей. Вы же один по Вашему опыту и сердцу поможете достигнуть армиям победы без излишнего обременения населения, без излишних стеснений отдельных лиц и групп населения.

но банаты были также в Боснии, Сербии, Валахии и Болгарии. Банаты имели такое же значение, как маркграфства у немцев — пограничные области с военной организацией (Сост.).

Обрадуйте меня несказанно одним словом в депеше ко мне: «согласен».

Всегда преданный Вам, всегда крепко верующий в Вас
3 апреля 1916 г., № 680 А. Куропаткин».

Предложение это явилось совершенно неожиданным, но я, не колеблясь ни минуты, решил ответить на него отказом. Правда, бездеятельность, особенно во время войны, меня сильно тяготила, и я был бы рад получить какое-либо назначение, действительно отвечавшее моему опыту и знаниям, причем готов был бы на время войны поступиться своим самолюбием и подчиниться младшему. Вся моя предыдущая служба была кабинетной, а потому я с уверенностью мог бы взяться лишь за должность военного министра или его помощника, или, в крайнем случае — командующего войсками внутреннего округа. От главного же начальника снабжений требовалась практическая деятельность, притом весьма разносторонняя, и я вовсе не считал, что могу принести особую пользу, приняв эту должность, а даже сомневался в своей пригодности к ней. Я думаю, что Куропаткин предлагал мне ее главным образом потому, что я действительно мог облегчить ему сношения с центральными властями. Но окончательно неприемлемым это предложение становилось потому, что я по этой должности был бы подчинен Куропаткину, а также потому, что я в ней должен был заменить Фролова! Куропаткина я знал хорошо. Он стал бы вмешиваться во все мои распоряжения, и, при моем незнании дела, я не мог бы помешать ему запутать его в конец; что дело обстояло неблагополучно, было видно из тона письма, да иначе оно и не могло быть после такого путаника, как Фролов! Наконец, я был убежден, что назначение Куропаткина главнокомандующим было большой ошибкой, и он недолго останется в должности*. Поэтому, повторяю, я не задумываясь решил ответить вежливым, но категорическим отказом.

Привезший письмо фельдъегерь за обедом сообщил, что он его возил в Петроград, откуда, узнав мой адрес, вернулся к Куропаткину, который приказал ему ехать ко мне в Черевки. Тотчас после обеда я написал свой ответ:

---

* По возвращении моем в Петроград мне в Совете передали слух, что Куропаткин вновь назначается военным министром; я совершенно искренне ответил, что был бы очень рад этому: на этой должности он был бы менее вреден, чем главнокомандующим.

«Глубокоуважаемый и дорогой Алексей Николаевич.

Приношу Вам глубокую мою благодарность за доверие, оказанное мне Вашим предложением. Принять его я все же не могу, так как вовсе не в курсе весьма сложных дел по снабжению армий и только путал бы и портил Вам дело.

То обстоятельство, что предлагаемая мне должность ниже должности военного министра, не имеет, конечно, никакого значения, тем более, что мне пришлось бы быть под начальством Вашим, моего бывшего благосклонного начальника.

Пользуюсь случаем, чтобы пожелать Вам всякого успеха и всякого хорошего, и с искренним уважением остаюсь Ваш преданный А. Редигер.

10 апреля 1916 г.»

Вскоре после обеда фельдъегерь уехал обратно с письмом. Я не сожалел потом о своем отказе. Куропаткин, действительно, недолго пробыл главнокомандующим. Его наступление под Ригой, имевшее в начале успех, не привело ни к чему, как говорили, опять вследствие его нерешительности; он был назначен генерал-губернатором Туркестана.

Володя с женой уехали назад в Киев, но не надолго: через две недели он, сдав все экзамены, получил звание летчика-наблюдателя, и они вновь приехали на неделю в Черевки. 2 мая ему пришлось ехать в Киев, чтобы отправиться к новому месту служения, в Здолбуново, в 5-й корпусной авиационный парк; жена его отправилась к своей матери, и мы тогда же двинулись назад в Петроград, проведя с Володей один день в Киеве.

Во время этого пребывания в Черевках нам пришлось познакомиться с двумя лицами, туда приехавшими: с двоюродной сестрой О. А., Любовью Измайловной Лукашевич, жившей в своем имении, верстах в двадцати пяти от Черевок, и с местным земским начальником, Иваном Александровичем Михайловым, с которым нам впоследствии пришлось жить в Переяславле.

После нашего возвращения в Петроград нам пришлось прожить там еще семь недель, до окончания сессии Совета. Меня в это время посетил генерал Кузьмин-Караваев, преданный суду вместе с Сухомлиновым. Между обвинениями, предъявленными этим двум лицам, была, однако, огромная разница: Сухомлинова обвиняли, главным образом, в госу-

дарственной измене и во взятках и уже затем в бездействии власти в отношении снабжения армии; Кузьмина-Короваева ни в одном бесчестном поступке не обвиняли и не подозревали, и он привлекался к суду только за недостаточное снабжение армии. Производивший следствие сенатор Кузьмин поэтому занялся только делом Сухомлинова, отложив дело Кузьмина-Короваева, которого он тогда еще не допрашивал и к которому еще не предъявлял определенного обвинения.

Кузьмин-Короваев зашел ко мне, чтобы прочесть мне со-ставленную им записку, в которой он оправдывался от обвинения в недостаточности принятых им мер по снабжению армии боевыми припасами. Некоторые его доводы, сохранившиеся у меня в памяти, были довольно оригинальны: он ссылался на постановление Военного совета 1904 года, принятое по моему настоянию, указавшее Главному артиллерийскому управлению на необходимость своевременного пополнения боевого расхода снарядов; в этом постановлении было указано, что годовая производительность заводов должна отвечать годовому расходу боевых припасов. Далее он утверждал, не знаю на каком основании, что боевой комплект исчислен на годовой расход снарядов; поэтому он обязан был озаботиться, чтобы наши заводы были в состоянии давать ежегодно по боевому комплекту и, по его заявлению, наши заводы удовлетворяли этому условию. Таким образом, он доказывал, что исполнил до войны все, что от него требовалось по закону, и он не обязан был предвидеть, что расход будет больше предположенного. С началом же войны были даны такие-то заказы, и не его вина, что они не были выполнены своевременно. Защита была довольно слабой, и я ее критиковал, чтобы не огорчать милейшего человека, виновного лишь в том, что он много лет занимал должность, не отвечавшую его скромным знаниям и способностям.

В Государственном Совете в середине июня было частное собрание, на котором Владимир Иосифович Гурко делал доклад от имени наших сочленов, ездивших в Англию и Францию в составе делегации от Думы и Совета. Гурко находил, что в Англии к нам относятся с гораздо большей симпатией, чем во Франции, и что лишь благодаря Англии, нам было обещано владение проливами. По окончании доклада Гурко пошли разные разговоры, между прочим, о бедст-

венном положении наших пленных в Германии и Австрии; в то время, как другие державы заботились об улучшении участи своих подданных, попавших в плен, мы ничего в этом отношении не делали. По этому поводу выступил с объяснениями князь Голицын, недавно назначенный заведовать делами помощи военнопленным. Речь его была весьма интересна в двух отношениях: во-первых, он нам сообщил, что отсутствие всякой военной помощи нашим пленным в течение первых полутора лет войны было вызвано настояниями Военного министерства, которое надеялось, что этим путем удастся уменьшить число сдающихся в плен(!), и, во-вторых, мне чуть ли не единственный раз пришлось слышать князя Голицына и убедиться в его самоуверенности и ограниченности. Мне тогда, конечно, не приходило в голову, что он через полгода станет председателем Совета министров и что под его руководством правительство поведет Россию к гибели.

В одном из заседаний Финансовой комиссии я возбудил вопрос о необходимости двинуть вперед наши съемки и дать верные карты всей России. В самой Комиссии мое предложение сначала было встречено с сомнениями, так как многие члены никогда еще не имели дела с точными картами, основанными на топографических съемках; но вскоре Комиссия со мною согласилась, а присутствующий в Комиссии начальник корпуса военных топографов, генерал Померанцев, обещал составить к следующей смете соображения о сроке, в течение которого могли бы быть сняты Европейская и Азиатская Россия, и о потребных на это средствах. Я предлагал составить расчет при условии закончить съемки в Европе, примерно, в двадцать лет и в Азии в тридцать-сорок лет. К началу декабря Померанцев составил соображения по этому вопросу и привез их мне: задача оказалась вполне выполнимой, притом с расходом небольшого числа миллионов в год. К сожалению его расчетов у меня нет, а события 1917 года не дали даже возможности доложить Совету соображения по этому делу, имеющему громадное значение для того «развития производительных сил страны», о котором тогда много толковали.

На дачу в Перечицы нам удалось переехать 25 июня и мы там пробыли два с половиной месяца. Мне там при-

шлось познакомиться с дьяконом церкви Государственного Совета, отцом Николаем Ивановичем Воскресенским, купившим себе дачку, стоявшую посреди села; впоследствии мы познакомились и с его семьей. Затем у нас гостила по несколько дней О. Н. Лишина, приезжали Н. Н. Игнатьев и Каменев, но, в общем, это лето прошло у нас много тише, чем предыдущее*.

Любопытный эпизод произошел в Перечицах по почтовой части. В прежние годы за общий счет дачников нанимался мальчик, который ежедневно ездил на пароходе на станцию Преображенскую и привозил и отвозил почту; сверх того была еще и земская почта, которая два раза в неделю доставляла обывателям почту в волостное правление. При нашем приезде на дачу оказалось, что в Перечицах уже устроено свое почтовое отделение ввиду ходатайства жителей и благодаря внесенному ими пособию казне. Ближайшим результатом этого благого нововведения оказалось, что почта стала получаться лишь два раза в неделю! При открытии отделения почтовое ведомство обещало возить почту ежедневно, а потому частная организация по доставке почты распалась, почтовое же ведомство ограничилось прежними двумя еженедельными рейсами земской почты! Пользуясь тем, что я несколько знал главного начальника почт и телеграфов Похвиснева, я ему написал письмо с просьбой устроить обещанную ежедневную доставку почты; через две недели я получил ответ, что это будет исполнено. Прождав еще несколько дней, я вновь написал, прося действительно дать обещанное, и только тогда получилось по телеграфу приказание начать ежедневную возку почты, и открытие почтового отделения стало действительным удобством для населения. До того было тяжело получать во время войны почту не ежедневно.

---

* Любопытный эпизод: из дальней деревни пришел в село мальчик, которого направили ко мне; он просил написать прошение о том, чтобы его отца, призванного на службу из запаса, отпустили хоть временно домой ввиду болезни жены и упадка хозяйства. Когда я исполнил эту просьбу, мальчик предложил мне рубль «за труды»; он был очень рад, когда я от него отказался.

ГЛАВА СЕМНАДЦАТАЯ

*В Черевках. — Уход Штюрмера. — Д. С. Шуваев. —
Смерть сестры. — Убийство Распутина. —
М. А. Беляев. — «В городе начались волнения
и беспорядки». — «Россия перестала быть империей»*

В город мы вернулись 9 сентября с тем, чтобы возможно скорее ехать дальше, к моему тестю, в имение его жены, Черевки*, предоставив miss Austin приводить нашу городскую квартиру в порядок на зиму. В городе мы поэтому провели лишь двое суток и 11-го выехали в Киев, местá я добыл быстро при содействии коменданта, но они оказались в отвратительном спальном вагоне — микст**, с малым числом уборных, в вагоне не оказалось ни одеял, ни белья, а в поезде, хотя и скором, не было ресторана; поэтому поездка вышла довольно неудобной. Утром 13-го мы приехали в Киев, где нам в гостинице Гладынюка держали комнату. При самом входе в гостиницу мы узнали, что Володя с женой ночевали там, и мы немедленно ворвались в их номер, где застали их еще в полутуалете. Они уже побывали в Черевках и должны были уехать в этот же день: она после обеда на пароходе к матери, а он вечером в Луцк, в 5-й корпусной авиационный отряд. Весь этот день мы провели с ними.

На следующее утро мы выехали по железной дороге на станцию Переяславскую. Поезд отошел с опозданием на три

---

* Спешить нас заставила весть, что в Черевки придет на несколько дней Володя с женой; письмо шло долго, так что мы не знали, застанем ли мы его еще там или нет?

** Вагон с отделениями разных классов. От французского «mixte» — смешанный (Сост.).

четверти часа и был переполнен. На Переяславской нас ждал фаэтон и повозка для вещей. Фаэтон был запряжен парой молодых лошадей, которые оказались пугливыми, а на беду в версте от станции нам встретилась громадная и сильно громыхавшая молотилка, влекомая шестнадцатью лошадьми; наши лошади испугались и кинулись в сторону через глубокую канаву. Они не перескочили, сломали дышло, а экипаж опрокинулся на левый бок, и мы оказались выброшенными из него: я вполне благополучно (слегка ушиблено плечо), а жена ушибла колено, ободрала нижнюю губу и получила ссадины на щеках. Толпа людей, бывших при молотилке, видела все происшедшее, но никому из них не угодно было прийти на помощь, не взирая на зов кучера; я думаю, что великорусские крестьяне отнеслись бы к этому делу иначе, чем хохлы.

Вскоре подоспела подвода с нашими вещами, при которой был приказчик Григорий, взявшийся за хлопоты по приведению экипажа в порядок; мы же вернулись к станции и в ближайшей хате (еврейской) жена примачивала водой ссадины на лице; скажу здесь же, что они скоро зажили бесследно и что, вообще, наше крушение обошлось на диво благополучно. Через час наш экипаж был приведен в исправность, и мы благополучно доехали до Черевков.

В Черевках мы прожили безвыездно месяц. Погода большей частью была свежая, при постоянных ветрах и, в общем, мало приветливая. Этим приездом я воспользовался для снятия многочисленных фотографий дома, парка и отдельных комнат, а жена написала два этюда масляными красками: дома и поварни и ближайшей липовой аллеи. В эту осень в домах появилась невероятная масса полевых мышей, которые все грызли и бегали без стеснения по полу, по портьерам и проч.; поэтому на ночь ставились мышеловки с ведрами воды, куда мыши падали, и каждое утро в ведрах находили десяток грызунов.

Жизнь в деревне была однообразная, но уютная, и месяц прошел быстро. Чтобы обеспечить себе билеты на обратный путь, я за две с половиной недели написал швейцару гостиницы в Киеве записаться для меня на купе спального вагона на 15 октября; через неделю я получил ответ, что купе есть на 15 октября и поезд отходит в двенадцать часов с минутами,

ночью; пришлось вновь запросить, в какую ночь: с 14-го на 15-е или с 15-го на 16-е; ответ пришел только 13-го, когда мы уже собрались ехать в Киев; оказалось, наш поезд выходит в ночь с 15-го на 16-е, так что мы выехали из деревни лишь 14-го.

Мой тесть тогда же получил распоряжение: вернуть всех пленных, выслав их в уездный город; при недостатке рабочих рук, это распоряжение было крайне тяжелым, так как в имении почти не оставалось рабочих; но вскоре все оказалось недоразумением и пленных вернули.

Переезд в Киев выдался утомительным. Мы выехали на четверке уже в два часа, так как дорога была грязная, а надо было до темноты проехать двадцать пять верст до станции; ехали мы три с половиной часа, наш поезд опоздал на полтора часа и пришел лишь в половине десятого; на станции пришлось просидеть целых четыре часа в душном зале третьего класса, так как чистый зал ремонтировался. Поезд был переполнен и пришел в Киев лишь около двух часов ночи. Путешествие до Петрограда мы совершили вполне благополучно.

В Петрограде меня ожидала неприятность: дворника моего дома в Царском, Фаддея, призвали на службу; мне лишь удалось устроить, что его назначили на службу в Царском же Селе и не выслали в армию; домом стала ведать его жена, которая для исполнения дежурства и прочего нанимала за мой счет соседнего дворника. Фаддей, раньше не служивший в войсках, был назначен в нестроевые и имел возможность очень часто бывать у семьи.

Призыв на службу даже таких людей, как Фаддей, указывал на то, что признано было нужным привлечь всех способных носить оружие; неясным для меня, однако, оставалась цель такого напряжения, так как в оружии заведомо был большой недостаток; сверх того, я от Гаусмана узнал, что он должен был экстренно построить внутри страны бараки на два миллиона человек, и что как эти бараки, так и казармы (по крайней мере на три четверти миллиона) были набиты людьми свыше всякой меры. Таким образом, внутри страны должно было быть не менее шести-восьми миллионов человек, то есть больше, чем на фронте. Зачем звали на службу такую массу людей, которых не было возможности

ни обучить, ни вооружить, представлялось для меня загадкой. Только весной 1917 года, уже после революции, мне пришлось услышать объяснение: призвали на службу, чтобы обеспечить порядок в стране, так как считали, что состоящие на службе, уж, во всяком случае, бунтовать не будут! Я не знаю, поддавались ли Ставка и Военное министерство этому заблуждению, но готов этому верить, так как много объяснения для их образа действий придумать не могу. Между тем, я от Чебыкина уже слышал, что запасные войска даже в Петрограде не надежны; да как же и могло быть иначе, когда эти войска почти не имели кадров и в них не было ни порядка, ни правильного обучения, и нижние чины сами видели, что их напрасно призвали! В то же время в стране все острее стал чувствоваться недостаток рабочих рук, которые непомерно дорожали; вместе с тем стали дорожать и все предметы потребления, и жизнь становилась все дороже и труднее.

Разменное серебро вовсе исчезло из обращения. Еще в марте я, при содействии министра финансов, получил серебра на тридцать рублей для раздачи на чай, и дача серебряной монеты уже стала вызывать приятное удивление. В конце ноября мне через члена Государственного Совета Крестовникова, владельца свечного завода в Казани, удалось получить пуд свечей, которых уже совсем не было в продаже. Стали возникать все новые кооперативы для облегчения своим членам получки продуктов по сколько-нибудь сносным ценам. Жизнь сильно дорожала, и многих продуктов уже совсем нельзя было добыть*. О прежнем воодушевлении не было и помину, также как и о работах на армию и о посылке ей подарков; прекратились также сборы на улицах на подарки для армии и т. п.

Сессия Государственного Совета возобновилась 1 ноября. Уже 10 ноября Штюмер был уволен от должности председателя Совета министров и заменен министром путей сообщения Треповым, по этому случаю сессия была прервана на девять дней. Однако, Трепову тоже не удалось наладить отношения с Думой, и меньше чем через месяц, 17 декабря,

---

* Поэтому и подарки делались курьезные: я брату подарил головку сахара, несколько фунтов свечей, часть зелени, привезенной нами из Черевок...

сессии Совета и Думы были экстренно закрыты, чтобы избежать неприятных заявлений в Думе. Сессия была закрыта по 12 января, но затем возобновление ее было отложено до 14 февраля. До конца года я был на двенадцати заседаниях Общего собрания, на одном заседании Финансовой комиссии и на одном собрании правой группы.

Уход Штюмерера был довольно скандальным: его открыто обвиняли в казнокрадстве и взяточничестве, и никто даже не сомневался в справедливости этих обвинений! Тем не менее, его, как угодного императрице, уволили очень почетно, дав ему высшее придворное звание обер-камергера. Его преемника Трепова я знал очень мало, но его репутация была неважная, его считали ловким аферистом; он был, по-видимому, ставленником того же придворного кружка. Когда в партии правых зашла речь о проделках Штюмерера, мой сосед Маклаков (бывший министр внутренних дел), несомненно крайне правый, высказал общую нам всем мысль, что положение нашей партии крайне трудно вследствие того, что с высоты престола делается точно нарочно все, чтобы подорвать доверие к тем монархическим началам, за которые стояла наша партия! Императрица забрала в свои руки всю власть и ходили слухи, что она добивается официальной передачи в ее руки регентства на то время, пока государь будет командовать армиями — но до этого не дошло.

С Военным министерством я по-прежнему не имел никаких сношений; но мне пришлось по частному делу обратиться с просьбой к министру Шуваеву: мой бывший адъютант Н. М. Каменев состоял для поручений при министре на должности, положенной в чине генерал-майора или полковника с содержанием в три тысячи рублей; он давно мечтал попасть на такую же должность, положенную в чине генерал-лейтенанта и с содержанием в четыре тысячи как ради самолюбия, так и для обеспечения себе пенсии из большого оклада. Сухомлинов ему обещал такое повышение, но затем дал открывшуюся должность своему избраннику, младшему чем Каменев. Поливанова я просил за Каменева, но он ничего не сделал; теперь вновь открылась вакансия и по просьбе Каменева я написал Шуваеву, прося выдвинуть Каменева. Через несколько дней я в Совете встретил Шуваева и имел с ним разговор, весьма для него характерный.

Шуваев сразу категорически заявил, что он моей просьбы исполнить не может, так как Каменев ничего не знает и ни к чему не пригоден; в строю он служил мало и мог бы исполнять только поручения по ревизии хозяйственной части, а между тем, он из разговора с Каменевым убедился, что тот не знает и полкового хозяйства! Я ему спокойно ответил, что это верно, но ведь все чины, состоящие при нем, не лучше (Шуваев согласился), но Каменев честный человек, который не покривит душой и не выдаст, а ведь это значит что-то! Я могу указать на то, что отношения Каменева ко мне не изменилось со времени моего ухода с должности, хотя эти отношения во времена Сухомлинова весьма могли повредить ему! Шуваев не знал Каменева с этой стороны; сам человек простой и порядочный, он очень ценил порядочность и в других и тотчас согласился исполнить просьбу Каменева, говоря, что если понадобится послать Каменева на ревизию, где требуется знание хозяйства, то он готов сам заняться с ним, чтобы подготовить его! Вслед за тем Каменев был повышен в окладе, на 6 декабря получил очередной орден Владимира 2-й степени* и, помнится, на Новый год был произведен в генерал-лейтенанты.

В конце ноября мне впервые пришлось участвовать в двух заседаниях Думы ордена Святого Владимира, составленной из сорока кавалеров ордена, по десять от каждой степени; председательствовал старший из кавалеров, Зиновьев; решались вопросы о пожаловании ордена по статуту. На все эти заседания я впервые одевал Владимирскую ленту.

Совершенно неожиданно 29 ноября я получил известие о смерти старшей моей сестры Лизы; она скончалась неожиданно и для своих детей; на ее похороны мы с женой и с братом ездили в Выборг на один день. Поездка была затруднительна вследствие недостатка извозчиков в Петрограде и медленности проезда по железной дороге.

---

* Орденских знаков уже не имелось в запасе; я поэтому отвез Каменеву имевшуюся у меня новую звезду (от Владимира 1-й степени) казенного образца, которой не носил. По случаю получения мною Владимира 1-й степени, я себе купил большой крест для ношения на шею; до того я носил крест 3-й степени, купленный еще в 1892 году; этот крест я в январе 1917 года подарил Игнатьеву, получившему Владимира 3-й степени.

Со смертью сестры порвалась почти вся связь с Выборгом. Сестра была чудным человеком: спокойная, тихая, она была удивительно мягкая в обращении и относилась сочувственно ко всякому чужому горю, поэтому пользовалась общей любовью. Ее дети унаследовали мало ее достоинств, а потому мои отношения к ним были хорошие — и только.

От томившегося в плену Семена Панина я в течение года получил три открытки прежнего типа: много поклонов и мало сведений; какие-то из посылавшихся ему денег, по-видимому, до него не доходили, так как в первой открытке он благодарил за «гостинец», а во второй — за полученные им 23 рубля, а между тем, я ему такой суммы не посылал*. В марте он был еще в Венгрии (Szolnok), а в апреле уже оказался в Зальцбурге.

В течение этого года я стал покупать на бирже бумаги по своему счету on call в банке. В начале года у меня свободных денег было около 6000, а затем мой тесть, наконец, вернул мне 3000, занятые им в начале 1910 года; в течение года я купил бумаг на 17 000 рублей, так что у меня уже оказался долг банку. Бумаги в течение года сильно поднялись, так как, вследствие выпуска массы кредитных билетов, в обращении было много денег, искавших помещения; это же обстоятельство дало большинству акционерных обществ возможность выпустить новые акции, что было крайне выгодно для старых акционеров. В начале 1916 года я всего имел бумаг на 15 000 и упомянутые 9000 наличными, а в конце года стоимость моих бумаг составляла 46 000, а долгу было 3000; таким образом, я вместо 24 000 имел 43 000, получив прибыль капитала в 19 000 рублей. При все возраставшей дороговизне жизни это увеличение капитала давало право рассчитывать хоть на некоторое увеличение дохода с него.

Весьма трудным было положение брата, который едва сводил концы с концами; я уже неоднократно предлагал ему свою помощь, но он ее отклонял, надеясь справиться и без меня. Только осенью этого года я его уговорил принять от меня две тысячи рублей, составлявшие мой барыш от одного выпуска новых акций; он принял этот подарок, так как

---

* Посылал я ему по 25, 40 и 50 франков, платя за это по 10, 16 и 20 рублей.

сам пришел к убеждению, что без этого ему трудно будет существовать далее, не тратя своего небольшого капитала.

Племянник Саша в ноябре лишился должности главного врача Ревельского госпиталя; причины его отчисления я не знаю, вероятно по малой пригодности для такого самостоятельного назначения. Через несколько месяцев он, впрочем, вновь получил назначение главным врачом полевого госпиталя, сначала в Смоленске, а затем в Измаиле, на Дунае.

Среди наших знакомых барышня Лишина в ноябре вышла замуж за мичмана Куфтина, который, чтобы иметь возможность жениться, бросил службу в Черноморском флоте и перешел в Морской корпус. Свадьба состоялась в Риге, где мать невесты вновь открыла свою гимназию.

Моя крестница, Зоя Попова, изучавшая в Петрограде японский язык, на лето была командирована в Японию и в ноябре нас навестила и рассказывала интересные подробности о своей поездке и жизни в Японии.

В декабре мне пришлось осмотреть карточную фабрику, принадлежавшую ведомству императрицы Марии. Причина этого осмотра была оригинальная. Для игры у себя дома я покупал всегда карты высшего сорта, хотя и дорогие (четыре рубля за игру в две колоды), но зато прочные, так что ими можно было играть несколько вечеров, тогда как более дешевые карты рвались в первый же вечер. Эти карты высшего сорта вовсе исчезли из продажи, и я просил своих знакомых добыть мне таковые через кого-либо из высших чинов ведомства; попросили об этом помощника главноуправляющего ведомством Кистера, с которым меня, кстати, познакомили во время заседания Совета. Кистер обещал мне шесть игр высшего сорта (уже по восемь рублей) и, кстати, предложил мне вместе с другими членами Совета осмотреть фабрику. У Кистера было два мотора, а потому он мог взять семь человек. В таком составе мы и поехали на фабрику 17 декабря.

Оказалось, что на фабрике во время войны выделяются только простые карты как по недостатку хорошего картона (из тряпок), так и потому, что большая часть ее помещения приспособлена для выделки ручных гранат и под шорную мастерскую. Мы осмотрели все эти мастерские, но

особенно интересной оказалась выделка карт, их печатание, сушка, разрезка и отделка.

В этом году я занимался увеличением своих фотографических снимков, для чего приобрел увеличительный аппарат со всеми принадлежностями и пригласил фотографа для руководства первыми моими опытами. Поводом для этой затеи служило желание увеличить снимки, сделанные осенью в Черевках, и действительно, я на Рождество мог подарить моему тестю альбом крупных фотографий из Черевки, притом совершенно неожиданно, так как он не знал о моих работах.

Мое здоровье в течение года было хорошим, и я в течение всего зимнего сезона был только легко подвержен простуде, которая влекла за собою грипп: насморк и кашель, которые у меня появлялись вслед за возвращением в сырой Петроград и вполне проходили с наступлением тепла. По совету моего тестя я обратился к его врачу, Льву Бернардовичу Бертенсону, относительно имевшегося у меня склероза; Бертенсон, сам страдавший тем же, дал мне подробные указания относительно нужного режима и первый указал мне на необходимость ограничить количество принимаемых жидкостей и на то, чтобы я не ходил часа два после еды.

Подверженность постоянной простуде в Петрограде заставляла меня желать перемены места жительства; к этому побуждали также возрастающие дороговизна и неудобства жизни в городе. Устроить это было нетрудно — стоило только попросить об увольнении от присутствия в Совете, сославшись на болезнь; такое увольнение давало право жить где угодно, сохраняя прежнее содержание. Я и решил просить об этом, но только по окончании войны, во время которой я не хотел отпрашиваться со службы; по окончании же ее в состав Совета поступило бы много членов из военных, и я со спокойной совестью мог бы уйти на покой.

Несколько иначе взглянул на этот вопрос мой приятель Воеводский; он болел с начала года и за все это время только раз показался в заседании Совета; тем не менее, ему хотелось (из самолюбия) оставаться присутствующим на следующий 1917 год. В середине декабря он меня вызвал к себе; я его застал в кровати, больного ревматизмом; он просил меня передать председателю Совета Куломзину его прось-

бу об оставлении его в числе присутствующих; я не считал возможным отказать больному и переговорил с Куломзинным, который мне сказал, что это невозможно, так как надо призвать в Совет дееспособных людей.

Новый, 1917, год принес с собой значительные перемены в составе назначенных членов Совета; многие были уволены от присутствия и заменены другими; в числе уволенных был многолетний вице-председатель Совета Голубев, человек очень умный, ровный и беспристрастный, выдающийся юрист; его уволили за то, что он, держась буквы закона, не стеснял свободы речей так, как это было бы желательно правительству. Куломзин, действительно больной, был уволен от председательства и заменен Щегловитовым, сторонником сильной власти и произвола, облеченного в законную форму.

На рубеже Нового года совершилось таинственное убийство Распутина, злого гения императрицы и (через нее?) государя. В первые годы своего появления при Дворе он держал себя скромно, и лишь близкие ко Двору люди знали о его существовании. Но затем он без стеснения стал выдвигаться вперед, обращаясь со своими ходатайствами непосредственно даже к министрам, с ним не знакомым; неисполнение его ходатайства часто влекло за собою подтверждение его со стороны императрицы и, во всяком случае, имело следствием месть со стороны Распутина. В конце концов, даже назначение и смену министров стали приписывать его влиянию, и неудивительно, что его приемная всегда была полна народу, искавшего протекции. Он жил под конец своей жизни в доме рядом с домом Каменева и последние имели возможность следить за собиравшимися к нему посетителями, среди коих были и дамы высшего общества*. Многих женщин влекло к этому развратному мужику именно его циничное обращение с женщинами, а также жажда сильных ощущений. Та грязь, которая окружала личность Распутина, заставляла особенно возмущаться его близостью к императрице и его влиянием на государственные дела! Ни неудачные две войны, ни ложная, неискренняя внутренняя политика, ни назначения министрами негодяев вроде Штюрмера и Сухо-

---

* В том числе фрейлина Никитина, с которой нам удалось прекратить знакомство.

млинова не могли так подорвать исконное поклонение народа царю и приверженность его монархическому образу правления, как близость Распутина к царской семье и его влияние на дела государства! О необходимости устранить Распутина государю говорили многие, но без успеха*. Убийство Распутина было совершено при участии великого князя Дмитрия Павловича²⁷. Оно вызвало общее сочувствие, но было, очевидно, бесполезно, так как императрица всегда могла заменить его другим негодяем, а государь слушался ее во всем!

В начале года военный министр Шуваев был заменен Беляевым²⁸. Шуваев был назначен в Государственный Совет и вскоре заехал ко мне. Он мне говорил, что государь очень к нему благоволил, но что его невзлюбила императрица, которая от себя давала ему «повеления» и была недовольна, что он не ездил к ней с докладами.

Вскоре после того ушел и председатель Совета министров Трепов, вследствие своего нежелания иметь министром внутренних дел Протопопова, и был заменен бесцветным князем Голицыным, о котором я уже упоминал. Говорили, что Голицын отказывался от должности, заявляя, что он к ней не способен, но все же принял ее!

Нового военного министра Беляева я знал мало; когда я был министром, он был, кажется, всего начальником отделения Главного штаба; он только раз докладывал мне в 1909 году, уже после моего ухода с должности, о результатах ревизии казарменного строительства в Приамурском округе. После того я его часто видел в Финансовой комиссии, где он неизменно производил на меня впечатление отличного работника, толкового, знающего и трудолюбивого, но неспособного руководить чем-либо. Тем не менее, он во время войны попал в начальники Генерального штаба, а затем, как человек, угодный императрице, и в министры.

Тотчас после назначения Беляева мне пришлось невольно ознакомиться с его деятельностью по поводу определения на службу сына тети Наташи.

---

* Так об этом говорили: генерал-адъютант Дедюлин²⁵, получивший такой отпор, что у него сделался удар, от которого он умер; князь Орлов²⁶, который за это был удален от Двора и послан на Кавказ. Как потом выяснилось, о том же говорили и члены императорской фамилии.

Средний сын ее, Лев, окончив курс Института путей сообщения, служил инженером на постройке Крымской железной дороги и уже успел жениться. В марте 1916 года он решил поступить охотником на военную службу, приехал в Петроград и поступил в запасной батальон инженерных войск; вместе с ним туда же поступил его младший брат Юра, студент того же института. Пройдя школу прапорщиков, они оба на Новый год были произведены в прапорщики железнодорожных войск. Леве было желательно вновь служить на постройке Крымской железной дороги. В Генеральном штабе возникло сомнение: можно ли его в офицерском чине назначить для службы на всей этой дороге или только на участке ее, входившем в район Севастопольской крепости. Доклад по этому пустому вопросу представили Беляеву, который написал «Согласен», не указав с чем? Весьма любопытно, что Главное управление Генерального штаба не смело переспросить Беляева и, не зная что делать, отговорилось тем, что доклад еще не вернулся от министра. Наконец, я по телефону спросил секретаря Беляева Шильдера; тогда выяснилась вся ерунда, и новой резолюцией Беляева Льву Раунеру было разрешено служить на любом участке Крымской железной дороги; для достижения этого результата потребовался почти месяц времени.

Как я уже упомянул, заседания Думы и Совета были отложены сначала до 12 января, а затем до 14 февраля, так что у меня в течение первых полутора месяцев службы не было. Я в это время усердно изучал объявления о продаже имений и усадеб, преимущественно в северной половине России, так как боялся летней жары в более южных краях. Капитал мой еще был мал, но я мог бы решиться на покупку имения даже со значительным долгом, так как при жизни в деревне почти все мое содержание оставалось бы свободным и могло идти на уплату процентов и погашения.

Повышательное движение на бирже продолжалось, что было вполне естественно при массе денег, выпущенных в обращение. По совету одного приятеля я в начале года купил в долг за 22 тысячи рублей сто акций общества металлического завода Парвийнен; к концу февраля повышение всех моих бумаг уже было настолько значительно, что я при их продаже, за погашением долга банку в размере около 27

тысяч, получил бы на руки чистых 70-80 тысяч, а это еще более облегчало покупку усадьбы.

В начале февраля в Петроград приехал корреспондент «Нового времени» в Вене Янчевецкий, которого австрийцы обвинили в шпионаже и осудили на каторжные работы. Он от них был освобожден по ходатайству испанского посла, а затем обменян на какого-то пленного австрийца; с ним вместе вернулась из Австрии и его жена. Янчевецкий лет за двенадцать до того был на Дальнем Востоке, где бывал в доме моего тестя, и теперь появился с женой у нас, как желанный и очень интересный гость*. К сожалению, Янчевецкие вскоре уехали в Полтаву, и мы их потеряли из виду.

С мичманом Лишиным произошло служебное несчастье: как хороший офицер, он был переведен со старого миноносца на один из новейших, «Азард», на котором он был назначен ревизором (заведующим хозяйством); командир этого миноносца, Бибиков, взял себе из ящика 2800 рублей, за которые Лишину пришлось отвечать. Чтобы не попасть под суд, Лишин должен был внести деньги, для чего мой тесть дал ему взаймы 2500. Лишин бросил любимую им службу на миноносце и перешел в морскую авиацию. Я об этом случае рассказал Григоровичу, который обещал его расследовать, но сделал ли он что-либо, я не знаю.

Совершенно неожиданно мы 9 февраля получили от кузины жены, Елисаветы Владимировны Будищевой, телеграмму, что она приедет на следующий день. Она действительно приехала и остановилась у нас; ей нужно было подвергнуться серьезной операции, для чего она избрала больницу Видемана на Васильевском острове. Комната там освободилась

---

* Все же из-за них произошел неприятный и мне до сих пор непонятный инцидент. В воскресенье 3 апреля у нас было человек десять гостей, в том числе Н. Каменев с женой и дочерью, Леонтьевы, а позднее приехали Янчевецкие. Каменева, считавшая себя почему-то аристократкой, не скрывала, что присутствие Леонтьевых ей неприятно, а когда приехали Янчевецкие, уехала с дочерью, объяснив жене, что она с Я. не может быть! Узнав об этом, я собирался при ближайшем случае наговорить Каменевой кислоты, но все ограничилось тем, что мы не виделись несколько недель; когда она зашла вновь, elle faisait le chien couchant (она рассыпалась «мелким бесом» (франц.)) (Сост.) и о прежнем не было речи. Времена действительно настали слишком серьезные, чтобы ссориться с приятелями из-за врожденной глупости их жен!

только 18 февраля, когда она и переехала туда; операция была произведена вполне успешно 20-го, а с 22-го жена стала навещать ее, хотя при малочисленности извозчиков и трамвайных вагонов, каждая поездка являлась трудным предприятием.

В январе мы по настойчивому приглашению Рыковских поехали к ним на обед в Павловск, и мне там, впервые, пришлось встретиться с Меньшиковым, талантливым и влиятельным сотрудником «Нового времени», человеком без всяких принципов, не стеснявшимся когда-то ругать меня в газете, восхваляя Сухомлинова. Я считал его талантливым негодяем, но мой тесть почему-то вел с ним знакомство, и Меньшиков говорил ему теперь, что он осознает ошибочность своих бывших нападков на меня; мы с ним не обменялись ни одним словом.

Сессии Совета и Думы возобновились 14 февраля, но Совет имел только одно заседание, для его открытия, и сверх того было одно заседание Финансовой комиссии; на 27 февраля было вновь назначено заседание Совета, но утром этого дня я получил указ о перерыве сессий Совета и Думы до апреля. Этот перерыв был вызван волнениями в городе и требованием Думы об учреждении ответственного министерства. Это требование было вполне естественно: в критические годы войны особенно ярко выяснилось, что государь (или, вернее, императрица) либо не умеет выбирать людей на важнейшие посты в государстве, либо в своем выборе руководствуется не пользой страны, а иными соображениями; на примере Штюмера выяснилось также, что для угодных государю (императрице) министров не существует и ответственности даже за взяточничество! Понятно поэтому желание Думы влиять на избрание министров и иметь право привлекать их к законной ответственности. К такому расширению своих прав Дума уже стремилась с самого своего учреждения, но ей в этом отказывали на законном основании, так как такое изменение основных законов могло быть произведено только по инициативе самого государя; но теперь несостоятельность государя в этом отношении стала явной и несомненной, и Дума приобрела нравственное право не только просить, но и требовать расширения своих прав, и в этом требовании встречала общее сочувствие народа.

Это требование было, однако, отклонено с удивительным ослеплением. Голицын в данном случае являлся слепым исполнителем приказаний императрицы, которую в ее упорстве поддерживал Протопопов, уверявший, что народ стоит за государя и его самодержавие, и что недовольные составляют лишь небольшую кучку, с которой при решительности не трудно будет справиться, уверения эти совпадали со взглядами императрицы и она охотно им верила.

В городе начались волнения и беспорядки. Так, 24 февраля ко мне заехал по личному делу д-р Рогачевский и сообщил, что по городу трудно проехать, так как на улицах толпы народу и вызваны войска, поэтому мы днем не выходили. Вечером жена все-таки поехала с И. В. Игнатьевой в оперу; в нашей ложе были еще Янчевецкие; съездила она вполне благополучно, и после спектакля И. В. и Янчевецкие заехали к нам к чаю, но оказалось, что в императорской опере забастовал хор (!), поэтому вместо «Майской ночи» дали «Каменного гостя».

На следующий день мы, по случаю беспорядков в городе, сидели дома. На воскресенье 26 февраля мы были званы к обеду к моему тестю; извозчики в этот день не выезжали, трамваи не ходили, и мы с женой отправились пешком (с Фонтанки, 24) по Литейной и Владимирской на Большую Московскую, 9. Улицы были запружены народом, который занимал все тротуары; особенно много народу было на всех углах; толпа была спокойна и ждала чего-то. Выход с Литейного на Невский был прегражден войсками, так же и Владимирская улица у церкви, но нас пропустили; по улицам ходили разъезды. Мы навестили сначала моего брата (Ямская, 10), а затем пошли к тестю. Кроме нас к обеду пришли только Каменевы, жившие недалеко (Гороховая, 66); Игнатьевы же сообщили по телефону, что они не могли пересечь Невский, поэтому вернулись домой. В первом часу ночи мы вышли домой, опять пешком, улицы были совершенно безлюдны и на них была жуткая тишина; Невский освещался вдоль прожектором с Адмиралтейства.

На 27 февраля было назначено заседание Государственного Совета. Бывший у нас накануне генерал Гаусман предложил, что он на своем казенном автомобиле отвезет меня на заседание, а мою жену — на Васильевский остров к ку-

зине. Утром я узнал, что сессия закрыта и заседания не будет, поэтому я могу сам сопровождать жену. Когда в половине второго за нами заехал Гаусман, мы его отвезли на службу, к Исаакию, и вдвоем на его моторе поехали в больницу, затем еще к портнихе жены и в три часа были дома. Улицы были пустынные и войск на них было мало. Вернулись мы по набережным Невы и Фонтанки мимо дома министра внутренних дел (Фонтанка, 16), в котором жил Протопопов и где помещался Штаб корпуса жандармов и Департамент полиции.

Вскоре стали слышны одиночные выстрелы, продолжавшиеся до вечера. Потом выяснилось, что дом министра внутренних дел и помещение жандармов и полиции были разнесены толпой. 26 и 27 февраля из газет выходил только «Русский Инвалид», а 28-го вовсе не было газет. 28-го слышны были одиночные выстрелы, телефон почти не действовал; мы сидели дома; вечером получено «Известие» об учреждении Комитета Государственной думы. Переворот совершился.

Выходить на улицу было небезопасно и не было никакой охоты, газет не было, никто из знакомых не заходил, телефон действовал плохо, никакого обязательного дела не было, а чтение книг не шло на ум, настроение было тоскливое, надо было придумать себе какое-нибудь занятие, — и я взялся за писание настоящих своих воспоминаний, начало коих было составлено в конце 1911 года и в первые дни 1912 года, а с тех пор оставалось без движения. Эта работа меня заинтересовала; просматривая свои прежние записные книжки и кое-какие сохранившиеся у меня бумаги, я невольно погружался в воспоминания о пережитом, современные события были мне антипатичны. Когда газеты стали вновь выходить, они были переполнены противными деталями всякого рода о совершившихся событиях; подделываясь под вкус толпы, газеты стали поносить все прежнее, забывая, что «Храм разрушенный — все храм, кумир поверженный — все Бог». Я сам признавал, что революция явилась естественным и справедливым возмездием государю за совершенные им ошибки, но я был далек от огульного порицания всего прежнего и не ждал ничего хорошего от огульной его ломки. В этом отношении читать тогдашние газеты было

противно и я вовсе отказался от их чтения; если в них появлялось что-либо существенное, то мне о том рассказывала жена или добрые знакомые.

Стрельба на улицах продолжалась еще 1 марта, но была много слабее. Из будуара жены были видны площадь перед цирком и Семеновский мост, где в эти дни бывала перестрелка и разъезжали бронированные автомобили, и жена усердно следила за всем, там происходившим. Телефон вновь стал действовать, хотя довольно капризно, и мадам Каменова нам сообщила, что приходят на дом отбирать у офицеров оружие и что надо идти в Государственную Думу за получением вида на жительство. К обеду зашел мой тесть, он уже съездил на военном моторе в Думу, где получил вид для себя, хотел добыть и мне, но это ему не удалось. Рядом со мною, на той же площадке лестницы, жил генерал граф Лидерс-Веймарн, состоявший при Военном министерстве; я зашел к нему и мы условились идти на следующее утро в Офицерское собрание Армии и Флота, где тоже выдавали виды и которое было от нас много ближе, чем Дума. Вечером, в восемь часов, ко мне зашли четыре солдата, которые довольно вежливо попросили у меня оружие, и я им отдал два бывших у меня револьвера; они, кстати, забрали у меня с камина две гранатки, приспособленные для обрезки сигар и как спиртовая лампочка.

В дни переворота полиция заняла крыши некоторых домов и оттуда стреляла; заподозрили, что стрельба производилась и с нашей крыши, поэтому был произведен обыск чердаков, и дом был взят под наблюдение. На следующий день к нам вновь зашел патруль, который захотел взять мою шпагу, лежавшую в передней, но я уговорил, что это не оружие, и дал взамен старую шашку. Больше нижние чины ко мне уже не заходили.

Утром 2 марта я пошел в Офицерское собрание; жена, боясь за меня, послала вслед за мною кухарку, которая ей вскоре могла доложить, что я благополучно дошел до Собрания. На улицах была масса народу и солдат, настроение было возбужденное. В Собрании оказалась громадная толпа генералов и офицеров, пришедших за видами, выдача коих была плохо налажена. Выдававший их офицер (штабс-капи-

тан Скворцов), узнал меня и выдал мне вид вне очереди*, так что я в Собрании пробыл менее часа, после чего благополучно вернулся домой.

Ближайшие после того дни мы сидели дома; выходить без особой надобности не было охоты, так как противно было видеть войска и толпы народа, ходившие по городу с красными флагами и под звуки «Марсельезы»! Кстати и погода стояла холодная и неприветливая. Этот холод, однако, отзвывался и у нас в квартире, так как у нас не оказалось дров! Я нанимал квартиру с дровами, и положенных мне тридцати пяти саженьей дров мне всегда хватало, невзирая на всевозможные ухищрения дворников; лишь изредка, когда мы засиживались в городе до июня, приходилось прикупать какую-либо сажень; в этом же году, когда дрова вследствие недостаточного подвоза сильно вздорожали**, мадам Austin 10 февраля мне совершенно неожиданно сообщила, что дрова все вышли; дворники, дескать, носили малые вязанки, а она выдавала квитанции, как за полные. Тут, очевидно, было мошенничество, которому она почему-то оказывала попустительство. Она не только наказала меня почти на шестьсот рублей, но и заставила нас мерзнуть, так как в дни революции мне дворник заявил, что дрова в доме на исходе, и он может продавать мне лишь минимальное количество дров; этого количества хватало только на кухню и на отопление кабинета и, изредка, еще спальни. Благодаря этому, тепло было только в кабинете, где мы и сидели весь день, принимая там же гостей, в прочих же комнатах было всего 8-9 градусов. Так продолжалось десять дней, пока нам удалось купить и получить дрова, а затем обогреть ими квартиру.

Об отречении от престола как государя, так и великого князя Михаила Александровича, мы узнали 3 марта, а на следующий день, вечером, мы получили «Известия» с манифестом государя от 2 марта и великого князя от 3 марта. Россия перестала быть империей. Власть перешла к Комитету Государственной Думы с Родзянко во главе, но этот

* Ко мне пристроились еще генералы Скалон и Ростовский.

** Вместо 8—9 рублей погонная сажень березовых дров стоила 40—45 рублей; к осени 1917 года цена сажени уже дошла до 80 рублей.

комитет ступешался и передал власть вновь образованному Совету министров, составленному из представителей разных партий; наряду с этим Советом образовался и стал все более забирать власть Совет солдатских и рабочих депутатов.

Я считаю, что во всех бедствиях, вызванных революцией, тяжкая ответственность падает на Комитет Думы и, в частности, на Родзянко, так как они стали сначала во главе движения и содействовали ему своим авторитетом, а затем отошли в сторону, предоставив совсем иным людям хозяйничать по-своему. Я думаю, что если начальник штаба государя Алексеев и главнокомандующий Рузский не поддерживали государя, а побуждали его подчиниться требованиям, исходившим из Петрограда, то это произошло потому, что они видели во главе движения избранников народа, людей несомненно почтенных, и видели в этом доказательство тому, что и вся революция отвечает воле народа*. Если государь так легко уступил революции и отрекся от престола, то вернее всего потому, что он во главе движения видел Думу и предполагал, что судьбу России он передает именно ей**.

С отречением государя и великого князя революция была закончена. Свершилась она удивительно быстро и легко, почти без кровопролития. Объясняется последнее тем, что авторитет самодержавия в течение ряда лет систематически подкапывался самим государем. Первой его ошибкой была Японская война; затем неискреннее отношение к дарованной им конституции; неудачный выбор министров; неосторожная политика, приведшая к общеевропейской войне, когда Россия еще не была готова к ней; вообще несоответствие между внешней политикой и мерами по военной части; вся Сухомлиновская эпопея, закончившаяся разгромом армии и преданием Сухомлинова суду; наконец, Штюмер, Распутин и Протопопов!

---

* Я считаю, что Алексеев и Рузский не исполнили своего «солдатского» долга в отношении государя; сказанное выше не оправдывает, но отчасти объясняет их поведение.

** Конечно, это было не единственной или хотя бы главной причиной. Уступчивость государя я объясняю себе, главным образом, тем, что он не хотел во время войны ослаблять Россию внутренней междоусобицей; затем, отрицательным к нему отношением ближайших его генералов, наконец, развившейся в нем, по общим отзывам, слабостью воли.

По военной части легкая удача революции при громадном гарнизоне Петрограда, объясняется тем, что гарнизон весь состоял из запасных частей чудовищного состава (батальоны по пять-восемь тысяч человек) с ничтожными кадрами; благодаря этому, чины батальонов не получали должного воспитания и обучения и легко поддавались пропаганде и влиянию массы революционно настроенных фабричных рабочих. Во главе Петроградского округа во время войны стояли сначала престарелый Фан-дер-Флит, потом путанный и нестройной Фролов, наконец, ни к чему не пригодный Хабалов! Не знаю, докладывал ли кто-либо из них государю о ненадежности гарнизона и о необходимости ввести в столицу какие-либо надежные части. Будь в столице надежная дивизия — она подавила бы все движение; нестройные толпы бунтовавших запасных не могли бы устоять против нее, и весь государственный строй России не рухнул бы как карточный домик! Таким образом, и в военном отношении успех революции был подготовлен ложными мерами правительства. Единственной вполне надежной и преданной правительству силой оказалась полиция, но она была малочисленна, и значительная часть ее погибла в неравном бою.

Для поддержания порядка в городе была учреждена милиция из всяких мальчишек, получавших большое содержание, но ничего не умевших делать и бравших взятки гораздо большие, чем прежняя полиция. В домах образовались комитеты, избравшие своих уполномоченных для сношения с милицией*, были даны номера телефонов для вызова ее в случае появления грабителей. Наш дом был в относительной безопасности, так как в соседнем доме № 22, где прежде жил великий князь Петр Николаевич, помещалось Управление Воздушного флота (образованное во время войны), и при нем был караул, которому наша домовая администрация платила что-то за охрану и нашего дома.

---

* В нашем доме, в квартире хозяина, генерала Ризенкампа, 5 марта были собраны около сорока квартирнанимателей, избравших своим уполномоченным сына домовладельца.

ГЛАВА ВОСЕМНАДЦАТАЯ

Увольнение членов Государственного Совета. — Октябрьский переворот в Петрограде. — Начало скитаний

Жизнь в городе постепенно входила в свою колею; однако, на улице почти не было извозчиков и они, вовсе освобожденные от таксы, запрашивали немилосердно; трамваи были недоступны для публики, так как по ним катались бесплатно «герои» революции — солдаты. Дома и трамваи были украшены красными флагами, солдаты были освобождены от всяких занятий и от отдания чести и целыми днями ходили по улицам либо строем с красными флагами и с музыкой, либо толпами. Положение офицеров в войсках становилось невыносимым, но и тем, которые, как я, были вне строя, было противно показываться на улице, видеть разнузданность солдат, предъявлять по их требованию свой вид на жительство, быть готовыми получать оскорбления! Многие из публики ради безопасности украшали себя красными розетками и цветами*. Я возможно меньше выходил из дому; но меня на улице ни разу не останавливали и не оскорбляли, хотя я всегда ходил в военной форме при двух Владимирях и при шпаге. Никогда ни я, ни моя жена, не одевали красных эмблем; красными были у меня лишь генеральские лампасы и всегда раскрытые лацканы пальто.

---

* С такими украшениями ходили также мой тесть и его жена; последняя, впрочем, радовалась революции и наступившей «свободе», говоря что чувствует себя «как в светлое Христово Воскресение» и смеясь над удрученным настроением моей жены; она успела убедить моего тестя, что он всегда был либералом и противником прежнего режима.

На первых порах можно было думать, что революция будет иметь последствием лишь перемену в образе правления, тем более, что Временное правительство заявляло, что будет по прежнему продолжать войну; опасение внушало лишь расстройство, внесенное в армию подрывом авторитета офицеров! Какую роль в этом деле сыграл Гучков, ставший военным и морским министром, мне не ясно; еще более темной мне представляется роль честолюбца Поливанова, бывшего его сотрудником. Ни с кем из лиц, принадлежавших к правительству, я не встречался. Леонтьев, бывший всегда либералом, уверял, что теперь нужные реформы скоро будут даны и все пойдет хорошо; забросив свою обширную и доходную практику, он, в большой для себя убыток, принял должность сенатора и по целым дням работал в разных комиссиях.

Председатель Государственного Совета Щегловитов во время революции был арестован и некому было созвать Совет, так что он оказался бездействующим; кстати, и здание его было ограблено и занято какими-то революционными учреждениями; между его членами и без того было мало или, вернее, никакой связи, и мы, вообще, ничего не знали друг о друге, о каких-либо собраниях, хотя бы частных, не было и речи; единственным связующим нас звеном являлся артельщик Почаев, исправно развозивший нам жалование. Я со времени революции уже не бывал в помещении Совета. Комиссаром правительства по делам Совета был назначен член его (по выборам), профессор Давид Давидович Гримм; по моей (письменной) просьбе он впоследствии мне прислал выдававшийся членам Совета документ такого содержания:

*«Временное правительство
Комиссар
Временного правительства
по Государственной канцелярии
3 мая 1917 г.
№70
Удостоверение*

Настоящее выдано генералу от инфантерии Александру Федоровичу Редигеру в том, что он состоит членом Государственного Совета, а потому ему предоставляется право свободного проживания в Петрограде и повсеместно в России.

Ни аресту, ни обыску не подлежит.

Комиссар Временного прав-ва по Государственной канцелярии Д. Гримм

Старший делопроизводитель Н. Дмитриев.

Печать Государственной канцелярии».

Курьезно, что приходилось выдавать и получать подобные удостоверения! Мне не приходилось пользоваться им и я не знаю, насколько оно на деле могло бы оградить от неприятностей.

Газеты вновь стали выходить лишь 5 марта, но еще не разносились по городу; в этот же день к нам начали заходить знакомые, и мы стали навещать их.

Здоровье Е. В. Будищевой к 17 марта поправилось настолько, что ее в этот день можно было перевезти из больницы к нам. Перевезли мы ее на казенном моторе Гаусмана: не будь его, было бы трудно добыть экипаж для ее перевозки. Е. В. прожила у нас до 22 апреля, так как ей сначала надо было отдохнуть и окрепнуть, а затем предстояло трудное дело: добыть билеты на проезд по железной дороге в Сибирь. У кассы по продаже билетов стояли громадные очереди, в которых приходилось ждать целыми днями, и 12 апреля она получила билеты на 22-е число. Присутствие живой и симпатичной Е. В. значительно оживило наш дом в это смутное время, когда посетители были относительно редки уже в силу того, что по городу почти не было других способов передвижения, как пешком.

23 марта вблизи от нас, на Марсовом поле, состоялось торжественное погребение сотни «героев, павших при завоевании свободы»; их сначала хотели похоронить на Дворцовой площади, но потом назначили для этого Марсово поле. С утра до вечера мы в этот день слышали музыку, под которую проходили на поле процессии из разных частей города, а затем салюты при опускании в землю принесенных каждой процессией гробов. Вся эта грандиозная манифестация прошла гладко, без ожидавшихся эксцессов.

Трудность передвижения по городу затрудняла посещение церкви. Случайно я узнал от Игнатьева, что через дом от нас (Фонтанка, 20) имеется домовая церковь при помещении Канцелярии Министерства Двора; по моей просьбе он выхлопотал мне приглашение посещать эту церковь, и

мы, действительно, стали усердно посещать эту церковь до 1 мая, когда служба в ней прекращалась на все лето. В упомянутом доме когда-то жил министр Двора, для которого и была устроена эта церковь. Она была очень маленькая и мало посещалась.

В апреле месяце мне пришлось быть на частной сходке многих членов Государственного Совета для чествования бывшего вице-председателя Совета Голубева. Как я упоминал, он на Новый год был исключен из числа присутствующих членов. Группа членов Совета решила теперь поднести адрес, и я получил приглашение участвовать в этом; 23 апреля на квартире Тимашева я подписал адрес и затем пешком прошел на квартиру почтеннейшего Голубева, в конце Сергиевской улицы. Там собралось нас человек пятьдесят, поболтали час с хозяином и между собою и разошлись. Я воспользовался тем, что был близко от квартиры Воеводского, и зашел к нему. Я его застал на ногах, но слабым; у него был какой-то штатский господин, лицо которого мне было знакомо, но я его не узнавал. Оказалось, что это недавний член Государственного Совета адмирал Эбергардт, который, пользуясь изданным разрешением носить вне службы штатское платье, облекся в него. Я весь этот год ходил в военном.

Перед нами был трудный вопрос — куда ехать на лето? За нами была дача в Перечицах, но в деревнях было неспокойно и жить там одним было неуютно; звали к себе в деревню мой тесть, сестра Александрина, племянник Виктор. Но жить все лето в гостях мы не желали, а вопрос об уплате денег родным всегда является трудным и щекотливым, к тому же проезд по железным дорогам был сопряжен с большими трудностями, а потому длинное путешествие к моему тестю являлось очень нежелательным. Переезд в Финляндию был проще, но и там возникли народные волнения и можно было попасть в междоусобицу в чужой стране, среди чужого народа, языком которого мы даже не владели. Оставалась дача в Перечицах. Прежние владельцы имения, Оболенские, зимой продали его фабрикантам, братьям Савиным, которым я в январе писал и выслал половину наемной платы, но ответа не получил. Я, таким образом, не знал, как они относятся к моему переезду на дачу в их имение и

что они, вообще, за люди? Заехавший к нам дьякон Воскресенский, побывав на своей даче в Перечицах, разрешил эти вопросы: Савины очень милые и простые люди и ждут нас на дачу; вместе с тем, он сообщил, что население там спокойно, беспорядков не было, а продовольствие имеется. Эти сведения были весьма успокоительны и заставили нас в мае остановиться на даче в Перечицах.

Временное правительство уклонялось все более влево. Военный министр Гучков, допустивший в самом начале расстройство армии, увидел, что она уже стала ни к чему не годной и ушел; его примеру последовали другие умеренные члены правительства. Власть перешла к Керенскому. Люди, его знавшие, как Леонтьев, восхваляли его как идеалиста и от него ждали спасения Отечества. Свобода, при том неограниченная, была дана всем партиям, желавшим раздробления и разрушения России. Так, 26 марта по улицам демонстрировала толпа эстонцев, заявлявшая о своем праве на автономию; на Петроградской стороне Ленин с товарищами открыто проповедовал большевизм и необходимость окончания войны, и в результате 21 апреля на Невском уже происходили бои между ленинцами и представителями других партий.

Все же общественная жизнь в городе продолжалась. Вечером того же 21 апреля жена с кухней Будищевой была в опере на представлении «Града Китежа»; у нас продолжали собираться по воскресеньям, и мы изредка бывали у знакомых. Мой тесть с женой уже в начале апреля уехали к себе в деревню.

Е. В. Будищева, уезжая в Тобольск, звала и нас туда, ввиду дешевизны тамошней жизни и обеспеченности там продовольствия. Нас от поездки туда удерживала дальность и трудность пути, но туда собралась другая кухня жены, Е. С. Мирбах, с четырьмя детьми; муж ее по-прежнему был в армии, командиром полка, сначала 467-го Золотоношского, а потом 3-го гренадерского Перновского.

18 мая мой сочлен по Совету генерал Унтербергер сообщил мне по телефону, что все назначенные члены Совета уволены за штат, поэтому нам будут выдавать лишь три восьмых нашего содержания и то только в течение года; что будет затем — было, конечно, неизвестно. По закону мы

могли быть уволены от службы только по прошению, и я спросил Леонтьева, нельзя ли обжаловать это распоряжение перед Сенатом? Но он мне сказал, что это закон, обязательный и для Сената, и что в выработке этого закона принимали участие Таганцев и другие выдающиеся юристы, так что формально к нему придаться нельзя. Таким образом, приходилось подчиняться совершившемуся факту. Что при новом строе Государственный Совет либо вовсе будет упразднен, либо будет весь состоять из выборных членов, было очевидно; я поэтому предвидел, что мне больше не придется заседать, но не думал, что вопрос этот решится так скоро, без намечавшегося Учредительного собрания. Мое давнишнее желание оставить Петроград исполнялось. Служба меня там больше не держала, а дороговизна жизни делала даже невозможным оставаться там, но в материальном отношении наступала полная неизвестность! Дадут ли какую-либо пенсию и когда? Уже 23 декабря, когда я видел многих членов Совета у Голубева, была речь о том, не следует ли нам самим подать в отставку, потому что правительство будет радо нашему добровольному уходу и даст приличные пенсии. Но я находил, что нам не следует самим налагать на себя руку, так как надеялся на скорое восстановление порядка и законности; пока же приходилось подчиняться силе и произволу*.

Для того, чтобы устроиться где-либо в провинции и жить до выяснения того, что я буду получать в будущем, надо было реализовать бумаги и продать городскую обстановку, а, по возможности, и дом в Царском Селе. Однако, время для этого было неподходящее. После революции бумаги на

---

* В законе не было указано размера пенсии для членов Государственного Совета и министров, так как им пенсии определялись по усмотрению государя. Высший размер пенсии, предусмотренный законом по военному ведомству, составлял семь тысяч для корпусных командиров и я считал, что это есть минимум того, что мне могут назначить. Я полагал, что меня не имеют права лишать звания члена Государственного Совета (или бывшего Государственного Совета), увольнять от службы или уменьшать содержание. В конце весны у Каменева высказывались надежды на восстановление монархии и что я вновь буду министром. Я заявил, вполне искренне, что этого не желаю и что в Петроград меня можно вновь заманить лишь на одну должность: состоящего при особе его величества.

бирже упали; предметы обстановки, которые до революции продавались на аукционах по высоким ценам, так как новых предметов в продаже не было, а у публики было много шальных денег, уже не находили столь щедрых покупателей. Оценщик из ломбарда у Синего моста, где я когда-то покупал много вещей, в конце мая заявил, что в последнее время спешно продавалась обстановка разных дворцов и цены сильно упали; он оценил кабинет и будуар по 3 тысячи, гостиную — в 10-12 тысяч и столовую — в 8 тысяч, всего — около 25 тысяч; советовал, по возможности, продать огулом в одни руки и отдать все за 35 тысяч рублей. Подымутся ли цены к осени, нельзя было предусмотреть — все зависело от хода событий в жизни страны. Таким образом, в конце мая финансовые перспективы были плохи. В довершение всего, банки сократили кредит под залог бумаг; вместо двух третей биржевой стоимости они стали выдавать лишь половину их понизившейся стоимости, и мой кредит в банке оказался исчерпанным!

Мы решили отложить ликвидацию имущества до осени, а пока выехать из душного города на дачу, где можно немного отдохнуть от городских тревожений. Однако, и это было не так легко; квартиру нельзя было оставлять пустой из опасения грабежа; кроме того, пустая квартира легко могла быть реквизирована. Поэтому жена надумала сдать квартиру кому-либо на лето. Рядом с нами, у графа Лидерс-Веймарна, гостила княгиня Масальская*, которая взяла квартиру на три месяца за плату в девятьсот рублей, то есть за ту же сумму, какую мы платили домовладельцу. Когда все это было устроено, мы, наконец, 3 июня могли выехать на дачу.

Незадолго до нашего отъезда Зоя Попова привела к нам своего брата, подъесаула одного из кубанских казачьих полков; он до войны был командирован в Персию с командой казаков и ему никак не удавалось вернуться оттуда в полк; в начале года мне удалось устроить ему это при содействии Янушкевича. Попов мне рассказал, что вся их дивизия и пластуны были вызваны с Кавказского фронта и перевезены в Финляндию. Там они были совсем не нужны, особен-

---

* В первом браке она была замужем за братом Лидерс-Веймарна.

но после признания полной внутренней автономии Финляндии. Казаков туда вызвали по-видимому для того, чтобы иметь надежные войска вблизи столицы. Попов говорил, что их полки, действительно, в полном порядке и что всякие комитеты в них существуют только для виду, потому что их приказано иметь. Однако начальство опасалось, что постоянное безделье испортит войска и послало Попова к Керенскому доложить об этом и просить — не пора ли двинуть казаков на Петроград? Керенский тогда на это не решился — он боялся порвать с красными элементами, к которым сам когда-то принадлежал.

Попов говорил, что настроение казачества весьма определенное и твердое. О национализации земли оно не хотело слышать, так как это имело бы следствием упразднение казачества, поэтому и отношение казаков к крайним элементам было вполне отрицательным. На съезде представителей всех казачьих войск было принято решение вооружиться, буде нужно, поголовно для восстановления порядка на Руси; для исполнения этого решения казаки лишь ждут призыва правительства; если же последнее заключит мир с Германией, то казаки выступят самостоятельно. Насколько верны были эти сведения, я не знаю.

Попов очень советовал мне переехать на Кубань, где население надежно и жизнь дешева; он даже предлагал сам съездить туда, чтобы подыскать нам пристанище на лето теперь же. Это предложение я отклонил, потому что ехать так далеко на лето было тяжело, да и удаляться от Петрограда до ликвидации там наших дел было рискованно, так как нельзя было знать, удастся ли осенью вернуться туда? Кроме того, я мечтал поселиться в Крыму, где больше интеллигентного люда, да и население настроено было менее революционно. В Крыму обещал подыскать нам хоть скромную усадьбу Станислав Юльевич Раунер, ехавший туда по делам ирригации южного берега на все лето.

По переезду в Перечицы нам пришлось познакомиться с новыми хозяевами имения, Савиными. Семья состояла из матери, вдовы, трех женатых сыновей, двух замужних и трех незамужних дочерей и около двух дюжин внуков и внучек; все это были очень милые, простые и обаятельные люди, все дамы отличные хозяйки.

В течение этого лета мы ближе познакомились с дьяконом Воскресенским и его семьей, со священником в Перецницах, почтенным отцом Николаем Беляевым, и с жившим там же на даче священником Петропавловского собора, отцом Константином Ивановичем Велтистовым; особенно симпатичен был последний, равно как и его жена и многочисленные дети.

Жизнь на даче потекла тихо и мирно и дала нам отдых от городских тревог и забот. Однако, и на даче продовольствие доставалось не дешево и не легко. До появления свежей зелени и картофеля они доставались лишь с большим трудом, а получение масла, яиц составляло крайне трудную задачу; даже молока нам с трудом удавалось получать по три бутылки в день. Все деревни были переполнены дачниками, на которых не хватало местных продуктов.

С переездом на дачу в моей работе по составлению этих записок наступил перерыв. В городе я ими занимался усердно целыми днями, то разбирая старые записные книжки и сохранившиеся бумаги и письма*, то составляя записки; за три месяца, с март по май, я успел написать 436 страниц почтовой бумаги большого формата, начав уже рассказ об управлении Военным министерством.

На даче я взялся за другую работу. Я упомянул, что отец Журавский подарил мне сочинение Турчанинова; в нем я встретил сведения о Туринской плащанице со ссылкой на сочинение Виньона. Я попросил книжный магазин Риккера добыть мне это сочинение, хотя и не мог указать ему точного его заглавия. Несмотря на трудность сношений с заграницей (через Швецию), Риккер в мае 1916 добыл мне книгу: Vignon «Le linceul du Christ». Чтение этой книги, снабженной многочисленными фототипами, привело меня к убеждению, что хранящаяся в Турине ткань действительно есть подлинная плащаница Спасителя, а имеющиеся на ней изоб-

---

* Особенно много времени отняла статистическая обработка сохранившихся у меня реестров дел к заседаниями Военного совета, частного его присутствия и общего собрания; с этими реестрами я ходил на заседания и в них были мои отметки о сути дела, о решении Совета, кто докладывал дело, кто был представителем от Главного управления; сверх того показаны дела, доложенные сверх реестра. Все эти реестры я осенью 1917 года передал в архив Канцелярии Военного министерства, как материал для будущей истории.

ражения являются нерукотворным его образом. Меня очень интересовало, как относятся к этому вопросу наши богословы, но отца Журавского не было в Петрограде, а кроме него и дьякона Воскресенского у меня не было знакомых из духовных лиц; я поэтому показал книгу дьякону, который ее взял и, продержав всю зиму, вернул весной с настоятельным советом издать ее в переводе на русский язык; все его знакомые, которым он показывал книгу, очень интересовались ею, но плохо понимали французский текст.

С переездом на дачу я и взялся за перевод. Французский текст оказался очень многословным, с многочисленными отступлениями от главного предмета, с полемикой против разных писателей. Делая некоторые сокращения, я в две с половиной недели перевел книгу; пригласив дьякона и отца Беляева, я стал читать перевод, но с первых же страниц сам увидел, что для русских читателей текст не годится. Я поэтому взялся за полную переделку; отбрасывая все ненужное, я сжал изложение книги в 207 печатных страниц до 34 страниц рукописных, потратив на это еще две недели. Это извлечение прочел отец Велтистов, который, между прочим, помнил, что о книге Виньона при ее появлении (1902) были рефераты в русской духовной литературе, но большого внимания на нее, по-видимому, не обратили.

Составленные мною извлечения из книги Vignon я имел в виду издать, как только явится возможность печатать что-либо: в то время цены за набор, печать и бумагу были несоразмерно высоки*.

На упомянутый труд я потратил в два приема около месяца времени; в промежутке (23 июня—7 августа) я опять работал над записками, добавив около двухсот страниц и доведя изложение до конца 1906 года.

На даче у нас в течение месяца гостила тетка жены (тетя Тоня), и мой брат с женой провели у нас пять дней; других

---

* Осенью, по возвращении в город, отец Воскресенский мне сообщил, что духовная цензура закрыта и разрешения ее на печатание не только не требуется, но и получать нельзя, а Леонтьев мне выяснил, что по литературной конвенции с Францией согласие автора на издание перевода требуется в течение первых десяти лет по изданию книги и то лишь в том случае, если это требование оговорено автором.

посетителей не было. С Савиными у нас были хорошие отношения, но знакомство не вязалось; чаще мы виделись с семьями отца Велистова и дьякона. Жена увлеклась работой в саду, а я — своим записками. Время текло тихо и незаметно, и только вести из армии да из Петрограда вносили тревогу в нашу жизнь. Так, 4 июля мы узнали, что в Петрограде идет на улицах резня; 31 июля вечером нам пришли сказать, что из опасения прихода немцев Петроград очищают и вся семья Савиных уже собирается уезжать; на счастье, весть эта оказалась ложной. 24 августа стало известно, что войска из-под Двинска бегут, в Петрограде паника, ждут анархии и грабежа. Более точных вестей не было, и мы 27 августа надумали с дьяконом поехать на станцию Преображенскую, чтобы узнать там от живущего вблизи станции артельщика при Государственной канцелярии, Почаева, что-либо более определенное. Мы узнали, что из города, действительно, идет паническое бегство, что эвакуация разных учреждений намечается, но еще не решена, что о наступлении немцев не слышно. Мы пришли к выводу, что надо пока оставаться в Перечихах, так как там спокойнее, чем в Петрограде, из которого до минования паники все равно нельзя выбраться. На следующий день мы узнали про наступление войск Корнилова²⁹ на Петроград и что железная дорога от нас в Петроград прервана, а 30 августа получено приказание разобрать мостики (лавы) через речку Оредеж. Явилась надежда, что, наконец, казачество с Корниловым во главе двинулось на столицу, чтобы дать правительству возможность подавить крайние элементы, но надежда эта быстро исчезла, так как уже 31 августа получена была весть, что Корнилов сдался Керенскому. Для меня все это дело осталось довольно темным, но я полагаю, что Корнилов сначала был призван Керенским, а затем предан им, когда тот усомнился в успехе. Хуже всего в этом деле было то, что на новый порыв со стороны казаков уже было трудно надеяться, а между тем только на казаков еще и можно было рассчитывать для восстановления порядка, так как вся остальная армия обратилась в нестройные банды! Если опасались наступления немцев, то, главным образом, потому, что перед ними внутрь страны побегут эти банды, грабя все на своем пути! 5 сентября из города привезли весть, что оттуда вывозят ценности и все колокола, а на 12

сентября ожидают большие беспорядки. Побывавший в городе отец Велтистов подтвердил, что в Петропавловском соборе укладываются в ящики все имеющиеся в нем драгоценности.

Все эти вести делали настроение наше тревожным. На беду, в конце августа—начале сентября «Новое время» было приостановлено дней на десять-пятнадцать, несмотря на все провозглашенные в Русской республике свободы. Других газет в Перечицы выписывали мало, поэтому мы оставались без вестей и лишь изредка удавалось просмотреть на почте какую-нибудь чужую газету.

Лишение газет именно в это время было неприятно еще и потому, что в эти дни происходил в Сенате суд над Сухомлиновым, и я был лишен возможности ознакомиться с ходом этого весьма интересного для меня дела! Лишь благодаря любезности одного из дачников я получил газету «Русская воля» от 20 августа, в которой приводились показания, данные Гучковым перед судом. В этих показаниях Гучков, отзываясь сочувственно о моей деятельности, сказал, что меня убрали, по-видимому, за слишком хорошее отношение к народному представительству. Суд завершился обвинением Сухомлинова и оправданием его жены.

Тревожное положение в столице делало очевидным, что в Петрограде будет невозможно оставаться, но куда ехать? Савины думали сначала переселиться всей семьей в Ярославскую или Вологодскую губернии, но должны были отказаться от этого из опасения голода. Один из братьев поехал в Восточную Сибирь, где и купил дом, но все же они до нашего отъезда еще ни на что не решились*. Мы все ждали вестей из Крыма, но их не было. Мой тесть хотел тоже искать, где мы бы могли вместе провести зиму; дом в Черевках был холодный, да и жить там зимой он не желал, поэтому меня весьма удивило, когда он в середине сентября телеграфировал мне, что просит нас зимовать именно в Черевках; оказалось, печи поправили, устроили кое-какие удобства и дом стал годен для зимнего жилья.

Несмотря на все эти тревоги и волнения, жизнь в Перечицах все же текла тихо и уютно, общность тревог и волнений только более сближала дачников. Жизнь была поневоле

---

* Как мы узнали потом, они в конце концов остались зимовать в Перечицах.

самая простая, так как все едва добывали продукты для своего пропитания; зато и установились простые отношения и делались оригинальные подарки: 11 июля брат подарил жене привезенные им из города два фунта масла, а дьякон принес в виде букета головку цветной капусты со своего огорода; на именины его жены, 22 июля, мы отнесли им сухарики, испеченные моей женой по рецепту Савиных. Десятилетие со дня нашей свадьбы было 19 августа; благодарственное молебствие оказалось возможным отслужить лишь 20-го и в этот день мы устроили небольшой обед; но когда гости (по нашей просьбе) остались к ужину, то для его устройства пришлось экстренно занять несколько яиц у одной из гостей, жены дьякона. 30 августа мы устроили ужин, тоже на скромных началах.

Как ни противно было возвращаться в Петроград, но это было нужно для неизбежной ликвидации дел. Мы хотели вернуться к 1 сентября, но княгиня Масальская по телефону убедительно просила оставить квартиру за нею, хотя бы до 15 сентября. Это нас не устраивало, но нам все же пришлось отложить наш переезд до этого числа, сначала из-за суматохи, вызванной движением Корнилова, а затем ввиду ожидавшихся 12 сентября беспорядков. В Петрограде мы в своей квартире застали только прислугу Масальской, и комната miss Austin оказалась запруженной ее вещами; сама она прожила на квартире недолго, а затем уехала в Финляндию, где заболела. Прислуга Масальской вскоре исчезла, и появилась ее компаньонка, англичанка, очень бестолковое существо; она обещала сейчас же вывезти вещи, а пока просила miss Austin жить в гостинице. В действительности мы от ее вещей избавились только 30 сентября*, а до тех пор miss Austin спала в моем кабинете, а днем не имела своего угла. При начавшейся у нас возне по разбору и укладке вещей, все это было крайне неудобно.

Все вещи, которые нам были нужны для новой оседлости, мы решили взять с собою; из обстановки мы оставили

---

* Я просил княгиню Масальскую, поставившую к нам без разрешения свои вещи и занимавшую ими комнату в течение лишнего месяца, заплатить за это мне и miss Austin, но ответа не получил. Когда в Петроград приехал ее муж, я написал и ему, но он тоже предпочел отмолчаться.

себе лишь очень немного вещей, которыми мы дорожили, и, упаковав их, отправили в Царское; туда же я послал малую часть своей библиотеки; все остальное подлежало продаже. Впервые приходилось составлять инвентарь своим вещам и оценивать их для продажи. В этом деле нам помог мой тесть, который 21 сентября вернулся в город и уже через четыре дня продал всю свою обстановку в одни руки за 21 тысячу рублей. Найти покупателя на нашу более богатую обстановку было труднее. Цены на мебель опять поднялись, и мы ее оценили в 60 тысяч рублей. В газетах было напечатано объявление о ее продаже с указанием не адреса, а лишь телефона, чтобы желающие купить дешевый товар не приходили. Телефон звонил беспрестанно и заходила масса народу, но серьезных покупателей не было, поэтому приходилось помещать новые объявления. Таким образом дело тянулось целую неделю, со спокойными днями между выходом объявлений; за это время была продана лишь спальня. Наконец, 3 октября мы всю остальную обстановку продали огулом за 50 тысяч рублей господину Волпянскому, управляющему товарной станцией «Растеряево» (в Петрограде), который, кстати, взялся добыть нам билеты для выезда из Петрограда. Полученная цена в три-четыре раза превышала покупную стоимость, но уже несколько лет как все работы стали, ни новой мебели, ни новых материй не изготовляли, а деньги были в изобилии. Всего мы от распродажи всякого имущества выручили 60 500 рублей, причем за бесценок пошла лишь библиотека, так как на книги было мало покупателей.

В укладке оставленного за собою имущества нам очень помог Иван Горшков, бывший когда-то денщиком у моего тестя, затем артельщиком, вновь поваром у моего тестя и вновь призванный на службу во время войны; он оказался в отпуску и укладывал вещи сначала моего тестя, а затем и наши. Он же добыл нам военный автомобиль-грузовик, который в три рейса отвез в Царское все наши ящики за 800 рублей. В общем же, ликвидация имущества в городе обошлась около 1500 рублей, дав нам чистых 59 тысяч, то есть сумму, по прежней стоимости денег весьма значительную.

В банке я также продал все бумаги, казавшиеся сомнительными, предполагая, что мне удастся приобрести усадьбу

или дачу в Крыму. Я поручил купить мне краткосрочные обязательства Государственного казначейства на имевшиеся у меня 80 тысяч, половину на срок до 1 апреля и половину — до 1 октября 1918 года; этими деньгами я мог бы расплатиться за покупку.

В течение лета мое содержание привозил мне из города дьякон, притом за июнь — в размере трех восьмых оклада; в июле же он уже привез мне полное содержание и, сверх того, все недоданное мне за май и июнь. Оказалось, что по новому закону оставленным за штатом решено давать полное содержание в течение полугода. В городе меня навещил Унтербергер, и мы вдвоем разыскали и. д. государственного секретаря Дорюжинского, чтобы узнать что-либо про свою финансовую будущность; от него узнали, что по неопубликованному закону членам Государственного Совета сохранено содержание на год, то есть до 1 мая 1918 года, а относительно дальнейшего, конечно, ничего неизвестно. Не зная еще вовсе, где нам придется обосноваться, я поручил артельщику Почаеву по-прежнему получать для меня содержание и пенсию; первое сдавать в банк, а вторую ежемесячно переводить мне, сообщая мне при этом, получено ли действительно содержание?

Заведование домом в Царском взял на себя Игнатъев, которому я оставил деньги на расходы ближайшего времени, прося его по возможности продать дом. Предложения в этом смысле мне были сделаны еще летом через двух коммиссионеров (я требовал 200 тысяч), но все разговоры о его покупке прекратились со времени Корниловской авантюры.

Развязавшись таким образом со всеми делами в Петрограде, мы могли тронуться в путь. Смущало меня то, что я от Раунера из Крыма не имел вестей! Ввиду повсеместной неурядицы я уже стал желать попасть на Кубань, но там я решительно никого не знал, а Попов куда-то исчез: даже мать его не знала, куда он уехал из полка.

Я очень уговаривал брата тоже распродать свое имущество и уехать куда-либо в провинцию, но он не решался на это, не выяснив предварительно, где он мог бы поселиться? Чтобы сколько-нибудь обеспечить его и облегчить решение, я ему оставил три тысячи рублей.

Определить заранее, к какому сроку мы справимся с укладкой вещей и отправкой части их в Царское, было довольно трудно; поэтому я лишь несколько гадательно мог заявить Волпянскому, что мы можем выехать 20 октября и я прошу его добыть нам билеты на этот день. Все работы по укладке велись в расчете на выезд в этот день. Но за неделю до него Волпянский сообщил мне по телефону, что на 20-е он мне билетов добыть не может, поэтому предлагает мне выехать 18-го, на что пришлось согласиться. Потом, при личном свидании, он мне объяснил, что 20-го ожидаются большие беспорядки, так что в этот день нельзя будет выехать, и неизвестно, когда потом можно будет ехать, потому надо выезжать поскорее. Волпянский 17-го вновь был у меня и обещал вечером прислать мне билеты для отъезда на следующий день, но в двенадцатом часу вечера сообщил по телефону, что билеты будут только на 19-е, и он их привезет мне 18-го вечером или 19-го утром*. Благодаря этому у нас оказался лишний день для укладки, что было весьма кстати; 18-го вечером мне сообщили по телефону, что билеты получены и мне их привезут 19-го утром. На следующее утро Волпянский нам сообщил по телефону, что на скорый поезд (в 5.40 дня) прислуга не примут, так как в нем нет вагона третьего класса; поэтому она должна выехать двумя часами раньше, ее и багаж к двум часам надо выслать на железную дорогу, где прислуга получит билет от комиссионера; он сам заедет к нам в одиннадцать часов. Багаж с Иваном был своевременно послан на станцию на грузовом моторе. Сам Волпянский приехал с билетами для нас только в половине второго, когда мы обедали; пообедав с нами, он на своем моторе отвез нашу горничную Таню на железную дорогу и обещал заехать вновь в четыре часа, чтобы отвезти и нас. Прождав его до четверти пятого, мы послали за извозчиком, которого, действительно, удалось достать, и мы вовремя попали на станцию. Там оказалось, что в скором поезде все же есть вагон третьего класса, поэтому прислуга и багаж могут ехать в одном поезде с нами. На станции была страшная толкотня и суета, но все устроилось благополучно, и в 5.40 мы выехали из Петрограда в спальном купе международного общества.

* Отсрочка была вызвана тем, что 18-го произошла частичная забастовка на железной дороге.

Столь успешным выездом из города, при тогдашних трудных условиях, мы были обязаны Волпянскому и Ивану Горшкову. Волпянский был человек очень обязательный и любезный и притом лично заинтересованный в скорейшем нашем отъезде. Только благодаря его связям в железнодорожном мире, можно было столь быстро достать билеты для выезда, притом на такой именно день, когда поезда действительно отправлялись; особенно трудно было достать билеты третьего класса, которых нам нужно было пять штук, чтобы иметь возможность сдать весь наш багаж, так как на каждый билет принимали не более пяти пудов багажа. При всех своих достоинствах Волпянский был, однако, крайне неаккуратен и ему было нипочем вовсе не приехать в назначенный день или же опоздать с приездом часа на два-три; деньги за проданную ему обстановку он тоже привез не в назначенный день, а лишь за несколько дней до нашего отъезда. Все это происходило по-видимому оттого, что у него была масса спешных дел, а он не умел распределять свое время; но эта неаккуратность заставляла сомневаться в исполнении им своих обещаний, в том числе и по доставке билетов. Все дело по ликвидации имущества в Петрограде было сложно, спешно и суетливо, а Волпянского несколько раз приходилось ждать часами, не имея возможности выйти из дому по делам; приходилось даже сомневаться, устроит ли он наш отъезд, и все это еще более нервировало в это и без того крайне нервное время!

Иван Горшков, человек крайне расторопный, оказал нам громадную помощь по покупке, укупорке, укладке и отправке вещей, по найму автомобилей и проч.; он поехал с нами в Черевки и помог нам в возне с нашими вещами в Киеве и в дальнейшем пути.

Только усевшись в вагон, мы получили полную уверенность в том, что мы, действительно, выбрались из Петрограда; кроме массы вещей, сданных в багаж, в нашем купе еще было много мелких и даже не особенно мелких вещей, например, тяжелый сундук со столовым серебром.

В поезде не было вагона-столовой, но мы имели с собой еду, а проводник вагона доставлял нам чай, для которого сахар и сливки у нас тоже были с собою; таким образом, мы могли ехать спокойно и с комфортом, почти не выходя из своего купе.

Кроме Ивана с нами ехала горничная Таня, молоденькая и смазливая девушка, которую жена наняла за несколько дней до нашего отъезда, поверив ей, что она отличная портниха. Иван и Таня ехали в страшной тесноте и о комфорте для них не могло быть речи; не только вагон третьего класса был битком набит солдатами, но они наполняли и конечные площадки нашего вагона; чести они, конечно, не отдавали, но в остальном держали себя прилично.

В Киев мы прибыли 21-го в два часа дня и поехали искать себе комнату, чтобы переночевать. У Гладынюка мы по телефону заказали комнату, но таковой не оказалось; мы объехали дюжину гостиниц и меблированных комнат, нигде не могли найти пристанища и вернулись к Гладынюку, где нам в конце концов все же нашли маленькую комнату, в которой мы переночевали втроем с Таней.

На следующий день мы двинулись дальше. В поезде на Полтаву кроме вагонов третьего класса оказался лишь один второго класса, который, конечно, был переполнен, но нам все же удалось сидеть. До станции Переяславской мы ехали почти пять часов и прибыли туда в половине третьего дня. Экипажа там для нас не оказалось. Согласно указаниям, данным на такой случай моим тестем, мы послали верхового версты за четыре в имение Хмелевых с письмом двоюродной сестре Ольги Александровны — Любови Измайловне Лукашевич, прося ее помочь нашей беде. Сама хозяйка была в гостях у соседей и только по ее возвращении за нами захал ее экипаж, запряженный четверкой, и арба для наших вещей. В семь часов вечера, проведя на станции несколько тоскливых часов, мы выехали в полной темноте и вскоре очутились под гостеприимным кровом Л. И. Лукашевич. Переночевав у нее, мы на следующий день в ее экипаже поехали в Черевки, а с нами и весь наш багаж. Тяжелый и сложный переезд из Петрограда в Полтавскую губернию был совершен вполне благополучно.

Для характеристики произошедшего к этому времени подъема цен (или вернее — падения денег), упомяну, что за отвоз багажа по железной дороге в Петрограде грузовой мотор взял 45 рублей, извозчик на Царскосельский вокзал (четверть часа езды) — 7 рублей; в Киеве парный извозчик, на котором мы объезжали гостиницы, взял 31 рубль;

простой обед в Киеве на нас двоих обошелся в 15 рублей, а обед двух прислуг — 8 рублей; все цены возросли уже раз в пять и больше.

В дорогу я взял с собою около четырех тысяч рублей, считая, что этого хватит с избытком на поездку в Черевки и далее в Крым, а также на жизнь в течение двух-трех месяцев, в течение которых я мог распорядиться высылкой мне содержания и денег из банка. Братъ с собою больше я считал излишним и даже несколько опасным при тогдашних условиях передвижения и жизни на Руси.

В петроградском банке у меня оставалось обязательств Государственного казначейства на 80 тысяч рублей и бумаг на 35—40 тысяч рублей. Остальное имущество было разбросано: самое нужное (30—40 пудов) было с собою; часть вещей (46 мест) отправлена в царкосельский дом; все картины и несколько мелких вещей оставлены в квартире у Волпянского; оцененные в 28 тысяч рублей, эти вещи были сданы ему под сохранную расписку по 1 июля 1918 года (срок найма квартиры); рояль фабрики Рениша, с которым жена не захотела расстаться, был поставлен на квартиру домовладельца Ризенкампа; часть меховых вещей оставлена на хранение у меховщика; кольцо и другие золотые вещи жены весной 1917 года были сданы в Судную казну Государственного банка и под них взята ссуда на год в 4500 рублей; судьба этих вещей была неизвестна, так как летом все вещи Судной казны были вывезены куда-то (говорили — в Ейск). Таким образом, все наше имущество было разбросано; когда и как и даже — что удастся вновь собрать, являлось совершенно неизвестным. Дом в Царском со старой мебелировкой и со всем перевезенным туда имуществом тоже оставался почти на произвол судьбы, и было неизвестно, долго ли останутся в нем Чихачевы? Новых жильцов трудно было найти, а пустой дом легко мог быть реквизирован и даже разграблен. В общем, выезд из Петрограда был сопряжен с полной разрухой всего нашего хозяйства и имущества, и было совершенно неизвестно, что из него удастся спасти и сохранить; неизвестно было также, что мне впредь будет давать казна в виде содержания или пенсии. Тем не менее, мы были рады, что выбрались из Петрограда и бодро смотрели в будущее: я был убежден, что республика и

вызванные ею беспорядки на Руси долго продержаться не могут, а с восстановлением монархии вновь можно будет жить спокойно, устроившись на скромных началах где-либо в провинции, лучше всего в Крыму.

Отъезд из Петрограда развязал нас от нравственных обязательств в отношении miss Austin. Она у нас прожила семь лет, была чрезвычайно симпатична и стала совсем членом семьи. В последние годы она сильно состарилась, и с возрастающей дороговизной ее нехозяйственность стала становиться особенно чувствительной для моего кармана; но несмотря на это и некоторые другие обстоятельства, наше отношение к ней было таково, что мы вероятно никогда не решились бы отказаться от ее услуг, и теперь тоже предложили ей ехать с нами. Но она категорически от этого отказалась, так как в Петрограде оставался ее больной муж, с которым она не могла расстаться. В душе я был очень рад ее отказу.

В Черевках мы думали прогостить недели две-три, а затем двинуться дальше. Мой тесть и его жена столько раз говорили о невозможности зимовать в Черевках ввиду его отрезанности от внешнего мира, что я ожидал от них решения двинуться дальше вместе с нами. Куда именно двигаться дальше, мы еще в точности не знали. С. Ю. Раунер появился у нас в день нашего отъезда, когда даже некогда было переговорить с ним; он уверял, что искал для нас дачу и что нам писал, и мог только рекомендовать один пансион в Алушке. Я еще писал о том же его сыну, служившему на стройке Крымской железной дороги, а Лебединского, ставшего нотариусом в Гаграх, я запросил относительно поселения в Кубанской области или на Черноморском побережье. Ответы их, полученные в Черевках, были неутешительны: Лебединский предлагал купить дом в Гаграх, а Лев Раунер — в Балаклаве; Гагры меня вовсе не манили, а дом в Балаклаве хозяева его раздумали продавать; оставалось ехать в какой-нибудь пансион в Крыму. Однако, и туда нам не пришлось ехать.

Через несколько дней после нашего отъезда из Петрограда, там произошел новый переворот: правительство Керенского было свергнуто и власть перешла в руки большевиков. Провозглашаемые ими принципы были крайне соблазнительны для темных масс: равномерное распределение богатств (капиталов и земли) увлекало даже многих уче-

ных-теоретиков и, конечно, еще во много раз сильнее должно было увлекать темные, малоимущие массы, которым оно обещало внезапное обогащение. Проповедь большевизма о национализации земель и капиталов и равномерном их распределении встретила именно в русском крестьянстве особенно восприимчивую почву, так как крестьяне искони владели землей (основой своего хозяйства) на общинных началах, и национализация земель должна была распределить те же начала на все вообще земли государства (казенные, помещичьи, церковные...). Народ, конечно, не понимал, что при таком уравнивании достояния все станут не богатыми, а одинаково бедными; то, что государственное хозяйство при этом вовсе разорится, было ему вовсе непонятно, да его и не интересовало. Среди крестьян были, правда, и более состоятельные, владевшие землей на праве собственности, но число их было сравнительно невелико, и кроме того, их уверяли, что земли отберут только у «буржуев», которые не сами их обрабатывают. Таким образом, и хозяйственный уклад деревни, и возможность сразу обогатиться за чужой счет, и темнота народных масс делали их особенно восприимчивыми к большевистской агитации, и неудивительно, что с переходом власти в руки большевиков их идеями увлеклись как армия, так и народные массы.

Из армии, где и до того дисциплина почти исчезла, началось массовое дезертирство; все железные дороги были запружены солдатами, которые бесплатно катались по ним: уезжали на родину, возили продукты на продажу в города и проч. При этом поезда не только переполнялись и перегружались, но подвижной состав и станционные сооружения зря портились и ломались, так что дороги почти переставали работать.

В деревнях агитация распространялась неравномерно, в зависимости от хозяйственного уклада населения, от большей или меньшей его обеспеченности, от числа крестьян-собственников и массы других условий. В Полтавской губернии до середины октября было еще спокойно; крестьяне уже знали, что все «панское» добро будет отобрано и роздано им, но пока еще терпеливо ждали распоряжений о передаче и распределении этого добра. Но за несколько дней до нашего приезда в деревню уже было совершено первое

нападение на помещичью усадьбу: напали на усадьбу нашего ближайшего соседа, Чучмарева, расположенную в самом селе Черевки; его самого изранили и ограбили, причем никому в селе не пришло в голову прийти к нему на помощь. Это нападение носило характер простого грабежа: напали ночью, ограбили и скрылись; очевидно сознавали, что творят что-то недозволенное. Но затем настроение деревни стало меняться, чему особенно способствовало возвращение солдат и матросов. 12 ноября приехавшая к нам Л. И. Лукашевич привезла вест, что надо ожидать погрома усадеб, а ровно через две недели ей уже самой пришлось спешно спастись из деревни в уездный город. Настроение деревни переменилось так быстро, что еще за месяц-полтора до своего выезда из деревни Л. И. не предвидела еще никакой опасности и обещалась в течение всей зимы часто приезжать в Черевки.

Когда, 23 октября, мы приехали в Черевки, настроение было еще относительно спокойное, но постепенно оно становилось более тревожным. Одно время мы думали выехать все вместе в Крым и даже запрашивали Володю, где остановиться в Симферополе, как получить разрешение на въезд в Севастополь, но затем выяснилось, что всякий проезд по железной дороге уже невозможен, и мысль о Крыме пришлось вовсе оставить. Тогда появилось предположение переехать в Киев, и для выяснения его возможности мой тесть с женой выехали 14 ноября на железнодорожную станцию, чтобы проехать в Киев. Но попасть туда им не удалось: все поезда страшно опаздывали, были переполнены солдатами и сесть в них оказалось невозможным; прожив у Л. И. Лукашевич два дня, они вынуждены были вернуться домой. Приходилось поневоле наметить для бегства из деревни жалкий уездный город Переяслав, до которого можно было добраться на лошадях. Поэтому утром 19 ноября из села был вызван еврей Янкель и ему дано поручение съездить в Переяслав и подыскать там квартиры нам и Л. И. Лукашевич; это поручение, однако, вслед за тем было отменено: в тот же день приехала Л. И. и сообщила, что погромы усадеб уже начались, поэтому надо торопиться подысканием городских квартир и с выездом из деревни. Поэтому мой тесть на следующий день поехал с Л. И. в ее имение, чтобы

с ее зятем, Тищенко, проехать в Переяслав и в Киев. Однако, в Киев он не решился ехать, так как были слухи, что там беспорядки; в Переяславе он квартиру не нашел и вернулся только с предложением купить пополам с Л. И. дом доктора Воблы за 53 тысячи рублей; такая покупка представлялась однако неудобной и не состоялась, поездка же оказалась вообще безрезультатной.

Вслед за тем, 26 ноября, Л. И. была вынуждена бежать в Переяслав, где наняла несколько комнат у того же доктора Воблы. Положение уже становилось серьезное; чтобы несколько обезопасить себя, в дом были переведены на жительство приказчик и трое военнопленных, а мой тесть и я зарядили по револьверу; было решено при первой возможности переехать в Переяслав, но ничего для этого не делалось. Вечером 27 ноября у соседа Чучмарева сгорела от поджога клуня его арендаторов. Наконец, через месяц, 26 декабря, мой тесть условился ехать с Чучмаревым в Переяслав, хлопотать о получении денег за поставленный земству хлеб и искать квартиру; решили ехать сейчас, до Нового года, но затем отложили до Крещения, потом из-за оттепели вновь отложили и поехали только 15 января. В общем, хотя и не было уверенности в завтрашнем дне, хотя необходимость готовиться к выезду не подлежала сомнению, но все же как-то не верилось, что действительно придется выезжать: отношения к жителям села Черевки были вполне хорошие; в селе было много состоятельных крестьян и казаков, являвшихся естественными сторонниками законности и порядка, и вообще, со стороны села не предвиделось никаких неприятностей; опасались только нападения какой-либо банды грабителей, да и то только ночью. Поэтому и жизнь в усадьбе в общем текла спокойно. Я усердно писал свои записки* и читал, жена занялась рукоделием; к Рождеству мы из имевшихся материалов готовили друг другу подарки и устроили небольшую елку**.

---

* В Черевках составлены записки за 1907—1911 гг.

** В зависимости от имевшегося материала работы были преимущественно переплетные: из двух привезенных нами кож с выданным рисунком мы соорудили два бювара; жена мне сделала две папки к рукописи моих записок; И. В. сделал рамки из папки, обтянутой материей.

Однако агитация в селе продолжалась. Образовавшаяся в Киеве Рада окончательно убедила крестьян в их праве на «панское добро», издав «универсал», которым это добро объявлялось народным достоянием; в селе беспрестанно по звону церковного колокола созывались «митинги», в которых спокойные элементы отказывались участвовать и где разглагольствовали крайние элементы. В селе образовался свой «комитет», который решил взять имение Черевки «на учет» с тем, чтобы владельцы уже не имели права продавать что-либо из его инвентаря и запасов; 30 декабря комитетчики явились в имение и составили опись; они вели себя прилично и в дом не входили*; приказчик (крестьянин села Черевок) признал положение настолько неуютным, что отказался от должности. В середине января приезжал еще волостной комитет для проверки составленной описи.

В январе с востока пришло нашествие большевиков. Откровенно сознаюсь, что не знаю, была ли какая-либо разница в экономических теориях киевской Рады и большевиков, на практике Рада по-видимому не желала такого бессмысленного разгрома поместий, какой производили большевики. Рада объявила Украину «самостийной», и большевики шли на Киев, чтобы вновь покорить и, главное, чтобы разграбить Украину.

Меня в эту зиму часто поражало, до чего многие украинцы были уверены в величии и богатстве Украины, в способности ее к самостоятельной жизни, наконец, в том, что Великороссия без Украины жить не может! Все это, конечно, объяснялось полным незнанием хотя бы самых элементарных статистических сведений о производительности и внешней торговле России! Даже люди сравнительно интеллигентные говорили, что Великороссия не может прожить без украинских пшеницы и сахара! С гордостью они также говорили об украинских войсках, оплоте их самостийности.

О подходе большевиков мы узнали от земского почтаря, приехавшего к нам 9 января после десятидневного перерыва; он заявил, что больше не приедет, так как железные до-

---

* В это утро приезшему торговцу была продана часть индеек и кур; по требованию комитета от этой продажи пришлось отказаться. Однако владельцам имений милостиво разрешалось самим питаться живностью и запасами имений.

роги стали и почты не будет, и что в Переяславе украинцы готовятся к бою с большевиками. Однако последние наступали медленно: мой тесть, наконец, 15 января собрался в Переяслав и 18 успел января вернуться, как раз перед проходом большевиков к Киеву. В Переяславе он нашел лишь одну квартиру в Пидворках (предместье), но имелась надежда на другую в городе, поэтому он окончательное решение дела предоставил Л. И. Лукашевич. 22 января из соседнего местечка Яготин была получена весть, что большевики были там, запретили всякий грабеж и, уходя, оставили там несколько всадников для наблюдения за порядком. Это мало гармонировало с их обычным образом действий и укрепило моего тестя в убеждении, что большевики собственно монархисты, временно подлаживающиеся под настроение населения (!).

24 января в усадьбу пришли тайком под видом охотников два крестьянина из села и предупредили, что крестьяне собираются громить усадьбу; вскоре после них приехал и священник из села с тою же вестью. В селе происходило брожение: большинство стояло за законность и порядок, но оно держало себя пассивно и боялось меньшинства, состоявшего из людей решительных, большей частью бедных, которые ничего не могли потерять, а надеялись выиграть многое. В эти дни большинство, было, одолело и поставило свой комитет из хороших людей, которые просили моего тестя ничего не бояться и оставаться в деревне, а вслед затем они сами убоялись и отказались от участия в комитете! Все они были в страхе, что их либо убьют, либо подожгут их хаты или хлеб! В стране ведь не было никакой власти, которая бы хотела и могла поддерживать порядок и карать за преступления; в уезде уже почти все усадьбы были разграблены; приход большевиков еще усиливал волнение среди крестьян и придавал больше смелости любителям чужой собственности. Полученные вести из села заставили нас 24 же января начать укладку наших вещей; она была закончена 26 января.

Не имея вестей из Переяслава о найме квартиры, мы решили раньше всего перебраться в близкий от нас Яготин, и мой тесть хотел 26-го ехать туда искать помещение; но утром он раздумал и решил ехать на станцию Переяславскую

к большевистскому коменданту: он думал, что тот ему окажет помощь ввиду того, что большевики восстанавливают порядок и запрещают грабить!* На счастье, 26-го же приехал, наконец, нарочный из Переяслава с вестью о найме квартиры и при нем оказался еще один крайне интересный документ: жалоба Л. И. Лукашевич тому же коменданту на разграбление крестьянами ее имения и надпись-резолюция коменданта на ней; в этой надписи комендант говорил, что все в имении принадлежит народу, и он вполне сочувствует тому, чтобы все скорее перешло к нему. Стало вполне ясным, что к этому коменданту не стоило обращаться за помощью и что ему нельзя отвозить ценных вещей. И. В. решил поэтому ехать на следующий день в Яготин искать помещения; однако чувствовалось, что медлить нельзя, а потому вечером принято новое решение: утром я с женой должен ехать в Яготин, взяв с собою все вещи, для чего в селе у надежных крестьян будут наняты подводы. Я предлагал выехать уже ночью, но было решено выехать лишь часов в восемь-девять, так как опасности нет.

Я должен оговорить здесь, что я вообще не принимал участия в решении вопроса: что делать? Не зная ни местных крестьян, ни вообще местных условий, я не мог дать путного совета и предпочитал молчать. Вопрос: выезжать ли из имения или нет, был особенно острый, так как надо было ожидать, что после отъезда оно будет разграблено, а потому этот вопрос должны были всецело решать хозяева имения. Лично я считал, что смута не может длиться долго, но что помещение на случай бегства надо подготовить, притом лучше в провинции, а не в Киеве, где будет трудно найти помещение и еще труднее получать пропитание.

В ночь с 26 на 27 января пришлось спать мало. До того мы все ночи спали отлично и теперь тоже, закончив укладку вещей, спали крепким сном, когда были разбужены движением в доме; одна из горничных, вернувшаяся в третьем часу из села, сообщила, что утром хотят прийти, чтобы отобрать лошадей. Стало очевидным, что нам надо ехать до того; в имении было восемь лошадей, которыми можно было запречь четверо саней; лошадей сейчас же стали кормить, а

---

* Туда же под его охрану он думал отвезти ценные вещи.

затем запрягать, из села пришел бывший приказчик сообщить, что из села подвод не будет, так как крестьяне боятся помогать панам! Пришлось выбирать, что из вещей надо спасать в первую голову и что оставлять; сани нагружали потихоньку, не вынося на двор свету, чтобы издали не было ни слышно, ни видно, как мы уезжаем; в начале шестого тронулись трое саней с вещами, а через полчаса двинулись и наши сани, в которых были мы с женой, Таня, наиболее ценные вещи и деньги. Погода была чудная, было совсем тихо и тепло, вероятно около нуля; луны не было и было довольно темно; снегу было немного и дорога местами была тяжелая; возы шли почти все время шагом; мы их скоро нагнали и затем ехали за ними. До самого Яготина мы никого не встречали; приближаясь к Яготину, мы в полуверсте от дороги видели пожар; крестьяне разбирали на одном хуторе солому и часть ее подожгли для освещения; благодаря ему их фигуры и возы были нам хорошо видны. В девять часов утра мы прибыли в Яготин и тотчас нашли пристанище в «гостинице» Манилова.

До выезда из Черевок я ходил в военной форме, теперь пришлось с нею по возможности расстаться. У меня от заграничных поездок было штатское платье, но не было ни теплого пальто, ни зимней шапки. Я одел военный китель без погон, штатские брюки, высокие сапоги и генеральскую серую мерлушковую папаху без галунов и кокарды; в дорогу я одел енотовую шубу военного фасона; такой костюм не был военным, но и штатским его нельзя было признать.

Моего тестя и его жену мы оставили в трудном положении; они решили утром призвать сельский комитет и сдать имение, а затем ехать в Яготин. Однако настроение и намерения комитета были вовсе неизвестны и даже не было уверенности в том, что для выезда из деревни дадут воспользоваться собственными лошадьми, когда они вернутся из Яготина; поэтому меня просили нанять в Яготине четыре подводы и выслать их в Черевки. Никакого насилия против личности И. В. и его жены не было основания опасаться.

По приезду в Яготин начались поиски подвод; их удалось было нанять, но они затем отказались ехать, боясь столкновения с жителями; в конце концов, все же удалось

нанять четыре подводы, которые вместе с нашими под вечер пошли в Черевки.

От хозяина гостиницы я узнал, что в Яготине порядок поддерживается чешскими частями, объявившими себя нейтральными в борьбе большевиков с украинцами, а относительно выручки, в случае надобности, моего тестя, он мне посоветовал переговорить с чешским комендантом. Последний заявил мне, что он ведает лишь порядком в местечке, и предложил обратиться к начальнику чешской дивизии, русскому генералу Подгаецкому, живущему на окраине местечка, в усадьбе князя Репнина. Я поехал к Подгаецкому, он высказал полное сочувствие и обещал по телефону узнать у командиров полков, есть ли возможность выделить команду и каково настроение стрелков? Он мне сообщил, что большевикам еще не удалось взять Киев и они вообще такая дрянь, что один из его полковых командиров брался захватить большевистского главнокомандующего Муравьева³⁰ со всем штабом, но он ему запретил. Далее он сказал, что задачи большевиков ему не ясны, так как во главе их стоят бывшие монархисты, и один из помощников Муравьева пел в пьяном виде «Боже, царя храни». В виде слуха он мне сказал, что казаки уже вытеснили большевиков из Харькова и Кременчуга; слух этот оказался потом неосновательным: большевики, хотя и дрянные в военном отношении, все же оказались лучше украинских войск и через несколько дней взяли Киев, где стали грабить и неистовствовать!

Посылка команды чехов в Черевки оказалась невозможной: вероятно, стрелки не пожелали идти туда? На счастье оказалось, что и надобности в их посылке не было. Прибывшие комитеты держали себя вполне прилично и предоставили брать из имения все, что угодно; поэтому мой тесть решил остаться в Черевках еще два дня, уложить кое-что и затем переехать прямо в Переяслав. Все это я узнал днем 28-го из письма, привезенного из Черевки четырьмя подводниками, вернувшимися в Яготин с грузом вещей; нас просили переехать в Переяслав с вещами 1 февраля. Таким образом, в Черевках все шло мирно; нам предоставлялось провести четыре дня в Яготине. У нас была очень убогая комната, в которой стояли кровать, диван, столик и не-

сколько стульев; выходить было трудно, так как на улицах была гололедица, покрытая водой; тем не менее, мы совершили несколько прогулок в соседний парк Репниных, читали привезенные с собою книги и наслаждались чувством безопасности, благодаря которому всякие шумы и крики на улице нам были безразличны.

Переезд в Переяслав (верст сорок) мы совершали уже на колесах; мы выехали лишь в половине одиннадцатого, так как нагрузка вещей на подводы шла медленно; впереди шли шесть подвод, а за ними ехали мы в фаэтоне, в котором были и все ценности. Опасным считался проезд через большой лес верстах в десяти от Переяслава, так как в нем бывали разбойники, поэтому через него рекомендовалось ехать всем вместе, но мы еще до него уехали вперед и прибыли в пятом часу, а вещи — лишь в семь часов. В Переяславе мы уже застали моего тестя с женой, переехавших двумя днями раньше, тоже вполне благополучно.

Квартира, нанятая для нас, была на Пидворках, по Золотоношской улице, дом № 6. Дом, принадлежавший еврейке, г-же Гурович, состоял из семи комнат и кухни; хозяйка оставила за собою две с половиной комнаты и нам отдала четыре с половиной; кухня оставалась общей; большая гостиная была поделена между нами перегородкой, завешанной коврами; у нас были две спальни, столовая и полторы комнаты для прислуги и вещей. Нам досталась комната в пять на шесть аршин, в которой стали две кровати, туалетный столик, умывальник, кресло и стул, да несколько сундуков; как спальня она еще могла годиться и ее главным недостатком являлось отсутствие форточки; но днем в ней сидеть было неудобно, так как кому-нибудь из нас надо было сидеть на кровати; столовая же была проходная и через нее весь день ходили в обе спальни и в холодную переднюю, служившую кладовой. Двери все были без замков; они только трением удерживались в закрытом состоянии и легко открывались собаками и сами собою, причем в столовую врываются то тепло и запахи кухни, то холод передней; через тонкую стену была слышна вся болтовня и ругань четырех человек прислуги. Таким образом, и в столовой сидеть было донельзя противно; все это изменилось к лучшему только в конце марта, когда погода стала теплее, так что можно было

выставить в окна вторые рамы — в столовой прекратились холодные дуновения из передней. Во всяком случае, в нашей спальне и в столовой мыслимо было разве читать что-либо; я попробовал, было, взяться вновь за писание своих записок, но в три приема написал менее трех страниц.

Чтобы выходить из дому, мне надо было подложить вату в свое легкое пальто; жид-портной это сделал довольно плохо, все же это дало возможность выходить на улицу. Радости от этого было мало, так как на улице было грязно, в город ходить было незачем и оставалось только гулять по своей Золотоношской улице до самого ее конца. В городе было только одно знакомое семейство, Л. И. Лукашевич, да и туда не тянуло, так как разговоры там вертелись около предметов повседневных, которые надоели и без того. В общем, первое время пребывания в Переяславе было тоскливо донельзя и заставляло вспоминать о пребывании Меньшикова в Березове.

Поворот к лучшему наступил в начале марта, когда мы получили лучшую комнату и познакомились с Марианной Ивановной Дембовской.

Мой тесть с женой имели комнату, вдвое большую чем наша; она была угловая и оказалась сырой, поэтому О. А. в середине февраля заболела простудой, от которой никак не могла избавиться, вследствие чего пожелала занять нашу комнату, более теплую и сухую; благодаря этому, у нас оказалась комната непроходная и с письменным столом, где мы и стали проводить целые дни, вне хозяйственной сутолоки, а я вновь занялся писанием своих записок.

Я упоминал, что мне в Черевках пришлось познакомиться с бывшим земским начальником Михайловым. Он жил в своем доме у въезда в город Переяслав, так что, идя в город, мы всегда проходили мимо него; но впечатление от первого знакомства не располагало к его возобновлению — он показался мне хвастливым болтуном. Однако, Михайлов сам зашел к нам и пришлось отдать ему визит, причем я познакомился с его крайне симпатичной и радушной семьей, да и он сам в семейной обстановке производил совсем иное впечатление. Его дочь, М. И. Дембовская (в разводе с мужем), чрезвычайно симпатичная и лихорадочно деятельная, давала уроки французского языка как в школе, так и дома;

у себя на дому она преподавала по разговорной системе Берлицца; она еще владела английским и итальянским языками. Узнав, что О. А. когда-то изучала итальянский язык, она предложила читать с нею итальянские книжки; когда же знания О. А. оказались слабыми, то она предложила давать нам уроки итальянского языка по системе Берлицца. Это предложение мы приняли все четверо, и 16 марта начались наши занятия. Одновременно жена и О. А. начали учиться игре на мандолине; в доме Михайловых собирался целый кружок мандолинистов и один из них взялся давать им уроки. У нас была мандолина, оставленная Володей в Черевках и привезенная оттуда. Эти новые занятия придали известный интерес нашей жизни, бывшей до того совершенно бесцельной и бессодержательной; частые посещения М. И. Дембовской вносили в наш дом значительное оживление; наконец, в гостеприимном доме Михайловых собиралось много народу и велись разговоры на всякие темы, за исключением только злословия и сплетен, которыми обыкновенно забавляются в провинциальных гостиных.

Город Переяслав лежит вне обычных путей сообщений. Названная по нему железнодорожная станция находится от него в 27 верстах, а до пристани на Днепре верст 12. Поэтому понятно, что он представляет собою совершенную глушь и имеет значение лишь как административный центр уезда. До войны в нем жили только люди, привлеченные туда службой, да евреи; теперь население значительно увеличилось вследствие прилива помещиков, бежавших из деревень, и жителей больших городов, искавших более спокойной и дешевой жизни. В это смутное время бездорожье и ничтожность города сослужили ему службу: он остался в стороне от крупных событий, происходивших на Украине. Мы лишь от приезжих (за отсутствием почты) узнавали о неистовствах большевиков в Киеве и о призыве Радой немцев; только при бегстве большевиков из Киева часть их спаслась через Переяслав и 15—20 февраля в городе была стрельба. 19 февраля в город наехала масса мужиков из ближних сел, чтобы пограбить, но тут они узнали, что чехи грабят их села и поспешили домой; через неделю в город вступила немецкая кавалерия и порядок был обеспечен. Точно так и о свержении Рады и о появлении нового правительст-

ва с гетманом Скоропадским во главе мы узнали, как о совершившемся факте, 16 апреля. Одним из знаменательных актов нового правительства было признание прав собственности за помещиками, вследствие чего крестьяне должны были вернуть последним разграбленное уже добро и платить им за пользование захваченными у них землями. Для массы крестьян это было большим разочарованием. Неудивительно, что все их симпатии по-прежнему оставались на стороне большевиков, и они лишь нехотя подчинялись распоряжению нового правительства. Собственные силы последнего, состоявшие из гайдамаков, казаков и милиции, были малочисленны и совершенно ненадежны, но они опирались на немецкие, тоже малочисленные, но производившие на население сильное впечатление своими энергичными и подчас жестокими выступлениями. Население подчинялось силе, но по-прежнему мечтало о захвате помещичьей земли; не было сомнения, что в случае ухода немцев крестьяне вновь взялись бы за грабеж имений и что наступившее замирение страны было непрочно. Политика немцев и в данном случае была лжива и эгоистична; поддерживая большевизм в остальной России, чтобы окончательно разорить и обессилить ее, они на Украине восстанавливали порядок, чтобы иметь возможность получать там продовольствие для своего голодавшего населения. Жителям Украины приходилось радоваться, что эгоистические расчеты немцев заставляли их против воли делать добро!

Из Великороссии вестей не было. С начала года почта и телеграф бездействовали; только во второй половине марта возобновилось почтовое сообщение по Украине, и я получил несколько залежавшихся писем из Петрограда*. В конце мая мне удалось послать письмо брату через гимназиста, ехавшего в Петроград и ровно через два месяца я получил от него ответ, посланный через украинского консула в Петрограде. Во второй половине июля, наконец, был возобновлен прием простых и заказных писем в Великороссию.

От Володи почти не было вестей; в конце апреля пришло от него письмо из Бельбека, от середины марта, а после то-

---

* 8 марта начальник почтового отделения не знал, какой почтовый тариф действует; большевики установили: за загородное письмо — 35 копеек и за заказ — 70 копеек; вскоре на Украине назначено по 25 копеек за то и другое.

го в Крыму происходили кровавые события, а вестей уже не было. Как только открылось почтовое сообщение по Полтавской губернии, я запросил его тещу, Н. Ф. Ильяшенко, но и она ничего не знала. 24 апреля, совершенно неожиданно, Володя появился у нас. Вследствие закрытия авиационной школы он остался без службы и без содержания и поехал искать и того, и другого в Одессу и Киев, а оттуда поехал в Черевки; не получая с начала года писем от нас, он хотел в деревне узнать, там ли мы еще или что с нами случилось; на железнодорожной станции он узнал о нашем переезде в город, где нас и разыскал. Он пробыл у нас неделю и затем вновь поехал к жене в Крым, и с тех пор сведения о нем прекратились; мы только от его тещи узнали, что он ездил в Харьков искать службы.

Круг наших знакомых увеличился на две семьи — Петровых и Вяткиных, и те, и другие были беженцами и бедствовали. Петровы были молоды, и оба, муж и жена, давали уроки; положение Вяткиных было еще труднее, так как он сам был слаб здоровьем, одна дочь была «в ожидании», и два сына учились в гимназии; а с адмиралом Вяткиным (тогда еще капитаном второго ранга) я имел дело в 1910 году, при ревизии морского ведомства, но я его не помнил. Он был одним из инициаторов образования в Переяславе «Общества взаимопомощи бывших офицеров»; бывших — потому что все офицеры считались уволенными от службы. При самом учреждении Общества, в начале июня, в нем было около сорока членов, а затем число это удвоилось; настоящих офицеров было мало и большинство членов было из офицеров военного времени и военных врачей и чиновников. Общество ставило себе целью помогать нуждающимся членам и удешевлять их жизнь закупкой продуктов на правах кооператива. Председателем Правления общества был избран адмирал Вяткин, а секретарем и казначеем — его зять, штабс-капитан Космодель; на них, конечно, пал весь труд по организации общества и по сбору нужных ему средств. С последней целью были устроены танцевальный вечер и народное гулянье, давшие сбор в несколько тысяч рублей; эти деньги и занятые у некоторых членов дали возможность начать закупку продуктов по (относительно) дешевым ценам.

Народное гулянье было устроено под звуки немецкой военной музыки и немецкие офицеры тоже были на нем; вообще, они к нашему обществу относились вполне сочувственно.

Наступившее в Полтавской губернии спокойствие в июле было нарушено появлением какой-то банды из Киевской губернии. В последней происходили какие-то бои населения или оставшихся большевистских частей с немцами. Одна банда переправилась около Рудакова через Днепр, напала на сахарный завод в селе Старом и избила бывший там немецкий пост, а затем двинулась на Переяслав. Состав банды остался невыясненным; говорили, что ядро ее составляют офицеры, борющиеся против немцев и пробирающиеся в Великодержавию, и что к ним пристали толпы грабителей; сила банды определялась молвой в одну-две тысячи человек с орудиями и пулеметами. Весть о приближении банды распространилась в городе вечером 20 июля; говорили, что против нее выступит весь немецкий гарнизон города (кажется, всего одна рота) и вся милиция; горожане стали бояться нового нашествия грабителей из сел. Однако, гарнизон остался в городе, и за бандой гонялись милиция и части, высланные из Киева и Золотоноши, которым и удалось вскоре рассеять ее. Через два дня, 23 июля, в городе была еще большая тревога: говорили о приближении новой большой банды, и немцы стали принимать меры к обороне города: рыли укрепления, выставили пулеметы и проч. На счастье эта тревога оказалась ложной; никакой новой банды не было, а тревогу поднял «повитовий староста» (по старой терминологии — уездный исправник), штабс-капитан Кривошеев, получивший запоздалую телеграмму о старой банде и вообразивший, что появилась новая. У нас на Пидворках тревога усугублялась тем, что для обороны города предполагалось воспользоваться долиной реки Трубежа, причем мы оказывались впереди этой линии, в сфере огня обеих сторон; поэтому оба раза возбуждался вопрос об уходе на ночь, в город, к знакомым, но оба раза мы оставались у себя и спали прекрасно.

Жизнь на Пидворках была томительно однообразна и скучна: особенно тяжелы были вечера вследствие недостат-

ка освещения: электричество было только в городе, а нам приходилось жечь керосин и свечи. В продаже их почти вовсе не было, а потому приходилось поздно зажигать, жечь лишь одну тусклую лампу, при которой трудно было читать, и ложиться возможно раньше: в десятом часу. Путь от города до нас не освещался вовсе, а потому в темные вечера он становился неуютным, а при лужах и грязи — совсем неприятным; но и днем необходимость тащиться всегда полверсты до города, по плотине и мосту, была надоедлива; дом на Пидворках стоял на сыром месте и сам был сырой. Все это заставило с весны искать другой квартиры в самом городе; но несмотря на содействие жидов-фахторов, найти приличную квартиру долго не удавалось, и только в начале августа И. В. удалось нанять квартиру, освободившуюся вследствие смерти домовладельца. Квартира эта оказалась слишком малой, чтобы и мы могли в ней поместиться, и нам пришлось искать себе отдельное помещение. Мы уже неоднократно предлагали поселиться отдельно, чтобы облегчить нахождение квартиры, но наши предложения отклонялись; теперь же приходилось наскоро искать себе квартиру или комнату. Наше положение затруднялось тем, что у нас не было ни мебели, ни посуды; не было и прислуги, так как наша горничная Таня в начале июня уехала по болезни в Киев, где, как потом сказалося, она устроила себе выкидыш; нам поэтому было желательно найти меблированные комнаты со столом. Вполне удобные две или три комнаты мы нашли в доме Гутковской, соседнем с новой квартирой И. В., — но комнаты были менее удобные, да кроме того мы очень стесняли бы хозяйку, которая неохотно бралась довольствовать нас, а затем и вовсе могла отказаться от этого.

Во время этих поисков мы как-то попали под грозовой ливень; вероятно, вследствие этого у меня явилась простуда с сильной лихорадкой; в это время во всей округе свирепствовала злокачественная инфлюэнца, называемая испанской болезнью, поэтому призванный врач заарестовал меня дома на несколько дней; простуда вскоре прошла, но врач нашел у меня старый бронхит в легком; о существовании бронхита я и не подозревал*.

---

* На этом рукопись обрывается (Сост.).

ПРИЛОЖЕНИЯ
ПРИМЕЧАНИЯ
УКАЗАТЕЛЬ ИМЕН

**ВЫПИСКА ИЗ ФОРМУЛЯРНОГО СПИСКА О СЛУЖБЕ
БЫВШЕГО ЧЛЕНА ГОСУДАРСТВЕННОГО СОВЕТА,
ЗАСЛУЖЕННОГО ПРОФЕССОРА,
ПОЧЕТНОГО ЧЛЕНА ИМПЕРАТОРСКОЙ
НИКОЛАЕВСКОЙ ВОЕННОЙ АКАДЕМИИ
И ПОЧЕТНОГО ЧЛЕНА КОНФЕРЕНЦИИ
ТОЙ ЖЕ АКАДЕМИИ
ГЕНЕРАЛА ОТ ИНФАНТЕРИИ
РЕДИГЕРА***

1. Генерал от инфантерии Александр Федорович Редигер, бывший член Государственного Совета, родился 31 декабря 1853 г., вероисповедания православного; кавалер орденов: российских: Св. Александра Невского, с бриллиантовыми украшениями, Белого Орла, Св. Владимира 2-й и 3-й степеней и 4-й степени с бантом, Св. Анны 1-й, 2-й и 3-й степеней и 4-й степени с надписью: «За храбрость» и Св. Станислава 1-й и 2-й степеней и 3-й степени с мечами и бантом; иностранных: Черногорского князя Даниила 1-й степени; шведского: Меча большого креста 1-го класса; Японского: Восходящего солнца 1-й степени; Бухарских: Золотой звезды с алмазами и Короны с алмазами; Болгарского: Св. Александра 2-й степени со звездой; Французского: Почетного Легиона Командорского креста и Персидского Льва и Солнца с алмазами; Румынский алмазный крест за переправу через Дунай; имеет медали: серебряные в память царствования Императора Александра III и в память Священного Коронования Императора Николая II; светло-бронзовые: в память войны 1877—1878 гг., в память юбилея 200-летия Пол-

---

* «Исправлен и дополнен на апрель 1918 г.» (Данное примечание имеет место в самом документе — *Сост.*).

тавской победы в 1709 г. и в память 300-летия Царствования Дома Романовых и темно-бронзовую за труды по первой всеобщей переписи населения Империи 1897 г.; знаки: отличия беспорочной службы за XL лет, нагрудный, Высочайший учрежденный для лиц, приносивших Их Императорским Величествам личные верноподданнические поздравления по случаю 300-летия Царствования Дома Романовых в дни юбилейных торжеств и в память 100-летнего юбилея Пажеского Его Императорского Величества корпуса и Румынский железный крест за переправу через Дунай.

Содержание получает по 18 тысяч рублей в год.

2. Из дворян Великого Княжества Финляндского...

7. Окончил воспитание в Пажеском Его Императорского Величества корпусе, в старшем специальном классе и за отличные успехи имя его занесено на мраморную доску в залах Пажеского корпуса; окончил курс в Николаевской Академии Генерального штаба в геодезическом и строевом отделениях, причем награжден малой серебряной медалью и имя его записано на мраморную доску.

17 июля 1870 г. По Высочайшему повелению переведен в Пажеский Его Императорского Величества Корпус из Финляндского Кадетского Корпуса.

11 августа 1871 г. Пожалован в камер-пажи.

17 июля 1872 г. Высочайшим приказом произведен в прапорщики в лейб-гвардии Семеновский полк.

25 сентября 1874 г. Приказом по Генеральному штабу за № 120, по выдержании приемного экзамена, зачислен в Николаевскую Академию Генерального штаба.

4 апреля 1876 г. По выдержании экзамена зачислен в геодезическое отделение Академии. Высочайшим приказом произведен в подпоручики.

13 октября 1876 г. Приказом по Генеральному штабу за № 127, по окончании двухлетнего курса в Академии, переведен в Николаевскую Главную Обсерваторию.

17 ноября 1876 г. За отличные успехи в науках в Николаевской Академии Генерального штаба Высочайшим приказом произведен в поручики.

17 ноября 1876 г. Удостоился получить малую серебряную медаль и имя его занесено на мраморную доску в залах Академии.

30 августа 1877 г. С разрешения начальника Главного штаба отчислен от Академии обратно в лейб-гвардии Семеновский полк, для участия в походе Гвардейского корпуса.

11 июня 1878 г. Из действующей армии уволен в С.-Петербур-бург, для отправления в Академию Генерального штаба.

31 марта — 8 июня 1878 г. Приказом по армии за № 52 за отличие в делах против турок под Правцем 11 ноября 1877 г., награжден орденом Св. Анны 4-й ст. с надписью «За храбрость».

6 июня 1878 г. За отличие в делах против турок произведен в штабс-капитаны.

19 декабря 1877 г. Со старшинством.

30 апреля 1878 г. Приказом по армии за № 86 за отличие в делах против турок под Филиппополем 3, 4 и 5 числа января 1878 г. награжден орденом Св. Станислава 3-й ст. с мечами и бантом.

18 июля 1878 г. По прибытии из действующей армии прикомандирован к запасному батальону лейб-гвардии Семеновского полка.

13 ноября 1878 г. По выдержании выпускного экзамена в строевом отделении Николаевской Академии Генерального штаба причислен к Генеральному штабу с прикомандированием к Штабу Гвардейского корпуса для занятий.

28 мая 1879 г. Высочайшим приказом от 28 мая 1879 г. назначен старшим адъютантом Штаба Гвардейского корпуса, с переводом в Генеральный штаб, капитаном.

16 мая 1880 г. Приказом по Генеральному штабу от 16 мая 1880 г. за № 79 назначен адъютант-профессором военной администрации при Николаевской Академии Генерального штаба.

31 мая 1880 г. Согласно предписанию Главного штаба от 31 мая 1880 г. за № 366 объявлена Высочайшая благодарность за полезный и добросовестный труд по составлению книги «Унтер-офицерский вопрос в главных европейских армиях».

14 октября 1880 г. Высочайшим приказом от 14 октября 1880 г. назначен состоять для поручений при штабе Гвардейского корпуса с оставлением в звании адъютант-профессора военной администрации при Николаевской Академии Генерального штаба.

12 апреля 1881 г. Высочайшим приказом произведен в подполковники.

30 августа 1881 г. Высочайшим приказом награжден орденом Св. Анны 3-й ст.

6 декабря 1881 г. Высочайшим приказом назначен на должность штаб-офицера для поручений при Штабе Гвардейского корпуса.

19 января 1882 г. На основании Высочайшего повеления, сообщенного в отзыве начальника Штаба Округа от 28 января 1882 г., за № 686, разрешено производить квартирные деньги из оклада 800 р. в год.

17 августа 1882 г. На основании Высочайшего повеления, сообщенного в отзыве начальника Штаба Округа от 21 августа 1882 г., за № 5329, лично ему присвоено, пока он будет занимать должность штаб-офицера для поручений при Корпусном Штабе, добавочное содержание по 528 р. в год.

5 сентября 1882 г. Высочайшим приказом 5 сентября 1882 г. уволен, по прошению в отставку.

20 сентября 1882 г. Приказом Его Высочества Князя Болгарии, за № 110, определен на службу в Болгарские войска на должность товарища военного министра.

4 апреля 1883 г. С разрешения Его Высочества командирован в С.-Петербург по делам службы.

30 апреля 1883 г. Возвратился из командировки.

15 мая 1883 г. Всемилоостивейше пожалован орденом Св. Станислава 2-й ст.

30 августа 1883 г. Приказом Его Высочества Князя Болгарии за № 155 произведен в полковники Болгарской службы.

10 сентября 1883 г. Приказом по Военному ведомству Болгарскому за № 316 возложено управление делами Военного Министерства.

14 октября 1883 г. Указом Его Высочества Князя Болгарии по Министерскому Совету за № 842 уволен от службы в болгарских войсках.

4 ноября 1883 г. С Высочайшего Государя Императора разрешения определен вновь на службу с зачислением в Генеральный штаб подполковником, с назначением в распоряжение начальника Главного штаба, с откомандированием временно в распоряжение флигель-адъютанта полковника барона Каульбарса, командированного в Болгарию в особым поручением Государя Императора, с производством содержания до назначения на штатную должность, как начальника дивизионного штаба, жалованья 531 р. и столовых 1824 р.

13 декабря 1883 г. Телеграммой военного министра от 13 декабря 1883 г., за № 1344, вызван по Высочайшему повелению

из г. Софии в С.-Петербург, для представления доклада о положении русских офицеров в Княжестве Болгарии и разъяснения вопросов касательно участия их в Эмеритальной кассе сухопутного ведомства.

27 декабря 1883 г. Отправился из г. Софии.

11 января 1884 г. Прибыл в С.-Петербург.

10 марта 1884 г. Приказом по Генеральному штабу за № 2 назначен адъюнктом-профессором Николаевской Академии Генерального штаба, с оставлением состоящим при начальнике Главного штаба.

20 марта 1884 г. Высочайшим приказом назначен делопроизводителем Канцелярии Военного министерства, с оставлением по Генеральному штабу и адъюнктом-профессором Николаевской Академии Генерального штаба.

8 апреля 1884 г. За отличие по службе произведен в полковники, с оставлением в занимаемой должности и в звании адъюнкта-профессора.

24 октября 1884 г. Высочайшим приказом назначен профессором Николаевской Академии Генерального штаба, с оставлением в должности делопроизводителя Канцелярии и по Генштабу.

18 марта 1885 г. Военным министром назначен членом учрежденной под председательством Члена Военного Совета генерал-адъютанта Якимовича Комиссии для пересмотра положения о пособиях военного времени.

29 апреля 1885 г. Приказом по Военному министерству привлечен к занятиям в Комиссию для разработки данных и составления затем положения об армейском и тыловом обозах.

9 ноября 1885 г. Военным министром назначен членом-делопроизводителем Комиссии для рассмотрения и редактирования положения о полевом управлении войск в военное время.

8 апреля 1886 г. Военным министром назначен делопроизводителем Комиссии для пересмотра положения о пособиях военного времени, с оставлением и членом этой Комиссии.

30 августа 1887 г. Всемилостивейше пожалован орденом Св. Анны 2-й ст.

27 ноября 1887 г. По Высочайшему повелению назначен делопроизводителем Особой Комиссии по пересмотру положения о полевом управлении войск.

24 апреля 1888 г. Объявлено Именное Высочайшее благоволение за участие в трудах Особой Комиссии по пересмотру положения о полевом управлении войск.

16 июля 1888 г. Объявлена Высочайшая благодарность за поднесенное и благосклонно принятое Государем Императором сочинение «Учебные записки по Военной Администрации», курс младшего класса Николаевской Академии Генерального штаба.

30 августа 1889 г. Всемиловнейше пожалован орденом Св. Владимира 4-й ст.

25 января 1890 г. Военным министром назначен членом Комиссии для разработки положения об этапах в военное время.

21 апреля 1890 г. Объявлено Монаршее благоволение за отличное исполнение особой законодательной работы.

19 июля 1890 г. Назначен Посредником на больших маневрах войск С.-Петербургского военного округа между Нарвой и Красным Селом.

7 августа 1890 г. Высочайшим приказом переименован в ординарные Профессоры, с оставлением в настоящей должности.

19 марта 1891 г. Военным министром назначен членом Особого Совецания под председательством генерал-лейтенанта Величко, для разработки вопроса об укомплектовании офицерами и чиновниками полевых управлений в военное время.

28 мая 1891 г. Военным министром возложено составление общего очерка деятельности Военного министерства за 1881 — 1890 гг.

3 августа 1891 г. Командирован для несения обязанностей посредника в специально-кавалерийском подвижном сборе под Красным Селом с 7 по 12 августа.

25 февраля 1892 г. Объявлена Высочайшая благодарность за поднесенный и благосклонно принятый Государем Императором экземпляр труда «Комплектование и устройство вооруженной силы, часть 1-я».

21 апреля 1892 г. С согласия Его Императорского Высочества Главнокомандующего войсками Гвардии и Петербургского военного округа, на основании приказа по военному ведомству 1887 г., за № 159 прикомандирован к л.-гв. Семеновскому полку на один год, для командования батальоном, с производством во все время прикомандирования всего получаемого по занимаемой должности содержания.

1 мая 1892 г. Прибыл к полку и назначен командующим 3-м батальоном.

15 июня 1892 г. Назначен командующим полком.

15 августа 1892 г. Назначен командующим 1-м батальоном.

30 августа 1892 г. За отлично-усердную службу Всемиловейше пожалован орденом Св. Владимира 3-й ст.

5 мая 1893 г. Откомандирован к штатному месту служения.

7 мая 1893 г. Возвратился из командировки и вступил в должность.

30 августа 1893 г. За отлично-усердную службу Всемиловейше пожалован, вне правил, в генерал-майоры, со старшинством на основании Всемиловейшего Манифеста 18 февраля 1762 г.

13 августа 1894 г. По приказанию военного министра назначен членом учрежденной при Главном военно-санитарном комитете Комиссии для обсуждения вопроса о количестве предметов и материалов, показанных в новых каталогах перевязочных и врачебных предметов, хирургических инструментов и аппаратов на мирное и военное время.

13 августа 1894 г. Старшинство в чине Генерал-Майора считается с 30 августа.

3 января 1895 г. Объявлена Высочайшая благодарность за поднесенный и благосклонно принятый Государем Императором экземпляр труда «Комплектование и устройство вооруженной силы, часть 2-я».

6 декабря 1895 г. Всемиловейше пожалован орденом Св. Станислава 1-й ст.

26 февраля 1896 г. На основании Высочайшего повеления 26 февраля 1896 г. получил серебряную медаль в память Царствования Императора Александра III, для ношения на груди на Александровской ленте.

13 января 1897 г. По приказанию военного министра предписанием по Канцелярии Военного министерства, за № 406, назначен Членом учрежденной при Главном Интендантском Управлении Комиссии для пересмотра выработанных проектов положений о сокращении войсковых обозов и о продовольствии войск в военное время.

20 января 1897 г. На основании Высочайшего повеления 26 мая 1896 г. и циркулярного отзыва Главного штаба от 1 ноября 1896 г., за № 51236, пожалована Высочайше учрежденная серебряная медаль в память Священного Коронования Императора Николая II для ношения на груди, на Андреевской ленте, о чем объявлено в приказе по Канцелярии за № 6.

21 января 1897 г. Высочайшим приказом по военному ведомству 21 января 1897 г. назначен помощником начальника

Канцелярии Военного министерства, с оставлением по Генеральному штабу и ординарным профессором Николаевской Академии Генерального штаба.

25 января 1897 г. Приказом по Канцелярии, за № 7, предложено вступить в должность помощника начальника Канцелярии.

19 февраля 1897 г. Приказом по Военному министерству от 19 февраля 1897 г., за № 7, назначен членом Высочайше учрежденной Комиссии по пересмотру штатов главных управлений Военного министерства.

4 марта 1897 г. Высочайше повелено, во внимание к продолжительной и отлично-усердной службе, производить добавочное содержание по 1200 р. в год, с 21 января 1897 г., пока будет оставаться на занимаемой должности, о чем и объявлено в приказе по Канцелярии за № 20.

9 апреля 1897 г. Пожалована Высочайше учрежденная за труды по первой всеобщей переписи населения Империи 1897 г. темно-бронзовая медаль, для ношения на груди на ленте государственных цветов, о чем объявлено в приказе по Канцелярии за № 33.

С 16 по 25 апреля 1897 г. Временно исполнял обязанности начальника Канцелярии.

С 22 апреля 1897 г. по 21 мая 1898 г. По Высочайшему повелению, объявленному в приказе по военному ведомству от 29 апреля 1897 г. № 128, назначен членом Комиссии по вооружению крепостей с 22 апреля 1897 г. по 21 мая 1898 г.

С 1 июля по 9 августа 1898 г. С Высочайшего соизволения прикомандирован к войскам С.-Петербургского военного округа на время летних сборов войск этого округа для командования второй бригадою 37-й пехотной дивизии, в каковом прикомандировании находился с 1 июля по 9 августа 1898 г.

29 ноября 1898 г. Высочайше повелено время, проведенное при исполнении обязанности адъюнкт-профессора Николаевской Академии Генерального Штаба с 10 октября 1879 г. по 16 мая 1886 г., зачесть в учебную службу.

18 января 1898 г. По приказанию управляющего Военным министерством назначен членом Высочайше учрежденной при Главном интендантском управлении Комиссии для обсуждения и подробной разработки вопроса об отчуждении для потребностей армии частновладельческих грузов продовольственных припасов, кои застигнуты будут объявлением мобилизации в движении по

железным дорогам, а также на складах в разных пунктах Империи.

26 февраля 1898 г. По приказанию управляющего Военным министерством назначен членом учрежденной при Главном штабе Комиссии по пересмотру окладов содержания строевых офицеров.

11 мая 1898 г. Высочайшим приказом по военному ведомству утвержден в звании заслуженного ординарного профессора Николаевской Академии Генерального штаба, с оставлением в занимаемых должностях и по Генеральному штабу и с производством учебной пенсии по 1500 р. в год.

12 июня 1898 г. В числе прочих лиц, объявлено Высочайшее благоволение за отличное исполнение особого поручения.

30 июня 1898 г. Высочайшим приказом по военному ведомству назначен исправляющим должность начальника Канцелярии Военного министерства, с оставлением по Генеральному Штабу. Высочайше повелено производить, пока будет состоять в должности начальника Канцелярии, добавочное содержание по 2500 р. в год.

16 июля 1898 г. Высочайше разрешено принять и носить пожалованный Его Высочеством Эмиром Бухарским орденом Золотой Звезды с алмазами.

18 сентября 1898 г. Высочайшим приказом по военному ведомству назначен почетным членом Конференции Николаевской Академии Генерального штаба с оставлением в настоящей должности в звании заслуженного профессора и по Генеральному штабу.

15 февраля 1899 г. Высочайше разрешено принять и носить пожалованный Его Высочеством Князем Болгарским орденом Св. Александра 2-й ст., со звездой.

6 декабря 1899 г. Всемилоостивейше пожалован орденом Св. Анны 1-й ст.

1 января 1901 г. За отличие по службе произведен в генерал-лейтенанты, со старшинством с 6 декабря 1900 г. и с утверждением в занимаемой должности.

16 мая 1901 г. Объявлена Монаршая Его Императорского Величества благодарность за ревностное и полезное участие в трудах Высочайше образованной при Государственном Совете Комиссии для пересмотра устава о службе гражданской и других относящихся до сей службы постановлений.

13 мая 1902 г. Высочайше разрешено принять и носить пожалованный орден Бухарской Короны с алмазами.

25 ноября 1902 г. Всемилостивейше повелено производить денежную аренду из Государственного казначейства, с 6 декабря 1902 г., в продолжении шести лет, по две тысячи рублей в год.

19 января 1903 г. Высочайше разрешено принять и носить пожалованный Французский орден Почетного Легиона Командорского креста.

5 октября 1904 г. Всемилостивейше пожалован орденом Св. Владимира 2-й ст.

22 марта 1905 г. По Высочайшему повелению возложена разработка вопроса о преобразовании Военного министерства.

7 мая 1905 г. Назначен членом Особого Сопещания под председательством Его Императорского Высочества Великого Князя Николая Николаевича для выработки положения о Совете Государственной обороны.

17 мая 1905 г. Проект преобразования Военного министерства, составленный во исполнение Высочайшего повеления 22 марта 1905 г. передан в Особое Сопещание под председательством Его Императорского Высочества Великого Князя Николая Николаевича.

21 июня 1905 г. Высочайшим приказом назначен управляющим Военным министерством.

15 июля 1905 г. Высочайшим приказом назначен военным министром.

30 июля 1905 г. Всемилостивейше пожалован орден Белого Орла.

26 октября 1905 г. Высочайше разрешено принять и носить Персидский орден Льва и Солнца 1-й ст., с алмазами.

28 октября 1905 г. По Высочайшему повелению назначен членом Сопещания для разработки необходимых в действующем учреждении Государственного Совета изменений.

3 ноября 1905 г. Именным Высочайшим указом, Государственному Совету данным, Всемилостивейше повелено быть членом Государственного Совета, с оставлением в занимаемой должности и по Генеральному штабу.

2 декабря 1905 г. По Высочайшему повелению назначен в состав Сопещания, под личным Его Императорского Величества председательством, для рассматривания предположений Совета Министров о способах осуществления Высочайших преуказаний, возведенных в пункте 2 Манифеста 17 октября 1905 г.

11 февраля 1906 г. По Высочайшему повелению назначен в состав Сопещания, под личным Его Императорского Величества председательством, для рассматривания предположенных в учреждениях Государственного Совета и Государственной Думы изменений.

25 апреля 1906 г. По случаю последовавшего Высочайшего повеления о сокращении срока действительной службы в сухопутных войсках удостоен Всемиловтейшим рескриптом, в коем изображено: «Александр Федорович.

Для облегчения населению Империи отбывания всеобщей воинской повинности признал Я за благо сократить срок действительной службы в сухопутных войсках, определив его: в пехоте и пешей артиллерии в 3 года, а в прочих рядах оружия — в 4 года, и ввести разделение запаса нижних чинов сухопутных войск на два разряда с тем, чтобы нижние чины запаса младших возрастов назначались на укомплектование полевых войск, а старших возрастов, по возможности, на укомплектование резервных войск и тыловых учреждений. По сему повелеваю вам теперь же, по соглашению с министрами морских и внутренних дел, разработать предположения по проведению в жизнь указанной Мною меры и безотлагательно представить сии предположения на утверждение в законодательном порядке, дабы к постепенному сокращению сроков действительной службы приступить, по возможности, в сём же году. Вместе с тем повелеваю теперь же принять нужные меры к постепенному освобождению войск от выполнения своим попечением постройки обмундирования и обуви, дабы нижние чины возможно менее отвлекались от строевой службы.

Уверен, что при должном руководстве со стороны войсковых начальников и при испытательном усердии всех офицеров Моей армии, сокращение сроков действительной службы не нанесет ущерба воспитанию и обучению нижних чинов, не отвлекаемых от строя для хозяйственных работ. Пребываю к вам неизменно благосклонный.» На подлинно Собственную Его Императорского Величества рукою написано: «Николай».

В Царском Селе 7 марта 1906 г.»

Именным Высочайшим указом, Государственному Совету данным, назначен на 1906 год к присутствованию в Государственном Совете.

4 мая 1906 г. Государь Император, обозрев 4 мая 1906 г. в залах Большого Петергофского Дворца геодезические, топографи-

ческие и чертежные работы, произведенные в 1904 и 1905 г. чинами Генерального Штаба и Корпуса военных топографов, и оставшись совершенно доволен их исполнением, изъявил искреннюю признательность.

15 мая 1906 г. Высочайше разрешено принять и носить пожалованный Прусский орден Красного Орла 1-й ст.

1 января 1907 г. Именным Высочайшим указом, Государственному Совету данным, назначен на 1907 г. к присутствованию в Государственном Совете.

10 января 1907 г. Высочайше разрешено принять и носить Бухарский орден Искендер Салис.

3 мая 1907 г. С Высочайшего соизволения предоставлено звание почетного старика Рязанской, Пашковской, Новодмитриевской, Ключевой, Черноморской, Ильской, Марьянской, Полтавской, Шапсугской, Платнировской, Баговской и Нефтяной станиц Кубанского казачьего войска.

6 мая 1907 г. Высочайшим приказом по военному ведомству произведен, за отличие по службе, в генералы от инфантерии.

30 мая 1907 г. Августейшею Покровительницею Общества Красного Креста Государынею Императрицею Мариею Федоровною Высочайше утвержден почетным членом Российского Общества Красного Креста (Письмо и. об. председателя Главного Управления Российского Общества Красного Креста № 6389).

7 сентября 1907 г. С Высочайшего соизволения предоставлено звание почетного старика Брюховецкой станицы Кубанского казачьего войска.

6 декабря 1907 г. По случаю последовавшего Высочайшего повеления об увеличении содержания офицерским чинам армии, удостоен Всемилостивейшего Рескрипта следующего содержания:
«Александр Федорович.

Среди верных сынов России, полагающих себя на службу Престолу и Отечеству, русское воинство издревле и поныне было великою силою и твердым щитом бытия государственного.

Поставляя одною из главнейших забот Моих укрепление вооруженных сил Империи, Я повелел уже принять ряд мер по обеспечению быта нижних воинских чинов, а ныне признаю особо настоятельным улучшение материального положения ближайших руководителей армии — офицерского ее состава.

Прискорбные события минувших лет нарушали мирное благоустройство дорогого Мне и верноподданным Моим Отечества,

потребовав от него тяжких жертв и крайнего напряжения финансовых средств.

Вполне сознавая проистекающие отсюда многообразные потребности в различных отраслях народного хозяйства и трудность увеличения государственных расходов, Я, тем не менее, нахожу безотлагательно необходимым усилить, в мере возможности, получаемое офицерскими чинами денежное довольствие.

Твердо уповая, что близкая Моему сердцу забота о благосостоянии русской армии единодушно разделяется любящими свою Родину русскими людьми — повелеваю вам: нынче же приступить к разработке и дальнейшему затем направлению, в установленном Мною законодательстве порядке, вопроса об увеличении содержания офицерским чинам армии с тем, чтобы мера эта могла быть осуществлена, начиная с 1 января 1909 г.

Пребываю к вам неизменно благосклонный.» На подлинном Собственною Его Императорского Величества рукою написано: «Николай». В Царском Селе 6 декабря 1907 г.

31 декабря 1907 г. С Высочайшего соизволения предоставлено звание почетного старика Смоленского хутора Смоленской станицы Кубанского казачьего войска.

1 января 1908 г. Именным Высочайшим указом, Государственному Совету данным, назначен на 1908 г. к присутствованию в Государственном Совете.

7 мая 1908 г. Высочайше разрешено принять и носить пожалованный Черногорский орден Князя Даниила I-го 1-й ст.

1 января 1909 г. Именным Высочайшим указом, Государственному Совету данным, назначен на 1909 г. к присутствованию в Государственном Совете.

11 января 1909 г. Высочайше разрешено принять и носить пожалованный Большой крест 1-го класса Шведского ордена Меча.

11 января 1909 г. С Высочайшего соизволения предоставлено звание почетного старика Староцеребиновской станицы Кубанского казачьего войска.

18 февраля 1909 г. Высочайшим приказом по военному ведомству назначен почетным членом Николаевской Академии Генерального Штаба, с оставлением в занимаемой должности и званиях.

11 марта 1909 г. Таковым же приказом Всемилостивейше уволен от должности военного министра, с оставлением членом Государственного Совета.

11 марта 1909 г. Всемиловнейше пожалован кавалером ордена Св. Александра Невского, при Высочайшем Рескрипте следующего содержания:

«Александр Федорович.

Вступив в 1905 г., в трудное для армии время, в управление Военным министерством, вы в течение почти четырех лет прилагали напряженные усилия, чтобы оправдать Мое к вам доверие и провести в жизнь ряд мероприятий, направленных к усовершенствованию различных отраслей военного управления.

Труды эти не могли не отразиться на состоянии вашего здоровья, требующего ныне продолжительного отдыха и надлежащего о нем попечении. Снисходя к вашей просьбе об увольнении вас от должности Военного министра, отмечаю с особой признательностью целесообразность многих из ваших начинаний и особенно те меры, которые имеют задачей усовершенствование системы войскового хозяйства. Уверен, что начинания эти послужат одним из этих оснований, на которых в ближайшие годы вашим преемником должно быть завершено переустройство наших вооруженных сил. Выражая Монаршую Мою благодарность за ваши труды, жалуя вас кавалером ордена Св. Благоверного Великого Князя Александра Невского.

Я уверен, что восстановив ваши силы, вы будете в Государственном Совете и впредь продолжать ваше плодотворное служение на пользу Мне и родине.

Пребываю к вам неизменно благосклонный.

На подлинном Собственною Его Императорскою Величества рукою написано:

, и благодарный Николай.» Царское Село 11 марта 1909 г.

11 марта 1909 г. Содержание, по званию члена Государственного Совета, Высочайше повелено производить по 18 000 р. в год.

21 декабря 1909 г. Пожалована Высочайше утвержденная в память юбилея 200-летия Полтавской победы в 1709 г. свет-ло-бронзовая медаль для ношения на груди на Андреевской ленте.

1 января 1910 г. Именным Высочайшим указом, Государственному Совету данным, назначен на 1910 г. к присутствованию в Государственном Совете.

8 сентября 1910 г. Высочайше разрешено принять и носить пожалованный Японский орден Восходящего Солнца 1-й ст. за участие в трудах, вызванных разграничением острова Сахалина.

11 августа 1910 г. Государь Император, признав необходимым принять меры к наилучшей постановке строительного дела в Морском ведомстве, в видах скорейшего воссоздания нашего боевого флота, Высочайше повелеть соизволил: поручить Членам Государственного Совета инженер-генералу Рербергу, генералу от инфантерии Редигеру и тайному советнику Дмитриеву обследовать в хозяйственном и административном отношениях деятельность Главного Управления Кораблестроения и Снабжений, казенных морских заводов и портов, с тем, чтобы заключения их о наилучших способах достижения указанной цели были в возможно краткий срок повергнуты поименованными лицами непосредственно на благовоззрение Его Императорского Величества.

1 января 1911 г. Именным Высочайшим указом, Государственному Совету данным, назначен на 1911 г. к присутствованию в Государственном Совете.

28 мая 1911 г. В Высочайшем приказе по военному ведомству значится: «Государь Император объявляет Высочайшую благодарность члену Государственного и Военного Советов, инженер-генералу Рербергу и члену Государственного Совета, генералу от инфантерии Редигеру за отличное исполнение Высочайше возложенного на них поручения по обследованию в хозяйственном и административном отношениях деятельности Главного управления Кораблестроения и снабжений, казенных морских заводов и портов.»

1 января 1912 г. Именным Высочайшим указом, Государственному Совету данным, назначен на 1912 г. к присутствованию в Государственном Совете.

25 марта 1912 г. Всемилостивейше пожалован кавалером ордена Св. Александра Невского с бриллиантовыми украшениями.

1 января 1913 г. Именным Высочайшим указом, Государственному Совету данным, назначен на 1913 г. к присутствованию в Государственном Совете.

21 февраля 1913 г. Предоставлено право ношения на груди Высочайше учрежденной, в память 300-летия Царствования Дома Романовых, светло-бронзовой медали.

22 марта 1913 г. На основании Высочайшего повеления, последовавшего в 18 день февраля 1913 г., пожалован нагрудный знак Высочайше учрежденный для лиц, приносивших Их Императорским Величествам личные верноподданические по-

здравления по случаю 300-летия Царствования Дома Романовых в дни юбилейных торжеств 21—24 февраля 1913 г.

1 января 1914 г. Именным Высочайшим указом, Государственному Совету данным, назначен на 1914 г. к присутствованию в Государственном Совете.

22 сентября 1914 г. Всемиловнейше пожалован бант к имеющемуся ордену Св. Владимира 4-й ст.

1 января 1915 г. Именным Высочайшим указом, Государственному Совету данным, назначен на 1915 г. к присутствованию в Государственном Совете.

22 августа 1915 г. Всемиловнейше пожалован знаком отличия беспорочный службы за XL лет.

30 декабря 1915 г. Именным Высочайшим указом, Государственному Совету данным, назначен на 1916 г. к присутствованию в Государственном Совете.

1 января 1916 г. Всемиловнейше пожалован кавалером ордена Св. Владимира 1-й ст.

1 января 1917 г. Именным Высочайшим указом, Государственному Совету данным, назначен на 1917 г. к присутствованию в Государственном Совете.

5 мая 1917 г. За упразднением, с 1 мая 1917 г., должностей членов Государственного Совета по назначению, оставлен за штатом на общем основании.

14 декабря 1917 г. Члены Государственного Совета, оставленные Временным Правительством за штатом, — Декретом Временного Рабочего и Крестьянского Правительства — считаются уволенными с 25 октября 1917 г., с предоставлением им права возбудить в установленном порядке ходатайства о назначении пенсии.

10. Участвовал в войне с турками в 1887—1878 гг.

27 августа 1877 г. выступил с л.-гв. Семеновским полком из г. С.-Петербурга в поход в Европейскую Турцию; 8 сентября перешел границу Империи и вступил в пределы Румынии у станции Унгены; 17-го переправился через р. Дунай у гор. Зимницы; с 25-го находился в составе отряда обложения г. Плевны под начальством князя Карла Румынского; с 9 по 11 ноября находился в составе колонны генерал-майора Рауха, обходившей Правецкую позицию; с 12 ноября по 19 декабря находился на боевых позициях на Балканах в составе западного отряда генерал-адъютанта Гурко; с 4 ноября 1877 г. по 17 апреля 1878 г. находился в

составе войск, расположенных в м. С. Стефано, близ Константинополя, со дня занятия его русскими войсками по день отправления обратно в Россию; 13 июня высадился в г. Одессе; 17-го прибыл в С. Петербург.

Из поименованных в перечне № 1, приложенном к приказу по военному ведомству 1880 г. за № 135 походов и военных действий, находился в Европейской Турции во время войны 1877—1878 годов в следующих делах:

Во II период кампании:

12 октября 1877 г. — в сражении при Горном Дубняке под начальством генерал-адъютанта Гурко, причем находился при I-й бригаде I-й Гвардейской пехотной дивизии, поставленной заслоном к стороне Долбнег Дубняка; с 9 по 11 ноября в обходе Правецкой укрепленной позиции колонной генерал-майора Рауха; 19, 21, 22 и 23-го — в перестрелках на позиции против Шандорника; с 13 по 19 декабря — в переходе через Балканы (Чурьяжским перевалом) войск Западного отряда под начальством генерал-адъютанта Гурко; с 15 декабря в занятии Негошевского перевала.

В III период кампании

19 декабря 1877 г. — в сражении при д. Ташкисен под начальством генерал-адъютанта Гурко; 21-го — во взятии с боем отрядом генерал-майора Рауха моста через реку Искер у д. Враждебны у г. Софии; 23-го — в занятии г. Софии; 3, 4 и 5 января 1878 г. в 3-хдневном бою войск Западного отряда под общим начальством генерал-адъютанта Гурко под Филиппополем, взятии этого города, окончательном поражении и разсеянии всей армии Сулеймана-Паши и взятии всей его артиллерии; с 10 по 14 января — в переходе отряда генерал-адъютанта Гурко от Филиппополя до Адрианополя, и 12 января — в занятии г. С. Стефано, под стенами Константинополя, Его Императорским Высочеством Главнокомандующим.

14. Женат вторым браком на дочери генерал-лейтенанта Холщевникова, девице Ольге Ивановне, вероисповедания православного.

СПИСОК РАБОТ А. Ф. РЕДИГЕРА

I. ОТДЕЛЬНЫЕ РАБОТЫ

1. «Унтер-офицерский вопрос в главных офицерских армиях». Диссертация на звание адъюнкт-профессора военной администрации. СПб., 1880.

2. «Заметки по военной администрации». Лекции, читанные в младших классах Николаевской академии Генерального штаба в 1884—85 гг. СПб., 1885.

3. «Устройство полевого управления в нашей армии». СПб., 1890.

4. «Комплектование и устройство вооруженной силы». Курс военной администрации младшего класса Николаевской академии Генерального штаба. СПб., 1890.

Изд. 2-е, Ч. I—II. СПб., 1892—1894.

Изд. 3-е, СПб., 1900 и 1903 гг. (Исправл. и дополн. А. А. Гулевичем).

Изд. 4-е, СПб., 1913—1914 гг. (Исправл. и дополн. Д. В. Филатьевым).

5. «Наставление для решения стратегических задач (на 1896—1897 годы)». 1896 г.

II. Будучи сотрудником «Энциклопедии военных и морских наук» (1883—1897 гг.), под редакцией профессора Г. А. Леера, А. Ф. Редигер был автором более ста двадцати статей. В их число входили: все сведения о полевом управлении войск, об административном устройстве войск, о чинах, о высших военно-учебных заведениях и некоторых училищах и полках, производстве по старшинству и т. п. Есть статьи, освещавшие темы, не характерные для интересов автора. Например: «Священники войсковые», «Болезни войсковые», «Эвакуация больных и раненых», «Аксельбант»,

«Военно-полевая хирургия», «Цирульники военные», «Библиотеки военные и войсковые» и т. д.

III. В течение 1888—1898 гг. А. Ф. Редигер был постоянным автором журнала «Разведчик». Его статьи, обзоры, рецензии были опубликованы в 428 номерах этого журнала. Знание нескольких иностранных языков (немецкий, шведский, финский, французский) дало возможность А. Ф. Редигеру стать постоянным обозревателем целого ряда иностранных военных журналов и газет почти в каждом номере «Разведчика» с 1890 по 1898 год. За этот период обзоры и обозрения Редигера были помещены в 143 номерах журнала. Вот названия журналов и газет, чьи материалы были в поле зрения Редигера в «Разведчике»:

1. «La vie militaire» (Франция)
2. «Revuc du cercle Militaire» (Франция)
3. «Illustrazione Militare Italiano» (Италия)
4. «Konqliqa Kriqsvetenskaps—Akademiens Handlinger och tidskrift» (Швеция)
5. «Neue Militarische Blatter» (Германия)
6. «Militär Wochenblatt» (Германия)
7. «Finsk militär tidskrift» (Финляндия)
8. «Die Reichswehr» (Австрия)
9. «Armee und Marine Zeitung» (Австрия)
10. «Minerva» (Австрия)
11. «Streffleurs österreichische militärische Zeitschrift» (Австрия)
12. «Norsk militärt tidskrift» (Норвегия)

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Бенедек Людвиг (1804—1881) — австрийский военачальник. В австро-прусскую войну 1866 г. был назначен главнокомандующим войсками, действовавшими на главном богемском театре военных действий. Под Кёниггрецом 3 июля 1866 г. его армия была разбита. Бенедек предстал перед следственной комиссией, где держал себя с большим достоинством и всю вину за поражение принял на себя. Он умер, завещав похоронить себя в штатском платье и без военных почестей (Военная энциклопедия. СПб., 1911. Т. 4. С. 469—470) — 19.

² Христиан (Кристиан) IX (1818—1906) — король Дании с 1863 года, после смерти бездетного короля Фредерика VII — последнего короля из династии Ольденбургов; первый датский король из династии Глюксбургов. Дочь Христиана IX — Луиза София Фредерика Дагмара (1847—1928), с 28 октября 1866 г. — супруга русского императора Александра III под именем Марии Федоровны (СИЭ. Т. 8. М., 1965. Ст. 159) — 40.

³ Павлов Владимир Петрович (1851—1906) — главный военный прокурор и начальник Главного военно-судного управления, генерал-лейтенант, был убит беглым матросом Бирюковым, который действовал по заданию террористической организации, «для поднятия духа в армии» — 44.

⁴ Состав, структуру и компетенцию обновленного Государственного Совета определили два законодательных акта: 20 февраля 1906 г. — «О переустройстве учреждений Государственного Совета» и 23 апреля 1906 года — «Учреждение Государственного Совета». Государственный Совет продолжал провозглашаться законодательным органом и его деятельность была приспособлена к деятельности Государственной Думы. По назначении царя половина членов Государственной Думы стала выборной от земств, дворянских собраний, буржуазии, буржуазной интеллигенции. Состав Государственной Думы обновлялся в течение девяти лет по третям каждые три года. В составе назначаемых царем лиц преобладали крупные чиновники, занимавшие в прошлом министерские и прочие высшие посты

в государстве. Из членов совета царем ежегодно назначались председатель и вице-председатель Государственной Думы. В Государственном Совете существовали группы: правых, «центра», «академическая», беспартийные. (Ерошкин Н. П. История государственных учреждений дореволюционной России. М., 1983 — Далее: Ерошкин Н. П. История...) — 48.

⁵ Имеется в виду обращение группы депутатов Первой Государственной Думы — кадетов, трудовиков и социал-демократов, принятое в Выборге 10 июля 1906 г., в ответ на роспуск Думы. Выборгское воззвание или, как оно называлось — «Народу от народных представителей» — призывало «граждан всей России» до созыва Думы не давать «ни копейки в казну, ни одного солдата в армию». К самому Выборгскому возванию, не имевшему значительных последствий, кадеты применили «принцип пассивного сопротивления». IV съезд партии кадетов (24—28 сентября 1906 г.) принял резолюцию с отказом от осуществления Выборгского возвания. Против подписавших воззвание было возбуждено уголовное дело и 12—18 декабря 1907 г. 167 обвиняемых из 169 были приговорены к трем месяцам тюрьмы каждый, что автоматически лишало их избирательных прав при выборах в Думу и на общественные должности. (СИЭ. Т. 3. М., 1963. Ст. 905—906) — 57.

⁶ Мин Георгий Александрович (1855—1906) — генерал-майор Свиты Его Величества; с декабря 1904 г. — командир л.-гв. Семеновского полка. Убит эсеркой Э. В. Коноплянниковой — 79.

⁷ Игнатъев Алексей Павлович (1842—1906) — граф, генерал-адъютант, генерал от кавалерии. Убит в Твери членом боевой организации эсеров Ильинским — 79.

⁸ «Речь» — ежедневная газета с приложениями, центральный орган кадетской партии. Выходила в Петербурге с февраля 1906 г., пользовалась популярностью в среде либерально-буржуазной интеллигенции. Закрыта Петроградским ВРК 26 октября 1917 г., после чего выходила под названиями «Наша речь», «Свободная речь», «Век», «Новая речь», «Наш век», сохраняя антибольшевистское направление. Окончательно закрыта в 1918 г. (Русская периодическая печать (1895 — октябрь 1917 гг.). М., 1957) — 133.

⁹ «Военный голос» — первая в России ежедневная частная, независимая военно-общественная газета, возникла в конце 1905 г. 1 января 1906 г. вышел первый номер газеты. Газета пользовалась популярностью и выходила тиражом в пять тысяч экземпляров. Критика военной системы, звучавшая на страницах газеты привела к закрытию газеты 5 сентября 1906 года по требованию Редигера, распоряжением Санкт-Петербургского гра-доначальника. Вышло 196 номеров. (Военная энциклопедия. Т. VI. Пб., 1912. С. 538—584) — 134.

¹⁰ Вторая Государственная Дума (20 февраля — 2 июня 1907 г.). Из 518 членов Второй Государственной Думы фракцию правых состав-

ляли 54 члена. Кадеты потеряли почти половину мест (со 179 до 98); возросли левые фракции: трудовики имели 104 места; социал-демократы — 66 (55 членов с решающим голосом). Председателем Думы был выбран кадет Ф. А. Головин. Во Второй Думе рассматривались: аграрный вопрос, роспись бюджета на 1907 г., исполнение государственной росписи, набор новобранцев, отмена чрезвычайного указа о военно-полевых судах, реформа местного суда. (Ерошкин Н. П. История... С. 265) — 152.

¹¹ Заседание Государственной Думы 16 апреля 1907 г. было закрытым. Известно, что на нем обсуждался законопроект о величине контингента новобранцев в призыв 1907 г. (Государственная Дума. II Созыв. Сессия 2-я. Стенографический отчет. 1907 г., Ч. 1) — 152.

¹² Государственная Дума третьего созыва действовала пять лет (с 1 ноября 1907 г. по 9 июня 1912 г.), собираясь на ежегодные сессии примерно одинаковой длительности (7-8 месяцев). Пост председателя Третьей Думы последовательно занимали октябристы: Н. А. Хомяков (до 10 марта 1910 г.), А. И. Гучков (до марта 1911 г.) и М. В. Родзянко. В процессе деятельности Третьей Думы возникло более 30 комиссий. За 611 заседаний Третья Дума рассмотрела 2572 законопроекта, в том числе были приняты аграрные мероприятия Столыпина. (Ерошкин Н. П. История... С. 268) — 188.

¹³ Стессель Анатолий Михайлович (1848—1915) — генерал-лейтенант. До 4 марта 1904 г. — комендант крепости Порт-Артур. В период русско-японской войны — начальник Квантунского укрепленного района. 20 декабря 1904 г. сдал Порт-Артур японцам и был приговорен к десятилетнему заключению в Петропавловскую крепость; помилован императором в апреле 1909 г. — 194.

¹⁴ Тафт Уильям Хоуард (1857—1930) — государственный деятель США. В 1904—1908 гг. — военный министр в кабинете Т. Рузвельта. В 1909—1913 гг. — президент США — 203.

¹⁵ Ренненкампф фон Павел Карлович (1854—1918) — генерал-адъютант, генерал от кавалерии; командир 7-го Сибирского армейского корпуса (9 ноября 1905 — 9 июня 1906 гг.); командир 3-го Сибирского армейского корпуса (9 июня — 27 декабря 1906 г.); командир 3-го армейского корпуса (27 декабря 1906 — 20 января 1913 гг.), с 20 января 1913 г. — командующий войсками Виленского военного округа; В начале первой мировой войны командовал 1-й армией Северо-Западного фронта. После неудач под Лодзью в ноябре 1914 г. отставлен от командования, уволен в отставку 3 октября 1915 г. После февральской революции арестован. Расстрелян в Таганроге — 219.

¹⁶ Касабланкский инцидент 1908—1909 гг. — франко-германский конфликт в борьбе за господство в Марокко. Непосредственным поводом к конфликту была очередная попытка чиновников германского консульства в Касабланке (Марокко) оказать 25 сентября 1908 г. содействие

бегству шести солдат, в том числе трех немцев, из французского Иностранного легиона. Французская полиция задержала дезертиров при посадке на германский корабль, нанеся при этом оскорбление представителям германского консульства, сопровождавшим беглецов.

Германская дипломатия потребовала от французского правительства официальных извинений за оскорбление германских консульских представителей в Марокко и освобождения трех дезертиров-немцев. Отказ Франции удовлетворить провокационные требования Германии вызвал серьезные осложнения во франко-германских отношениях. Однако позиции Германии в период кризиса оказались недостаточно прочными. Правительства Великобритании и России выступили в поддержку Франции. Австро-Венгрия, учитывая обстановку, сложившуюся для нее в одновременно развивавшемся Боснийском кризисе 1908—1909 гг., не решилась поддержать своего германского союзника. Все это заставило германское правительство пойти на компромиссное урегулирование кризиса, и 9 февраля 1909 г. в Берлине было подписано франко-германское соглашение, подтвердившее ранее принятые решения и признававшее политическое преобладание Франции в Марокко при условии, что Франция не будет «чинить препятствий торговым и промышленным интересам Германии» в этой стране (СИЭ. М., 1965. Т. 7. С. 83) — 228.

¹⁷ Петр Николаевич (1864—1931) — великий князь, сын великого князя Николая Николаевича (старшего), генерал-адъютант, генерал-инспектор по инженерной части (1904—1909), почетный председатель инженерного комитета при Главном военно-техническом управлении, член совета Главного управления Государственного коннозаводства. После революции 1917 г. эмигрировал. Похоронен в Каннах — 252.

¹⁸ Милютин Дмитрий Алексеевич (1816—1912) — граф, генерал-адъютант, генерал-фельдмаршал, военный министр России с 9 ноября 1861 г. по 22 мая 1881 г. Поступил на военную службу в марте 1833 г. 8 ноября того же года произведен по экзамену в прапорщики Гвардейской артиллерии — 262.

¹⁹ Сухомлинов Владимир Александрович (1848—1926) — генерал-адъютант, генерал от кавалерии, киевский генерал-губернатор (1905—1908), начальник Генерального штаба (1908—1909), военный министр (1909—1915). Участник русско-турецкой войны 1877—1878 гг. В 1916 году арестован и обвинен в измене. После шестимесячного заключения был переведен под домашний арест, после Февральской революции вновь арестован. На суде в августе-сентябре 1917 г. обвинение в измене было снято, но Сухомлинов был признан виновным в недостаточной подготовке армии к войне и приговорен к пожизненному заключению. В 1918 г. освобожден, эмигрировал в Финляндию, затем жил и умер в Берлине — 280.

²⁰ Меньшиков Михаил Осипович (1859—1919) — известный русский публицист, сотрудник «Нового Времени». Имел военное образова-

ние. Автор проблемных статей на армейские темы — 285.

²¹ Гавриил Константинович (1887—1939) — князь, сын великого князя Константина Константиновича и великой княгини Елизаветы Маврикиевны. После 1917 г. эмигрировал — 336.

²² В 1810 г. было издано «Учреждение для управления большой действующей армии», согласно которому главнокомандующий представлял лицо государя в армии и наделялся соответствующими полномочиями. М. Б. Барклай де Толли дважды удалял из армии противодействующего ему командира Гвардейского корпуса великого князя Константина Павловича под предлогом важных поручений к императору — 343.

²³ Нам не удалось установить, что говорил А. И. Гучков в 1915 г. о А. Ф. Редигере, но позже, 15 мая 1932 г., он отмечал: «При первом соприкосновении с военными делами мы подвели итоги всему прошлому и наметили себе план, причем надо сказать, что мы с самого начала в самые дружеские отношения встали с Военным министерством, во главе которого стоял Редигер — очень умный, знающий и благородный человек, и я не сказал бы — безвольный, но все-таки не отличавшийся особой энергией по устранению препятствий». («Александр Иванович Гучков рассказывает...». Воспоминания председателя Государственной Думы и Военного министерства Временного правительства. М., 1993. С. 51—52) — 388.

²⁴ Штюрмер Борис Владимирович (1848—1917) — член Государственного Совета (с 1904 г.). 20 января 1916 г. при поддержке Г. Распутина назначен председателем Совета Министров, с марта по июль был одновременно министром внутренних дел, а с июля по ноябрь — министром иностранных дел. В ноябре 1916 г. уволен в отставку. В 1917 г., после Февральской революции, арестован, умер в Петропавловской крепости. (СИЭ. Т. 16. М., 1976. Ст. 358—359) — 412.

²⁵ Дедюлин Владимир Александрович (1858—1913) — генерал-адъютант, генерал-лейтенант, санкт-петербургский градоначальник (17 января — 31 декабря 1905 г.), командир Отдельного корпуса жандармов (декабрь 1905 — 3 сентября 1906 гг.), дворцовый комендант (сентябрь 1906 — 1913 гг.) — 436.

²⁶ Орлов Владимир Николаевич (1868—1927) — князь, генерал-лейтенант, помощник начальника (1901—1906), затем начальник Военно-походной канцелярии его императорского величества (1906—1915). С 27 апреля 1915 г. — в распоряжении наместника на Кавказе, с 16 ноября 1915 г. — помощник его по гражданской части. «Бывший конногвардеец, чрезвычайно состоятельный князь Владимир Орлов скоро стал одним из ближайших к их величествам лиц. Культурный, любивший острое словечко князь имел большой и заслуженный вес. ...Состоя в переписке с видными политическими деятелями, он был хорошо осведомлен об окружающей его действительности и один из всей Свиты был политически зрелым человеком. К его несчастью, окружение государыни

было ему явно несимпатично, он не скрывал своего отношения к распутинскому штату, и императрице об этом доносили. (А. А. Мосолов. При дворе последнего императора. СПб., 1992. С. 169) — 436.

²⁷ Дмитрий Павлович (1891—1942), великий князь, флигель-адъютант, сын великого князя Павла Александровича и великой княгини Александры Георгиевны, урожденной принцессы греческой. За участие в убийстве Распутина был выслан в Персию в отряд генерала Баратова. После революции эмигрировал во Францию — 436.

²⁸ Беляев Михаил Алексеевич (1863—1918) — последний военный министр Российской империи (3 января — 27 февраля 1917 г.). Расстрелян в сентябре 1918 г. в Москве — 436.

²⁹ Корнилов Лавр Георгиевич (1870—1918) — генерал от инфантерии. В июле-августе 1917 г. — верховный главнокомандующий. Один из организаторов Добровольческой армии (ноябрь—декабрь 1917 г.). Убит при штурме Екатеринодара 13 апреля 1918 г. — 456.

³⁰ Муравьев Михаил Артемьевич (1880—1918) — левый эсер, подполковник (1917). После Февральской революции — председатель Центрального исполкома по формированию революционной армии из добровольцев тыла для продолжения войны с Германией. После Октябрьской революции предложил свои услуги Советскому правительству. 28 октября был назначен начальником обороны Петрограда, а 30 октября — главнокомандующим войсками, подавившими выступление Керенского—Красного. В период борьбы с Калединым — начальник штаба у В. А. Антонова-Овсеенко; во главе красногвардейских отрядов боролся против Украинской Центральной Рады. Назначенный главнокомандующим Восточным фронтом, после левозэсеровского мятежа в Москве изменил Советской власти и в июле поднял мятеж в Симбирске. Убит при аресте — 473.

УКАЗАТЕЛЬ ИМЕН

- Абаза А. М. — I, 367, 403
Агапеев Н. Е. — II, 302, 303
Адамович Л. Е. — I, 103, 233
Адлерберг А. А. — I, 258
Аквилонов, священник — II, 258
Акимов М. Г. — I, 505, 524; II, 48, 332, 349, 354
Александр I, император — I, 325; II, 103, 196, 401
Александр I Баттенберг, князь Болгарский — I, 120, 125, 150, 151, 173, 560*
Александр II, император — I, 20, 22, 355, 554; II, 131, 183, 284
Александр III, император — I, 116, 149, 157, 158, 200, 209, 233, 364, 427, 564*; II, 195, 241, 505
Александр Михайлович, великий князь — I, 389, 426, 540, 571*; II, 117, 118, 404
Александра Петровна, великая княгиня — I, 507, 556*
Александра Федоровна, императрица (супруга Николая II) — I, 52, 233, 271, 418, 470, 509, 545, 564*; II, 113, 125, 183, 214, 352
Александров М. А. — I, 227, 284, 293, 308, 363; II, 183
Александров Н. Г. — I, 323
Александров Н. Ф. — II, 183, 203, 268
Александрова М. А. — II, 26, 184, 339
Александровский — I, 383
Алексеев Е. И. — I, 360, 401 II, 407
Алексеев К. М. — I, 91, 92, 375
Алексеев М. В. — I, 360, 367, 370, 380, 381, 401, 465; II, 111, 156, 209, 280, 346, 444
Алексей Александрович, великий князь — I, 422, 426, 570*; II, 262, 315
Алексей Михайлович, великий князь — I, 426, 570*; II, 119
Алексей Николаевич, великий князь, цесаревич — I, 396, 568*
Алексинская М. П. — II, 124, 138, 139
Алексинский — II, 337
Альбрехт, Фридрих-Рудольф, эрцгерцог — I, 79, 557*
Альтфатер М. Г. — I, 372, 399
Альтшуллер (Альтшиллер) А. О. — II, 396
Анастасия Николаевна, княжна Черногогорская — II, 103, 212, 214
Анастасия Николаевна, великая княжна — II, 100
Андерсен — I, 401, 402, 415, 416
Андреев — I, 91, 92, 102
Андроников М. М. — I, 332; II, 7, 168, 183, 185, 204, 297, 307, 308, 358, 380, 381, 405, 406
Аничков М. М. — I, 545; II, 28, 259
Анненков М. Н. — I, 285, 286, 300
Анненков Н. Н. — I, 289
Антонов Н. И. — I, 219; II, 372
Антонов-Овсенко В. А. — II, 510
Анчутин К. Н. — I, 438, 542; II, 114, 217, 292

- Аракчеев А. А. — I, 505, 553
Арапов К. И. — I, 377
Арапова Е. Е. — II, 100
Арбузов Н. М. — I, 103, 123, 127, 128, 131, 133, 148, 149, 164
Армаго — I, 152
Ардт — II, 212
Арнольди — I, 297, 298
Арнольди Н. К. — I, 158, 197—199, 223, 277, 295, 297, 415
Артамонов Л. К. — I, 308
Асфендиаров С. С. Д. — II, 114, 115
Аустин (Austin) Э. — II, 306, 325, 356, 400, 443, 458, 465
Аффанасович В. К. — I, 453; II, 89
Ашеберг Н. П. — II, 327
- Бабушкин А. А. — I, 294, 318, 330, 340
Бадер Э. К. — II, 54
Бакшеев Н. С. — I, 113
Баландин — I, 116
Баланин Д. В. — I, 201—203, 222, 228, 257, 277, 330, 345, 346
Бальц А. Ф. — I, 121, 236, 296, 297
Баранов — II, 119
Баранов С. Я. — I, 72, 80; II, 219
Барк П. Л. — II, 362
Барклай де Толли М. Б. — II, 343
Барклай де Толли-Веймарн А. П. — I, 160, 173
Барковский И. Ф. — II, 327
Барсов А. А. — I, 300, 490
Барышев Н. М. — II, 303, 306, 371, 373, 386
Барышева (Иванова) Е. Н. — II, 303, 306, 369, 371—373, 386
Барятинский В. А. — I, 110
Барятинский И. В. — II, 317
Басков В. О. — I, 510
Батьянов М. И. — I, 360, 527; II, 18, 20, 22, 106, 107, 132
Бахвостова Е. И. — I, 204
Башловский Н. Н. — I, 391
Бежецкий — I, 331
Безак — II, 188, 317
Безак А. П. — I, 49, 82, 217, 290, 309; II, 133, 340
Безак Анна П. — I, 49
Безак (Шульман) Л. Г. — I, 31, 48, 246
Безак М. П. — I, 49, 64, 65, 82, 87, 165, 179, 199, 225, 228, 247—249, 260, 320, 351, 352, 374; II, 138, 340
Безак Н. А. — I, 82
Безак Николай П. — I, 49, 82, 249; II, 340
Безак Нина П. — II, 340
Безак П. П. — I, 49, 65
Безобразов А. М. — I, 51, 367, 368, 370; II, 270
Бельгард И. В. — I, 488, 489
Беляев М. А. — II, 240, 426, 436, 437, 510*
Беляев Н. — II, 454, 455
Бем (Бём) — I, 29
Беневский А. С. — I, 360, 490
Бенедек Л. — II, 19, 505*
Бенкендорф П. К. — I, 425, 473
Беннигсен Л. Л. — I, 344
Берг — I, 26
Березовская (Говард) А. А. — I, 351, II, 124
Березовский В. А. — I, 107, 108, 121, 186, 190, 203—205, 238, 244, 282, 283, 329, 352, 353, 382, 393, 397, 406, 409, 562; II, 17, 112, 124, 128, 142, 183, 205, 206, 216, 224, 229, 411
Берланш — I, 395
Берман — II, 384
Бертенсон Л. Б. — II, 434
Берхман Г. Э. — II, 200, 201
Бехтерев В. М. — I, 303, 304
Бибииков — I, 91
Бибииков И. И. — II, 438
Бильдерлинг А. А. — I, 171, 315, 406, 515, 518; II, 20, 22, 132, 253
Бирилев А. А. — I, 449, 461, 474, 482, 493, 502, 535; II, 51, 79—81, 116—118, 275, 276, 284, 318, 328, 333, 388
Бирюков — II, 506
Бисмарк О. фон Ш. — II, 88
Бистром Р. Г. — I, 164, 172
Благовещенский А. А. — I, 511, 512

- Бобриков Г. И. — II, 176
 Бобриков Н. И. — I, 45, 104, 212, 300, 312, 327, 377, 386, 555*
 Бобринский В. А. — II, 188, 399, 403, 407
 Бобырь Н. П. — II, 145
 Бобянский — II, 317
 Богаевский Н. В. — I, 515
 Богданович М. И. — I, 112, 558*, 566
 Боголюбов А. А. — I, 21, 190, 275; II, 327
 Бодиско К. К. — I, 327, 360
 Болдырев В. А. — II, 156
 Болотова М. В. — II, 289, 296
 Бомпар М. — II, 158
 Бонсдорф — I, 83
 Бонч-Бруевич В. Д. — I, 9
 Борисов В. Е. — I, 201
 Бородкин М. М. — I, 295; II, 17, 153, 154
 Боронок — I, 427
 Бострем И. Ф. — II, 316
 Боткин В. С. — I, 315
 Брам — I, 52
 Брен Ж.-Ж. — II, 157—159, 165
 Брилевич А. В. — I, 198, 277, 516, 532—534
 Брискорн М. М. — I, 289, 373
 Бродович Г. Г. — I, 174, 194, 237, 375, 393
 Бродович Ч. Г. — I, 135, 167, 393; II, 112, 114
 Брун А. К. — I, 252
 Брух — I, 39, 44
 Будаевский С. А. — I, 539, 541
 Будберг А. А. — II, 160
 Будищева Е. В. — II, 205, 438, 448, 450
 Булацель — II, 381
 Бульгин А. Г. — I, 472
 Бунаков В. А. — I, 251
 Бунге Н. Х. — I, 379
 Бурелли С. С. — I, 298, 364
 Буренин В. П. — I, 530
 Бурчак-Абрамович А. М. — I, 414
 Бутович А. И. — II, 390
 Бутович В. Н. — II, 229, 381
 Быков С. А. — I, 507
 Бьерклунд — II, 327
 Бюрние — II, 139, 141, 164, 205, 261
 Валентинер — I, 191
 Ванновский П. С. — I, 148, 155, 157, 169, 178, 180, 182, 184, 185, 190, 195—197, 203, 204, 209, 218, 219, 223, 229—231, 234, 235, 238, 239, 246, 250, 251, 260—263, 276, 294, 295, 314, 324, 326, 369, 389, 393, 424, 427, 428, 452, 481, 488, 489, 496, 562; II, 47, 56, 241, 242
 Васильев Н. А. — I, 406, 490, 492
 Васильев Ф. Н. — I, 358, 383
 Васильковский К. — II, 296, 303, 337, 338, 357
 Васильчиков Б. А. — I, 383, 526; II, 85, 341
 Васильчиков В. И. — I, 289
 Васильчиков С. И. — II, 60
 Ватаи А. А. — I, 51, 354
 Веймарн (Веймаров) Ф. В. — I, 156, 173, 174, 277
 Вейс К. А. — II, 109—111
 Величко К. И. — I, 256
 Величко Ф. К. — I, 160, 173
 Велтистов К. Н. — II, 454—457
 Вельяминов Н. А. — I, 95
 Вендрих А. А. — I, 181; II, 186, 187
 Вера Константиновна, великая княгиня, герцогиня Вюртембергская — I, 519; II, 222
 Веретенников П. — I, 284, 311
 Верещагин В. В. — I, 574
 Верещагин И. П. — I, 68
 Вернандер А. П. — I, 275, 315, 331, 389, 406, 416, 439, 503, 536; II, 64, 66—68, 74, 114, 183, 202, 238, 242, 246, 267, 268, 303, 304, 345, 387, 395
 Веселовский, священник — I, 338
 Виддер Н. К. — I, 383
 Виктория Федоровна, великая княгиня — I, 470
 Викулин — I, 60
 Виллингек, пастор — I, 395
 Виллингек Л. — I, 395
 Виллингек (Шульман) Э. А. — I, 395

- Вильгельм I, император Германии — I, 182
Вильгельм II, император Германии — I, 199, 200, 258, 460, 461
Винберг В. Ф. — I, 327, 378; II, 22, 106
Витте М. И. — II, 48
Витте С. Ю. — I, 250, 265, 267, 270, 271, 318, 319, 324, 326, 332, 366, 368, 369, 422, 441, 459, 460, 471, 473—475, 477, 479, 482, 506, 528, 529, 540; II, 6, 7, 10, 11, 17, 18, 40, 47, 57, 215, 218, 286, 362, 363, 387
Владимир Александрович, великий князь — I, 92, 180—182, 237, 240, 367, 419, 425, 427, 443, 477, 481, 531, 570*, 572; II, 61, 100, 120, 122, 180, 275, 286
Владимир Кронштадтский, епископ — II, 222, 256—259
Влангали — I, 155
Вогак К. И. — I, 367, 567*
Водар А. К. — I, 360, 501; II, 244, 245, 273
Воеводский С. А. — II, 189, 307, 329, 331—333, 363, 388, 403, 407, 409, 411, 412
Воейков В. Н. — II, 244, 260, 405, 406
Войшин-Мурдас-Жилинский И. П. — I, 532
Волков — II, 387, 388
Волков В. С. — I, 78, 377, 485, 490
Волков П. Н. — I, 300
Волкова — II, 335
Воловский — II, 327
Володимеров В. М. — I, 113
Волянский — II, 459, 461, 462
Волькенау И. В. — II, 109—111
Вонлярская — см. Карлова Н. Ф.
Воронов П. Н. — I, 214; II, 17
Воронов-Дашков И. И. — I, 106, 200, 325, 347, 427; II, 25, 179, 197, 198, 200, 301, 398, 405
Воронцова-Дашкова — II, 406
Воскресенский Н. И. — II, 425, 450, 454, 455
Восторгов, протоиерей — II, 256, 257
Врангель Н. А. — I, 528
Вревский П. А. — I, 289, 300, 312, 327, 490, 493
Выходцев И. П. — I, 345, 346
Вяткин — II, 478
Гавриил Константинович, сын великого князя Константина Константиновича — II, 303, 336, 337
Гадон В. С. — II, 56, 58, 60
Газенкамф М. А. — I, 108, 109, 111, 112, 114, 166, 170, 175—179, 185, 189, 190, 209, 219, 321, 360, 395, 411, 503, 517, 531—534; II, 42, 64, 66, 67, 135, 160, 183, 190, 213, 234, 310, 509*
Галахов Д. И. — I, 255
Ганецкий М. С. — I, 180
Гапонов А. В. — I, 247
Гарин Н. П. — II, 251, 325, 419
Гарф Е. Г. — I, 276, 324; II, 178, 184, 247, 296
Гаусман И. К. — I, 322; II, 241, 243, 363, 428, 440, 441
Гашкевич — II, 381, 396
Гедлунд В. А. — II, 109, 110
Гедтке — II, 19
Гейден Н. Ф. — I, 440
Гейден Ф. Л. — I, 245; II, 57
Гейсман П. А. — I, 565
Гейнц П. Г. — II, 68, 69
Георгий Александрович, великий князь — I, 237
Георгий Михайлович, великий князь — I, 240, 426, 540, 571*
Герасимов А. В. — II, 204
Германов Н. И. — II, 68, 69
Герценберг, пастор — I, 49
Гершельман А. Э. — I, 63, 234
Гершельман В. В. — II, 183
Гершельман В. Ф. — I, 63
Гершельман Д. К. — I, 252; II, 159
Гершельман С. К. — I, 52, 113, 238, 517, 518; II, 111, 135, 152, 153, 185, 204, 277
Гершельман Ф. К. — I, 276; II, 84
Гессе П. П. — I, 321, 322, 325, 392, 493
Гинце — I, 460

- Гирс Н. К. — I, 156
 Гирш-Брам Г. Л. — I, 48
 Глаголев — I, 333
 Гладынок — II, 419, 426, 463
 Гладышев П. И. — I, 71, 72, 80
 Глазов В. Г. — I, 381, 406, 471, 472;
 II, 119, 244, 344
 Глинка-Маврин Б. Г. — I, 199
 Голицын Н. Д. — II, 424, 436, 440
 Голицына М. М. — II, 214
 Головин Н. М. — I, 300, 490
 Головин Ф. А. — II, 152, 507
 Голубев И. Я. — II, 373, 399, 407,
 435, 449, 451
 Гончаров С. О. — I, 300, 324, 371,
 403
 Горемыкин И. Л. — I, 325; II, 47,
 51, 52, 55, 57, 58, 363, 380, 397,
 406, 412
 Горшков И. — II, 459, 462, 463
 Гран — I, 39
 Гребенщиков Я. А. — I, 377, 392,
 442
 Грейм А. Б. — I, 510
 Григорович И. К. — II, 314—316,
 329, 331—333, 409, 438
 Григорьев Ф. А. — I, 543
 Гримм — II, 26, 27
 Гримм А. Д. — II, 26
 Гримм Д. Д. — I, 128, 129, 151, 171,
 186, 187, 191, 199, 336; II, 126, 129—
 131, 447, 448
 Гриввальд фон А. А. — I, 425
 Грипшенберг О.-Ф. К. — I, 39, 45,
 400, 401, 409, 411, 424, 427, 468,
 469, 490, 517, 519, 538, 569; II, 67
 Гродеков Н. И. — I, 348, 411, 437,
 448, 507, 527; II, 18, 64, 94, 95,
 130, 218
 Грязнов Ф. Ф. — I, 118, 121
 Губастов — II, 158
 Гудзенко А. Н. — I, 336
 Гудзенко (Гримм) М. Д. — I, 336
 Гудин-Левкович П. К. — I, 200
 Гужковский — II, 126, 129, 141, 166
 Гулевич А. А. — I, 245, 246, 283,
 284, 287, 308, 313, 323, 346, 361,
 362, 390, 391, 411, 412, 421, 442,
 452, 517, 535, 566; II, 41, 42, 105,
 114, 138, 158, 159, 174, 175, 183, 187,
 198, 224, 342, 344, 350, 357, 503
 Гурко В. И. — II, 51, 423
 Гурко И. В. — I, 91, 99, 180, 182,
 183, 190, 400, 427, 560; II, 106
 Гурчин А. В. — I, 312, 340, 400
 Гутковская — II, 480
 Гучков А. И. — I, 531; II, 57, 188,
 197, 216, 277—279, 285, 317, 325,
 327, 329, 331, 341, 342, 345, 387,
 388, 405, 447, 450, 457, 507
 Гюббенет О. Я. — I, 185, 300, 490
 Гюйон — I, 326, 333
 Давлетшин А. А. — II, 114
 Дандевиль В. Д. — I, 254, 289, 299,
 327, 486, 490, 493
 Данилевский А. Я. — II, 154, 183,
 270—272
 Данилов А. Н. — I, 534; II, 78
 Данилов М. П. — I, 312
 Данилов Н. А. — I, 163, 257, 327,
 345, 346, 383, 390, 391, 404, 415,
 453, 490; II, 183, 184, 198, 249, 370,
 379
 Данфер-Рошерио П. А. — I, 281
 Дашков А. Я. — I, 354
 Девитт Я. П. — I, 110, 130, 171, 175
 Дедюлин В. А. — I, 247, 248; II,
 120, 436, 509*
 Дейтрих В. Ф. — I, 482
 Дембовская М. И. — II, 475, 476
 Дембовский Л. М. — II, 130
 Демьяненко Н. А. — I, 114, 232,
 256; II, 106
 Ден В. А. — I, 205, 222, 231
 Денисов В. А. — II, 305
 Дерожинский Н. Ф. — II, 460
 Дестрем Д. Д. — I, 51, 354
 Детский — I, 363
 Джорджиев — II, 46
 Дзичканец А. И. — I, 401
 Диков И. М. — II, 64, 66, 68, 189,
 190, 248, 307
 Дмитриев М. Д. — I, 265; II, 312—
 314, 318, 321, 324, 328, 329, 331,
 332, 448, 449
 Дмитриев-Кавказский Л. Е. — II,
 206

- Дмитрий Константинович, великий князь — I, 539
 Дмитрий Павлович, великий князь — II, 436, 510*
 Домбровский П. К. — II, 327
 Домонтович М. А. — I, 254, 300, 314, 340, 371
 Дондуков-Корсаков А. М. — I, 180
 Дохтуров Д. П. — I, 327
 Драгомиров М. И. — I, 104, 106, 113, 177, 179, 184, 185, 189, 190, 203, 307, 349, 386, 392, 409, 427; II, 106
 Дрентельн А. Р. — I, 180, 182, 298, 326
 Дружинин Я. А. — I, 50
 Друцкой-Соколинский — I, 379
 Дубасов Ф. В. — I, 161, 411, 437; II, 64, 150, 307
 Дубельт П. П. — I, 59
 Дубровин А. И. — I, 516
 Дубровин Н. Ф. — I, 241, 244, 246
 Дубяго К. М. — I, 82, 393
 Дукмасов П. Г. — I, 299, 312, 313, 513; II, 12, 156, 387
 Дурново П. Н. — I, 472, 474, 475, 479, 482; II, 6, 10, 284, 299, 300, 334, 335, 348, 378, 403
 Духовской С. М. — I, 326
 Дюмбт А. К. — I, 110, 113

 Евдокимов А. Я. — II, 69, 70, 114, 183, 234
 Евреинов Л. Д. — I, 162, 163, 165, 172, 189, 190, 200—202
 Екатерина II, императрица — I, 17, 499
 Екатерина Михайловна, великая княгиня — I, 151
 Елена Павловна, великая княгиня — I, 52, 555*
 Елизавета I, императрица — I, 507, 555; II, 52
 Елизавета Маврикиевна, великая княгиня — II, 214, 225
 Елизавета Федоровна, великая княгиня — II, 262
 Енгальчев П. Н. — I, 399, 410

 Желобовский А. А. — I, 315; II, 92, 184, 256—258
 Жибрат М. П. — I, 293
 Жигалковская — II, 372
 Жигалковский — II, 238
 Жилинский Я. Г. — I, 277, 358, 381, 397, 401, 406, 419; II, 350, 376, 396
 Журавский А. А. — II, 385, 386, 454, 455

 Забелин А. Ф. — I, 268, 276, 277, 311, 330, 340, 363, 387, 390, 391, 412, 422, 423, 439, 487, 488, 490; II, 22, 23, 30, 32, 42, 114, 162, 188, 221, 255, 263, 303, 349
 Заботкин Д. С. — I, 522, 523
 Зарубаев Н. П. — I, 534, 538; II, 64, 66, 67, 148, 190, 192—194, 213
 Затворницкий Н. М. — I, 312, 324, 344; II, 288
 Звегинцев Н. А. — II, 16, 317, 331
 Зверев Н. Я. — I, 300, 340, 360, 378, 406; II, 106
 Здобнов — II, 181, 182
 Зедделер Л. Л. — I, 166, 190, 223, 300
 Зейфарт А. А. — I, 172, 209
 Зиновьев И. А. — I, 155; II, 431
 Золотарев А. М. — I, 175, 224, 232, 233, 276, 277, 279
 Золотов М. А. — I, 363
 Зотимов А. И. — I, 420, 432, 433; II, 137, 162, 165, 183, 184
 Зуев Д. П. — I, 48, 52, 161, 166, 246, 354
 Зуров А. А. — II, 263, 264

 Иванов А. Н. — I, 226, 227, 247, 249, 290, 308, 309, 319, 335, 352, 374; II, 126, 138, 158, 159, 181, 183, 184, 221, 340, 350, 386, 388, 411, 432
 Иванов В. Н. — II, 183, 326
 Иванов Е. Н. — I, 234, 290, 352, 353; II, 214, 350, 368
 Иванов К. Т. — II, 240
 Иванов Н. Г. — I, 49, 217, 234, 246
 Иванов Н. И. — I, 534, 570; II, 209, 272, 346
 Иванов Н. Н. — I, 217, 226, 249, 309

- Иванов П. Н. — I, 165, 167, 172, 227, 239, 246, 249, 309
 Иванова (Безак) Е. П. — I, 49, 65, 249, 260
 Иващенко И. С. — I, 311, 319
 Иверсен — I, 63, 323
 Игнатович — I, 322
 Игнатьев А. П. — I, 115—119, 121, 308, 325, 397; II, 79, 506*
 Игнатьев Н. Н. — II, 366, 375, 397, 425, 431, 448, 460
 Игнатьева А. Н. — II, 416
 Игнатьева И. В. — II, 366, 372, 386, 391, 393, 400, 405, 411, 416, 440
 Игони — I, 39
 Извольский А. П. — II, 51, 57, 114, 115, 203, 206, 208, 211, 228, 255, 260, 263
 Измайлович В. М. — II, 366, 367
 Ильинский — II, 506
 Ильяшенко М. — II, 315, 316, 336, 347, 351, 374, 375, 389, 391, 392, 404
 Ильяшенко Н. Ф. — II, 478
 Имеретенский А. К. — I, 180, 196, 325
 Иоанн Константинович — II, 303
 Иоанн Кронштадский (И. И. Сергеев), протоиерей — I, 396, 568*
 Ионин А. С. — I, 142—149, 154, 164, 323
 Ионов В. Е. — I, 32
 Ишимова А. О. — I, 27, 506
- Казанский — I, 78
 Каменев Н. М. — I, 488; II, 112, 120, 158, 183, 184, 213, 262, 386, 410, 411, 425, 430, 431, 435, 438, 451
 Каменева — II, 438, 440, 442
 Каменский — I, 258
 Кантакузен (Кантакузин) М. А. — I, 155, 156, 164, 169, 173, 174, 196, 234
 Каравелов П. С. — I, 125, 559*
 Карасс И. А. — II, 146
 Карликов В. А. — II, 114
 Карлова (Вонлярская) Н. Ф. — II, 45
- Кармалин Н. Н. — I, 273, 299, 300, 312
 Карпов В. И. — II, 348
 Каталей П. И. — II, 372, 384, 391, 411
 Катенин А. А. — I, 19
 Каульбарс А. В. — I, 120, 121, 124—126, 129, 131—134, 136, 139—141, 143, 148, 150, 151, 155, 174, 380, 400, 468, 469, 515, 519, 520, 523; II, 27, 37, 144, 213, 272, 277, 296, 310, 486
 Каульбарс Е. В. — I, 124, 134
 Каульбарс К. В. — I, 124
 Каульбарс Н. В. — I, 91, 134, 148
 Кауфман К. П. — I, 289
 Кауфман П. М. — II, 28, 30, 57, 125, 235, 337, 338
 Коханов (Каханов) И. В. — I, 454, 455, 468, 494, 519, 549; II, 293
 Квицинский М. С. — II, 90, 194
 Кейт фон дер Бонаш — I, 58
 Келлер Ф. А. — II, 346, 404
 Келлер Ф. Э. — I, 231
 Келер — II, 299
 Кеппен П. Е. — II, 99, 179
 Керенский А. Ф. — II, 450, 453, 456, 465, 510
 Киреев А. А. — I, 528
 Кирилл Владимирович, великий князь — I, 470, 471, 573*
 Киселев Н. Н. — II, 183, 268, 289, 303
 Кистер — II, 433
 Кияновский — I, 310
 Клепцов А. Э. — I, 272, 285, 290, 292, 327, 330, 363, 364, 379
 Клушин П. П. — I, 53
 Кобылин А. А. — I, 345
 Кобылинский П. П. — II, 284, 418
 Ковалев — I, 507
 Ковалевский М. М. — I, 63
 Коверский Э. А. — II, 327
 Козлов П. Г. — I, 354
 Коковцов (Коковцев) В. Н. — I, 318, 424, 459, 472, 482, 532; II, 6, 48, 51, 79, 82, 87—89, 91, 99, 168, 193, 196, 198, 219, 220, 226, 228, 238, 260, 263, 266, 277, 279, 297, 300, 301, 335, 358, 361, 363, 367, 372, 398

- Колюбакин Б. М. — I, 247
Комаров К. В. — I, 340, 406; II, 260, 407
Кони А. Ф. — II, 57
Кондратенко — I, 468
Конович-Горбацкий П. В. — I, 377, 490
Копляникова Э. В. — II, 506
Константин Константинович, великий князь — I, 215, 315, 426, 437, 519, 528, 540, 541, 566*; II, 7, 8, 59, 60, 98, 103, 108, 178, 179, 206, 207, 226, 236
Константин Павлович, цесаревич — II, 343
Копкевич — I, 139
Корнилов Л. Г. — II, 456, 458, 510
Королев М. А. — II, 296
Корольков Н. И. — I, 406, 490
Корсакова А. К. — I, 164, 167
Корф А. Н. — I, 121, 195
Космодель — II, 478
Костко С. И. — I, 362
Костырко — I, 298
Костырко П. Э. — I, 377, 437; II, 64
Косыч А. И. — I, 456, 482; II, 135
Котельников В. И. — I, 77, 127, 128, 146, 147
Краснов П. П. — II, 510
Кремер О. К. — I, 252
Крестовский В. В. — I, 103, 558*
Крестовников — II, 429
Крживоблоцкий Я. С. — I, 300, 312
Кривошеев — II, 479
Кривошеин А. К. — II, 40
Кронгельм — I, 29
Крупенский П. Н. — II, 317
Кручек-Голубов — I, 225
Кршивицкий К. Ф. — I, 79; II, 111, 145, 213
Крыжановский Д. В. — II, 6
Крыжановский П. А. — I, 300; II, 106
Крыжановский С. Е. — I, 311, 443; II, 407
Крюденер — II, 217
Крюков Е., священник — II, 383
Кублицкий П. С. — I, 175, 275, 279, 280
Кудрин А. С. — I, 163, 172, 199, 209
Кудрявцев Е. Н. — I, 313
Кузьмин-Караваев В. Д. — I, 297, 298, 509; II, 114, 252, 418
Кузьмин-Короваев Д. Д. — I, 439, 509, 538; II, 145, 394, 418, 422, 423
Кузьминский В. В. — I, 285, 318, 319, 395; II, 367
Куломзин А. Н. — II, 408, 434, 435
Кульганов А. П. — I, 312, 377
Кульков — II, 387
Курганович К. О. — I, 213—215
Курлов Г. Н. — I, 95
Курлов П. Г. — II, 162
Куропаткин А. Н. — I, 136, 166, 167, 185, 250, 261, 263—266, 268, 270, 272—277, 284, 285, 288, 290, 293, 295—302, 307, 310, 311, 324, 325, 327, 328, 330, 331, 340—342, 344, 347—349, 352, 354—362, 365—373, 375, 376, 380—390, 392, 394, 396, 397, 399—401, 403—405, 409, 419—421, 423, 427, 431, 441, 446, 447, 451, 454, 467—469, 477, 481, 484, 489, 494, 539, 566, 569, 571; II, 5, 18—20, 74, 106, 130, 156, 220, 242, 254, 343, 373, 374, 394, 420—422
Куропаткина А. М. — I, 274, 275, 296, 302, 308, 315, 330, 347, 349, 372, 382, 387, 388, 390, 423, 467; II, 69, 304
Курц — II, 156
Курючкин М. С. — II, 152
Кутлер Н. Н. — I, 472, 474; II, 40
Куфтин — II, 416, 433
Кушелев А. А. — I, 354
Кшесинская М. Ф. — I, 538
Кюгельген Н. П. — II, 27, 130
Кюгельген (Гримм) А. Д. — II, 130
Лазедов — I, 104
Лайминг Г. М. — II, 217
Ламздорф В. Н. — I, 324, 459, 462; II, 156
Ланг А. И. — I, 351
Лангоф (Лангоф) К. Ф.-А. Ф. — I, 213

- Ларионов 2-й А. В. — I, 247
 Лауминг — I, 542
 Лауниц (Лаунитц) В. Ф. — I, 401, 490
 Лебедев И. В. — I, 121
 Лебедев, врач — I, 106, 107, 229, 351
 Лебедев, гинеколог — I, 228
 Лебединский — I, 286
 Левашев Н. Н. — I, 414
 Левицкий — I, 82; II, 318
 Леер Г. А. — I, 114, 189, 211, 224, 228, 244, 245, 278—283, 300, 377, 558*, 564, 565; II, 503
 Лейхт С. А. — I, 508
 Лейхтенбергский Ю. М. — II, 103
 Ленин В. И. — II, 450
 Леонтьев А. А. — II, 447, 450, 451, 455, 458
 Леонтьев А. Н. — I, 77, 79, 104
 Лермантов А. М. — I, 340, 490
 Лесовой И. М. — I, 128, 144, 145, 147, 150
 Лечицкий П. А. — I, 534
 Леш Л. В. — I, 534
 Ливен А. А. — II, 317
 Лидерс-Веймарн Ф. А. — I, 488; II, 442, 452
 Лилиенфельд Э. К. — I, 140
 Лиляе В. А. — I, 294—296
 Ленбек — I, 44
 Линевиц Н. П. — I, 400, 405, 409, 441, 446—448, 468, 469, 475, 512, 513, 521, 523—527; II, 5, 18—24, 26, 27, 30, 32, 106, 123
 Линский — I, 351
 Лисовский Н. М. — I, 209, 293, 341
 Лихачев А. Ф. — I, 289
 Лишин Н. Н. — II, 387, 409, 410, 438
 Лишина А. Н. — II, 416, 433
 Лишина О. Н. — II, 261, 391, 411, 425
 Лоак де Лобель — II, 203
 Лобанов-Ростовский А. Н. — I, 122; II, 349
 Лобко Л. Л. — I, 204, 205, 209
 Лобко П. Л. — I, 108, 112, 117, 157—161, 163, 165—167, 169, 176, 178—180, 182—185, 190, 196—204, 217, 222, 223, 229, 231, 232, 235, 238, 241, 247, 251, 256, 257, 259, 260, 261, 263, 264, 269—271, 273, 275, 276, 288, 289, 294, 296, 310—312, 314, 319, 325—327, 336, 341, 344, 345, 347, 348, 372, 377, 381, 386, 395, 414, 431, 443, 480, 481, 561; II, 201
 Логвенов А. П. — I, 128
 Логгинов (Логинов) П. П. — I, 128, 143, 144, 401
 Лопушанский Н. Я. — I, 358
 Лорх — II, 410
 Лохвицкий Н. Н. — I, 284
 Лубе Э. — I, 350
 Лузанов П. Ф. — I, 450, 507, 510
 Лукашев Н. Е. — I, 375
 Лукашевич Л. И. — II, 422, 463, 467, 468, 470, 471, 475
 Лукомский А. С. — II, 370, 405
 Львов Н. Н. — I, 216, 221; II, 57, 317
 Любовицкий Ю. В. — I, 268, 284
 Любушин — II, 337
 Людеккс Е. — I, 17
 Людовик II О. Ф. В., король Баварский — II, 356
 Лютш Я. Я. — II, 314
 Лялин — I, 216
 Ляпунов М. Н. — II, 156
 Лясковский — II, 327
 Маврин А. М. — I, 277
 Майер Л. Л. — I, 406, 490
 Макавеев И. И. — II, 70
 Макарий, митрополит — I, 563
 Макаров А. А. — II, 81, 128, 345
 Макаров С. О. — I, 573
 Маклаков В. А. — II, 284, 430
 Максимович К. К. — I, 454, 455; II, 96, 97, 122, 218, 247
 Максимовский М. С. — I, 405
 Макшеев А. И. — I, 76, 77
 Макшеев Ф. А. — I, 128, 211, 224, 225, 283
 Малахов Н. Н. — I, 427, 456, 515, 517
 Малкин — II, 402

- Мальцев И. С. — I, 217, 275; II, 296
Мамчич В. М. — II, 206, 221, 259—261, 306
Мансуров — I, 215
Манташев — II, 381
Манухин С. С. — I, 504, 505
Мария Александровна, великая княгиня — I, 470
Мария Николаевна, великая княгиня — I, 52, 555*
Мария Павловна, великая княгиня — II, 100, 213, 214, 264
Мария Федоровна, императрица (супруга Александра III) — I, 397, 419, 422, 426, 496; II, 177, 214, 352, 433, 505
Мария Федоровна, императрица (супруга Павла I) — II, 103
Марков В. Е. — II, 404
Марков 2-й Н. Е. — II, 278, 279, 317
Мартсон Ф. В. — I, 277
Мартынов А. Д. — I, 115, 282; II, 156
Масальская — II, 452, 458
Маслов А. Н. (псевдоним Бежецкой) — I, 331
Маслов И. П. — I, 278, 279; II, 109, 110
Маслов Н. Н. — I, 331, 407, 450, 565
Масловский В. Т. — I, 71, 72
Масловский Д. Ф. — I, 224, 232, 234
Махмет-Али — I, 100, 102
Мацневский Е. И. — II, 94—97
Мевес фон М. Т. — I, 360
Медем Г. Н. — II, 84
Мейендорф Ф. Е. — I, 259, 527; II, 21, 155, 177
Мейнард В. В. — II, 92, 93
Мейстер А. Р. — II, 244
Мекленбург-Стрелицкая Е. Г. — I, 151
Мекленбург-Стрелицкий Г. Г. — II, 45
Мекленбург-Стрелицкий М. Г. — II, 46, 246
Меллер А. П. — II, 268, 269
Меллер-Закомельский А. Н. — I, 432, 519—522, 529, 533; II, 14, 20, 22
Менжинский Р. И. — I, 555
Меншиков А. С. — I, 29, 495
Меньшиков М. О. — II, 285, 437, 439, 509*
Метц — I, 65
Мехелин — I, 480
Мешетич Н. Ф. — I, 532
Мецдерский В. П. — I, 118, 119
Милан, князь сербский — I, 139
Милица Николаевна, княжна Черногорская — I, 422; II, 21, 101, 102, 211, 212
Миллер — II, 114
Милорадович — I, 91, 92
Милаутин Д. А. — I, 276, 369, 452, 481, 496, 561; II, 40, 262, 296, 508*
Мин Г. А. — I, 221; II, 8, 10, 12, 13, 17, 21, 22, 26, 27, 40—42, 55, 56, 59, 62, 63, 66, 76, 79, 118, 119, 506*
Мирбах А. О. — II, 221, 222, 260, 286, 307, 312, 338, 377, 379
Мирбах Е. С. — II, 373, 385, 386, 391, 460
Мирза-Насрулла-Бий-Перваначи — II, 114
Миркович А. Ф. — I, 95
Миронов — II, 101, 102
Миронов Н. Р. — I, 136, 137
Митрофанов В. С. — I, 507, 508
Михаил Александрович, великий князь — I, 387, 426, 515, 517, 528, 570*; II, 17, 18, 143
Михаил Михайлович, великий князь — I, 240
Михаил Николаевич, великий князь — I, 180, 182, 222, 231, 419, 426, 494, 569, 570*; II, 99
Михаил Павлович, великий князь — I, 569
Михайлов И. А. — II, 422, 475, 476
Михайлов Н. И. — II, 91, 92
Михайловский — I, 129
Михайловский — II, 263
Михеев А. С. — II, 200

- Михневич Н. П. — I, 277, 283, 386, 565; II, 201, 338, 344
 Мищенко П. И. — II, 218, 219
 Моллер Н. П. — I, 308, 329
 Монга А. К. — I, 337
 Монтебелло Л. Г. — I, 308
 Мордвинов Д. С. — I, 289
 Морев — I, 92, 101
 Морель — I, 298
 Мосолов А. А. — I, 128, 346, 471; II, 339, 340
 Мошинский И. Ю. — I, 322, 337
 Мравинский А. К. — I, 284, 285, 362, 363
 Мунк — I, 39, 41, 44, 237, 252, 323; II, 47
 Муравьев М. А. — II, 473, 510*
 Муравьев М. Н. — I, 265
 Муравьев-Карсский Н. Н. — I, 19, 21, 553*
 Муращенко — I, 201
 Муромцев С. А. — II, 50, 57
 Мусин-Пушкин А. С. — I, 326, 357
 Мылов С. Н. — I, 348, 380, 406, 437, 442; II, 13, 64
 Мышлаевский А. З. — I, 278, 308, 503, 565; II, 183, 197, 231, 232, 302, 345
 Мягков — I, 318
 Мясоедов С. Н. — II, 396
 Наполеон I, император Франции — I, 105, 106, 544
 Набатов А. А. — I, 292, 293
 Набоков И. А. — I, 18
 Набокова — I, 18
 Надаров И. П. — I, 526; II, 219
 Назарьев М. А. — I, 71, 80, 81
 Накашидзе Н. А. — II, 301
 Нарбут Н. А. — I, 360, 458; II, 106
 Наумов А. Н. — II, 399
 Нахичеванская — II, 411
 Небогатов Н. И. — I, 449
 Нейгбауер И. А. — II, 179, 180, 198
 Нейдгарт А. Б. — II, 284
 Неймарк — II, 133
 Неклюдов — II, 315
 Нелидов А. И. — I, 151
 Немешаев К. С. — II, 48
 Непокойчицкий А. А. — I, 178
 Нератов А. А. — II, 114
 Нечаев Н. П. — I, 21, 22; II, 325, 327
 Никитин — I, 289
 Никитин В. Н. — I, 534; II, 183, 259, 260
 Никитина Л. В. — II, 259, 435
 Николай I, император — I, 275, 485, 486, 495, 509, 550; II, 401
 Николай I (Негош), князь Черногорский — II, 48, 197, 211
 Николай II, император — I, 157, 250, 357, 417, 419—421, 461, 547—549, 555*, 566; II, 224, 267, 282, 286, 311, 329, 331, 334, 395, 401, 495, 497, 498
 Николай Константинович, великий князь — I, 52, 278, 555*; II, 99
 Николай Михайлович, великий князь — I, 344, 346, 426, 540, 570*
 Николай Николаевич младший, великий князь — I, 52, 79, 371, 381, 397, 399, 408—410, 412, 429, 432, 436, 442, 454, 455, 470—472, 478, 481, 490, 493, 501—503, 515—517, 521, 527—529, 533, 538—540, 556*; II, 85, 86, 92, 101, 103, 105, 111, 117—120, 131, 134, 140, 150, 161, 168, 170, 187, 191—193, 196, 198, 210, 212, 213, 216, 222, 252, 290, 292, 293, 374, 376, 394, 398, 404, 493, 494, 508
 Николай Николаевич старший, великий князь — I, 91, 92, 177, 180, 349, 358, 359, 557*, 568
 Новицкий Н. Д. — I, 300, 490; II, 145
 Нольде Э. Ю. — I, 334; II, 260
 Нолькен фон И. С. — II, 83
 Носовикова С. Н. — I, 227
 Ностиц Г. И. — II, 203
 Нотбек фон В. В. — I, 107
 Нуджевский М. Е. — I, 511
 Оболенский А. Д. — I, 472—474
 Оболенский В. А. — II, 330
 Оболенский Н. Д. — I, 410, 413

- Оболенский Н. Н. — I, 97, 214, 215, 222
Обручев Н. Н. — I, 75, 106, 155, 160, 180, 182, 184, 185, 204
Огурцов А. И. — I, 432, 433
Одоевский-Маслов Н. Н. — II, 145
Озеров С. С. — I, 217, 425; II, 59, 60
Ольденбургская Е. М., принцесса — I, 443
Ольденбургская О. А., великая княгиня — II, 214
Ольденбургский А. П., принц — I, 97, 100, 419; II, 405
Ольденбургский К. П., принц — II, 40
Ольденбургский П. А., принц — II, 155
Ольдерогге В. В. — II, 327
Оношкович-Яцyna И. Ф. — I, 490
Ореус М. Ф. — I, 515
Орлов В. А. — II, 8
Орлов В. Н. — II, 436, 509*, 510
Орлов Н. А. — I, 205, 244, 279, 280, 328, 329, 565
Орлова О. М. — I, 329
Орфенов — I, 91, 92
Остен-Сакен Э. Р. — I, 331; II, 218
Островский М. Н. — I, 271
Остроградский В. М. — I, 538; II, 64, 91, 92, 148, 183, 213, 260, 346, 347, 351
Павел I, император — I, 52, 555*, 569; II, 103
Павлов — II, 17
Павлов В. П. — I, 312, 325, 406, 507, 509, 511; II, 24, 25, 44, 47, 53, 93, 114, 127, 128, 506*
Павлов П. П. — I, 254, 274, 300, 327, 340, 377
Пален К. И. — II, 218, 219, 305
Палицын Ф. Ф. — I, 269, 324, 399, 411, 416, 418, 419, 421, 425, 429, 440, 441, 445, 446, 448, 449, 451, 460, 461, 464, 465, 473, 475, 482, 502, 503, 512, 517, 519, 521—523, 527, 530, 531, 533—535, 538, 570*; II, 5, 6, 9, 13, 17, 19, 43, 48, 59, 64, 67, 74, 101, 103, 105, 111, 114, 149, 157, 158, 161, 163, 167, 168, 170, 175, 178, 179, 187, 195, 203, 204, 207—209, 213, 226, 227—230, 253, 254, 260, 274, 275, 295
Пальма — I, 187
Панин С. — II, 371, 375, 378, 379, 410, 432
Пантелеев А. И. — I, 198, 285, 325; II, 219, 283, 396, 399
Папенгут П. О. — II, 156
Паприков С. Г. — II, 180
Паренсов П. Д. — I, 126, 397; II, 17, 19, 216, 224
Пенский В. В. — I, 211—213, 216, 217, 220, 237
Перетерский И. И. — I, 272
Перре К. А. (Шарль) — I, 28, 413; II, 183
Песков — I, 320
Петр I, император — I, 27; II, 252, 284
Петр Николаевич, великий князь — I, 399, 419, 422, 439, 517, 535, 539, 544; II, 64, 68, 101, 102, 193, 196, 202, 242, 267, 361, 445, 508*
Петров 1-й А. К. — I, 132
Петров Н. П. — II, 399
Пигальский С. М. — I, 463
Платонов Ф. Н. — I, 501, 510
Плеханов Ф. Н. — II, 188
Плеханов В. К. — I, 271
Победоносцев К. П. — I, 472
Поволоцкий И. М. — II, 327
Подвальнюк Н. И. — I, 138
Подгаецкий — II, 473
Подымов А. Д. — I, 300
Покотило В. И. — II, 96
Поликов А. В. — I, 144, 145, 150
Поливанов А. А. — I, 201, 202, 211, 224, 225, 277, 392, 419, 422, 441, 451, 490, 501, 517, 524, 527, 544; II, 5, 27, 42, 43, 65, 72—74, 76, 84, 89, 98, 101, 114, 126, 128, 134, 135, 168, 170, 178, 179, 183, 186, 188, 195, 198, 207, 213, 220, 225, 266, 344, 345, 359, 361, 362, 364, 388, 395, 403—406, 418, 430, 447
Поливанов Н. В. — II, 379

- Поляков В. А. — I, 147; II, 250
 Померанцев И. И. — II, 424
 Пономаревский-Свидерский — I, 298
 Попов — II, 310, 311
 Попов — II, 452, 453, 460
 Попов Н. М. — I, 132, 141, 164, 168, 172, 211, 228, 237, 393
 Попова Э. Н. — II, 433, 452
 Поппен Г. В. — II, 14—16
 Посников С. А. — II, 399
 Посьет К. Н. — I, 181
 Потапов Н. М. — II, 212
 Понтафие — II, 158
 Потоцкий И. П. — I, 488
 Похвиснев — II, 425
 Прасалов В. П. — I, 506, 507
 Преженцов А. Б. — II, 92
 Пржевальский М. А. — I, 316
 Прокопе В. Б. — I, 252
 Протонев — I, 97
 Протопопов А. Д. — II, 327, 341, 364, 436, 440, 441, 444
 Протопопов А. П. — I, 90—92, 515; II, 64, 66, 67,
 Пудкевич Е. А. — II, 168
 Пузыревский А. К. — I, 91, 94, 95, 121, 166, 176, 178, 190, 200, 203, 238, 241, 295, 325, 343, 371, 380, 392, 565
 Пуришкевич В. М. — II, 335
 Пурталес Ф. — II, 208
 Путилов — II, 153
 Путята Д. В. — II, 140
 Путятин Е. Е. — I, 59
 Пушкин Е. А. — II, 183
 Пясецкий П. Я. — I, 308, 347
- Рамзай Г. Э. — I, 83, 237
 Распутин Г. Е. — II, 406, 426, 435, 436, 444
 Раудницц — II, 185, 186
 Раунер Л. С. — II, 183, 416, 437, 465
 Раунер Н. А. — II, 28, 142, 165, 168, 183, 260, 298, 410, 416, 426, 460
 Раунер С. Ю. — II, 453, 465
 Раунер Ю. Л. — II, 164, 393, 416, 437
- Раух Г. О. — I, 531—534; II, 186
 Раух О. Е. — I, 91—93, 95—98, 102, 103
 Ребиндер А. А. — I, 113, 532
 Регекамф — I, 25, 26
 Регекамф А. — I, 25
 Регекамф Э. — I, 26
 Регель — I, 394, 414
 Редигер Александр А. — I, 116, 173
 Редигер Александра А. — I, 165, 173
 Редигер А. Ф. — I, 19, 26, 88, 197, 242, 259, 417, 425, 558*, 561—563, 566, 574; II, 180, 309, 312, 321, 422, 447
 Редигер Г. Д. — I, 207, 208
 Редигер Г. К. — II, 311, 366
 Редигер Э.-О. А. — I, 122, 173
 Редигер И. — II, 311
 Редигер И.-М. — II, 311
 Редигер И.-Г. — II, 311
 Редигер (Иванова) Н. А. — I, 203
 Редигер Н. Ф. — I, 19
 Редигер (Безак) О. П. — I, 49, 64—66, 78, 82, 86, 87, 105, 111, 119
 Редигер П. — II, 311
 Редигер Филипп — I, 17
 Редигер Ф. Ф. — I, 17
 Резвой О. П. — I, 273, 274, 290, 299, 300, 312, 327, 377, 485
 Рейн — II, 262
 Рейнталь В. Я. — I, 275, 298
 Рейс В. А. — II, 156
 Ремлинген А. А. — I, 133
 Реммерт А. А. — I, 182, 269, 307, 332
 Ренненкамф фон П. Г.-К.-Э. — I, 328, 432, 521, 522, 524; II, 23, 31, 145, 209, 219, 507*
 Рерберг П. Ф. — II, 65, 312—317, 321, 328, 329, 332, 483, 491
 Решетин Н. Л. — I, 147, 172, 273, 299, 300, 312, 313, 327, 340, 350, 360, 377, 378, 384, 406, 416, 442, 490, 492; II, 337
 Ридигер А. Н. — I, 263, 406, 490, 492
 Ризенкамф А. Е. — I, 180; II, 445, 464
 Риккер — II, 454

- Рихтер М. А. — I, 132, 142
Рихтер О. Б. — I, 180, 471, 492, 515; II, 21, 22, 24, 99
Рогачевский — II, 335, 336, 340
Родзянко М. В. — II, 373, 443, 444, 507
Родзянко Н. В. — I, 76; II, 247, 248
Рождественский Э. П. — I, 141, 449
Розенбах фон Н. О. — I, 106, 107, 110, 115, 199, 327
Романов П. М. — II, 299
Рооп фон дер Е.-Ю.-Н. Э. — I, 180, 182, 409
Ростковский Ф. Я. — I, 364, 377, 401, 415, 416, 453, 512; II, 114, 250, 252, 443
Ростовцев (Ростовцов) А. А. — I, 22
Рубенау Н. И. — I, 383
Рудановский К. В. — I, 136, 275
Руднев В. Ф. — II, 118
Рузвельт Т. — II, 507
Рузский Н. В. — II, 346, 444
Рутковский А. В. — I, 345, 346
Рутковский И. В. — I, 327, 345, 414, 415
Рухлов С. В. — I, 266, 498; II, 40, 325
Рыжий — I, 152
Рыковская П. И. — II, 289, 305, 310, 405, 406, 439
Рыковский А. Н. — II, 222, 260, 310, 405, 406, 439
Рыльке Г. Д. — I, 510; II, 127, 183, 204, 216

Савины — II, 450, 453, 456—458
Савич А. Н. — I, 73, 74, 78
Савич Н. В. — II, 317
Сазонов С. Д. — II, 403
Самсонов А. В. — II, 339
Сандецкий А. Г. — II, 213
Саложников Д. И. — I, 292
Саранчев Е. С. — II, 78
Сарнавский В. С. — II, 117
Сахаров В. В. — I, 277, 280, 301—303, 307, 314, 316, 324, 331, 342, 348, 349, 357—359, 367—369, 371, 373—376, 378, 380—386, 390, 393, 394, 398—400, 402—404, 406, 407, 409, 410, 412, 416—421, 427, 442, 446, 451, 480, 484, 485, 489, 490, 507, 573*; II, 14, 142, 220, 266
Сахаров Вс. В. — I, 156, 173, 387, 390; II, 94
Светлов Н. Е. — I, 173
Свировский — II, 381
Святополк-Мирский 1-й Д. И. — I, 58, 60, 180
Сейд-Абдул-Ахадун, эмир Бухарский — I, 284, 347; II, 112, 133, 304, 492
Селезнев В. Н. — I, 383
Селиванов А. Н. — II, 47, 64, 119, 190, 216
Селиванов Н. Ф. — II, 213
Семенова Е. — II, 222
Серафим (Чичагов М. М.), епископ — II, 256
Сергей Александрович, великий князь — I, 405, 427, 569*
Сергей Михайлович, великий князь — I, 399, 419, 439, 444, 517, 535, 537, 538, 540, 572*; II, 200, 202, 238, 252, 270, 286, 350
Сергиевский Д. Д. — I, 379
Сиверс Ф. В. — II, 346
Симберг К. П. — I, 40
Симонич М. Г. — II, 28
Сипель К. А. — I, 209, 222, 227
Сипягин Д. С. — I, 324, 325
Сирелиус Л.-О. О. — II, 60
Скалон В. Д. — I, 89, 90, 104
Скалон Г. А. — II, 111, 114, 213, 277
Скалон Д. А. — I, 332, 355, 381, 565, 566; II, 443
Скворцов Н. Н. — I, 185, 236—238
Скобелев М. Д. — I, 384
Скордули Д. А. — I, 106, 107, 121
Скоропадский П. П. — II, 447
Скугаревский А. П. — I, 106, 107, 110, 115, 121, 214, 215; II, 13, 296
Случевский К. К. — I, 391, 406, 409, 437, 442, 466, 490, 493, 494; II, 64
Смирнов К. Н. — II, 156
Соболев Л. Н. — I, 124, 125, 133, 141, 142, 144, 172
Соколов — I, 505, 506

- Соколов Г. А. — I, 343, 391
Соколовский В. И. — I, 163, 172, 222
Соалертинский С. А. — II, 258, 259
Сологуб В. У. — I, 200, 247, 261, 263, 267, 283, 315, 389, 390, 528, 529; II, 14, 16
Соловьев — I, 393
Соловьев Н. И. — I, 211, 224, 225, 244, 245, 453; II, 32
Соловьев Н. П. — I, 293, 309
Солтанов П. А. — I, 271, 277, 290, 310, 377—379, 442
Сольский Д. М. — I, 265, 267, 271, 290, 301, 311, 317, 402, 403, 422, 443, 527; II, 9
Софиано — I, 113
Сперанский Н. В. — II, 27, 68—70
Ставровский К. Н. — I, 406, 490, 492
Стахович М. А. — II, 387, 388
Стахович П. А. — I, 330
Стемпель (Штемпель) фон Р.-Ф.-О. А. — II, 252
Степанов М. П. — II, 417
Степанов К. П. — I, 186, 228, 293, 344
Стессель А. М. — I, 328; II, 136, 156, 194, 507*
Стефан Г. Ф. — I, 178
Стишинский А. С. — II, 51, 284
Столетов Н. Г. — I, 300, 321, 371, 490—492; II, 106
Столыпин П. А. — I, 524; II, 5, 49, 51, 52, 54, 56—58, 79—84, 88, 96, 99, 120, 128, 152, 170, 216, 226, 228, 229, 246, 253, 260, 266, 289, 302, 312, 328, 334, 335
Стржалковский Я. Д. — II, 305, 338, 339
Струве П. Б. — I, 85
Струков А. П. — II, 276
Субботич Д. И. — I, 348, 360, 514, 515; II, 12, 13, 93—97, 130, 186
Суворин А. С. — I, 308
Суворов А. В. — II, 25
Судейкин В. Т. — I, 227, 237, 245, 325, 346, 362; II, 260
Сухомлинов В. А. — I, 104, 108, 120, 121, 199, 307, 348, 356, 371, 381, 382, 397, 532; II, 90, 106, 111, 120, 145, 149, 197, 213, 219, 229, 230, 235, 236, 243, 253, 263, 267, 272—274, 280, 281, 288, 294, 297, 301, 302, 304, 307—310, 327, 345, 350, 360, 361, 366, 369, 370, 380, 381, 394—397, 399, 418, 422, 423, 430, 431, 435, 436, 439, 444, 457, 508*, 509
Сухомлинова Е. В. (в первом браке — Бутович) — II, 229, 301, 396
Сухорский — II, 340, 341
Сухотин Н. Н. — I, 275, 301, 302, 521, 522; II, 19, 20, 275, 325, 352
Сырнев А. П. — II, 375
Сыроватский С. И. — I, 71
Таваст — I, 17
Таганцев Н. С. — I, 472; II, 451
Танев А. С. — I, 425, 444; II, 407
Тарнецкий А. И. — I, 462—464
Тарновская М. Н. — II, 378
Татаринов Г. Л. — I, 137
Татаринов Н. А. — II, 246
Татищев И. Д. — I, 300, 340, 360, 376, 377, 490; II, 283
Тафт У. Х. — II, 203, 507*
Тевяшев (Тевяшов) Н. Н. — I, 110, 238, 256, 268, 273, 277, 296, 297, 313, 318, 336, 360, 364, 372, 514; II, 94, 95
Теохаров А. Т. — I, 143
Тернер Ф. Г. — II, 9
Теслев А. П. — I, 29, 554*
Теслев В. Н. — II, 183, 409, 416—418, 449
Теслев (Редигер) Е. Ф. — I, 18, 26, 29, 34, 47, 54, 106, 324, 351, 404, 405; II, 133, 183, 366, 408, 431
Теслев (Штпюнкель) Ж. — I, 336
Теслев М. Н. — I, 47, 187, 191
Теслев Н. А. — I, 29, 30, 42, 47, 53, 124
Теслев Н. Н. — I, 30, 63, 324, 336; II, 409, 416, 417
Теслев Т. Н. — I, 36, 42, 404; II, 183, 366
Тетерин П. И. — I, 290
Тизенгаузен А. Е. — I, 232

- Тилло А. А. — I, 259
Тимашев А. Е. — II, 449
Тимирязев В. И. — II, 40
Тимофеев А. М. — I, 331, 356, 467
Толмачев В. А. — I, 354
Толстой И. И. — I, 472—474
Томилов П. А. — II, 263
Топорнин Д. А. — I, 388; II, 281
Трепов Д. Ф. — I, 383, 473, 475, 482
Трепов Ф. Ф. — II, 36, 70—72, 234, 335, 426, 436
Тро де — I, 123
Тромбицкий Е. Г. — II, 145
Троцкий В. Н. — I, 325, 346
Турбин Н. М. — I, 406, 490
Тургенев М. А. — I, 419, 434, 436; II, 183, 186
Турчанинов — II, 386
Тутолмин И. Ф. — I, 327; II, 106
Тыртов П. П. — I, 265, 334, 361; II, 183
- Унтербергер П. Ф. — II, 238, 277, 359, 361, 363, 412, 456, 460
Уссаковский В.-Ф. Е. — II, 14, 17
Ухин — II, 144
Ухтомский Э. Э. — I, 245
Ушаков К. А. — I, 507
- Фавр — I, 24
Фан дер Флит К. П. — I, 258; II, 445
Федоров — II, 317
Федоров В. И. — I, 163, 222
Федоров П. П. — II, 90, 194
Фердинанд I Кобургский, князь, затем царь Болгарии — I, 284, 565*; II, 276
Фиандт (Фиант) Г. И. — I, 40
Филатьев Д. В. — I, 163; II, 342, 344, 503
Филипп — I, 421, 570*
Филиппов Т. И. — I, 265, 271
Философов Д. А. — II, 42
Флоренсов В. Я. — I, 186
Фок А. В. — II, 156
Форш И. Э. — I, 85
Франц Иосиф I, император Австро-Венгрии — I, 258; II, 102
- Фредерик VII, король Дании — II, 505
Фредерикс В. Б. — I, 421, 422, 425, 468, 470—473, 482, 488; II, 18, 51, 55, 99, 100, 121, 260, 269
Фрезе А. А. — I, 348, 456, 515; II, 16
Фрейтаг фон Лорингофен Л. О. — I, 532
Фриш Э. В. — I, 271; II, 178
Фролов П. А. — I, 275, 302, 348, 358, 360, 361, 396—398, 403, 407, 417, 418, 420, 422, 456, 466; II, 154, 421, 445
Фуллерон И. А. — II, 109
- Хабалов С. С. — I, 183; II, 445
Хакман — I, 30, 32
Хамм — I, 208
Харинский П. П. — I, 21; II, 327
Харитонов — I, 524, 525
Харкевич — I, 67
Харкевич В. И. — I, 277, 513
Хвостов А. Н. — II, 405, 406
Хвоцинский — II, 188
Хельсингус — I, 30
Хилков М. И. — I, 324
Хлебников К. Д. — I, 254, 300, 321, 490
Холщевников В. И. — II, 142, 183, 221, 306, 315, 316, 336, 346, 347, 351, 358, 371, 374, 378, 389, 391, 392, 403, 404, 411, 419, 420, 422, 426, 476—478
Холщевников И. В. — I, 387, 525; II, 5, 23—32, 123, 129, 137, 139, 140, 161, 164, 165, 167, 168, 180, 183, 186, 221, 259—261, 288, 289, 298, 303, 306, 307, 312, 315, 347, 348, 385, 389, 390, 468, 472, 480, 574*
Холщевникова (Симонич) М. Г. — II, 346
Холщевникова (в первом браке — Дараган) О. А. — II, 306—309, 312, 365, 390, 422, 463, 475, 476
Холщевникова О. И. (Лёля) — I, 229; II, 24—32, 122—124, 126, 128, 129, 136—142, 159, 160, 162, 164—168, 170, 175, 181—184, 213, 221
Хомьяков Н. А. — II, 507

- Хорнбург А. Н. — I, 353
 Хорнбург (Редигер) А. Ф. — I, 19, 26, 27, 32, 34, 47, 53, 167, 179, 240, 249, 287, 329, 336, 404; II, 449
 Хорнбург М. Н. — I, 354
 Хорнбург Н. — I, 53, 286, 353
 Хрестатицкий Р. А. — I, 469, 549
 Христиан IX, король Дании — II, 505*
 Хуберг — I, 25, 26
 Худяков В. Ф. — I, 293, 323
 Хун А. — I, 70
- Цанков Д. — I, 143, 145
 Цейль С. В. — II, 112, 114, 219
 Церпицкий К. В. — I, 275, 469, 470, 523
 Цикельн Д. А. — I, 350
 Циликаус — II, 327
 Цингер Н. Н. — I, 80—82, 84, 135, 379, 414, 415
 Цирг А. П. — I, 171
 Цурмилен — I, 58, 59
 Цытович Э. С. — I, 254, 280, 321
- Чарторийский А. В. — II, 18
 Чарыков Н. В. — II, 156, 255
 Чеботарев П. Г. — II, 310, 311
 Чебыкин А. Н. — I, 322, 437, 486; II, 47, 114, 138, 183, 260, 337, 339, 381, 426
 Чекини И. И. — I, 294, 308, 312, 343
 Чекмарев А. И. — I, 54, 59, 86
 Челноков М. В. — II, 317
 Чемарзин А. Я. — I, 254, 340
 Червинская Н. И. — II, 308
 Череванский В. П. — I, 175, 478
 Черемушкин М. Т. — I, 162, 200
 Чернышев А. И. — I, 275, 342, 355, 496
 Чертков М. И. — I, 326, 392
 Чихачев Н. М. — II, 307, 376
 Чичагов М. М. (епископ Серафим) — I, 173; II, 256
 Чучмарев — II, 467, 468
- Шаповалов П. П. — I, 293, 415, 416
 Шарнгорст К. В. — I, 252
 Шателович — I, 298
- Шатилов Н. П. — II, 213
 Шауфус (Шаффгаузен-Шенберг-Эк-Шауфус) Н. К. — I, 498; II, 57, 182, 187
 Шаховской Д. И. — II, 317, 325
 Шванебах П. X. — I, 472, 482; II, 51, 79
 Шварц А. Н. — I, 498; II, 235, 388
 Шевалье дела Серр И. И. (Шевалье-де-ла-Серр) — I, 275
 Шевелев А. П. — I, 185
 Шелепин Н. И. — I, 350
 Шендзиковский И. А. — I, 197, 508, 509
 Шепелев В. П. — II, 327
 Шервашидзе П. Л. — II, 188
 Шиллинг — I, 415
 Шильдер В. А. — I, 50; II, 119, 120
 Шильдер Н. К. — I, 326
 Шипов Н. Н. — I, 340, 472, 474, 477; II, 42, 48, 106, 107
 Ширинский-Шихматов А. А. — II, 284
 Шкинский Я. Ф. — I, 419
 Шмидт — II, 327
 Шмит Е. О. — I, 437
 Шпицберг Е. В. — II, 94
 Шредер К. — II, 325
 Шренк Л. И. — I, 74
 Штакельберг Ф. А. — I, 492
 Штейнгель Ф. Ф. — I, 555
 Штреккер-паша — I, 101
 Штубендорф фон О. А. — I, 358, 360, 490
 Штормер Б. В. — II, 412, 426, 429, 430, 435, 439, 444, 509*
 Шуберт Ф. Ф. — I, 178
 Шуваев Д. С. — II, 200, 201, 418, 419, 428, 430, 431, 436
 Шувалов П. А. — I, 58, 98, 117, 118; II, 131
 Шульман А. Г. — I, 48, 63, 395
 Шульман Г. А. — I, 49, 63, 395
 Шульман Г. Р. — I, 35, 110, 113, 194, 234, 338; II, 182, 183
 Шульман Е. Г. — I, 18
 Шульман Л. Г. — I, 35; II, 183
 Шульман Линген Г. — I, 70
 Шульман М. А. — I, 323, 354, 395; II, 47, 142, 204, 289, 388

- Шульман Н. Г. — I, 113, 123, 156, 169, 323; II, 260
Шульман Н. Р. — I, 35, 51, 334
Шульман О. А. — I, 49
Шульман Р. Г. — I, 35, 49, 335
Шульман Р. Р. — I, 35, 94, 113, 220, 354
Шульман С. Н. — I, 171, 323, 353, 354, 450, 510, 511; II, 47, 127, 183
Шульман Ф. Г. — I, 63
Шульман (Дюмбт) Э. А. — I, 110
Шульц — I, 45
Шульц К. К. — I, 124, 188, 229
Шульц Карин К. — I, 229
Шульц С. К. — I, 229
- Щеглов — I, 124
Щегловитов И. Г. — I, 227
Щепкин Е. Н. — II, 54
Щербатов А. П. — I, 428
Щербачев Д. Г. — II, 344
Щербов-Нефедович П. И. — I, 190, 200, 222, 232, 251, 252, 254, 257, 261, 348, 439; II, 10, 39, 114, 178
- Эбергардт А. А. — II, 449
Эверт А. Е. — II, 43, 64, 114, 120, 121, 167, 183, 190, 204, 205, 231
Эллис А. В. — I, 289, 300, 490
Энгельгардт А. Н. — II, 375
Энргоф Ф. С. — I, 106, 121
Эрдеи И. Г. — II, 105
Эрнрот К. Г. — I, 140
Эссен Н. О. — II, 317, 325
Этгер С. П. — I, 60, 84, 86—88, 91; II, 364
- Юнаков Н. Л. — I, 428
Юсупова — I, 151
- Якимович А. А. — I, 166, 169, 256, 289, 294—296, 300, 311, 327, 344, 360; II, 487
Якоби — II, 208
Якубов — I, 295
Якубовский И. И. — I, 312; II, 237—239
Яновские — I, 71
Яновский В. И. — I, 300, 490
Яновский М. В. — I, 326, 333, 350, 375; II, 207, 367, 381
Янушкевич Н. Н. — I, 346; II, 23, 163, 358, 369, 370, 452
Янчевецкий — II, 438, 440

ОГЛАВЛЕНИЕ

ГЛАВА ВОСЬМАЯ

5

«Начало 1906 года явилось завершением старого режима». — «Беспорядки в стране продолжались». — Ф. Ф. Палицын. — Возвращение в Петербург А. Н. Куропаткина и Н. П. Линевича. — Дело генерала И. В. Холщевникова. — Закон о пенсиях. — О сокращении сроков службы — А. А. Поливанов. — Открытие Думы. — П. А. Столыпин. — Любимый полк государя. — О Гвардии. — Некомплект офицеров в армии. — Террор против власти. — «Я Столыпина виню в жестокости». — Проблемы финансирования армии.

ГЛАВА ДЕВЯТАЯ

136

1907 год — Ольга Ивановна Холщевникова. — Реформы в армии продолжаютя. — Открытие Второй Государственной Думы и ее роспуск. — Волнения в Военно-медицинской академии. — Кадровые перемещения после русско-японской войны. — Политические отношения с Францией. — «Я узнал о предстоящем покушении на меня». — Маневры в Красном Селе. — Письмо к великому князю. — День свадьбы. — Свадебное путешествие. — Работа Совета государственной обороны. — Положение о генерал-инспекторах. — Дело Стесселя.

ГЛАВА ДЕСЯТАЯ

197

1908 год. — Военный бюджет на 1909 год. — И. И. Воронцов-Дашков. — Предложение американцев. — Новые слухи о покушении. — Обострение отношений с Турцией. — Утверждение Думой кредитов для армии. — Приезд в Петербург князя Николая Черногорского. — Собрание командующих войсками европейских округов. — Представление молодой жены императрице. — Обсуждение в Думе и Госсовете вопросов о постройке Амурской железной дороги. — Гучков против великих князей. — Отстранение от должности председателя Совета гособороны. — Новый начальник Генерального штаба В. А. Сухомлинов. — Назначение профессора А. Э. Мыш-

лаевского начальником Главного штаба. — Упорядочение организации армии после войны.

ГЛАВА ОДИННАДЦАТАЯ 244

Новый порядок ведения войскового хозяйства. — Нарекания на Интендантство. — Новое положение о высшем управлении артиллерией. — Изменения в форме одежды чинов Военного министерства. — Княжество Болгарское — независимое королевство. — Кандидаты на должность протопресвитера военного и морского духовенства. — «Домашняя жизнь текла счастливо и тихо». — На празднике л.-гв. Семеновского полка. — Моя «арифметика».

ГЛАВА ДВЕНАДЦАТАЯ 267

Последний год управления Военным министерством. — Инцидент в Думе, «явившийся причиной моего увольнения». — Рескрипт Николая II. — «Мой преемник — В. А. Сухомлинов». — Прощание с подчиненными. — «Мой личный взгляд на мою деятельность». — Начало «Воспоминаний».

ГЛАВА ТРИНАДЦАТАЯ 297

Переезд в новую квартиру. — Конфликт с В. Н. Коковцовым. — «В денежном отношении для меня наступило довольно трудное время...» — Работа в Государственном Совете. — В. А. Сухомлинов и М. И. Андроников. — В комиссии Морского министерства.

ГЛАВА ЧЕТЫРНАДЦАТАЯ 334

Разногласия Столыпина и Думы. — В Ессентуках. — Смерть первой жены. — «Составление настоящих записок приостановилось». — Диспут в Академии Генерального штаба. — Отставка Поливанова. — Семейные хлопоты. — Трехсотлетие Дома Романовых.

ГЛАВА ПЯТНАДЦАТАЯ 358

«Подготовка к войне у нас производилась не спеша». — План усиления армии. — Увольнение Коковцова. — Сбор «старых семеновцев». — Н. А. Янушкевич. — «Нас война коснулась близко лишь в лице Володи...» — Назначение верховного главнокомандующего. — Рассказы князя Андроникова. — «В конце 1914 года я принял православие».

ГЛАВА ШЕСТНАДЦАТАЯ 394

Дело Сухомлинова. — Николай II во главе армии. — Особые совещания. — «В Петрограде жизнь изменилась...» — Новый военный министр. — Встреча Нового года. — Император в Государст-

венном Совете. — «Жизнь в городе становилась заметно дороже и труднее». — Письмо Куропаткина. — Дело Д. Д. Кузьмина-Короваева.

ГЛАВА СЕМНАДЦАТАЯ 426

В Черевках. — Уход Штюмерера. — Д. С. Шуваев. — Смерть сестры. — Убийство Распутина. — М. А. Беляев. — «В городе начались волнения и беспорядки». — «Россия перестала быть империей».

ГЛАВА ВОСЕМНАДЦАТАЯ 446

Увольнение членов Государственного Совета. — Октябрьский переворот в Петрограде. — Начало скитаний.

ПРИЛОЖЕНИЯ. ПРИМЕЧАНИЯ. УКАЗАТЕЛЬ ИМЕН. 481

Приложение № 1.

ВЫПИСКА ИЗ ФОРМУЛЯРНОГО СПИСКА О СЛУЖБЕ... 483

Приложение № 2.

СПИСОК РАБОТ А. Ф. РЕДИГЕРА 500

ПРИМЕЧАНИЯ 502

ПРИМЕЧАНИЯ 508

Александр Редигер

ИСТОРИЯ МОЕЙ ЖИЗНИ ВОСПОМИНАНИЯ ВОЕННОГО МИНИСТРА Том 2

Scan - anatoli
Red - waleriy

Редакторы Г. Н. Кондрашев, Г. Э. Кучков
Компьютерная верстка Н. Д. Саркитов
Корректор В. Е. Климанов

Издательство «КАНОН-пресс-Ц»,
111402, Москва, Вешняковская ул., 6-3-92;
издательство «Кучково поле»,
113534, Москва, ул. Янгеля, 14-6-274.

*Издательская лицензия
ЛР № 062947*

Подписано в печать 03.08 1998 Формат 84 X 108¹/₃₂ Печать
офсетная Гарнитура Академическая. Бумага офсетная
Усл. печ. л. 27.72 Тираж 3500 экз. Заказ № 296

Отпечатано с оригинал-макета в ППП «Типография «Наука»
121099, Москва, Шубинский пер., 6

